

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

ГОУ ВПО ТЮМЕНСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРИОРИТЕТНЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ОБРАЗОВАНИЕ»
ИННОВАЦИОННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА ТюмГУ

ЦЕНТР ТРАНСЛЯЦИИ И ЭКСПОРТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ

А. И. Романчук

ИССЛЕДОВАНИЯ
ХЕРСОНЕСА–ХЕРСОНА.
Раскопки. Гипотезы. Проблемы

Том 1. АНТИЧНЫЙ ПОЛИС

Монография

Выполнено в рамках Инновационной
образовательной программы ТюмГУ

Издательство
Тюменского государственного университета
2008

ООО «Компания Мир», 2008

УДК 902(477.75)
ББК Т443.2
Р697

А. И. Романчук. ИССЛЕДОВАНИЯ ХЕРСОНЕСА—ХЕРСОНА. Раскопки. Гипотезы. Проблемы: Монография: В 2 т. Т. 1: Античный полис. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2008. 720 с., 88 ил.

В очерковой форме представлены дискуссионные проблемы истории Херсонесского полиса. Основное внимание уделено процессу рождения гипотез относительно отдельных событий двухтысячелетнего существования античного центра, для этого широко используются не только научные штудии историков XIX—XXI столетий, но и архивные документы.

Книга является фундаментальным руководством для дистанционной послевузовской подготовки, а также предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой, аспирантов и студентов исторических и культурологических факультетов вузов.

В подготовке тома принимали участие Г. М. Николаенко, В. А. Филиппов, А. В. Шевченко, Н. П. Андрущенко.

При оформлении использованы фотографии В. А. Филиппова и архива Национального заповедника «Херсонес Таврический».

Подготовлено в рамках проекта «Формирование инновационного научно-образовательного комплекса Тюменского государственного университета для обеспечения эффективности природопользования в условиях интенсивного освоения ресурсов Западной Сибири».

Научный редактор: **А. Г. Еманов**, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой археологии, истории Древнего мира и Средних веков Института истории и политических наук ТюмГУ

Рецензент: **В. М. Зубарь**, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Национальной академии Украины

ISBN 978-5-400-00051-5

© ГОУ ВПО Тюменский государственный университет, 2008
© А. И. Романчук, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
Введение. ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ХЕРСОНЕСА	14
Первые меры по сохранению памятников	17
1827 г. — раскопки К. (Н.) Крузе	23
Периодизация археологического исследования городища	26
Первый период раскопок: 1827—1876 гг.	29
Раскопки Одесского общества истории и древностей	32
Меры по охране памятников в XVIII—XIX вв.	45
Обращение графини П. С. Уваровой к императору Александру III	53
Начало систематических раскопок в Херсонесе	63
Некоторые археологические открытия второй половины XIX в.	66
Третий период раскопок: 1888—1927 гг.	68
Из биографии К. К. Косцюшки-Валюжинича	69
Наиболее значимые открытия К. К. Косцюшки-Валюжинича (1888—1907)	72
Хронологическое отступление	74
Возвращение к XIX в.	76
Археологический памятник, юбилей которого был отмечен в 1999 г.: склепы около куртины 16 оборонительной стены	84
Раскопки северо-восточных кварталов, 1908—1914 гг.	90
Деятельность Л. А. Моисеева и первые годы музея при советской власти	92
Раскопки Херсонеса с 30-х гг. и до середины 50-х гг.	105
Изучение Херсонеса с середины 50-х гг. до начала XXI в.	112
Очерк 1. СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ЭЛЛИНЫ	124
Особенности рельефа Крымского полуострова	125
Природные богатства	125
Археологические материалы и древние авторы о ранних обитателях Таврики: киммерийцы	128
Античная традиция о расселении и происхождении скифов	130
Тавры	133
Эллинская традиция основания нового поселения	139

Причины и характер Великой греческой колонизации: краткая историографическая справка.....	143
Основные направления колонизационного движения	147
Поиски древнего Херсонеса, или «Старый» и «Новый» Херсонес	148
Ошибался ли Страбон?	153
Кто и когда основал Херсонес?	156
Историографическая традиция о возникновении Херсонеса	157
VI в. до н. э., или Последняя четверть V в. до н. э.?	159
Логика доказательств сторонников возникновения Херсонеса в VI в. до н. э., или Писистрат Афинский и тиран Наксоса.....	162
Развитие гипотезы о возникновении Херсонеса в VI в. до н. э.	162

Очерк 2. ХЕРСОНЕССКИЙ ПОЛИС И ЕГО СОСЕДИ В ЭПОХУ

ЭЛЛИНИЗМА	176
Периодизация истории античного Херсонеса.....	177
Первоначальные владения херсонеситов	184
Значение трудов В. В. Латышева и эпиграфических памятников	191
Территория города	197
Облик города классического и эллинистического времени	203
Был ли Херсонес греко-тавским городом?	219
«Варварская проблематика» в трудах историков 40–60-х гг. XX в.	221
Кому «принадлежал» некрополь, открытый в 1936 г.?	228
Соседи Херсонеса — элины	233
Керкинитида и ее округа	235
Крупнейший полис западной части Северного Причерноморья — Ольвия (краткая событийная справка)	244
Боспорское царство (краткая хроника для справки)	246
Тезис о Херсонесе как «территориальном полисе»	248
Представления историков об экономическом статусе Херсонеса	251
Соседи Херсонеса скифы, или В преддверии кризиса	263
Начало кризиса и договор 179 г. до н. э.: Фарнак—Рим—Херсонес	272
Экспедиция Диофанта в Северное Причерноморье (извлечения из источников).....	275
Дискуссия о восстании Савмака на Боспоре	277

Очерк 3. РИМСКИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ ХЕРСОНЕСА.....	282
Писавшие о Херсонесе рубежа тысячелетий	283
Северное Причерноморье и Римская республика накануне римской оккупации: краткая хроника событий.....	285
Периодизация истории Херсонеса римского времени	289
Экономические сюжеты	291
Дискуссия о первой «элевтерии»; введение нового летоисчисления	299
Поход Плавтия Сильвана и начало римской оккупации	307
Некоторые аспекты внешней политики принципата Антонинов ...	312
Содержание дефиниции «лимес»	313
Вопрос о Таврическом лимесе	315
Вторая элевтерия	318
Значение раскопок конца XX в. в Балаклаве	321
Возвращение к сюжетам экономики, или О времени функционирования рыбозасолочных цистерн	325
Как не следует «читать» отчеты.....	328
Несколько общих замечаний о Херсонесе римского времени...	333
 Очерк 4. НАРОД И ЕГО ЗЕМЛИ, ИЛИ ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ХОРЫ ХЕРСОНЕСА.....	342
Значение исследований округа Херсонеса.....	344
Начальные свидетельства об округе Херсонеса	349
«Параллельные стенки» сочинения З. А. Аркаса	354
Первые выводы об особенностях развития земледелия херсонеситов: диссертация В. П. Лисина	361
Равнина Присяги и деятельность Агасикла	364
Раскопки на Гераклеяском полуострове во второй половине XX в.; «Клеры Херсонеса Таврического» С. Ф. Стржелецкого.....	367
Последняя четверть XX — начало XXI столетия	374
Существовало ли в Херсонесе классическое рабство?	386
Несколько слов о хоре римского времени	404
Об этнической принадлежности обитателей хоры	407
Post scriptum.....	409
 Очерк 5. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В ПОЛИСАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ: ХЕРСОНЕС.....	416
Палеогеография хоры Херсонеса	417
Полезные ископаемые и природные богатства.....	429

Общие сведения о сельском хозяйстве античности	430
Традиции и новации эллинов Северного Причерноморья	433
Принципы межевания хоры	435
Сельскохозяйственные занятия херсонеситов	438
Виды усадеб и их датировка	440
Винодавильни и прессы	447
Система защиты хоры	450
Организация хоры	452
Категории земель	460
Археологическая ситуация начала кризиса	465
Хора Херсонеса в римский период	466
Приложение	476
 Очерк 6. ГРАЖДАНЕ И ИХ БОГИ.....	480
Отношение к вере у эллинов	482
Краткая справка об источниках	487
Богиня Дева в Херсонесе: эпиклеза Артемиды, или Иное божество?	495
Государственный пантеон херсонеситов; почитание божеств различными сообществами	504
Боги и богини первой строки Присяги	505
Гелиос — третье божество Присяги.....	509
Аполлон, сын Зевса и Латоны	510
Олимпийцы, не упомянутые в Присяге.....	513
Олимпийцы, о храмах которых нет свидетельств	518
Олимпийцы — Крониды.....	520
Неолимпийцы, входившие в полисный пантеон	524
Герои	534
Римский период: инновации и традиции	540
Некоторые историографические итоги	545
 Очерк 7. НАРОД И ВЛАСТЬ	549
Некоторые источники для восстановления структуры государственности	551
Декреты Народного собрания	555
Литургии и налоги	559
Вопрос о численности гражданского коллектива	561
Порядок работы Народного собрания по Аристотелю.....	569
«Совет и народ постановили...»	570
Суд	575
Вопрос о степени демократичности управления в Херсонесе ...	575

О кризисе классического греческого полиса и стасисе в Херсонесе	577
Причины появления Присяги	583
Исполнительные магистратуры: номофилаки и симмнамоны, казначей священных сумм.....	586
Воспитание эфебов, гимнасиархи и стратеги.....	588
Астиномы и агораномы	592
Дамиург: магистрат или почетный титул?	592
Коллегия архонтов	594
Базилей-эпонимы и «базилисса Дева»	596
Социум на рубеже тысячелетий и в первые века н. э.	600
Этносоциальная картина жителей города Херсонеса	602
Вопрос о варварах в составе жителей Херсонеса	605
Стратификация херсонесской общины и обитателей города	611
Сотерих — раб, служитель храма или жрец?	616
Несколько общих замечаний о причинах конфликтов	616
Эволюция исполнительной власти в первые века н. э.	618
Рим и Херсонес: к вопросу о статусе и инкорпорации	626
 Очерк 8. КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ХЕРСОНЕСА	638
Изученность и периодизация искусства Херсонеса.....	639
Ордерная архитектура; сакральные центры города.....	642
Новации римского периода	650
Импортные скульптурные памятники	653
Изделия скульпторов-коропластов	655
Надгробные памятники как произведения искусства	660
Надгробные памятники римского времени	666
Уникальная работа мозаичиста эллинистической эпохи	669
Художественная керамика.....	671
Херсонесские ювелиры	673
Мастерство монетариев, мастеров по кости	674
Общие наблюдения	674
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	677
 ПРИЛОЖЕНИЯ	682
Персоналии историков	682
Персоналии исторических личностей	707
Список сокращений	712
Список иллюстраций	716

ПРЕДИСЛОВИЕ

Херсонес, расположенный в юго-западной оконечности Крымского полуострова, в древности носившего название Таврика, на окраине современного г. Севастополя, не относится к числу таких всемирно известных памятников, как Афины или Коринф, Дельфы или Милет, да и многих других центров античной цивилизации. Значимость его состоит в другом — в тех перипетиях событий, участниками которых пришлось стать сначала гражданам Херсонесского полиса, а затем средневекового Херсона, издавна известного русским хронистам под именем Корсуня. Объясняется это тем, что, согласно первому историческому сочинению, появившемуся в Восточной Европе — летописным сказаниям Нестора «Повести временных лет», здесь по завершению успешного Корсунского похода принял христианство князь Владимир. Для византиноведческих штудий значение памятников Херсона состоит в их лучшей изученности в сравнении с другими городами, имеющими территориальный континуитет вплоть до наших дней. Его дома, покинутые последними жителями в конце XIV в., постепенно разрушаясь, сохранили все то, что способствует восстановлению деталей обычной жизни. Только в XIX в. на месте, где еще были видны различные строения, в том числе и внушительные остатки крепостной ограды, вновь закипела жизнь: началось создание и обустройство Херсонесского монастыря, а затем, в конце столетия, и возведение собора в память крещения Руси.

Северные берега Черного моря богаты памятниками. И стремление познать, что скрывается за древними руинами, попытки связать их с названиями городов, известных по письменным источникам, относятся к тому времени, когда регион стал доступным для посещения историков и путешественников. В конце XVIII в. появляются первые работы, в которых упоминались памятники Северного Причерноморья; остатки видимых на поверхности сооружений наносятся на карты Таврики. В систематизированных трудах по истории Государства Российского появляются (пока еще) на основании толкования сочинений древних

авторов отдельные сюжеты, касающиеся существовавших в регионе центров античной цивилизации.

Начавшиеся в XIX в. раскопки, сначала бессистемные, кладоискательские, со временем все в большей и большей степени приобретающие планомерный характер, привели к открытию удивительных памятников. Началось их сопоставление со свидетельствами античных географов и историков, восстановление и интерпретация содержания надписей, развернулись дискуссии по отдельным вопросам исторического развития Ольвии, Херсонеса, Боспорского царства.

История Херсонеса, в византийское время Херсона, освещена в многочисленных монографических работах и отдельных статьях, появившихся в том числе и на рубеже XIX и XX столетий, в начале XXI в. Обзорные разделы по истории и культуре данного античного полиса, затем провинциального византийского города включены в учебные пособия для студентов и учащихся Украины¹. Они отражают длительный совместный вклад историков Российской империи, Советского Союза, после 1991 г. Российской Федерации и Украины в исследование особенностей развития античной цивилизации на берегах Черного моря, русско-византийских отношений, взаимодействия двух миров: варварского и греко-римско-византийского на протяжении более чем двух тысяч лет. Безусловно, интерес к памятникам Северного Причерноморья проявляют и западноевропейские историки, участвующие в дискуссиях по отдельным сюжетам истории Херсонеса—Херсона.

Это предопределило особенность настоящей работы, в которой содержится попытка показать процесс рождения гипотез и дать представление о начальных выводах по наиболее значимым проблемам истории Херсонесского полиса, в меньшей — касаться конкретных событий. Именно этим объясняется название предлагаемого издания, состоящего из двух томов: «Античный полис» и «Византийский город».

---

¹ Например, см.: Могаричев Ю. И., Мыц В. Л., Никифоров А. П., Храпунов И. Н. Древний и средневековый Крым. Симферополь, 2000; Зубарь В., Линева Е., Сон Н. Античный мир Северного Причерноморья (Античний світ Північного Причорномор'я: Нариси історичного та соціально-економічного розвитку). Київ, 1999.

В оправдание подобного подхода можно привести слова И. Андронникова, процитированные одним из крупнейших эпиграфистов XX в. Э. И. Соломоник, которая приоткрыла восстановлением текстов из «эпиграфического архива Херсонеса» многие страницы истории города: «Загадки, гипотезы, поиски доказательств, неожиданные препятствия, пафос открытия — все это может составить увлекательный сюжет»¹. И добавить к этому для обоснования «избирательности» проблем принадлежащее ей же замечание: «Историография — история исторической науки в целом, а также совокупность исследований, посвященных определенной теме или исторической эпохе»². Следование последним двум принципам отразилось в построении данной работы, но это вызвало и необходимость в отдельных случаях упоминания основных событий, восстановленных на основании анализа источников многими поколениями историков, посвятивших свои труды Северо-Причерноморскому региону.

Предлагаемое издание не претендует на последовательное изложение всех событий, как и мнений историков по всем проблемам истории Херсонеса—Херсона. В любом сочинении присутствует субъективный фактор. Он начинается с избрания темы, расстановки акцентов и выделения наиболее значимых вопросов. При создании настоящих очерков не преследовалась цель — дать полное освещение истории города, пережившего две тысячи лет, еще и потому, что делать это сегодня, без нового пополнения источниковой базы нет возможности, да и необходимости. Уже в XXI столетии появились многостраничные штудии, для которых характерно стремление упомянуть все памятники Херсонеса—Херсона, многочисленные находки из раскопок более чем полуторавекового археологического исследования города. Избрав историко-историографический аспект обращения к судьбе одного из северо-причерноморских центров, рассматривая отдельные проблемы, которые из-за состояния источников остались дискуссионными, авторы стремились создать «некий путеводитель» для молодых исследователей, которые пойдут по стопам поколения историков XX в. Это предопределило в отдельных случаях обращение к хорошо известным фактам из

---

¹ Соломоник Э. И. Древние надписи Крыма. Киев, 1988. С. 5.

² Там же.

истории античной цивилизации с тем, чтобы показать отличительные черты Херсонесского полиса и то, что было в целом характерно для государств античности. «Адресат» издания обусловил также введение в текст извлечений из источников.

Предлагаемые очерки, безусловно, не лишены субъективного подхода. Некоторые дискуссии и выводы относительно особенностей исторического развития Херсонеса—Херсона остались неосвещенными, но чтобы охватить все, необходимо было бы остановить внимание на датировке и интерпретации каждой надписи, анализе мнений относительно многих находок, введенных в научный оборот. Необходимость в таком подходе отпадает именно потому, что, как уже было отмечено, в нашем столетии опубликован ряд фундированных коллективных и авторских монографий в рамках проекта, разрабатываемого Институтом археологии Академии наук Украины, руководство которым осуществляется одним из ведущих специалистов по истории античного Херсонеса В. М. Зубарем. В рамках проекта опубликованы монографии, отражающие начальные страницы истории Херсонеса, классический, эллинистический и римский периоды. Авторы их привели подробный анализ эпиграфических памятников и свидетельств античных историков, предложив «новое прочтение» некоторых из них, рассмотрели многочисленные археологические находки, отчасти в кратких историографических сюжетах показали развитие идей историков XX в.¹

Одной из целей настоящего издания является показ рождения гипотез, путей поиска доказательств для их подтверждения или же изменение точек зрения по тем или иным вопросам истории Херсонесского полиса, а затем и одного из городов Византийской империи.

Историки античности, завершая свой труд, иногда говорили: «Я сделал, что мог, пусть другие сделают лучше».

---

¹ Владимиров А. А., Журавлев Д. В., Зубарь В. М., Крыжыцкий С. Д., Русяева А. С., Русяева М. В., Сорочан С. Б., Скржинская М. В., Храпунов Н. И. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э.—VI в. н. э.: Очерки истории и культуры. Харьков, 2004; Зубарь В. М., Буйских А. В., Кравченко Э. А., Марченко Л. В., Русяева А. С. Херсонес Таврический в третьей четверти VI—середине I вв. до н. э.: Очерки истории и культуры. Киев, 2005; Сорочан С. Б. Византийский Херсон: Очерки истории и культуры, вторая половина VI—первая половина X в. Харьков, 2005.

В заключение хотелось бы сказать много добрых слов всем сотрудникам Национального заповедника «Херсонес Таврический», но особенно беззаветным хранителям архивных документов и заведующей архива Н. В. Красовской, работникам фондов заповедника, которые, несмотря на переживаемые в настоящее время сложности реконструкции фондовых зданий и переход хранения находок на новый уровень, нашли время и возможность предоставить для работы необходимые коллекции. Низкий поклон им, хранителям бесценных источников, труд которых не всегда оказывается оцененным по достоинству.

Безусловно, большую помощь оказали сотрудники библиотеки Херсонесского заповедника, особенно великолепно знающая «объекты» интереса ее посетителей Л. О. Гриненко.

Постоянно при обращении к тому или иному историографическому сюжету в памяти вставали беседы с И. А. Антоновой, которая, посвятив много лет изучению Херсонеса, лучше всех, кто писал об истории города, знала его древности. Сожалительно только то, что ее мысли, идеи, высказываемые в устных беседах, остались в значительной мере не отраженными в ее собственных работах.

Основы многолетней научной дружбы между исследователями Урала были заложены в годы Великой Отечественной войны, когда архив Херсонесского заповедника находился в г. Свердловске. Но, несмотря на давность этого события, творческие связи сохранены и продолжены нынешним руководством ставшего международным научным центром Национального заповедника «Херсонес Таврический», и потому слова благодарности хотелось бы произнести нынешнему его директору Л. В. Марченко.

То, что воплотилось в настоящих очерках на бумаге, было бы невозможно без творческого содружества с коллегами, особенно с историками, которые посвятили свои изыскания более ранним периодам истории Херсонеса, страницам его жизни в античное время. За присущую коллегиальность и желание оказать поддержку в усовершенствовании данного опуса особые слова признательности В. М. Зубарю, который не только внимательно прочитал текст и выразил согласие стать рецензентом, но и по мере необходимости предоставлял для предварительного ознакомления еще не вышедшие в свет работы по истории античного периода. И наконец, последнее, но не по значимости произнесенных

слов, а только лишь по их расположению — это слова признательности моим учителям М. Я. Сюзюмову, Е. Г. Сурову, В. Н. Даниленко, М. А. Поляковской, которые сделали все возможное для сохранения созданной в 1958 г. Крымской археологической экспедиции Уральского университета, плодотворно работавшей над изучением памятников Херсонеса до 2002 г. В значительной мере этому способствовали энтузиазм и интерес к истории данного античного и средневекового центра студентов исторического факультета Уральского университета, ежегодно посвящавших месяцы летнего отдыха раскопкам. Однако перечислить имена всех их нет возможности. И если кому-то из них попадет в руки эта книга, пусть они вспомнят о тех днях, когда испытывали радость открытий, гордость за свою сопричастность к восстановлению некоторых страниц херсонесской истории.

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ХЕРСОНЕСА

Исследователь, ограничивающийся при реконструкции жизни Древнего мира чтением древних авторов, делает лишь часть необходимой работы и делает ее спустя рукава. Невозможно понять нашу собственную европейскую и американскую цивилизацию и создаваемый ею тип человека, если не знать, кем и как создавалась эта цивилизация, каковы ее корни и что отличает ее от прочих цивилизаций: ведь не следует забывать, что она — лишь одна из многих форм цивилизованной жизни. Всякому, изучавшему историю, ясно, что все важнейшие составные части нашей цивилизации, включая христианскую религию, были созданы нашими предками, людьми и народами, которых мы изучаем, исследуя древнюю историю: историю Востока, греками и римлянами.

М. И. Ростовцев

Первые меры по сохранению памятников. 1827 г. — раскопки К. (Н.) Крузе. Периодизация археологических исследований. Первый период: 1827—1876 гг. Раскопки Одесского общества истории и древностей. Меры по охране памятников в XVIII—XIX вв. Обращение графини П. С. Уваровой к императору Александру III. Начало систематических раскопок. Некоторые археологические открытия второй половины XIX в. Третий период: 1888—1927 гг. Наиболее значительные археологические открытия К. К. Косцюшки-Валюжинича. Хронологическое отступление. Возвращение к XIX в. Археологический памятник, юбилей которого был отмечен в 1999 г.: склепы около 16-й куртины оборонительной стены. Раскопки северо-восточных кварталов, 1908—1914 гг. Деятельность Л. А. Моисеева и первые годы музея при советской власти. Раскопки с 30-х гг. до середины 50-х гг. XX в. Исследования городища с середины 50-х гг. до начала XXI в.

Херсонес, расположенный на сравнительно ровном плато между двумя бухтами, древние названия которых не известны, не относится к числу таких всемирно известных центров, как Афины, Коринф, Олимпия или Дельфы. Но он был основан в регионе, для которого характерно сосуществование античной цивилизации и различных этносов, в зоне контактов греко-римско-византийской культуры и варваров. Такое соседство не могло не оказать влияния на экономический и политический статус Херсонеса—Херсона. В свою очередь, город транслировал достижения цивилизации на народы, сменявшие друг друга на землях к северу от него. В античное время Херсонес имел торговые и политические связи с другими центрами эллинской культуры, расположенные на Балканском полуострове, островах Эгеиды, Малоазийском побережье. С течением времени первоначально небольшое поселение превратилось в государство — полис, обладавший значительной территорией, включавшей Гераклеяский полуостров и владения в Северо-Западном Крыму. В византийский период Херсон стал местом, где отбывали ссылку свергнутые с престола императоры и будущие правители Византии, находились опальные деятели церкви; сюда из-за моря прибывали дипломатические миссии, отправлявшиеся к варварам; его посетили, согласно сведениям агиографии, просветители славян Солунские братья Кирилл и Мефодий.

Первое поселение эллинов на месте будущего Херсонесского полиса возникает в VI в. до н. э., а город существовал до конца XIV в. Непрерывный территориальный континуитет в течение фактически двадцати веков позволяет проследить черты, которые он воспринял от более раннего времени, а также выявить изменения, происходившие в обществе, государственности и культуре.

Особенностью, чрезвычайно значимой при изучении городища, является то, что здесь ранее, чем в других городах исторической Византии, существовавших в античное и средневековое время (также имевших территориальный континуитет), начались систематические раскопки. В начальный период археологического исследования Херсонеса не произошло того, что имело место в ходе раскопок Афин, Коринфа или какого-либо другого античного и средневекового центра, где, как писал один из греческих архитекторов и археологов Хр. Бурас: «Более представительные памятники античности, в сравнении со средневековыми,

заслонили взоры исследователей, поэтому во время раскопок оказались разрушенными средневековые уровни»¹. Возможно, в Херсонесе и не были возведены, по крайней мере, не сохранились до наших дней, столь величественные сооружения античности, как во многих других центрах Средиземноморского региона. Но, как и на их территории, здесь имелись храмы, посвященные различным олимпийским богам, позднее христианские базилики. Его жители ставили в театре те же драмы, что и граждане других государств Эллады.

Значение Херсонеса для российской истории научной общественностью осознано очень рано. Это отражает стремление В. Н. Татищева (1686—1750) определить, где был расположен город, упоминаемый в летописных сказаниях как место крещения князя Владимира². Путешественники, посещавшие Крым после образования Новороссийской губернии, оставили описание руин Херсонеса³. Раскопки, предпринятые на его территории в 1827 г., привели к обнаружению христианских храмов, один из которых был объявлен местом крещения киевского князя Владимира. Но после 1827 г. в течение ряда лет раскопки не носили планомерного характера⁴, несмотря на инструкции Одесского

---

¹ Bouras Ch. City and Village: Urban Design and Architecture // JOB. 1981. Т. 31/2. Р. 612.

² См.: Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 206, прим. 194.

³ Демидов А. Н. Путешествие в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 г. М., 1853; Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 г. СПб., 1823 (Мурзакевич Н. [Рецензия] // ЗООИД. 1848—1850. Т. 2. С. 705—709); и др.

⁴ См.: [Карейша Д. В.] Об археологических раскопках близ древних Пантикапея, Фанагории и Херсонеса (1845—1846): Извлечения из отчета Д. В. Карейши // ЖМВД. 1846. Т. 16. № 11. С. 248—310; Карейша Д. В. Археологические исследования вокруг Керчи, Севастополя и на Таманском полуострове (1846—1847) // ЖМВД. 1848. Т. 21. № 3. С. 425—450; Уваров А. С. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. СПб., 1851—1856. Вып. 1—2; Он же. Несколько слов об археологических разысканиях близ Симферополя и Севастополя // Пропилеи. 1854. Т. 4. С. 525—537; Он же. Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 г. СПб., 1855;

общества истории и древностей, не существовало должного контроля из-за отсутствия лица, которое могло бы постоянно наблюдать за ходом раскопок¹, чтобы предотвратить расхищение находок. Некоторые западноевропейские и российские путешественники писали, что руины разрушаются, являясь источником варварской добычи камня для зданий строящегося Севастополя. Так ли это было, полностью ли справедливы обвинения русских в варварстве, что предпринималось, чтобы защитить руины Херсонеса, позволяет проследить история раскопок.

Первые меры по сохранению памятников

В те годы, когда уже началось систематическое изучение Херсонеса, военный инженер, участвовавший в возведении военных и гражданских объектов в г. Севастополе, знаток истории Таврики А. Л. Бертье-Делагард написал полемическую статью, в которой попытался показать, что характер разрушений памятников на городище во время строительства нового города сильно преувеличен. Прежде чем мы обратимся к примерам, которые свидетельствуют о мерах по сохранению руин древнего города, хотелось бы привести цитату из его работы. Она отчасти объясняет причины обвинений в варварском отношении к памятникам древнего города.

«Все они, — писал А. Л. Бертье-Делагард, подразумевая западно-европейских историков, — начитавшись древних авторов и археологи-

---

Он же. Реферат о состоянии раскопок Херсонеса // ТМАО. 1888. Т. 12. Вып. 2. С. 131—133; Он же. Всеподданнейший доклад об археологических находках в 1853 г. // Сборник мелких трудов А. С. Уварова. М., 1910. Т. 3: Материалы для биографии и статьи по теоретическим вопросам. С. 110—114.

¹ В брошюре, изданной к юбилею столетних раскопок в Херсонесе, отмечены основные этапы изучения городища и приведена краткая характеристика каждого из них (см.: Гриневич К. Э. Сто лет херсонесских раскопок (1827—1927): Исторический очерк с экскурсионным планом. Севастополь, 1927). Настоящий очерк дополнен свидетельствами архивных документов, позволяющими представить условия, в которых работали первые исследователи, отразить борьбу между Императорской археологической комиссией и Московским археологическим обществом, возглавляемым П. С. Уваровой, за право контроля над археологическим изучением херсонесских древностей.

ческих описаний раскопок в центрах античной жизни, думали и в Херсонесе увидеть живописные развалины грозной крепости, колоннады храмов, изящные мраморы. ...В действительности, однако, оказывались лишь жалкие, бесформенные кучи камня. Понятно разочарование исследователей, понятно даже их негодование, которое они обрушили на ближайшую, по их мнению, очевидную причину конечного разрушения Херсона — Русского матроса»¹.

И все же А. Л. Бертье-Делагард был не совсем прав. Херсонес после того, как его покинули последние жители, разрушало не только время, но и люди, среди которых были и те, кто поселился на берегах Таврики после ее включения в состав Российской империи. Однако разрушение руин Херсонеса относится и к более ранним временам.

В 1579 г. Мартин Броневский, посол польского короля Стефана Батория к татарам, после посещения Крыма отметил: «Достойные удивления развалины явно свидетельствуют, что здесь некогда был величественный, богатый, славный и многолюдный город, с отличной пристанью. У самого берега, пристани, а также во всю ширину перешейка от одного берега моря до другого еще и теперь возвышается высокая стена, многочисленные и большие башни из огромных камней. У самых стен города видны водопроводы, которые ведут воду за четыре мили от города. В них и теперь еще есть чистая вода.

...Сохранившиеся стены и башни обнаруживают удивительное искусство. Царский дворец с огромными стенами, башнями и великолепными воротами виден в той же части перешейка. Но прекрасные колонны из мрамора и серпентина, места которых и теперь еще видны изнутри, и огромные камни были взяты турками и перевезены за море для их собственных домов и общественных зданий. Оттого город пришел в еще большее разрушение: не видно даже и следов ни храмов, ни зданий. Дома лежат во прахе и сравнены с землею. Большой греческий монастырь остался в городе. Стены его храма еще стоят, но без кровли, а все украшения этого здания разрушены и разграблены»².

---

¹ Бертье-Делагард А. Л. Древности Южной России: Раскопки Херсонеса // МАР. Т. 12. С. 1.

² Броневский М. Описание Татарии // ЗООИД. 1867. Вып. 6. С. 341—342.

После окончания Русско-турецкой войны (1768—1774) в одной из болгарских деревень был подписан мирный договор, вошедший в историю под ее именем — Кючук-Кайнарджийский мир. Благодаря мужеству российских солдат и успехам дипломатии, статьи договора решали ряд важнейших задач. Россия вышла на побережье Черного моря, которое стало открытым для российских кораблей; Крымское ханство было объявлено независимым от Османской империи, а в 1783 г. его территория включена в состав России. За год до этого в 1782 г. в Ахтиярскую бухту (совр.: Северная) вошли два русских фрегата, 2 мая 1783 г. — эскадра. С этого времени побережье, где располагался древний город, стало объектом интереса западноевропейских и российских путешественников и историков.

Строительство Севастополя нарушило спокойную жизнь небольшой татарской деревеньки Ахтияр, расположенной неподалеку от руин Херсонеса.

Создание военного порта требовало строительных материалов. И, как это уже случалось в более ранние времена, камень из зданий Херсонеса использовался для новых сооружений. Академик П. Паллас (1741—1811), посетивший Крым в конце XVIII в., писал: «При занятии Крыма существовали еще большая часть стен, построенных из прекрасных тесаных камней, прекрасные городские ворота и значительная часть крепких башен, из которых одна стояла над самой бухтой и еще при моем посещении в 1794 г. находилась в порядочном состоянии. Но постройка Ахтияра (имеется в виду Севастополь. — *А. Р.*) стала причиной уничтожения этого древнего города»¹. Писатель П. Сумароков (1760—1846), побывавший здесь спустя пять лет, риторически спрашивал: «Сколько же вывезено из него колонн, карнизов, мрамора, когда появившийся Ахтияр пришел к нему в соседство. В нем всякое построение до последнего камня сооружено из материалов херсонесских»².

Справедливости ради, следует заметить, что в конце XVIII — первой половине XIX в. такое положение существовало не только в Херсонесе.

---

¹ Паллас П. Путешествие по Крыму в 1793 и 1794 гг. // ЗООИД. 1881. Т. 12. С. 93.

² Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. М., 1800. С. 122.

Строительная деятельность в Северном Причерноморье повсеместно сопровождалась разрушением древних памятников. Об этом писали многие посетившие Крым в те годы:

«Ни одного здания не уцелело, ни одного участка древнего города не взрыто, не перекопано. Что ж? Сами указываем будущим народам, которые после нас придут, ...как им поступать с бренными остатками нашего бытия», — восклицал писатель и дипломат А. Грибоедов после посещения Северного Причерноморья.

«Все взрыто здесь! Все перекопано! Увы! Нет покоя и праху бедных ольвиополитанцев от потомства некогда угнетавших их варваров! Вместо того чтобы, следуя методе, систематически делать ископания, которые, без всякого сомнения, довели бы до какого-нибудь весьма любопытного открытия, здесь мужик с заступом идет, куда ему заблагорассудится, добывать денежек и горшков. Разроют ли где могилу и найдут ли основание здания, тут берут камень на строение, мрамор на известь¹, и оттого, где ни ступишь здесь, то увидишь обломки камня или отбитые от урн ушки. Нельзя в этой картине без ужаса видеть, что то, чего не успело и все разрушающее время, довершается теперь рукою невежества!» — писал о состоянии раскопок в Ольвии И. М. Муравьев-Апостол (1768–1851), отец декабристов, писатель и переводчик².

Но в те же годы зарождается и стремление сохранить античные памятники Северного Причерноморья, начинается их изучение³. Свиде-

---

¹ Для того чтобы показать, что подобное «варварское» отношение к памятникам прошлого имело место не только в России, следует напомнить об обнаружении одного из величественных сооружений эллинистической эпохи — Пергамского алтаря (северо-западная часть Турции). В сущности, он был открыт случайно инженером К. Хуманом, которому для строительных нужд требовалась известь. Великолепного качества известь приготавливалась местными жителями из мраморных блоков с рельефными изображениями гигантомахии, которые в Средневековье были использованы для сооружения оборонительной стены на одном из холмов, господствующих над равниной.

² Цит. по: Брашинский И. Б. В поисках скифских сокровищ. Л., 1979. С. 13–14.

³ В фундаментальной работе И. В. Тункиной приведено подробное описание первых мер по сохранению памятников Северного Причерноморья (см.: Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России

тельством является «Аккуратный план положения Ахтиярской гавани с лежащими при оной древними городами Ахтияром и Херсоном» (1772); в 1779 г. был изготовлен «План древнего Херсона»; спустя некоторое время — «План развалин древнего Херсона» (1786), снятый для К. И. Габлица (1752–1821)¹, посланного после окончания военных действий князем Г. А. Потемкиным (1733–1791) исследовать Крым. В 1783 г. подполковник Бальдани направлен для осмотра Херсонеса и проверки показаний древних летописей.

В 1821 г. поэт В. В. Капнист (посетил Таврику в 1819 г.) в обращении к министру народного просвещения А. Н. Голицину сообщал о варварском разрушении древних памятников. В этом же году в Крым были командированы академик Г. К. Э. Келлер (1765–1838) и французский архитектор Э. Паскаль (1791–1861). (Первый раз Келлер посетил Таврику в 1804 г.)². После возвращения они подали правительству записку о необходимости охраны античных памятников. Это стало сигналом для выделения средств на раскопки Пантикапея, столицы

(XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002). Херсонесу посвящена также ее статья: К истории изучения Херсонеса — Корсуня в конце XVIII — середине XIX в. // Москва — Крым: Ист.-публ. альманах. М., 2001. Вып. 3. С. 96–120.

¹ К статье митрополита Херсонесского монастыря Евгения «О следах древнего греческого города Херсона» (см.: Труды Общества истории и древностей российских при Московском университете. 1827. Ч. 4, кн. 1; копия хранится в: Арх. НЗХТ, д. 1840, л. 9) была приложена карта Гераклеийского полуострова, снятая для К. И. Габлица в 1786 г. Эта карта была преподнесена К. И. Габлицем вместе с историческим описанием Крыма Екатерине II. В пояснениях к плану говорится: «"Д" — Крепость, стены, окружающие оную, в иных местах еще целы, а в других развалились. От крепостных ворот простираются к морю 2 улицы и огромные развалины, кучами лежащие, между которыми также большие мраморные камни».

² И. Б. Брашинский, описывая историю раскопок скифских курганов, отмечал, что его поразило разрушение памятников Пантикапея, расхищение крымских древностей. На основании его доклада правительство издало распоряжение, целью которого было стремление предотвратить уничтожение памятников. Однако строительство города, потребность в материалах приводили к тому, что древние постройки разбирались не только жителями для частных построек, но и по распоряжению местных властей для казенных надобностей (см.: Брашинский И. Б. В поисках скифских сокровищ. Л., 1979. С. 18).

Боспорского царства. В 1823 г. будущий керченский градоначальник¹, участник Отечественной войны 1812 г., посетивший с русской армией в 1815 г. Париж, И. А. Стемповский (1789—1832) подал генерал-губернатору Новороссии М. С. Воронцову записку, озаглавленную «Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае». В начале XIX в. создаются музеи в Одессе, Керчи, Феодосии.

К 1827 г. относится начало археологических исследований Херсонесского городища. Предприняты они были по поручению главного коменданта портов Черного моря адмирала А. С. Грейга (1775—1845). Остановим внимание на документах, свидетельствующих о мерах по сохранению руин Херсонеса, которые хранятся в архиве Национального заповедника «Херсонес Таврический».

А. С. Грейг 30.03.1828 г. в «Отношении адмирала обер-прокурору Синода П. С. Мещерскому № 2948» сообщил, что «для сохранения памятников на развалинах Херсонеса Таврического, я имел в виду соорудить небольшую изящной архитектуры церковь, со строительством при оной богадельни для 30-ти человек, ...которые имели бы надзор, как за храмом, так и за самими развалинами». Через год адмирал вновь обратился в Синод. Позднее, в «Отношении Главного командира Черноморского флота и портов адмирала Грейга», он писал, что по долгу службы часто бывая в Херсонесе, вспоминает св. Владимира, но «с сожалением видел, что место, бывшее свидетелем столь блистательным его памятником, который тем более казался нужным, что развалины оного, оставаясь без всякого надзора, были беспрестанно истребляемы, и что со временем оные и вовсе могли исчезнуть так, что любопытный не нашел бы и знака существования города некогда знаменитого». И в заключении послания сообщил, что предписал осуществлять надзор за остатками тех развалин².

---

¹ После выхода в отставку по состоянию здоровья в 1828 г. он принял предложение занять пост Керчь-Еникальского градоначальника. В немалой степени этому способствовала его увлеченность античностью.

² Документы цитируются по копиям из архива Национального заповедника «Херсонес Таврический» (см.: Арх. НЗХТ, д. 1840, л. 10—12). О деятельности А. С. Грейга см.: Тункина И. В. Русская наука... С. 530—534; Крючков Ю. С. Алексей Самуилович Грейг. М., 1984.

И все же А. Л. Бертье-Делагард вынужден был признать: «Тесный камень вытаскивали не из фундаментов, а из стен, к тому же не городских строений, а крепостной ограды. ...Она была частично разрушена и завалена землей до прихода русских». К тому же «с несомненной очевидностью выходит, что граждане Херсонеса в какой-то период жизни, вероятно, последний, не только сами разламывали свою крепостную ограду, но и заваливали ее мусором.

...В период строительства Севастополя уже ломали инкерманский камень. Только в первый период строительства брали камень из Херсонеса и то в небольшом количестве». Однако в «совсем близкие нам времена дело сохранения древностей в Херсонесе оказалось гораздо хуже: тут действительно погибло не мало найденного. Примером является базилика, в которой, как считается, крестился Владимир: сейчас от нее ничего не осталось, то же Уваровская. Все находки, посланные в Петербург, не известно, где находятся в настоящее время»¹.

1827 г. — раскопки К. (Н.) Крузе²

Для характеристики методики первых лет раскопок в Херсонесе, а также целей, которые они преследовали, интерес представляет заметка из газеты «Северная пчела»³, в которой сообщается: «Николаев, 19 мая. Главный Командир Черноморского флота и портов вице-адмирал А. С. Грейг, желая содействовать мерам, предпринятым графом М. С. Воронцовым, по сохранению памятников древности, отыскиваемых на берегах Черного моря, предписал всем частям Морского ведомства о воспрещении частным людям разрывать древние курганы и развалины

---

¹ Бертье-Делагард А. Л. Древности Южной России... С. 14—15.

² До появления исследования И. В. Тункиной считалось, что начало раскопок в Херсонесе связано с именем Николая Крузе. Ей удалось установить, что первого руководителя работ звали Карл Крузе (об этом см.: Тункина И. В. К истории археологических исследований Херсонеса в первой трети XIX в. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса, 1888—1988 гг.: Тез. докл. Севастополь, 1988. С. 119—121.

³ «Северная пчела» от 14.07.1827 г. № 71 (числится в газетном фонде ГПИБ под инв. № 9843-31; копия имеется в архиве Херсонесского заповедника).

без особого дозволения, и сверх того поручил известному своим просвещением чиновнику г. Крузе, приступить к систематическому разрытию кургана на развалинах Херсониса. ...Вот извлечение из письма г. Крузе: «Третий день как я приступил к разрытию кургана, находящегося на развалинах древнего Херсониса. Начиная осторожным отваливанием верхнего слоя земли, я нашел, что курган содержит в себе руины довольно просторного, вероятно, общественного здания или храма. ...Очистив поверхность кургана, имеющую вид правильного холма, взгроможденного из камней, с землею перемешанных, и обросшего травой, я открыл сложенные на извести из тесаного камня стены, толщиной от 1,5 до 2 аршин; по надлежащей очистке оказалось, что они простираются в глубину от одной до двух сажень, не достигая своего фундамента.

Вид строения крестообразен¹; на южной стороне найдено отверстие, вероятно, некогда служившее входом во внутренность оногo; по бокам отверстия приметна мраморная оправа с резною работою, которая, к крайнему сожалению, вовсе изломана.

Близ сказанного отверстия стены украшены мраморными карнизами. При открытии наружности сих стен, найдены обломки бывших мраморных колонн и мраморных досок.

Достоинo внимания, что при одной еще только разрытой стене, найдено место, образующее в пространстве своем, длиною в два аршина, в виде нарочитого погребца, коего стены обложены обтесанными плитами, каковыми покрыто отверстие онагo. Сие подземельное место наполнено было человеческими трупами, между коими найдено до 45 черепов.

При выкидывании земли найдено восемь медных монет и на трупах ручныя стеклянные кольца диаметром от одного английского дюйма до вершка, из коих одно только сохранилось в совершенной целости.

Кроме сих трупов в упомянутом месте, открываются при стенах строения и другие трупы людей, может быть, при насильственном разрушении сего здания погибших.

Недалеко от строения находился грот, вероятно, служивший водохранилищем, по той причине, что видны в нем подземные глиняные трубы».

---

¹ Речь идет о храме, расположенном в центральной части Херсонеса (№ 28 на плане ИАК). Над ним в последующем был возведен Владимирский собор.

И далее автор заметки дополняет: «По выше объясненным признакам можно льстить себя надеждою, что в сих неизвестных, но и в самом ничтожнейшем своем нечто великолепное сохраняющих развалинах, отыщутся предметы, достойные внимания, в чем г. Крузе не только не отчаивается, но намерен употребить всевозможную деятельность, для отыскания следа бывшего водопровода. Он почел нужным при сем случае вести ежедневный, подробный журнал, из коего, по окончании каждого месяца, будет высылать выписки».

Сохранились свидетельства о раскопках К. (Н.) Крузе у путешественника Дюбуа де Монпере¹. Информацию о них приводит также К. Э. Гриневич в работе, написанной к столетнему юбилею раскопок в Херсонесе. Он описывает и современное состояние памятников (на 1927 г.). Исследователь поддержал высказанное ранее предположение о том, что крестообразный храм, открытый К. (Н.) Крузе на центральной площади Херсонеса, мог являться местом крещения Владимира. Другой храм, расположенный к востоку от него — это базилика, которая в последующем получила название «базилика Крузе». Относительно местоположения третьего сакрального сооружения, открытого в 1827 г., К. Э. Гриневич писал, что оно находится в западной части городища, за стеной монастырской усадьбы². Он подчеркнул, что первые раскопки носили случайный характер и не преследовали никаких научных целей, поэтому и не получили продолжения³.

Существует и другое мнение относительно начала археологического изучения Херсонесского городища. Один из историографов археологии А. А. Формозов, на основании анализа общего морского списка, считает,

---

¹ Описание памятников Херсонеса и других районов Таврики содержится в одном из томов, см.: Dubois de Montpereus F. Voyage autour du Caucase chez Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie et en Crimée. P., 1841. Т. 6.

² В опубликованной Д. В. Айналовым книге «Развалины храмов (ПХХ. М., 1905. Вып. 1) один из расположенных в западной части городища храмов связан с именем К. Крузе. К топографии храмов в этом районе Херсонесского городища нам предстоит обратиться позднее в сюжете о церкви и сакральных зданиях византийского Херсона.

³ Гриневич К. Э. Сто лет Херсонесских раскопок (1827—1997). Севастополь, 1927. С. 9.

что первые раскопки производил капитан М. Б. Берх¹. Приведенная выше заметка из «Северной пчелы» свидетельствует об ошибке исследователя.

Периодизация археологического исследования городища²

---

¹ Формозов А. А. К летописи археологических исследований в Северном Причерноморье в первой половине XIX в. // СА. 1975. № 1. С. 172.

² Предлагаемая ниже характеристика содержания и основных результатов хронологических периодов в исследовании Херсонеса в основном повторяет периодизацию, которая уже звучала в работах различных исследователей, в том числе и автора настоящих очерков. Необходимость сделать данное примечание обусловлена появлением работы А. В. Шаманаева (см.: Шаманаев А. В. О некоторых вопросах истории изучения Херсонеса // АДСВ. 2006. Вып. 37. С. 363—376), в которой автор полагает, что подобная периодизация является достоянием 80-х гг. XX в. и при освещении результатов изучения Херсонеса следует обращать внимание на описания памятников города, содержащиеся в трудах путешественников. Безусловно, первые работы, посвященные Херсонесу, свидетельствуют о раннем интересе к памятникам Крымского полуострова, однако к истории раскопок они не имеют никакого отношения. Хотелось бы отметить, что начинающий исследователь, решивший посвятить себя истории изучения Херсонесских древностей, не прав, полагая, что «ошибочная периодизация» является достоянием 80-х гг. XX в.: ее основы и оценка соответствующих периодов, которой следуют многие исследователи Херсонеса, были заложены гораздо раньше — в начале XX в. В значительной мере при этом учитывался вклад К. К. Косцюшки-Валюжинича и Н. П. Кондакова в организацию систематических, ежегодных раскопок, сопровождаемых отчетами (именно систематических, отличающихся от предшествующей деятельности в Херсонесе Одесского общества истории и древностей). Свидетельством этого являются конференции, проведенные в 1927 г. и в 1988 г. Название последней отражает изменение ситуации начиная с 1888 г.: «Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888—1988 гг.». Впрочем, А. В. Шаманаев прав в том, что при создании периодизации назвать точный год начала или конца периода вряд ли возможно, поэтому он предлагает завершать один из периодов изучения Херсонеса 30-ми гг. XX в., относя начало его к концу XIX в. Безусловно, ликвидация монастыря, смена руководства музея, проведение в 1927 г. К. Э. Гриневичем конференции в Херсонесе, наметившей первоочередные объекты раскопок (что было реализовано в ближайшие годы

Итак, в 1827 г. началось археологическое изучение древнего города. Эстафету приняло созданное в 1839 г. Одесское общество истории и древностей, членов которого объединял интерес к истории Северного Причерноморья, стремление сохранить памятники региона от разрушения. Общество обратило внимание и на Херсонес. В 1840 г. по поручению его руководства Захарий Аркас составил план городища. В это же время он начал собирать материалы для книги о древностях Гераклеяского полуострова. В ней он следующим образом описал Херсонес:

«Все внутреннее пространство, отступя несколько от крепостных ворот, застроено было городскими зданиями, но теперь они разрушены и лежат одни груды камней. Город этот, по-видимому, был построен неправильно и в беспорядке, одна только улица, шириной в три сажени (более 6,0 м), идет вдоль южных крепостных стен, потом заворачивает и идет по всему городу на северо-восток, прочие же по неправильности, узости и завалу щебня определить невозможно»¹.

Однако до 1876 г. непосредственно в Херсонесе Одесское общество истории и древностей раскопок не производило, ограничиваясь приобретением находок и изучением памятников, которые были обнаружены

и отразилось в деятельности Г. Д. Белова) знаменуют начало нового периода, но об этом все исследователи, обращавшиеся к истории исследований Херсонесского городища, неоднократно писали. А. В. Шаманаев полагает, что и до 1888 г. раскопки Херсонеса освещались в археологических отчетах, относя к числу таковых и заметку в «Северной пчеле». Обращает он внимание и на описание результатов «раскопок» Д. Карейшей в Херсонесе, не учитывая, что, во-первых, как и во время деятельности в Восточном Крыму его интересовали в основном выразительные находки, поэтому он считал, что работы в Херсонесе, на территории городища и некрополя, были неудачными; во-вторых, в сообщениях о его раскопках отсутствуют данные, позволяющие соотнести большую часть изучавшихся им участков с топографией городища. В 1852 г., когда была создана Комиссия по изучению древностей, разработавшая по инициативе Льва Алексеевича Перовского (1792—1856) программу археологических работ в Ольвии, Керчи, Херсонесе, Фанагории, а Керченский музей передан в Министерство уделов, Д. Карейша был уволен из музея (подробнее см.: Тункина И. В. Русская наука... С. 252—255).

¹ Аркас З. Описание Ираклийского полуострова и древностей его: История Херсона. Николаев, 1879. С. 14.

на его территории, и рекомендациями руководством монастыря о том, как следует производить раскопки.

К периодизации раскопок в Херсонесе обращались многие исследователи. В брошюре, подготовленной к 100-летию юбилею (1927), к первому периоду изучения городища отнесены раскопки 1827–1876 гг. (до начала деятельности Одесского общества истории и древностей); при этом отмечено, что это были бессистемные работы, правда, они привели к выявлению весьма ценных эпиграфических памятников.

Следующий период — это раскопки, предпринятые под руководством Одесского общества истории и древностей (1876–1886).

Дальнейшее изучение Херсонеса связано с деятельностью выдающегося российского византиниста Н. П. Кондакова (1844–1925) и первого заведующего городищем К. К. Косцюшки-Валюжинича (годы раскопок: 1888–1907). Начиная с 1888 г. можно говорить о планомерных, ежегодных раскопках Херсонесского городища и исследовании памятников, которые были расположены в округе города. После кончины первого заведующего городищем К. К. Косцюшки-Валюжинича возглавил раскопки переведенный сюда секретарь Русского археологического института в Константинополе Р. Х. Лепер (1907–1914) и сменивший его Л. А. Моисеев (1914–1924).

В истории исследований Херсонеса XX в. можно выделить два этапа: первый — изучение городища и хоры города после ликвидации монастыря, на который приходится и создания музея, пришедшего на смену Складу древностей К. К. Косцюшки-Валюжинича. Изменение методики раскопок и фиксации находок привело к более качественному накоплению археологических источников, что вылилось к середине XX в. в ряд публикаций, посвященных материальной культуре античного и средневекового Херсонеса. В 60-е гг. начинается новый этап археологического исследования: к изучению города и хоры приступили представители различных научных учреждений. К концу XX столетия Национальный заповедник «Херсонес Таврический» превратился в международный научный центр¹.

---

¹ Этому способствовал не только интерес зарубежных исследователей к истории Херсонеса (он существовал с конца XVIII в.), но и то, что его памятники стало возможным увидеть.

Первый период раскопок: 1827–1876 гг.

После Н. (К.) Крузе в 1845 г. разрешение производить раскопки получил член Одесского общества истории и древностей И. П. Бламберг (1772–1831), но они не состоялись.

Спустя почти 20 лет после первого обращения к памятникам Херсонеса незначительные работы на городище предприняты прибывшим из Керчи Д. В. Карейшей, который надеялся обнаружить находки, подобные тем, что были извлечены из скифских курганов.

Для того чтобы получить представление о характере археологической деятельности первой половины XIX в., о том, что и как искали «исследователи», нанося подчас непоправимый вред памятникам, достаточно обратиться к работам Д. В. Карейши.

В 1846–1847 гг. Д. В. Карейша производил раскопки некрополя, а затем и Херсонесского городища. Свое появление в Херсонесе он объясняет следующим образом: «Разрытие около Керчи с каждым годом дает все менее и менее археологической добычи». Привыкший получать быстрые результаты во время прославивших его кладоискательских работ в Восточном Крыму, Д. В. Карейша был разочарован первыми результатами. Относительно «исследований» некрополя он писал, что попытка отыскания древних склепов или катакомб оказалась неудачной: ни в 1846, ни в 1847 г. ему не удалось обнаружить ни одного не разграбленного захоронения. Это явилось причиной «переноса изысканий» на территорию городища. «Там я стал производить раскопки в разных местах, углубляясь до материка (траншеи, о которых идет речь, были заложены около оборонительных стен, возможно, около античных ворот). ...Употребив здесь много времени, трудов и издержек без всякого успеха, я начал после этого разработку одного очень широкого и плоского кургана, почти на самом берегу моря. ...Но и в этом месте разработки мои не были удачнее»¹.

Сохранились сообщения и о других раскопках тех лет. В частности, З. Аркас сообщал в 1851 г. в Одесское общество истории и древностей, что лейтенант Шемякин открыл здание с мозаичным полом, расположенное на северном берегу моря. На стенах его сохранилась штукатурка

---

¹ [Карейша Д. В.] Об археологических раскопках... С. 248–310.

Алексей Сергеевич Уваров

с росписью. Упомянутое здание оказалось базиликой. В последующем под наблюдением графа А. Уварова (1825–1884) Шемякин принимал участие в ее изучении (по плану Археологической комиссии — № 23, или базилика Уварова).

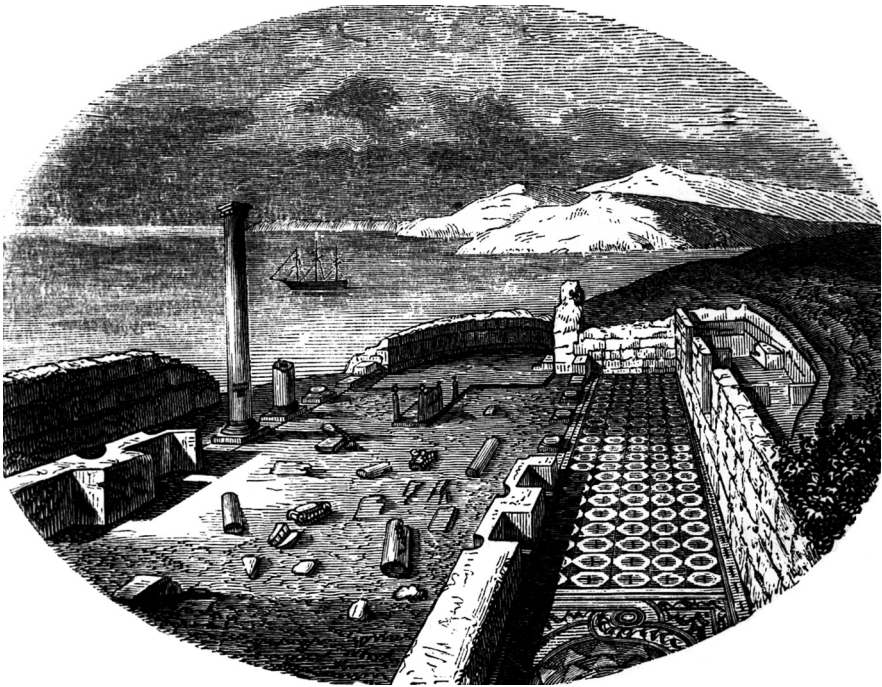
В сущности, раскопки А. Уварова в 1853 г. являются первыми, которые были более или менее подробно описаны¹.

В 1852 г. там, где некогда располагался Херсонес, основана киновия. С этого времени раскопки на городище про-

изводил настоятель монастыря Евгений. Археологическая деятельность активизировалась в 1861 г. в связи с началом возведения Владимирского собора в память крещения Руси на центральной площади древнего города над одним из храмов, обнаруженных Крузе. Подготовка участка для строительства привела к выявлению 5 храмов и часовни. План сооружений был опубликован членом Одесского общества истории и древностей Н. Н. Мурзакевичем. Но, к сожалению, свидетельства об археологических открытиях не сопровождается описанием материалов, позволяющих судить, в какой последовательности возводились сакральные здания. О научной значимости раскопок монастыря

---

¹ Рассматривая историю раскопок базилики и вводя в научный оборот новые материалы, которые были получены во время реставрационных работ на объекте (1953 и 1977 гг.), О. И. Домбровский отметил, что с А. С. Уварова начинается «подлинно научное изучение памятников» (см.: Домбровский О. И. О хронологии «Базилики Уварова» // ИНК. 2004. № 3–4. С. 11).

Уваровская базилика. Гравюра XIX в.

и представлении, которое сложилось в тот период о руинах Херсонеса, можно судить по переписке председателя Московского археологического общества графини П. С. Уваровой. В одном из писем ее корреспондент сообщал, что в «нижнем этаже Владимирского собора сохраняются остатки древней церкви и утверждается не только словесно, но и письменно, что это остатки церкви, в которой крестился Владимир, открытой благодаря Вашему участию и заботами графа. В статье «Херсонес во время крещения в нем св. Владимира» (Киевская старина. 1888. Июнь) сказано, что граф Уваров прибыл в Херсонес вместе с преосвященным Иннокентием и отрыл на городской площади несколько церквей и одну из них, в которой два углубления, признали за церковь Владимира»¹.

---

¹ Лебединский П. — П. С. Уваровой, 30.11.1888 // Арх. ГИМ ОПИ, ф. 17, д. 558, л. 63–64.

Раскопки Одесского общества истории и древностей

Началом второго периода археологического изучения Херсонеса стал 1876 г. С этого времени контроль над раскопками осуществлялся Одесским обществом истории и древностей, которому рекомендовалось «систематически раскрыть следы византийского Херсона, его храмов, а из извлеченных архитектурных предметов, разнообразных ваяний и вещей создать христианский музей». Для непосредственного руководства исследованиями был создан специальный комитет. Участие в изучении памятников членов Общества, среди которых имелись хорошо известные в России и за рубежом специалисты по античной истории, должно было изменить положение дел, но на практике по-прежнему раскопки производились монахами¹, или случайными людьми. Это приводило к расхищению находок, продаже их коллекционерам, что вынуждены были признавать и члены Общества².

Херсонесский монастырь Св. Владимира, вид с юго-запада

---

¹ В письме из ООИД настоятелю Херсонесского монастыря от 08.10.1878 г. сообщается, что он является ответственным за проведение раскопок (см.: Арх. НЗХТ, д. 448, л. 45). Позднее руководство ООИД обратилось к обер-прокурору Синода с просьбой о назначении ответственного лица из числа монахов Херсонесского монастыря для наблюдения за раскопками (см.: Одесское общество истории и древностей. Отношение к обер-прокурору Синода графу Дм. Толстому, 07.05.1879 // Арх. НЗХТ, д. 448, л. 87 (копия).

² Юргевич В. Н. Письмо в редакцию // Севастопольский листок. 1884. № 26.

В 1883 г. Одесское общество истории и древностей пригласило отставного штабс-капитана артиллерии Д. С. Григорьева и учителя Севастопольской гимназии Доброва осуществлять наблюдение за херсонесскими раскопками и посылать о них регулярную информацию в Одессу. Но это не улучшило фиксацию находок, и не изменило характера исследований городища.

Не помогали ни письма настоятелю монастыря, ни создание в 1884 г. специальной Инструкции, в которой подчеркивалось, что раскопки производятся на средства Общества и Министерства народного просвещения; все находки древнейшего периода поступают Обществу, а византийские — монастырю; оговаривались также условия, которые должен соблюдать монастырь:

1. Заведование технической и хозяйственной частью поручается Иоанну; он должен вести книгу учета средств и находок, но раскопки производятся на основании предварительного плана Общества.

2. Следует привлекать вольнонаемных рабочих, которые за утайку вещей удаляются. При этом хорошо, чтобы они жили при монастыре, что исключит общение с севастопольскими собирателями древностей.

3. Проверять, не скрывается ли следов более древнего города, поэтому вести раскопки «на небольшом пространстве до значительной глубины».

4. Заведуя раскопками, монастырь нанимает рабочих, приобретает инвентарь и определяет участки для исследования¹.

Методика и ход раскопок критиковалась в местной печати, о неудовлетворительном состоянии дел писали и некоторые члены Общества, но положение фактически не менялось². Об этом свидетельствуют

---

¹ Юргевич В. Н. — Инструкция иеромонаху Иоанну, 13.04.1884 // Арх. НЗХТ, д. 37, л. 23—25.

² Безусловно, проблема с охраной памятников и борьба с незаконной торговлей древностями существовали не только в Севастополе. О положении дел в Северном Причерноморье после присоединения Крыма и о законодательных мерах правительства имеется специальный очерк (см.: Смолин В. Ф. Краткий очерк истории законодательных мер по охране памятников старины в России // ИАК. Вып. 63. С. 130—148), в котором автор подчеркнул, что

строки из письма одного из членов Одесского общества, врача из

присоединение Крыма вызвало деятельность коллекционеров. Чтобы пресечь ее, по настоянию академика Г. К. Э. Келлера, издано Высочайшее повеление об ограждении памятников старины от разрушения (Указ Александра от 10.03.1806 г.). В 1821—1822 гг. Г. К. Э. Келлер (с 1798 г. — библиотекарь и хранитель древностей в Эрмитаже) послан в Крым. Ему принадлежит первая классификация памятников, а также перечисление тех из них, которые «с малыми издержками могут быть восстановлены»: укрепления Балаклавы, Мангупа, Судака, а некоторые «старинные» здания следует превратить в музеи. Он писал, что многие «развалины не могут быть поправлены, но, будучи охраняемы от разрушения, смогут существовать века». При Николае I издан Указ (1826), в котором предписывалось гражданским губернаторам доставлять сведения о достопамятных вещах. В этом же году выходит распоряжение «О доставке сведений об остатках древних зданий в городах и воспрещении разрушать оные». Проявлялась забота и о случайно найденных артефактах: все, что находилось «в недрах» — монеты и другие вещи — следовало доставлять в департамент (Указ 1841 г. министра государственных имуществ). Рисунки же с находок следовало пересылать в Академию. В 1848 г. появился документ, носящий название «О наблюдении за сохранением памятников древности», в котором еще раз говорилось о том, что дорожные и строительные комиссии, губернские и областные, должны «наблюдать за сохранением остатков древних замков, крепостей и других зданий древности; (заботиться) о сохранении памятников и монументов». Наконец, 02.02.1859 г. была создана Императорская археологическая комиссия, одной из основных задач которой являлось: разыскание предметов древности, сбор сведений о них, ученая оценка открываемых сооружений. Образованию Археологической комиссии предшествовала Комиссия для исследования древностей, созданная любителем археологии Л. А. Перовским (1850), являвшимся главой Министерства уделов и Кабинета Его Императорского Величества, где разрабатывались инструкции по ведению раскопок и контроль. После смерти Л. А. Перовского руководство раскопками перешло в ведение С. Г. Строганова, в 1859 г. Комиссия получила статус Императорской археологической комиссии. С этого времени ее руководство предписывает местному начальству извещать ее о находках. Замечательные вещи следовало отсылать в Комиссию. В самом начале раскопок в Херсонесе под контролем ИАК издан Указ (1889), согласно которому полномочия Комиссии были значительно расширены. Содержание его гласит: исключительное право производства раскопок и разрешение работ с археологической целью на землях казенных, принадлежащих разным уста-

Севастополя Е. Э. Иванова, в последующем написавшего книгу о Херсонесе¹: «Грустные мысли навеяли на меня эти раскопки. ...Разбитые и разбросанные колонны, карнизы и капители, разрытые могилы, вывороченные камни и плиты, битые черепки, кучи мусора, зияющие цистерны. ...Улицы с рядом домов людей зажиточных, остатки огромного храма, который побольше предполагаемого храма, где крестился Владимир, а вокруг него около десятка разбитых гробниц и больше ничего»².

Судить о том, что было открыто в те годы можно на основании чертежей, составленных кондуктором Прудентовым, и кратких погодных отчетов Общества. С 1876 по 1886 гг. были исследованы Восточная базилика и квартал рядом с ней; остатки различных зданий, улицы, водопровод и ряд других объектов. Находок от этого времени, за исключением нескольких надписей, не сохранилось. Пожалуй, наиболее значимым стало то, что руководство Общества стремилось освещать итоги раскопок, в некоторых случаях прилагая к отчетам планы изучаемых участков³.

Вместе с тем, несмотря на несовершенство методики раскопок, именно в эти годы формируется первое представление об облике

новлениям, и общественных, предоставляется ИАК. Все лица должны входить с ней в сношения. Проблема охраны памятников не утратила актуальности и в наши дни. Об этом свидетельствует современное законодательство и наличие соответствующих региональных служб (например, см.: Берестнев С. И. Слобожанская археологическая служба (информационно-аналитический очерк) // Древности: ХИАЕ. 2005. С. 366—368).

¹ Иванов Е. Э. Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк // ИТУАК. 1912. Т. 46. С. 1—375.

² Иванов Е. — Н. Мурзакевичу, 14.04.1879 // Арх. НЗХТ, д. 37, л. 20.

³ Отчеты ООИД за 1876/77, 1878/79, 1880/81, 1881/82, 1882/83, 1883/84 гг. Безусловно, характеризуя с позиций сегодняшнего дня деятельность Одесского общества истории и древностей, не следует забывать об общем состоянии методики раскопок того времени. Но критически оценивали раскопки ООИД в Херсонесе и современники событий. В частности, председатель Императорской археологической комиссии А. А. Бобринский писал, что до 1888 г. не осуществлялось должного контроля (об этом см. ниже).

средневекового Херсона, выявлена сложная стратиграфия городища и поставлен вопрос об исследовании не только средневековых, но и античных памятников. Но научная значимость раскопок, даже с позиций того времени, невелика.

Среди памятников, открытых Одесским обществом, особенно примечательными и ставшими объектами длительных дискуссий являются так называемый скальный мавзолей, расположенный в квартале III (1883—1884), Восточная базилика (№ 36), а также сакральные сооружения и квартал рядом с ней (квартал ХСVI; 1876—1880).

Как и кто осуществлял наблюдение за работами на городище от имени ООИД, показывает пример полковника К. Е. Гиммельмана. Как и многие другие лица, стоявшие у истоков археологического исследования Херсонеса, он не был историком, и в отличие от А. Л. Бертье-Далагарда, о котором еще предстоит говорить, вряд ли особенно интересовался памятниками Херсонеса. О причине, по которой он был приглашен для контроля над раскопками, свидетельствует текст письма. Обращаясь к К. Е. Гиммельману (1876), руководство Общества извещало о создании Комитета из 3-х членов для контроля над раскопками и следующим образом объясняло свой выбор: «Зная Вашу опытность и усердие, Комитет... просит принять участие (в раскопках) в качестве техника, согласно программе, составленной для выше упомянутой цели». А далее выражалась надежда, что адресат «из любви к отчизне согласится уделить часть своего свободного времени на почетное дело»¹.

Вряд ли кандидатура была удачной. К. Е. Гиммельман² посещал Херсонес очень редко и видел свою задачу в том, чтобы не истратить на раскопки значительных денежных средств. Наиболее дешевой рабочей

---

¹ Письмо из ООИД — полковнику К. Е. Гиммельману, 06.10.1876 // Арх. НЗХТ, д. 448, л. 11.

² С. Ф. Стржелецкий, формулируя задачи основанной в 1963 г. Объединенной экспедиции, упоминает его имя как пример «существовавшего» в годы деятельности Одесского общества контроля за раскопками (см.: Стржелецкий С. Ф. Изучение стратиграфии Херсонесского городища: Введение к рукописному отчету о раскопках Объединенной экспедиции в портовом районе в 1963 г. // Археологія. 2007. № 3. С. 10—13).

силой являлись солдаты, труд которых и использовался при раскопах. Фактически они производились, как и ранее, без особого контроля. Продолжали свою археологическую деятельность и монахи.

В 1887 г. председатель Императорской археологической комиссии А. А. Бобринский, характеризуя раскопки тех лет, писал, что они привели к уничтожению памятников, так как «в течение уже почти ста лет здесь копал, кто хотел; меры же, принимаемые к сохранению Херсонеса — устройство странноприимного дома, преобразованного в монастырь, официальные раскопки Одесского общества не принесли пользы». Причины этого, как подчеркивал председатель Археологической комиссии, в том, что, «во-первых, отсутствовали строго установленный план и система раскопок; во-вторых, к раскопкам допускались все, кто хотел ими заниматься, не обладая ни достаточными знаниями (монахи), ни средствами (Одесское общество)»¹.

В силу объективных причин, прежде всего недостатка средств, Одесское общество истории и древностей не могло осуществлять охрану и приведение в должный порядок открытых памятников. Это должно было являться обязанностью монастыря, что и рекомендовалось сделать в отношении некоторых объектов. Из переписки с настоятелем монастыря ясно, что ему неоднократно напоминали о недопустимости раскопок, которые производились без контроля представителей Общества. Обязательства монастыря по охране памятников были сформулированы при создании комитета для контроля над раскопками в 1876 г.: «Все раскопки и розыски представлять исключительно надзору Императорского Одесского общества». Далее говорилось, что открытая графом А. С. Уваровым базилика связана с именем св. Климента, поэтому «замечательные фундаменты базилики св. Климента, расчистить под руководством члена общества, поставить на свое место куски колонн. Берег морской, чтобы впредь не обваливался, укрепить каменною стеною»². Однако отсутствие постоянного, свободного от других обязательств представителя общества, который бы

---

¹ Бобринский А. А. Рапорт в Министерство Императорского двора от 09.08.1887 г. // Арх. ИИМК, ф. ИАК. 1/1887, д. 22, л. 38—39.

² ООИД — настоятелю монастыря игумену Аноиму, 06.03.1876 // Арх. НЗХТ, д. 37, л. 8.

имел возможность наблюдать за всеми работами на территории городища, приводило к тому, что большая часть рекомендаций оставалась на бумаге. Безусловно, Одесское общество не могло оградить находки от расхищения¹. Но подобное положение существовало не только в Херсонесе².

О бессилии Одесского общества и разрушении открытых объектов в процессе строительной деятельности монастыря писал А. С. Уваров, характеризуя состояние памятников, уничтожаемых при планировке участка для возведения Владимирского собора. Он отметил, что к северу от него имелись «в некотором отдалении остатки двух малых церквей, сходных между собой планом, с мраморными колоннами, служившими основанием для сводов и куполов. ...К сожалению, руки распорядителей настоящих построек монастыря не пощадили сохраненные временем развалины этих двух церквей³, уничтоженных совершенно, на месте их находятся творильные ямы.

Не менее бесцеремонно обращение с древностию совершилось и над тем самым памятником, для сохранения развалин которого предназначался весь нижний этаж вновь проектированного архитектором Гриммом храма. ...Вот мое мнение. Уваров»⁴.

---

¹ Этот вопрос неоднократно поднимался в местной печати. О том, что посетители монастыря и раскопок незаконно приобретают археологические находки в качестве сувениров, сообщали настоятелю монастыря и из управления полицмейстера (см.: Управление полицмейстера Севастопольского градоначальства — настоятелю монастыря, 31.07.1880 // Арх. НЗХТ, д. 37, л. 10).

² С. В. Павличенко со ссылкой на работу Л. В. Матвеевой (см.: Матвеева Л. В. Юлиан Кулаковский. Киев, 2002. С. 164, прим. 27) привел цитату из письма В. Г. Тизенгаузена Ю. Кулаковскому, в котором он писал о разрушении памятников в Керчи и сетовал на отсутствие средств, которые необходимы для изучения памятников: «Но ведь Вы знаете, в каком положении у нас была и находится теперь наука. Следовательно, приходится только жалеть о том, что мы слишком рано взялись за дело, до точного разумения которого тогда еще не доросли» (см.: Павличенко С. В. Исторические памятники Крыма и задачи их охраны // ИНК. 2003. № 1. С. 4).

³ Речь идет о храмах № 32 и № 33.

⁴ В документе говорится о статье «Последние раскопки в Херсонесе» (автор ее Авдеев), которую по отзыву А. С. Уварова печатать нельзя. Копия письма

То, что многие из участков, раскопанных до 1888 г., не были исследованы полностью, в последующем привело к неоднократному обращению к их изучению¹. Однако это относилось не только к памятникам, которые были открыты во время деятельности Одесского общества истории и древностей, но и к базилике, изучавшейся непосредственно А. С. Уваровым. Кроме К. К. Косцюшки-Валюжинича, к ее исследованию спустя почти столетие со времени открытия обратился О. И. Домбровский. При этом он отметил, что отсутствие должной фиксации стратиграфии, положение со старыми данными заставляет современных исследователей неоднократно возвращаться к изучению ранее раскапываемых участков².

Отсутствие должного отношения к открытым памятникам со стороны монастырского руководства и то, что в период, о котором идет речь, не производились консервационные работы на городище, привело к

А. С. Уварова имеется в архиве Херсонесского заповедника. Она выполнена сотрудницей архива Херсонесского заповедника С. Н. Сухининой: НЗХТ, д. 1840 (подлинник хранится в Центральном государственном историческом архиве, оп. 454, ф. 2, д. 103, л. 11–26).

¹ Следует отметить, что большая работа в данном направлении проводилась М. И. Золотаревым, который поставил одной из задач своей полевой деятельности исследовать «до материка» кварталы северо-восточные (вдоль главной уличной магистрали) и участок, примыкающий к восточной базилике.

² Домбровский О. И. О хронологии «Базилики Уварова». С. 11. К числу ревизуемых относится Уваровская базилика. Отмечая методические недостатки раскопок, О. И. Домбровский отмечал, что А. С. Уваров выявил только последний период существования памятника. В последующем здесь проводило раскопки Одесское общество истории и древностей, при этом без должного контроля со стороны инженера К. Е. Гиммельмана (см.: Отчет ООИД за 1877/78 гг. Одесса, 1879. С. 6). Это, безусловно, не способствует пониманию строительной биографии храма: времени и причин его разрушения, периодизации и хронологии ремонтных работ. После раскопок К. К. Косцюшки-Валюжинича к изучению памятника вновь вернулись во второй половине XX столетия. В 1953 г. О. И. Домбровским были предприняты реставрационные работы (перенос остатков мозаичного пола), что позволило выявить некоторые детали, затем в 1977 г. ученик О. И. Домбровского В. А. Кутайсов обратился к исследованию участка около храма.

значительным утратам информации. Уже в начале своей деятельности в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжинич ставил перед Императорской археологической комиссией вопрос о приведении в порядок ранее раскопанной территории. При этом он просил разрешить «удалить стены верхнего города, поскольку они все равно разрушаются, а затем местность зарастает травой, так это случилось с раскопками ООИД». С ним согласен был А. Л. Бертье-Делагард, считавший, что «исключение, конечно, следует сделать для храмов и тех, очень немногих зданий, которые представляют какой-либо архитектурный интерес»¹.

В 1884 г. в Севастополе был создан Кружок любителей истории и археологии Крыма. Среди его задач приведены: «Охрана от разорения и расхищения памятников Херсонеса; предотвращение продажи находок за границу». Члены кружка неоднократно писали в местных газетах о состоянии раскопок: «История Херсонеса не разработана. Приобретая древности, предлагаемые рабочими и мальчишками на улицах и у пристани во время прихода пароходов, и которые в немалом количестве собраны в питейных домах слободки, любители древности их сберегают...

Чем вызвано расхищение?

Отсутствием надзора за производством раскопок в прежние годы, когда этим делом заведовали лица, хотя и достойные всякого уважения, но взявшиеся за археологические разыскания, не сочувствуя им, а уступая настойчивым просьбам покойного профессора Мурзакевича, тогда как для раскопок нужны руководители сведущие и фанатики — преданные делу археологии. ...До сих пор результатом раскопок являлись те предметы, которые нельзя было унести»².

Несколькими днями позднее в приложении к «Севастопольскому листку» был опубликован «Устав кружка любителей истории и археологии Крыма», в котором декларировалось: «С помощью бесплатных музеев и библиотеки вызвать в обществе интерес к изучению истории Крыма; склонять частных лиц хранить коллекции в музее кружка;

---

¹ Косцюшко-Валюжинич К. К. Отношение в ИАК, 11.10.1888 // Арх. НЗХТ, д. 38, л. 3.

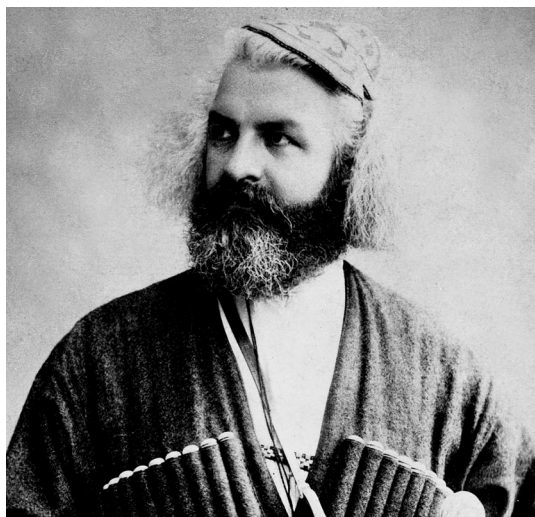
² Севастопольский листок. 1884. № 14 (подпись под заметкой: один из любителей).

критически исследовать показания древних писателей». Главной целью членов кружка является «охрана от разорения и расхищения, продажи за границу местных древностей»¹.

Одним из создателей любительского научного содружества был Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич, в последующем — первый заведующий Херсонесским городищем, посвятивший его изучению двадцать последних лет жизни.

О значении просветительской деятельности, привлечении широкой общественности к делу охраны памятников писали в Археологическую комиссию землемеры, художники, все те, кому были дороги памятники прошлого.

«Организовать во всех без изъятия городских собраниях людей из любителей старины, где бы непосредственное участие принимали учителя местных учебных заведений. ...В виде меры назначить на один год лицо, которое бы осмотрело все памятники ...хотя бы для Московской губернии, ...ибо

Карл (Николай) Казимирович
Косцюшко-Валюжинич

---

¹ Севастопольский листок. 1884. № 26. Через некоторое время в «Севастопольском листке» была помещена заметка, в которой говорилось о бесполезности раскопок в Херсонесе при существующей системе контроля со стороны Одесского общества и предлагалось уничтожить двойственность руководства (монастырь и общество), «поручить распоряжаться всем лицу, вполне добросовестному, знакомому с археологией и нумизматикой». В помощь ему дать двух надсмотрщиков. Но «затруднения вызывает отыскание подходящего распорядителя, не связанного службой и материальным расчетом» (см.: Б. п. О раскопках в Херсонесе // Севастопольский листок. 1884. № 29).

существуют люди, специально занимающиеся обходом церквей и под видом ветхих, ненужных предметов скупают иногда такие вещи, которые достойны помещения в музеях».

В отношении раскопок в Херсонесе автор этого обращения в Императорскую археологическую комиссию, художник Д. М. Струков писал: «Для сохранения памятников Херсонеса различные общества принимают меры, но в результате оказывается: досужие исполнители означенных распоряжений, не уясняя важности и значения охраны старины, в большинстве случаев и не знакомые с признаками отличать древние предметы, заслуживающие исторического значения, от предметов, недостойных хранения, — не в состоянии удовлетворить требованиям указов, распоряжений, почему в наше время из храмов и монастырей памятники старины уничтожаются или переходят за бесценнокупщикам»¹.

В 1886 г. завершается второй период раскопок — изучение его за счет средств Синода и Министерства народного просвещения под контролем Одесского общества истории и древностей, в действительности же — монахами или случайными лицами, командированными Обществом.

Безусловно, в истории изучения античных памятников Северного Причерноморья в период, о котором шла речь, Одесскому обществу истории древностей принадлежит приоритет. Руководство общества стремилось в соответствии с существовавшей в те годы методикой организовать исследование Херсонеса. Однако отсутствие постоянного

---

¹ Струков Д. М. Письмо в ИАК. 02.1887 // Арх. ИИМК, ф. ИАК, 1/1887, д. 22, л. 49—51. О Д. М. Струкове см.: Козлов В. Певец православной Тавриды: Московский художник Д. М. Струков и Крым // Предвестие. Симферополь, 1993. № 5. С. 87—93. Чтение послания Д. М. Струкова, да и других документов, как и обращение к некоторым историографическим сюжетам, убеждает в том, что анализировать опыт прошлого, как и учитывать его, необходимо. Отдельными фактами хищения раритетов мы сталкиваемся и сегодня. Главной причиной является отсутствие должной охраны. Однако неминуемо встает риторический вопрос: «А как защитить бесценные сокровища, созданные трудом многих поколений, как охранить произведения иконописцев, находящиеся не в музейных хранилищах и экспозиционных залах, а в небольших храмах пустеющих деревень глубинки».

представителя, который осуществлял бы наблюдение за всеми работами на городище, за раскопчной деятельностью монахов, привело к тому, что, несмотря на регулярно посылаемые Инструкции, находки расхищались и продавались любителям древностей, открытые памятники разрушались.

В последующем в переписке председательницы Московского археологического общества П. С. Уваровой и главы Императорской археологической комиссии А. А. Бобринского именно отсутствие контроля будет названо главной причиной разрушения руин Херсонеса¹. И все же следует отметить, что Одесское общество истории и древностей пыталось организовать систематическое изучение городища, но его руководство не смогло найти постоянного, свободного от других обязанностей руководителя раскопок. Это и вызвало замечание П. С. Уваровой: «Велись они людьми, не уважающими науку»². Однако, оценивая деятельность Одесского общества истории и древностей, следует вспомнить сказанное российским историком, сотрудником Императорской археологической комиссии, открывателем знаменитых скифских курганов Н. И. Веселовским (1848—1918): «Едва ли справедливо требовать от лиц, производивших раскопки на юге России в 60—70-х гг., ...чтобы они соблюдали те приемы и методы, которые выработались в последнее время. ...Прежде у нас мало кто сознавал важность топографии древних городов, ...забота

---

¹ Один из авторов, обратившийся к истории раскопок в Херсонесе, высказал предположение, что критика деятельности Одесского общества истории и древностей была обусловлена противоречиями между Императорской археологической комиссией и Московским обществом (см.: Шаманаев А. В. Охранные работы Одесского общества истории и древностей на Херсонесском городище, 40—80-е гг. XIX в. // АДСВ. 2005. Вып. 36. С. 295—306). Вряд ли только это послужило причиной негативной оценки деятельности Одесского общества, ибо в таком случае непонятны критические замечания о состоянии раскопок непосредственно членов Общества, а также К. К. Косцюшки-Валюжинича, развившиеся в уставе созданного им кружка. В те годы он еще не был привлечен к раскопкам Императорской археологической комиссии, являлся нейтральным по отношению к соперничающим между собой организациям.

² Уварова П. С. — В. Н. Юргевичу, 1887, октябрь // Арх. ГИМ. ОПИ, ф. 17, д. 59, л. 14.

была преимущественно о добыче древних предметов (от того зависело существование целого учреждения)»¹.

Не только объективные трудности (отсутствие необходимых средств), но и заслуги Одесского общества истории и древностей были отмечены председателем ИАК А. А. Бобринским, который писал, что Общество сохранило античные эпиграфические памятники и способствовало их изучению². Но, пожалуй, главной заслугой Одесского общества является рекомендация Карла Казимировича Косцюшки-Валюжинича в качестве руководителя раскопками в Херсонесе. С его приходом они перестали быть неконтролируемыми.

В 1888 г. изучение городища перешло к правительственной организации и имело ежегодное финансирование. Это сказалось на улучшении ситуации и с охраной памятников.

В проекте, предлагаемом временным Одесским генерал-губернатором Роопом, отмечалось, что следует принимать меры по охране руин Херсо-

---

¹ А. А. Непомнящий (см.: Непомнящий А. А. Библиография А. Б. Ашика в контексте изучения Крыма в XIX в. // БИ. 2002. Вып. 2. С. 343) приводит эти слова по рукописи Н. И. Веселовского (Веселовский Н. И. Рукопись // Арх. ИИМК, ф. 18, д. 30, л. 3). Заметка Н. И. Веселовского была опубликована, см.: Веселовский Н. И. В защиту русских археологов // ИАК. 1906. Вып. 21. Прибавление. С. 68–70.

² Бобринский А. А. Рапорт в Министерство Императорского двора, 09.08.1887 // Арх. ИИМК, ф. ИАК, 1/1887, д. 22, л. 37–38. Нельзя не отметить публикации членов ООИД, посвященные Херсонесу: Мурзакевич Н. Н. Краткая история древнего города Херсона // Одесский вестник. 1836. № 3–4; Юргевич В. Н. Исторический очерк Херсониса. Одесса, 1889; Штерн Э. О месте нахождения древнего Херсонеса // ЗООИД. 1896. Т. 19. С. 99–103; Он же. Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории Черноморской колонизации // ЗООИД. 1900. Т. 22. С. 1–21. Детальный анализ деятельности Одесского общества истории и древностей содержат «географические разделы» монографии И. В. Тункиной (см.: Тункина И. В. Русская наука...; также см.: Тункина И. В. К истории изучения Херсонеса—Корсуния... С. 96–120). Оценивая деятельность Общества рассматриваемого времени, она делает вывод: «Раскопки членов Одесского общества истории и древностей сводились к поиску произведений древнего искусства» (см.: Тункина И. В. Русская наука... С. 608).

неса совместно Археологической комиссии и Одесским обществом, как и определять время раскопок. Но прежде всего необходимо «объявить, что производство дальнейших раскопок на месте древнего Херсонеса воспрещается и будет преследоваться»¹.

Однако стремление оградить памятники Северного Причерноморья (и не только) от «кладоискательской деятельности» относятся к более ранним временам.

Меры по охране памятников в XVIII–XIX вв.

После присоединения Крыма, при императрице Екатерине II, археология Северного Причерноморья делала начальные шаги. В первое время еще не было ни людей, ни средств, чтобы заниматься географическими, историческими и археологическими исследованиями. Но интерес к Новороссии вызвал многочисленные частные путешествия. Некоторые из них совершались и по повелению императрицы, но целью их являлись общегосударственные задачи, а не историко-археологические. Так, в 1783 г. капитан Берсенев осматривал крымские берега для того, чтобы выбрать место для сооружения удобного порта. В 1785 г. он представил доклад и описание берегов от Кинбурнской косы до местечка Ахтияр, где вырос в последующем Севастополь.

В 1787 г. сопровождавший Екатерину II генуэзский аббат Гаспар Луиджи Одериго преподнес императрице описание памятников Кафы и других городов и местностей, принадлежавших генуэзцам.

Большое значение имели историко-географические экспедиции с целью изучения того или иного региона. Первая из них академика И. А. Гюльденштедта была совершена в Оренбургскую и Астраханскую губернии, а в 1773–1774 гг. он проследовал через Новороссию. Выше уже говорилось об описании Крыма академиком П. Палласом, посетившим «с ученой целью» различные местности. Этой же целью руководствовался Василий Зуев, исследовавший в 1781–1782 гг. земли между Бугом и Днестром, в устье Днепра, побывавший также в строя-

---

¹ Предложения временного Одесского генерал-губернатора Роопа от 22.06.1887 г. на имя Севастопольского градоначальника // Арх. ИИМК, ф. ИАК, 1/1894, д. 250, л. 3, об. сторона.

щемся Херсоне, в названии которого отразилась память о византийском городе и русской Корсуну.

Интерес к прежде закрытой области проявляли и иностранцы. В Лондоне в 1802 г. было опубликовано описание путешествия Марии Гутрие, совершенное ею в 1795–1796 гг.¹

Естественно, не все описания древних городов, работы, освещающие их историю, представляют в настоящее время научный интерес; многие из них полны вымыслов, происхождение которых подчас трудно определить. Одним из примеров соседства не имеющих основы предположений с верными интуитивными догадками является «История Тавриды митрополита римско-католических церквей в России С. Богуш-Сестренцевича (издана на фр. яз. в Брунсвике в 1800 г.)².

Многие названия древних городов в трудах путешественников не были соотнесены с местностью. Например, П. И. Сумароков, путешествуя по югу России в 1799 г.³, пытался ответить на вопрос: где располагались и куда «подевались» такие знаменитые города, как Тира, Танаис, Ольвия и другие, о которых есть свидетельства античных Периплов. Отсутствие ответа вполне объяснимо, ибо для идентификации названий, упоминаемых античными авторами, требовалась значительная работа, которая будет проделана позднее в ходе обобщения материалов археологических раскопок.

---

¹ Редакция альманаха «Историческое наследие Крыма» приступила к переизданию в качестве приложения некоторых сочинений, ставших библиографической редкостью. «Вернулся» к читателям «Крымский сборник» П. И. Кеппена (1793–1864), записки О. Гель (см.: [Гель де О.] Французенка Омер де Гель и ее путешествие по Крыму / Пер., коммент. В. А. Орехова // ИНК. 2004. № 8. С. 185–215).

² О его «историческом труде» см.: Сорочан С. Б. У истоков мифов: С. Богуш-Сестренцевич о раннем Херсонесе // Кумуляция и трансляция византийской культуры: Материалы XI научных Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 2003. С. 90–91. С. Б. Сорочан в тезисах дал следующую характеристику работе: «Ее новизна и эрудиция обратили на себя внимание всего образованного мира, но вместе с тем это хаотическое нагромождение «всякой всячины», ничем не отличающееся от компиляции классического средневекового хрониста» (Там же. С. 90).

³ См.: Сумароков П. И. Досуги Крымского судьи. СПб., 1803. Ч. 1.

«Пантикапею, — отмечал В. Н. Юргевич в обзоре, посвященном начальному периоду исследования памятников Новороссии, — искали тогда в 6 верстах от Керчи. Охота к разысканиям увеличивалась с каждым годом». И далее он продолжает: «Интересовалась и покупала антики и сама Екатерина, возможно, вкус к ним у нее развился после поездки в Крым. Таково было у нас состояние классической археологии после присоединения Новороссии. Благодаря знакомству с древностями, мы научились их уважать, и ожидаем от нея (науки) разъяснения исторических и географических темных вопросов с помощью открываемых памятников»¹.

А. Л. Бертье-Делагард был прав, развенчивая миф о том, что не существовало мер по сохранению руин древних городов — они принимались. В данном случае можно вспомнить Высочайшее повеление об ограждении памятников старины от разрушения (10.03.1806). Но Высочайшее повеление появилось именно потому, что требовалось предотвратить разборку руин на материалы для строительства, которое велось в широких масштабах в первые годы освоения новой территории. Вице-президент Одесского общества истории и древностей В. Н. Юргевич писал, что на землях Новороссии, завоеванных при Екатерине II, «преимущественно открывались неисчерпаемые еще и до сих пор разнообразные памятники древнего греческого искусства, но не удивительно, что они (в прежние времена, занятые татарами, они были недоступны для ученых) возбуждали после завоевания всеобщее любопытство и обращали на себя внимание историков и археологов и что классическая археология в России, найдя здесь богатый материал, зародилась собственно в нашем крае»².

Следует учитывать и Указ 1826 г., в котором подписавший его император Николай I повелевал всем гражданским губернаторам доставлять сведения о достопамятных вещах. В том же году вышло распоряжение «О доставке сведений об остатках древних зданий в городах и воспреещении разрушать оные». Выше эти документы уже были упомянуты. В 1841 г. был издан Указ Министерства государственных имуществ, а

---

¹ Подробнее см.: Юргевич В. Н. Об археологии в царствование императрицы Екатерины II // ЗООИД. 1897. Т. 20. Протокол № 5. С. 23—29.

² Там же. С. 23.

в 1848 г. Указ «О наблюдении за сохранением памятников древности». Большое значение в деле охраны памятников играли местные археологические общества. Для Северо-Причерноморского региона — это Одесское общество истории и древностей, о котором речь уже шла, одновременно с ним был создан музей, пополняемый находками из Ольвии, Херсонеса, Пантикапея и других античных центров. В уставе Общества следующим образом определены задачи: собирание, научное описание и хранение древностей (но не раскопки).

Следует отметить и предпринятое В. Н. Мурзакевичем¹ описание находок (1842) и составление каталога (1846), который имел следующие разделы:

1. Древнегреческие памятники, найденные в развалинах Ольвии, Херсонеса, Феодосии, Пантикапея.

2. Римские памятники Бессарабии.

3. Генуэзские древности.

В сущности, Одесское общество истории и древностей являлось значительной научной организацией. Труды, посвященные истории Северного Причерноморья, тех, кто являлся его членами, хорошо известны и к ним обращаются и в наши дни: Н. Н. Мурзакевича, В. Н. Юргевича, Э. Р. Штерна², П. О. Бурачкова³, А. В. Орешникова,

---

¹ Его диссертация посвящена истории генуэзских поселений в Крыму (1838).

² Безусловно, перечислить все работы не представляется возможным. Обратим внимание только на некоторые: Штерн Э. Р. Несколько заметок по поводу статьи В. В. Латышева «О поддельных греческих надписях из Южной России» // ЗООИД. 1895. Т. 18. С. 65—86; О новейших подделках в области керамики на юге России // ЗООИД. 1897. Т. 20. Протокол № 5. С. 37—41 (о знаменитом фальсификаторе артефактов, торговце ими из Очакова Гохмане); Новый эпиграфический материал, найденный на юге России // ЗООИД. 1901. Т. 23. С. 1—33 (надписи из Ольвии, Аккермана и других античных центров); О последних раскопках в Аккермане // Там же. С. 33—61 (здесь приведены свидетельства Геродота об античной Тире, описание памятников XV—XVI вв.; его вывод: это колония милетцев — Офиусса-Тирас-Белгород-Аккерман). О концепции исследователя в отношении раннего периода истории Херсонеса и местоположении древнего города речь пойдет ниже.

³ Работы П. О. Бурачкова: Заметки по древней географии Новороссийского края (письмо проф. Ф. К. Бруну по поводу статьи Л. Н. Майкова о древней географии России) // Известия Императорского географического общества. 1875.

А. Л. Бертье-Делагарда¹. В число членов Общества был принят и К. К. Косцюшко-Валюжинич.

Находки сосредотачивались также в Керченском² и Феодосийском музеях, деятельность которых ООИД стремилось контролировать.

Однако не все благие намерения оказываются осуществимы. Средств ни в ООИД, ни в музеях, даже столичных, на научные цели не хватало³.

«Ужасная дороговизна изгоняет меня из Петербурга в Германию: малое жалованье, получаемое мною, не достаточно для моего пропитания, а еще более для воспитания моих семи сыновей и одной дочери. Воротившись в Германию, я буду получать как профессор вдвое против

Т. 11. Вып. 3 и 5; Греко-скифский мир на берегах Понта // ЖМНП. 1876. № 12; О записке Готского топарха // ЖМНП. 1877. № 8; Опыт объяснения одного темного места в сказаниях Геродота о древней Скифии // Труды 4-го археологического съезда. Т. 2; О памятниках с руническими надписями, находящихся на юге России // ЗООИД. Т. 9; О местоположении древнего Киркинита (ныне Евпатории) и монетах, ему принадлежащих // ЗООИД. Т. 9; Опыт исследования о куманах или половцах // ЗООИД. Т. 10; Опыт соглашения открытой в Херсонесе надписи с природою местности и сохранившимися у древних писателей сведениями, относящимися ко времени войн Диофанта, полководца Митридата, со скифами // ЗООИД. Т. 12; Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней южной России. Одесса, 1894; По поводу брошюры А. В. Орешникова: «Боспор Киммерийский в эпоху Спартокидов» // Труды 6-го археологического съезда. Т. 2; Заметки по исторической географии южнорусских степей // Киевская старина. 1886. Кн. 4; Объяснения к археологической карте Новороссийских губерний и Крыма Древности // Труды МАО. Т. 12. Вып. 1.

¹ И. В. Тункина, рассматривая становление археологических исследований на юге России, посвящает специальные разделы деятельности южнорусских археологических музеев (1839—1861) и Одесскому обществу истории и древностей (см.: Тункина И. В. Русская наука... С. 292—294).

² Об истории керченского музея см.: Лазенкова Л. Керченский музей: Основатели. Керчь, 1998.

³ В данном плане интерес представляет построенная на архивных материалах статья: Шаманаев А. В. Организация финансирования археологических исследований ООИД в Херсонесе // ИПИР. Екатеринбург, 2005. Вып. 6. С. 272—283.

того, что получаю здесь за три должности. ...Прибавьте к этому, что меня здесь считают нисколько не лучше какого-нибудь писца или секретаря, и Вы не будете сомневаться в том, что мне опротивело мое положение и что я желаю от него освободиться. Мое сочинение о монетах появится затем вскоре в Германии, где многие государи покровительствуют ученым трудам. ...Посылаю Вам начало моего разделения на классы Ольвийских монет ...

Я занимался 20 лет почти исключительно монетами и камнями и в награду за это имел только скудное содержание», — писал академик Келлер¹.

О несовершенстве методики археологических исследований, разграблении памятников в процессе раскопок из-за отсутствия специалистов в начальный период изучения древностей Северного Причерноморья писал В. В. Латышев². Но такое положение характерно в период становления античной археологии не только для России³.

Однако к концу XIX в., ко времени, когда начались систематические раскопки в Херсонесе, уже создаются первые Инструкции о правилах полевой деятельности и фиксации находок. Одна из них принадлежит Д. Я. Самоквасову, который следующим образом определял цель раскопок: «Значение научных раскопок — подобно изданию письменного памятника, но неполнота не может быть исправлена, так как они уничтожаются во время раскопок. Правильное ведение дневника. Внешние условия кургана — форма, величина, местность, предания о происхождении и историческое значение. Местонахождение — описание

---

¹ Скальковский А. А. (собирал), Юргевич В. Н. (перевел с нем.). Письмо академика Келлера к неизвестному нумизмату, написанное из Санкт-Петербурга в 1817 г., 2 марта // ЗООИД. 1894. Т. 17. Разд. 4. С. 3—4.

² Латышев В. К истории археологических исследований в Южной России: Из переписки А. Н. Оленина (1763—1843) // ЗООИД. 1889. Т. 15. С. 61—115. (Здесь же публикует письма к М. С. Воронцову).

³ Характеристика методики и состояние археологических исследований в России начала XX в. приведена: Жебелев С. А. История археологического знания. Пг., 1923. Ч. 1; Он же. Введение в археологию: Теория и практика археологического знания. Пг., 1923. Ч. 2.

местности. ...Не сохранились ли у местных жителей предания о других. О постройках: не уничтожены ли во время проведения дорог, строений. Описание формы насыпи. Величина. Способ раскопок: послойная съемка земли, начиная с вершины; прорытие колодца; сквозная траншея. ...Тщательно просматривать землю. Вещи при остовах оставлять на местах. Если пепелище — снимать послойно.

Все находки должны быть пронумерованы. Дневник хранится там, где и находки»¹.

О внимании к методике раскопок среди крымских исследователей свидетельствует публикация Инструкции с дополнениями одного из ее сотрудников на страницах «Известий Таврической Ученой архивной комиссии»².

Конечно, любой вид источников требует анализа. В настоящее время разработана его структура, как для письменных, так и археологических источников. Когда речь идет о тексте, она предусматривает внешнюю критику, включающую такие операции: экспертиза подлинности, проверка сохранности, установление времени, перевод текста на один из современных языков, и высшую — внутреннюю критику (выявление первоисточника, установление его объективности и полноты информации)³. Внешняя и внутренняя критика осуществляется и при обращении к археологическим данным. Безусловно, с учетом специфики образования, формирования (отложения) источника. Субъективный момент в отдельных случаях вносится в ходе раскопок, как и полнота или неполнота того материала, который был получен в процессе изучения памятника. Если сравнить наши современные методические указания, которые время от времени публикуются или прилагаются к документу на право ведения археологических раскопок (Открытый лист), то можно увидеть много общего с тем, что реко-

---

¹ Самоквасов Д. Я. Инструкция для научного исследования курганов // ИТУАК. 1888. № 4. С. 57—62.

² Богданов А. П. Дополнение к инструкции по раскопке курганов // ИТУАК. 1888. № 4. С. 62—66 (автор дополнений особенно подчеркнул значение чертежа: на нем должны быть нанесены все вещи из захоронения).

³ Структура источникового анализа приведена по: Клейн Л. С. Археологические источники. Л., 1978. С. 11.

мендовалось в инструкциях конца теперь уже позапрошлого века. Но беда в том, что подчас инструкции и рекомендации не исполнялись. Тогда, когда К. К. Косцюшко-Валюжинич приступил к раскопкам в Херсонесе, упоминаемые выше правила раскопок, созданные Д. Я. Самоквасовым, были опубликованы (1888 г. — начало раскопок Н. П. Кондакова и К. К. Косцюшки-Валюжинича; 1888 г. — год выхода тома «Известий Таврической Ученой архивной комиссии» со статьей Д. Я. Самоквасова). Но при существовавшем объеме ежегодных раскопок, длящихся в течение нескольких месяцев, при незначительном количестве помощников, которых имел археолог-любитель, каковым являлся первый заведующий Херсонесским городищем, говорить о полном исполнении рекомендаций не приходится.

При сравнении событий конца XVIII — начала XX в. и конца XX — начала XXI в. несколько раз было употреблено слово «конечно», оттеняющее те изменения, которые произошли. Безусловно, принципиальные изменения можно видеть: изменилась методика, на помощь пришли естественные науки, короче стали летние раскопочные сезоны, в экип экспедиций входят различные специалисты, точнее описывается ход раскопок, фиксируется местоположение каждой находки. Но... Хотя бы несколько штрихов для заполнения этого «но»: не публикуются ежегодные отчеты¹ (как это делала Археологическая комиссия); не найдем мы в современных вестниках и газетах столь подробных и несущих научную информацию, регулярно печатаемых статей, освещающих новые страницы истории региона (только сенсации, или то, что можно «выдать» за таковые). И еще один штрих к «но»: Закон об охране памятников существует. Но памятники древности разрушаются.

---

¹ Краткие заметки, освещавшие результаты раскопок, — «Археологические открытия», которые публиковались в последней четверти XX в., безусловно, имели значение для первичного ознакомления с открываемыми памятниками. Возобновление подобного издания с 1991 г. предпринято Институтом археологии АН Украины («Археологические открытия в Украине»). Примечательной особенностью выпусков является полнота информации, а также публикация дискуссионных материалов, весьма остроумно предоставленное в кратких заметках мнение (или отношение) редакции на характер ведения научных дискуссий.

Торговля древностями существует. Более того, появилась «специальность» — «черные археологи», подчас лучше оснащенные в сравнении с профессиональными исследователями.

Однако вернемся к 1888 г., который стал годом начала систематических раскопок в Херсонесе.

В преддверии его произошли события, которые способствовали изменению ситуации, о чем свидетельствуют многочисленные официальные документы, частная переписка, поиски специалиста, который бы возглавил исследование Херсонеса.

Обращение графини П. С. Уваровой к императору Александру III

О событиях этого времени, о состоянии уже открытых памятников и ходе раскопок лучше всего свидетельствуют архивные документы: корреспонденция председателя Московского археологического общества графини П. С. Уваровой и председателя Императорской археологической комиссии А. А. Бобринского; материалы своеобразного совещания, на котором обсуждалось обращение П. Уваровой к императору Александру III. Сравнение документов позволяет проследить и позиции всех сторон, и борьбу, которая развернулась между ними в годы, предшествовавшие началу систематического исследования Херсонеса.

В 1886 г. председатель МАО П. С. Уварова, воз-

Прасковья (Полина) Сергеевна Уварова

вращаясь из Константинополя, посетила Херсонес. То, что она увидела, заставило ее обратиться лично к императору. Графиня Уварова писала о разрушении памятников и бесконтрольности раскопок, считая, что не монастырь, а одно из археологических обществ (подразумевалось Московское) должно производить исследование этого уникального памятника, названного ею «русской Помпеей»¹.

Копия Обращения П. С. Уваровой с пометами императора хранится в архиве Института истории материальной культуры. Документ сам по себе чрезвычайно интересен для характеристики эпохи, кроме того, он дополняет сведения по истории раскопок в Херсонесе, поэтому ниже текст его приведен с небольшими купюрами.

*Из записки П. С. Уваровой, адресованной Александру III
(Пометы императора выделены другим шрифтом)*

Одна из первых помет гласит: *«Это необходимо сделать, чтобы не прослыть за варваров»*.

П. С. Уварова писала: «Древняя святыня земли русской — город Корсунь или Херсон. Здесь на берегу Черного моря равноапостольный князь Владимир венчался и принял святое крещение, отсюда свет христианства распространился по всей России. Святыня эта должна быть дорога всякому русскому сердцу; должна быть известна всей грамотной России; должна служить основанием при изучении русской архитектуры и русского искусства, но не то мы видим на самом деле.

Вашему Императорскому Величеству угодно было прошлым летом посетить древний Херсонес, и нам нет надобности распространяться на счет того запустения, в котором Херсонес предстал перед Вашими Августейшими глазами».

На полях: *«Действительно, я был поражен этим безобразием!»*

«Запустение это увеличивается с каждым годом, поражает даже чужестранца и не может не служить укором всякому истинно русскому человеку!»

На полях: *«Верно»*.

---

¹ Уварова П. С. — Александру III, 1887 // Арх. ИИМК, ф. ИАК. 1/1894, д. 250, л. 1–2.

«Прошу позволения Вашего Величества воскресить картину прошлого и представить Херсонес в тот момент, когда Его Величеству Государю императору Николаю Павловичу угодно было повелеть в 1852 г. графу А. С. Уварову, тогда еще совершенно молодому ученому, воздвигнуть из недр земли древнюю святыню, изучению которой граф посвятил свое время после занятий в Ольвии и Пантикапее.

...Из древних писателей известно, что херсонеситы погребали умерших вне городских стен. Особые городские ворота, через которые выносили усопших, прозывались, может быть, как в Афинах «Могильными воротами». Наконец, из жития святого Капитона видно, что херсонесские гробницы высекались в скале, что сюда часто приходили родные умершего, оставаясь иногда целые дни у тела оплакиваемого родственника, в гробницу можно было войти не иначе, как «бывши камень от гроба отвалену».

Из этого жития можно заключить, что гробницы делались в виде комнат или римских колумбариев, а вход в них заставлялся каменной плитой.

При каждом остоле лежали монеты, разные сосуды, лампы, слезницы и вещи, служившие умершим во время жизни. По монетам можно с точностью определить время погребения, а по предметам видно — язычник это или христианин.

Склепов и отдельно расположенных могил было найдено множество, стены некоторых из них были украшены фресками.

...При исследовании городских зданий главное внимание графа было обращено на остатки древних храмов и на определение времени их построек. С тех пор, как прекратились гонения на христиан, ...в Италии римские базилики были переименованы в церкви. Четырехугольная и продолговатая их форма служила образцом для построек христианских церквей. Сам Константин Великий, по перенесению престола в Византию, выстроил в новой своей столице, по образцу древних базилик, храм в честь Премудрости Божьей¹. С этой формой церквей древние

---

¹ Речь идет о храме Св. Софии (Константинополь), неоднократно страдавшем от пожаров и землетрясений. Один из этапов его строительной биографии приходится на период правления Юстиниана I (527—565). О строительстве и ремонтах храма сохранились свидетельства у различных византийских авторов.

христиане соединяли мистическую идею. Продолговатые храмы эти, наподобие корабля, сказано в Апостольских постановлениях, обозначают плавание к небесному престолу.

Церковь, разрытая графом, лежит в северной части Херсонеса, так близко к морю, что обрушивающаяся часть берега увлекла за собой целый угол этого здания¹.

...Два ряда, в одиннадцать колонн каждый, идут во всю длину храма и подразделяют его на три части. На колоннах написаны имена граждан, пожертвовавших деньги на устройство их. Все базы колонн сделаны по одному рисунку. В капителях же находится большое разнообразие, но так удачно согласованное, что при общем взгляде на храм разнообразие это, наверное, не бросалось в глаза. Некоторые капители по правильности рисунка и верности ордера относятся к эпохам, когда процветало искусство чисто греческое. Другие же, сделанные в виде опрокинутых трапеций с крестами или монограммами Христа, явно принадлежат архитектуре византийской.

Алтарная часть храма оканчивалась полукруглым выступом, каменная скамья позднейшего устройства служила горним местом. Стены здесь сохранились лучше и выше, чем в остальных частях храма. Четырехугольная плита обозначала место престола, под ней оказалась небольшая яма, в которой найдены 22 медные византийские монеты: 19 византийских императора Романа I (920—944), одна восточная и две стертые.

Мраморный амвон обнесен шестью колоннами, между которыми помещены мраморные, на ребро поставленные плиты с византийскими на них крестами.

...Средняя часть церкви, собственно храм, вымощена плитами из белого мрамора. Средние колоны по обеим сторонам нефа заделаны от самых баз кирпичами почти до трех аршин высоты. Тут найдены гробницы, но скелеты, в них лежащие, оказались истлевшими и не носили никаких признаков для определения времени погребения.

---

¹ Масштабы разрушений прибрежной части городища позволяют выявить анализ топографических планов, замечаний в отчетах К. К. Косцюшки-Валюжинича.

В боковых галереях пол вместо мрамора выстлан мозаикой, которая, судя по красоте ее рисунка, должна, кажется, принадлежать древнему зданию.

Храм и обе галереи соединяются с внутренним притвором, посредством трех дверей. Притвор разделяется на три части колоннами. В некоторых частях его сохранились остатки напольной мозаики.

На северной стороне притвора начинается какая-то пристройка, не исследованная за неимением времени по случаю возникновения военных действий. Постройку этого храма следует отнести к царствованию Константина Великого.

...Французы заняли Херсонес и устроили здесь свою главную квартиру, с войсками были ученые, которые хотели извлечь ценности Херсонеса, с которыми познакомились по трудам графа. ...Но, что судьба спасла от иноземцев, то должно погибнуть от рук тех, которые должны более других дорожить первыми христианскими древностями народа русского.

...Всем известно, как архимандрит здешнего монастыря Евгений расхищал Херсонес и, нагружая ночью полные баржи, сбывал свою добычу на фабрику шипучих вин в Севастополь.

С тех пор прошло несколько десятков лет, а положение Херсонеса все более и более ухудшается, из древностей времен графа Уварова уже ничего не осталось, храмы и могилы расхищены, город и могильники стоят не огороженными, раскопки производятся полуграмотными монахами без всякого контроля и научного плана, древние стены взламываются и употребляются на нужды монастыря.

Можно предвидеть время, когда от древней Корсуни останется одна груда камней никому не нужных, ни о чем не говорящих.

...Повели, Государь, и древний Херсонес станет русской Помпеей, заинтересует всю благомыслящую Россию, привлечет к изучению своих древностей не только русских ученых, но и путешественников из Западной Европы.

...Труден и тернист путь, по которому пойдут первые работники и исследователи испорченного хищениями Херсонеса.

Эту трудную и на первых порах неблагоприятную задачу возможно возложить на одно из археологических обществ, требуя от него устройства на месте отдельной археологической станции, со своим сторожем и

работником, инспектором и консерватором. Устроив подобную станцию, следовало бы, сократив монастырь, обязать новых хозяев содержать священнослужителей для постоянного служения в местной церкви».

Иранее, и в последующем П. С. Уварова неоднократно писала о состоянии раскопок в Херсонесе, свидетельства этого сохранились в архивах.

Примером может послужить описание одного из событий 1884 г. Во время научной экскурсии участников археологического съезда председательница МАО, по инициативе которого они проводились, намеревалась в присутствии участников «открыть одну из многочисленных могил, которыми изобилуют окрестности Херсонеса». Разрешение от городских властей на раскопки было получено, но по недосмотру канцелярии, был указан участок, считающийся владением монастыря. Его эконоом, вероятно, не в очень тактичной форме передал просьбу настоятеля Пахомия «здесь не рыть». И, как пишет П. С. Уварова, она «удалилась под присмотром урядника и эконома монастыря на городскую землю. ... Грустным недоразумением назвал этот эпизод автор статьи в «Севастопольском листке» (06.09.1884, № 72)», — замечает она, обращаясь к В. Н. Юргевичу, и продолжает: «К великому прискорбию заметила, что Пахомий полный хозяин исследования развалин этого города, а между тем, Вы, как вице-президент того ученого общества, которое стоит во главе этого ученого труда и под ответственность которого производились эти раскопки, не имеете в этом чисто научном деле ту власть, которая необходима для спасения оставшихся руин Херсонеса от конечной их гибели. ...Никто из ученых, посетивших Херсонес, не мог понять, каким образом дело ведется заочно Одесским обществом, а заведует им на деле лицо, вполне неизвестное науке»¹.

Критикуя форму отчетов ООИД, в которых отсутствовали свидетельства о том, что было открыто и какие находки обнаружены во время раскопок, П. С. Уварова писала В. Н. Юргевичу: «В то время я не раз говорила покойному Мурзакевичу, что невозможно рыть без предварительного обсуждения плана, поручать это заочно надсмотрщику, даже не имеющему представления о первых основаниях археологии». (Далее, перечисляя некоторые выдающиеся археологические открытия второй

---

¹ Уварова П. С. — В. Н. Юргевичу, 1887, октябрь // Арх. ГИМ. ОПИ, ф. 17, д. 59, л. 13–17.

половины XIX в., она отмечала, что «без подготовки, без обдуманного плана Шлиман не открыл бы Трои¹, Фиорелли не вознес бы перед нами развалин Помпеи)». В заключение письма подчеркнуто, что «в Риме сносят целые здания для очистки развалин Форума. Между Форумом и Палатином находится знаменитый Фарнезейский сад, в который вели ворота. Эти сады уничтожаются, чтобы открыть развалины. В Риме очищают Форум от чудных садов, а у нас засыпают исторические развалины для устройства плантаций архимандрита»².

---

¹ Здесь не место останавливаться на обсуждении ошибок Г. Шлимана, однако нельзя не отметить заслуги, о которых напоминает графиня Уварова. Г. Шлиман «углубил историю Эллады на много веков». Сказать лучше, чем написал о значении исследований Г. Шлимана У. Ю. Гладстон вряд ли возможно: «Его встретили враждебность и молчание, но они рассеялись как туман в лучах солнца, когда стала очевидна великая ценность его открытия. ...Когда умирает глава государства, то звонят колокола, палят все пушки, приспускаются все флаги. Но потом только даты его жизни помнят школьники, пока этого требует политика. Потом его также забывают, как и его предшественников. Ныне умер Шлиман, и не развеваются флаги с черным крепом, не гремят залпы траурных салютов, не звонят колокола. Но мир на один день затаил дыхание, как это было в 1873 и 1876 гг., когда Шлиман совершил свои самые поразительные открытия, и потом навсегда сохраняет в памяти его имя. Королей забывают. Люди, открывающие новые пути, живут вечно» (цит. по: Штоль Г. Шлиман: Мечта о Трое. М., 1965. С. 427).

Об открытиях Г. Шлимана, любителя-археолога, как и его хронологических ошибках, написано значительное количество работ. В числе наиболее поздних можно привести книгу Карла Блегена, исследователя, внесшего значительные коррективы в датировку памятников Трои: Блеген К. Троя и троянцы: Боги и герои города-призрака (М., 2002). Открытия Г. Шлимана и наиболее выдающиеся находки в популярной форме освещены журналисткой и специалистом по древней истории Э. Г. Криш «Сокровища Трои и их история» (М., 1996). Останавливает она внимание и на судьбе некоторых из них, оказавшихся после Великой Отечественной войны в СССР. Представление о раскопках памятников Микенской культуры дают и неоднократно издаваемые труды Г. Шлимана (например, см.: Schlimann H. Itaka, der Peloponnts und Troja: Archäologische Forschungen. Darmstadt, 1989).

² Уварова П. С. — В. Н. Юргевичу // Арх. ГИМ. ОПИ, ф. 17, д. 59, л. 17.

Узнав об Обращении П. С. Уваровой к императору, председатель ИАК А. А. Бобринский, стремясь не допустить Московское археологическое общество к раскопкам Херсонеса, попытался в том же году организовать начало работ.

В июне 1887 г. из своего имения в Смеле А. А. Бобринский писал к замещавшему его В. Ф. Тизенгаузену: «Начать подготовку раскопок, вне зависимости от хода обсуждения, сделать все, чтобы задержать окончательное решение вопроса до начала работ. Если не удастся, то стремиться доказать, что ни одно археологическое общество, будучи частной организацией, не способно вести раскопки в Херсонесе. Сделать все, чтобы контроль был сохранен за Комиссией. Ссылаться на стремление ее уже в этом году начать раскопки»¹.

Ответ на Обращение П. С. Уваровой к императору готовился в Министерстве народного просвещения статс-секретарем И. Д. Десяновым (1818—1897); участниками совещания были обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев (1827—1907) и А. Ф. Бычков (1818—1899).

В документе было охарактеризовано состояние городища и отчасти отражена история его изучения:

«В Херсонесе — месте знаменательном в летописях православной церкви уже в продолжение столетия производились раскопки, каждым, кто только хотел ими заниматься. Значительная часть Севастополя выстроена из остатков исторического Херсонеса. Мраморы увозились для домашнего потребления или развозились любителями древности.

Из числа уже известных, имена флотского лейтенанта Бяратинского, производившего здесь раскопки ранее 1835 г., и Д. Карейши, работавшего в 1947 г. для Императорского Эрмитажа. В 1850 г. знаменитый иерарх, архиепископ Иннокентий, желая, с одной стороны, охранить от расхищения древности, скрытые под развалинами в недрах земли, а с другой — ознаменовать церковным учреждением некоторые места, служащие памятниками древнего христианства в Новороссийском крае, вошел с ходатайством в Святой Синод о разрешении ему устроить в этом месте и, между прочим, в Херсонесе, иноческие пустынножительства, находя неудобным водворять в них белое духовенство».

---

¹ Бобринский А. А. — В. Г. Тизенгаузену, 27.06.1887 // Арх. ИИМК, ф. ИАК, 1/1887, д. 22, л. 70.

После описания работ А. С. Уварова следует продолжение:

«После войны 1853—1856 гг. немногое осталось неповрежденным во вновь открытой базилике, мозаика была в ней разнесена, колонны сдвинуты. ...В 1861 г. по Высочайшему повелению Херсонесский монастырь Св. Владимира был возведен в первоклассный. С этого времени архимандрит Евгений производил раскопки и из находимых предметов образовал нечто вроде музея; часть найденных вещей была им отправлена в Москву на Политехническую выставку, откуда не возвратилась, многие же предметы, если верить молве, он продавал и даже присвоил себе.

В 1875 г. бывший министр народного просвещения граф И. Толстой¹, обозревая учебные заведения в Одессе, посетил находящийся близ Севастополя Херсонесский монастырь, заметил около строящегося храма Св. Владимира в большом числе лежавшие остатки византийского зодчества и, чтобы они не исчезли без следа, предложил Одесскому обществу принять в свое ведение эту местность.

...Одесское общество истории и древностей открыло: фундаменты базилики у Карантинной бухты и морского берега (Восточная базилика), церковь с мозаичным помостом; обнаружило около десятка улиц древнего города, остатки различных зданий и водопровод, несколько эллинских и латинских надписей, среди них о полководце Митридата Евпатора за покорение Крыма и освобождение херсонеситов от скифского ига; в честь Аристона сына Артинова, ходатайствовавшего в 1882 г. к императору Адриану о дарении Херсонесу прав свободного города. В 1884 г. вследствие истечения средств, до будущих частных пожертвований Общество прекратило раскопки. Из-за этого оно не смогло также устроить из находимых мраморов нечто подобное музею. ...Если Одесское общество не могло выполнить как следует возложенную на него обязанность, имея в своем составе много местных ученых, если оно должно было поручить производство раскопок людям, не вполне знающим, и публично сознаться, что в течение 1882, 1883 гг. проданы за границу или приезжающим в Крым предметы, служащие

---

¹ На раскопки в Херсонесе Синод до 1881 г. ассигновал по 1000 руб., затем в течение 4 лет такая же сумма отпускалась Министерством народного просвещения.

доказательством, что почва Херсонеса, несмотря на частые в ней поиски, не истощилась, то едва ли будут находиться в таком же положении Императорские археологические общества Московское или Санкт-Петербургское.

...Желательно для чести России и русской науки охранять от дальнейшего расхищения классическую древность Херсонес, собрать в одно место все, что еще осталось и будет найдено, и производить ученым образом дальнейшие археологические изыскания. Но для этого необходимы, во-первых, люди, во-вторых, средства»¹.

Предлагаемые меры состояли в следующем: запрещение раскопок «на местности Херсонеса»; ее дальнейшее изучение Археологической комиссией совместно с Одесским обществом истории и древностей; создание музея и охрана территории. При этом говорилось, что предложение о ликвидации монастыря «едва ли уместно».

Призыв П. С. Уваровой «спасти Херсонес» был услышан. И она была не единственной, кто был озабочен состоянием дел в Херсонесе. Однако «возрождение раскопок в Херсонесе» стало заслугой не Московского археологического общества, а соперничавшей с ним Императорской археологической комиссии.

Соперничество это началось с Археологических съездов, инициатором созыва которых выступило Московское археологическое общество. Разногласия с А. А. Бобринским, между ИАК и МАО усилились, когда граф Уваров в докладах на съездах начал говорить о необходимости изучения наиболее ранних памятников — каменного века, а не ограничиваться только скифскими и греческими древностями. Петербургское археологическое общество и Археологическая комиссия не откликнулись на призыв, тогда Уваров «открыл двери Московского общества для всех», кто проявлял интерес к славянским курганам и памятникам, назначил стипендии для поощрения изысканий. Эти меры обусловили различия в составе двух организаций. В экспозиции Исторического (Румянцевского) музея стремились представить все периоды истории Российского государства с древнейших

---

¹ Бобринский А. А. Отношение ИАК в Министерство Императорского двора // Арх. ИИМК, ф. ИАК, 1/1887, д. 22, л. 11—15.

времен, а не выставлять отдельные раритеты, что было характерно для Императорского Эрмитажа тех времен.

Начало систематических раскопок в Херсонесе

Записка П. С. Уваровой способствовала изменению отношения к раскопкам в Херсонесе. А. А. Бобринский, побывав в Севастополе и встретившись с В. Н. Юргевичем, представил в Министерство Императорского двора подробнейший рапорт, в котором были изложены и современное состояние раскопок и задачи, которые определяли основные направления деятельности Археологической комиссии.

Из Рапорта А. А. Бобринского:

«Возродить Херсонес — русские Помпеи! Здесь трудно ожидать больших результатов, там сохранилось все, здесь — только фундаменты, так как Херсонес неоднократно подвергался разрушению разных народов, не щадивших памятники искусства, часто не оставляя камня на камне. Но можно восстановить фундаменты, узнать размеры, открыть, получить новые памятники древнего быта, погребенные под слоем мусора¹.

Исследование требуется не поверхностное, чтобы полностью освободить здания, их фундаменты от мусора и камня. При этом следует заметить, что вывоз мусора и камней с уже отчасти исследованной части может показаться неблагодарным трудом и лишнею тратой денег. ...Если приводить руины Херсонеса в действительный порядок, то следует заранее отказаться от надежды ежегодного обнаружения каких-либо редких древностей. Таковые будут, без сомнения, попадаться по временам, я даже полагаю, что они будут встречаться более часто, чем может показаться с первого взгляда. Но могут повторяться года за годами, в которых не будет вовсе сделано интересных находок, которые будут посвящены неблагодарной вывозке мусора и камней и обнаружению фундаментов. Хотя в этих фундаментах многие не видят научного интереса.

---

¹ В данном документе глава археологической комиссии наряду с критикой предшествующих раскопок, в сущности, намечает программу исследований в Херсонесе. Полностью осуществить ее не позволили многие обстоятельства.

Исследовать везде, не только внутри стен монастыря, но и к западу, в окрестностях, у Херсонесского маяка, где некоторые ученые на основании находок монет ищут следы древнего, довизантийского Херсонеса, и где вовсе не было произведено научных раскопок¹.

Раскопки сосредоточить исключительно в одних руках, только при этом условии возможен желательный порядок и строгая система раскопок. ...Предпочтительнее Комиссия, так как орган правительственный; не зависит от разных случайностей, которые играют большую роль в частных обществах. ООИД на деле уже показало, что оно хоть и привело к значительным открытиям, но сохранить их не смогло.

Что касается монахов, следовало бы раз и навсегда запретить им всякое вмешательство в дело раскопок и сохранение руин. Для сего следовало бы возможно скорее приказать им сдать в ведение Комиссии точную опись всего хранящегося в так называемом музее и Дворе древности до постройки здания музея.

Это необходимо, так как в числе прочих у них хранится надпись в честь Диофанта.

...Заведовать раскопками пригласить какое-либо лицо по рекомендации ООИД, живущее в Херсонесе; на него возлагается крайняя добросовестность и известная ученость. ...Для высшего контроля пригласить Бертье-Делагарда»².

Возглавить раскопки было предложено Никодиму Павловичу Кондакову (1844—1925) и Ивану Ивановичу Толстому (1858—1916), члену Археологической комиссии.

Н. П. Кондаков ответил отказом, сославшись на предстоящую командировку за границу для ознакомления с музеями в связи с подготовкой очередного тома «Русских древностей»³.

Обстоятельное письмо пришло от Ив. И. Толстого, в котором рекомендовалось внести в Отношение в Министерство Императорского

---

¹ О двух Херсонесах, дискуссии, которая возникла на основании свидетельств античного географа Страбона, см. далее.

² Бобринский А. А. Рапорт в Министерство Императорского двора от 09.08.1887 г. // Арх. ИИМК, ф. ИАК, 1/1887, д. 22, л. 37—40.

³ О творчестве Н. П. Кондакова см. статьи в сборнике: Мир Н. П. Кондакова. М., 2004.

двора рядополнений, прежде всего о том, кто является собственником земли, и если монастырь, то выкупить у него участок городища, чтобы в дальнейшем не было недоразумений. Относительно устройства музея в Херсонесе, он заметил, что сомневается в необходимости его строительства, так как «все лучшие вещи находятся в музеях и требовать все это обратно для сокрытия в захолустном хранилище, немислимо. Если найдут что-то хорошее, то оставленное там, оно будет сокрыто от всей, а не большинства публики. Только громоздкие вещи, дубликаты оставлять, устроить обычный музей, хотя бы в базилике»¹.

В 1887 г. Археологическая комиссия не смогла приступить к раскопкам, о чем сообщил в Министерство Императорского двора В. Г. Тизенгаузен². Но по совету В. Н. Юргевича было найдено лицо, для которого изучение Херсонеса станет делом жизни — К. К. Косцюшко-Валюжинич.

В мае следующего года Н. П. Кондаков, прибывший в Севастополь из Ялты, писал: «Бертье-Делагарда не нашел. Он занят сооружением мола в Ялте. По словам Косцюшки, он слишком занят на стороне, не сможет взять на себя заведование раскопками, но охотно примет участие и поможет своими указаниями. Косцюшко-Валюжинич в это лето свободен и очень желал бы посвятить себя надзору за раскопками. Лично я нахожу, что Археологическая комиссия вполне может доверять ему, если поручит руководить раскопками мне или В. Н. Ястребову (архитектор). Последнее лицо я предложил в тех видах, что Комиссии на будущий год необходимо будет вновь выбирать специалиста и приучать его делу раскопок, так как Бертье вряд ли будет свободен, а Косцюшко собирается с осени перебраться в Керчь.

...Подготовка будущих провинциальных членов Комиссии сторона особенно важная при расширении ее задач. ...Я передал архимандриту Иннокентию, что Комиссия налагает запрет на все мраморы до решения вопроса о восстановлении базилики³. Дело в том, что здешняя комиссия

---

¹ Толстой Ив. И. — В. Г. Тизенгаузену, 09.07.1887 // Арх. ИИМК, ф. ИАК, 1/1887, д. 22, л. 29.

² Тизенгаузен В. Г. — Министерство Императорского двора, 27.07.1888 // Арх. ИИМК, ф. ИАК, 1/1887, д. 22, л. 34—36.

³ В восстановленной базилике планировалось создать музей.

по постройке собора выбрала ...все лучшее из мраморов, и колонны, и капители, и орнаментированные плиты для сооружения иконостаса. Добиться отказа от мысли соорудить иконостас из древних мраморов.

Для сооружения базилики нужно будет отобрать колонны в городе, у кого они есть, и в Одессе, куда увезено лучшее. Раскопки начнем 16, в понедельник, налево от собора, траншеей, 3 человека и конная подвода»¹.

Начало систематическому исследованию Херсонеса было положено спустя почти 60 лет после открытия первых его памятников.

Карл Каземирович Косцюшко-Валюжинич не был профессиональным историком, но с его приходом в Херсонес появляются регулярные отчеты о раскопках, с этого времени можно говорить о новой стадии накопления археологических источников. С публикации обширных статей А. Л. Бертье-Делагарда, основанных на материалах раскопок и свидетельствах древних авторов, следует вести отсчет научного изучения памятников Херсонеса. Эти два любителя истории, связавшие свои жизни с Херсонесом, сыграли большую роль в его исследовании и сохранении памятников от разрушения. Многие выдающиеся открытия в области античной истории и археологии в XIX в. принадлежат не специалистам, не профессиональным историкам. Вероятно, это типично для времени, когда зарождалась наука.

Некоторые археологические открытия второй половины XIX в.

Во второй половине XIX в., когда К. К. Косцюшко-Валюжинич обратился к изучению Херсонеса, мир был потрясен целой серией сенсационных археологических открытий, имевших широкий общественный резонанс. В 70-е и 80-е гг. газеты писали об открытиях Г. Шлимана. Загадочная, легендарная Троя, о которой было известно из поэм Гомера, стала исторической реальностью. Еще раньше, после походов Наполеона в Африку, ученые всего мира получили возможность изучать египетскую цивилизацию. Таинственные, веками молчавшие пирамиды фараонов заговорили. Открытия на Востоке, среди которых

---

¹ Кондаков Н. П. — В. Г. Тизенгаузену, 13.04.1888 // Арх. ИИМК, ф. ИАК, 1/1887, д. 22, л. 63—66.

выделяется исследование архива Ашшурбанипала (царь Ассирии, правивший в 668—626 гг. до н. э.), познакомившие ученый мир с великолепным эпосом о Гильгамеше и одной из древнейших версий о всемирном потопе, также относятся к 70-м гг., и сделал их английский историк-самоучка Смит.

Заброшенный холм на территории эллинистического государства — Пергамского царства, благодаря энергии немецкого инженера К. Хуманна, подарил миру такое «изделие» мастеров той эпохи, как алтарь, посвященный Зевсу и Афине. Открытия «сыпались» одно за другим: раскопки Помпеи; исследования Американского археологического института в Греции; начало систематических раскопок В. Дерпфельда (1853—1940) в Микенах и Олимпии — способствовали росту общественного интереса к истории древнейших цивилизаций, к археологии.

На территории России также было открыто немало интереснейших археологических памятников. В 1864 г. около Новочеркасска было обнаружено погребение с многочисленным инвентарем, которое считалось принадлежащим сарматской царице I—II вв. н. э. Позднее оно исследовалось В. Г. Тизенгаузенем и сотрудником ИАК И. Е. Забелиным (1820—1908). Раскопки познакомили мир со скифскими древностями, с изделиями греческих мастеров, работавших на варварский рынок; это и открытие древнейшей культуры Триполья; работы основателя Московского археологического общества графа А. С. Уварова по изучению славянских древностей и, наконец, его же раскопки в Херсонесе, Неаполе Скифском и Ольвии.

Для времени, о котором идет речь, характерен значительный интерес к археологическим памятникам. В этом плане показательным является следующий факт. 1891 г. для России был неурожайным. Крестьянское население центральных и северных областей России в поисках работы и лучшей доли двинулось на юг. Именно в это время некий сотник Нестеров предлагает широкую программу, преследующую две цели: дать работу стекающемуся в южные районы населению и одновременно осуществить обширные раскопки. Согласно его предложению, частично на частные пожертвования, частично на государственные средства следовало осуществить раскопки в районах Поволжья, в Крыму, в Донской области, на Северном Кавказе, по Тереку. Показателем осознания значимости

памятников древности и необходимости их сохранения являются его слова, написанные в предисловии предложенной правительству программы: «Не позволять пользоваться случайными *находками* для сбыта их иностранцам; ...не лишать науку дальнейшего развития, не производя полных изысканий, жалея средства на них, не обогащая хранилища древностей коллекциями. Все это непростительно для каждого любящего науку, свою Родину, а следовательно, и ее древности»¹.

Не случайно, что в 60—70-е гг. создаются провинциальные археологические общества, кружки любителей древностей. Особенно следует отметить деятельность Московского археологического общества, сыгравшего большую роль в сохранении памятников отечественной истории и древнерусской архитектуры. Закономерным является и появление в эти годы Императорской археологической комиссии, одной из целей которой являлась координация всех археологических изысканий, сохранение от гибели древнейших памятников русской истории.

Третий период раскопок: 1888–1927 гг.

Выбор кандидата на руководство раскопками в Херсонесе был завершен к началу лета 1888 г. Первые годы (до 1891 г.) отвечал за исследование городища Н. П. Кондаков², его помощником стал К. К. Косцюшко-Валюжинич. В 1908–1914 гг. территорию кварталов вдоль главной улицы города исследовал Р. Х. Лепер, отстраненный от заведования раскопками по требованию полицейских властей, которые сочли исследователя неблагонадежным. После него наибольший вклад в сохранение памятников Херсонеса внес Л. А. Моисеев, спасавший их в годы Гражданской войны и от белых, и от красных. В 1927 г. в Херсонесе отмечалось столетие раскопок. Этот год стал временем подведения итогов, определения задач на будущее и условно может считаться началом следующего периода.

---

¹ Записка сотника Нестерова // Арх. ИИМК, ф. ИАК, 1/ 1891, д. 149, л. 25.

² О нем см.: Тункина И. В. Материалы к биографии Н. П. Кондакова // Никодим Павлович Кондаков: Личность, научное наследие, архив: К 150-летию со дня рождения (Palace Editions). 2001. С. 9–23.

Из биографии К. К. Косцюшки-Валюжинича

Карл (Николай) Каземирович Косцюшко-Валюжинич происходил из могилевских дворян, до 5 класса учился в горном корпусе. В период его преобразования в высшее учебное заведение (1861) прервал обучение и до 1868 г. жил в имении родных, затем поступил на службу в Динабургско-Витебскую железную дорогу, был служащим строящейся Лозовско-Севастопольской дороги. Оставив службу, он в течение года пытался найти вакансию в Петербурге. Неудачные поиски завершились возвращением в 1874 г. в управление железной дороги на должность контрощика.

Трудно сказать, когда у К. К. Косцюшки-Валюжинича зародился интерес к истории, но осенью 1881 г. он вновь по собственному желанию увольняется, дослужившись до должности бухгалтера с оплатой в 2000 руб. в год. Как сказано в его биографии, «оставил службу и, обладая некоторым состоянием, приобрел дом и занялся изучением истории Крыма, приняв деятельное участие в организации кружка любителей истории и древностей Крыма с музеем и библиотекой». В послужном списке К. К. Косцюшки-Валюжинича отмечено, что в 1885 г. «избран товарищем директора Севастопольского банка» (таковым был до 1890 г.). Вскоре он стал членом Одесского общества истории и древностей, Московского нумизматического общества¹; в 1901 г. — почетным членом-корреспондентом Уральского общества любителей естествознания² и, наконец, только «1 января 1903 г. назначен членом Императорской археологической комиссии с низшим окладом»³ (и это после 5 лет заведования раскопками, в течение которых были сделаны многочисленные открытия).

Для оценки вклада К. К. Косцюшки-Валюжинича в изучение Херсонеса можно привести слова из письма А. А. Бобринского к

---

¹ Косцюшко-Валюжинич К. К. Послужной список // Арх. ИИМК, ф. ИАК, 1/1891, д. 149, л. 2.

² Протокол общего административного собрания УОЛЕ // ГАСО, ф. 101, оп. 1, д. 107, л. 68. Вписан дополнительно в протокол между №№ 32 и 33) // ГАСО, ф. 101, оп. 1, д. 80. № 10.

³ ИАК — Канцелярия Императорского двора, 20.12.1902 // Арх. ИИМК, ф. ИАК, 1/1891, д. 149, л. 46.

К. К. Косцюшке-Валюжиничу: «Помните, это было в дни полного затмения? Для Херсонеса новое солнце с той поры светило так ясно и постоянно, неутомимая Ваша энергия, Ваше терпение и аккуратность привели к результатам, которыми Вы можете по праву гордиться. Никто даже из завзятых скептиков — не будет отрицать и сомневаться в важности раскопок в Херсонесе, ни в факте, что открытием этого источника научного света мы всецело обязаны Вам»¹.

В рапорте делопроизводителя Археологической комиссии, составленном после кончины К. К. Косцюшки-Валюжинича, отмечено: «Найдя архив в отменном состоянии, хотя и упрощенном — в погодных папках, я отобрал для отсылки в Комиссию и для детального обсуждения с Ротом (В. Рот — зять Косцюшки) и Скубетовым (чертежник, архитектор, работавший в Херсонесе) материалы раскопок за 1906 и 1907 гг., лапидарную жатву осени 1907 г., неизданные труды Косцюшки.

Труды следующие:

А) Совершенно готовый к печати со многими таблицами труд об амфорных ручках;

Б) Атлас орнаментов на донышках чернолаковых сосудов;

В) Корпус херсонесских монет в слепках;

Г) Корпус надписей на грузилах;

Д) Корпус резных камней в слепках; начатый сразу с нескольких концов очерк истории и археологии Херсонеса—! (покойный хотел в апреле 1908 г. выйти в отставку для занятий над ним весь остаток жизни, как передает Рот)».

И в последней строчке рапорта стоит: «Долг в размере 860 руб.»².

---

¹ Бобринский А. А. — К. К. Косцюшке-Валюжиничу, 06.06.1896 // Арх. НЗХТ, д. 39, л. 145.

² Рапорт делопроизводителя ИАК А. С. Раевского // Арх. ИИМК, ф. ИАК, 1/1908, д. 5, л. 70. И все, что было перечислено А. С. Раевским, готовилось одновременно с фактически круглогодичными раскопками, в условиях, не очень благоприятствующих научным поискам. Вот что писал директор Керченского музея, один из известнейших археологов того времени В. Шкорпил: «Раскопки в Херсонесе приобрели в последнее время такое громадное значение, что руководство ими нужно непременно поручить знатоку этого дела, либо архитектору, либо опытному византинисту. ...Но для того, чтобы найти такого компетентного

Примечательны слова из письма В. Рота, восполняющие образ исследователя: «Простудился в октябре, но, не обращая внимания на нездоровье, к докторам не обращался (простудился во время поездки на Ай-Тодор, где в это время были открыты оборонительные стены римской крепости). ...В начале болезни был озадачен и обрадован вновь открытыми древнегреческими стенами у батареи в западной части городища и просил по возможности поспешить с окончанием раскопок некоторых участков. ...Стены эти были большим козырем в его руках для опровержения теории уважаемого А. Л. Бертье-Делагарда. ...16.12 погребен в ограде Херсонесского монастыря католическим и православным духовенством совместно. Настоятель монастыря сказал надгробное слово, в котором перечислялись многочисленные труды покойного, его ревностное служение делу, дружеское отношение к братии монастыря»¹.

К. К. Косцюшке-Валюжиничу, с самого начала деятельности в Херсонесе пытавшемуся доказать значение этого города в античную эпоху, не пришлось увидеть всех материалов, свидетельствующих о его правоте, но другая его мечта сбылась. Незадолго до смерти он писал: «Как архонт мертвого города, я поселился на его развалинах, всегда нахожусь там, и желал бы даже быть похороненным в Херсонесе, но, как язычник, по мнению здешних святых отцов, конечно, не удостоюсь такой чести»².

труженика, нужно коренным образом изменить те условия, при которых приходилось работать Косцюшке-Валюжиничу. Следовало, во-первых, увеличить оклад заведующего раскопками, во-вторых, совершенно перестроить Склад древностей и квартиру при Складе, которые похожи скорее на какой-нибудь балаган или сарай, чем на жилое помещение. Стены низких и тесных комнат везде покрыты пятнами, свидетельствующими о необыкновенной сырости; в столовой во время проливных дождей или таянья снегов просачивается через потолок вода; печи страшно запущены» (см.: Шкорпил В. — В. В. Латышеву, 04.03.1908 // Арх. ИИМК, ф. ИАК, 1/1908, д. 5, л. 72–73).

¹ Рот В. — ИАК. Дополнение к биографии К. К. Косцюшки-Валюжинича // Арх. ИИМК, ф. ИАК, 1/1891, д. 149, л. 3.

² Косцюшко-Валюжинич К. К. — П. С. Уваровой, 05.04.1904 // Арх. ГИМ. ОПИ, ф. 17, ед. хр. 555, л. 682а.

Наиболее значимые открытия К. К. Косцюшки-Валюжинича (1888–1907)

Приступая к организации раскопок, глава Археологической комиссии А. А. Бобринский отметил, что необходимо превратить исследование Херсонеса в систематическое и планомерное, а для успешного хода раскопок необходимо сосредоточить исследование Херсонеса в одних руках, что позволит разработать систему и составить план, принять меры к сохранению открытых памятников. Следовало также вывезти землю и камень, оставшийся от раскопок Одесского общества, и привести в порядок все участки, которые были раскопаны в предшествующие годы. «Исследование требуется не поверхностное»¹.

Однако жизнь постоянно вносила коррективы. Сделать изучение городища системным и последовательным, как предполагалось, не всегда удавалось. К. К. Косцюшко-Валюжинич вынужден был производить спешные спасательные работы из-за строительной деятельности Военного ведомства (на территории городища было сооружено несколько военных объектов) и монастыря. Это вызывало критику со стороны некоторых историков. Так, посетивший в 1892 г. Херсонес ученик Н. П. Кондакова, Д. В. Айналов сообщал в Археологическую комиссию: «Раскопки в настоящее время производятся без определенного плана». Далее он называет те участки, которые следовало бы раскопать в первую очередь:

«Стены с запада сильно обваливаются, но здесь сохранились прекрасные постройки: ворота с двумя форпостами полукруглой формы. ...В некоторых местах видны водопроводные трубы из красной обожженной глины. Здание церкви, круглой, в восточной части города, и указанные сооружения должны считаться древнейшими в Херсонесе, и здесь в этом пункте нужно назначить раскопки, ввиду того обстоятельства, что этот пункт доступен для туристов. ...Все остальные стены Херсонеса представляют такие особенности, что вряд ли возникли в очень раннюю эпоху. В некоторых из них я вынул из порога и средней стены две греческие надписи, и эти стены сравнительно древние (V–VI вв. н. э.); другие, в цементе, заключают обломки поливной посуды так

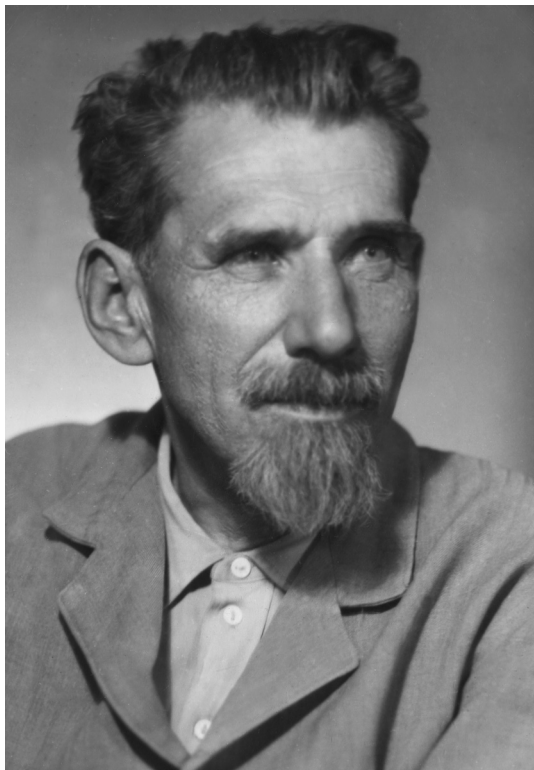
¹ Бобринский А. А. Рапорт в Министерство Императорского двора от 09.08.1887 г. // Арх. ИИМК, ф. ИАК, 1/1887, д. 2, л. 38–39.

называемого половецкого, или казарского, периода (XI—XII вв.)». Ученик Н. П. Кондакова полагал, что в первую очередь необходимо исследовать те участки, которые разрушают туристы и море:

«Следует начать раскопки не внутри города, а на берегу, по всему западному берегу, этим сохранятся многие памятники и постройки от постоянных обвалов и разграблений, так как весь этот берег представляет обнаруживающиеся от обвалов помещения и могилы, привлекающие грабителей»¹.

Речь в данном случае шла о северо-западной части городища, где в 1891 г. были проведены разведочные работы, в ходе которых обнаружены крестообразное в плане сооружение (как было выявлено позднее, пристроенное к базилике), небольшой храм со склепом и усыпальницами. В 1895 г. К. К. Косцюшко-Валюжинич изучал в западном районе городища оборонительные стены. В 1902 г. здесь была открыта базилика, получившая название Западной (или № 13, по плану Археологической комиссии), рядом — два склепа римского времени.

В последующем с внешней стороны западных стен производил раскопки Г. Д. Белов. С исследования северо-западного участка городища

Евгений Георгиевич Суров

---

¹ Айналов Д. В. Письмо в ИАК // Арх. ИИМК, ф. ИАК, 1/1892, д. 10, л. 27—28.

началось изучение памятников Херсонеса Крымской экспедицией Уральского университета, организованной в 1958/59 г. Е. Г. Суровым и М. Я. Сюзюмовым. С тем чтобы дать о них некоторое представление, сделаем небольшое отступление от изложения событий XIX в.

Хронологическое отступление

Одной из задач экспедиции 1958 г. и стала проверка выводов, сделанных на основании изучения эвакуированных из Севастополя в Свердловск архивных материалов.

Е. Г. Суров, участвуя в приведении в порядок пострадавших во время эвакуации документов, начал собирать данные о развитии промыслов в античном Херсонесе. В 1948 г. он опубликовал работу, посвященную рыбозасолочным цистернам. Архивные поиски позволили ему выявить свидетельства о 70 рыбозасолочных цистернах, которые были раскопаны до 1940 г. Исследователь определил возможное количество рыбы, которая могла быть приготовлена в цистернах, и усомнился в правомерности существовавшей точки зрения о причинах и времени строительства рыбозасолочных цистерн¹.

Позднее Е. Г. Суров писал: «Цистерны привлекают наше внимание по ряду причин. Они являются самым многочисленным памятником экономической жизни города. К настоящему времени на территории Херсонеса открыто 90 цистерн. При этом некоторые имеют буквально грандиозные размеры. ...Далее, статистические данные о размерах цистерн позволяют судить о масштабах рыбозасолочного промысла. ...Среди проблем, связанных с этими памятниками, проблема их датировки являлась и наиболее важной и менее всего разработанной. Существовавшие на этот счет мнения держались на очень шатких основаниях. Поэтому было целесообразно предпринять специальное исследование цистерны, подвергнув анализу, не только засыпь, но и ее пол и стены»².

---

¹ Суров Е. Г. Херсонесские цистерны // Учен. зап. Сverdл. пед. ин-та. 1948. Вып. 4. С. 3–47.

² Суров Е. Г. Херсонес Таврический. Свердловск, 1961. С. 67; Он же. К истории северо-западного района Херсонеса Таврического // АДСВ. 1965. Вып. 3. С. 119–147.

Михаил Яковлевич Сюзюмов

Для М. Я. Сюзюмова, бывшего в те годы заведующим кафедрой всеобщей истории Уральского университета, раскопки в Херсонесе представляли интерес потому, что этот город, возникший в античное время, переживший эпоху Великого переселения народов, сохранил свое значение экономического, культурного и церковного центра Таврики. Относительно наиболее дискуссионного периода «темных веков» для Херсона имелись свидетельства писем сосланного сюда в середине VII в. папы Мартина. События конца VII — начала VIII в., IX в. освещены в хрониках византийских историков Никифора и Феофана, Кон-

стантина Порфирогенета. Раскопки Херсонеса могли объяснить причины малочисленности археологических данных для византийских городов, привести к получению дополнительных аргументов в споре с теми, кто придерживался точки зрения о дезурбанизации в Византии или сохранении города в период «темных веков». Сторонником последней, считавшим, что на территории Византии, в отличие от Западной Европы, город сохранил свое значение в переходное к Средневековью время, и являлся М. Я. Сюзюмов¹. Под влиянием М. Я. Сюзюмова в процессе раскопок Уральского университета особое внимание уделялось находкам VII—IX вв.

---

¹ Сюзюмов М. Я. Византийский город (середина VII — середина IX в.) // ВВ. 1967. Т. 27. С. 38—70.

Возвращение к XIX в.

Однако вернемся к поездке в Херсонес Д. В. Айналова, рекомендовавшего избрать иную очередность изучения объектов. В ответ на замечания К. К. Костюшко-Валюжинич отправил в Археологическую комиссию подробное письмо, в котором перечислил основные результаты исследований; кажущуюся бессистемность раскопок объяснил необходимостью исследования участков, на которых возводились монастырские здания или вело работы Военное ведомство. Первому заведующему городищем приходилось заботиться и о выявлении примечательных объектов и находок:

«Первые два года я исключительно преследовал одну мысль: собрать возможно больше интересных находок, так как был уверен, что Археологическая комиссия признает неудобной производить ежегодную крупную денежную затрату, если раскопки не приведут к хорошим результатам, и продолжаю думать, что дальнейшее расследование Херсонесского городища было бы приостановлено, если б не были открыты: в 1888 г. мастерская с моделями терракотовых фигур и в 1889 г. большой храм с остатками превосходного мозаичного пола. ...Позволю себе спросить: были ли бы открыты те ценные эпиграфические памятники, между которыми первое место занимает Присяга, если бы не производились раскопки на площади в центре города, и может ли поручиться г. Айналов, что в то время, когда по происшествии, может быть, десяти лет раскопки, производимые по его теории, дошли бы, наконец, до площади, где находится освященный в 1891 г. храм, где в это время посажены деревья, — монастырское начальство разрешило бы перекопать эту площадь? А между тем именно здесь и открыты наиболее ценные памятники, из числа которых достаточно упомянуть Присягу, мраморные подножья к статуям с надписями, каменный сводик с надписью XII в., мраморного льва и купель.

Профессор Н. П. Кондаков, как главный руководитель раскопок в течение первых трех лет, о котором времени и может соответственно говорить г. Айналов, не одобрил бы и не разрешил бы тех работ, которые велись бы мною без заранее обдуманного плана»¹.

---

¹ Костюшко-Валюжинич К. К. — ИАК, 07.06.1892 // Арх. ИИМК, ф. ИАК, 1/1892, д. 10, л. 29–31.

Характеризуя данный период изучения Херсонесского городища, можно было бы перечислить археологические объекты, которые были обнаружены, привести сведения об наиболее примечательных памятниках искусства, но в плане становления археологии Херсонеса не это является главным. Основное — это методика раскопок, понимание стратиграфии городища, отношение к фиксации находок.

И все же некоторые из результатов и отклики на раскопки К. К. Косцюшки-Валюжинича следует упомянуть.

1888 г. Успех сопутствовал первому году работ К. К. Косцюшки-Валюжинича и Н. П. Кондакова: была открыта мастерская по производству терракотовых фигур. К эпиграфическим памятникам, обнаруженным ранее, добавились свидетельства раннего существования Херсонеса на берегу Карантинной бухты. Но это были еще не самые древние находки. Однако они вызвали сомнения в показаниях Страбона относительно местоположения раннего города, писавшего о двух Херсонесах¹. Но еще предстояло доказать, что Херсонес непрерывно существовал на одном и том же месте со времени основания.

В этом же году появилась статья А. Л. Бертье-Делагарда, в которой он анализирует свидетельства Страбона, частично используя материалы раскопок. Речь шла о крепостях, которые упоминал античный географ. По мнению исследователя, херсонесцы построили крепость Палакулава (испорченное Балаклава, как полагал исследователь); именно здесь следует искать гавань Симболон. А. Л. Бертье-Делагард полагал, что владения скифского царя Скилура простирались до Ольвии, а его сын Паллак возвел крепость у входа в Балаклаву².

После открытия мастерской по производству терракотовых фигур К. К. Косцюшко-Валюжинич писал Н. П. Кондакову, что «разведки подтвердили мнение, что существовал (здесь) древний город, так как везде нашли греческую посуду»³. Он спешил сообщить и о том, что

---

¹ О поисках «нового Херсонеса» и «Страбонова Херсонеса» см. ниже.

² Бертье-Делагард А. Л. О положении трех Тавро-Скифских крепостей, упоминаемых Страбоном, с картами, планами, снимками надписей и рисунками с древних мраморов // ИТУАК. 1888. № 7. С. 56–69.

³ Косцюшко-Валюжинич К. К. — Н. П. Кондакову, 30.09.1888 // Арх. ИИМК, ф. ИАК, 1/1887, д. 22, л. 104.

была обнаружена «в нижнем слое земли древняя монета — III в. до н. э.». Упомянув, что со всех терракотовых фигур сделаны слепки, он жалуется на монастырское руководство: «Опять явился эконо́м и просил очистить занимаемое нашим маленьким музеем помеще́ние. Положение делается невыносимым. Неужели еще не созрело сознание необходимости постройки музея для Херсонеса, который нам русским должен быть доро́же всяких Помпей»¹. (За то, чтобы создать музей в Херсонесе, предстояла еще длительная борьба).

Появление значительного количества материалов античного времени, мастерской по производству терракотовых фигур, требовали объяснения — почему ранее, кроме эпиграфических памятников, не встречалось древностей дохристианской эпохи.

И автор одной из газетных заметок, освещая результаты исследований, объяснял это тем, что «раскопки не производились до материка, выдающиеся эпиграфические памятники, например, надпись в честь Диофанта, обнаруженная в стенах позднего города, относится к случайным находкам. ...Если бы, производя раскопки в Херсонесе, углублялись до материка, то, несомненно, был бы разрешен вопрос, над которым так долго ломают головы наши ученые: Где находился древнегреческий Херсонес, основанный в V в. до Р. Х.?

...Если до сих пор на этот вопрос не последовало ответа, то только благодаря тому, что раскопки велись на незначительной глубине и что между руководителями не было человека, настолько опытного, чтобы на основании одних цементированных цистерн и колодцев, высеченных в скале, он мог догадаться о существовании под открытым небом города другого, более древнего, и принять необходимые меры, чтобы увериться в основательности такого предположения».

Автор отметил, что «после заметки в «Новом времени» Н. П. Кондаков также писал, что под стенами позднего города, вероятно, скрывается ранний». Его мнение опровергает профессор В. Н. Юргевич, ссылаясь на Страбона, которому профессор верит больше, чем неоспоримым фактам, и утверждает, что древний Херсонес находился на другом месте и что найденные остатки нескольких древних фундаментов ничего

---

¹ Косцюшко-Валюжинич К. К. — Н. П. Кондакову, 22.07.1888 // Арх. ИИМК, ф. ИАК, 1/1887, д. 22, л. 89.

не доказывают. Попутно корреспондент критикует методику раскопок Одесского общества истории и древностей: «Любопытно и поучительно для всех, занимающихся раскопками, что часть помещений, составляющих мастерскую терракотовых изделий, пришлось расчищать на месте бывших раскопок Одесского общества, углубляясь на аршин и более до материка, ниже раскопок ООИД»¹.

Итак, с первых лет раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинич поставил две главные цели: найти древний — ранний Херсонес и создать музей. Н. П. Кондаков склонен был поддерживать по крайней мере одну из них. В Отношении в ИАК в 1889 г. он писал, что «находки хранятся в различных местах, которые представляют собой целый ряд складов.

1. В новостроящемся храме сложены лучшие мраморы архитектурного происхождения;
2. В саду монастыря в ограде — колонны, базы и пр.;
3. В музее монастыря (маленький сарай) — надписи, фрагменты;
4. В здании монастыря есть витрина с мелкими древностями;
5. В сарае, где помещается сторож комиссии, — мрамор, черепица;
6. В монастырской гостинице, в комнате, занятой для заведующего раскопками, бывший склад предметов».

Состояние дел, по мнению Н. П. Кондакова, вызывает необходимость строительства специального здания для Музея древностей, в котором все ранее найденные предметы, а также новые окажутся сосредоточенными в одном месте. «Монастырь помещения не даст, если даже будет распоряжение высшей власти»².

1889 г. «Нынешнее раскопки, подобно прошлогодним, обнаруживают остатки двух поселений, одно над другим с разным размещением находок. Внизу, на глубине 5 аршин, опять встречается множество амфорных ручек с именами греческих сановников (клейма астиномов. — А. Р.), лампочек с рельефными художественными изображениями, обломки прекрасной греческой посуды с рисунками и римской с орна-

---

¹ Д-ъ. Археологические раскопки. 1888 г. // Крымский вестник (вырезка из газеты) // Арх. НЗХТ, д. 49, л. 2.

² Кондаков Н. П. Донесение в ИАК от 27.06.1889 г. // Арх. ИИМК, ф. ИАК, 1/1889, д. 52, л. 16—18.

ментами и именами мастеров, выше идут монеты римских императоров, грубая глиняная посуда с поливой, херсонесские монеты византийской эпохи и другие предметы христианского периода, все поврежденные огнем»¹.

Откликом на открытия К. К. Косцюшки-Валюжинича стала работа В. Н. Юргевича и очередная заметка в «Крымском вестнике». Перечислив керамические находки, собранные за пределами стен Херсонеса, автор газетной статьи высказал предположение, что на территории Гераклеяского полуострова находились загородные дома и виноградники херсонесцев. Правда, он отмечал: «Удивительно, что не открыты постройки между Песочной и Стрелецкой бухтами. Большое количество амфорных ручек с астиномными клеймами убеждает в том, что посуда была привезена не из Ольвии, а связана с местным гончарным производством; пока не обнаружено ни одной монограммы из Родоса, Книда, Фасоса, Пароса».

Защищая тезис о двух Херсонесах, В. Н. Юргевич утверждал, что в местности нового Херсонеса ручки амфор с клеймами астиномов отсутствуют, и это доказывает, что древний Херсонес следует искать там, где он указан Страбоном, через три бухты от нового города².

В следующем году (1890 г.) «раскопки на берегу моря, между морем и монастырским садом, обнаружили площадь с древним наслоением, без каких-либо сооружений, а над ней улицу византийского Херсонеса и разрушенную часовню с тремя усыпальницами. ...В нижнем наслоении сделано очень много находок, исключительно дохристианского времени; из них главнейшие: множество амфорных ручек с именами астиномов»³.

Кроме того, была обнаружена еще одна часовня, а ниже улицы «до самой скалы, шел сплошной слой остатков битой посуды, как грубой,

---

¹ Косцюшко-Валюжинич К. К. — ИАК, 14.06.1889 // Арх. НЗХТ, д. 38, л. 16.

² Юргевич В. Амфорные ручки, собранные в окрестностях Херсонеса по побережью бухт Песочной, Круглой, Камышовой и Стрелецкой в 1886—1887 гг. // ЗООИД. 1889. Т. 15. С. 47—60.

³ Косцюшко-Валюжинич К. К. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1890 г. СПб., 1893. С. 33.

так и лакированной, терракотовых изделий и клейменных амфорных ручек»; надгробие с греческой надписью IV в. до н. э.¹

Так начали появляться материалы, которые позволяли судить о времени отложения наиболее раннего слоя.

После первых, еще небольших по масштабу раскопок между Казачьей бухтой и морем были открыты остатки башен. Изучение участка было предпринято по совету А. Л. Бертье-Далагарда. Относительно существования оборонительной стены между Инкерманом и Балаклавой, упоминаемой якобы Страбоном, К. К. Косцюшко-Валюжинич, в сущности, повторяет его выводы: это относится «к числу физических невозможностей, созданных нашими археологами, в силу соображений о стенах, сооруженных для защиты херсонесцев в эпоху Диофанта. В тексте Страбона не упоминается никакой стены. На бесцельность ее сооружения обратил внимание и А. Л. Бертье-Далагард. Выше Казачьей бухты имеется соляное озеро, возможно, в нем и в древности добывали соль, как это писал Страбон. А на островке, возможно, располагался тот храм, который был сооружен в память св. Климента»².

1891 г. Началось изучение территории некрополя. Позднее, общая о первых итогах, К. К. Косцюшко-Валюжинич писал, что они «дали блестящие результаты в виде многочисленных весьма ценных находок. ...На основании найденных здесь эпитафических памятников и монет, можно заключить, что этот некрополь просуществовал от IV в. до н. э. до VI в. н. э.»³.

1892 г. «Новейшие раскопки вывели на свет ...памятники, свидетельствующие об автономном Херсонесе, о древнем греческом

---

¹ Косцюшко-Валюжинич К. К. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1891 г. СПб., 1893. С. 6 (текст надгробия опубликован В. В. Латышевым; см.: МАР. № 9. С. 26).

² О христианских древностях Херсонеса, о свидетельствах агиографии, о пребывании в окрестностях Херсонеса св. Климента (Климент I Римский) речь идет во втором томе настоящей работы.

³ Косцюшко-Валюжинич К. К. — Севастопольскому градоначальнику, 18.02.1893 // Арх. НЗХТ, д. 42. № 33.

Херсонесе. Так, где же границы этого города? Где был расположен Херсонес времен Присяги херсонесцев? Разрешение этого вопроса составляет заветную его (К. К. Косцюшко-Валюжинича) мечту. Ныне г. Косцюшко на основании пятилетних разведок считает возможным признать указание Страбона не основательным», — отметил автор одной из газетных статей¹.

1893—1894 г. Обнаружен фрагмент древней оборонительной стены в юго-западном углу городища. К. К. Косцюшко-Валюжинич, стремясь продолжить здесь раскопки, направил официальное прошение настоятелю монастыря, сообщая о том, что стена «указывает прежние очертания Карантинной бухты и определяет площадь, которую занимал древний город. ...Я уверен, что Ваше Высокопреподобие, обратите Ваше преосвященное внимание на этот чрезвычайно важный для истории Херсонеса вопрос и окажите содействие к его успешному разрешению». (Так как стена поворачивала на запад и шла через монастырский виноградник, Косцюшко стремился получить разрешение «выявить ее полное направление»)².

1895—1896 г. С 1895 г. К. К. Косцюшко-Валюжинич фактически ежегодно производил исследования оборонительных стен в портовом районе. Раскопки, открывшие значительный участок крепостной ограды города, продолжались до 1905 г. Они привели к обнаружению материалов, на основании которых появилась возможность судить о топографии античного Херсонеса. Одновременно изучался участок в центральной части городища: «Раскопки в юго-восточном углу площади, впереди храма (имеется в виду собор Св. Владимира) происходили плантажным способом³. Ниже уровня византийского города ...обнаружены остатки древних построек, сооруженных из больших плит, отесанных с обеих сторон и плотно пригнанных без извести. ...Характер кладки стен и най-

---

¹ Энгель М. Глубь веков: Новейшие результаты археологических разведок в Херсонесе, 5 // Крымский вестник. 1892. № 251.

² Косцюшко-Валюжинич К. К. — Архимандриту Александру, 06.01.1895 // Арх. НЗХТ, д. 42, № 44.

³ Наличие монастырских строений в центральной части не позволяло открыть весь памятник. К. К. Косцюшко-Валюжинич вынужден был прокладывать траншеи, которые засыпались в ходе раскопок соседних участков.

денные здесь черепки тонкой чернолаковой посуды высокого качества доказывают древнее происхождение этих построек, а если принять во внимание, что все они составляют южную часть главной улицы, то можно с уверенностью сказать, что эта широкая и красивая улица досталась византийскому городу в наследство от древнегреческого Херсонеса и проходила через его акрополь. Тут должны находиться лучшие храмы и памятники; из последних некоторые во время раскопок найдены заброшенными по близости, как-то стела с гражданской Присягой, псефизма в честь Диофанта и Аристона и пьедестал от Афины»¹.

1897 г. Среди событий, связанных не с раскопками Херсонеса, а их отражением в периодической печати, следует отметить появление очерка М. Горького «Херсонес Таврический», который был написан во время поездки в Крым, вызванной обострением болезни писателя (туберкулеза легких). В очерке М. Горький освещает историю Херсонеса, рассказывая при этом и о состоянии памятников, пишет о церкви (монастыре), которая препятствует раскопкам, так как земля, на которой расположен Херсонес, принадлежит ей².

1899 г. Во время изучения древней оборонительной стены выявлены «наслоения около нее римского, античного и более позднего времени, а также пристенная гробница»³. Следует добавить, что были открыты и ворота античного времени. Встреченные эпиграфические памятники свидетельствовали о строительных работах, предпринимаемых по приказу различных императоров. Например, около входа в город найдена надпись с именами императоров Феодосия и Аркадия (конец IV в. н. э.).

Об исследовании в 1900 г. оборонительных стен в портовом районе (юго-западная часть крепостной ограды Херсонеса) говорится: «Это

---

¹ Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет заведующего раскопками в Херсонесе за 1896 г. // ОАК за 1896 г. СПб., 1898. С. 168–169.

² Горький М. Херсонес Таврический // Нижегородский листок. 1897. № 60–67 (в 1896–1897 гг. М. Горький работал штатным сотрудником газеты). В последующем очерк был перепечатан без изменений в «Историческом журнале» (1938. № 3. С. 38–47).

³ Цехановский М. М. Новая находка в Херсонесе (письмо в редакцию) // Крымский вестник. 1899. № 63.

наиболее интересный пункт раскопок городища, по тому значению, которое он имел в древние времена. Он служил для обороны древнего города в продолжение 2-х тыс. лет, и для такой роли он соответственно устроен. ...Раскопки дают ответ о том, где находился древний Херсонес, материалы для изучения топографии и географии города»¹.

1901 г. Итоги раскопок завершившегося столетия подведены К. К. Косцюшко-Валюжиничем в статье «Новости археологии». К этому времени у него уже сформировалось представление о сложной стратиграфии памятника. К началу нового столетия завершилась дискуссия о местонахождении древнейшего Херсонеса.

Археологический памятник, юбилей которого был отмечен в 1999 г.: склепы около куртины 16 оборонительной стены

В периболе, около городских античных ворот, К. К. Косцюшко-Валюжинич открыл ранний склеп, в плане Т-образной формы, с небольшими нишами (в научную литературу он вошел под № 1012). Первый заведующий городищем высказал осторожное предположение, что, возможно, «гробница принадлежала высшему сановнику города, быть может, воротостроителю». Таковым мог являться Агасикл сын Ктесия².

У самого входа в склеп был найден золотой перстень. Внутри склепа стояло шесть бронзовых и покрытых черным лаком сосудов-урн с прахом, закрытых свинцовыми крышками. На одном из бронзовых сосудов — гидрии, использованной в качестве погребальной урны, сохранилась надпись: «Приз от Анакий». Скорее всего, она была получена одним из граждан Херсонеса за участие в состязании в честь Диоскуров (сыновей Зевса). Постепенно из влажной земли, которая заполняла урны, вместе с кремированными останками извлекли золотые пластинки с изображением Пана и листа аканфа, ажурное золотое ожерелье с пластинкой, на которой был изображен играющий на лире Гений, тончайшей работы серьгу с подвесками и изображением богини Ники на квадриге. А. Л. Бертье-Делагард

---

¹ Энгель М. Глубь веков, 11 // Крымский вестник. 1900. № 146; Он же. Глубь веков, 13 // Крымский вестник. 1900. № 157.

² Косцюшко-Валюжинич К. К. — ИАК, 07.03.1899 // Арх. ИИМК, ф. ИАК, 1/1899, д. 2, л. 42.

при осмотре находок предположил, что они относятся к IV в. до н. э. Для него, как военного инженера и строителя, было несомненным и то, что «гробница сложена одновременно со стеной и воротами»¹.

По поводу находок, извлеченных в ходе раскопок склепа, К. К. Косцюшко-Валюжинич с гордостью сообщил в ИАК: «Я счастлив, что мое предсказание сбылось, и что ни в одной Керчи находят украшения из золота, камней и стеклянную посуду. А если бы продлить жизнь, то сбудется еще многое, касающееся древнего Херсонеса»².

Позднее в отчете он заметил, что «этими открытиями, бесспорно, самыми важными из всех сделанных в двенадцатилетний период раскопок Комиссии в Херсонесе, наука обязана Всемилоостивейше дарованному увеличению средств на раскопки»³.

Но, как это бывало и ранее, раскопки не вызывали особого одобрения монастырского руководства. В эти же дни К. К. Косцюшко-Валюжинич жалуется на очередное наступление монастыря, когда «раскопки вступают на новый путь, обещая в будущем поставлять временами такие же сокровища самой цветущей эпохи греческого искусства, какими обогащали в свое время Эрмитаж, последние из могикан, благополучно здравствующие И. Е. Забелин и В. Г. Тизенгаузен...

Древний Херсонес, наконец, открылся безапелляционно; и из глубины десятиаршинной шахты, в нескольких шагах от монастырского въезда, под калиткой «а» с мраморным порогом, которую с большими затруднениями и опасностью удалось сохранить, подперев бревнами, снова выглянули на свет божий ворота древнего города IV в. до Р. Х., превосходной кладки с рустами, сложенной без извести на скале. И много столетий топтали это место жившие здесь византийцы и татары

---

¹ Бертъе-Делагард А. Л. — ИАК, 12.02.1899 // Арх. ИИМК, ф. ИАК, 1/1899, д. 2, л. 41.

² Косцюшко-Валюжинич К. К. — ИАК, 24.11.1899 // Арх. НЗХТ, д. 38, л. 118.

³ Косцюшко-Валюжинич К. К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1899 г. // ИАК. 1900. Вып. 1. С. 9. Незадолго до открытия склепа раскопки посетила императорская семья. Проявивший интерес к раскопкам Николай II увеличил финансирование на 2 тыс. руб. (всего в эти годы отпущалось 4 тыс.).

Владимир Густавович Тизенгаузен

и, наконец, сотни тысяч богомольцев, туристов и ученых, не подозревавших, что под ними погребена целая маленькая Троя с *нетронутыми* гробницами *именитых* граждан. Положим, что из этих гробниц, уцелевших единственно благодаря искусственной засыпи, поднятию стены и устройству дороги в римскую эпоху, обнаружена пока одна, но эта одна, отчасти по красоте изделий, а главным образом по своему положению, дорожке, быть может, всех, еще не открытых, ибо сложена под

стеной на скале, одновременно с сооружением стены, всего в одном аршине от пролета ворот, потому полагаю, принадлежащая стено- и градостроителю с почтенной супругой и чадами!»¹.

Еще два склепа № 1013 и 1014, пристроенные к оборонительной стене, были обнаружены рядом. Они были отнесены к римскому времени. Здесь также встречены многочисленные украшения. Золотое ожерелье с подвеской в виде бабочки, украшенное вставками из полудрагоценных камней и цветного стекла, скульптурка зайчика из горного хрусталя и др.

Склепы представляли собой прямоугольные камеры с двухскатным перекрытием. В нишах, расположенных по периметру их стен, и на полу стояли глиняные и свинцовые сосуды-урны с прахом. В центре одной

---

¹ Косцюшко-Валюжинич К. К. — Ф. А. Брауну, 05.03.1899 // Арх. НЗХТ, д. 40, л. 70.

из камер находился саркофаг, в виде ящика, вытесанного из местного известняка, в него был вставлен свинцовый гроб. Еще один деревянный гроб стоял на саркофаге. Именно в нем были найдена пара золотых серег и перстень. Нумизматические находки позволили определить время использования склепа: самая ранняя монета относилась к периоду принципата Флавиев (выпущена в период правления сына Веспасиана Тита Флавия: 79—81 гг. н. э.). Позднее была обнаружена около последнего захоронения, расположенного у входа, непосредственно на полу, монета III в. н. э. **Этот склеп (№ 1013) и соседний, как полагал исследователь, являлись семейными усыпальницами знатных херсонеситов.** Под саркофагом лежали две плиты, перекрывавшие яму, сделанную для просушки сооружения. В отчете отмечалось, где встречена та или иная находка, и высказано предположение, что стены склепов были оштукатурены и имели роспись, о чем свидетельствовали осыпавшиеся куски штукатурки¹. Описываемые склепы сохранились до нашего времени, благодаря «реставрации» К. К. Косцюшки-Валюжинича.

Первой публикацией, кроме краткого сообщения в газетах, должен был стать очередной выпуск «Материалов по археологии России» с работой профессора Одесского университета А. А. Павловского. Подготовка издания требовала осмотра памятника (поездки в Севастополь) и изучения находок в Санкт-Петербурге, куда они были отправлены, согласно существующим правилам. Средства на это были отпущены по распоряжению А. А. Бобринского, но до 1903 г. рукопись так и не была представлена. В марте 1903 г. право на публикацию по просьбе П. С. Уваровой даровано Московскому археологическому обществу. Однако материалы раскопок так и остались неизданными в полной мере. В последующем анализ отдельных артефактов, как и конструктивные особенности сооружения, рассматривались в различных работах. Интерес к уникальным находкам проявляли не только российские специалисты, но и историки Западной Европы.

В 2000 г. статьей Е. Я. Рогова отмечен юбилей раскопок склепа № 1012. Одновременно автор изложил и новую интерпретацию памятника, отметив, что анализ находок, являющихся в основном женскими

---

¹ Описание памятника и находок см.: Косцюшко-Валюжинич К. К. Извлечение из отчета о раскопках в 1899 г. // ИАК. 1901. Вып. 1.

украшениями, показывает: «Перед нами захоронения не женщин из богатой херсонесской семьи, а жриц, причем последовательные захоронения. ...Склеп жреческий, построен преднамеренно для этой цели. ...Жрицы и после смерти должны были охранять и оберегать город»¹.

Так в конце XX в. появилась кардинально иная гипотеза о тех, кто был похоронен в склепе № 1012. Но завершились ли споры о назначении и времени строительства памятника?

Вероятнее всего, как и в некоторых других случаях, работы историков XX столетия не «поставили точки» в дискуссии о принадлежности склепа.

Несомненной заслугой К. К. Косцюшки-Валюжинича являются ежегодные отчеты, в которых приводились сведения о находках, в том числе посуды, монет, изделий из металлов и т. д. Но, к сожалению, за исключением наиболее ярких артефактов, конкретные места их обнаружения не отмечены, указывался только район раскопок.

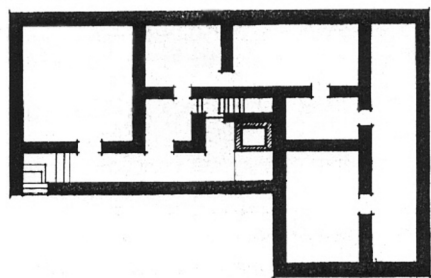
На планах, прилагаемых к отчетам, выделены строительные остатки следующих периодов: древнегреческого, римско-византийского, поздневизантийского. Иногда отмечалась последовательность строительства в рамках каждого из них, но постоянно обращалось внимание на такую характерную черту верхнего слоя городища, как наличие следов пожара.

Безусловно, на качестве раскопок отражалось то, что К. К. Косцюшко-Валюжинич не был специалистом. Кроме того, ему постоянно приходилось спешить, иногда он вынужден был прокладывать траншею через значительную часть территории городища, исследуя при этом лишь те строительные остатки, которые в нее попадали. Так, собственно, была открыта часть стен так называемого античного монетного двора — подвальный этаж большого эллинистического дома, расположенный в центральной части города.

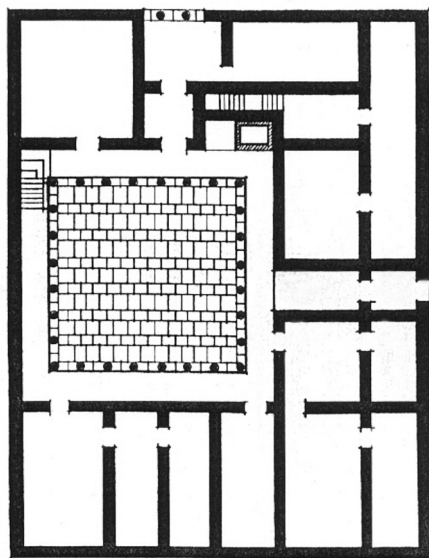
Несовершенство методики раскопок вызвано не только неподготовленностью первого заведующего городищем, но и состоянием археологии в целом. Вряд ли для конца прошлого века мы сможем при-

---

¹ Рогов Е. Я. Столетие открытия подстенного склепа 1012 в Херсонесе // *Stratum plus* (СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест). 2000. № 3. С. 88—97.

0 1 5 10 м

0 1 5 10 м

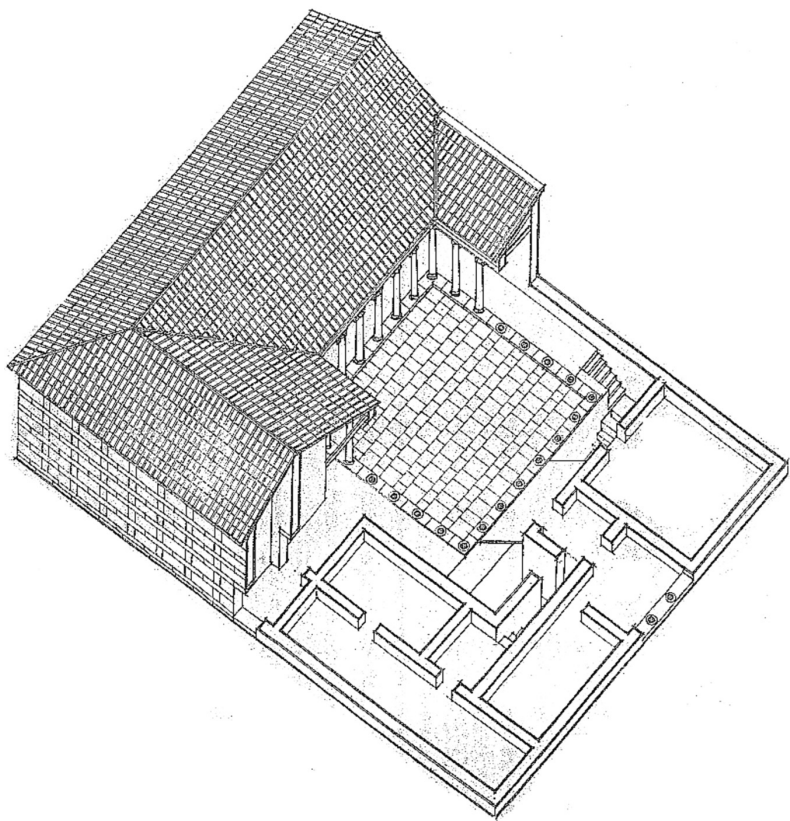
План эллинистического дома
в центральной части Херсонесского
городища (так называемый
монетный двор)

вести пример археологических исследований, которые удовлетворяли бы специалистов нынешних дней. Доказательством могут служить слова одного из руководителей экспедиции в Коринфе Р. Скрэнтон, писавшего: «Сначала незначительные попытки сделать записи о средневековых остатках. Очень скоро экспедиции начали производить фиксацию относящегося к классическому периоду, но в течение длительного времени вряд ли они были удовлетворительны. С 1920 г. (прошло около 30 лет с начала раскопок) стали доступны более ценные данные, а в 1930 г. был принят, наконец, план, координирующий раскопки. На плане раскопок есть несколько секций совершенно пустых, другие — со сносными ошибками, скругленными деталями»¹.

Оценивая значение исследований К. К. Косцюшки-Валюжинича, следует отметить: он стремился изучить и зафиксировать (в соответствии со своими знаниями и умением) остатки зданий, как средневекового,

¹ О раскопках в Коринфе см.: Scranton R. L. Medieval Architecture in the Central Area of Corinth // Corinth. 1957. Vol. 16. P. 3—42.

Эллинистический дом в центральной части Херсонесского городища
(аксонометрическая реконструкция, по И. Снитко)

так и античного Херсонеса. Более того, выявление наиболее ранних строительных остатков — одна из его заслуг.

Раскопки северо-восточных кварталов, 1908–1914 гг.

В 1908 г., после кончины первого заведующего городищем, в Херсонес командирован бывший ученый секретарь¹ Императорского Русского

---

¹ После кончины К. К. Косцюшки-Валюжинича в течение нескольких месяцев заведовал раскопками член ИАК с 1902 г. Николай Иванович Репников

археологического института в Константинополе Роман (Роберт Георг) Христианович Лепер (1865—1918). Он сосредоточил внимание на исследовании городских кварталов в северо-восточном районе города, участка, расположенного вдоль главной уличной магистрали Херсонеса (кварталы I—III, V, VII). **Раскопки Р. Х. Лепера заложили основы монографического изучения целого района города, что будет реализовано позднее, но ничего нового в порядок фиксации находок не внесли.** Более того, Р. Х. Лепер не оставил после себя отчетов. Краткие заметки его записных книжек опубликованы лишь в 1930 г.¹

Относительно методики раскопок Р. Х. Лепер отмечал, что он отказался от плантажа и изучает по слоям сразу всю территорию квартала². Позднее, обобщая материалы 1908—1914 гг., К. Э. Гриневич выделил следующие слои: первый (верхний), содержащий материалы IX—XX вв.; второй (раннесредневековый — римский) с находками I—IX вв. и третий — античный (VII—II вв. до н. э.)³. Описанная К. Э. Гриневичем стратиграфия носит еще более схематичный характер в сравнении с тем, что можно видеть в отчетах К. К. Косцюшки-Валюжинича.

Сравнение уровня развития археологии конца XIX — начала XX в. в России и других европейских странах позволяет отметить их общие черты: интерес к отдельным памятникам, избирательность объектов

(1882—1940). Во время эвакуации музейных ценностей из Крыма в начале Первой мировой войны он был секретарем Археологической комиссии, в 1922 г. стал сотрудником Археографической комиссии АН СССР.

¹ Гриневич К. Э. Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического: По данным раскопок Р. Х. Лепера // ХСб. 1930. Вып. 3. С. 3—139.

² Лепер Р. Х. — ИАК, 25.05.1914 // Арх. ИИМК, ф. ИАК, 1/1913, д. 2, л. 177.

³ В отдельных случаях Р. Х. Лепер отмечал наличие нескольких последовательно лежавших «полов», что позволяет говорить о более дробной стратиграфии, которая отражена в публикации. Возможно, новое обращение к заметкам Р. Х. Лепера с учетом современного уровня знаний об особенностях застройки кварталов и датировки археологического материала (многочисленные находки из раскопок 1908—1914 гг. хранятся в специальном фонде Херсонесского заповедника) позволит выявить хронологию некоторых из открытых в те годы памятников.

исследования, отсутствие детальной фиксации массовых находок, невнимательное отношение к стратиграфии. Однако российские археологи первыми обратились к изучению менее представительных средневековых построек. Германские, американские, английские и французские археологические общества и школы, возникшие в конце XIX в. и работавшие на территории Греции и Турции, интересовались чаще всего классическими древностями. Изучение византийских памятников является традиционным направлением российской археологии.

Основанный в конце XIX в. Императорский Русский археологический институт в Константинополе (1894—1914) ставил своей целью, в отличие от других археологических школ и миссий, изучение памятников византийской эпохи. Показательно и то, что созданное в 1846 г. в Санкт-Петербурге Русское археологическое общество с самого начала имело такие отделения, как древнеклассическое, византийское, западноевропейское, русской и славянской археологии, археологии стран Востока.

В целом в конце XIX — первых десятилетиях XX в. происходило интенсивное накопление археологических данных, возникло представление о стратиграфии Херсонесского городища, были выявлены многочисленные христианские сакральные сооружения, изучалась система обороны города, открыты и жилые кварталы. Однако одним из основных недостатков являлось отсутствие детальной фиксации и паспортизации находок. В свою очередь, это задержало разработку хронологии массовых археологических источников. Данная задача с назначением в Херсонес Р. Х. Лепера, казалось бы, более опытного и знающего методику раскопок, в отличие от К. К. Косцюшки-Валюжинича, в силу различных причин, в том числе и субъективных (параллельно он преподавал греческий язык в гимназии), осталось не выполненной.

Деятельность Л. А. Моисеева и первые годы музея при советской власти

В 1914 г. в Херсонес для того, чтобы принять дела у Р. Х. Лепера, которого полицейские власти сочли неблагонадежным¹, и составить

---

¹ В начале Первой мировой войны Р. Х. Лепер вынужден был заняться подготовкой находок к эвакуации. Нелепый случай прервал эти занятия. Про-

отчет о его раскопках, ИАК командирует Л. А. Моисеева (1892—1946)¹; его деятельность пришлась на период Первой мировой войны, освобождения Крыма от белых и ликвидацию монастыря (1914—1924).

В последнее время годы, о которых пойдет ниже речь, стали объектом внимания ряда историков. Вообще следует отметить, что для начала нашего столетия характерен интерес к личности исследователей. Об этом свидетельствуют работы, построенные на широком привлечении архивных документов². Если вести речь непосредственно о Херсонесском музее, то следует отметить статьи его сотрудницы О. Л. Гриненко,

---

вожая в сыскную часть Севастопольского градоначальника сына, привлеченного из-за «неблаговидного проступка» (он не снял фуражки перед портретом императора), Р. Х. Лепер допустил досадную оплошность — вступил в перепалку с приставом. Это столкновение послужило причиной отстранения его от руководства делами в Херсонесе.

¹ Характеристику Л. А. Моисеева содержит одно из писем М. И. Ростовцева, рекомендовавшего его руководителю Императорского Русского археологического института в Константинополе, одному из крупнейших российских византинистов Ф. И. Успенскому следующим образом: «Моисеев, давнишний сотрудник Б. В. Фармаковского по Ольвии, технику раскопок и классические вещи знающий хорошо» (Ростовцев М. И. — Ф. И. Успенскому, 04.12.1911 // Письма М. И. Ростовцева С. А. Жеблеву, Ф. И. Успенскому, Н. Я. Марру / Публ. И. В. Тункиной // Скифский роман. М., 1997. С. 412).

² Серия работ принадлежит одному из сотрудников Государственного архива Крымской республики А. А. Непомнящему: Очерки развития исторического краеведения Крыма в XIX — начале XX в. Симферополь, 1996; Записки путешественников и путеводители о развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII — начало XX в. // Институт украинской археографии и источниковедения им. М. С. Грушевского НАН Украины. Киев, 1999. (Сер. «Научно-справочные издания по истории Украины»; Вып. 46); Биобиблиография А. Б. Ашика в контексте изучения Крыма в XIX в. // БИ. 2002. Вып. 2. С. 333—345; Подвижник изучения боспорских древностей: Ю. А. Кулаковский // БИ. 2002. Вып. 2. С. 366—379; А. Л. Бертье-Делагард: Биобиблиографические штудии // БИ. 2004. Вып. 5. С. 476—494; Страницы истории крымского краеведения в 30-е гг. XX в. // БИ. 2006. Вып. 10. С. 361—383; Подвижник крымского краеведения (Василий Христофорович Кондаракис) // ИНК. 2003. № 1. С. 27—43.

которая остановила внимание на таких сюжетах, как судьба монастыря после установления советской власти в Крыму¹, В. А. Шкорпил и Херсонес; освещает она и некоторые стороны деятельности Л. А. Моисеева, в основном его работу по эвакуации находок в Харьков и их реэвакуацию в Херсонес². Чрезвычайно интересные экскурсии в историю заповедника, благодаря обращению к документам, находящимся в архивном фонде, вероятно, будут продолжены исследовательницей.

Л. О. Гриненко отметила, что одним из главных дел Л. А. Моисеева в самом начале его пребывания в Херсонесе стало спасение древностей. Однако следует сказать, что как во время Первой мировой и Гражданской войн, так и после возвращения находок из Харькова он вынужден был защищать памятники от разграбления, заниматься созданием условий для размещения находок и работы музея. Одновременно с этим возникла идея организовать в Херсонесе археологическую станцию.

В годы «лихолетья», как напишет спустя десять лет С. А. Жебелев, страдали и люди, и памятники. В качестве примера можно привести Записку группы академиков «Об охране земельных участков с памятниками историческими и археологическими», подписанную выдающимся российским эпиграфистом В. В. Латышевым и историком античности, в последующем покинувшим страну, М. И. Ростовцевым. В ней говорилось: «Предстоящая земельная реформа затронет и те

---

¹ О Херсонесском монастыре в первой четверти XX в. см.: Гриненко Л. О. Херсонесский музей и монастырь: Проблемы взаимоотношений в 20-х гг. XX в. // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе: Тез. докл. Севастополь, 2001. С. 124–129. Следует отметить также ее работу, посвященную монастырскому хранилищу церковных древностей (Гриненко Л. О. Предтеча археологического музея в Херсонесе: Музей архимандрита Евгения // Восток—Запад: Межконфессиональный диалог: Тез. докл. Севастополь, 2002. С. 12–13. Текст доклада в: Восток—Запад: Межконфессиональный диалог. Севастополь, 2003. С. 97–101).

² Гриненко Л. О. Из истории Херсонесского музея (1914–1924) // Древности: ХИАЕ. 1997–1998. С. 187–197; Она же. «Керченский коллега» (Роль В. В. Шкорпила в становлении Херсонесского музея) // БИ. 2005. Вып. 9. С. 330–359.

многочисленные местности в России, которые должны быть дороги и близки каждому интересующемуся развитием культурной жизни человечества. ...На первом месте в исторической последовательности стоят руины древних греческих городов на берегах Черного и Азовского морей. ...Таковы Керчь (древний Пантикапей), Анапа (древняя Горгипия), Аккерман (древний Тирас), до известной степени Херсонес (окрестности Севастополя).

...Оставление без охраны всех этих и многих других местностей или передача их в частное владение и пользование поведет к полному расхищению и уничтожению величайших ценностей, которые обязано охранять для человечества русское государство»¹. Забота о сохранности памятников, высказанная в 1917 г., присутствует и в других работах М. И. Ростовцева².

Итак, для Л. А. Моисеева своеобразным научным подвигом стала работа в сложнейшие годы «революционной борьбы» по сохранению уже открытого, защита древностей и от «белых», а после освобождения Крыма и от «красных», разработка идеи археологической станции³

---

¹ Тункина И. В. И. И. Ростовцев и Российская академия наук // Скифский роман. М., 1997. Прил. 2. С. 113–114 (см. также: Дьяконов М. А., Латышев В. В., Ростовцев М. И., Марр Н. Я., Бартольд В. В. Об охране земельных участков с памятниками историческими и археологическими // Известия РАН. Сер. 6. 1917. Т. 2. № 15. С. 1221–1230).

² Ростовцев М. И. Гибель памятников // Страна. 1906. № 177. С. 4 (см. также: ИАК. 1906. Вып. 21. Прибавление. С. 65–68). В статье говорится о состоянии охраны памятников, содержится критика ИАК (ответ: Веселовский Н. И. В защиту русских археологов // ИАК. 1906. Вып. 21. Прибавление. С. 68–70).

³ Документ о создании археологической станции в Херсонесе подписан академиком Н. Я. Марром, Б. В. Фармаковским (см.: Отношение РАИМК в Совнарком Крыма об оказании содействия в организации 1-й археологической станции в Херсонесе, 25.03.1924 // Арх. НЗХТ, д. 1562-2, л. 55–56). Проект предусматривал размещение Археологической станции в зданиях монастыря. Она должна была состоять из музея, библиотеки, лапидария, предназначавшегося для хранения эпиграфических памятников и скульптуры, и городища. Планировалось также создать постоянную «рабочую общину для производства раскопок» // Арх. НЗХТ, д. 1572, л. 12. Николай Яков-

и попытка продолжения археологического изучения хоры Херсонеса¹.

О том, в каких условиях приходилось работать музеям Крыма (да и не только в Крыму) в первые годы Советской власти свидетельствует «Отчет первого съезда Крымского областного комитета по делам музеев и охране памятников искусства, старины, природы и народного быта (Крымохриса) в г. Севастополе» (октябрь 1922 г., зав. отделом музеев Главнауки была в то время Н. И. Троцкая²; Л. А. Моисеев — зав. Севастопольским охрисом). Прежде всего отмечено: не возлагать на центр надежд, средств нет, необходимо привлекать местную инициативу³.

В выступлении Л. А. Моисеева подчеркнуто, что Херсонесский музей нуждается в ремонте, что он сильно «страдает от грабежей»; что «положение Херсонеса носит катастрофический характер; ...раскопанная площадь городища приходит в хаотическое состояние, красноармейцы заваливают места раскопок». Докладчик говорил не только об общегосударственном, но и мировом значении памятников Херсонесского городища⁴.

левич Марр (1864—1934), востоковед, лингвист, кавказовед, председатель РАИМК—ГАИМК, создатель и директор Яфетического института (1921—1934). Борис Владимирович Фармаковский (1870—1928), один из создателей РАИМК—ГАИМК, профессор Петроградского-Ленинградского университета, член-корреспондент Петербургской АН (1914), хранитель Эрмитажа, историк античного искусства, организатор раскопок в Ольвии.

¹ Одним из последних мероприятий ИАК стало финансирование раскопок в Евпатории, которыми и должен был заняться Л. А. Моисеев (см.: Моисеев Л. А. Из истории западного побережья Тавриды. 1: Херсонес Таврический и раскопки 1917 г. в Евпатории // ИТАУАК. 1918. № 54. С. 241—259. Следует упомянуть и другие его работы: Херсонес и скифы. Симферополь, 1918; План Херсонесского городища. Севастополь, 1923; Следы ирригации, мелиорации и водоснабжения древнего Херсонеса на Гераклеийском полуострове: Сообщение на конференции археологов в Керчи 10 сентября 1926 г. // Зап. Крым. общества естествоиспытателей и любителей природы. 1926. Т. 9. С. 115—122).

² Наталья Ивановна Троцкая-Седова (1882—1962), вторая супруга Л. Н. Троцкого, как и он, отстраненная от должности в конце 1925 г.

³ Арх. НЗХТ, д. 1572, л. 23 (с. 13).

⁴ Арх. НЗХТ, д. 1572, л. 38 (с. 43).

Правда, директор Керченского музея Ю. Ю. Марти ставил вопрос о «неправильности гегемонии Херсонеса» и указал на то, что «не правильно было вывозить все лучшее в Эрмитаж и Москву. Все материалы, добываемые из мест раскопок, должны оставаться для обработки в местных музеях»¹.

Положение в Херсонесе ухудшило то, что обвиненный в сотрудничестве с белыми властями, Л. А. Моисеев был арестован. Для понимания предъявленных Л. А. Моисееву обвинений следует вернуться к 1914 г.

Как уже говорилось выше, Л. А. Моисеев² был послан в Херсонес для составления отчетов о раскопках за 1907–1914 гг. и подготовки их к изданию. До него временно исполнял обязанности заведующего раскопками и Складом древностей В. В. Шкорпил (директор Керченского музея, погиб во время Гражданской войны от нападения грабителей)³. После возвращения В. В. Шкорпила в Керчь, Л. А. Моисеев продолжил подготовку находок к эвакуации, начатую Р. Х. Лепером. После обстрела Севастополя с германо-турецкого корабля «Гебен», он получил распоряжение срочно вывозить древности Херсонеса, частично упакованные еще до него.

---

¹ Арх. НЗХТ, д. 1572, л. 35 (с. 37). Безусловно, и Керченские памятники, и Херсонесские одинаково значимы для науки. Но «гегемония» Херсонеса обусловлена тем, что это хорошо сохранившееся городище, с минимальной застройкой нового времени. Раскопки позволяют проследить особенности развития города в античный и в средневековый периоды. До настоящего времени византинисты подчеркивают уникальность Херсонеса, лучшую изученность его памятников в сравнении с другими византийскими центрами, имевшими территориальный континуитет (например, см.: Brandes W. *Die Städte in Kleinasien im 7. und 8. Jahrhundert*. В., 1989. S. 120).

² В 1912 г. Л. А. Моисеев был командирован Министерством народного просвещения в Гейдельберг для подготовки к профессорскому званию по кафедре теории и истории искусств. По возвращении к нему обратилось руководство ИАК с просьбой поехать в Херсонес с тем, чтобы помочь В. В. Шкорпилу принять дела у Р. Х. Лепера, ознакомиться на месте с результатами раскопок 1912 г. и составить научный отчет (об этом см.: Гриненко Л. О. Из истории Херсонесского музея... С. 189).

³ Подробнее о В. В. Шкорпиле см.: Гриненко Л. О. «Керченский коллега»... С. 330–359.

Когда же ящики начали готовить к возвращению в Севастополь, оказалось, что на некоторых из них нарушена упаковка, а отдельные экспонаты, судя по описи, отсутствовали, что и было отмечено в соответствующих документах. В последующем именно Л. А. Моисеев был обвинен в небрежности хранения и хищении¹, о чем ему сообщили спустя некоторое время после ареста². Одним из пунктов обвинения, как свидетельствуют следственные материалы, являлось сотрудничество с белыми властями³. В основе его лежала история с фотографом Н. К. Клуге.

---

¹ Объяснение Л. А. Моисеева на обвинение // Арх. НЗХТ, д. 1572, л. 155—156.

² Причина ареста была названа только через два месяца, что нарушало его права, как отмечал Л. А. Моисеев, так как «согласно декрета Совнаркома от 14.12.1918 г., как советский служащий, он защищен от реквизиций и обысков, мог быть задержан только после уведомления Отделом Севастопольского ревкома Наробраза» (см.: Арх. НЗХТ, д. 1518, л. 19). Бегло остановившись на событиях тех лет, И. В. Тункина полагает, что виновником ареста являлся занявший после него пост директора К. Э. Гриневич. Она пишет, что «по непроверенным сообщениям А. Н. Щеглова и А. С. Голенцова по доносу К. Э. Гриневича Л. А. Моисеев был арестован — повод: нарушение финансовой отчетности; вернулся из заключения после Второй мировой войны, поселился в Ялте, прекратил заниматься наукой. Его архив хранится в Ялтинском краеведческом музее» (см.: Тункина И. В. Русская наука... С. 497). В документах, отражающих ход судебного разбирательства, имя К. Э. Гриневича не упоминается. Как автор клеветы на Л. А. Моисеева, неоднократно назван Бирзгал — зам. зав. Крымохрисом — «невежественный в музейном деле» (см.: Заявление от научных работников в Севастопольский районный комитет Всесоюзной коммунистической партии (Б) // Арх. НЗХТ, д. 1572, л. 125).

³ Моисеев Л. А. Заявление народному следователю 3 участка г. Севастополя // Арх. НЗХТ, д. 1572, л. 35. В данном случае следует напомнить еще один факт, не приводимый в следственных делах, о котором упоминается в статье Л. О. Гриненко. Летом 1919 г. по поручению эмигрировавшего графа Бобринского Л. А. Моисеев принял на себя обязанности председателя Археологической комиссии (в Петрограде в это время уже существовала Российская государственная академия истории материальной культуры). Полномочия Л. А. Моисеева были подтверждены во время его поездки в Ростов-на-Дону Особым совещанием при командовании ВСЮР (см.: Гриненко Л. О. Из истории Херсонесского музея... С. 194).

Суть ее состояла в следующем: Н. К. Клуге¹ должен был произвести фиксацию памятников, открытых в ходе раскопок в 1917–1918 гг.

По данному пункту обвиняемый сделал следующее разъяснение: «Клуге, так как не закончил последних чертежей, не был рассчитан, как остальные; ему была предоставлена отсрочка до мая. Но и после этого он не сдал чертежей и имущество музея (фотоаппарат и пластинки перенес к себе на квартиру). Узнав о его намерении выехать при первом случае в Константинополь, вынужден был обратиться к прокурорскому надзору в Севастополе с просьбой содействовать в возврате удержанного Клуге. Собственно в этом и состоит моя вина». Далее Л. А. Моисеев отметил, что обращение к властям не носило политического характера, так как «менее всего (Клуге) является красным, выехал своевременно с белыми в Константинополь»².

Л. А. Моисеев обвинялся и в том, что он раздавал конфискованные предметы старины их прежним собственникам и неправильно расходовал средства³. В дополнении к листу допроса он пояснял, что все «возвраты конфискованного производились не по его личной инициативе, а по распоряжению зав. музейным отделом Наркомпроса Троцкой, которой подчинялась организованная в первые годы советской власти Секция по делам охраны при отделе Наробраза Севастопольского ревкома; Крымохрис, Севастопольской комитет были в курсе того, что было сделано в период частичного возвращения соввластью соб-

---

¹ Публикатор писем М. И. Ростовцева И. В. Тункина приводит следующие данные о Николае Карловиче Клуге: «Ум. 1947 г., художник-копиист, фотограф. В феврале 1920 г. эмигрировал в Константинополь; в 1930 г. получил турецкое гражданство, работал в Американском археологическом институте в Стамбуле» (Сведения приведены в некрологе: *Byzantion*. 1948. Т. 18. Р. 352–353).

² Моисеев Л. А. Заявление начальнику Сев. отд. ГПУ народному следователю 3 участка г. Севастополя // Арх. НЗХТ, д. 1572, л. 79.

³ В связи с этим пунктом следует отметить, что в 1921 г. по поручению Всероссийского музейного отдела Л. А. Моисеев принимал участие в создании в Севастополе Комитета по охране памятников искусства, старины, народного быта и природы, привлекая к его работе различных специалистов. Одной из задач Комитета являлась оценка частных коллекций.

ственникам имущества, так как условий для хранения конфискованных ценностей не было»¹.

О неправомерности обвинения по данному пункту свидетельствует постановление Совета народных комиссаров Крыма от 14 октября 1924 г. г. Севастополя «О регистрации художественных ценностей в Крыму», в котором предписывалось произвести перерегистрацию всех памятников искусства и старины, находящихся на территории Крымской республики, для выявления имеющих «исключительную музейную ценность». Осуществить такую работу должна была научно-художественная экспертная комиссия Кымохриса. Предметы, не составляющие музейного значения, следовало возвратить владельцам вместе с охранным свидетельством Наркомпроса по Кымохрису в полное их распоряжение. Но при этом указывалось, что продажа и вывоз за границу возвращенного запрещались. постановление подписано председателем Совета народных комиссаров Крыма Саидом-Галиевым². То, что «перемещение» находок строго докумен-

---

¹ Моисеев Л. А. Дополнение к листу допроса // Арх. НЗХТ, д. 1572, л. 78, 52. В связи с обвинением Л. А. Моисеева в «хищении и раздаче ценностей прежним владельцам», следует вспомнить одно из постановлений Совета народных комиссаров о создании государственного фонда ценностей для внешней торговли, в котором говорилось: «Для создания государственного запаса предметов роскоши и старины для вывоза за границу, создать экспертные комиссии. На них возлагался отбор, классификация, оценка и учет предметов для экспорта художественных ценностей и антиквариата. Все учреждения должны допускать комиссию, предоставлять ей вещи к осмотру, кроме музеев Республики и хранилищ государственного музейного фонда, состоящих в ведении Главмузея. Подписи под постановлением: В. Ульянов и управляющий делами Н. Горбунов. 07.02.1921». (Копия документа имеется в архиве Национального заповедника «Херсонес Таврический» // Арх. НЗХТ, д. 1563, л. 5).

² Арх. НЗХТ, д. 1572, л. 52. Согласно мандату Чрезвычайной комиссии при Совете труда и обороны от 08.09.1921 г. № 64, предписывалось «допускать к осмотру помещений и находящихся в них ценностей, художественных и ценных предметов, ...выдавать их под расписку». (Подлежали оценке, отбору и вывозу картины, статуи, бронза, медали, монеты). Подпись Г. А. Бонч-Осмоловского (см.: Арх. НЗХТ, д. 1563, л. 9). При чтении доку-

тировалось, свидетельствует, например, «Акт о передаче коллекции Гидалевича от 6 марта 1924 г.», составленный Л. А. Моисеевым и научным сотрудником Дома-музея им. Толстого¹, в котором отмечено, что первый сдал, а второй принял: «античное стекло, терракотовые изделия, гипсовые и керамические поделки, античную бронзу, предметы и подвески, датируемые до XIX в.»².

Объяснив, что «возвращение конфискованного прежним владельцам» возглавляемой им Секцией производилось на основании соответствующих распоряжений, Л. А. Моисеев напомнил, что о ее работе имеются «похвальные отзывы»; одновременно он сетовал, что «арест остановил работы по организации музея в самом разгаре; рабочие остаются без задания»³.

Музейные сотрудники, выступившие в защиту Л. А. Моисеева, отмечали: «Тяжелые годы 1921 и 22 г. — безденежья и голода по-

---

ментов не может не возникнуть вопросов: Кто расхищал бесценные памятники прошлого? Была ли «вина» Л. А. Моисеева, возвратившего на время некоторые памятники искусства прежним владельцам, большей в сравнении с теми лицами, кто подписывал постановления о вывозе художественных ценностей за границу?

¹ В одном из архивных документов говорится о том, что Дом-музей Л. Н. Толстого был открыт в 1921 г. (см.: Арх. НЗХТ, д. 1562/1).

² Арх. НЗХТ, д. 1572, л. 66, об. Временно здесь же находились реэвакуированные из Харькова материалы, о чем Л. А. Моисеев писал: «В Доме-музее Толстого все снова в одной куче. ...И неужели Херсонесским древностям нужно было через 10 лет вернуться из Харькова для того, чтобы здесь, не доехав до места своего прямого назначения (Херсонеса), попасть в столь гибельные условия хранения, в каких теперь предстает прекрасная сама по себе коллекция Гидалевича. Не знаю, подвинулась хоть сколько-нибудь переинвентаризация музея Севобороны, разворачивается ли музей Херсонеса в бывшей монастырской усадьбе или опять на мертвой точке» // Арх. НЗХТ, д. 1572, л. 40 об., 41. В настоящее время коллекция Гидалевича находится в фондах Национального заповедника «Херсонес Таврический».

³ Моисеев Л. А. Дополнение к листу допроса // Арх. НЗХТ, д. 1572, л. 78.

ставили музеи под угрозу гибели. О деятельности Комитета извещены Главнаука, от лица ее музейного отдела Н. И. Троцкая давала *лестные отзывы* данной работе. В октябре Комитет прекратил существование. Функции свои передал Кымохрису и местным органам. Еще до этого были взяты в порядке учета и охраны (не конфискованные) вещи у проживающих в Севастополе граждан, имевшие, как казалось, художественную ценность». Не имея средств и помещений для охраны собранных вещей, их раздали прежним владельцам под расписку и обязательство вернуть их по первому требованию¹.

В октябре 1926 г. Л. А. Моисеев был освобожден, но в скором времени у него была отобрана казенная мебель и дано предписание: убрать из предоставленного ему служебного помещения личные вещи, иначе «они будут перенесены на Склад»².

Незадолго до этого в декабре 1926 г. Л. А. Моисеев сообщал в Российскую академию истории материальной культуры, «что не получали кредитов, один сотрудник умер от истощения, реквизированы: пролетка, телефон, фотоаппарат; исследования вести невозможно.

7.11.26 музей разграблен 6 неизвестными лицами в красноармейской форме, которые в запасном помещении, расположенном на берегу моря, выдавили окно, из трех витрин были вынесены вещи и еще два ящика с находками. Нарушен порядок размещения экспонатов. Похищенное потоптано ногами. Произведенное дознание результатов не дало»³. Л. А. Моисеев писал о необходимости безотлагательных мер, иначе «от открытых в течение этих лет (с 1888 г.) памятников, оставленных на месте, из находок, собранных в том числе в Херсонесском музее, останутся вновь одни лишь беспризорные

---

¹ Заявление от научных работников... в Севастопольский районный комитет Всесоюзной коммунистической партии (Б) // Арх. НЗХТ, д. 1572, л. 125.

² Шахбазян Е. Отношение зав. Военно-историческим и зам. директора Херсонесским музеем // Арх. НЗХТ, д. 1562, л. 26.

³ Моисеев Л. А. Отношение в РАИМК // Арх. НЗХТ, д. 1572, л. 21.

и расхищенные стихией и человеком, потерявшие всякое научное значение, руины».

Препятствовать расхищению чрезвычайно сложно, так как «городище не изолировано, вместо музея здесь имеется лишь развалившийся сарай, уже со времени сооружения именовавшийся Складом древностей». Центральная часть городища (где много ценных памятников, в том числе и не раскопанных) занята монастырем с усадьбой. Эта часть городища «со всеми имеющимися там многочисленными, первоклассного значения, античными сооружениями, находится вне ведения Херсонесской дирекции, несмотря на декрет Крымревкома № 450» (январь 1924 г.). Спасти положение может передача всех зданий монастыря музею¹.

После ликвидации монастыря и разгона еще находившихся в нем монахов, началась подготовка первой советской экспозиции, постепенное превращение Склада древностей в Херсонесский историко-археологический музей, со временем ставший одним из крупнейших научных центров в Крыму. Истоки этого приходятся на 30-е гг., когда директором стал К. Э. Гриневич. По его инициативе в 1927 г. проведена конференция, на которой были подведены итоги столетнего периода раскопок и намечены задачи археологического изучения городища.

Прежде чем мы перейдем к событиям нового периода, еще несколько слов о тех, кто, как и названные выше исследователи, оставили существенный вклад в изучении памятников Херсонеса. В архивных документах упоминается рабочий Н. Федоров, долговременный участник раскопок; на многих чертежах, фиксирующих сооружения, открытые

---

¹ Моисеев Л. А. Отношение к завглавнаукой Наркомпроса, 22.09.1922 (№ 521) // Арх. НЗХТ, д. 1572, л. 16. В скором времени после освобождения он переехал в Ялту. Последняя работа — доклад к конгрессу 1939 г. (см.: Моисеев Л. А. Иранские системы водоснабжения в Крыму // 3-й Международный конгресс по иранскому искусству и археологии: Доклады. М.; Л., 1939. С. 135—137). О том, участвовал ли он непосредственно в его работе, сведений не имеется. Скорее всего, были опубликованы только тезисы доклада.

раскопками К. К. Косцюшки-Валюжинича¹, стоят подписи М. И. Скубетова² и архитектора Н. М. Янышева (1859—1938)³. Возможно, придет время, когда современные историки обратятся и к такому сюжету, как рядовые участники исследований Херсонеса. Но это сюжет для историографии XXI столетия. Нам же предстоит рассмотреть, какие черты были характерны для археологических штудий XX в.

---

¹ М. И. Скубетов обобщил материалы раскопок 1907 г., ставшего последним для К. К. Косцюшки-Валюжинича (см.: Скубетов М. И. Раскопки Херсонесского некрополя в 1907 г. // ИТУАК. 1918. № 54. С. 289—296). В статье сказано, что исследовано 21 погребение в семейных склепах, высеченных в скале, а также грунтовые погребения, датируемые II—IV вв. н. э. **М. И. Скубетов высказал предположение**, что ранее на данной территории существовало поселение. Близость его к Херсонесу — свидетельство, что оно было связано с ним: Скубетов М. И. Древнехристианские бронзовые лампадные подвески, найденные при раскопках в Херсонесе // ИТУАК. 1910. № 44. С. 42—44; Он же. Римский фамильный склеп II—IV вв. до Р. Х., открытый в Херсонесе в 1907 г. // ИТУАК. 1911. № 45. С. 38—49 (приведено описание и план сооружения, чертежи находок. — А. Р.). См. также другие статьи М. И. Скубетова: Закладные камни с крестами, встречающиеся в Херсоно-византийском церковном строительстве, общественных и частных зданиях // ИТУАК. 1910. № 44. С. 45—50 (находки не датированы. — А. Р.); Древнехристианский фамильный склеп с фресковой росписью близ Херсонеса, на земле Н. Н. Тура // ИТУАК. 1916. № 53. С. 177—189. Чертежи М. И. Скубетова стали основой при рассмотрении фортификации Херсонеса для военного инженера М. И. Гарабурды, опубликовавшего статью «Оборонительная стена Херсонеса. Пояснительная записка к плану юго-западного участка оборонительной стены древнего Херсонеса» (ИТУАК. 1909. № 43. С. 88—98). К ним обращались и другие исследователи (например, см.: Маркевич А. И. Островок в Казачьей бухте как предполагаемое место кончины св. Климента, папы римского // ИТУАК. 1909. № 43. С. 105—114).

² М. И. Скубетов родился в 1872 г.; в 1900 г. принимал участие в строительстве броненосцев «Ростислав» и «12 Апостолов» в Николаеве; после революции его следы теряются (см.: Арх. НЗХТ, д. 175, л. 86).

³ После окончания Академии художеств (1883), работал в Херсонесе, был инспектором в реальном училище г. Севастополя, в 1928 г. преподавал в трудовой школе. По отзывам собеседников, он «был ходячей энциклопедией» (см.: Новикова Т. А. Воспоминания о Янышевых Н. М. и О. А. // Арх. НЗХТ, д. 2076, 20 л.). В 1932 г. Н. М. Янышев переехал в Херсонес, где и остался навсегда. Его прах покоится рядом с К. К. Косцюшкой-Валюжиничем.

Раскопки Херсонеса с 30-х гг. и до середины 50-х гг.

На конференции 1927 г., наряду с подведением итогов прозвучали слова о необходимости первоочередных раскопок прибрежных участков кварталов северного района. К. Э. Гриневич подчеркнул, что «исчезли условия, которые заставляли прежних руководителей раскопок вести работы не систематически и разбросанно, а именно наличие энергичного строительства со стороны военного ведомства и монастыря, располагавшегося со своими угодьями в центре городища. Необходимо произвести подряд вскрытие древней почвы Херсонеса»¹.

Так с конца 30-х гг. начинаются раскопки северного района, на долгое время предопределившие археологическую судьбу Г. Д. Белова. Изменения в последовательности раскопок, деятельность К. Э. Гриневича (1891—1970), создателя специальных выпусков «Херсонесского сборника», могут быть приняты за условный рубеж нового периода. Завершить его, также условно, можно серединой 50-х гг. XX в. В течение первой половины столетия территория Херсонеса постепенно превращается в музей под открытым небом. В кратковременный период директорства бывшего председателя Севастопольского общества по охране памятников старины Карла Эдуардовича Гриневича, инициатора проведения конференции археологов СССР в Севастополе, кроме планомерных раскопок наиболее разрушаемых участков городища, начато также обобщение и публикация материалов, полученных во время исследований Р. Х. Лепера. С именем К. Э. Гриневича связано и изучение окружи Херсонеса: раскопки, оставшиеся незавершенными², одной из античных усадеб на хоре Херсонеса — в балке Бермана.

---

¹ Гриневич К. Э. О плане дальнейшей научно-исследовательской работы Государственного Херсонесского музея // 2-я конференция археологов СССР в Херсонесе, Севастополь, 1927. С. 28—29.

² При фиксации хода исследований К. Э. Гриневич применил так называемый поквратно-последний метод. Но незавершенность раскопок, скорее, их кратковременность в силу объективных причин, отсутствие сводного плана, объединяющего все открытые объекты, обусловили сложности, с которыми столкнулись последующие исследователи памятника. Возвращение к раскопкам комплекса в балке Бермана приходится на последнюю четверть XX в.

Широко разрекламированными, но не принесшими научных результатов, стали поиски «ушедшего под воду города» в 1929–1930 гг.¹

---

¹ Гриневи́ч К. Э. Исследование подводного города близ Херсонесского маяка в 1930–1931 гг. М., 1931. В письмах М. И. Ростовцева и английского историка Э. Х. Миннза приведен отзыв об изучении «подводного города»: «По-сылаю заметку Гриневи́ча. Он сам довольно подозрительная личность, но дело интересное и подкрепляет свидетельство Страбона. Какими помощниками не пользуется археология, то аэропланами, то водолазами». В другом письме он писал: «Жебелев мне говорит, что его подводный город чистая фантазия» (Цит. по: Бонгард-Левин Г. М. М. И. Ростовцев и Э. Х. Миннз: От Скифии до Китая и Японии // Скифский роман. М., 1997. С. 316–317).

В годы, о которых идет речь впервые начинают привлекаться совершенно новые методы в исследовании Херсонеса, что, как это часто бывает, не встретило понимания. «Города под водой» К. Э. Гриневи́ч не нашел, но исследование прибрежной части водной акватории, безусловно, имело большое значение. В переписке двух исследователей упоминается также аэрофотосъемка. Как показал последующий анализ снимков тех лет, на некоторых из них прослеживаются контуры сооружений, раскопанных в последующем Г. Д. Беловым. Но до того как были «прочитаны» данные, зафиксированные на фотографиях, сделанных в 30-е гг. с самолета, прошел длительный период. Если вспомнить об истоках этого направления в изучении памятников Херсонеса, следует отметить серию снимков 1902 г. с воздушного шара. С 1910 г., когда в Севастополе была создана одна из первых российских летных школ, появились возможности фотографирования территории городища с самолета. В архиве Национального заповедника «Херсонес Таврический» хранятся фотографии 1923 г., специально выполненные с археологическими целями. В 2004–2005 гг. состоялся совместный облет территории городища представителей Уральского и Тюменского университетов. Анализ фотографий позволил выявить на не раскопанных участках ряд чрезвычайно интересных объектов. Первой реакцией было замечание, что это «игра света и тени», несмотря на то, что один из «видимых» на снимках 2004 г. памятников спустя несколько месяцев открыли сотрудники украинско-польской экспедиции (первые публикации результатов см.: Романчук А. И., Филиппов В. А. Результаты применения разведочной аэрофотосъемки западной части Херсонеса Таврического в 2005 г.: Научный доклад. Севастополь; Тюмень; Екатеринбург, 2005; Они же. Топография торжественных религиозных процессов в византийском Херсоне: возможности аэроразведки для выявления памятников западного района городища музея // Религиозное мировоззрение в древнем и современных обществах: Праздники и будни: Тез. докл. Севастополь, 2006. С. 49; Они же. О предварительном прогнозировании археологических открытий и планировании раскопок (на примере Херсонеса) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Тез. конф. Киев; Судак, 2006. Т. 2. С. 279). Однако

Основанием для организации экспедиции стало упоминание об остатках стен под водой у Маячного полуострова.

Сообщение об этом содержалось в статье Л. П. Колли, который на основании промеров и наблюдений геологов пришел к выводу, что в древности уровень Средиземного моря находился ниже на 3,5 м. Местные колебания, по его мнению, были характерны и для береговой

в наши дни «новое» пробивает дорогу быстрее. В начале 2007 г. в украинских СМИ появилось чрезвычайно информативное и интересное интервью директора Национального заповедника «Херсонес Таврический» Л. В. Марченко, с которым удалось познакомиться благодаря Интернет-сайту. Он признал, что благодаря российским историкам в Херсонесе открыт второй театр римского времени. В ближайшее время планируется его исследование. Однако «до этого ближайшего времени» не следовало бы спешить с хронологией памятника: выявить ее можно только лишь в результате полевых археологических исследований.

Для полноты информации, поскольку речь зашла об использовании аэрофотоснимков, следует отметить, что данный метод начинает входить в практику археологов при изучении памятников Северного Причерноморья (например, см.: Смекалова Т. Н., Смекалов С. Л., Попов И. И. Попытка реконструкции системы клеров городов Европейского Боспора по данным аэрофотосъемки, картографии и наземных разведок // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Периоды дестабилизаций, катастроф. Керчь, 2005. С. 257–270; Смекалова Т. Н. Сравнение ортогональных систем размежевания земель на Европейском Боспоре и в Херсонесе: Тарханкутский полуостров // БС. 2006. Т. 10. С. 389–415). Насколько можно судить по тексту последней статьи, при работе над ней использованы в основном аэрофотоснимки, сделанные в 70–80-х гг. Как показал наш опыт, современная техника и фотографии, выполненные со специально заданными параметрами (наклон аппаратуры, время полета), способны нести большую информацию. Тремя годами ранее в процессе изучения хоры Херсонеса (территория Гераклеяского полуострова) украинско-американской экспедицией (Г. М. Николаенко, Дж. Картер) также обратились к аэрофотографии (первую информацию о подобных работах Херсонесского заповедника опубликовал М. Ю. Николаенко (см.: Николаенко М. Ю. К вопросу о возможностях аэрофотографии и наземных методов при разведках археологических памятников // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Тез. конф. Киев; Судак, 2006. Т. 2. С. 267–270). В рамках программы украинско-американской экспедиции в 2001 г. Кристофер Вильямс и Джессика Трелоган из Института классической археологии Техасского университета произвели фотосъемку с самолета значительной части раскопанных участков городища.

линии Черного моря¹. Упоминал он и о находках в море древнегреческих сосудов.

Список дел К. Э. Гриневича за пять с небольшим лет руководства музеем можно было бы продолжить. Однако многое из того, что было начато и задумано им, осталось не осуществленным. В 1933 г. он был арестован, его обвинили в занятиях спиритизмом. Через 30 лет его ученики и коллеги по Харьковскому университету вернутся к раскопкам в Херсонесе в составе Объединенной экспедиции. Но до этого еще будет ссылка К. Э. Гриневича в Новосибирск, пребывание в Каргопольском лагере политзаключенных, Томск и Кабардино-Балкария.

К. Э. Гриневич выжил, сумел в 1944 г. защитить докторскую диссертацию, а в 1953 г. возглавил кафедру истории Древнего мира и Средних веков в Харьковском университете².

Среди исследователей Херсонесского городища в приводимых хрониках раскопок фактически незамеченным (за небольшим исключением) остается имя В. Ф. Смолина (1890—1932), сменившего К. Э. Гриневича на посту директора (1929—1931)³. При воссоздании топографии античного Херсонеса чаще всего упускается один из комплексов, расположенный на возвышенной части городища с северной стороны главной уличной магистрали, мощные стены которого хорошо видны и в наши дни. Судя по краткой информации о раскопках, которые

---

¹ Колли Л. П. Следы древней культуры на дне морском. Современное положение вопроса о нахождении в море античных памятников // ИТУАК. 1911. № 42. С. 125—137). Сведения о колебаниях уровня моря также см.: Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.

² См.: Кадеев В. И. К 75-летию К. Э. Гриневича // СА. 1967. № 4. С. 187—189; Латышева В. А. К. Э. Гриневич как археолог // Древности: ХИАЕ. 2004. С. 284—294.

³ Жизнедеятельности В. Ф. Смолина посвящена небольшая брошюра, выпущенная в Казанском университете (см.: Кузьминых С. В. Виктор Федорович Смолин. Казань, 2004), его имя упоминается также в связи с репрессиями 30—40-х гг. XX в. (см.: Формозов А. А. Русские археологи и политические репрессии 1920—1940-х гг. // РА. 1998. № 3. С. 200). В архиве НЗХТ имеется небольшое по объему дело, отражающее его пребывание в Херсонесе (дело 449).

Виктор Федорович Смолин

производились под руководством В. Ф. Смолина, сооружение относится к эллинистическому времени. В силу объективных обстоятельств оно не было полностью исследовано.

В 30–40-е гг. XX в. была исследована прибрежная часть кварталов XIX, XX, XXV в северном районе городища, полностью раскопан средневековый квартал, образовавшийся в результате слияния нескольких эллинистических (квартал XV–XVIII).

Новым явлением тех лет стало содружество специалистов по античности (Г. Д. Белов, С. Ф. Стрже-

лецкий) и медиевистов (А. Л. Якобсон). Изменился подход к фиксации массового археологического материала и к изучению стратиграфии: на некоторых участках раскопок были выделены слои эллинистического времени, римского, IV–VI вв., IX–X вв., XI–XII вв., XII–XIV вв.

Получение датированных находок позволило переосмыслить накопленное в предшествующее время, что привело к созданию классификации артефактов, появились обобщающие работы по истории средневекового Херсонеса и Крыма. Впервые были использованы данные раскопок для восстановления социальной топографии средневекового города, что было предпринято А. Л. Якобсоном. Замечания об особенностях занятий жителей северного района содержатся в работах Г. Д. Белова.

Для первой половины XX в., кроме уже названных выше К. Э. Гриневича, Г. Д. Белова, А. Л. Якобсона, следует отметить еще двух ис-

следователей, которые стали сотрудниками заповедника до Великой Отечественной войны, — это С. Ф. Стржелецкий, один из участников раскопок комплексной экспедиции, работавшей в северном районе¹ и А. К. Тахтай². На первую половину столетия приходится их деятельность по спасению музейных ценностей во время Великой Отечественной войны: сопровождение эвакуированного из Херсонеса груза легло на плечи С. Ф. Стржелецкого³. (В архиве НЗХТ хранится ряд документов,

---

¹ См.: Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф. Кварталы XV–XVI: Раскопки 1937 г. // МИА. 1953. № 34. С. 32–108; Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л. Квартал XVIII: Раскопки 1941, 1947 и 1948 гг. // МИА. 1953. № 34. С. 160–236.

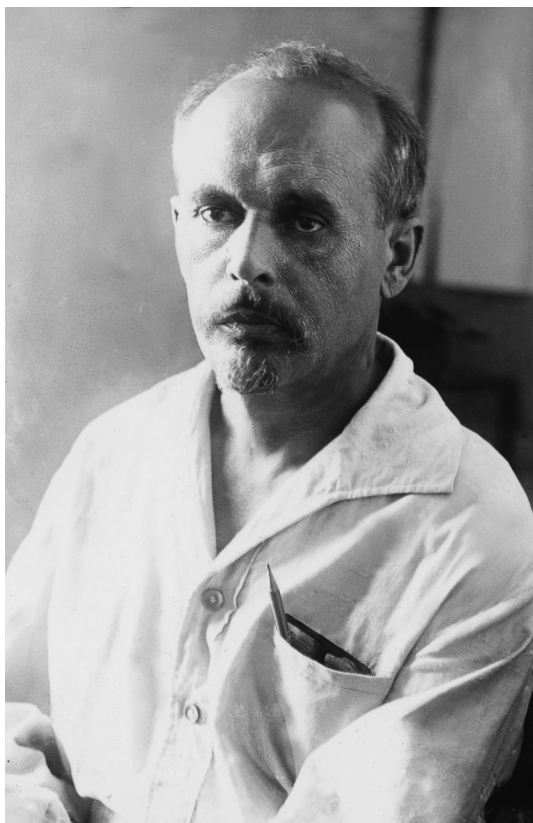
² Обстоятельства сложились так, что его научная деятельность не получила должного развития. Число опубликованных работ, посвященных Херсонесу, у А. К. Тахтая не велико (см.: Тахтай А. К. «Франкский» меч Херсонесского музея // ПИДО. 1935. № 5–6. С. 130–133; Работы Херсонесского музея в 1933 г. // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 5–6. С. 133–134; Античная черепица с кровельным окном из окрестностей Херсонеса // КСИИМК. 1940. Вып. 4. С. 32–33; Античные клейменные пифосы из Херсонеса // КСИИМК. 1940. Вып. 5. С. 54–55; Археологические открытия в Херсонесе в 1942–1944 гг. // КСИИМК. 1947. Вып. 14. С. 122–131; Новая надпись из Херсонеса Таврического II в. н. э.: Предварительное сообщение // КСИИМК. 1947. Вып. 15. С. 58–62; Разведочная раскопка древнего водопровода в окрестностях слободки Вакуленчука // ХСб. 1948. Вып. 4. С. 65–67; Два клада херсонесских античных монет: Предварительное сообщение // ХСб. 1948. Вып. 4. С. 113–125; Раскопки Херсонесского некрополя в 1937 г. // ХСб. 1948. Вып. 4. С. 19–43). А. К. Тахтаю принадлежит создание послевоенной экспозиции и один из путеводителей по Херсонесу (см.: Тахтай А. К. Краткий путеводитель по феодальному отделу Херсонесского музея. Симферополь, 1939). Обвиненный в сотрудничестве с немецкими властями и в измене Родине, он надолго был лишен возможности заниматься наукой.

³ Основное число публикаций, принадлежащих С. Ф. Стржелецкому, приходится на вторую половину столетия (см.: Стржелецкий С. Ф. Консервация памятников Херсонеса в 1957–1959 гг. // СХМ. 1960. Вып. 1. С. 63–68; Опыт консервации руинированных памятников античного и средневекового Херсонеса // Сообщения Министерства культуры СССР. Научно-методический совет по охране памятников культуры. М., 1969. Вып. 4. С. 32–40; Вопросы датировки оборонительных стен Херсонеса: По материалам рас-

отражающих процесс эвакуации, и дневниковые записи С. Ф. Стржелецкого, сделанные в 1941—1944 гг. Они отражают все сложности отправки груза и его следования до станции назначения — Свердловска).

копок 1957—1960 гг. // Тез. докл. о раскопках Херсонеса Таврического. Севастополь, 1961. С. 15—17; XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона) // СХМ. 1969. Вып. 4. С. 7—29 (Щеглов А. Н. [Рецензия] // ВДИ. 1970. № 3. С. 172—178); ему принадлежит ряд работ об античных и средневековых памятниках и публикации итогов раскопок (см.: Стржелецкий С. Ф. Рельефное изображение Геракла из Херсонеса // КСИИМК. 1939. Вып. 2. С. 36—37; К вопросу интерпретации и датировки некоторых памятников Херсонеса из раскопок 1935—1936 гг. // Историко-археологический сборник Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы. М., 1947. Т. 2. С. 145—160; Раскопки 1939 г. у Карантина вблизи Херсонеса Таврического // ХСб. 1948. Вып. 4. С. 51—63; Жертвенник Гераклу из т. н. Страбоновского Херсонеса // ХСб. 1948. Вып. 4. С. 97—196; Камышевский клад античных монет Херсонеса // ХСб. 1948. Вып. 4. С. 107—112; Раскопки таврского некрополя в Херсонесе в 1945 г. // ХСб. 1948. Вып. 4. С. 69—95; Античные памятники Херсонеса из раскопок 1950 г. // ВДИ. 1951. № 2. С. 136—141; Основные этапы экономического развития и периодизация истории Херсонеса Таврического в античную эпоху // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 63—85; Позднеантичный могильник в Инкерманской долине // КСИА. 1959. Вып. 8. С. 139—145; Раскопки Объединенной экспедиции в 1963—1964 гг. // Тез. докл. сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Баку, 1965. С. 117—119; Раскопки Объединенной Херсонесской экспедиции Херсонесского музея, Уральского и Харьковского университетов в 1963—1965 гг. // Тез. докл. пленума Института археологии АН СССР 1966 г. Секция «Ранний железный век». М., 1966. Ч. 2. С. 20—23; Живопись и полихромные росписи монументальных надгробных сооружений IV—III вв. до н. э. // СХМ. 1969. Вып. 4. С. 77—89. В разделе об исследовании хоры Херсонеса нам еще предстоит вести речь о вкладе исследователя в ее изучение, предварительно можно отметить некоторые работы С. Ф. Стржелецкого, посвященные данному аспекту: Стржелецкий С. Ф. Клер Херсонеса Таврического: По раскопкам 1950 г. // ВДИ. 1951. № 3. С. 85—90; Пять клеров Херсонеса Таврического // СА. 1957. № 3. С. 31—42; Усадьбы клеров Херсонеса Таврического II в. до н. э. // СА. 1958. № 4. С. 154—169; Из истории древнего виноградарства в Крыму // Виноделие и виноградарство СССР. 1958. № 5. С. 36—40; Виноделие в Херсонесе Таврическом античной эпохи // ХСб. 1959. Вып. 5. С. 121—159; Клery Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму // ХСб. 1961. Вып. 6 (Кругликова И. Т. [Рецензия] // ВДИ. 1963. № 4. С. 176—179).

Александр Кузьмич Тахтай

Оставшийся в оккупированном Севастополе А. К. Тахтай, осужденный в последующем за сотрудничество с «немецкими оккупантами» и измену Родине, спас то, что оказалось невозможным вывезти. И его имя до 1956 г. было «вычеркнуто» из истории изучения Херсонеса¹.

Изучение Херсонеса с середины 50-х гг. до начала XXI в.

Если бы для оценки результатов раскопок был избран такой критерий, как площадь изученной территории, то вряд ли возможным было говорить о значительном прогрессе в последний период. В то же время количество экспедиций различных научных

учреждений, число отрядов сотрудников Херсонесского заповедника возросло, как и увеличилось количество публикаций, посвященных истории Херсонеса. К концу 50-х гг. появились работы, обобщавшие многолетние исследования Херсонеса-Херсона.

Во второй половине 20 столетия начинается систематическое изучение хоры античного Херсонеса. Исследование памятников в его

---

¹ Перипетиям его судьбы посвящен ряд публикаций полтавских историков, например, см.: Граб В. И., Супруненко О. Б. Археолог Олександр Тахтай. Полтава, 1991.

окрестностях предпринималось еще К. К. Косцюшкой-Валюжиничем, затем Л. А. Моисеевым, Н. М. Печенкиным, П. П. Бабенчиковым и др. План видимых на поверхности каменных стен, отделявших наделы, и построек был снят вскоре после присоединения Крыма к России, но только перед Второй мировой войной сотрудником музея В. П. Лисиным начаты более или менее систематические раскопки памятников Гераклейского полуострова, на котором располагались земельные наделы херсонеситов. Продолжением стали работы С. Ф. Стржелецкого, раскопавшего полностью одну из усадеб, составившего план наделов античного времени, попытавшегося определить возможное количество рабочей силы, занятой на обработке земель Гераклейского полуострова.

О значении, которое придавал С. Ф. Стржелецкий исследованию сельскохозяйственной округи Херсонеса, свидетельствуют следующие его слова: «Думаем, не будет преувеличением, если мы скажем, что земледелие Херсонеса представляет классический образец античного земледелия древнегреческого и древнеиталийского времени. Благодаря этой черте памятники земледелия Херсонеса Таврического представляют значительный и во многих случаях неповторимый вклад в общую сокровищницу античной культуры»¹.

Наиболее интенсивные раскопки хоры начинаются в 80—90-е гг. В эти годы был принят план музеефикации некоторых памятников земледелия херсонеситов. В наши дни стала возможной и организация совместных раскопок украинских и американских археологов. Однако эти масштабные работы (под руководством украинских исследователей Г. М. Николаенко, Л. В. Марченко, американского археолога Дж. Картера) еще ждут обобщения. В 70-х гг. производятся раскопки как средневековых памятников Таврики в целом, так и ближайших окрестностей Херсона. Много нового в понимание особенностей развития Херсонесского полиса внесло изучение его дальней хоры. Это является заслугой коллектива исследователей, возглавляемого сотрудником Херсонесского заповедника, в последующем — Ленинградского отделения Института археологии (переименованного

---

¹ Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического... С. 162.

в последние годы в Институт истории материальной культуры) — А. Н. Щегловым¹.

Отличительной особенностью последнего периода является и то, что впервые были использованы методы естественных наук для датировки слоев и памятников Херсонеса, наметилось сотрудничество археологов и специалистов в области геохронологии, спектрографии и петрографии, металловедения и других естественных наук.

Наконец, впервые было предпринято монографическое изучение отдельных памятников, например, античного театра, раскопки которого были предприняты крымским археологом и архитектором О. И. Домбровским².

---

¹ Представление о раскопках ближней и дальней хоры Херсонеса можно составить по следующим статьям: А. Н. Щеглова: Исследования сельской округи Калос Лимена // Тез. докл. пленума Института археологии АН СССР 1966 г. Секция «Античная археология». М., 1966. С. 38–40; Исследования сельской округи Калос Лимена // СА. 1967. № 3. С. 234–256; Жилой дом эллинистического Калос Лимена: Опыт реконструкции // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 232–238; Исследования хоры Херсонеса в 1975–1977 гг. // АИУ за 1976–1977 гг. Киев, 1978. С. 83; Тарханкутская экспедиция в 1969–1975 гг. // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 61–68; Земельный надел у мыса Ойрат // История и культура античного мира. М., 1977. С. 210–215; 25 лет работ Тарханкутской экспедиции: Итоги и перспективы // КСИА. 1985. Вып. 182. С. 3–76; также см.: Щеглов А. Н., Благоволин Н. С., Гилевич А. М., Глазунов В. В., Кац В. И., Подольский Н. Л. Исследования на хоре Херсонеса // АО — 1972. М., 1973. С. 353–354; Щеглов А. Н., Глазунов В. В., Кац В. И., Подольский Н. Л. Исследования Тарханкутской экспедиции // АО — 1973. М., 1974. С. 365–366; Щеглов А. Н., Гилевич А. М., Глазунов В. В., Кац В. И., Рогов Е. Я. Изучение поселения и некрополя Панское I на хоре Херсонеса // АО — 1974. М., 1975. С. 375–376. Безусловно, здесь, как и ниже, приведены только некоторые работы, освещающие основные результаты раскопок. Исследованиям авторов раскопок, в которых археологические материалы использованы для реконструкции истории Херсонеса, монографиям обобщающего характера будет уделено внимание в последующих разделах.

² Об этом см. статьи О. И. Домбровского: Раскопки античного театра в Херсонесе // Археология. 1957. Т. 10. С. 94–101 (на укр. яз.); Античный театр в Херсонесе (раскопки 1954–1958 гг.) // СХМ. 1960. Вып. 1. С. 29–36; Раскопки античного театра в Херсонесе в 1970 г. // Всесоюзная научная сессия,

Заметное место занимает анализ античных и римских комплексов Херсонеса, что вылилось в серию научных штудий.

В послевоенные годы круг исследователей Херсонеса значительно расширился. Сотрудница Государственного исторического музея Н. В. Пятышева приступила к изучению общественного здания и бассейна, известных по раскопкам К. К. Косцюшки-Валюжинича¹.

Возвращением к исследованию ранее открытого памятника стали раскопки сотрудника Института археологии Академии наук СССР С. А. Беляева — базилики № 14 (или «на холме»).

Они привели к обнаружению мозаичного пола в раннехристианском храме². Новое изучение памятника — четырехконхиального

посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г.: Тез. докл. Тбилиси, 1971. С. 164—165; Раскопки античного театра в Херсонесе в 1970—1971 гг. // Тез. докл. 15-й Национальной конференции Института археологии АН УССР. Одесса, 1972. С. 240—242; Стратиграфические наблюдения на участке раскопок античного театра в Херсонесе: Тез. докл. // НОСА. Киев, 1975. Ч. 2. С. 74—75; Работы на участке Херсонесского театра в 1991—1994 гг. // АИК. Симферополь, 1997. С. 85—88; Домбровский О. Я., Зедгенидзе А. А., Махнева О. А. Раскопки античного театра в Херсонесе в 1970 г. // АО — 1971. М., 1972. С. 347; Домбровский О. И., Золотарев М. И. Раскопки у «Храма с ковчегом» // АО — 1971. М., 1972. С. 392; Домбровский О. И., Золотарев М. И. Раскопки античного театра в Херсонесе // АО — 1972. М., 1973. С. 279—280; Лосицкий Ю. Античный театр в Херсонесе // Архитектура України. 1993. № 1. С. 39—40 (на укр. яз.).

Предварительные результаты раскопок освещены и в других заметках.

¹ Пятышева Н. В. Раскопки Государственного исторического музея в Херсонесе // Экспедиции Государственного исторического музея. М., 1969. С. 141—159; Она же. Раскопки средневекового замка с главным городским водохранилищем в г. Херсонесе и их консервация // Сообщения Министерства культуры СССР. Научно-методический совет по охране памятников культуры. М., 1969. Вып. 4. С. 45—47. В настоящее время комплекс исследуется сотрудницей заповедника Л. В. Седиковой (см.: Седикова Л. В. Раскопки водохранилища в Херсонесе // АИК. Симферополь, 1994. С. 238—240; Она же. Раскопки водохранилища в Херсонесе // АИК. Симферополь, 1997. С. 238—240).

² Публикации С. А. Беляева о памятнике см.: Работы Херсонесской экспедиции // АО — 1976. М., 1977. С. 268—269; О работе Херсонесской экспедиции // АО — 1977. М., 1978. С. 298—299; Вновь найденная ранне-

сакрального сооружения, частично раскопанного в 1906 г., — было предпринято по инициативе О. И. Домбровского одним из его учеников В. А. Кутайсовым¹.

В 1958—1959 гг. на северо-западном участке Херсонесского городища начала работать Крымская археологическая экспедиция Уральского университета (Е. Г. Суров). В 1963 г. была создана Объединенная экспедиция, постоянными членами которой стали Уральский (В. Н. Даниленко, В. В. Кучма), Харьковский (В. И. Кадеев) университеты и Херсонесский заповедник (И. А. Антонова, Л. Г. Колесникова, С. Ф. Стржелецкий)².

Раскопки Объединенной экспедиции в портовом районе привели к обнаружению слоев разрушения и комплексов, относящихся к VII—VIII вв. — одному из наиболее дискуссионных периодов истории византийского города. Тщательная фиксация местонахождения артефактов и анализ стратиграфии послужили основой для создания классификации позднеантичных и византийских керамических изделий. Своеобразным

византийская мозаика из Херсонеса: По материалам раскопок 1973—1977 гг. // ВВ. 1979. Т. 40. С. 114—126; О работе Херсонесской экспедиции // АО — 1981. М., 1983. С. 242; Беляев С. А., Кропоткин А. В., Бусяцкая Н. И. и др. О работе Херсонесской экспедиции // АО — 1978. М., 1978. С. 300.

¹ Об этом см.: Кутайсов В. А. Раскопки на участке четырехапсидного храма в Херсонесе // АО — 1978. М., 1979. С. 355; Он же. Раскопки на участке четырехапсидного храма в Херсонесе // АО — 1979. М., 1980. С. 295; Он же. Четырехапсидный храм Херсонеса // СА. 1982. № 1. С. 155—169.

² Даниленко В. Н. Некоторые итоги раскопок Херсонеса Таврического (1958—1964) // Учен. зап. Перм. ун-та. 1966. № 143. С. 70—80; Даниленко В. Н., Романчук А. И. Сводный отчет Объединенной экспедиции в 1963—1964 гг. // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 7—61. Краткая информация публиковалась в «Археологических открытиях» за соответствующие годы руководителями отрядов В. И. Кадеевым, В. Н. Даниленко, А. И. Романчук или в совместных заметках. В конце XX в. раскопки портового квартала I производились совместной экспедицией Харьковского университета и Херсонесского заповедника (см.: Золотарев М. И., Дычков С. В. Раскопки в портовом районе Херсонеса в 1992 г. // АИУ за 1992 г. Киев, 1993. С. 55—57 (на укр. яз.); Они же. Раскопки в портовом районе Херсонеса // Крымский музей. 1994. № 1. С. 141—142; Они же. Раскопки общественного здания в портовом районе Херсонеса // АИК. Симферополь, 1994. С. 129—133).

итогом раскопок поздневизантийских слоев являются публикации по исторической топографии Херсона XII—XIV вв.

До конца 80-х гг. продолжалось изучение кварталов северного района экспедицией Эрмитажа, руководили ею Г. Д. Белов и Ю. П. Калашник¹. В результате было открыто несколько кварталов, обнаружены сооружения эллинистического времени, среди которых следует отметить здание с мозаичным полом эллинистического периода.

Позднее сотрудники Херсонесского заповедника начали комплексное решение вопросов, касающихся особенностей стратиграфии и топографии северного района (С. Г. Рыжов, кварталы IX, X и др.)².

---

¹ См. статьи Г. Д. Белова о раскопках тех лет в различных изданиях: Раскопки в Херсонесе // СГЭ. 1954. Вып. 5. С. 36—37; Итоги раскопок в Херсонесе за 1949—1953 гг. // СА. 1955. Т. 24. С. 257—281; Раскопки Херсонеса 1954 г. // СГЭ. 1955. Вып. 8. С. 45—46; Эллинистический квартал в Херсонесе // ВДИ. 1956. № 3. С. 141—151; Раскопки в Херсонесе в 1955 г. // СГЭ. 1956. Т. 10. С. 55—56; Итоги раскопок в Херсонесе за 1946—1950 гг. // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957. С. 238—248; Раскопки в Херсонесе в 1955 г. // КСИА. 1957. Вып. 7. С. 86—88; Итоги раскопок в Херсонесе за 1946—1950 гг. // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957. С. 238—248; Раскопки в Херсонесе в 1961 г. // СХМ. 1963. Вып. 3. С. 55—60; Раскопки в Херсонесе в 1951 г. // СГЭ. 1964. Вып. 25. С. 62—65; Раскопки в Херсонесе в 1963 гг. // СГЭ. 1966. Вып. 27. С. 81—83; Раскопки в Херсонесе в 1966 г. // Тез. докл. пленума Института археологии 1966 г. М., 1966. С. 1—3; Раскопки в северном районе Херсонеса в 1968 г. // Херсонес Таврический: Ремесло и культура. Киев, 1974. С. 82—92.

² Информацию об этом см. в работах С. Г. Рыжова: Дом IV—III вв. до н. э. в северо-восточном районе Херсонеса // АО — 1979. М., 1980. С. 333—334; Доследования «Северной базилики» в Херсонесе // АО — 1981. М., 1983. С. 314; Раскопки девятого квартала Херсонеса // АО — 1983. М., 1985. С. 349—350; Дом IV—III вв. до н. э. в Херсонесе // СА. 1985. № 4. С. 155—162; Раскопки в северном районе Херсонеса // АО — 1984. М., 1986. С. 299—300; Раскопки в северном районе Херсонеса // АО — 1985. М., 1987. С. 403—404; Исследование жилых усадеб в Северном районе Херсонеса // АИК. Симферополь, 1994. С. 293—311; Терракотовая мастерская в северном районе Херсонеса // Древности: ХИАЕ. 1994. С. 64—72; Новые данные о «базилике в базилике» // Античный мир. Византия. Харьков, 1997. С. 290—299; Средневековые жилые кварталы X—XIII вв. в северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Т. 8. С. 290—311; Рыжов С. Г., Бородинская Т. Г.,

М. И. Золотарев обратился к изучению памятников, открытых Одесским обществом истории и древностей, и кварталов, не исследованных «до материка» Р. Х. Лепером¹.

С целью решения вопросов, касающихся социальной истории античного времени, выявления особенностей идеологических представлений херсонеситов, а также получения материалов по этнодемографии была организована экспедиция Института археологии АН УССР (В. М. Зубарь). Итоги первых лет ее работы отражены в серии публикаций². В сущности, впервые после работ конца XIX — начала

Новокрещенова О. О. Охранные раскопки Херсонесского некрополя в 1981 г. // Археологія. 1987. Вып. 59. С. 92—96 (на укр. яз.).

¹ Некоторые итоги работ освещены: Золотарев М. И. О раннесредневековых жилых постройках на месте античного театра в Херсонесе // Тез. докл. 15-й Национальной конференции Института археологии УССР. Одесса, 1972. С. 380—382; Раскопки античного театра в Херсонесе // АО — 1973. М., 1974; Подводные археологические работы у западного берега Стрелецкой бухты близ Херсонеса // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР: Тез. докл. юбилейной конференции. Киев, 1975. С. 140—141; Раскопки в Херсонесе // АО — 1974. М., 1975. С. 282—283; Раскопки в северо-восточном районе Херсонеса // АО — 1976. М., 1977. С. 299—300; Исследования в северо-восточном районе Херсонеса // АО — 1977. М., 1978. С. 326—327; Геоакустические работы в портовой части Херсонеса // Новое в применении физико-математических методов в археологии. М., 1979. С. 19—22; Раскопки в северо-восточном районе Херсонеса // АО — 1978. М., 1979. С. 331—332; Северо-восточный район Херсонеса в античное время (по материалам раскопок 1976—1986 гг.) // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса, 1888—1988: Тез. докл. Севастополь, 1988. С. 50—52. Также см. совместные статьи М. И. Золотарева и С. В. Ушакова: Исследования в северо-восточном районе Херсонеса // АИК. Симферополь, 1994. С. 134—137; Один средневековый жилой квартал северо-восточного района Херсонеса // ХСб. 1997. Вып. 8. С. 30—45; Новые исследования в северо-восточном районе Херсонеса: Средневековые памятники // Россия—Крым—Балканы: Диалог культур: Научные доклады международной конференции, Севастополь, 6—10 сентября 2004 г. Екатеринбург, 2004. С. 195—197; Новые исследования в северо-восточном районе Херсонеса // АДСВ. 2004. Вып. 35. С. 279—294.

² Зубарь В. М., Шевченко А. В., Липавский С. А. Западный некрополь Херсонеса Таврического: Материалы раскопок 1983—1985 гг.: Погребальные

XX в. экспедиции удалось выявить несколько позднеантичных склепов с остатками фресковой живописи¹.

сооружения и обряд. Киев, 1989; Они же. Западный некрополь Херсонеса Таврического: Материалы раскопок 1983—1985 гг.: Каталог погребений. Киев, 1989; Они же. Западный некрополь Херсонеса Таврического: Материалы раскопок 1983—1985 гг.: Погребальные сооружения и обряд. Киев, 1989; Они же. Западный некрополь Херсонеса Таврического: Материалы раскопок 1983—1985 гг.: Отдельные категории материальной культуры. Киев, 1989; Они же. Западный некрополь Херсонеса Таврического: Материалы и исследования. Киев, 1990. Также см.: Зубарь В. М., Ивлев С. М., Чепрак В. Н. Западный некрополь Херсонеса Таврического: Раскопки 1982 г. Киев, 1990; Зубарь В. М., Рижов С. Г., Шевченко А. В. Дослідження склепів пізньоантичного часу із Херсонеса в 1981 р. // Археологія. 1986. № 54. С. 58—70; Зубарь В. М., Робустова А. В. Два новых раннесредневековых склепа западного некрополя Херсонеса // АДСВ. 1988. Вып. 24: Вопросы социального и политического развития. С. 135—140; Зубарь В. М. Подбойные могилы Херсонесского некрополя // Открытия молодых археологов Украины. Киев, 1976. Ч. 1. С. 39—40; Он же. Подбойные могилы Херсонесского некрополя // Археологія. 1977. № 24. С. 68—73 (на укр. яз.); Он же. Склепы с нишами-лежанками некрополя Херсонеса // Археологія. 1978. Вып. 28. С. 36—45 (на укр. яз.); Он же. Подвески-атропеи из некрополя Херсонеса первых веков н. э. // АИУ за 1976—1977 гг. Киев, 1978. С. 84; Зубарь В. М., Бунятян Е. П. Новый участок детских погребений позднеантичного некрополя Херсонеса // СА. 1991. № 4. С. 228—239; Зубарь В. М., Костромичева Т. И. Склеп № 20 из некрополя Херсонеса // Археологія. 1978. № 27. С. 58—61 (на укр. яз.). Результаты исследований некрополя, расположенного с южной стороны оборонительных стен обобщены в следующих работах В. М. Зубаря: Погребальные сооружения и погребальный обряд участка некрополя у загородного храма в Херсонесе // Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев, 1977. С. 69—82; История раскопок и топография античного некрополя Херсонеса // Археологія. 1978. № 25. С. 50—59 (на укр. яз.); О новых явлениях в идеологии Херсонеса первых веков н. э.: По материалам некрополя // АИУ за 1978—1979 гг. Днепропетровск, 1980. С. 114—115; Об обряде трупосожжения в греческом обществе // Проблемы античной истории и классической филологии: Тез. докл. Всесоюзной конф. Харьков, 1980. С. 13—14; Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э. Киев, 1982. Издание сборника «Археологические исследования на Украине» возобновлено в 1990 г.

¹ Зубарь В. М. Об интерпретации сюжетов росписи склепа, открытого в Херсонесе в 1893 г. // 10-я авторско-читательская конференция ВДИ: Тез. докл. М., 1987. С. 161—162; Он же. К интерпретации одного из сюжетов росписи склепа 1912 г. из Херсонеса // ХСб. 1999. Вып. 10. С. 298—302.

Инна Анатольевна Антонова

В 1956 г. И. А. Антонова стала директором Херсонесского заповедника (1955–1971, 1981–1985)¹. Эти годы являются новым этапом в научной деятельности сотрудников и всех археологических экспедиций, участвующих в изучении херсонесских древностей. Раскопки превратились в своеобразную практическую школу студентов многих вузов СССР, был создан научный коллектив, проводивший широкомасштабные раскопки в различных районах городища, начаты работы по консервации памятников, разработаны новые экспозиции.

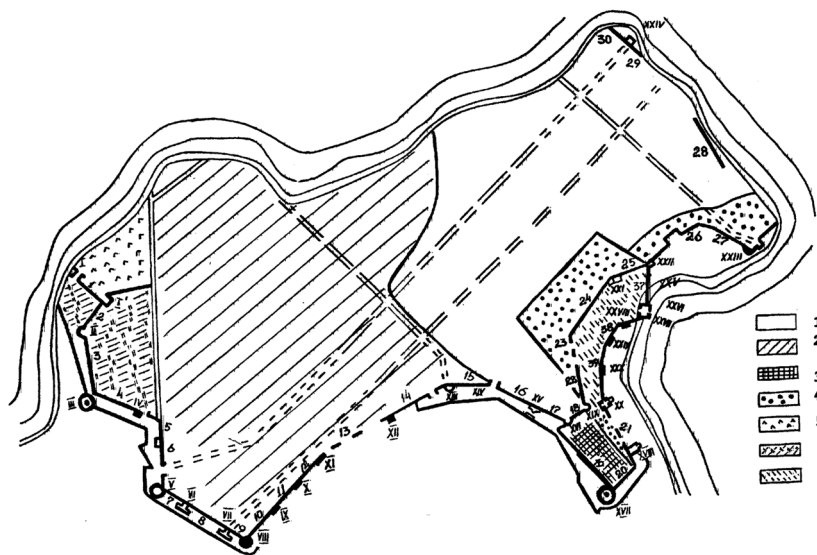
Большое внимание уделялось изучению фор-

---

¹ Для справки директора Херсонесского заповедника в первой половине XX в.: Р. Х. Лепер (1908–1914), Л. А. Моисеев (1914–1924), К. Э. Гриневич (1925–1929), В. Ф. Смолин (1929–1931), Г. Д. Белов (1931–1933). Недолгое время во главе музея находились: Ф. Ф. Жилинский, М. Даян; Т. И. Никитина-Орлова, В. Л. Боголюбов. В предвоенные годы директором заповедника стал И. Д. Максименко (1938–1949), завершает первую половину XX в. кратковременное пребывание в должности и. о. директора С. Ф. Стржелецкого (1949–1950); в 1956–1971, затем в 1981–1985 руководила заповедником И. А. Антонова. В 1971–1981 гг. директором был М. Я. Быков; на конец XX в. и начало XXI столетия приходится деятельность Л. В. Марченко (с 1985 г.).

тификации средневекового Херсона, периодизации строительства отдельных башен и куртин оборонительных стен, планомерному исследованию такого участка, как цитадель (И. А. Антонова). В конце XX в. ее помощниками на раскопках в цитадели стали В. М. Зубарь, С. Б. Сорочан и С. Н. Сухинина. Некоторые результаты этих раскопок, как и публикация обнаруженных эпиграфических памятников, отражены А. И. Антоновой в коллективных статьях.

Конец XX — начало XXI в. — это время, когда Херсонесское городище превращается в международный исследовательский центр, начинается деятельность таких экспедиций, как украинно-американская (Дж. Картер и Г. М. Николаенко) и украинно-польская (Е. Кленина и А. Бернацкий). Интернациональная археологическая экспедиция приступила к изучению остатков римского лагеря в Балаклаве (О. Я. Савеля, Севастополь; Т. Сарновски, Варшава).

Рост территории Херсонеса: 1 — конец V — середина IV в. до н. э.; 2 — конец IV — начало III в. до н. э.; 3 — конец III — начало II в. до н. э.; 4 — II в. н. э.; 5 — вторая половина V в.; 6 — X в.; 7 — X — начало XI в.
(по И. А. Антоновой)

Последние десятилетия XX в. — это годы, когда пришлось в сложнейших экономических условиях осуществлять такие задачи, как сохранение научного потенциала заповедника и вести борьбу с бесконтрольным строительством на территории, где размещались в древности усадьбы граждан Херсонеса. Все это легло на плечи сменившего И. А. Антонову Л. В. Марченко.

Раскопкам в Херсонесе в нашем столетии исполнится 200 лет (в 2027 г.). Безусловно, с точки зрения современности были допущены методические ошибки, существовали заблуждения в понимании отдельных памятников этого античного и средневекового центра. Некоторые научные гипотезы не выдержали проверки временем. Все те, кто соприкасался с памятниками Херсонеса—Херсона—Корсуня, или открывает их в наше время для подтверждения своих концепций, или же, самозабвенно работая, не думает о создании научных штудий, внесли различный вклад в восстановление истории античного полиса и византийского провинциального города. Будем помнить о них, всех тех, чьи имена были названы и еще прозвучат в дальнейшем. И пусть «каждому воздастся по трудам его».

Многовековая история Херсонеса отражена в фундаментальных монографиях, многочисленных статьях. Но еще не все страницы ее прочитаны, многие из событий, участниками которых являлись херсонеситы-херсониты, вызывают споры среди исследователей. Именно это предопределило при последующем изложении сочетание двух направлений: краткое изложение истории города и историографические сюжеты. Такое построение позволяет увидеть, как рождались гипотезы, как изучение того или иного археологического объекта становилось основой для уточнения прежних мнений; как отразилось развитие исторической науки в нашей стране, в целом, на ходе дискуссий. Двухтысячелетняя история города тесно связана с историей других государств античности и христианского периода, поэтому в некоторых случаях делаются небольшие отступления от основной сюжетной линии.

Безусловно, отразить все разночтения, существующие у исследователей Херсонеса, невозможно, по этой причине при изложении мнений выделены основные точки зрения (конечно, такой «отбор» отчасти носит субъективный характер).

Во вступительном очерке, посвященном истории изучения Херсонеса, несмотря на значительный объем, все же не прозвучали многие имена, не названы многие открытия¹. Возможно, именно поэтому хотелось бы завершить его словами «Из мемуарной книги» М. Вериги. Она писала: «Не широкое полотно картины хотела бы я предложить читателю, а лишь некоторые фрагменты этого возможного полотна, ...ее фрагменты в укрупненном масштабе»².

---

¹ Восполняют информацию научно-популярные работы: Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000; Романчук А. И. Возрождение античного города: Очерк истории изучения Херсонеса. Свердловск, 1991. Диспропорция в характеристике раннего периода раскопок (до 1920 г.) в сравнении с XX в. объясняется тем, что к изложению взглядов советских, а позднее российских и украинских историков придется обращаться подробнее в тематических разделах. Безусловно, некоторые западноевропейские историки также имеют работы, отражающие различные страницы истории Херсонесского полиса, но они, за небольшим исключением, не упоминаются. Это объясняется целью настоящего издания: показать взгляды тех авторов, которые непосредственно исследовали памятники города и его окружи, принимая участие или руководя археологическими раскопками.

² Верига М. Из мемуарной книги // Новый мир. 1991. № 5. С. 138.

Очерк 1. СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ЭЛИНЫ

Все, что человек говорит или пишет, все, что он изготавливает, все, к чему прикасается, может и должно давать о нем сведения.

Марк Блок

Даже и беглый взгляд на эти развалины шести тысяч зданий, превращенных в безобразные кучи щебня, навеивает на душу чувство глубокой скорби, и чем яснее встают воспоминания о некогда поражавших своей красотой и роскошью, а ныне — прошлом этого цветка эллинской культуры, тем сильнее охватывает зрителя печаль при виде массы человеческого ума, энергии и знаний, претворенных временем в пыль и прах.

М. Горький

Особенности рельефа Крымского полуострова. Природные богатства. Археологические материалы и древние авторы о ранних обитателях Таврики: киммерийцы. Расселение и происхождение скифов по Геродоту. Тавры. Эллинская традиция основания нового поселения. Причины и характер Великой греческой колонизации: краткая историографическая справка. Основные направления колонизации. Поиски древнего Херсонеса, или «Старый» и «новый» Херсонес. Ошибался ли Страбон? Кто и когда основал Херсонес? Историографическая традиция о возникновении Херсонеса: VI в. до н. э., или Последняя четверть V в. до н. э.? Логика доказательств сторонников основания Херсонеса в VI в. до н. э., или Писистрат Афинский и тиран Наксоса. Развитие гипотезы о Херсонесе VI в. до н. э.

Особенности рельефа Крымского полуострова

Крымский полуостров, соединяющийся с материковой частью узким и низменным Перекопским перешейком, имеет вид неправильного четырехугольника с длинным выступом на востоке — Керченским полуостровом и на северо-западе — Тарханкутским. Самая южная точка его — мыс Сарыч, расстояние от него до Перекопа, северной границы, — 195 км, длина с востока на запад — 325 км. Площадь Таврики, как именовался полуостров в древности, составляет около 26 тыс. кв. км.

К востоку от Перекопского перешейка расположены соленые озера и мелководный залив Азовского моря — Сиваш, которого до начала первого тысячелетия н. э. не существовало.

Крым отличается разнообразием рельефа, климата, почв, флоры и фауны. Северная степная, равнинная его часть составляет около $\frac{3}{4}$ площади; к югу расположены три гряды Крымских гор: Главная (или Первая), Внутренняя (Предгорная, Вторая), Внешняя (Третья) и узкая прибрежная полоса.

Главная гряда тянется в широтном направлении от Балаклавы до Феодосии, верхние части ее — это нагорья — яйлы (тюрк. — пастбище), в некоторых местах они простираются на ширину до 8 км, или же имеют узкие плоские поверхности, перерезаемые глубокими ущельями, являющимися истоками рек. Наиболее высокая яйла Бубукан, которую венчает гора Роман-Кош (до 1545 м над уровнем моря). Параллельно расположенная Внутренняя гряда имеет высоту до 600—700 м, она отделена от Главной межгрядовым понижением, шириной от 5 до 15 км. На плоских вершинах Внутренней гряды расположены руины так называемых пещерных городов: Мангупа, Тепе-Кермена, Эски-Кермена, Чуфут-Кале, Кыз-Куле. Самая северная Внешняя гряда (между Севастополем и Симферополем) является и самой низкой до 250—350 м высоты.

Природные богатства

Одним из природных богатств полуострова является Сиваш — «грязь земли», его окрестности сильно засолены. Концентрация соли в водах достигает 17% (в Черном море — 1,8%). Около 8000 лет назад началась трансгрессия — повышение уровня Черного моря, достигшее

максимума около 3,5 тыс. лет назад, затем в результате быстрого понижения (опускания уровня моря — регрессии) образовалась древне-черноморская терраса, на которой и был основан Херсонес. В конце IX — начале X в. н. э. началась новая трансгрессия.

В целом Крымский полуостров не богат залежами полезных ископаемых, исключением являются окрестности современной Керчи, где и в наше время ведется разработка железных руд — Камыш-Буренский железорудный пласт. Он состоит из осолитов (яйцевидные шарики, кроме карбонатов железа в состав входит марганец) и залежей рыхлой икряной руды. Керченские руды, судя по археологическим данным, начали разрабатываться в X—VIII вв. до н. э.

Первые изделия, выкованные из метеоритного железа, появились еще в эпоху энеолита в конце IV—III тыс. до н. э. Во второй половине IX—VIII вв. до н. э. на территории Закавказья они использовались наряду с бронзовыми, а в VII—VI вв. до н. э. уже вытеснили их. С XI в. до н. э. начинается распространение изделий из железа на территории Греции. Эллины считали хабибов, живших в Юго-Восточном Причерноморье, изобретателями железа. Но где и когда металлурги впервые обратили внимание на железную руду, до настоящего времени не установлено.

Железный век — это более чем 1400 лет в истории Крыма (до 70-х гг. IV в. н. э. — эпохи Великого переселения народов). Для этого времени известны и названия некоторых из обитавших в Причерноморье этнических групп: киммерийцы, скифы, тавры. Это время возникновения на побережье Черного моря таких центров, как Пантикапей, Феодосия, Гермонасса, Ольвия, Херсонес.

На Тарханкутском полуострове расположены горизонтально залегающие пласты известняка, ставшего строительным материалом для его обитателей. Из известняка и мергеля, глин сложена Внутренняя и Внешняя гряда Крымских гор. Самая крупная река этой территории — Альма с ее притоком Бодраком — впадает в Черное море. От современного г. Бахчисарая открывается вид на долину р. Качи, далее Внутреннюю гряду разрезает русло р. Бодрак. Близость воды и известняковые Сюреньские гроты сделали этот район местом обитания в период позднего палеолита. Остатки угля и другие находки, выявленные на стоянках во время раскопок, позволили установить, что люди этого периода использовали для костров березу и рябину, охотились на пещерную гиену,

гигантского оленя, ловили лосося. Материалом для изготовления орудий охоты служил местный серый кремль.

Наибольшее количество, но в целом незначительных, осадков выпадает в горах, где берут начало реки Крыма. Наиболее полноводная и протяженная река — Салгир (длина ок. 232 км). На крутых склонах Главной гряды начинается одна из полноводных рек Крыма — Бельбек, около берегов которой имеются выходы пластичных глин. Самой засушливой частью является Керченский и Тарханкутский полуостров.

В настоящее время в Крыму насчитывается свыше 2300 видов растений, особенным разнообразием отличается Южный берег, где произрастают кипарисы, сосна, можжевельник, бук, платан, лавр. Климатические условия благоприятны для различных фруктовых деревьев и виноградной лозы.

Реки и прибрежные районы богаты рыбой, что способствовало раннему возникновению рыболовства; в античный период развитию рыбобозасолочного промысла в городах Восточного Крыма и в Херсонесе.

Благоприятные климатические условия стали одним из главнейших условий появления в Крыму стоянок первобытного человека. Одна из них была открыта неподалеку от современного г. Бахчисарая. Но знакомство эллинов с обитателями Северного Причерноморья начинается со времени, которое принято называть железным веком, и первыми из них, упоминаемыми античными авторами, стали киммерийцы¹.

---

¹ Представление о развитии археологических культур дают соответствующие главы 3-томного издания «Археологии Украинской ССР» (Гладилин В. Н. Ранний палеолит // Археология Украинской ССР. Киев, 1985. Т. 1. С. 12—53; Черныш А. П. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М., 1984. С. 54—83; Телегин Д. Я. Мезолитическая эпоха. С. 83—108; Щепинский А. А. Ранний энеолит Крыма // Археология УССР. Киев, 1985. С. 320—323. Материалы раскопок памятников 1 тыс. до н. э. обобщены: Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Киммерийское время, IX — первая половина VII в. до н. э. // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 2. С. 18—38). Безусловно, со времени издания «Археологии Украины» изменились представления о датировке некоторых находок. Для конца XX в. характерно новое обращение к памятникам палеолитической эпохи, в том числе и к стоянке, открытой Г. А. Бонч-Осмоловским (например, см.: Степанчук В. Н. Работы Горно-Крымской палеолитической экспедиции // АИК. 1997. С. 243—244).

Археологические материалы и древние авторы о ранних обитателях Таврики: киммерийцы

На юге Восточной Европы на смену камню и бронзе железо пришло на рубеже IX и VIII вв. до н. э., а в начале VIII в. до н. э. на исторической арене появились киммерийцы, жившие здесь, вероятно, с середины бронзового века. В начале I тыс. до н. э. они перешли от оседлого образа жизни и занятия земледелием к кочевому скотоводству, начали совершать дальние походы, свидетельства о которых сохранились в восточных хрониках.

Клинописные документы ассирийцев сообщают, что в 722–715 гг. до н. э. киммерийцы разбили войско царя Урарту Русы I. В бою с ними в 705 г. до н. э. погиб ассирийский царь Саргон II (719–705 гг. до н. э.). Вот что писал некий Арадсин начальнику дворца Саргона: «Киммерийцы выступили из области Манна и в страну Урарту они вторглись... Вся страна Урарту крайне испугана относительно судьбы населения города Булии и города Сурианы. Они собирают войска, говоря: «Воистину наши силы подобны тростнику, направимся ли мы против него»¹.

Наиболее изученной среди стоянок предгорья является Шайтан-Коба (около с. Скалистое Бахчисарайского района). Она также стала объектом внимания в конце XX в. (см.: Коев В. Ю. Раскопки в гроте Скалистом // АИК. 1997. С. 139–142). Классическим примером палеолитического памятника, характеристика которого вошла во все учебные издания, является Староселье (окраина г. Бахчисарая). Как представлялось автору раскопок А. А. Формозову, здесь находилось захоронение ребенка (Формозов А. А. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите // МИА. 1958. № 71). В 1993 г. в рамках совместной украинско-американской программы «Средний палеолит Крыма» исследователи обратились к изучению памятника. Это привело к выявлению четырех разновременных культурных слоев, а инвентарь захоронений, как подчеркивают авторы раскопок, «имел значительные технико-типологические различия» (об этом см.: Маркс Э. Э., Демиденко Ю. Э., Усик В. И., Монигал К. Итоги раскопок среднепалеолитической стоянки Староселье // АИК. 1997. С. 190–194). А. А. Формозов объединял слои и представлял индустрию Староселья как однородную и практически одновременную (см.: Формозов А. А. Пещерная стоянка... С. 77).

¹ Письмо Арадсина начальнику дворца // Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1992. Т. 1. С. 16.

В следующем столетии удача отвернулась от киммерийцев. В вавилонской хронике VII в. до н. э. сказано: «Киммерийцы вторглись в Ассирию и были разбиты»¹.

Наиболее ранние свидетельства эллинов о землях Северного Причерноморья восходят к мифической морской экспедиции аргонавтов за золотым руном. По пути в Колхиду Ясон и его спутники проплыли вдоль побережья Черного моря, которое в ту эпоху было для них еще Понтом Аксинским — Морем Негостеприимным. Но непосредственно об интересующем нас регионе цикл мифов об аргонавтах сведений не содержит.

О месте обитания киммерийцев имеются свидетельства в поэме Гомера «Одиссея», где говорится, что возле пределов глубокого Океана, окутанных мглой и тучами, где народ и город людей киммерийских (Одиссея. XI, 12-19). Более подробно и географически определенное сообщение Геродота: «И теперь еще есть в Скифии Киммерийские стены, есть Киммерийская переправа, есть так называемый Киммерийский Боспор (Геродот. IV, 12). Географ Страбон считал, что киммерийцы постоянно проживали в Северном Причерноморье, около Боспора Киммерийского. В горном Крыму они имели город Киммерий (Страбон. VII, 4, 3; XI, 2, 4, 5).

Согласно пересказанным Геродотом легендам, киммерийцы, вытесненные из Северного Причерноморья скифами, переселились на южный берег Понта — в район Синопа (ок. 674 г. до н. э.). Сообщает об этих ранних событиях и другой историк — Плутарх: «Киммерийцы, которые впервые стали известны древним эллинам, представляли собой незначительную часть целого ...под натиском скифов, перешла из Меотиды в Азию» (Плутарх. Марий. XI)².

Вероятно, в течение некоторого времени пришедшие из Центральной Азии скифы и киммерийцы обитали рядом. Некоторые исследователи предполагают, что киммерийские стелы ведут происхождение

---

¹ Вавилонская хроника. Столбец IV, строка 2 // Латышев В. В. Известия... 1992. Т. 1. С. 17.

² Анализ свидетельств Геродота, повторяемых поздними авторами, позволил прийти к выводу, что историк отнес к VII в. до н. э. события VI—V вв. до н. э. (см.: Медведская И. Н. О скифском вторжении в Палестину // ВДИ. 2000. № 2. С. 221—228).

от «оленьих» камней Алтая и Центральной Азии. На них изображены воины с широкими поясами с кинжалом или мечом — на левом боку, на правом — точильный брусок, характерной принадлежностью являлся также колчан с луком. Киммерийцы, известные и восточным, и античным авторам, считаются одним из загадочных народов; «киммерийский период» еще слабо изучен историками¹.

Античная традиция о расселении и происхождении скифов

В сравнении с киммерийцами о мире скифов древние авторы оставили более подробные свидетельства.

Представительными являются и скифские древности, особенно знаменитые курганы с многочисленными изделиями из благородных металлов (Солоха, Куль-Оба, Толстая могила, Чертомлыкский курган и др.)², но это не означает, что вопросы их происхождения, расселения и занятий для современных историков оказались более ясными в сравнении с киммерийцами.

В отношении появления скифов (возможно, в VII в. до н. э.) в Северном Причерноморье не существует единого мнения. Как отмечается в современной историографии, изучение скифских памятников и письменных источников породило три концепции. Представителем традиционной являлся М. И. Артамонов, считавший, что «скифская культура» возникает под влиянием переднеазиатской цивилизации. В отличие от него Б. Н. Граков полагал, что она формируется на местной

---

¹ Известные к последней четверти XX в. памятники киммерийского времени обобщены киевскими историками, см.: Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Киммерийское время IX — первая половина VII в. до н. э. // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 2. С. 18—42.

² Например, см.: Artamonow M. (mit Fotografien von W. Forman). Goldschatz der Skythen in der Eremitage. Prag; Leningrad, 1970). Публикацию скифских сокровищ из курганов VI—III вв. до н. э. лесостепных и степных районов Украины см.: Бондарь И. В. Древнее золото: Из собрания Музея исторических драгоценностей УССР. М., 1975. Памятники скифской торевтики представлены также в альбоме: Соколов Г. Античное Причерноморье: Памятники архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства. Л., 1973.

северо-причерноморской основе. До некоторой степени примиряет противоположные мнения точка зрения А. И. Тереножкина, сделавшего вывод, что на развитие скифской культуры оказали влияние три элемента: пришлый (складывается в глубинных районах Азии), местный (северо-причерноморский) и то, что было заимствовано ими «в условиях переднеазиатских походов»¹.

Возможно, первым, кто оставил описание Северного Причерноморья, был географ из Милета Гекатей (конец VI — начало V в. до н. э.). Он упоминал «Каркинитиду, город скифский», и Фанагорию, расположенную на азиатской стороне Боспора Киммерийского (Керченского пролива)². Но, к сожалению, его труд «Землеописание» известен только по отрывкам, поэтому трудно судить насколько хорошо знали эллины побережье Черного моря, которое постепенно из Понта Аксинского превращалось в Понт Эвксинский, становясь гостеприимным.

О скифах, сменивших в степях киммерийцев, о Великой греческой колонизации, в основном Днепро-Бугского района, писал Геродот (484—ок. 425 г. до н. э.). Он повторяет свидетельство, известное по восточным документам, о бегстве киммерийцев и погоне за ними скифов (Геродот. IV, 1); характеризует население и климат Скифии, рассказывая о походе персидского царя Дария I в Северное Причерноморье в конце VI в. до н. э.); сообщает также, что в конце следующего столетия послы скифов якобы предлагали арховету Спарты Клеомену напасть

---

¹ Мурзин В. Ю. Проблема происхождения скифов в современной историографии // Археология. 1984. № 46. С. 22—31. Описание памятников Скифии приведено: Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия // Археология Украинской УССР. Киев, 1986. Т. 2. С. 43—168. Разделы о материальной культуре написаны в соавторстве с В. Ю. Мурзиным, Е. В. Черненко, С. С. Бессоновой. Античная традиция свидетельствует, что скифы совершили ряд походов в Малую Азию, дошли до Сирии. Египетский фараон Псамметих вынужден был откупаться от них. Кавказ в это время являлся скифской дорогой. Выявив «перенос» поздних событий (в частности, о наличии скифской гегемонии для VII в.) на более ранний период, И. Н. Медведская сделала заключение, что скифское вторжение в Египет в действительности не существовало (см.: Медведская И. Н. О скифском вторжении... С. 221—228).

² Гекатей Милетский. Землеописание. Фр. 153 // Латышев В. В. Известия... 1992. Т. 1. С. 47.

на персов с запада, обещая, что они в это же время нанесут удар по персам через Кавказ.

Геродот изложил несколько легенд о происхождении скифов. Согласно одной из них (родословная по представлению скифов)¹, первым человеком у скифов был Таргитай, сын Зевса и нимфы Борисфены. У Таргитая родилось три сына: Липоксай, Арпоксай, Колаксай. Когда они подросли, с неба упали золотой плуг, секира, чаша. Овладеть ими удалось младшему — Колаксаю. Он разделил землю на три части. От Липоксая произошли скифы-катиары, от Колаксыя — паралаты, от Арпоксыя — катиары и траспии.

Эллинская традиция связывала происхождение скифов с Гераклом, встретившим в низовьях Днепра полудеву-полуехидну.

У Геродота имеется и третья версия, которую он считал наиболее достоверной: «Кочевые скифы, жившие в Азии, будучи теснимы войною со стороны массагетов, перешли реку Аракс и удалились в киммерийские земли» (Геродот. IV, 11–13).

Археологические исследования в Причерноморье и южной части Восточной Европы позволили приблизительно определить территорию, занятую скифскими племенами. Основой для этого стали и географические данные Геродота, который привел названия рек Скифии: Истр (Дунай), Тирас (Днестр), Гипанис (Южный Буг), Борисфен (Днепр)². Историк подчеркнул, что «Борисфен доставляет стадам прекраснейшие и очень питательные пастбища, превосходную рыбу в огромном количестве; вода его очень приятна на вкус и отличается чистотою среди мутных рек Скифии. Вдоль него тянется превосходная пахотная земля или растет очень высокая трава, ...в устье его сама собою в изобилии оседает соль» (Геродот. IV, 53).

На западе, там, где на берегу Днепро-Бугского лимана была основана Ольвия, жили каллипиды (эллино-скифы), к северу от них — ала-

---

¹ Но, если учитывать имена божеств, то можно видеть, что Геродот «огрешил» изложение «скифской легенды».

² Картину расселения скифов на основании свидетельств Геродота попытался восстановить выдающийся российский археолог Борис Александрович Рыбаков (см.: Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия: Историко-географический анализ. М., 1979).

зоны. Каллипиды и алазоны выращивали хлеб, просо, чечевицу, чеснок, лук. Еще севернее обитали скифы-пахари (между Днестром и Днепром, украинская лесостепь). На восток от Борисфена до р. Геррос — земли скифов-кочевников, далее к востоку — к Меотиде, Танаису и в Степном Крыму располагались кочевья царских скифов. В горной части Крыма находились убежища тавров. На восток от Танаиса — Дона кочевали савроматы, у которых не было «ни диких, ни садовых деревьев» (Геродот. IV, 21). Такова одна из картин расселения, которую позволяют воссоздать свидетельства античного автора.

Упоминает Геродот и «страну ...гористую и выступающую в Понт», которую заселяет племя тавров, занимающее часть Скифии» (Геродот. IV, 99).

Тавры

Поскольку в центре последующего внимания будет в основном Херсонес, то следует отметить, что для переселившихся на берега Черного моря создателей полиса ближайшими соседями стали тавры, о которых Геродот писал, что они обитали в горах, начиная от Керкинитиды (у соврем. г. Евпатория) к западу до Скалистого (Керченского) полуострова (Геродот. IV, 99). Представление об особенностях кизил-кобинской культуры, носителями которой считаются тавры, позволили получить исследования А. М. Лескова и Х. И. Крис¹.

В связи с историей Херсонеса таврская проблематика представлена в статьях сотрудника Херсонесского заповедника О. Я. Савели²,

---

¹ Лесков А. М. Горный Крым в первом тысячелетии до н. э. Киев, 1965; Крис Х. И. Кизил-кобинская культура и тавры // САИ. 1981. Вып. Д 1—7. Последующее типологическое изучение находок позволило уточнить датировку привлеченных в данных публикациях памятников, но идеи и наблюдения авторов представляют интерес и в наши дни.

² См. работы О. Я. Савели: О керамике с врезным орнаментом из Херсонеса // КСИА. 1970. Вып. 124. С. 48—50; К проблеме взаимоотношений Херсонеса Таврического и с варварами Юго-Западного Крыма в V—III вв. до н. э. // НОСА. Киев, 1975. Ч. 2. С. 100—102; Об отношениях греков и варваров в Юго-Западном и Южном Крыму в VI—II вв. до н. э. // Проблемы греческой колонизации и структура раннеантичных государств Северного и

отдельные находки кизил-кобинской культуры проанализированы С. Н. Сенаторовым¹. Анализу взаимоотношений варваров Таврики и херсонеситов, этнической картине региона посвящена монография В. М. Зубаря².

Наиболее системным обобщением к анализу ранних памятников Юго-Западной Таврики в контексте общеисторических процессов является глава в коллективной монографии об истории и культуре Херсонеса в третьей четверти VI — середине I в. до н. э.³ В связи с

Восточного Причерноморья: Тез. докл. Тбилиси, 1977. С. 61–63; О греко-варварских взаимоотношениях в Юго-Западном Крыму в VI–IV вв. до н. э. // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 166–176; Археологические материалы к истории Гераклейского полуострова доколониционного периода // ХСб. 1996. Вып. 7. С. 13–18. Краткую информацию о раскопках памятников О. Я. Савеля изложил: Раскопки и разведки в окрестностях Севастополя // АО — 1973. М., 1974. С. 337–338; Раскопки и разведки у Сапун-горы // АО — 1978. М., 1979. С. 398; Работы Севастопольской экспедиции // АО — 1979. М., 1980. С. 334–335.

¹ См.: Сенаторов С. Н. О кизил-кобинской керамике из Херсонеса // История и культура Херсонеса и Западного Крыма в античную и средневековую эпохи: Тез. докл. Севастополь, 1987. С. 7–9; Он же. О керамике с гребенчатым орнаментом из Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса: Тез. докл. Севастополь, 1988. С. 100–101; Он же. Ранняя кизил-кобинская керамика из раскопок в Херсонесе // Археологические вести. 2000. Вып. 7. С. 159–163.

² Зубарь В. М. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. Киев, 2004; также см.: Зубарь В. М. Некоторые аспекты истории Северо-Западной Таврики в конце VI — на рубеже IV–III вв. до н. э. // ПИФК. 2003. Вып. 13. С. 45–69.

³ См.: Кравченко Э. А. Природная среда и население Западного Крыма до основания античных центров // Херсонес Таврический в третьей четверти VI — середине I в. до н. э.: Очерки истории и культуры. Киев, 2005 (глава 1). О взаимоотношениях эллинского и варварского мира существует специальное исследование В. М. Зубаря «Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху» (Киев, 2005). Концептуальные выводы работы повторены в главе 4 коллективной монографии 2005 г., в которой имеется раздел «Не-

упоминанием данной работы, к которой при рассмотрении некоторых дискуссий относительно особенностей развития античного Херсонеса, придется обращаться неоднократно, следует отметить, что это, в сущности, первое исследование, в котором рассмотрена история полиса со времени его возникновения и до начала римского присутствия в регионе. Оно, наряду с ранее изданным томом, посвященным более позднему времени¹, подводит своеобразный итог более полуторавекового изучения данного центра.

В соответствующей главе коллективной монографии относительно памятников кизил-кобинской культуры Э. А. Кравченко отмечает, что комплексный анализ керамических находок одного из поселений, расположенных в окрестностях Севастополя, позволил датировать наиболее ранние из них XI—X вв. до н. э. (до этого некоторые исследователи относили их к IX—VIII вв. до н. э.). На основании типологии находок сделан вывод «об отсутствии кардинальных изменений в культурном типе местного населения до середины IV в. до н. э.» и воссоздана топография поселений кизил-кобинской культуры на Гераклеяском полуострове, Инкерманской и Балаклавской долинах на основании разведок О. Я. Савели и раскопок Г. М. Николаенко. Примечательным является вывод Э. А. Кравченко, о котором в последующем (при рассмотрении вопроса о греко-варварском Херсонесе) следует вспомнить: «Находки античной керамики VI—V вв. до н. э., обнаруженной в ходе разведок и раскопок ...на Кизил-кобинских поселениях северного побережья Гераклеяского полуострова, являются следствием возникновения греческого поселения. ...Подобные процессы притока и концентрации варварского населения в зоне деятельности античных центров» про-

---

которые вопросы истории тавров». Отметим только основные, представленные в ней положения: а) взаимодействия носителей кизил-кобинской культуры (тавров) и скифов носили мирный характер, что привело к их ассимиляции; б) со II в. до н. э. исчезают памятники этой культуры; в) этноним «тавры» с этого времени (как и «тавро-скифы») носит условный характер.

¹ Владимиров А. А., Журавлев Д. В., Зубарь В. М., Крыжицкий С. Д., Русяева А. С., Русяева М. В., Сорочан С. Б., Скржинская М. В., Храпунов Н. И. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э.: Очерки истории и культуры. Харьков, 2004.

слежены и в других регионах¹. Как и другие исследователи памятников кизил-кобинской культуры, Э. А. Кравченко отмечает, что состояние источниковой базы не позволяет ответить на вопрос о «взаимовыгодности» деятельности двух этносов, находящихся на различных ступенях общественного развития. Автор обращает внимание и на то, что рядом с поселениями не обнаружено могильников, однако таковые имеются на расстоянии около 20–30 км от Херсонеса на склонах Байдарской долины, которая могла являться своеобразным племенным центром того населения, кому принадлежат «варварские» памятники Гераклеяского полуострова. Автор главы высказывает предположение, что поселения Гераклеяского полуострова, вероятно, были сезонными стоянками². Отметим еще один вывод Э. А. Кравченко: основой хозяйственной

---

¹ Кравченко Э. А. Природная среда... С. 55.

² Насколько известно из практики археологических исследований, на наличие стоянок, носивших временный характер, указывают немногочисленные (чаще всего единичные) находки. От сооружений, использовавшихся для ночлега, на подобных памятниках фактически не остается следов. Если на Гераклеяском полуострове существовали поселения, для которых характерно наличие жилых и хозяйственных комплексов, то вряд ли можно говорить о том, что это стоянки. Вряд ли около поселений не имелось мест захоронений. Освоение Гераклеяского полуострова, которое началось задолго до начала систематических раскопок на этой территории, не могло не привести к уничтожению памятников. Скорее всего, расположенные на удалении в 20–30 км от «стоянок» некрополи не принадлежали обитателям «стоянок» или другого вида поселений Гераклеяского полуострова. Для современности, тем более раннего времени, это значительное расстояние для совершения захоронений. Правда, мы не знаем особенностей мировоззрения тавров. Возможно, они являлись таковыми, что требовали преодоления и столь большого расстояния для совершения обряда. Рассказывает же Геродот, что в случае смерти вождя скифов его набальзамированные останки провозили по местам обитания тех, кем он управлял при жизни. И все же, более вероятно полагать, что некрополи, примыкавшие к поселениям, не были в силу различных причин обнаружены или не сохранились. К таким выводам склоняют события недавних дней. В процессе интенсивной застройки Гераклеяского полуострова выявлены склепы (по предварительной датировке IV в. н. э.) с остатками росписи (на восточном берегу Карантинной бухты).

деятельности туземного населения являлось отгонное скотоводство, поэтому оно не нуждалось в землях полуострова, а в последующем — в процессе освоения земель Гераклеи было, скорее всего, вытеснено за его пределы¹.

Если следовать хронологии, то следующим после Геродота греческим автором, у которого содержатся мифические свидетельства о варварах Северного Причерноморья, в частности о таврах, соседях херсонеситов, является младший из великих трагиков Эллады Еврипид (480—406 гг. до н. э.). В одном из циклов драм он пересказал легенду об Ифигении, несчастной дочери правителя Микен Агамемнона, возглавлявшего войско ахейцев, которые отправились к стенам Трои. Ради благополучия плавания Ифигении выпала доля быть принесенной в жертву богине Артемиде. Но та заменила ее ланью и перенесла в Тавриду. Здесь Ифигения стала жрицей у приносящих своим богам кровавые жертвы тавров («Ифигения в Тавриде»).

В V—IV вв. до н. э., когда на берегах Черного моря уже существовали такие города, как Ольвия, Херсонес, Пантикапей и многие другие, эллины, безусловно, уже хорошо ориентировались в географии Северного Причерноморья. В «Периплах», служивших руководствами для мореплавателей, названы различные населенные пункты и приведены расстояния между ними. Но исторические свидетельства о Северном Причерноморье и непосредственно о Херсонесе для V—IV вв., как и о более раннем времени, в письменных источниках единичны. Правда, названия городов, расположенных на побережье, все чаще появляются в речах политических деятелей Эллады, в трудах историков, писавших в целом о Средиземноморско-Черноморском регионе. Среди тех, кто неоднократно упоминал правителей Боспора в связи с поставками с Боспора хлеба, был выдающийся оратор Афин Демосфен (384—322 гг. до н. э.), прославившийся направленными против Филиппа II Македонского (382—336 гг. до н. э.) речами — «Филиппиками».

Для более позднего времени чрезвычайно интересен рассказ географа Страбона (ок. 63 г. до н. э. — ок. 23 г. н. э.) о военной экспедиции в Таврику полководца Понтийского царя Митридата VI Диофанта

---

¹ Кравченко Э. А. Природная среда... С. 58.

(Страбон. VII, 4, 1—8). Они тем более ценны, что события конца II в. до н. э., изложенные античным автором, сопоставимы с текстом Декрета херсонеситов в честь Диофанта. Другим полностью сохранившимся эпиграфическим памятником эллинистической эпохи является Присяга херсонеситов¹, к которой придется неоднократно обращаться².

О значении Присяги свидетельствуют слова выдающегося русского эпиграфиста В. В. Латышева (1855—1921): «Не подлежит сомнению, что вновь найденный в Херсонесе документ содержит текст такой же общегражданской присяги, а не клятвы высшего государственного сановника. ...Если мы сравним текст Херсонесской присяги с текстом Афинской, то заметим, что в первом обязанности честного гражданина по отношению к отечеству и отдельным согражданам перечислены гораздо полнее и разностороннее, нежели во втором»³.

Можно привести оценку не ученого, а любителя и знатока истории Херсонеса, регулярно освещавшего раскопки в местной крымской печати: «Присяга служит чудесным памятником, в котором выразились высокие гражданские чувства, столь редкие в наше время. Решительно

---

¹ Существует два перевода Присяги, которую датируют в настоящее время рубежом IV—III вв. до н. э. или началом III в. до н. э. (об этом см.: Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: Экономика, политика, культура. М., 1990. С. 335), сделанные В. В. Латышевым и С. А. Жебелевым (его перевод считается наиболее соответствующим характеру источника). О С. А. Жебелеве см.: Гайдукевич В. Ф. Академик Сергей Александрович Жебелев как исследователь Северного Причерноморья // СА. 1941. Т. 5. С. 7—12.

² Уникальностью памятника обусловлено постоянное обращение к его содержанию, начиная со времени публикации. Список работ, в которых используется Присяга, весьма внушителен. Наиболее поздние работы: Павличенко В. И. Херсонесская присяга и проблема государственного устройства Херсонеса в конце V — начале IV в. до н. э. // Херсонес в античном мире: Историко-археологический аспект: Тез. докл. Севастополь, 1997. С. 93—96; Доманский Я. В., Фролов Э. Д. Присяга граждан Херсонеса: Опыт исторической интерпретации // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь: К 100-летию со дня рождения М. И. Артамонова. СПб., 1998. С. 59—64.

³ Первое издание присяги: Latyshev V. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli, 1916. Vol. 1. Ed. 2. № 401.

не мешало бы современным «гражданам» заучить на память «присягу херсонаситов», или хотя ту ее часть, которая касается «хлеба вывозимого»¹.

Малочисленность и отрывочность свидетельств письменных источников восполняется материалами археологических исследований, которые легли в основу первых гипотез исследователей конца XIX в. по истории Херсонеса и других северо-причерноморских центров.

Эллинская традиция основания нового поселения

Историк Р. Ю. Виппер в книге «История Греции в классическую эпоху», изданной в 1918 г., сказал о значении Великой греческой колонизации следующее: «Не будь колонизации, Греция не имела бы истории»². Эти слова свидетельствуют о роли, которую сыграло освоение эллинами новых земель. Одним из направлений колонизационного потока стало Северное Причерноморье.

Надписи об основании поселений, о разделе земли между прибывшими на новое место характеризуют практику и называют меры, предшествовавшие выселению из метрополии — центра, являвшегося инициатором создания апойкии (нового поселения). К сожалению, для Херсонеса не обнаружено источника, который бы освещал этапы подготовки переселенцев, такого, как клятва основателей, поэтому для восстановления возможной картины воспользуемся документами других центров.

В 1925 г. была опубликована найденная в Кирене так называемая «Стела основателей». В первой ее части говорится о предоставлении гражданских прав жителям метрополии — Феры: «Народ постановил, чтобы все феряне и в Кирене остались на таких же гражданских правах. ...Распределить их по филам и кланам, а также среди девяти гетерий. Записать это постановление на беломраморной стеле (и) поставить ее в отечественном святилище Аполлона. ...Деньги, необходимые на (приобретение) камня или составление надписи, пусть финансовые магистраты возьмут из средств (храма) Аполлона».

---

¹ Энгель М. Глубь веков: Результаты последних археологических разведок в Херсонесе // Крымский вестник. 1892. № 39.

² Виппер Р. Ю. История Греции в классическую эпоху. М., 1918. С. 87.

Начальные строчки надписи не содержат сведений относительно создания нового поселения. Но они характеризуют особые отношения между колонистами и метрополией.

Прочтем вторую часть постановления, где непосредственно сказано о подготовке к переселению и мероприятиях, предшествовавших этому, а также о некоторых правах и обязанностях создателей апойкии:

«Народное собрание постановило. Поскольку Аполлон изрек предсказание Батте и ферьям заселить Кирену, феряне вынесли определение — Батта отправляется в Ливию в качестве архогета и царя, а ферьям — отплыть в качестве (его) спутников. На равных и одинаковых основаниях отплывать от каждого дома, причем в число (колонистов) брать по одному из двух братьев; при этом плыть сыновьям свободным и возмужалым, а также свободным мужам из семи ферских округов. Если колонисты прочно обоснуются на новом месте жительства, то пусть сродственники, приплывающие впоследствии в Ливию, получают равные гражданские права, возможность занимать магистратуры и по жребии — (наделы) из не занятой земли. Если же (колонисты) не утвердятся на новом месте и феряне не смогут им помочь, то пусть в силу необходимости они переносят тяготы в течение пяти лет (после чего могут) вернуться из той страны без страха на Феру к своему достоянию и быть полноценными гражданами. Если кто-нибудь, предназначенный городом к отправлению, не захочет отплыть, то пусть будет предан смерти, а имущество его конфисковано в пользу государства. Укрывающий или не выдающий, будь то отец сына или брат брата, понесут то же наказание, что и не желающий отплыть». (Далее в документе перечислены кары нарушителям клятвы, а сохраняющим верность ей «пребывать во благе и довольстве им самим и их потомкам»).

Особенностью процитированного документа является то, что он был составлен на основании более раннего с некоторыми дополнениями. Как считает В. П. Яйленко, предпринявший лингвистический анализ памятника, в нем содержатся поздние вставки. Прежде всего — это слова о предоставлении равных гражданских прав прибывшим вслед за первопереселенцами. Причиной появления ее, как он полагает, стал интерес ферян к процветающей Кирене, поэтому на основании «сфабрированного текста» оговорена для граждан метрополии возможность получать наравне с основателями равные права. Такой же

поздней вставкой являются слова о возможности возвращения к своему достоянию и полноценному гражданскому статусу на Фере. Геродот, описывая отправку колонии в Ливию, сообщал, что переселенцы, не сумевшие основать город, попытались вернуться на родину, но не были приняты, отметил исследователь. Таким образом, вторая «фальсификация» первоначального текста документа — попытка реабилитировать предков за этот поступок, подчеркивает В. П. Яйленко¹.

Практика переселенческого движения свидетельствует, что колонисты, прибывавшие позднее (эпойки), не получали равных прав с основателями (не могли быть избраны в магистратуры и имели меньшие участки земли). Аристотель в одном из пассажей «Политии» писал по этому поводу: «Доступ к магистратурам имели отличавшиеся благородством происхождения и (потомки) первых колонистов, которые составляли незначительную часть всего населения» (Полития. IV, 3, 8).

Итак, как свидетельствуют слова «клятвы» и другие источники, созданию апойкии предшествовало обращение частного лица в Дельфийское святилище Аполлона или в какое-нибудь другое святилище этого божества. Например, в Дидимский храм (расположен на территории Малой Азии, неподалеку от Милета). Благоприятное предсказание — основание для создания коллектива будущих переселенцев. У ферян организатором выступает Батта, который возглавлял граждан как архогет (в некоторых дорийских полисах это глава военного ополчения) и царь — базилей (магистрат, наделенный жреческими и судебными полномочиями). Относительно событий VII в. до н. э. на Фере и в Кирене, Геродот писал, что Батт, сын Полимнеста (ок. 630—ок. 599 гг. до н. э.), происходил из знатного рода. Приведены историком и причины, которые заставили ферян покинуть родину в поисках лучшей доли: продолжавшиеся семь лет засуха и голод.

Пример с организацией нового поселения ферянами представляет интерес потому, что, как и Херсонес, это дорийский полис. О создателях Кирены Геродот писал, что на новое место на 30-ти кораблях отправились люди «из разных спартанских фил» (Геродот. IV, 148). Освещая

---

¹ Яйленко В. П. Греческая колонизация VIII—III вв. до н. э. М., 1982. С. 61—83.

события тех лет, он заметил, что во время посещения Дельфийского храма потомку Фера Грину был дан оракул об основании поселения в Ливии. Престарелый правитель острова назвал Батта в качестве главы колонистов. Но только через семь лет, после неурожайных лет и раздоров ферейцы исполнили повеление оракула (Геродот. IV, 148—151). Историк привел данные и о происхождении Батта: он был сыном дочери правителя одного из городов Крита, родившегося от ее связи с знатным ферейцем (Геродот. IV, 154).

Итак, согласно одному из вариантов, который представлен античной традицией, потерпевший поражение в длившейся семь лет борьбе, Батта, покинувший Феру вместе со своими сторонниками, повторно обратился к оракулу в Дельфах с вопросом: «Бороться ли ему за возвращение на родину или отправиться в другое место»¹.

На начальном этапе организации нового поселения большую роль играл ойкист — ее создатель, именно он обращался к божеству за прорицанием и, как показал пример Кирены, сосредотачивал в своих руках высшую власть. Следующим актом являлась клятва, которую приносили все переселенцы. В ней обычно определялись принципы политического устройства. В случае с Киреной — царствование Батта. (Известно, что он находился у власти в течение 40 лет. Его настоящее имя было Аристотель, у ливийцев, на землях которых обосновались переселенцы, слово «батт» означало «царь», «господин»).

Последующую деятельность колонистов на новом месте источники рисуют следующим образом. Прежде всего сооружались оборонительные стены, а затем производился раздел земли. Сначала земля распределялась по филам специально избранной комиссией. Каждый из прибывших получал земельный участок из состава территории, которая досталась его филе. Как правило, при разделе земель гражданину отводилось не менее двух участков, расположенных на различных массивах. Один из участков служил основным наделом — своеобразный земельный ценз, позволяющий считаться полноправным гражданином. Наиболее ценными считались земли рядом с поселением. Величина

---

¹ Согласно другому варианту, Батта дважды обращался за прорицанием к Пифии. Только после второго раза ферейцы отправились на новое место (Геродот. IV, 156).

получаемого надела зависела от ресурсов местности и численности коллектива переселенцев. Кроме того, на территории поселения (города) выделялся участок под застройку (ойкопедон). Эпойки (переселившиеся позднее) получали меньшие наделы из неподделанных ко времени их прибытия земель. Они не имели основного надела, поэтому не являлись полноправными гражданами и, следовательно, не могли избираться в магистратуры. Вполне возможно, что отводимый им в качестве ойкопедона участок также имел меньшие размеры.

Государственное устройство нового полиса в значительной мере копировало порядки, существовавшие в метрополии. На новое место переносилось традиционное деление по филам; при последующем пополнении новыми переселенцами создавались и новые. Выходцы из других государств также могли быть объединены в особую филу. Новый центр (апойкия) сохранял дружеские связи с метрополией, основанные на равноправии. Но переселенцы и первой, и второй волны гражданами ее не являлись. Но так как эпойки не имели равных прав с основателями, то на определенной стадии развития нового полиса начинались конфликты, которые иногда завершались победой представителей второй волны.

Безусловно, одним из важнейших актов по прибытию на новое место являлся раздел земельных угодий. Но можно ли считать, что Великая греческая колонизация носила только аграрный характер?

Причины и характер Великой греческой колонизации: краткая историографическая справка

Вопрос о причинах и характере Великой греческой колонизации¹, одним из итогов которой стало появление на северных берегах Черного

---

¹ Термин «колонизация» традиционно используется в работах для обозначения процесса освоения эллинами новых земель. Вместе с тем отмечается, что он «не вполне точно определяет сущность переселенческого процесса, охватившего Древнюю Грецию в VIII—VI вв. до н. э., так как заимствован из сферы явлений римской, а не греческой общественной жизни; римская или латинская *colonia* не идентична греческой апойкии. ...Более соответствует существу греческих переселений термин «*ΜΕΤΑΝΑΣΤΑΣΙΣ*» (переселение, выселение) (см.: Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966. С. 5).

моря многочисленных центров, имеет длительную дискуссию. Одной из первых работ, обобщившей свидетельства древних авторов о возникновении новых поселений и причинах колонизации, стало исследование Рауля Рошета¹. Французский историк полагал, что основным двигателем освоения новых земель являлась присущая грекам неумность, к которой добавлялись различные местные обстоятельства: политическая борьба в полисах, нехватка земли и голод.

Критический анализ письменных источников, археологические раскопки и находки эпиграфических памятников обусловили появление к концу XIX в. двух концепций, отзвуки которых существуют и в наше время².

Тезис о колонизации как торговой экспансии греков выдвинул один из крупнейших немецких историков Эдуард Мейер. Согласно его точке зрения, развитие с VIII в. до н. э. ремесленного производства и морской торговли, заставили греков осваивать новые районы в поисках рынков сбыта. Колонизации способствовала и характерная для полисов этого времени перенаселенность³.

Не торговые интересы, а нехватка земли — главная причина Великой греческой колонизации, — такого мнения придерживался другой немецкий историк Юлиус Белох⁴. Сторонником теории аграрной колонизации был и его современник Поль Гиро. Он подчеркивал, что следует учитывать характер земельных отношений, являющихся причиной, из-за которой эллины покидали родину. Земля принадлежала семье, и глава ее мог лишить любого из своих сыновей наследства, что и приводило к эмиграции. Исключенные из участия в разделе общего имущества члены семьи становились основным ядром переселенцев⁵.

---

¹ Rochette R. Histoire critique de l'établissement des colonies grecques. P., 1814. Т. 1. Р. 15–20.

² Анализ мнений историков о причинах колонизации см.: Яйленко В. П. Греческая колонизация... С. 4–46.

³ Взгляды историка изложены в монографии: Meyer E. Geschichte des Altertums. Stuttgart, 1893.

⁴ Beloch K. J. Griechische Geschichte. Strassburg, 1912.

⁵ Guiraud P. La propriété foncière en Grèce jusqu' à la conquête romaine. P., 1893.

Среди российских историков конца XIX — начала XX в., обращавшихся к истории колониционного движения эллинов, прежде всего следует назвать В. В. Латышева и А. И. Тюменева. В работе «Исследования об истории и государственном строе города Ольвии»¹ В. В. Латышев сделал вывод, что в Северное Причерноморье эллинов привели торговые интересы. А. И. Тюменев, как и Р. Ю. Виппер, слова которого приведены выше, полагал, что торговая колонизация (VII в. до н. э.), на которую оказал влияние произошедший в архаический период (VIII—VII вв. до н. э.) экономический переворот, последовала за аграрной (VIII в. до н. э.). А. И. Тюменев, поставив на первое место такой фактор, как нехватка земельного фонда, отметил и наличие торговых интересов и социальной борьбы — противоречий между знатью и демосом, имевших место в процессе становления полисной организации².

Участие в дискуссии о начальной истории городов Северного Причерноморья принимал член Одесского общества истории и древностей Э. фон Штерн, который писал о большом значении археологических находок для уточнения времени появления эллинов на берегах Черного моря³. С его взглядами нам еще предстоит познакомиться в связи с дискуссией о «двух Херсонесах».

В XX столетии российские историки и их коллеги из других стран неоднократно обращались к истории Великой греческой колонизации. В многочисленных фундаментальных монографиях и отдельных статьях содержатся данные о новых поселениях, взаимоотношениях их с метрополиями и соседями — варварами. О постоянном интересе и внимании к проблемам колонизации свидетельствуют специальные конференции. Например, симпозиумы в Цхалтубо (Грузия, первый состоялся в 1977 г.).

---

¹ Латышев В. В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887. Работы российских историков, посвященные Великой греческой колонизации, многочисленны. Особенно возросло обращение к данной теме с начала проведения в 1977 г. Цхалтубских симпозиумов.

² Тюменев А. И. Очерки экономической и социальной истории Древней Греции. Пг., 1924. Т. 1. С. 43—45.

³ Штерн Э. Р. Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории Черноморской колонизации // ЗООИД. 1900. Вып. 22. С. 1—21.

Обмен мнениями, анализ археологических материалов привел исследователей к выводу о многообразии причин колониционного процесса. В работах российских историков отмечалось, что образование нового полиса и обустройство его хоры приводило к появлению контактных зон; новая ситуация в регионе способствовала изменению социально-экономических отношений в варварской среде. Не останавливаясь на изложении взглядов многочисленной плеяды исследователей и существующих до настоящего времени дискуссиях по отдельным аспектам колониционного процесса, суммируем основные выводы.

Итак, одной из причин развития колониционного движения являлось появление в обществе тех, кто оказался лишенным земельного надела; в составе поселенцев были те, кто у себя на родине в силу каких-либо причин не мог иметь земельного надела. Примером может служить судьба поэта Архилоха (ок. 650 г. до н. э. — ?). Будучи незаконнорожденным сыном паросского аристократа и рабыни, он не имел прав на долю имущества при разделе отцовского наследства и стал одним из активнейших участников заселения паросцами о. Фасоса. Архилох писал о себе: «В остром копье у меня замешан мой хлеб. И в копье же — из-под Исмара вино пью, опершись на копье».

В новых поселениях смешивались выходцы из различных полисов. Великая греческая колонизация высвобождала личность из-под контроля рода, способствуя разложению его традиций. В апойкиях сосредоточивались энергичные и предприимчивые люди, утратившие связь со своим родовым коллективом, полагавшиеся, как и Архилох, только на себя.

Другой причиной переселения на новые земли являлись социальные противоречия, сопровождавшие процесс рождения нового вида государственности — полиса. Борьба между знатью и рядовыми общинниками (демосом) приводила в некоторых случаях к тому, что побежденные вынуждены были покинуть родину.

К освоению новых земель приводила и необходимость получения сырья. Многие из новых поселений возникли там, где по соседству имелись залежи железа. Безусловно, метрополию, выводившую колонию, интересовали и новые места торговли.

Вопросам колонизации посвящена фундаментальная работа В. П. Яйленко, в которой имеется обширный историографический

очерк. Исследователь склонен считать, что «колонизация явилась одной из существеннейших причин экономического переворота в архаической Греции, она в значительной мере повлияла на рост греческих городов. Вместе с тем она в немалой степени способствовала социально-политическому развитию Греции, разрушению родовых устоев, распаду аристократического строя, возникновению олигархических и ранне-демократических полисов»¹. Этот вывод суммирует существующие в настоящее время мнения, если несколько скорректировать начало фразы: «Экономический переворот в архаической Греции стал одной из существеннейших причин колонизации...».

Итак, на характер и направления колонизационного движения оказали влияние несколько факторов: разрушение родовой собственности, политическая борьба в полисах и торговые интересы, недостаток сырья на территории материковой Эллады.

Колонизационное движение осуществлялось в форме апойкий (основание нового самостоятельного полиса) и отправке эпойков (экспедиции для усиления и людских, следовательно, и военных ресурсов уже существующего поселения). При этом могли существовать правовые различия между основателями нового поселения и теми, кто прибыл позднее.

Основные направления колонизационного движения

Основанию поселения на новом месте могли предшествовать полупиратские-полуторговые экспедиции, в ходе которых осуществлялось предварительное знакомство с территорией, куда в последующем выводилась апойкия. Предшественником полиса могло быть торговое поселение — эмпорий. Одним из наиболее ранних направлений колонизационного процесса являлось Малоазийское побережье.

В течение XI—VIII вв. до н. э. происходило освоение Ионии и Эолиды. В погребениях IX в. до н. э. на о. Самосе обнаружены характерные для материковой Греции предметы, на о. Хиосе — керамические изделия этого же времени. В VIII в. до н. э., когда оказались исчерпанными территориальные возможности Малой Азии, колонизационный поток

---

¹ Яйленко В. П. Греческая колонизация... С. 46.

направился на запад — в Сицилию и на юго-западное побережье Апеннинского полуострова. Говоря о территориальных ресурсах Малой Азии, необходимо учитывать наличие здесь таких сильных государств, как Фригийское и Лидийское царства, что не могло не сдерживать экспансию эллинов. В VII в. до н. э. появляются поселения греков в Северной Африке, Северной Эгее и на побережье Понта (Черного моря). Одним из центров, сыгравших большую роль в освоении Северного Причерноморья, был Милет. К апойкиям, которые возникли в данном регионе, в последующем став значительными полисами, относятся Ольвия, Фанагория, Гермонасса.

В близкое время переселенцы из Гераклеи, расположенной на южном побережье Понта, основали Херсонес Таврический. Конечно, процесс его рождения, как и последующее развитие, имели локальные отличия, однако выявить это в деталях удастся не во всех случаях из-за состояния источниковой базы. Именно поэтому многие вопросы истории Херсонеса вызывали и вызывают дискуссии.

Истоки одной из них восходят к началу раскопок Херсонеса — это вопрос о так называемом Страбоновом или древнем Херсонесе.

Поиски древнего Херсонеса, или «Старый» и «Новый» Херсонес

Греческий географ Страбон следующим образом описал побережье, где был основан Херсонес: «При выходе из залива, на левой стороне, лежит маленький городок и еще один залив херсонесцев. Если плыть дальше вдоль побережья, следует выдающийся в море на юг большой мыс, который составляет часть целого Херсонеса. На этом мысу расположен город гераклейцев, который также называется Херсонесом и отстоит, если плыть вдоль берегов, на 4400 стадий от Тираса.

...Между городом и мысом 3 гавани. Затем следует Древний Херсонес, лежащий в развалинах, и потом гавань с узким входом, где тавры обычно собирали свои разбойничьи банды, нападая на тех, кто спасался бегством. Эта гавань называется Симболон Лимен и образует вместе с другой гаванью под названием Ктенунт перешеек в 40 стадий.

Этот перешеек, который замыкает Малый Херсонес, составляющий, как я сказал, часть Большого Херсонеса, с одноименным полуострову городом Херсонесом» (Страбон. VII, 4,2).

Территория города Херсонеса является частью Гераклеийского полуострова, который делится на две части (равнинную и гористую) и примыкает к Крымскому. Античные географы упоминали горный массив Тавр в южной части Малой Азии, протянувшийся с запада на восток, подобно крымским горам, что, как полагают некоторые исследователи, и повлияло на наименование крымских гор¹.

Названий всех бухт, описанных Страбоном, не сохранилось. Симболон Лимен — Сигнальная бухта (идентифицируется с совр.: Балаклавской), а Ктенунт — Гребенка (Большая Севастопольская бухта), «выступающий в море мыс» — Маячный полуостров. Название бухты, на берегу которой располагался Херсонес, не известно.

Херсонес—Херсон—Корсунь издавна известен русским летописцам. Они упоминали его в связи с рассказом о Корсунском походе киевского князя Владимира и крещением Руси. Но точное местоположение древнего города до раскопок конца XIX в. не было установлено. Только благодаря исследованиям К. К. Косцюшки-Валюжинича удалось доказать, что «новый» (на берегу Карантинной бухты) и «древний Херсонес» существовали на одном и том же месте, на берегу Карантинной бухты.

В 1804 г. при содействии А. С. Строганова, президента Петербургской академии наук, была организована экспедиция в Крым. Возглавлявший ее библиотекарь и хранитель антиков и медалей Эрмитажа (с 1798 г.) Г. К. Э. Келлер после посещения Севастополя и его окрестностей отметил, что Херсонес Страбона на Маячном полуострове (древний), «не надобно смешивать ни с Херсонесом, построенным генуэзцами, ни с Херсонесом, на котором стоит Ахтиар, или Севастополь».

Со времени его доклада об экспедициях (вторая экспедиция состоялась в 1821 г.) в Крым можно вести отсчет дискуссии о «двух Херсонесах» и начале поисков «древнего города». Влияние на представления историков о двух Херсонесах оказал процитированный выше отрывок из труда античного географа. «Новый Херсонес, — писал путешественник Дюбуа де Монпере, — построенный между Карантинной

---

¹ Соломоник Э. И. Тавры и Таврика: О происхождении этнонима и топонима // Археологія. 1976. № 20. С. 46—50 (на укр. яз.).

бухтой с востока и Песочной — с запада, был частью городской черты, охватывающей плато Херсонес»¹.

В 1891 г. К. К. Косцюшко-Валюжинич прочел в морском собрании Севастополя лекцию. Знакома слушателей с первыми результатами раскопок, он говорил, что они помогут разрешить споры между историками. К числу наиболее значимых проблем он отнес: 1) установление местоположения древнего Херсонеса и храма богини Девы; 2) выявление стен, защищавших Малый Херсонес, которые упоминал Страбон (в то время предполагали, что они были расположены между Балаклавой и Инкерманом).

По первому пункту К. К. Косцюшко-Валюжинич отметил:

О местоположении древнего Херсонеса историки судят на основании описания берегов Страбонем, считая, что древний город возник у Казачьей бухты. «Небольшие раскопки прошлого года и топография местности показали, что он мог быть только на небольшом полуострове в верховьях Казачьей бухты. Долго ли существовал? Был ли многолюдным? Ответы отрицательные. ...В III в. до н. э. Херсонес находился уже там, где мы его видим в настоящее время, или приходится допустить, что все перечисленные предметы (надписи и ручки амфор с клеймами астиномов) перевезены сюда одновременно с переходом города»².

Позднее в заметке, опубликованной в «Известиях Таврической архивной комиссии», К. К. Косцюшко-Валюжинич еще раз подчеркнул, что территория для размещения города у Казачьей бухты мала. Но в это время он еще считал, что около III в. до н. э. Херсонес был «перенесен» на новое место — на берег у Карантинной бухты³.

---

¹ Montpéroux Fred, Dubois de. Voyage autour du Caucase, chez les Tchérkesses et les Abkhazes, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée, avec un atlas géographique, archéologique, géologique. Paris, 1839—1840. T. 6. P. 263 (о Крыме в целом: T. 5 и 6).

² Косцюшко-Валюжинич К. К. О результатах, достигнутых археологическими разведками в Херсонесе и его окрестностях // Арх. НЗХТ, д. 42, л. 11. Одновременно К. К. Косцюшко-Валюжинич опубликовал текст доклада.

³ Косцюшко-Валюжинич К. К. Важное археологическое открытие в Крыму // ИТУАК. 1891. № 13. С. 55—61.

Примечательно, что уже в самом начале раскопочной деятельности исследователь осознал значение ручек амфор с клеймами астиномов. Исследуя Херсонес, К. К. Косцюшко-Валюжинич одновременно познавал интерпретационные возможности отдельных групп археологических источников, прислушиваясь к мнениям профессиональных историков. Так, в одном из отчетов о раскопках (1889) он заметил: «Ручки эти (с клеймами астиномов. — А. Р.) вполне заслуживают внимания заслуженного профессора В. В. Латышева и могут оказать услугу при определении древнего города. Если большая часть ручек будет отнесена к III или даже II в. до Р. Х., то, защищая предположение А. Л. Бертье-Делагарда, что Херсонес перенесен на новое место после победы Диофанта над скифами, придется допустить, что херсоняне вывозили мусор и битую посуду за 7—8 верст от города»¹.

На причины, почему не были обнаружены материалы, свидетельствующие о местоположении раннего Херсонеса, обратил внимание автор одной из газетных заметок, вспомним уже прозвучавшие выше слова: «Если бы, производя раскопки в Херсонесе, углублялись до материка, то, несомненно, был бы разрешен вопрос, над которым так долго ломают головы наши ученые: где находился древнегреческий Херсонес, основанный в V в. до Р. Х.»².

В 1891 г. в местной печати сообщалось: «Новейшие раскопки вывели на свет ...памятники, свидетельствующие об автономном Херсонесе, о древнем греческом Херсонесе. Так, где же границы этого города? Где был расположен Херсонес времен Присяги херсонесцев? ...Ныне г. Косцюшко на основании пятилетних разведок считает возможным признать указания Страбона не основательными»³.

Спустя несколько лет (1899) К. К. Косцюшко-Валюжинич пришел к выводу: «Что касается показаний Страбона, то я не считаю их оши-

---

¹ Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет заведующего раскопками в Херсонесе за 1889 г.: Раздел 3. Раскопки на холме вблизи западной городской стены // Арх. НЗХТ, д. 1, л. 18.

² Д-ъ. Археологические раскопки. 1888 г. // Арх. НЗХТ, д. 49, л. 4.

³ Энгель М. Глубь веков: Новейшие результаты археологических разведок в Херсонесе, 5 // Крымский вестник. 1892. № 251 (также см.: Арх. НЗХТ, д. 452, л. 12).

бочными, но только отношу, как высказывался неоднократно, к одной из тех крепостей, о которых говорилось в гражданской присяге»¹. Годом позднее — в 1900 г. — после раскопок около оборонительных стен в портовом районе К. К. Косцюшко-Валюжинич писал: «Раскопки дают ответ о том, где находился древний Херсонес, материалы для изучения топографии и географии города»².

Если вспомнить, что однажды после посещения раскопок А. А. Бобринский записал в путевом дневнике, что Херсонес был основан в VI в. до н. э., возникает вопрос: что послужило основанием для такого предположения³. Эта дата не приведена в опубликованной работе «Херсонес Таврический: Исторический очерк» (СПб., 1905) председателя ИАК. После ее выхода из печати К. К. Косцюшко-Валюжинич отмечал, уточняя датировку оборонительных стен: «Первые выходцы из Гераклеи, занявшие под город небольшую полосу побережья с частью превосходной бухты, не могли, конечно, тотчас же приступить к сооружению столь монументальной, единственной в своем роде стены и «древний» Херсонес был, несомненно, в это время обнесен простой стеной, от которой еще уцелели незначительные остатки со стороны моря, где ее не считали необходимым заменить более прочной стеной с ее идеальной кладкой»⁴, что, согласно авторитетному мнению академика Латышева, оборонительные стены, открытые в 1899 г., построены во второй половине IV в. до н. э.

---

¹ Косцюшко-Валюжинич К. К. — ИАК, 18.03.1999 // Арх. НЗХТ, д. 40, л. 320.

² Энгель М. Глубь веков, 11 // Крымский вестник, 1900. № 146; Он же. Глубь веков, 13 // Крымский вестник. 1900. № 157.

³ О впечатлениях А. А. Бобринского в связи с поездкой (Бобринский А. А. Путевые заметки от личного впечатления от Петербурга, Москвы, Харькова, Симферополя, Бахчисарая, Альмы, Инкермана, Севастополя, Херсонеса, Ялты // Арх. ИИМК, ф. ИАК, 25/1891, д. 22, л. 1–27) и описании открытых К. К. Косцюшкой-Валюжиничем памятников речь идет во втором томе, где путевые записки приведены с небольшими купюрами.

⁴ Косцюшко-Валюжинич К. К. — ИАК // Арх. ИИМК, ф. 25/1905, д. 256, л. 4.

Ошибался ли Страбон?

Своеобразный итог поискам местоположения древнего Херсонеса подвела работа члена Одесского общества истории и древностей, профессора Новороссийского университета Э. Р. Штерна (1859–1924), в которой он проанализировал известные к этому времени археологические материалы. Э. Р. Штерн подчеркнул, что, кроме Страбона, никто из древних авторов не писал о существовании двух Херсонесов, о возможном перенесении более раннего на новое место — на берег Карантинной бухты. Раскопки же на месте «старого» Херсонеса открыли остатки лишь небольшого поселения. Города, владевшего значительной территорией, у Казачьей бухты (на Маячном полуострове) быть не могло. Придавая большое значение исследованиям К. К. Косцюшки-Валюжинича, он полагал, что ему удалось обнаружить древнегреческое поселение, которое находилось на берегу Карантинной бухты, на восточном склоне плато¹, а с внешней стороны городских оборонительных стен располагался некрополь. Э. Р. Штерн подчеркнул: «168 надписей (126 опубликованы В. В. Латышевым) из них 27 принадлежат раннему периоду — IV–III вв. до н. э., мастерская по изготовлению терракот III в. до н. э., фрагменты расписных ваз начала IV в. до н. э., монеты — III в. до н. э.» — несомненные свидетельства ранней истории города, расположенного на берегу Карантинной бухты².

Одним из сторонников тезиса о «двух Херсонесах» являлся А. Л. Бертъе-Делагард. Его убедила предложенная К. К. Косцюшкой-Валюжиничем периодизация строительства крепостной ограды города, однако он все же полагал, что строится оборонительная стена в «но-

---

¹ Согласно мнению Э. Р. Штерна, именно этот участок в древности занимал Херсонес. Фактически спустя столетие будут проведены границы территории раннего города. Примечательно, что в качестве основного аргумента послужит расположение некрополя (см.: Буйских А. В. К хронологии и атрибуции сооружений у юго-западных ворот Херсонеса Таврического // БИ. 2005. Вып. 9. С. 138–158).

² Штерн Э. Р. О месте нахождения древнего Херсонеса // ЗООИД. 1896. Т. 19. С. 99–103.

вом» Херсонесе только около конца IV в. до н. э.¹, что древнегреческий Херсонес был весьма бедным городом, от которого трудно обнаружить какие-либо остатки. «Все значение для нас Херсонеса и очень большое лежит во временах христианских, византийских»².

Спустя 4 года Э. Р. Штерн еще раз обратился к вопросу о местоположении древнейшего города в связи с открытием «древнегреческой стены прекрасной кладки IV в. до н. э.» и склепа с золотыми предметами и урнами, серьгами и ожерельями, которые можно сравнить с находками из скифского кургана Куль-Оба³.

Так постепенно в ходе дискуссий, на исход которых в значительной мере оказали влияние археологические исследования К. К. Косцюшки-Валюжинича, было доказано, что Херсонес с самого начала существовал на том же месте, что и в римское, и византийское время.

«Развалины» на Маячном полуострове, принятые Страбоном за древний Херсонес, как показало дальнейшее изучение Гераклеяского полуострова, являлись усадьбами херсонеситов. Правда, к началу XX в. еще не был выяснен вопрос о хронологии комплексов так называемого Страбонова Херсонеса. Дискуссия об этом и об особенностях планировки памятников Маячного полуострова возобновилась после раскопок сотрудниками Херсонесского заповедника территории Гераклеяского полуострова. Отражением ее являются работы А. Н. Щеглова⁴ и

---

¹ Бертъе-Делагард А. Л. О Херсонесе. Крестообразный храм. Крещальня. Крепостная ограда // ИАК. 1907. Вып. 21. С. 171. Несколькими страницами выше он писал, что ранняя стена возведена в конце V — начале IV в. до н. э. (Там же. С. 151).

² Бертъе-Делагард А. Л. О Херсонесе. С. 172.

³ Штерн Э. Р. О результатах новейших раскопок в Херсонесе // ЗООИД. 1900. Т. 22. С. 62–66.

⁴ Объектом исследований А. Н. Щеглова в течение длительного времени являлись памятники Маячного полуострова, которые позволили выявить некоторые особенности межевания земель херсонеситами. В последующем круг интересов исследователя стал значительно шире. Наряду с обобщением материалов более ранних раскопок он начал планомерное изучение дальней хоры античного Херсонеса — Северо-Западного Крыма. О концептуальных выводах А. Н. Щеглова относительно земледелия и землевладения херсонеситов пойдет речь в очерке

А. А. Зедгенидзе¹, Г. М. Николаенко и других исследователей. Вместе с тем и после раскопок памятников Гераклейского полуострова, особенно масштабных в конце XX столетия, несмотря на аргументированную критику взглядов тех, кто склонен был следовать за показаниями Страбона, некоторые историки видят на Маячном полуострове пред-

---

«Народ и его земли». Но поскольку в данном случае упомянуты раскопки на Маячном полуострове, следует привести некоторые из работ исследователя, в которых он касается памятников Гераклейского полуострова (см.: Щеглов А. Н. Хора Херсонеса Таврического IV—II вв. до н. э.: По материалам раскопок 1959—1964 гг. // Материалы сессии, посвященной итогам археол. и этнограф. исследований 1964 г. в СССР. Баку, 1965. С. 121; Охранные раскопки и зачистки на Гераклейском полуострове // АО — 1968. М., 1969. С. 290—291; «Старый» Херсонес Страбона // 150 лет Одесскому археологическому музею УССР: Тез. докл. юбил. конф. Киев, 1975. С. 135—136; Хора Херсонеса; Округа города на Гераклейском полуострове; «Старый» Херсонес и его округа; Керкинитиды; Прекрасная Гавань (Калос Лимен и его округа); Остальные поселения на хоре Херсонеса // Античные города Северного Причерноморья. М., 1984. С. 53—56; Основные структурные элементы античной межевой системы на Маячном полуострове: Юго-Западный Крым // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 10—38; «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова: Топография и фортификация // ПИАК. Симферополь, 1994. С. 8—41; Крепостные стены «Старого» Херсонеса // Фортификация в древности и Средневековье. СПб., 1995. С. 44—49; О времени возникновения «Старого» Херсонеса Страбона // Античное общество: Проблемы истории и культуры. СПб., 1995; «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова. III: Следы архаического поселения в вершине Казачьей бухты // БИАС. 1997. Вып. 1. С. 8—42; «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова. IV: Траншея 1967 г. в вершине Казачьей бухты // БИАС. 2001. Вып. 2. С. 54—77). Безусловно, приведенный список не является исчерпывающим.

¹ Зедгенидзе А. А. Раскопки «древнего» Херсонеса Страбона // АО — 1985. М., 1987. С. 330. Наблюдения, касающиеся изучения Маячного полуострова, изложены и в ряде других работ исследовательницы: О времени основания Херсонеса Таврического // КСИА. 1979. Вып. 159. С. 26—34; К вопросу о причинах основания Херсонеса // Проблемы греческой колонизации Северо-Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1981. С. 89—94; К вопросу о древней дате основания Херсонеса Таврического // РА. 1993. № 3. С. 50—56.

шественника Херсонеса на берегах Карантинной бухты. Такая точка зрения присутствует в работах Е. Я. Рогова¹.

Споры историков, как и изучение округа города, не завершились в XX в. и продолжают в XXI столетии². Но об этом несколько позднее. В данном случае отметим только, что благодаря раскопкам К. К. Косцюшки-Валюжинича на территории Херсонесского городища и исследований А. Л. Бертье-Делагарда, Э. Р. Штерна и других историков начала XX в. все же был решен вопрос о местоположении Херсонеса и получила объяснение «ошибка» Страбона.

Кто и когда основал Херсонес?

На выбор места для будущего города повлияло расположение бухт. Вероятно, купцы Гераклеи Понтийской еще до возникновения Херсонеса посещали северные берега Черного моря. Дорога к ним проходила сначала вдоль западного берега, где имелись удобные гавани. Можно предполагать, что на берегу Карантинной бухты первоначально появилась небольшая стоянка для судов, следовавших далее на восток к Боспору Киммерийскому. Гераклеоты стремились утвердиться в Северном Причерноморье, чтобы иметь доступ к хлебным рынкам Восточного Крыма, который сравнительно рано стал одним из экспортеров зерна в города материковой Эллады. Торговые интересы не могли не привести к освоению кратчайшего маршрута по Черному морю. Если провести прямую линию от Гераклеи (с юга), то ее северный конец окажется около Херсонеса³.

На возникновение нового центра в Юго-Западной Таврике, превратившегося со временем в крупный полис, владевший землями в

---

¹ Рогов Е. Я. Некоторые особенности становления и развития Херсонесского государства // *Stratum plus*. 1999. № 3. С. 120.

² Зубарь В. М., Буйских А. В. По поводу интерпретации памятников Маячного полуострова // МАИЭТ. 2006. Вып. 12. С. 7–42; Зубарь В. М. Хора Херсонеса Таврического на Гераклеяском полуострове: История раскопок и некоторые выводы. Киев, 2007.

³ История Гераклеи и начальный этап развития Херсонеса изложены в монографии: Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. Взаимоотношения метрополии и колонии в VI–I вв. до н. э. М., 1986.

Северо-Западном Крыму, оказали влияние не только торговые интересы Гераклеи. Для того чтобы представить, что могло заставить некоторых ее граждан покинуть родину и переселиться на новое место, следует обратиться непосредственно к событиям, происходившим в VI в. до н. э. в Гераклее Понтийской, что, несомненно, следует учитывать, когда заходит речь о времени появления Херсонеса.

Историографическая традиция о возникновении Херсонеса

Гераклея Понтийская — метрополия Херсонеса — в свою очередь, являлась колонией расположенного в Средней Греции Мегарского полиса. Херсонес не был единственным поселением, который вывели гераклеоты. Предполагается, что около 520 г. до н. э. на западном побережье Черного моря они основали Каллатис. Упоминание об этих двух городах (Каллатисе и Мегарах), которые, казалось бы, не имеют прямой связи с начальными страницами истории Херсонеса, все же необходимо по ряду причин. Дело в том, что на протяжении длительного времени считалось, что Херсонес возник в 422–421 гг. до н. э. после поражения демократической группировки в Гераклее Понтийской. К ее гражданам, вынужденным отправиться на новое место, присоединились делосцы, изгнанные афинянами с родного острова. Прорицание о совместной организации апойкии было дано Аполлоном Дельфийским. Это мнение, высказанное одним из немецких историков в последней четверти XIX в.¹, со временем стало общепринятым.

Основанием для определения времени переселения гераклеотов и делосцев в Таврику стало полученное из «вторых рук» сообщение географа и историка Деметрия из Каллатиса. Точное время жизни Деметрия Каллатийского не известно, уже в античный период о нем вспоминали как о жившем позднее Полибия (ок. 200–120 гг. до н. э.), а о его сочинении из 20 книг «Об Азии и Европе» писали, что вычурный язык их никто не может преодолеть. Возможно, это и стало причиной, что труд Деметрия не был широко распространенным и оказался забытым. Однако живший двумя столетиями позднее историк, которого

---

¹ Schneiderwith H. Das pontische Herakleia. Heiligenstadt, 1882. S. 16.

в научной литературе именуют Псевдо-Скимном, был иного мнения о своем предшественнике, сочинением которого он воспользовался при создании собственного. Назвав Деметрия из Каллатиса в числе своих источников, Псевдо-Скимн писал, что тот наилучшим образом понял положение Понта Эвксинского. Но от сочинения, созданного неизвестным автором, сохранились лишь незначительные фрагменты. В одном из них и говорится, что Херсонес был основан, согласно некоему прорицанию, выходцами из Гераклеи Понтийской и о. Делос. Правда, в каком из храмов, посвященных Аполлону, было дано прорицание, не упоминается.

В ранний период колониционного процесса наряду с храмом Аполлона в Дельфах, со временем превратившегося в общегреческое святилище, большую роль играл храм Аполлона — Дидимейон, расположенный на небольшом расстоянии южнее одного из крупнейших городов Малой Азии — Милета. До начала Персидской войны — 90-е гг. V в. до н. э. эти святилища соперничали друг с другом. Третьим столь же почитаемым местом, связанным с культом Аполлона, являлся сравнительно небольшой остров в Эгейском море Делос. В 491 г. до н. э. остров был захвачен персами, после его освобождения в 478/77 г. до н. э. в храме Аполлона хранилась казна Афинского морского союза (до 454 г. до н. э.). О значении Делосского Аполлона свидетельствует и то, что в 425 г. до н. э. афиняне учреждают проводившиеся раз в четыре года Делийские игры. После организации празднеств было запрещено «рожать и умирать» на Делосе (т. е. хоронить на острове). Господство афинян продолжалось до 314 г. до н. э., до македонской гегемонии в Средиземноморье. Вполне возможно, что «некое прорицание» делосцы получили в храме на собственном острове.

Упоминание о Херсонесе имеется у жившего в близкое время с Псевдо-Скимном, хорошо известного писателя и государственного деятеля Плиния Старшего (23/24 г. — 79 г.). К сожалению, он привел только первоначальное название Херсонеса — Мегарика, не обращая внимания на ранней истории полиса. Вот, пожалуй, и все свидетельства, на основании которых был сделан вывод об основании Херсонеса в последней четверти V в. до н. э.

Встречавшиеся на городище керамические изделия VI в. до н. э. не противоречили такому выводу. Они не были многочисленными и ис-

следователи полагали, что на месте будущего Херсонеса существовала небольшая торговая фактория или эмпорий.

Археологические раскопки конца XX столетия привели к появлению гипотезы, «удревнившей» Херсонес фактически на одно столетие.

В северо-восточной части городища, к востоку от одной из центральных городских магистралей расположено несколько кварталов, которые исследовались в 70-х гг. XIX в. Одесским обществом истории и древностей, а позднее Р. Х. Лепером. Раскопками были открыты только самые поздние сооружения. Что скрывалось под их стенами и фундаментами, осталось неизвестным. Выяснить это решил сотрудник Национального заповедника «Херсонес Таврический» М. И. Золотарев. Его работы в этой части древнего города привели к сенсационному открытию: находкам остраконов — черепков, с именами тех, кого херсонеситы считали опасными для своего полиса. По мнению М. И. Золотарева и соавтора некоторых его работ эпиграфиста Ю. Г. Виноградова, остраконы следует датировать концом VI в. до н. э.

Были ли они первыми, кто полагал, что Херсонес возник в VI в. до н. э.? Каковы аргументы защитников двух точек зрения о времени основания города? Позволяют ли новые находки завершить дискуссию?

Чтобы ответить на эти вопросы обратимся еще раз к работам историков начала XX в.

VI в. до н. э., или Последняя четверть V в. до н. э.?

Первым систематизированным изложением истории античного и средневекового Херсонеса стала книга председателя ИАК А. А. Бобринского. Безусловно, в свете сегодняшних знаний многие ее положения не выдерживают критики, однако автор не претендовал на ее научную значимость, видя свою задачу в создании своеобразного путеводителя. Историю Херсонеса он начинал с V в. до н. э. Но, как уже было упомянуто, в путевом дневнике, который он вел во время одной из поездок в Крым, сделано замечание о более ранней дате возникновения города. А. А. Бобринский писал: «История Херсонеса пока еще мало выяснена. Он возникает, по-видимому, как греческая колония в VI в. до нашей эры. ...До сих пор мы вооружены слишком недостаточным материалом, чтобы судить о том, действительно ли здесь находился древний город,

до какой эпохи он здесь просуществовал и был ли он страбоновским древним Херсонесом?»¹.

В печати мнение о времени основания Херсонеса гераклеотами и делосцами в 422/421 г. до н. э. было высказано немецким исследователем Г. Шнайдервитом². В отечественной историографии эта точка зрения прозвучала в работах А. И. Тюменева³ и неоднократно повторялась историками. К примеру, автор исследований по нумизматике Северного Причерноморья В. А. Анохин пишет, что Херсонес был основан выходцами из Гераклеи Понтийской в конце V в. до н. э.⁴ Такого мнения придерживались и другие историки Херсонеса. В данном случае можно привести начало абзаца «Предисловия» в монографии В. М. Зубаря (1993 г.)⁵. В более поздней работе, посвященной истории Херсонеса классического и эллинистического периодов, В. Н. Зубарь изменил точку зрения, учитывая материалы раскопок М. И. Золотарева. Он отмечает, что вывод А. И. Тюменева о возникновении Херсонеса в 422/421 г. до н. э. долгие годы являлся аксиомой, а наличие немногочисленных находок керамики позднеархаического времени объяснялось существованием эмпория, предшествующего образованию полиса⁶.

Иначе представлялась в те годы ранняя история Херсонеса И. Р. Пичилян, который писал, что «до сих пор считается, что Херсонес был основан в 422/421 г. до н. э., как это предполагал А. И. Тюменев. Однако ионийская и аттическая расписная керамика второй половины

---

¹ Бобринский А. А. Путевые заметки... // Арх. ИИМК, ф. 25/1891, д. 22, л. 9.

² Schneiderwith H. Das pontische Herakleia. S. 16; Idem. Zur Geschichte von Cherson (Sebastopol) in Taurien (Krim). B., 1897. S. 4.

³ Тюменев А. И. Херсонесские этюды, 1 // ВДИ. 1938. № 2. С. 245–264.

⁴ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса, IV в. до н. э. — XII в. н. э. Киев, 1977. С. 5.

⁵ Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху. Киев, 1993. С. 3.

⁶ См.: Зубарь В. М. Херсонес и Западная Таврика в последней четверти VI — середине IV в. до н. э. // Зубарь В. М., Буйских А. В., Кравченко Э. А., Марченко Л. В., Русяева А. С. Херсонес Таврический в третьей четверти VI — середине I в. до н. э.: Очерки истории и культуры. Киев, 2005. С. 61.

VI — первой половины V в. до н. э. показывают, что дата, предложенная А. И. Тюменевым, требует пересмотра»¹.

Так что же привело к изменению взглядов, какие аргументы, кроме находок остраконов, стали подтверждением новой концепции².

Сотрудница Херсонесского заповедника Л. В. Седикова начинает одну из работ словами: «Уникальность Херсонеса Таврического заключается в том, что здесь представлены памятники всех периодов жизни города в течение почти двух тысячелетий»³.

Уникальность этого северо-причерноморского центра состоит и в том, что с его судьбой в тот или иной период оказались связанными крупнейшие и знаменитейшие центры Эллады, Рим, Константинополь, Византия, Древняя Русь и Болгария. И именно обращение к событиям, происходившим в таком прославленном полисе, как Афины, во времена тираннии Писистрата (565—527), послужило одним из аргументов для обоснования мнения о более раннем возникновении Херсонеса. Отправной точкой для выводов стал 528 г. до н. э., когда, по мнению М. И. Золотарева и Ю. Г. Виноградова, афинский тиран Писистрат предпринял очищение Делоса⁴. При этом с острова удалялись погребения и изгонялись его обитатели.

---

¹ Пичилян И. Р. Малая Азия — Северное Причерноморье: Античные традиции и влияния. М., 1984. С. 140.

² См.: Vinogradov Ju. G., Zolotarev M. I. La Chersonese de la fin de l'archaïsme // *Le Pont-Euxin vu par les Grecs*. P., 1990. P. 85—119; Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И. Древнейший Херсонес // *Причерноморье в VII—V вв. до н. э.: Письменные источники и археология*. Тбилиси, 1990. С. 48—74; Золотарев М. И. Херсонесская архаика. Севастополь, 1993. С. 14; Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И. Год рождения Херсонеса Таврического // *ХСб*. 1998. Вып. 9. С. 36—46). В работе приведены находки позднеархаической керамики и сделан вывод, что «данные археологии однозначно свидетельствуют о стабильном, без каких-либо перерывов, существовании поселения на берегу Карантинной бухты, начиная ...с последней четверти VI и весь V в. до н. э.» (Там же. С. 37). В статье приведены также существующие мнения о начальной истории Херсонеса.

³ Седикова Л. В. Комплекс находок позднеантичного времени из цистерны в VI квартале Херсонеса // *ХСб*. 1996. Вып. 7. С. 175.

⁴ Подробнее см.: Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И. Древнейший Херсонес. С. 48—74.

Логика доказательств сторонников возникновения Херсонеса в VI в. до н. э., или Писистрат Афинский и тиран Наксоса

Поскольку традиционно считалось, что основателями Херсонеса являлись гераклеоты и жители небольшого острова в центре Кикладского архипелага Делоса, для определения времени его возникновения исследователи обратились к анализу событий, происходивших в метрополии Гераклея Понтийской и на Делосе.

Среди овалообразно расположенных островов Кикладского архипелага самым крупным является о. Наксос. Около 540 г. до н. э. при поддержке Афин на острове пришел к власти тиран Лигдамид. Геродот, описывая события тех лет, охарактеризовал его как ревностного приверженца Писистрата Афинского, и когда тот, после длящегося 11 лет изгнания, начал собирать силы для возвращения, Лигдамид оказал ему помощь «деньгами и людьми» (Геродот. I, 61).

Писистрат (600—527 гг. до н. э.) пришел к власти в 561/560 г. до н. э. при поддержке двух группировок афинского демоса — диакрийцев (мелких земельных собственников) и части жителей прибрежных районов Паралии. В интересах торгово-ремесленных кругов он активизировал внешнюю политику. При его поддержке Мильтиад, сын Кипсела, основал поселение на полуострове Херсонес (на западном берегу Геллеспонта), что обеспечивало афинянам свободный выход в Черное море. Геродот и Аристотель, рассказывая о Писистрате (Аристотель. Афинская полития. 15—16), упоминали, что он дважды был изгоняем из города. Придя к власти в очередной раз, упрочив «свое господство сильным отрядом наемников и денежными сборами, как из самих Афин, так и из области на реке Стримоне, взял затем заложниками сыновей тех афинян, которые сопротивлялись ...и переселил их на Наксос. Кроме того, он «очистил» по повелению оракула остров Делос. А сделал Писистрат это вот как: он велел выкопать всех покойников, погребенных в пределах видимости из храма, и перенести отсюда в другую часть Делоса» (Геродот. I, 62—64).

Развитие гипотезы о возникновении Херсонеса в VI в. до н. э.

Согласно точке зрения М. И. Золотарева и Ю. Г. Виноградова, связавших «очищение» Делоса со временем основания Херсонеса, одновременно на остров были переселены афиняне, а часть его жителей

изгнана. Такое предположение вполне вероятно, если учесть, что на островах Кикладского архипелага земельный фонд не велик и прибытие поселенцев из Афин не могло не затронуть интересы землевладельцев островов. «Очищение» Делоса, как они считали, приходится на 528 г. до н. э. Граждане, лишившись своих наделов, вынуждены были отправиться на освоение новых земель. Получив благоприятное предсказание от оракула, делосцы приняли участие вместе с гераклеотами в основании Херсонеса, став первой группой колонистов, прибывших на северные берега Таврики¹.

Однако существует и иное представление о последовательности событий.

Итак, после первого изгнания, Писистрату помог вернуться в Афины наксосский аристократ Лигдамид. В благодарность за это Писистрат делает его тираном, захватив прежде остров. Одновременно он проводит акцию очищения Делоса. Получив благоприятное предсказание от враждебного Писистрату Дельфийского оракула, делосцы вместе с гераклеотами составили первую волну переселенцев к северным берегам Таврики. Следовательно, основание Херсонеса произошло до 538 г. до н. э.², до того, как Писистрат в очередной раз вынужден был покинуть Афины³.

Таким образом, как полагает И. Е. Суриков, хронология событий выглядит следующим образом. 1) «Очищение Делоса» произошло не в 529/8—528/7 гг. до н. э., а раньше. 2) Прийти к власти Писистрату помог наксосский аристократ Лигдамид, ставший тираном после того, как афиняне овладели островом (ок. 540 г. до н. э.). Следовательно, вывод двух колоний — Каллатиса и Херсонеса — произошел через 10 лет после основания Гераклеи.

Второй — внешнеполитический — аспект, подтверждающий более раннюю дату основания Херсонеса, чем традиционно считается, связан с событиями в Гераклее, возникшей около 550 г. как колония мегарцев

---

¹ Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И. Древнейший Херсонес. С. 48—74.

² Суриков И. Е. О некоторых факторах колонизационной политики Гераклеи Понтийской // ПИФК. 2002. Вып. 12. С. 72—82.

³ О хронологии событий в Афинах этого времени см.: Heibuchel F. Die Chronologie der Peisistratiden in der Althis // Philologus. 1957. S. 84—86.

и беотийцев. И. Е. Суриков исходит из предположения, что захват персами Гераклеи и противоречия между «проперсидской» и «антиперсидской» группировками, стали толчком для вывода гераклеотами двух колоний — Каллатиса в 540 г. до н. э. и в близкое время Херсонеса (до 538 г. до н. э.)¹.

Некоторые исследователи творчества Геродота писали о возможной ошибке относительно двукратного изгнания Писистрата, полагая, что историк «разъединил» одно событие. В защиту тезиса «об ошибке Геродота» можно привести косвенные соображения. Первый раз возвращению Писистрата якобы способствовало элементарное благочестие афинян: его сторонники нашли девушку, которая была похожа на Афины, и в ее сопровождении тиран беспрепятственно въехал в город. Вторичное возвращение сопровождалось вооруженным конфликтом, а изгнание затянулось более чем на десятилетие. Вряд ли так называемое первое возвращение, если действительно Писистрата изгоняли дважды, могло состояться только благодаря «благочестию» граждан. Но даже если склоняться к тезису о «глубоком благочестии» афинян в эпоху тирании Писистрата, то невольно встает вопрос: почему же он вторично не воспользовался этим «благочестием», а в течение почти 10 лет изгнания собирал силы для возвращения.

О начальной истории Гераклеи Аристотель писал следующее: «Упразднена была демократия в Гераклее; тотчас же после основания этой колонии притеснявшаяся демагогами знать удалилась в изгнание. Затем изгнанники объединились и, возвратившись, упразднили демократию» (Аристотель. Политика. V. IV, 1). Однако философ не называет время «тотчас после основания» Гераклеи. Для его теоретических построений в этом и не было надобности. Но это «тотчас», если учитывать процесс обустройства на новом месте, межевание земель, нарастание конфликтной ситуации, могло растянуться на несколько десятилетий. Кроме того, следует иметь в виду, что Аристотель не говорит о том, что в начальный период истории Гераклеи политическая борьба привела к переселению «изгнанников» на новое место. Слова античного автора рисуют только лишь конфликтную ситуацию — борьбу между аристо-

---

¹ Суриков И. Е. О некоторых факторах... С. 72—82.

кратическими кругами и демократическими, которая имела место и в других полисах в процессе становления его государственности.

Наиболее подробно аналогичные события описаны Аристотелем в «Афинской политике». Борьба демоса и знати привела к появлению первых писаных законов (законов Дракона в 621 г. до н. э.), лишивших ее (знать) производить судебные разбирательства на основании традиций, хранителями которых она являлась. Непрерывающиеся столкновения обусловили избрание в качестве примирителя Солона (594 г. до н. э.). Проведенные им реформы сделали возможным участие в управлении государством состоятельных представителей демоса. Завершилось формирование демократической системы афинской государственности при Клисфене, который в 509—507 гг. до н. э. ввел остракизм, предотвращавший возникновение тирании. В это время возникает процедура издания новых законов и новое территориальное деление в Аттике. Результатом реформ стало развитие личной ответственности гражданина за решения на Народном собрании и система литургий — участие наиболее состоятельных из них в финансировании общественно необходимых мероприятий.

Пример Афин свидетельствует о том, что становлению полиса сопутствовала напряженная борьба между знатью и народом. Имела она место и в Гераклее в первые годы ее существования. Таким образом, если учитывать показания Аристотеля, действительно, потерпевшие поражение в борьбе со знатью демократы могли покинуть родину. Однако при этом не может не возникнуть вопрос: имелись ли достаточные людские ресурсы для создания двух новых поселений у города, который сам был основан не так давно и вряд ли имел большое количество жителей? Безусловно, участие делосцев увеличивало число колонистов. Но, кроме «человеческого фактора», необходимо учитывать и финансовые возможности: снаряжение кораблей, на которых отправлялись не только переселенцы, но и их скарб, необходимый для обустройства жизни. Скорее всего, между возникновением двух колоний Гераклеи (Каллатиса и Херсонеса) прошел более значительный период времени, чем 1—2 года. Следовательно, в дискуссии о дате основания Херсонеса более логичной является реконструкция событий М. И. Золотаревым и Ю. Г. Виноградовым, полагавшими, что с 528 г. до н. э. следует вести отсчет существования Херсонеса. С мнением исследователей отчасти

согласен М. Зубарь, отметивший, «если в Каллатис переселились представители гераклейской аристократии, ...то Херсонес, наоборот, был основан изгнанными из Гераклеи демократами»¹.

И все же возникает несколько замечаний в связи с начальными страницами истории Херсонеса. Исследователи, полагавшие, что Херсонес был основан в 422/421 г. до н. э., считали, что прорицание переселенцам было дано в Дельфийском храме. Действительно, после начала Персидской войны, в классический период, это святилище Аполлона играло огромную роль в жизни эллинов. Многие полисы именно здесь располагали свои сокровищницы и обращались за предсказаниями, которые через пифию давал Аполлон. Но до 90-х гг. V в. до н. э. колонисты приносили дары в Дидимейон, благодаря божество, как свидетельствуют надписи, за благополучный исход переселения. Знаменитым являлось также святилище и собственно о. Делос, где, согласно мифам, родились близнецы Артемиды и Аполлона. Для автора недошедшего до нас источника, из которого было почерпнуто свидетельство об участии делосцев в основании Херсонеса, вероятнее всего, являлось само собой разумеющимся, что прорицание было дано именно здесь, поэтому он и не назвал святилища.

Создание двух поселений демократическими кругами и аристократами из Гераклеи отделял небольшой промежуток времени (по И. Е. Сурикову не более 2-х лет), и это случилось всего лишь спустя 10 лет после возникновения собственно Гераклеи. Итак, если через 10 лет после основания ее граждане отправляют две экспедиции, итогом которых стало возникновение Каллатиса и Херсонеса, то насколько же экономически развитой и как быстро стала Гераклея Понтийская? Наконец, если считать, что демократически настроенные граждане отправились к северным берегам Черного моря (будущие херсонеситы), а аристократы — к западным, то кто же остался непосредственно в Гераклее? И вновь возникает вопрос о людских ресурсах метрополии двух центров². Концепция И. Е. Сурикова,

---

¹ Зубарь В. М. Херсонес и Западная Таврика... С. 62.

² В исследованиях, посвященных непосредственно истории Гераклеи Понтийской (Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический) и предпосылкам возникновения Херсонеса, С. Ю. Сапрыкин подробно анализирует события, происходившие в Гераклее в конце V в. до н. э. Исследователь объ-

М. И. Золотарева и Ю. Г. Виноградова, вызывает, кроме поставленных выше вопросов, еще один, относящийся непосредственно к Херсонесу: а была ли настолько развита его «конституция», структура государственных органов, что спустя несколько лет после основания появился политический суд, каковым являлся остракизм?¹

В данном случае хотелось бы обратиться еще раз к примеру Афин. Древние авторы свидетельствуют, что Народное собрание вынесло решение о создании суда черепков в период реформ Клисфена (510/509 г. до н. э.) одновременно с законом о ликвидации тирании. Но впервые был применен остракизм только в V в. до н. э. К этому времени завершается становление структуры государственных органов полиса, пережившего длительный период развития: от монархического управления (Тесей) к господству родовой знати (эпатридов) — аристократической республике, и, наконец, после принятия законов Солона (594 г. до н. э.) и свержения тирании Писистрата и писистратидов — к установлению демократии.

Обнаружение остраконов вызвало сомнение в традиционной дате основания полиса, тем более что это не единичная находка: 26 фрагментов ионийских сосудов с процарапанными на них именами, как отметили создатели новой концепции о ранней истории Херсонесского государства.

ясняет причины конфликтов в начальный период истории Гераклеийского полиса характером распределения земельных наделов (см.: Сапрыкин С. Ю. Предпосылки основания Херсонеса Таврического // АДСВ. 1981. Вып. 18: Античный и средневековый город. С. 38; Он же. Экономические основы колонизационной деятельности Гераклеи Понтийской // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 177–178).

¹ Это, вероятно, вызовет новое обращение к прочтению и интерпретации граффити на остраконах. Особенно в свете разногласий среди эпиграфистов о методике работы с эпиграфическими памятниками, о чем писал В. П. Яйленко (см.: Яйленко В. П. Псевдоэпиграфика античного Северного Причерноморья // История и культура Древнего мира. М., 1996. С. 175–221). Замечание о допуске некоторыми из специалистов «произвольном восстановлении текста и на этой основе «броских построениях исторического плана» В. П. Яйленко сделал еще в одной статье: Яйленко В. П. К дискуссии о херсонесском декрете в честь Т. Аврелия Кальпурниана Аполлонида (1) // ВДИ. 2000. № 1. С. 121, прим. 7.

В 1998 г. в одном из западноевропейских издательств была опубликована книга, посвященная греческой колонизации черноморского региона¹. В статье редактора сборника Г. Р. Цецхладзе обобщены мнения историков о колонизации Северного Причерноморья², а одна из работ посвящена мегарской колонизации³. Она представляет интерес и для рассматриваемого сюжета, так как исследователь отмечает, что время изготовления некоторых предметов, ранее датированных первой половиной V в. до н. э., пересмотрено в свете новых открытий и корреляции находок. Именно это склонило его к поддержке мнения, изложенного С. Ю. Сапрыкиным⁴. Суть точки зрения состоит в следующем: первоначально на месте Херсонеса существовал эмпорий⁵, созданный ольвиополитами и керкинитами, и только после прибытия переселенцев из

---

¹ Tsetskhladze. G. R. (Ed). *The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology*. Stuttgart, 1998 (рецензию на нее см.: Подосинов А. В. *The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology* / Ed. G. R. Tsetskhladze. Stuttgart, 1998 // ВДИ. 2000. № 4. С. 191–197). Анализ уникальных свидетельств о происходивших в Херсонесе политических коллизиях также представлен: Tsetskhladze G. R. *Greek Penetration of the Black Sea* // *The Archaeology of Greek Colonisation*. Oxford, 1994. P. 121–124.

² Одновременно со сборником статей вышла из печати монография Г. Р. Цецхладзе, посвященная северо-восточному региону Черноморского бассейна (см.: Tsetskhladze. G. R. *Die Ggriechen in der Kolchis: Historisch-archäologischer Abriß*. Amsterdam, 1998).

³ Hind J. *Megarian Colonisation in the Western Half of the Black See: Sister- and Daughter-Cities of Herakleia* // *The Greek Colonisation...* P. 131–152.

⁴ Статья С. Ю. Сапрыкина, в которой выделен эмпориальный период (до конца V — начала IV в. до н. э.), до прибытия гераклеотов и делосцев, также помещена в данном издании: Saprykin S. Y. *The Foundation of Tauric Chersonesus* // *The Greek Colonisation...* P. 236–248. В ней содержится полемика с М. И. Золотаревым и Ю. Г. Виноградовым. Начало монетной чеканки с 390–380-х гг. до н. э., как считает В. А. Анохин, появление захоронений на некрополе только с конца V — начала IV в. являются для С. Ю. Сапрыкина весомыми аргументами в дискуссии относительно времени основания Херсонеса.

⁵ Об этом см. в рецензии: Подосинов А. В. *The Greek Colonisation...* С. 195.

Гераклеи и Делоса он начинает развиваться как полис. Правда, по мнению Дж. Хайнда, участие в колонизации принимали не жители Делоса, а беотийского центра Делиона. (Отметим, что Дж. Хайнди вернулся к концепции, которая была характерна для российской историографии конца XIX — начала XX в.: Херсонес был основан на Маячном полуострове — Страбонов Херсонес — между 424 и 375 гг. до н. э.)¹.

Дискуссия относительно времени возникновения Херсонеса, вероятно, будет продолжена и в нашем столетии. Многие из проблем истории этого центра (да и не только его) не имеют однозначного решения, и приближение к реалиям прошлого связано с длительными исследовательскими поисками, в сущности, такое замечание было сделано англо-австралийским историком Г. Р. Цецхладзе. В одной из работ конца XX в. наряду с другими вопросами относительно колонизации он обратился к «широко обсуждаемому» сообщению М. И. Золотарева и Ю. Г. Виноградова о находках фрагментов ранних сосудов с граффити — остраконов, ставших толчком для рождения новой концепции. Г. Р. Цецхладзе напоминает, что самые ранние захоронения херсонесского некрополя относятся к концу V — началу IV в. до н. э. Относительно датировки остраконов, он отмечает, что две самые ранние надписи выполнены характерными для Мегар литерами и датируются в пределах 20 лет: 500—480 гг. до н. э., на более поздних — V в. до н. э. — имена написаны характерным для Милета шрифтом. Новые материалы, как полагает Г. Р. Цецхладзе, позволяют говорить, что до появления дорийцев из Гераклеи Понтийской на берегу нынешней Карантинной бухты существовала якорная стоянка (или ионийский эмпорий). Гипотеза о возникновении Херсонеса в последней четверти VI в. до н. э., по его мнению, преждевременна, так как датировка находок, имеющихся в распоряжении исследователей, не является бесспорной².

В связи с замечанием Г. Р. Цецхладзе обратим внимание на то, что торговые контакты, предшествовавшие основанию апойкии, могли

---

¹ Концепция изложена в: Hind J. Megarian Colonisation in the Western Half of the Black Sea: Sister- and Daughter-Cities of Herakleia // *The Greek Colonisation...* P. 131—152.

² Tsetskhladze G. R. Greek Penetration of the Black Sea // *The Archaeology of Greek Colonization*. Oxford, 1994. P. 123.

привести к возникновению эмпория¹, но этот вид поселения эллинов никогда не являлся политической категорией, в отличие от полиса². Греческие же апойкии северного побережья Черного моря изначально конституировались в качестве таковых. Идея полиса предшествовала акту основания колонии³.

В зависимости от географической и этнической среды после основания поселения переселенцы неизбежно вступали в контакты — дружественные или враждебные с местным населением⁴, что оказывало существенное влияние на последующую судьбу нового государства.

Вопрос о существовании эмпория, предшествующего образованию Херсонесского полиса, не является новым в историографии. Еще в середине 50-х гг. XX в. В. Д. Блаватский, критикуя мнение С. Ф. Стржелецкого, преувеличивавшего, как он считал, роль торговли в начальный период истории Херсонеса, писал о существовании эмпория, полагая, что «колония Гераклеи Понтийской возникла вне зависимости от этих экономических предпосылок; что было обусловлено процессом исторического развития метрополии»⁵.

От начала XX столетия, когда в дневнике А. А. Бобринского появилось несколько слов о Херсонесе VI в. до н. э., до появления гипотезы М. И. Золотарева и Ю. Г. Виноградова прошло около ста лет. За эти годы были получены материалы, которые поставили вопрос о раннем обитании эллинов на берегах Карантинной бухты. Однако имеющиеся

---

¹ Мнения относительно эмпориального периода, предшествующего в некоторых случаях возникновению апойкии, подробно изложил украинский исследователь В. В. Лапин (см.: Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья: Критический очерк отечественных теорий колонизации. Киев, 1966).

² Counillion P. L'emporion des géographes grecs // L'emporion. P., 1993. P. 48—52.

³ Malkin I. Milet und seine Kolonien. Vergleichende Untersuchung der kultischen und politischen Einrichtung. Frankfurt am Mein; Berlin; New York, 1983. S. 70.

⁴ Кузнецов В. Д. Некоторые проблемы торговли в Северном Причерноморье в архаический период // ВДИ. 2002. № 1. С. 16—40.

⁵ Блаватский В. Д. Архаический Боспор // МИА. 1954. № 33. С. 16.

материалы не являются однозначным свидетельством «конституирования полиса». Хронологическое определение фрагментов вызывает у некоторых историков сомнения. Межевание земель на Гераклейском полуострове, начальный акт при образовании нового поселения, как отмечал Аристотель, было предпринято гораздо позднее (об этом см. в очерке «Народ и его земли»). Реанимированное, но забытое замечание А. А. Бобринского о Херсонесе VI в. до н. э., которое он не повторил в монографии, требует дополнительных аргументов. Но и данные, на основании которых исследователи склонны придерживаться точки зрения А. И. Тюменева, как и некоторые материалы, которые используются сторонниками другой гипотезы, также требуют нового тщательного анализа¹.

Возможно, внутренние сомнения при четко выраженной в тексте склонности к выводам М. И. Золотарева и Ю. Г. Виноградова привели к тому, что в заключении главы о ранней истории Херсонеса В. М. Зубарь пишет: «Весь рассмотренный материал позволяет внести определенные коррективы в периодизацию истории античного Херсонеса и выделить отдельный период, который характеризуется конституированием и становлением на землях Гераклейского полуострова полиса классического типа; хронологически он охватывает время с третьей четверти VI до

---

¹ Список уже названных в примечаниях исследований можно дополнить: Зедгенидзе А. А. О времени основания Херсонеса Таврического // КСИА. 1979. Вып. 159. С. 26–34; Она же. К вопросу о древней дате основания Херсонеса Таврического // РА. 1993. № 3. С. 50–56; Зубарь В. М. По поводу интерпретации жилищно-хозяйственных комплексов в ранних слоях античных городов Северного Причерноморья // Археологія. 1998. № 1. С. 129–136 (на укр. яз.); Он же. Об атрибуции коллективных усадеб раннеэллинистического времени // ВДИ. 1998. № 4. С. 102–116; Он же. Некоторые аспекты истории Северо-Западной Таврики в конце VI — на рубеже IV–III вв. до н. э. // ПИФК. 2003. Вып. 13. С. 45–69; Он же. По поводу «земляночного» этапа домостроительства в Херсонесе в V — начале IV в. до н. э. // ССПК. 2004. Вып. 11. С. 92–95; Он же. Еще раз по поводу интерпретации надписи в честь Агасикла, сына Ктесия (IOSPE I², № 418) // ВДИ. 2004. № 3. С. 89–99. В связи с изложением гипотезы М. И. Золотарева и Ю. Г. Виноградова представляет интерес статья: Русяева А. С. Милет—Дидимы—Борисфен—Ольвия: Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986. № 2. С. 25–64.

середины IV в. до н. э.¹ Примечательно, что и в статье, посвященной событиям в Северо-Западном Крыму, при рассмотрении ранней истории Керкинитиды, В. М. Зубарь обозначил «период становления поселенческой структуры» данного центра в 60—80 лет. Может быть, этот тезис, к которому «склонил» историка археологический материал, несмотря на последовательно декларируемую приверженность к мнению о возникновении Херсонеса в VI в. до н. э., может сблизить диаметрально противоположные взгляды?

Несколько позднее в коллективной статье В. М. Зубарь и А. В. Буйских, утверждают, что точка зрения об основании Херсонеса во второй половине VI в. до н. э. «пока не встретила критических замечаний»².

---

¹ Зубарь В. М. Херсонес и Западная Таврика... С. 96. В связи с выделением в истории Херсонеса особого периода «конституирования и становления на землях Гераклеийского полуострова полиса классического типа» следует вспомнить одно из положений работы В. П. Яйленко. Рассматривая раннюю историю «Нижнебужской агломерации», в состав которой входили Березанское, Ольвийское городские поселения, он замечает, что Березанское поселение «может быть классифицировано в качестве еще лишь зародышевой полисной структуры, эпориального протополиса. ...Лишь с экономическим ростом поселения, ...со значительным увеличением числа колонистов, прибывших в начале и середине столетия (VI в. до н. э.), можно предполагать формирование местного полисного организма» (см. Яйленко В. А. Архаическая Греция // Античная Греция: Становление и развитие полиса. М., 1983. Т. 1. С. 147).

² Зубарь В. М., Буйских А. В. По поводу интерпретации памятников... С. 15. Среди тех, кто сохранил приверженность историографической традиции, они называют Дж. Хайнди (см.: Hind J. Megarian Colonization in the Western Half of the Black Sea: Sister- and Daughter-Cities of Herakleia // The Greek Colonization... P. 131—152). В данном случае следует отметить, что концепция Дж. Хайнди отчасти отражает позицию редактора сборника (см.: Tsetskhladze G. R. (Ed.). The Greek Colonization of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology. Stuttgart, 1998; Idem. Greek Penetration of the Black Sea // The Archaeology of Greek Colonization. Oxford, 1994. P. 121—124; Idem. Trade on the Black Sea in the Archaic and Classical Periods: Some Observations // Trade, Traders and the Ancient City. London; New York, 1998; Idem. Trade on the Black Sea in the Archaic and Classical Periods // Colloquia Pontica: Pontus and the Outside World Studies in Black Sea History, Historiography and Archaeology. Leiden; Boston; Köln, 2001. Vol. 9. P. 225—278.

А для подтверждения ранней даты напоминают о фрагментах сосудов, хранящихся в фондах заповедника, наличие которых Г. Д. Белов связывал с существованием ионийской фактории, которая предшествовала дорийскому Херсонесу¹. Автор ряда работ, посвященных ранней истории Херсонеса, А. А. Зедгенидзе объясняла находки позднеархаической аттической расписной керамики тем, что сосуды использовались херсонеситами вплоть до IV в.²

Материалы, введенные в научный оборот М. И. Золотаревым, вызвали обращение к письменным источникам, на основании которых было предпринято уточнение (вплоть до нескольких лет) времени отправки колонистов на побережье Юго-Западной Таврики. Но не все сторонники «историографической традиции» восприняли мнение, «удревяющее» появление дорийцев на берегах Карантинной бухты. Конспективно рассматривая некоторые дискуссионные вопросы истории Херсонеса, Д. Браунд совершенно справедливо пишет, что для ранней истории Херсонеса (до 422 г. до н. э.) источники чрезвычайно малочисленны и только тщательное сопоставление письменных

---

¹ Белов Г. Д. Ионийская керамика из Херсонеса // ТГЭ. 1972. Т. 13. С. 23.

² Зедгенидзе А. А. О времени основания Херсонеса Таврического // КСИА. 1979. Вып. 159. С. 30 (также см.: Зедгенидзе А. А. Некоторые данные о начальном периоде существования Херсонеса // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР: Тез. докл. Киев, 1975. С. 134—135; Она же. Херсонес V—IV вв. // Проблемы греческой колонизации и структура раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья: Тез. докл. Тбилиси, 1977. С. 21—22; Она же. К вопросу о причинах основания Херсонеса // Проблемы греческой колонизации Северо-Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1981. С. 89—94; Она же. Херсонес в классический период: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983). Свидетельства непосредственно о керамике из Аттики изложены в: Зедгенидзе А. А. Аттическая краснофигурная керамика из Херсонеса // Тез. докл. Всесоюзной науч. сессии, посвященной итогам полевых археол. и этнограф. исследований в 1971 г. М., 1972. С. 95 (также см.: КСИА. 1978. Вып. 156. С. 69—78).

свидетельств и данных археологии помогут восстановить начальные страницы истории города¹.

Именно поэтому необходим тщательнейший анализ имеющихся археологических материалов, что стало объектом внимания ряда авторов. В частности, И. И. Вдовиченко приводит несколько образцов керамических изделий, относящихся к концу VI в. до н. э., из коллекции А. Гидалевича (поступила на фондовое хранение в Херсонесский заповедник в 1925 г.) и из раскопок К. К. Косцюшки-Валюжинича, которые были известны и ранее (упоминались в рецензии на работу Г. Д. Белова)². Эти находки, согласно точке зрения И. И. Вдовиченко, подтверждают мнение М. И. Золотарева о существовании Херсонеса с последней трети VI в. до н. э.³

---

¹ Автор отмечает, что фрагментарность и отрывочность свидетельств вызывает сложности в их использовании (см.: Braund D. Notes on The history of Chersonesus before 422 B.C. and after // ХСб. 2005. Вып. 14. С. 53–58). Обращаясь к еще одному спорному вопросу истории Херсонеса — морской экспедиции времен Перикла, он останавливает внимание на эпиграфических памятниках из Афин, в которых упоминаются херсонеситы, полагая, что однозначного толкования они не позволяют сделать. Но, возможно, что Перикл или Ламах — его сподвижник — могли посетить Херсонес.

² Белов Г. Д. Херсонес Таврический: Историко-археологический очерк. Л., 1948 (Блаватский В. Д. [Рецензия] // ВДИ. 1949. № 3. С. 145–146; Гайдукевич В. Ф. // ВДИ. 1949. № 3. С. 141–142).

³ Автор выделяет изделия из Коринфа и Аттики (см.: Вдовиченко И. И. Чернофигурная керамика из фондов Национального заповедника «Херсонес Таврический» // ХСб. 2005. Вып. 14. С. 81–90). Следует обратить внимание на еще одну работу: Вдовиченко И. И. Керамика Херсонеса в собрании Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника // БИАС. 2001. Вып. 2. С. 414–425.

Анализируя такой вид керамических изделий, как светильники, исследователи пришли к убеждению, что среди относящихся к последней четверти VI в. до н. э. значительный процент составляет продукция аттических мастерских (см.: Журавлев Д. В., Золотарев М. И., Кобзева А. А. Светильники из северо-восточного района Херсонеса: Позднеархаическое, классическое и эллинистическое время // ХСб. 2005. Вып. 14. С. 99–140). Примечательно, что изучение коллекций других музеев привело к выявлению архаических мате-

На взглядах историков о «судьбе» Херсонеса в ранние периоды его истории и мнениях о характере связей полиса с другими государствами на первом этапе его существования нам предстоит остановиться в следующих очерках¹. Может быть, это позволит и тем, кто следует за изложением дискуссий, сделать собственные выводы, в том числе и по вопросу о времени возникновения Херсонесского полиса.

Ниже выделены такие сюжеты, как «Херсонеситы и их земельные владения», «Народ и власть» и «Народ и его божества», которые рассматриваются отдельно от внешнеполитической ситуации в Таврике. Это позволяет составить представление о взглядах историков на важнейшие для граждан полиса сферы их взаимоотношений с «земной властью» и «божественными покровителями» государства на протяжении всего античного периода.

риалов (см.: Журавлев Д. В., Хршановски Л. Коллекция античных светильников Государственного исторического музея // ВДИ. 2000. № 3. С. 159–166). Датируя некоторые светильники концом VI — началом V в. до н. э., авторы делают вывод, что они являются блестящей иллюстрацией разработанной М. И. Золотаревым концепции о раннем происхождении Херсонеса.

¹ Безусловно, многие вопросы Великой греческой колонизации остались незатронутыми. Некоторые из них представлены в названных выше исследованиях, которые можно дополнить переведенной с английского языка книгой: Грант М. Греческий мир в доклассическую эпоху. М., 1998; также см.: Виноградов Ю. Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М., 1983. Т. 1. С. 366–420.

Очерк 2. ХЕРСОНЕССКИЙ ПОЛИС И ЕГО СОСЕДИ В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА

История Херсонеса пока еще мало выяснена. Он возникает, по-видимому, как греческая колония в VI в. до н. э. Мало-помалу эта колония становится небольшим цветущим государством, ведущим постоянную торговлю с другими городами, борьбу с варварами.

А. А. Бобринский

Периодизация истории античного Херсонеса. Первоначальные владения херсонеситов. Значение трудов В. В. Латышева и эпиграфических памятников для истории Херсонеса. Территория города. Облик города классического и эллинистического времени. Был ли Херсонес эллино-таврским городом? «Варварская проблематика» в трудах историков 40–60-х гг. XX в. Кому «принадлежал» некрополь, открытый в 1936 г.? Соседи Херсонеса — эллины: Керкинитида и ее округа. Крупнейший полис западной части Северного Причерноморья — Ольвия (краткая событийная справка). Боспорское царство (краткая хроника для справки). Тезис о Херсонесе как «территориальном полисе». Представления историков об экономическом статусе Херсонеса. Соседи Херсонеса скифы, или В преддверии кризиса. Начало кризиса: варварский мир Таврики. Договор 179 г. до н. э.: Фарнак—Рим—Херсонес. Экспедиция Диофанта в Северное Причерноморье. Дискуссия о восстании Савмака на Боспоре.

Археологические раскопки конца XX в. вызвали сомнения в традиционной дате основания Херсонеса. Еще в начале века А. А. Бобринский в дневнике, только лишь для себя, записал, что город на берегу Карантинной бухты возник в VI в. до н. э. Но при публикации книги он начал изложение истории Херсонеса с середины V в. до н. э., завершая

«время существования самостоятельного города» второй половиной II в. до н. э.¹ Так в первом системном обобщении свидетельств античных авторов, предназначенном восполнить популярную литературу о Херсонесе, были определены хронологические рамки одного из периодов истории полиса.

Периодизация истории античного Херсонеса

В отчетах исследователей, начиная с раскопок Г. Д. Беловым, в соответствии со строительными периодами выявленные памятники датировались эллинистическим (III—I вв. до н. э.) и римским (I—IV вв. н. э.) периодами². Отдельные упоминания содержались о находках классического времени; указывались также единичные предметы, относящиеся к кизил-кобинской культуре.

Первым значительным комплексом классического периода стал открытый в 1936 г. некрополь³. С этого времени деление на три эпохи стало преобладающим при публикации материалов раскопок⁴. Но малочисленность находок не позволяла составить представление о развитии города классического времени, поэтому более подробно освещалась его история начиная с эллинистической эпохи⁵. В начале второй поло-

---

¹ Бобринский А. А. Херсонес Таврический: Исторический очерк. СПб., 1905. С. 8–33.

² Например, см.: Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1936–1938 гг. Симферополь, 1938. С. 8, 31, 168, 196, 250.

³ Там же. С. 168.

⁴ См. обобщающую статью Г. Д. Белова о раскопках Северного района (Белов Г. Д. Северный прибрежный район Херсонеса // МИА. 1953. № 34. С. 11–31) и первую работу, посвященную целостному анализу развития Херсонеса (Белов Г. Д. Херсонес Таврический: Историко-археологический очерк. Л., 1948).

⁵ Белов Г. Д. К вопросу об изучении экономики эллинистического Херсонеса // Конф., посвященная истории и археологии Северного Причерноморья в античную эпоху: Тез. докл. М., 1956. С. 169–182 (публ. докл. в: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 169–182).

вины XX столетия С. Ф. Стржелецкий¹, обобщая накопленные к этому времени материалы, обосновывает периодизацию и характеризует особенности экономического развития Херсонеса в каждый из выделенных этапов. Охарактеризовав работы А. А. Бобринского, Е. Э. Иванова² и Г. Д. Белова, как популярные, исследователь отметил, что археологические данные позволяют говорить о существовании греческой фактории в VI в. до н. э., полагая, что первый этап истории полиса начинается в конце V в. до н. э. (завершается он на рубеже IV—III вв. до н. э.). Но еще и в IV в. до н. э., согласно его мнению тех лет, Херсонес «представлял собой не значительный город со слабыми оборонительными сооружениями, окруженный небольшими земельными владениями». Ремесла были «развиты крайне слабо», но торговля уже играла большую роль³. Привлекая материалы раскопок некрополя, обнаруженного в северном районе 1936 г., автор сделал вывод о смешанном греко-таврском составе обитателей города⁴.

---

¹ Стржелецкий С. Ф. Основные этапы экономического развития и периодизация истории Херсонеса Таврического в античную эпоху // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 63—85.

² Иванов Е. Э. Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк // ИТУАК. 1912. Т. 46. С. 1—375.

³ Стржелецкий С. Ф. Основные этапы... С. 71. В последующем тезис о большой роли торговли в IV в. до н. э. встретит критику в работах В. М. Зубаря. Привлекая теоретические положения о закономерностях развития полисов Эллады, он делает вывод о том, что Херсонес до середины IV в. до н. э. «представлял собой полис классического типа, главной отраслью экономики которого было сельское хозяйство, а ремесло и торговля были развиты еще слабо» (Зубарь В. М. Херсонес и Западная Таврика в последней четверти VI — середине IV в. до н. э. // Херсонес Таврический в третьей четверти VI — середине I в. до н. э. Киев, 2005. С. 84, 95). Исследователь, безусловно, прав: земледелие являлось основным занятием граждан, не столько средством получения определенных доходов, сколько образом жизни. Это, конечно, не исключает развития ремесел и торговли. Блестящим примером раннего появления граждан, занятых в торговле, являются Афины. Можно вспомнить слова поэта архаической эпохи Гесиода, который писал о доходности этого вида деятельности.

⁴ Дискуссия в отношении некрополя имеет долгую историю. К ней еще придется вернуться в связи с изложением мнений о населении полиса. Пред-

Как следующий период выделены III—II вв. до н. э., для которого характерно расширения владений полиса на Геракле́йском полуострове и их межевание, включение в состав хоры земель в Северо-Западном Крыму, утверждение демократического строя, о чем свидетельствует Присяга.

Следующим обращением к обоснованию периодизации истории Херсонеса стали опубликованные в последней четверти XX в. диссертация и учебное пособие Л. А. Пальцевой. После работы Г. Д. Белова это первая попытка систематизации всех свидетельств, в том числе и эпиграфических памятников¹. По ее мнению, первый период — это становление Херсонесского государства (последняя четверть V — середина IV в. до н. э.). Город занимал еще небольшую территорию (ок. 20 га) в восточной части городища и освоил «какую-то часть примыкающих к нему земель»². В последующем — до начала II в. до н. э. — происходило увеличение как непосредственно городской площади, так расширение земельных владений на Геракле́йском полуострове и освоение Северо-Западного Крыма, что превратило Херсонес в значительный центр с «множеством населенных пунктов». Это время максимального развития «культурных

варя данный сюжет, следует отметить, что историки XXI в. выделяют два типа контактов эллинов: для ионийцев характерным являлось сотрудничество, для дорийцев — подчинение. Как пример «бесправного экономического подчинения» приводят Херсонес (см.: Соловьев С. Л. Греки и варвары Северного Причерноморья: Типы контактов // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и Средневековья. Этнические процессы: Материалы V Боспорских чтений. Керчь, 2004. С. 333—337).

¹ Пальцева Л. А. Херсонес Таврический в V—I вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980; Она же. Херсонес Таврический в V—I вв. до н. э. Л., 1988. Безусловно, жанр учебного пособия не требует решения всех проблем истории города (да это и не посильно в настоящее время одному исследователю), поэтому в некоторых разделах автор следовала наблюдениям и выводам предшественников, особенно при рассмотрении вопросов о земельных владениях полиса, организации хоры, изложенных С. Ф. Стржелецким. Вместе с тем в работе Л. А. Пальцевой присутствует стремление переосмыслить некоторые устоявшиеся точки зрения, особенно это относится к сюжетам о социальной борьбе херсонеситов, отраженной в Присяге, о магистратурах полиса.

² Пальцева Л. А. Херсонес Таврический... С. 6.

и торговых связей с греческим миром, роста сельскохозяйственного производства, ремесел и строительной деятельности. Начавшиеся во II в. до н. э. войны со скифами привели к утрате владений в Северо-Западной Таврике; а помощь Митридата Евпатора — к установлению протектората Понтийской державы над Боспорским царством и Херсонесом¹.

Положив в основу особенности работы монетного двора, отражающей статус Херсонеса и систему взаимоотношений его с другими государствами Северного Причерноморья, а затем и Римской империей, киевский специалист в области нумизматики В. А. Анохин предложил рассматривать историю полиса в рамках следующих хронологических периодов: автономный Херсонес (390—110 гг. до н. э.)²; полис времени Боспорского влияния (ок. 110 г до н. э. — ок. 138 г. н. э.); «Вторая элевтерия» (ок. 145—268 гг. н. э.)³. Начальные страницы истории Херсонеса, согласно его мнению, логично завершать 390—380 г. до н. э., когда херсонесский монетный двор выпустил первые монеты⁴, что является показателем становления государственности. Предложенная периодизация, основанная в основном на нумизматических данных, оказалась слабо связанной с общеэллинской историей.

Восполнением свидетельств о комплексах классического периода стали материалы, обнаруженные М. И. Золотаревым во время исследований кварталов, расположенных в северо-западном районе городища. Исследователь предполагал, что к числу наиболее ранних жилищ херсонеситов относятся землянки и полуземлянки, которые были открыты в

---

¹ Пальцева Л. А. Херсонес Таврический... С. 6.

² В теоретических исследованиях (и учебных пособиях по истории Древней Греции) время между 390—110 гг. до н. э. относится к двум периодам: классическому и эллинистическому. Для справки: первое определение эллинизма и его хронологических рамок (с начала восточных походов Александра Македонского и до 30 г. до н. э. — падение державы Птолемеев) дал берлинский профессор И. Г. Дройзен (1803—1884). В настоящее время историки античности правление Александра выделяют как протоэллинистический период (334—323 гг. до н. э.), относя начало эллинистического к году его смерти.

³ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса, IV в. до н. э. — XII в. н. э. Киев, 1977. С. 10.

⁴ Там же. С. 20.

квартале III. На основании находок аттической чернолаковой керамики, он датировал эти сооружения концом V — первой четвертью IV в. до н. э., считая, что около середины IV в. до н. э. началось масштабное строительство, оформившее облик города¹.

М. И. Золотареву пришлось услышать только устную критику тезиса о «земляночном этапе» домостроительства. В 2005 г. была опубликована работа В. М. Зубаря, в которой он пишет, что принятые за основания полуземлянок подрубки в скале могли являться остатками более ранних сооружений, разрушенных в следующий этап строительной деятельности (остатки сооружений и не обязательно жилых). До апойкии, подчеркивает исследователь, на территории будущего Херсонеса существовало Кизил-кобинское поселение, что объясняет наличие таврской керамики на городище. Подрубки в скале могли быть связаны с данным поселением, позднее, при нивелировке местности, они могли быть заполнены материалами V — первой трети IV в. до н. э.²

Однако вернемся к концепции М. И. Золотарева, который, на основании анализа данных отчетов К. К. Косцюшки-Валюжинича, сделал вывод, что древнейшая оборонительная стена возводится во второй половине V в. до н. э. Экономический потенциал небогатой городской общины, которым она обладала к концу VI в. до н. э. (первого этапа развития Херсонеса), позволил возвести только самые необходимые оборонительные сооружения для защиты от варваров³. Раннее поселение возникло на берегу удобной бухты. Уровень моря в тот период был ниже на 3,5–4 м, а бухта напоминала вытянутый неширокий залив.

---

¹ Золотарев М. И. О начальном этапе строительства в античном Херсонесе // Археологія. 1990. № 3. С. 68–76 (на укр. яз.).

² Зубарь В. М. По поводу «земляночного» этапа домостроительства в Херсонесе в V — начале IV в. до н. э. // ССПК. 2004. Вып. 11. С. 92–95. Анализ свидетельств из других районов привел В. М. Зубаря к заключению об ошибочности постулируемого М. И. Золотаревым этапа земляночного строительства.

³ Золотарев М. И. Портовые сооружения Херсонеса Таврического в Карантинной бухте // ХСб. 2004. Вып. 13. С. 50 (также см.: Золотарев М. И. К хронологии древнейшего Херсонеса // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995. С. 100–106).

На первых порах, в конце V в. до н. э., крепостная стена ограждала юго-восточную часть города, но к концу IV в. до н. э. окончательно формируется линия фортификационных сооружений¹.

Накопление археологических источников, классификация керамических находок, современные методы их обработки позволили М. И. Золотареву предложить и, как он считал, более четкую археологическую схему для исследования памятников городища.

Позднеархаический период: 528 г. до н. э. — последняя четверть V в. до н. э.

Классический: последняя четверть V в. до н. э. — 330 г. до н. э.²
Эллинистический: 330—300 до н. э. — середина I в. до н. э.³

Римский: середина I в. до н. э. — конец I в. н. э.⁴

Особенности развития Херсонеса, обусловленные ростом хоры и последующем сокращением ее до ближайшей округи, независимое существование полиса до установления протектората Понтийской державы, полагал М. И. Золотарев, обуславливают иную периодизацию в сравнении с общеисторическими хронологическими этапами.

При всех отличиях временных рамок того или иного периода истории Херсонеса отмечают, что существенной вехой в развитии полиса являлся конец IV — начало III в. до н. э. **Время, когда в состав его земельных вла-**

---

¹ Золотарев М. И. Портовые сооружения Херсонеса... С. 55—56.

² Золотарев М. И. Археологическая периодизация памятников Херсонеса Таврического // ВДИ. 2002. № 2. С. 67—72. В свою очередь, М. И. Золотарев подразделяет его на: С1: последняя четверть V в. до н. э. — 380 г. до н. э.; С2: 380—350 г. до н. э. (начало 380-х гг. — середина IV в. до н. э.); С3: 350—330 г. до н. э. (середина IV в. — начало последней трети IV в. до н. э.).

³ Соответственно подпериоды: Н2: 300—200 гг. до н. э. (III в. до н. э.); Н3: 200—150 гг. до н. э.; Н4: 150—50 гг. до н. э.

⁴ В рамках римского времени выделены подпериоды: ER: середина I в. до н. э. — конец I в. до н. э.; MR: начало II в. — конец III в. (переходный между ER и LR); LR: конец III в. — конец IV в. Для более позднего времени исследователь предлагает следующие хронологические рамки: Византийский период «В»: начало V в. — конец XIII в.; подпериоды: В1: начало V в. — середина VII в.; В2: середина VII в. — середина IX в.; В3: середина IX в. — последняя четверть X в.; В4: XI в.; В5: XII—XIII вв.; Поствизантийский — с начала XIV в.

дений вошли поселения и укрепления в Северо-Западном Крыму¹. Другим рубежом стали события, приведшие к утрате независимости — установлению протектората Понтийской державы, оказавшей помощь в отражении скифской опасности. К концу I в. до н. э. в результате наступления варваров сократилась территория государства. Херсонеситы смогли сохранить только земельные участки, расположенные в непосредственной близости от города — на ближней хоре, на Гераклеюмском полуострове.

Итак, если следовать традиционному мнению об основании Херсонеса в последней четверти V в. до н. э., то в качестве хронологических рамок (с учетом внешнеполитической ситуации в Таврике) выделяются следующие периоды: конец V — рубеж IV—III в до н. э. (становление и превращение полиса в значительное по размерам государство); II—I вв. до н. э — время усиления скифской угрозы, заставившей херсонеситов искать союзников по другую сторону Черного моря — у правителей могущественной Понтийской державы. Войны Митридата с Римской республикой, череда дипломатических соглашений между государствами Северного Причерноморья и Римом — преддверие ввода в Херсонес римских легионеров — начало римского периода (середина I в. до н. э.).

Однако в связи с находками, которые обусловили появление тезиса о более раннем основании Херсонеса, в данную периодизацию были внесены коррективы. Так, В. М. Зубарь выделяет третью четверть VI — середину IV в. как время становления полиса. В данном случае можно отметить, что существенных противоречий с «традиционными взглядами» данная схема не имеет. Согласно одной из существующих типологий древнегреческих колоний некоторые из них имели статус факторий. Обычно они располагались в зонах обитания менее развитых в социально-экономическом отношении народов или на территории суверенных государств. Такие поселения, в отличие от полисов, не имели хоры².

---

¹ Зубарь В. М. Из истории Херсонеса Таврического второй половины IV — начала III в. до н. э. // Археологія. 1990. № 1. С. 39—50 (на укр. яз.); Он же. Херсонес Таврический в античную эпоху: Экономика и социальные отношения. Киев, 1993; Он же. Херсонес Таврический: Основные этапы развития в античную эпоху. Киев, 1997.

² Яйленко В. П. Архаическая Греция // Античная Греция. М., 1983. Т. 1. С. 128.

Следовательно, обращение к истории Херсонеса, как полиса, следует начинать со времени, для которого имеются данные, свидетельствующие о появлении земледельческой округи, конституциировании его в государство, одним из показателей этого служит начало собственной монетной чеканки. Безусловно, такая схема предполагает существование в истории Херсонеса эмпориального периода, наличие которого отрицается в поздних работах В. М. Зубаря. Но, возможно, истина лежит посередине. Дискуссия о начальных страницах истории Херсонеса еще не завершена. Споры в отношении находок М. И. Золотарева, в том числе остраконов еще ведутся. Вероятно, новые материалы, обращение к анализу находок из фондового хранения позволят найти дополнительные аргументы. Точки над «і» предстоит еще поставить. На данной стадии представлений относительно исторического развития Херсонесского полиса старая историографическая традиция и новый взгляд на раннюю историю Херсонеса, обретающий все больше и больше сторонников, в основном среди украинских историков, имеют право на существование.

Первоначальные владения херсонеситов

Выбор места для нового поселения, согласно античной традиции, определялся тремя условиями: рельеф местности, который позволял с наименьшими затратами возвести оборонительные стены, наличие воды и характер земель (они должны быть пригодны для земледелия) вблизи территории, где обустраивались прибывшие. Для небольшого по численности коллектива первопереселенцев воды, вероятно, было достаточно на небольшом мысу, где располагался Херсонес. Из колодцев эллинистического времени и в наши дни можно добыть воду, пригодную для употребления.

Гераклеяский полуостров относится к району предгорий. На востоке и северо-востоке граница его проходит по слону Сапун-горы, по возвышенности Карагач, продолжении Сапун-горы и склонам Каранских высот; с других сторон он омывается морем. От Сапун-горы идет понижение к морю — это обширное каменистое слабохолмистое плато, изрезанное балками.

Все балки, кроме Мраморной, переходят в бухты. На склонах крутых балок мощность почвенного слоя не более 0,3 м. В западной части

полуострова, до Карантинной бухты, распространены плодородные каштановые суглинки, как и на Маячном полуострове¹.

Первоначальные земельные угодья поселенцев (площадью ок. 600 га), как было установлено в процессе археологических исследований, находились в непосредственной близости от Херсонеса (на расстоянии не более 3–4 км)². Но наибольший массив плодородных

---

¹ Описание рельефа и почв Гераклеийского полуострова сделано Е. Я. Роговым (см.: Рогов Е. Я. Экология Западного Крыма в античное время // ВДИ. 1996. № 1. С. 70–85). В работе содержатся данные и о географических особенностях Северо-Западного Крыма.

² Предваряя изложение мнений историков относительно этапов освоения земель на Гераклеийском полуострове (см. очерк «Народ и его земли»), отметим только, что материалы, свидетельствующие о росте территории раннего Херсонеса, обобщены в коллективной монографии (см.: Зубарь В. М. Херсонес и Западная Таврика в последней четверти VI — середине IV вв. до н. э. // Зубарь В. М., Буйских А. В., Кравченко Э. А. и др. Херсонес Таврический в третьей четверти VI — середине I вв. до н. э.: Очерки истории и культуры. Киев, 2005 (глава 2). В некоторых работах по истории земледелия херсонеситов выражено мнение, что в верховьях одной из балок, склоны которой были освоены в начальный период существования Херсонеса, — Карантинной — существовал поселок виноделов (см.: Стржелецкий С. Ф. Раскопки 1939 г. у Карантина вблизи Херсонеса Таврического // ХСб. 1948. Вып. 4. С. 51–63; Щеглов А. Н. Тавры и греческие колонии в Таврике // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981. С. 204–218; Сапрыкин С. Ю. О внутренней колонизации Херсонеса Таврического // ВДИ. 1994. № 3. С. 126–143). В. М. Зубарь, отрицательно воспринимая идею о наличии «поселка виноделов», пишет, что вряд ли обнаруженный археологический материал, чрезвычайно невыразительный позволяет прийти к однозначному мнению; близость города исключала необходимость создания здесь жилых строений (см.: Зубарь В. М. Херсонес и Западная Таврика... С. 75). Исследователь отметил также, что Г. М. Николаенко непоследовательна в интерпретации археологических материалов. В одной из работ писала лишь о следах хозяйственной деятельности (см.: Николаенко Г. М. О ближней хоре Херсонеса Таврического в IV в. до н. э. // ХСб. 1996. Вып. 7. С. 25–36), в другой — о наличии «поселка виноделов» (см.: Николаенко Г. М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н. э. Ч. 1. Севастополь, 1999. С. 27–28).

земель расположен от стен города на более значительном расстоянии (ок. 8–9 км) — это Маячный полуостров. Предполагается, что наделы граждан до сплошной размежевки Гераклейского полуострова были небольшими — от двух до восьми плетров (до 1 га). Такого мнения придерживается Г. М. Николаенко¹. Вероятнее всего, несколько позднее, чем земли, расположенные в непосредственной близости от городских стен, осваивается территория Маячного полуострова, куда безопаснее было добираться морским путем (расстояние по морю ок. 8,5 км). Придерживающийся концепции о постоянной конфронтации местного населения и эллинов, обоснованной в ряде работ, В. М. Зубарь полагает, что расширение владений херсонеситами привело к первым столкновениям с таврами и потому на Маячном полуострове², а затем

---

¹ Николаенко Г. М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н. э. Ч. 1. Севастополь, 1999. С. 29. В. М. Зубарь использовал эти данные для обоснования тезиса о «мелком землевладении» на ранней стадии существования Херсонеса (Зубарь В. М. Херсонес и Западная Таврика... С. 81, 84, 88).

² Оно описано в сочинениях путешественников, частично исследовано в начале XX в. (см.: Печенкин Н. М. Раскопки в окрестностях г. Севастополя // ИТУАК. 1905. Вып. 38. С. 29–37; Он же. Археологические разведки в местности Страбоновского «старого» Херсонеса // ИАК. 1911. Вып. 42. С. 108–126). В последующем здесь производились раскопки под руководством А. А. Зедгенидзе (см.: Зедгенидзе А. А. Раскопки «древнего» Херсонеса Страбона // АО — 1985. М., 1987. С. 330). Безусловно, все, кто занимается аграрной историей Херсонесского полиса, вынуждены останавливать внимание на упомянутых памятниках. Правда, интерпретация их существенно отличается. Так, например, Г. М. Николаенко и Л. В. Марченко полагают, что на Маячном полуострове существовал питомник по селекции винограда (это мнение высказано в ряде статей, например: Николаенко Г. М., Марченко Л. В. Антропогенные воздействия на природу в регионе Юго-Западного Крыма в IV–III вв. до н. э. // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С. 30–43. Гипотеза повторена и в более поздних работах: Николаенко Г. М. Исследования на Маячном полуострове 1993–1995 гг. // ХСб. 1997. Вып. 8. С. 75–87). В. М. Зубарь называет гипотезу о питомнике, якобы размещавшемся в межстенном пространстве на Маячном полуострове, «модернизмом» (см.: Зубарь В. М. Херсонес и Западная Таврика... С. 79, прим. 11). Возвратом к теории «раннего Страбонова Херсонеса» стало замечание в одной из работ Е. Я. Рогова (см.: Рогов Е. Я. Некоторые особенности ста-

и в районе балки Бермана возникли укрепленные поселения. Наиболее ранние следы системы землепользования были уничтожены во время проведения масштабных работ по межеванию Маячного полуострова (вторая четверть IV в. до н. э.). В последних десятилетиях IV в. до н. э. осваивается большая часть Гераклеяского полуострова¹.

Но это уже следующий этап освоения ближней хоры и новая стадия развития Херсонесского полиса, население которого увеличилось не только за счет демографических процессов, но и второй волны переселенцев².

Согласно античной традиции, территория государства «должна делиться на три части: священную, общественную и частную. ...Священная — та, доходы с которой используются для отправления установленного религиозного культа; общественная — та, с доходов которой должны получать средства к существованию защитники государства; третья находится в частном владении земледельцев», — так писал Аристотель, анализируя конституционные установления Гипподама (Политика. II, V, 1). Земли, размежеванные херсонеситами в различных районах, вероятно, отводились для священных участков и частных и, возможно, общественных владений³. Но так ли это было, и где располагались «священные участки», каковы их размеры, обо всем этом

новления и развития Херсонесского государства // *Stratum plus*. 1999. № 3. С. 116–144). Трудно сказать, что привело исследователя к такому выводу. В настоящее время, в отличие от конца XIX в., когда А. Л. Бертье-Делагард помещал на Маячном полуострове «ранний Херсонес» (об этом см. выше), известны материалы из раскопок как городища, так и территории Гераклеяского полуострова, которые легли в основу хронологии памятников.

¹ О формировании концепций и истории изучения памятников на Гераклеяском полуострове см. ниже, в очерке о земледелии херсонеситов.

² Об этом см.: Суров Е. Г. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом // Учен. зап. МГПИ. 1942. Т. 28. Вып. 1. С. 102; Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху. Киев, 1993. С. 25.

³ О наличии общественных земель пишут все историки Херсонеса, обращаясь к его хоре, однако местоположение их на основании археологической ситуации не поддается выявлению (см., например: Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического: К истории древнего земледелия в Крыму // ХСб. 1961. Вып. 6. С. 53–54 (Кругликова И. Т. [Рецензия] // ВДИ. 1963. № 4. С. 176–179).

историки Херсонеса пишут пока только предположительно. Осторожные выводы высказываются и относительно размеров наиболее ранних земельных владений херсонеситов¹.

Как показали археологические исследования, Геракле́йский полуостров был заселен еще до прихода эллинов. Для VI—V вв. до н. э. на его территории обнаружено около десятка поселений кизил-кобинской культуры. К середине — второй половине V в. до н. э., ко времени освоения земель херсонеситами, многие из них прекратили существование. С таким выводом, присутствующим в работах С. Ф. Стржелецкого², отчасти солидарен В. М. Зубарь, подчеркивающий, что некоторые из поселений и могильников кизил-кобинской культуры не только предшествовали основанию Херсонеса, но существовали вплоть до середины IV в. до н. э.³ Именно столкновения с таврам привели к появлению укрепленных поселений. Одно из них было исследовано на Маячном полуострове. Оно находилось между двумя параллельно расположенны-

---

¹ Зубарь В. М. Херсонес и Западная Таврика... С. 83.

² Стржелецкий С. Ф. Основные этапы... С. 63—85; ср.: Зубарь В. М. Херсонес и Западная Таврика... С. 64.

³ Правда, при чтении коллективной монографии 2005 г. по истории и культуре Херсонеса создается двойственное отношение к данному тезису. Автор первой главы Э. А. Кравченко (см.: Кравченко Э. А. Природная среда...), как уже было сказано выше, полагает, что поскольку основой хозяйственной деятельности туземного населения являлось отгонное скотоводство, оно не нуждалось в землях полуострова и археологически выявляемые следы его пребывания — это стоянки. В. М. Зубарь в следующей главе напротив выражает мнение о том, что одно или несколько поселений до колонизационного периода (поселений, а не стоянок) существовало на восточном берегу Стрелецкой бухты, в верховьях Камышевой и на берегах Казачьей бухт, на перешейке Маячного полуострова, подчеркивая, что памятники кизил-кобинской культуры открыты и в других районах Геракле́йского полуострова, что археологические находки свидетельствуют о наличии на территории будущего Херсонеса более раннего таврского поселения, поэтому основание Херсонеса привело к столкновениям с таврами, которые до начала V в. до н. э. занимали часть земель, ставших в последующем составной частью ближней хоры. Правда, при этом он ссылается на итоги разведок О. Я. Савели, которые, как он отметил в одной из работ, требуют повторного анализа (см.: Зубарь В. М. Херсонес и Западная Таврика... С. 64—65).

ми стенами, наиболее мощная из которых обращена в сторону суши (до 2,75 м) и защищала от опасности, идущей с еще неосвоенной в тот период территории Гераклеяского полуострова.

Вторая стена ограждала жилую застройку, имевшую четкие линии улиц. А. Н. Щеглов полагает, что Маячный полуостров был разделен по числу первопереселенцев на 80—100 наделов¹ площадью около 4,4 га. Существовал укрепленный поселок с рубежа первой—второй четверти IV в. до н. э. до конца II в. до н. э.

Несколько позднее, в 60-50-х гг. IV в. до н. э., в балке Бермана возникает другое укрепленное стенами и башнями поселение, площадью около 7500 м². Здесь открыты 4 башни, расположенные друг от друга на расстоянии 105 м.

К близкому времени относится и начало возведение внушительных оборонительных стен вокруг Херсонеса. Вполне вероятно, что на начальном этапе отношения с варварами, обитавшими на Гераклеяском полуострове, носили стабильный характер, между ними и эллинами существовала торговля (обмен), поэтому на поселениях тавров встречаются изделия греческих мастеров. Анализ археологических находок из раскопок О. Я. Савели и Г. М. Николаенко привел исследователей к выводу, что в доколониционный период там, где в последствии был основан Херсонес, существовали поселения варваров². Но есте-

---

¹ Согласно предположению С. Ф. Стржелецкого, здесь располагалось около 80 небольшого размера хозяйств, владельцы которых постоянно жили в своих усадьбах (см.: Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического. С. 25—40).

² Авторы главы «Херсонес и Западная Таврика в последней четверти VI — середине IV в. до н. э.» коллективной монографии о Херсонесе приводят данные о находках керамики кизил-кобинской культуры: на восточном берегу Стрелецкой бухты, в южной части Гераклеяского полуострова, в районе балки Бермана и других районах, отмечая, что определить характер памятников, появившихся на месте более ранних — кизил-кобинских, не представляется возможным, выразив тем самым несогласие с мнением Г. М. Николаенко, которая считает их сельскими поселениями (см.: Зубарь В. М., Марченко Л. В. Херсонес и Западная Таврика... С. 65; ср.: Николаенко Г. М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV—III вв. до н. э. Севастополь, 1999. Ч. 1. С. 18—19).

ственный прирост населения, прибытие новых переселенцев вызвали необходимость расширения земельных владений полиса и привели к вооруженным столкновениям.

Итак, «старый» Херсонес, Херсонес Страбона оказался первым укрепленным поселением, возникшим на рубеже первой—второй четверти IV в. до н. э.¹ Позднее осваивается остальной земельный фонд Гераклейского полуострова. В начале XX в. М. И. Ростовцев предполагал, что Херсонес Страбона являлся древнейшей клерухией², а Э. Р. Штерн считал, что «старый» Херсонес — это одно из возможных укреплений, упоминаемых в Присяге херсонеситов³.

К следующему этапу (со второй половины IV в. до н. э.) относится межевание всей территории равнинной части Гераклейского полуострова и колонизация прибрежной части Северо-Западного Крыма, где в это время уже существовала Керкинитида. С освоением новых земель Херсонес и превращается в значительное по размерам государство.

Кроме археологических раскопок, предпринятых на территории ближайшей округи С. Ф. Стржелецким, в последующем А. Н. Щегловым и Г. М. Николаенко, а также исследований А. Н. Щеглова и других археологов в Северо-Западном Крыму, восстановлению особенностей развития Херсонесского государства способствовали эпиграфические памятники. Огромная заслуга в их прочтении и переводе принадлежит Василию Васильевичу Латышеву (1855—1921).

---

¹ Щеглов А. Н. Херсонесское государство и Харакс: Источники и история вопроса // Античные города Северного Причерноморья. М., 1984. С. 54; Он же. «Старый» Херсонес Страбона // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР: Тез. докл. юбил. конф. Киев, 1975. С. 135—136; Он же. «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова. III: Следы архаического поселения на вершине Казачьей бухты // БИАС. 1997. Вып. 1. С. 44.

² Ростовцев М. И. К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи // Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. М., 1916. С. 8.

³ Штерн Э. Р. О местонахождении древнего Херсонеса. Одесса, 1908. С. 40. В Присяге херсонеситов названы «полис, хора, тэйхе»: «Я буду врагом замышляющему и предающему или отторгающему Херсонес, или Керкинитиду, или Калос Лимен, или укрепленные пункты и территорию херсонесцев...».

Значение трудов В. В. Латышева и эпитафических памятников

Археологические материалы, на основании которых было составлено представление о территории полиса, были получены в основном в середине XX в, когда развернулось масштабное исследование хоры Херсонеса. Но, в конце XIX в. — начале XX в. уже стали известны эпитафические памятники, в которых упоминались владения херсонеситов. Визучение надписей огромный вклад сделан В. В. Латышевым¹.

Заслугой выдающегося российского эпитафиста является осуществление грандиозного проекта: издание надписей античных центров Северного Причерноморья². Многотомный труд включает все

Василий Васильевич Латышев

---

¹ Создателем школы российской эпитафики является профессор Петербургского университета Федор Федорович Соколов (1841—1909); среди его учеников были В. В. Латышев; С. А. Жебелев, профессор Петербургского—Петроградского—Ленинградского университета, член МАО с 1914 г., академик с 1927 г.; граф Иван Ив. Толстой (1856—1916; о нем см.: Нейхардт И. И. Толстой: Ученый, человек, гражданин. Штрихи к портрету // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб., 1999. С. 336—374).

² Латышев В. В. *Scythica et Caucasica*. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе / Собрал и издал с русским переводом В. Латышев. СПб., 1893—1906 (переиздано: ВДИ. 1947. № 1—4; 1948. № 1—4; 1949. № 1—4; 1952. № 2. В 1992 г. издательство «Фарн» предпри-

надписи, известные ко времени его создания, начиная с эпиграфических памятников, которые увидели и собрали первые путешественники, копировавшие их. Продолжили собирание надписей члены ООИД¹, они же издали некоторых из них. Публикация В. В. Латышева — показатель значительных достижений российской эпиграфики².

Официальным началом работы над Сводом можно считать 1884 г., когда на 6-м археологическом съезде в Одессе В. В. Латышев доложил о подготовке собрания надписей Северного Причерноморья.

Работа над «Корпусом» велась с 1885 по 1916 г.³ По просьбе инициатора уникального издания, комментирование и подготовка латинских надписей осуществлялись профессором Петербургского университета Михаилом Ивановичем Ростовцевым (1870—1952)⁴. Неоднократно

няло новое издание «Известий» отдельными тетрадями с дополнением из восточных хроник.

¹ Наиболее крупные эпиграфические памятники: постамент статуи Агасикла, III в. до н. э. (найден в 1794 г.); декрет в честь Диофанта (1878); акт о продаже земли (1879). Значительное количество надписей было обнаружено при строительстве Владимирского собора в память 900-летия крещения Руси и во время раскопок К. К. Косцюшки-Валюжинича около главной площади города.

² Latyshev V. *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*. T. I²: *Inscriptiones Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae, aliorum locorum a Danubio usque ad regnum Bosporanum*. Petropoli, 1916.

³ Содержание надписей стало основой для реконструкции государственного строя Ольвии и Херсонеса. Во втором томе «Корпуса» помещен очерк В. В. Латышева по истории Боспора.

⁴ Характеристика научной деятельности М. И. Ростовцева с публикацией переписки приведена в сборнике «Скифский роман» (М., 1997; также см.: Фролов Э. Д. Судьба ученого: М. И. Ростовцев и его место в русской науке об античности // ВДИ. 1990. № 3). Список работ М. И. Ростовцева насчитывает 680 наименований. История Крыма, отчасти и Херсонеса, отражена в следующих статьях: Ай-Тодорская крепость // ЖМНП. 1900. Март. Отд. 5. С. 140—158; Римские свинцовые тессеры. СПб., 1903; Митридат Понтийский и Ольвия // ИАК. 1907. Вып. 23. С. 21—27; Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918; Скифия и Боспор. Т. 1: Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925; *Skythien und der Bosphorus*. Berlin, 1931. Bd. 1); Сирик как историк Херсонеса // ЖМНП. 1915. Апрель. Отд. 5.

обращался В. В. Латышев к переводу латинских надписей¹ и средневековой эпиграфике региона². В отдельных случаях он пользовался

С. 151—170; Дело о взимании проституционной подати в Херсонесе // ИАК. 1916. Вып. 60. С. 63—69; К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской истории // Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. М., 1916. С. 5—16; Цезарь и Херсонес // ИАК. 1917. Вып. 63. С. 1—21.

¹ Латышев В. В. Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. 1907. Вып. 23. С. 1—20; Новые латинские надписи с юга России // ИАК. 1908. Вып. 27. С. 55—67.

² См. работы В. В. Латышева: Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического // ЖМНП. 1884. Ч. 233. Июль. С. 35—77; Новая надпись из Партенита // ЗООИД. 1886. Т. 14. С. 58—65; Херсонесские надписи // Древности Южной России. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889—1891 гг. // МАР. 1892. Вып. 9. С. 1—45; Этюды по византийской эпиграфике. 2: Вопрос о времени надписи Евпатерия // ВВ. 1894. Т. 1. Вып. 3—4. С. 657—672; Надпись времен Исаака Комнина, найденная в Херсонесе // ВВ. 1895. Т. 2; Древности Южной России. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892—1894 гг. СПб., 1895; О поддельных греческих надписях из Южной России // ЗООИД. 1895. Т. 18. С. 1—18; Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896; Заметки к христианским надписям из Крыма (По сообщениям А. Л. Бертье-Делагарда) // ЗООИД. 1897. Т. 20. С. 149—162; Заметки к христианским надписям из Крыма. 2 и 3 (продолжение статьи 20-го тома) // ЗООИД. 1898. Т. 21. С. 225—254; Заметки к христианским надписям из Крыма // ЗООИД. 1901. Т. 23. С. 74—78. Безусловно, издание и интерпретация эпиграфических памятников в связи с событиями херсонесской истории осуществлялась и современниками В. В. Латышева (см.: Бертье-Делагард А. Л. Надпись времени императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса // ЗООИД. 1893. Т. 16. Разд. 1: Археология. С. 45—88). Интерпретация отдельных эпиграфических памятников вызывала дискуссию между В. В. Латышевым и А. Л. Бертье-Делагардом, отражением ее является статья В. В. Латышева «Заметки к христианским надписям из Крыма». Уточнения текста некоторых надписей принадлежит эпиграфистам XX в. (см.: Соломоник Э. И. Метрическая эпитафия III в. н. э. (к IOSPE, I², 716) // ВДИ. 1964. № 4. С. 139—144 (о проникновении восточных культов и бессмертия души, III в. н. э.); Соломоник Э. И., Николаенко Г. М. О земельных участках Херсонеса в начале III в. до н. э. (к IOSPE, I, 403) // ВДИ. 1990. № 2. С. 79—99).

эстампажами, выполненными К. К. Косцюшкой-Валюжиничем, что обусловило наличие погрешностей в переводе и интерпретации содержания памятников.

Сообщая о своем интересе к памятникам Херсонеса выдающийся русский эпиграфист неоднократно отмечал, что желательными являются снимки со всего камня¹.

Благодарность К. К. Косцюшке-Валюжиничу за присылку эстампажей и фотографий, как правило, сопровождалась кратким изложением содержания текста, в некоторых случаях, прилагая к посланию перевод, В. В. Латышев высказывал мнение о событиях, которые упоминаются в тексте. Правда, подчас он выговаривал К. К. Косцюшке-Валюжиничу за промедление в извещении о новых находках, что, конечно, объяснимо стремлением как можно скорее и в соответствии с хронологией памятника ввести информацию в научный оборот. Так он сожалел, что надпись периода правления Исаака Комнина пришлось поместить не на своем месте, а в конце готовящегося издания. Принося извинения за подобные «выговоры» и понимая, что изготовление эстампажей требует значительного времени, в одном из писем он рекомендовал: «Если вы объясняете

---

¹ «Я настолько заинтересовался историей греческих поселений на юге нашей страны, что каждая истинная строчка, сохранившаяся от них, доставляет мне превеликую радость!» — писал В. В. Латышев К. К. Косцюшке-Валюжиничу (см.: Письмо от 09.09.1890 // Арх. НЗХТ, д. 50, л. 2 об). После переезда в Петербург (1893) он писал: «Устроившись в Петербурге и освоившись с новым делом, я принялся теперь за отработку надписей, найденных в Южной России в 1892 и 1893 гг., для издания их в «Материалах», издаваемых Археологической комиссией, херсонесские надписи почти уже отработаны (см.: Латышев В. В. — К. К. Косцюшке-Валюжиничу, 10.01.1893 // Арх. НЗХТ, д. 50, л. 37). Рекомендации об изготовлении копий см.: Латышев В. В. — К. К. Косцюшке-Валюжиничу, 09.03.1894 // Арх. НЗХТ, д. 50, л. 38.

Перу В. В. Латышева принадлежит более 200 работ. В числе исследований, посвященных Херсонесу, следует отметить критическое издание житий (см.: Латышев В. В. Жития св. епископов херсонских // Зап. Акад. наук. Ист.-филол. отд. 1906. Т. 8. № 3). О творчестве выдающегося российского эпиграфиста см.: Тункина И. В. В. В. Латышев: Жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия) // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб., 1999. С. 172—288.

промедление недостатком времени, то мне кажется, что готовить эстампажи и описание исподволь, по мере находки надписей, удобнее и легче, чем изготавливать целые партии их во время работы по отчету. Так, по крайней мере, делает Шкорпил (1853—1918)¹. Он присылает эстампажи и описание на каждую находку надписей, я отрабатываю их постепенно, и никаких запозданий не выходит»².

Сенсацией стала находка трех фрагментов от Присяги херсонеситов во время раскопок на центральной площади города в 1890—1891, 1899 г. Первый перевод ее выполнил В. В. Латышев³. Большое значение имеет декрет в честь Агасикла о размежевании виноградников, к содержанию которого позднее неоднократно обращались исследователи в связи с изучением хоры Херсонеса. К числу ранних, найденных

---

¹ В. В. Шкорпил родился в Богемии, учился в Пражском университете, затем перевелся в Лейпцигский, в 1878 г. стал преподавателем древних языков в Ялтинской прогимназии, затем в Керченской, в 1894 г. — заведующий Мелек-Чесменским курганом, с 1902 — директор Керченского музея. В 1914 г. он участвовал в передаче находок, когда Р. Х. Лепер был отстранен от заведования раскопками в Херсонесе. Погиб во время Гражданской войны при нападении бандитов. Некоторое представление о научных интересах позволяют получить статьи В. В. Шкорпила: Вновь открытая христианская катакомба // ЗООИД. 1895. Т. 18. С. 199—202; Боспорские надписи, приобретенные Мелек-Чесменским музеем в 1900 г. // ЗООИД. 1901. Т. 23. С. 62—73; Из Архива Керченского музея древностей. 1: Способ подделки древних боспорских монет М. Сазоновым, рассказанный им самим. 2: Ашик и Корейша // ИТУАК. № 40. С. 61—73; Из Архива Керченского музея древностей (Продолжение). 3: О находке двух древних статуй в 1850 г. 4: Остатки древних сооружений в Керчи и ее окрестностях в 1845 г. 5: Два склепа со стенною живописью, открытые в 1864 и 1868 гг. на Таманском полуострове (в «Большой Близице» и в Васюринской горе // ИТУАК. 1908. № 42. С. 56—72 (открыты в Керчи в 1895 г. на северном склоне г. Митридат; имела надпись, склепы разграблены). О деятельности В. В. Шкорпила см.: Марти Ю. Ю. Памяти В. В. Шкорпила // ИТУАК. 1919. № 56. С. 144—147. Более известен в византиноведении его брат Карел Шкорпил, исследователь первой столицы Болгарского царства Плиски.

² Латышев В. В. — К. К. Косцюшке-Валюжиничу, 10.04.1905 // Арх. НЗХТ, д. 50, л. 72.

³ Перевод Присяги херсонеситов был сделан также С. А. Жебелевым (см.: Жебелев С. А. Херсонесская Присяга // Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 217—247).

до начала систематических раскопок ИАК, относится декрет в честь Диофанта, полководца Понтийского царя Митридата. О том, какое значение придавалось этому эпиграфическому памятнику, свидетельствует стремление Археологической комиссии перевезти его в Эрмитаж. Еще в то время, когда решался вопрос об организации специального музея для хранения херсонесских древностей, где планировалось сосредоточить и памятники, находящиеся в монастырском хранилище, Ф. А. Браун¹ писал К. К. Косцюшке-Валюжиничу: «Комиссия по известным соображениям должна действовать с осторожностью, и хотела бы, по возможности, избежать резких мероприятий. Поэтому Вы должны пока смириться с существованием монастырского музея. Решено пока только просить монастырь выслать в Петербург Диофантову надпись для Эрмитажа, как выдающийся эпиграфический памятник, сохранение которого недостаточно обеспечено в монастырском музейчике»². Подтверждением намерения ИАК добиться изъятия эпиграфических памятников, изучению которых придавалось большое значение, являются слова А. А. Бобринского: «Мы начинаем с Диофантовой надписи и уже написали монастырю. Это вызовет бурю, быть может, мы победим!»³.

Содержание декретов стало основным материалом для реконструкции структуры государственных органов Херсонеса⁴, его взаимоотношений с Римом и другими центрами античного времени. Они содержат свидетельства, как о политических, так и торговых связях плиса. Эпиграфические памятники отразили и отдельные вехи строительной деятельности херсонеситов и херсонитов⁵.

---

¹ Заведовал Южным отделом в ИАК, профессор, декан историко-филологического факультета Петербургского университета, покинул пост в 1911 г., после революции эмигрировал.

² Браун Ф. А. — К. К. Косцюшке-Валюжиничу, 12.01.1896 // Арх. НЗХТ, д. 40, л. 8 об.

³ Бобринский А. А. — К. К. Косцюшке-Валюжиничу, 01.02.1898 // Арх. НЗХТ, д. 40, л. 13.

⁴ Латышев В. В. Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического // ЖМНП. 1884. Ч. 233. Июль. С. 35–77.

⁵ Латышев В. В. Этюды по византийской эпиграфике // ВВ. 1894. Т. 1. Вып. 3–4. С. 657–672; ВВ. 1899. Т. 6. Вып. 1–2. С. 337–369; Он же. Над-

Продолжением свода В. В. Латышева стали работы крымского эпиграфиста Э. И. Соломоник (1917–2006)¹.

Территория города

В числе одного из главных условий при выборе места для нового поселения уже был назван рельеф местности. Он определял линию оборонительных стен, возведение которых должно было осуществляться с наименьшими затратами. В последующем увеличение территории происходило в связи со стратегической необходимостью или значительным приростом населения. Как правило, состояние крепостной ограды является показателем экономических возможностей города, так как возведение новых оборонительных сооружений, любое изменение уже существующих требовало мобилизации значительных средств и людских ресурсов. Приближение угрозы вызывало необходимость ремонтных работ, приведение крепостной ограды в порядок.

Истоки вопроса о территории Херсонеса относятся ко времени раскопок К. К. Косцюшки-Валюжиича, которые стали основой определения времени возведения башен и куртин города для А. Л. Бертье-Делагарда. В последующем К. Э. Гриневиц, которому принадлежат фундаментальные работы об оборонительных сооружениях Херсонеса, выделил 4 периода увеличения городской территории. В отличие от него Г. Д. Белов и С. Ф. Стржелецкий полагали, что изменение пло-

---

пись времен Исаака Комнина... // ВВ. 1895. Т. 2; Он же. Надпись о постройке Херсонесской стены // ИАК. 1901. Вып. 1. С. 56–59.

¹ Работы Э. И. Соломоник: Новые эпиграфические находки в Северном районе Херсонеса // ХСб. 1959. Вып. 5. С. 161–168; Проксения в честь синопейца // СХМ. 1960. Вып. 1. С. 16–21; Алтарь Немезиды из Херсонеса // ВДИ. 1960. № 2. С. 133–139; Эпиграфические заметки: Новая строительная надпись // СХМ. 1961. Вып. 2. С. 31–39; Фрагмент агонистического каталога из Херсонеса // ВДИ. 1963. № 4. С. 172–175; Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964; Новые эпиграфические памятники Херсонеса: Лапидарные надписи. Киев, 1973; Несколько неизданных надписей Херсонеса и его окружи // НЭ. 1974. Т. 11. С. 33–47; Греческие надписи из раскопок театра в 1964 г. // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974. С. 5–14; Греческие надписи Херсонеса: Находки последних лет // ВДИ. 1996. № 4; Соломоник Э. И., Антонова И. А. Надгробия врачей из античного Херсонеса // ВДИ. 1974. № 1. С. 94–105.

щади, занимаемой жилой застройкой, в течение двухтысячелетнего существования города происходило 5 раз. Правда, относительно времени каждого из них мнения историков существенно отличаются¹.

Во второй половине XX столетия были получены новые археологические материалы, уточнившие представления о периодизации оборонительных сооружений. В значительной мере этому способствовали предпринятые Херсонесским заповедником комплексные работы по реставрации крепостной ограды города. Большая заслуга в этом принадлежит, наряду со С. Ф. Стржелецким, руководившим консервацией памятников, И. А. Антоновой. На основании тщательного анализа материалов ранних раскопок и собственных наблюдений блестящий знаток Херсонесского городища выделила двукратное изменение границ города для античного времени. При этом она обратила внимание не только на топографию памятников, но и на рельеф, и природные разрушения береговой линии².

В настоящее время площадь Херсонеса, которую окружала окончательно сложившаяся линия фортификационных сооружений, составляет около 29 га. В древности она имела большие размеры. Обрушение берега с северной стороны, возможно, уничтожили береговую полосу шириной до 90,0 м³. Более значительно, чем в настоящее время, выдавалась в море и северо-восточная часть города. Подводные археологические работы и данные геологии свидетельствуют, что уровень Черного и Средиземного моря поднялся за последние 2000 лет на 4 м⁴.

---

¹ Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948. С. 42–45; Стржелецкий С. Ф. Основные этапы экономического развития... С. 63–85.

² В последующем наблюдения И. А. Антоновой были подтверждены архитектором И. А. Снитко, считающей, что с IV в. до н. э. абразивными процессами уничтожено до 50,0 м коренного берега (см.: Снитко И. А. Территориальное развитие Херсонеса античного периода: По материалам археологических исследований // Вест. Харьков. ун-та. 2002. № 506, ч. 1. С. 47–49).

³ К такому предположению привело обращение к аэрофотосъемке, принятое сотрудником Тюменского университета В. А. Филипповым совместно с А. И. Романчук, и анализ ранних топографических планов.

⁴ Блаватский В. Д. Природа и античное общество. М., 1976. С. 5. Сравни наблюдения К. К. Шилика: Шилик К. К. Изменения уровня Черного моря в позднем голоцене: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1975; Он же. Об изменении уровня Черного моря и «движение вслед за морем» оборонительных

На основании рельефа местности и направлений главных уличных магистралей, определявших линию продольных и поперечных, Херсонесское городище делится на ряд районов: северный, расположенный со стороны открытого моря; портовый, примыкающий к Карантинной бухте, северо-восточный — от центральной городской площади, в которую вливается главная улица, продолжающаяся далее в восточном направлении; северо-западный, где располагался ранний некрополь, а в византийское время была возведена одна из базилик. На участке к юго-западу от оборонительных стен, на склонах Карантинной балки раскопками К. К. Косцюшки-Валюжинича также открыты многочисленные захоронения.

Анализ археологических и геологических свидетельств привел И. А. Антонову к убеждению, что в V — середине IV в. до н. э. город располагался на восточном, наиболее высоком и в то же время сравнительно ровном участке плато, площадью около 9 га¹. В последней четверти IV — начале III в. до н. э. территория его увеличилась в три раза, что было вызвано приростом числа жителей вследствие притока новых переселенцев. Одновременно предпринято межевание ближней хоры и освоение земель в Северо-Западном Крыму².

По мнению исследовательницы, археологические находки и текст декрета в честь Агасикла, в котором говорится об организации херсонесского гарнизона³, свидетельствуют о включении в III в. до н. э. в со-

---

стен Херсонеса // 150 лет Одесскому археологическому музею: Тез. докл. юбил. конф. Киев, 1975. С. 141—143; Он же. Изменения уровня Черного моря в позднем голоцене и палеотопография археологических памятников Северного Причерноморья античного времени // Палеогеография и отложения плейстоцена южных морей СССР. М., 1977. С. 158—163.

¹ Согласно мнению Л. В. Марченко, она составляла 10—12 га (см.: Марченко Л. В. Топография и планировка Херсонесского городища // ХСб. 1997. Вып. 8. С. 63). Границу раннего города в настоящее время проводят по линии западнее кварталов XII, XXIII, LXXIX, LXXX. Этот участок включает восточный мыс городища.

² Николаенко Г. М. О ближней хоре Херсонеса Таврического в IV в. до н. э. // ХСб. 1996. Вып. 7. С. 25; также см.: Соломоник Э. И., Николаенко Г. М. О земельных участках Херсонеса... С. 79—88.

³ Иное мнение о «стене Агасикла» и времени появления цитадели принадлежит В. М. Зубарю, см. об этом ниже.

став городской черты участка, обозначаемого в литературе «цитадель»¹. (Она расположена в низкой прибрежной зоне портового района и имеет размеры 90,0 x 35,0 м).

Следующее изменение линии оборонительных стен и площади жилой застройки относится к концу I—II в. н. э. В это же время возводится передовая стена — протейхизма, которая улучшала возможности защиты, и, как полагала И. А. Антонова, выполняла одновременно роль своеобразной плотины, задерживающей наносы, устремлявшиеся по руслу оврага, перегороженного при возведении крепостной ограды².

В V—VI вв. протейхизму из-за наносов вынуждены были перестроить. Неоднократно изменялась и линия оборонительной стены, расположенная вдоль берега Карантинной бухты. Следующие строительные периоды И. А. Антонова относил к середине VI в. и IX—X вв. — северо-западный участок фортификационных сооружений, кроме того она выделила изменение размеров территории, которую защищала крепостная ограда в портовом районе, для X—XI вв.

Предложенная И. А. Антоновой периодизация строительства оборонительных сооружений (и в связи с этим изменений городской площади) была уточнена и дополнена М. И. Золотаревым³, остановившем внимание и на облике города, характерном для каждого из выделенных отрезков времени⁴ Основные выводы М. И. Золотарева сводятся к следующему:

---

¹ Антонова И. А. Рост территории Херсонеса: По данным изучения оборонительных стен // АДСВ: Византия и сопредельный мир. 1999. С. 19.

² Антонова И. А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса: Проблемы датировки // ХСб. 1996. Вып. 7. С. 105.

³ Следует отметить еще одно обращение к уточнению местоположения некоторых участков оборонительных стен Херсонеса, которое представлено в соответствующей главе коллективной монографии 2005 г. (см.: Буйских А. В. Градостоительство... Глава 7). Автор выявляет некоторые «ошибки», допущенные К. К. Косцюшкой-Валюжиничем в интерпретации построек, которые были приняты им за фрагменты крепостной ограды. В основном эти уточнения относятся к участку западнее античного театра.

⁴ Золотарев М. И. Ранние этапы градостроительства в Херсонесе Таврическом // ХСб. 1998. Вып. 9. С. 26—35.

1. Первый этап строительства крепостных стен приходится на последнюю четверть V — первую четверть IV в. до н. э. Остатки стен этого времени прослеживаются в портовом районе. Сразу же за линией оборонительных сооружений располагался некрополь. В последующем территория его расширяется в юго-западном направлении, полукольцом охватывая Херсонес, который являлся еще небольшим и первоначально имел на своей территории землянки и полуземлянки.

2. В середине—третьей четверти IV в. до н. э. возникает новая линия фортификации и создается градостроительная схема, складывается гипподамова система планировки, в основе которой лежали две структурообразующих магистрали (главная продольная улица и 15-я поперечная). Камень использовался уже не только для общественных зданий, но и для строительства жилых домов.

3. К рубежу IV—III вв. до н. э. территория города увеличилась. Херсонеситы возводят новые башни и куртины, монументальные общественные сооружения (храмы различным эллинским божествам, театр)¹, завершается оформление пространственно-архитектурной структуры², вычленяется территория агоры и акрополя.

---

¹ Домбровский О. И. Античный театр в Херсонесе: Раскопки 1954—1958 гг. // СХМ. 1960. Вып. 1. С. 29—36.

² Об этом см. следующие работы И. А. Снитко: Градостроительная история античного Херсонеса: По материалам археологических исследований // Трайці та новації у вищій архітектурно-художній освіті: Зб. Наук праць вузів художньо-будівельного профілю України і Росії. Харків, 1998. Вып. 6. С. 122—126; Эволюция формирования градостроительного ансамбля античного города // Вестник Харьков. ун-та. 2000. № 456, ч. 1. С. 356—359; Гипотеза о реконструкции градостроительного ансамбля античного Херсонеса // Материалы 2-й международной междисциплинарной научно-практической конференции в Керчи «Современные проблемы науки и образования». Харьков, 2001. Ч. 1. С. 77—78; Основные принципы организации ансамбля эллинистического полиса // Трайці та новації у вищій архітектурно-художній освіті: Зб. Наук праць вузів художньо-будівельного профілю України і Росії. Харків, 2003. Вып. 1—2. С. 133—137; Черкасова Е. Т., Снитко И. А. Опыт реконструкции античного театра эллинистического периода в Херсонесе // Трайці та новації у вищій архітектурно-художній освіті: Зб. Наук праць вузів художньо-будівельного профілю України і Росії. Харків, 1998. Вып. 6. С. 122—126.

На основании находок архитектурных деталей было установлено, что, начиная с IV в. до н. э., в Херсонесе сосуществовали два ордера: дорический и ионический¹. Большая часть находок принадлежит ионическому ордеру. Они украшали общественные и частные сооружения, изготовлялись из известняка местными камнерезами. Анализ более 200 экз. памятников привел киевского историка архитектуры А. В. Буйских к выводу о малочисленности импорта (не более 4 %), а масштабная строительная деятельность — показатель высокого уровня экономики полиса².

Возможно, что к уточнению выводов о периодизации строительства крепостных сооружений и топографии города М. И. Золотарев собирался вернуться. В работе, появившейся уже в начале нашего столетия, А. В. Буйских, длительное время сотрудничавшей с ним, предложила некоторые соображения в отношении интерпретации отдельных фрагментов кладок, ранее ошибочно принятых за оборонительные стены. При этом, отдав должное исследованиям И. А. Антоновой, с именем которой связана «целая эпоха в исследовании крепостного зодчества Херсонеса», А. В. Буйских корректирует отдельные ее выводы. Она считает, что открытый М. И. Золотаревым при исследовании так называемой казармы в портовом районе фрагмент оборонительной стены, который он датировал на основании монументального характера кладки концом V — началом IV в. до н. э., не может быть отнесен к этому времени. Скорее всего, строительство фортификационных сооружений, защищавших портовый участок, как и строительство «казармы», приходится на середину IV в. до н. э.³ Далее исследовательница напоминает, что раскопки О. И. Домбровского показали ошибочность мнения К. К. Косцюшки-Валюжинича в отношении отрезка стены около театра, который тот принимал за ранние стены: он является частью театраль-

---

¹ О распространении ионического ордера в Северном Причерноморье см.: Пичикий И. Р. Малая Азия — Северное Причерноморье: Античные традиции и влияния. М., 1984.

² Буйских А. В. Ионический ордер в архитектуре Херсонеса IV—II вв. до н. э. // ХСб. 1998. Вып. 9. С. 47.

³ Буйских А. В. К хронологии и атрибуции сооружений у юго-восточных ворот Херсонеса Таврического // БИ. 2005. Вып. 9. С. 149.

ных сооружений, подчеркивая при этом, что «большая часть объектов, считавшимися оборонительными, таковыми не являются».

Уточнение времени строительства крепостной ограды в юго-восточной части городища, как и местоположения некрополя, открытого в 1936 г., стали отправной точкой для иных представлений о территории Херсонеса, занимаемой в начальный период существования города. Около середины IV в. до н. э., на участках, где ранее располагались захоронения, возникает театр и другие общественные и частные здания¹, а некрополь с этого времени располагался за пределами новой линии стены.

Согласно мнению А. В. Буйских, «все вместе взятое показывает, что середина IV в. до н. э. является хронологическим рубежом, от которого следует вести отсчет возникновения градостроительного ансамбля». Исследовательница отмечает также, что в более ранний период портовый район не был включен в единую систему окруженной оборонительными стенами территории, как полагала И. А. Антонова. Безусловно, подчеркивает А. В. Буйских, порт был защищен, но выявить характер предназначенных для этого сооружений позволят только дальнейшие исследования².

В заключение данного раздела все же необходимо отметить то, в чем согласны все исследователи, несмотря на различие мнений о времени возведения отдельных участков крепостной ограды города. С небольшими изменениями линия оборонительных стен, заложенная в конце V — начале IV в., или в середине IV в. до н. э., сохранялась до конца античного периода, а сложившаяся система уличных магистралей — до конца существования города, именовавшегося в византийское время Херсоном.

Облик города классического и эллинистического времени³

Перечислить все работы, в которых в той или иной мере исследователи касаются облика города, не возможно. В сущности, в каждом из отчетов существуют детали, которые, «складываясь» воедино, постепенно

---

¹ Относительно дискуссии о принадлежности данного некрополя см. ниже.

² Буйских А. В. К хронологии и атрибуции сооружений... С. 150.

³ Раздел написан В. А. Филипповым и А. И. Романчук.

заполняют существующие лакуны исторической топографии. Имеются и специальные статьи, посвященные отдельным градостроительным объектам. Если рассматривать общественные сооружения, то прежде всего это театр, открытый О. И. Домбровским. О господствующих в храмовой архитектуре ордерах имеется ряд статей А. В. Буйских (некоторые из них названы выше). В работах И. Р. Пичикяна приведены соображения об облике храмов Херсонеса и методике реконструкции общественных зданий¹. Исследователь высказал также предположения о возможных затратах на их возведение и местоположении некоторых из них².

Облику города, описанию отдельных участков его территории посвящены статьи Л. В. Марченко³. Наблюдения относительно застройки

---

¹ Пичикян И. Р. Храм ионийского ордера в Херсонесе: Попытка реконструкции // История и культура античного мира. М., 1977. С. 169—176; Он же. К методике реконструкций античных ордерных фасадов по архитектурным фрагментам // КСИА. 1978. Вып. 152. С. 73—82.

² Пичикян И. Р. Алтарь Девы в Херсонесе // XIV Международная конференция античников социалистических стран: Тез. докл. Ереван, 1976. С. 334—335.

Пичикян И. Р. Античная ордерная архитектура Северного Причерноморья: Автореф. дис. ... канд. архитектуры. М., 1975; Он же. Античная ордерная архитектура Северного Причерноморья первых веков н. э. // ВДИ. 1976. № 4. С. 88—108; Он же. Алтарь Пасиада в Херсонесе // СА. 1976. № 3. С. 248—255.

³ Марченко Л. В. Организация территории Херсонесского государства в эллинистический период // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса, 1888—1988 гг.: Тез. докл. Севастополь, 1988. С. 72—76 (в основном о ближайшей округе); Он же. Природные факторы в строительстве и хозяйстве Херсонеса // ХСб. 1996. Вып. 7. С. 19—24; Он же. Топография и планировка Херсонесского городища // ХСб. 1997. Вып. 8. С. 62—67; Он же. Западный район Херсонеса в эллинистический период // ХСб. 1998. Вып. 9. С. 80—82; Он же. Эллинистический комплекс у перекрестка главных магистралей города // ХСб. 1999. Вып. 10. С. 101—106 (пожалуй, это единственная специальная работа, посвященная чрезвычайно интересному участку). Отдельные наблюдения Л. В. Марченко вошли в путеводитель: Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Херсонес—Херсон—Корсунь: Путешествие через века без экскурсовода. Киев, 2003.

кварталов, включены в обобщающие монографии по архитектуре Северного Причерноморья С. Д. Крыжицкого¹.

Значительный вклад в исследование принципов градостроительства, и, следовательно, облика города сделан архитектором Б. Н. Федоровым², опубликовавшего также отдельные памятники Херсонеса и архитектурные детали³; ему же принадлежат варианты реконструкции общественных и частных сооружений⁴, отличающиеся от представленных И. Р. Пичиканом.

---

¹ Крыжицкий С. Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья, VI в. до н. э. — IV в. н. э. Киев, 1982; Он же. Античные традиции в архитектуре жилых домов Северного Причерноморья // Архитектурное наследство. 1985. Вып. 33. С. 165—173; Он же. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993; Он же. Архитектура // История культуры древнего населения Украины. Киев, 2001. Т. 1. С. 386—409 (на укр. яз.). Из более ранних работ следует привести: Крыжицкий С. Д., Зубарь В. М., Анохин В. А., Отрешко В. М. Античные государства Северного Причерноморья: Западный Крым // Археология Украинской ССР. 1986. Т. 2. С. 342—363.

² Работы Б. Н. Федорова: О дорической архитектуре греческого Херсонеса // ПРЗИ. 1974. Вып. 4. С. 22—30; Объемно-пространственная композиция северо-восточной площади Херсонеса Таврического и ее реконструкция // ПРЗИ. 1980. Вып. 7. С. 10—17; Традиционность и своеобразие композиционных решений в архитектуре Херсонеса IV—II вв. до н. э. // Проблемы античной истории и культуры: Тез. докл. XIV Межд. конф. «Эйрене». Ереван, 1979. Т. 2. С. 443—444; Храмовое зодчество античного греческого Херсонеса Таврического и реконструкции одного из его культовых зданий // ПРЗИ. 1982. Вып. 12. С. 10—21; Архитектура Херсонеса Таврического V—II вв. до н. э. и опыт реконструкции: Автореф. дис. ... д-ра архитектуры. Л., 1983; Дорическая архитектура Херсонеса Таврического IV—III вв. до н. э. // КСИА. 1983. Вып. 147. С. 3—8; К вопросу о реконструкции северо-восточного площади Херсонеса Таврического // КСИА. 1985. Вып. 182. С. 8—11.

³ Федоров Б. Н. Специфические черты памятников некрополя Херсонеса IV—III вв. до н. э. // НОСА. Киев, 1975. Ч. 2. С. 75—774; Он же. Помещение с мозаикой: К вопросу о реконструкции эллинистического жилого дома в Херсонесе // ПРЗИ. 1981. Вып. 2. С. 12—16; Он же. Некоторые особенности крепления каменных блоков в зодчестве Херсонеса Таврического V—II вв. до н. э. // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 201—205.

⁴ Федоров Б. Н. О композиции и реконструкции жилого дома IV—III вв. до н. э. в VII квартале Херсонеса // ПРЗИ. 1975. Вып. 5. С. 18—25; Он же.

В каждом из перечисленных (в подстрочнике) исследований имеются замечания, которые свидетельствуют о различии мнений между историками и архитекторами, сделавшими вклад в изучение облика города. Для того чтобы остановиться на деталях, отличающих тот или иной участок застройки города, следует выделить такую тему, как «Архитектура и облик Херсонеса в историографии». Отчасти это выполнено в коллективной монографии о Херсонесе VI в. — середины I в. до н. э. и в диссертации на соискание степени кандидата архитектуры И. А. Снитко¹. Вместе с тем, не смотря на значительное число работ, до полного представления об облике Херсонеса еще далеко. Причин несколько.

Во-первых, в настоящее время историки имеют в распоряжении чрезвычайно ограниченный круг материалов: ранняя застройка уничтожена более поздними строениями. В качестве примера можно привести то, что осталось от столь внушительного памятника, как театр², кстати, единственного из подобных сооружений в Северо-Причерноморском регионе. От выявленного О. И. Домбровским театра уцелело четыре рядом расположенные плиты сидений одного ряда театрона, четыре примыкающие к ним ступеньки секционной лестницы, еще две плиты сидений этого же ряда, фрагменты парода и фундамент стен характерного прямоугольника в районе сkene, немного смещенного к одному из пародов. После IV в. н. э.,

---

Объемно-планировочная реконструкция двух жилых домов эллинистического времени (IV—II вв. до н. э.) в Херсонесе // ПРЗИ. 1977. Вып. 7. С. 10—17; Он же. К вопросу о взаимодействии графики с архитектурой античного греческого Херсонеса Таврического // Проблемы развития зарубежной графики. Л., 1986. С. 12—16.

¹ Снитко И. А. Методика реконструкции античного города (на примере Херсонеса Таврического: Автореф. дис. ... канд. архитектуры. Харьков, 2005 (полный текст работы имеется в архиве Херсонесского заповедника).

² О раскопках см. статьи О. И. Домбровского: Раскопки античного театра в Херсонесе // Археологія. 1957. Т. 10. С. 94—101; Античный театр в Херсонесе: Раскопки 1954—1958 гг. // СХМ. 1960. Вып. 1. С. 29—36; Раскопки античного театра в Херсонесе в 1970—1971 гг. // Тез. докл. 15-й Национальной конф. Института археологии АН УССР. Одесса, 1972. С. 240—242; Работы на участке херсонесского театра в 1991—1994 гг. // АИК. 1997. С. 85—88; Домбровский О.И., Паршина Е. А. О ранней средневековой застройке античного театра // СХМ. 1960. Вып. 1. С. 36—41.

когда театр прекратил функционирование, над ним возведены жилые и хозяйственные строения. В это время, как, вероятно, и позднее, театр «использовался» в качестве своеобразной каменоломни.

Во-вторых, значительная часть городской территории не исследована — западная часть, отчасти южная и северо-западная. Согласно предположению И. А. Снитко, в этой части города мог находиться еще один священный участок. Другой теменос, согласно мнению А. В. Буйских и М. И. Золотарева, располагался на восточной оконечности Херсонеса.

Анализ выполненных в 2004–2005 гг. аэрофотоснимков показал, что, скорее всего, в Херсонесе существовало еще одно театральное сооружение. Оно было расположено в 325 м по прямой линии от театра, открытого, О. И. Домбровским в 1954 г. Снимки 2005 г. позволяют установить контуры театра и оркестры, линию расположения сцене, что косвенно свидетельствует о сохранности конструктивных элементов сооружения. Ширина театра вдоль сцене — 45 м. Глубина от прослеживаемой внешней стены проскения до внешней стены театра — 36,3 м. Ширина явно возвышающего холма над театром — 9,0 м, общая ширина ступеней (глубина) театра — 15,0 м. Ширина оркестры также 15,0 метров. Вновь открытый театр также имеет характерную, со смещением к северо-западной части театра, прямоугольную конструкцию в районе проскения. Фундамент этого прямоугольника перед оркестрой имеет длину 10,5 (вдоль сцене) и ширину — до 7,0 м и расположен на расстоянии в 19,0 м от левого края предполагаемого театра, от правого — на 15,5 м. Здесь же мог находиться и жертвенник. В обе стороны от прямоугольника прослеживается линия сцене. Высота обрыва задней стенки театра — около 3,5(?) метров. Осмотр памятника на местности позволил определить наличие пяти рядов сидений, сохранившихся непосредственно по линии центральной оси здания, а в северо-западной части театра — правильный ряд из четырех камней в верхнем ряду и камни второго яруса. Контуры подковы театра в верхней части, стены проскения и сцене выделяются на аэрофотоснимках характерной коричневой травой. В юго-восточном углу во время осмотра территории театра встречен фрагмент мраморной архитектурной детали. Прямоугольник стен заполнен в центре выбросом камней. Выбросы камней хорошо видны и за театром.

Вновь обнаруженный театр «вписан» в естественный закругляющийся северный склон гребня херсонесского плато. Театр, открытый О. И. Домбровским, также «встроен» в естественное закругление спуска южного склона и обращен к Карантинной бухте. Такая «вписанность» в склон является характерной особенностью архитектуры древнегреческих театров. Первоначально в круге орхестры выступали участники «песнопений в честь Диониса», а вокруг располагались зрители, которым было удобнее наблюдать происходившее со склонов холма. Позднее на склонах холмов сооружаются концентрические ярусы сидений театра¹. Подковообразный склон холма защищал зрителей от ветра. Именно такой рельеф мы видим вокруг херсонесских театров. По направлению к береговой линии от театра 2005 г. прослеживаются еще несколько комплексов, скорее всего общественного характера. Безусловно, до полевых исследований, изложенное в данном пункте, является вероятной гипотезой, подтвердить которую или опровергнуть, выявить характер и время возведения весьма внушительных строений могут только раскопки².

---

¹ Колпинский Ю. Д. Великое наследие античной Эллады. М., 1988. С. 135.

² Безусловно, может удивлять, почему столь фундаментальное сооружение не «видели» ранее. Но, как показал осмотр местности, без предварительного знания о местоположении постройки, она фактически не прослеживается. Изучение комплекса внесет коррективы и в приведенные размеры и интерпретацию. Однако следует отметить, что перспективы археологического исследования Херсонеса далеко не исчерпаны и применение новых методов «восстановления» топографической картины должны привести к новым представлениям о его памятниках. За год до раскопок на основании аэрофотографий был «открыт» один из сакральных комплексов, расположенный рядом с пятиапсидной базиликой, который стал в последующем объектом исследований украинско-польской экспедиции. Первая информация о возможностях аэрофотосъемки для выявления археологических объектов и перечисление некоторых из них изложено: Романчук А. И., Филиппов В. А. Результаты применения разведочной аэрофотосъемки западной части Херсонеса Таврического в 2005 г.: Научный доклад. Севастополь; Тюмень; Екатеринбург, 2005; Они же. Топография торжественных религиозных процессий в византийском Херсоне: Возможности аэроразведки для выявления памятников западного района городища музея // Религиозное мировоззрение в древнем и современных

На археологически неисследованной западной, более высокой части городища, вполне вероятно, находился еще один священный участок. Следует упомянуть, что на топографических планах, выполненных до начала раскопок в Херсонесе, зафиксированы остатки фундаментального здания. Оно прослеживается на одном из аэрофотоснимков 2004 г. на расстоянии около 140 м к юго-западу от «Базилики в базилике» (№ 15). Примечательно, что остатки строений показаны на «Чертеже древнего Херсонеса Таврического» и «Плане древней развалившейся с городовым строением крепости Таврического Херсонеса», составленных инженером Иваном Симухиным в 1811 г.¹ Позднее они обозначались и на других планах Херсонеса XIX в.

Соображения, приведенные в выше, обусловили отказ от дискуссионно-историографического изложения вопроса об облике Херсонеса² и ниже изложены только те точки зрения, которые кардинально изменили мнения об облике города.

Итак, первоначально Херсонес представлял собой небольшое поселение (последняя четверть V — первая четверть IV в. до н. э.), площадью ок. 10 га. Его граждане обитали в скромных жилищах, однако, как это было показано Дж. Хайндом³ и В. М. Зубарем, для данного времени не

обществах: Праздники и будни: Тез. докл. Севастополь, 2006. С. 49; Они же. О предварительном прогнозировании археологических открытий и планировании раскопок (на примере Херсонеса) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Тез. конф. Киев; Судак, 2006. Т. 2. С. 279—281; Romanchuk A. I., Filippov V. A. Results of Application of Prospecting Air Photography of the Western Part of Tauric Chersonesos Settlement. 2005 // *Atchaeologia Bulgarica*. 2007. № 1. P. 79—97.

¹ Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002. С. 488—489.

² В недавно вышедшей из печати (см.: Буйских А. В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь, 2008) обобщены наблюдения и отчасти скорректированы прозвучавшие ранее выводы. Исследование содержит фундированный историографический обзор.

³ Существует мнение, что «вырубки» в скале являются остатками карьеров по добыче камня (см.: Hind Dj. Megarian Colonisation in the Western Half of the Black See: Sister- and Daughter-Cities of Herakleia // *The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology*. Stuttgart, 1998.

являлись характерными землянки и полуземлянки (мнение М. И. Золотарева), а сразу же началось наземное каменное строительство. На так называемом этапе «земляночного домостроительства» подробно остановился В. М. Зубарь в одной из статей, а затем в коллективной монографии. Суть выводов исследователя, обоснованных анализом рельефа местности и привлечением материалов из других районов Северного Причерноморья, сводится к следующему. Глубина подрубок в скале настолько мала, что вряд ли можно полагать, что они относятся к конструктивным деталям земляночного или полуземляночного вида жилищ¹.

Возможно, что интенсивная строительная деятельность во второй четверти — середине IV в. до н. э. уничтожила ранние комплексы, или, как предположил В. М. Зубарь, здесь могли размещаться какие-то хозяйственные сооружения. Выявить их размеры и назначение не представляется возможным. Но на основании материалов, обнаруженных М. И. Золотаревым, можно судить о том, что этот участок был заселен в V в. до н. э.

В следующий период (вторая четверть — середина третьей четверти IV в. до н. э.) в каждом из кварталов северо-восточного и центрального районов было возведено по две усадьбы (размеры их до 650 м²) с перистильными дворами (их площадь составляла до 20% от размеров всей усадьбы). Для северного района характерным являлось деление квартала на блоки из 3–4 безордерных домов размерами 190–240 м², в которых на площадь двора приходилось до 25%. Последняя треть IV в. до н. э. — **рубеж IV–III вв. до н. э. — это время наиболее интенсивного строительства общественных зданий.** Значительное увеличение городской территории привело к застройке участка в северном районе, где в 1936 г. был обнаружен некрополь².

Р. 142). Это мнение повторено С. Ю. Сапрыкиным (Saprykin S. The Foundation of Tauric Chersonesus // The Greek Colonisation... Р. 234).

¹ Зубарь В. М., Марченко Л. В. Херсонес и Западная Таврика... С. 72–73.

² Первая попытка представить изменение территории Херсонеса принадлежит К. Э. Гриневичу (см.: Гриневич К. Э. Рост территории древнего Херсонеса // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3 (60). С. 63–65), в последующем к этому вопросу исследователи Херсонеса неоднократно возвращались. В связи с анализом топографии некрополя 1936 г. А. В. Буйских уточняет существующие

В эллинистический период возникают театр и храмы, посвященные различным божествам. Перед входом некоторых из них были установлены скульптурные изображения олимпийцев.

Соотношение топографических компонентов: храмов, площадей, жилищ и улиц — определяют различные факторы. Безусловно, масштабы строительной деятельности, размеры и облик общественных сооружений были обусловлены экономическим состоянием государства, но Аристотель отметил и еще одно условие: политическую систему полиса. Он считал, что наличие акрополя подходит для олигархических и монархических государств; одинаковое укрепление всех частей города — для демократических; для аристократических лучше, когда имеется несколько укрепленных пунктов (Политика. VII, 10, 4).

Народное собрание Херсонеса, издавая постановление о чествовании сограждан или представителей других государств, принимало решение о том, где будет установлена плита с перечислением их заслуг.

К числу надписей, отличающихся полнотой и информативностью содержания, наряду с Присягой херсонеситов, относится декрет в честь понтийского полководца Диофанта¹. Народное собрание постановило: «Поставить также медную статую в полном вооружении на акрополе подле алтарей Девы и Херсонаса»².

В последних строчках декрета, посвященного историку Сириску,³ указано, что установить его следует в притворе храма Девы»⁴.

в настоящее время варианты реконструкций (см.: Буйских А. В. О пространственной организации некрополя на северном берегу Херсонеса // ХСб. 2005. Вып. 14. С. 59—70).

¹ К надписи в честь Диофанта нам предстоит обратиться в связи с событиями конца II в. до н. э.

² О культе Херсонаса см. в очерке «Граждане и их боги».

³ Декрет относится ко второй половине III в. до н. э. В нем говорится, что «народ венчает Сирикса, сына Гераклида, за то, что он описал явления Девы и бывшие дружественные отношения с городами и царями исследовал правдиво и согласно с достоинством государства».

⁴ Сведения об обнаружении памятника и его публикациях, как и текст перевода, см.: Соломоник Э. И. Каменная летопись Херсонеса. Симферополь, 1990. С. 14.

Эти и другие эпиграфические памятники содержат замечания о наличии определенных общественных зданий города и акрополя с алтарем Девы.

Первое предположение о местоположении акрополя было высказано К. К. Косцюшкой-Валюжиничем. В 1904 г. он производил раскопки в центральной части монастырской усадьбы и открыл остатки фундаментального здания, которое подчас называют «монетным двором»¹. Озаглавив раздел отчета, как раскопки на территории акрополя, он писал: «Факт этот является новым подтверждением, что херсонесский акрополь греческой и римской эпохи был застроен солидными зданиями и что, поэтому, вывод, сделанный некоторыми учеными, считающими Херсонес ничтожным захолустным городом, является ошибочным и преждевременным, основанным на результатах раскопок, производившихся на окраинах города. Ежегодные открытия, начиная с 1888 г., дают о нем представление совершенно противоположное выше приведенному, как о богатом и красивом городе, а между тем расследована только небольшая часть городища»².

Так появилось первое предположение о местоположении акрополя. Не противоречило ему и то, что большая часть надписей античной эпохи были встречены в районе главной площади Херсонеса.

Если следовать буквально теоретическим положениям Аристотеля, то можно было бы сделать однозначный вывод: акрополя в демократической Херсонесской республике быть не могло, но только лишь в

---

¹ Раскопки производились плантажным методом и позволили открыть только часть сооружения.

² Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в 1904 г. // Арх. НЗХТ, д. 13, л. 2. Под «некоторыми учеными» он подразумевал А. Л. Бертье-Делагарда, который придавал большое значение изучению византийских слоев, благодаря сохранности сооружений этого времени, но для античного времени отмечал, что в нищем, окраинном городе значительных наблюдений о древнегреческой эпохе сделано быть не может (см.: Бертье-Делагард А. Л. О Херсонесе // ИАК. 1907. Вып. 21. С. 172). В одном из последних путеводителей по памятникам Херсонеса на ошибочность интерпретации здания специально обращено внимание: Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Херсонес—Херсон—Корсунь. Киев, 2003. С. 231.

том случае, если бы остался неизвестным декрет в честь Диофанта¹. Но история не знает сослагательных наклонений, к тому же Аристотель говорил, что «наличие акрополя *подходит* для олигархических и монархических государств». А примеры существования акрополя в демократических полисах имеются. В частности, в Афинах Акрополь с монументальными храмами, величественными Пропилеями господствовал над остальными частями городской застройки. Правда, возникновение его относится к очень раннему периоду.

Указания в источниках о местоположении храмов, как и акрополя, отсутствуют. Локализация их — это область гипотетических построений, которые могут остаться логически обоснованными предположениями до появления свидетельств, их подтверждающих.

Двухтысячелетнее существование Херсонеса, строительная деятельность более поздних времен, являются причинами малочисленности свидетельств, которые можно было использовать для восстановления вида и местоположения общественных зданий херсонеситов, как и для реконструкции деталей жилой застройки кварталов.

В одном из отношений в ИАК Р. Х. Лепер писал об особенностях стратиграфии изучаемого им участка: «Без разрушения развалин последнего времени невозможно полное и детальное расследование раскапываемых кварталов. В Херсонесе сравнительно хорошо сохранились остатки только поздневизантийского слоя. Под стенами и полами этих построек часто имеются, более или менее значительные остатки, или только следы более ранних эпох: удавалось установить до 5-ти полов один под другим. Расследование нижнего слоя требует немедленного удаления верхнего»². Но, не смотря на то, что условия раскопок конца XIX—XX в., не позволяли в ряде случаев полностью исследовать отдельные участки, которые в последующем были застроены, все же были получены материалы, на основании которых были получены материалы для реконструкции размеров и плане жилых

---

¹ Данный пассаж приведен только лишь для того, чтобы показать, как могут меняться выводы при появлении новых свидетельств.

² Лепер Р. Х. Отношение в ИАК, 25.05.1914 // Арх. НЗХТ, д. 467, л. 56—56.

усадеб херсонеситов. Следует отметить, что начальные наблюдения восходят ко времени раскопок К. К. Косцюшки-Валюжинича. Одним из первых внушительных комплексов эллинистической эпохи является фундаментальное здание, выявленное им около оборонительной стены в портовом районе в 1899 г.: два помещения, входившие в его состав, стены которых были возведены из блоков с рустом¹.

Из-за замечания, сделанного К. Э. Гриневичем, оно обозначалось как римские казармы². Обращение к изучению территории всего квартала, начавшееся с работ Объединенной археологической экспедиции (1963) и завершенное в конце XX в. М. И. Золотаревым, внесло коррективы о времени строительства — третья четверть IV в. до н. э., после многочисленных ремонтов и перестроек комплекс прекратил существование в IV в. н. э.³

Другим весьма значительным сооружением, также открытым К. К. Косцюшкой-Валюжиничем, стал дом эллинистического времени, расположенный с южной стороны главной улицы⁴. Из-за расположенных здесь монастырских строений, полностью открыть памятник не удалось. Ко времени раскопок К. К. Косцюшки-Валюжинича относится и наблюдение о такой характерной черте Херсонеса — Херсона как наличие гипподамовой планировки. В одном из отчетов он писал, правда, для построек последнего периода: «Тот город, который обнаруживается при раскопках на ничтожной глубине с правильными, узкими улицами,

---

¹ Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1899 г. // Арх. НЗХТ, д. 8, л. 37—40.

² Гриневич К. Э. Древнейшая оборонительная стена в Херсонесе, обнаруженная разведкой 1927 г. // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10—13 сентября 1927 г. Севастополь, 1927. С. 20.

³ Золотарев М. И. О времени строительства т. н. «казармы» в Херсонесе Таврическом: По материалам находок керамических клейм // ХСб. 1999. Вып. 10. С. 70—79.

⁴ Подробное описание работ, озаглавленных «Раскопки в центре акрополя», приведено в: Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г. // ИАК. 1906. Вып. 20. С. 17—34. (Принципиальных отличий не имеет и рукописный вариант, см. раздел отчета «Городище» // Арх. НЗХТ, д. 13, л. 2—10).

водостоками, тесными домами и множеством часовен, построен по строго определенному плану»¹.

Историографическим парадоксом является то, что наблюдения, сделанные еще в начале XX в., не заслужили должного внимания. Безусловно, в работах, посвященных градостроительству античных городов Северного Причерноморья, приведены материалы раскопок Г. Д. Белова, который открыл в северном районе Херсонеса дома эллинистического времени². Обращалось внимание и на планировку города, что позволило заключить, что «градостроительством руководили люди, обладавшие достаточно высокими профессиональными знаниями, хорошо знакомые с античными строительными традициями»³. Вместе с тем для авторов обобщающих исследований о принципах градостроительства Эллады Херсонес остался не «известным»⁴. Правда, попытки ввести его в круг мировых памятников, имевших гипподамову схему размещения кварталов, предпринимались. Они принадлежат польской исследовательнице А. Вонсович⁵, но, вероятно, ее статьи также остались незамеченными западноевропейскими историками архитектуры.

---

¹ Косцюшко-Валжинич К. К. Отчет заведующего раскопками в Херсонесе в 1895 г. // ОАК за 1895 г. СПб., 1897. С. 90–91.

² К числу обобщающих работ такого плана относятся: Крыжицкий С. Д. Жилые дома...; Он же. Архитектура античных государств...

³ Крыжицкий С. Д. Жилые дома античных городов... С. 53.

⁴ Hoepfner W., Schwandner E.-L. Haus und Stadt im klassischen Griechenland. München, 1994 (в работе обобщены данные о городах, имевших регулярную планировку).

⁵ Wąsowicz A. Zagospodarowanie przestrzenne państw greckich: Olbia Pontyjska, Chersonesz Taurydzki, Królestwo Bosporskie // Archeologia. 1974. T. 25. S. 10–20 (ср.: L'Aménagement de l'espace de l'état Grec: Olbia Pontique, Chersonese Taurique, Royaume du Bospore // Rendiconti classe di lettere. 1975. Vol. 109 et idem. Zagospodarowanie przestrzenne antycznych miast greckich. Wrocław, 1982. Позднее она еще раз обратилась к примеру Херсонеса при анализе архитектурных традиций Западной части Средиземноморья: Idem. «Urbanistyczna szkoła» Sycylii i Wielkiej Grecji w okresie archaicznym // Lubelski materiały archeologiczne. 1991. T. 5. S. 63–74; Idem. Deux modèles d'aménagement de l'espace dans les colonies grecques // Archeologia. 1995. T. 46.

Одной из первых работой, которая посвящена данному сюжету, стала совместная статья М. И. Золотарева и А. В. Буйских¹. Безусловно, созданию целостной системы организации городского пространства Херсонеса предшествовали «архитектурно-топографические поиски», позволившие установить местоположение сакрального центра города, некоторых его храмов, их архитектурное оформление и стиль².

Натурные обмеры и анализ отчетов позволил выявить метрологический модуль, положенный в основу градостроительной модели, которая имеет четкое вычленение системы градостроительных узлов — общественных центров — и стандартные размеры кварталов. Была определена и средняя площадь херсонесских домов (146—155 кв. м)³, что в свою очередь привело к гипотетическому восстановлению количества строений, характерных для кварталов. Ориентировочно была определена площадь агоры: 65,3 x 173 м (она расположена в центре плато⁴ и, как полагают А. В. Буйских и М. И. Золотарев, частично могла быть отведена под теменос; другой участок с храмами, отделенный от жилой застройки улицей и оградой, находился далее к северо-востоку,

---

¹ Буйских А. В., Золотарев М. И. Градостроительный план Херсонеса Таврического // ВДИ. 2001. № 1. С. 111—132.

² Работы А. В. Буйских, в том числе в соавторстве с М. И. Золотаревым, приведены выше. Специально о священном участке см.: Золотарев М. И., Буйских А. В. Теменос античного Херсонеса. Опыт архитектурной реконструкции // ВДИ. 1994. № 3. С. 78—101.

³ Несколько позднее А. В. Буйских еще раз обратилась к вопросу о домах херсонеситов, отметив, что в городе имелись здания с подвальными, полуподвальными этажами и двухэтажные (см.: Буйских А. В. К вопросу о количестве этажей в жилых домах Херсонеса // VII Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и Средневековья. Керчь, 2006. С. 25—28).

⁴ Относительно местоположения агоры существует гипотеза Е. Ю. Клевиной, которая полагает, что таковая должна размещаться, согласно традиции, не на возвышенной части — не на главной площади, где возведен Владимирский собор, а в районе «Базилики в базилике» (см.: Клемина Е. Ю. Топография античного Херсонеса Таврического // Проблемы исследования археологических памятников: Раскопки, хранение, экспозиция: Тез. докл. Севастополь, 2005. С. 12).

замыкая главную улицу города (его размеры: 30,0 x 40,0 м)¹. Еще один священный участок находился на возвышенной части в северо-западной части Херсонеса. И. А. Снитко полагает, что расстояние до него приблизительно равно радиусу круга от центральной площади до теменоса в восточной части города².

Наличие нескольких теменосов в античных городах Северного Причерноморья не является экстраординарным явлением. Наиболее подробно описаны священные участки и расположенные на них храмы в Ольвии³.

Выводы М. И. Золотарева и А. В. Буйских, как и И. А. Снитко, объясняют прослеженную для поздневизантийского времени планировку Херсонеса: «Основная градостроительная идея регулярного города оказалась запрограммированной на все последующие столетия существования Херсонеса»⁴. Это еще одна уникальность памятника: сохранение до последних дней без кардинальных изменений архитектурно-планировочной системы, возникшей в IV в. до н. э.

Для восстановления полного облика Херсонеса, безусловно, еще далеко, не смотря на значительный прогресс в изучении градострои-

---

¹ Буйских А. В., Золотарев М. И. Градостроительный план... С. 126—127.

² Серия работ И. А. Снитко была приведена выше.

³ Карасев А. Н. Монументальные памятники ольвийского теменоса // Ольвия: Теменос и агора. М.; Л. 1964. С. 27—130. При обращении к истории архитектуры в Северном Причерноморье авторы ссылаются в основном на это исследование (например, см.: Русяева А. С., Русяева М. В. Ольвия Понтийская: Город счастья и печали. Киев, 2004. С. 42, 46, 60—61, 96, 106—107), в некоторых случаях уточняя размеры и предложенную А. Н. Карасевым реконструкцию сооружений (см.: Пичикян И. Р. Малая Азия — Северное Причерноморье. С. 178. Исследователь подробно описал памятники Херсонеса.

⁴ Буйских А. В., Золотарев М. И. Градостроительный план... С. 127. Теоретическим аспектам планировки жилых домов посвящена одна из недавних работ С. Д. Крыжицкого в основном использованы материалы Ольвии (см.: Крыжицкий С. Д. К теории реконструкции планировки античных жилых домов Северного Причерноморья // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и Средневековья: Периоды дестабилизаций, катастроф. Керчь, 2005. С. 146—151).

тельных принципов данного центра. Некоторые выводы исследователей относятся к логично построенным гипотезам, отчасти обоснованным археологическими свидетельствами. Вместе с тем, местоположение многие общественных сооружений остается под вопросом¹. В эпиграфических памятниках римского времени упоминается рыбный рынок². Где он мог находиться, пока не установлено. Для античного города характерно наличие булевтерия или пританея, дикостерия, гимнасия (гимнасий упоминается в декретах херсонеситов); одним из значитель-

---

¹ В частности, И. Снитко выделяет 18 архитектурно-археологических объектов для эллинистического периода. К их числу отнесены: дом или общественное здание в портовом квартале I (так называемые казармы), сооружение, которое в публикациях ранее приводилось как монетный двор; жилые дома в кварталах II, VII (III в. до н. э.); в северном районе: дом красильщика — квартал XXVIII (III — II вв. до н. э.), дом с мозаикой — квартал XV (III — II вв. до н. э.) и дом Аполлония — северная часть квартала XIX (III — II вв. до н. э.); мастерские короoplastов рядом с теменосом (III — II вв. до н. э.) и в квартале IX (IV — III вв. до н. э.). Список дополняют: фрагмент квартальной застройки на пересечение 12-й поперечной и II продольной улиц; теменос — восточная оконечность главной улицы (рубеж IV — III — начало III в. до н. э.), агора, которой служила, по мнению ряда исследователей, центральная площадь Херсонеса, и малая агора — у пересечения 26-й поперечной и главной улиц. Безусловно, в число общественных сооружений включен театр (территория кварталов LXXI — LXXII, относящийся к III в. до н. э., и древнегреческие ворота, которые она датирует второй половиной IV в. до н. э. В число архитектурно-археологических объектов эллинистического времени ею отнесена также главная улица и керамика с внешней стороны оборонительных стен, который располагался вдоль 17-й и 19-й куртин (IV — III вв. до н. э.). Согласно мнению исследовательницы, эллинистическим временем следует датировать так называемые торговые ряды вдоль 10-й поперечной улицы (определение принадлежит публикатору материалов раскопок Р. Х. Лепера — К. Э. Гриневичу). В списке отсутствует значительный по размерам комплекс с северной стороны главной улицы, который был открыт К. К. Косцюшкой-Валюжиничем и исследовался в период директорства В. Ф. Смолина. Относительно «забывчивости» о его деятельности в Херсонесе уже говорилось.

² Например, см.: Семенов-Зусер С. А. Рыбное хозяйство и рынки на юге СССР в древности. Харьков, 1947. Вып. 1: Памятники истории, экономики и культуры древнего Северного Причерноморья.

ных центров в античном городе являлся стадион. Все эти характерные для эпохи сооружения не открыты. Данное обстоятельство позволяет констатировать в завершение раздела: восстановление архитектурно-композиционного облика Херсонеса потребует от его исследователей дальнейших поисков и дополнительной аргументации высказанных ранее гипотез¹.

Был ли Херсонес греко-таврским городом?

В течение многих лет дискуссию среди исследователей вызывал вопрос о том, был ли Херсонес греко-таврским или греко-варварским городом. Истоки ее восходят ко времени раскопок некрополя в север-

---

¹ К примеру, И. А. Антонова предполагала, что стадион мог размещаться около южных оборонительных стен (Антонова И. А. Рост территории Херсонеса... С. 19). Отчасти поддерживает ее мнение Л. В. Марченко (Марченко Л. В. Западный район Херсонеса... С. 105). Правда, Л. В. Марченко, отметив мнение И. А. Антоновой, пишет, что здесь на южном участке по обе стороны от главной магистрали между 11-й и 15-й поперечными улицами находились здания общественного характера и, возможно, площадь и храм перед театром. В статье, опубликованной годом ранее, исследователь писал: «Участок, расположенный по другую, юго-восточную сторону главной улицы, ограниченный южной линией оборонительных стен, по-видимому, не был включен в квартальную разбивку. Длина участка более двухсот, ширина около тридцати метров. Участок неудобен для застройки, так как представляет собой покаты́й скалистый склон, вытянутый вдоль балки и открытый холодному восточному ветру. В то же время эта местность является идеальной для размещения на ней такого сооружения, как стадион». В пользу гипотезы он приводит находки, обнаруженные неподалеку: надписи о спортивных состязаниях, посвятельные граффити (Марченко Л. В. Западный район Херсонеса... С. 81). Но для того, чтобы поддержать или опровергнуть предложенный вариант интерпретации построек, необходимы полномасштабные исследования участка. Мнение, на основании которого построена гипотеза: неудобное для застройки место, как и находки — вряд ли могут служить бесспорным аргументом, как замечает В. М. Зубарь (см.: Зубарь В. М. Формирование территориального государства... С. 129). Примечательно, что исследователи подчеркивают значение западного района для будущих раскопок: на господствующем над остальной территорией участке должны были быть возведены значимые общественные сооружения.

ном районе Херсонеса в 1936 г. и первых обращений к интерпретации полученных материалов. В конечном итоге — это вопрос о роли аборигенного населения в развитии Херсонеса.

На территории некрополя, открытого Г. Д. Беловым, были обнаружены грунтовые погребения со скорченными и вытянутыми костяками. Автор раскопок предположил, что некрополь отражает смешанное — греко-тавское население Херсонеса до III в. до н. э. — времени, когда территория некрополя была застроена жилыми домами¹. Обобщая результаты раскопок северного района Херсонеса в 1952 г., он писал: «Значительная часть погребений в скорченном положении ...позволяет считать, что на месте Херсонеса существовало местное таврское поселение, которое к тому времени (времени основания города) было уже довольно значительным; к нему и присоединились греки-пришельцы, поселившиеся не на новом, а на уже обжитом месте и установившие широкие связи с местными жителями. ...Тавры оставались в Херсонесе в течение длительного времени, продолжая жить в городе вместе с греками, и пользовались предметами греческой культуры. ...Убедительным тому доказательством является известный факт заимствования греками у тавров культа богини Девы»².

Прежде чем мы коснемся вопроса о «заимствовании эллинами культа богини Девы», проследим развитие положения о греко-тавском Херсонесе.

К мнению о том, что материалы некрополя отражают наличие таврского этноса, склонялся С. Ф. Стржелецкий³. Близкая точка зрения была представлена в работах Н. В. Пятышевой⁴. Она полагала, что со времени основания Херсонес являлся греко-варварским городом, в

---

¹ Белов Г. Д. Отчет за 1935—36 гг. С. 163—195.

² Белов Г. Д. Северный прибрежный район Херсонеса: По новейшим раскопкам // МИА. 1953. № 53. С. 13.

³ Стржелецкий С. Ф. Раскопки таврского некрополя в Херсонесе в 1945 г. // ХСб. 1948. Вып. 4. С. 69—97.

⁴ Пятышева Н. В. Античное влияние на культовую скульптуру Причерноморья // ВДИ. 1946. № 3. С. 178; Она же. Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе // ВДИ. 1947. № 3. С. 23; Она же. Тавры и Херсонес Таврический // СИИМК. 1949. Вып. 29. С. 122—124.

котором преимущественно жили эллины и тавры; в первые века н. э. к ним добавились скифы и сарматы, иудеи, готы, а также выходцы из Сирии, Кавказа, Балканского полуострова¹. В последующем В. И. Кадеев подробно остановился на взглядах Н. В. Пяташевой и ее методике реконструкции этнической истории Херсонеса, отметив, что выводы «основаны не на свидетельствах источников, а на предположениях, причем довольно смелых. ... (Она) широко применяет своеобразную методику использования вещественных источников, состоящую в том, что по отдельным импортным предметам, ранее неизвестным в Херсонесе, делаются выводы о появлении новых этнических элементов»².

К дискуссии о некрополе 1936 г. вернемся несколько позднее. Прежде о том, как представлялась история тавров в те годы, когда возникла гипотеза о смешанном эллино-варварском населении Херсонеса.

«Варварская проблематика» в трудах историков 40–60-х гг. XX в.

При рассмотрении вопросов этнической истории Крыма следует учитывать проявление, начиная с середины 30-х гг. XX в., политического диктата, который нашел отражение не только при воссоздании недавних страниц Гражданской войны, но и в концептуальных положениях по истории Древнего мира. Показательным для тех времен является «закрытие» доступа к архивным материалам, прекращение деятельности краеведов, высказывания которых могли не соответствовать официальной доктрине. Если обращаться к крымским событиям, то необходимо отметить ликвидацию «Таврического общества истории, археологии и этнографии», унаследовавшего эстафету научных штудий от «Таврической ученой архивной комиссии». Произошло это в скором времени, как отмечает один из крымских исследователей А. А. Непом-

---

¹ Пяташева Н. В. Скифы и Херсонес // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957. С. 249–263; Она же. К вопросу об этническом составе населения Херсонеса в I–VI вв. н. э. // Античное общество. М., 1967. С. 183–187.

² Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981. С. 7.

нящий, после публикации в 1931 г. статьи И. В. Сталина (Джугашвили) «О некоторых вопросах истории большевиков»¹.

Одной из тем 40—50-х гг. XX в. являлся показ значительной роли аборигенного населения в истории эллинских центров Северного Причерноморья, что косвенно повлияло на интерпретации материалов некрополя, открытого в 1936 г. К примеру, С. Ф. Стржелецкий полагал, что «греки вместе таврами строят город»².

Правда, один из крупнейших исследователей «варварского населения» Крыма П. Н. Шульц, подчеркивая, что исследователи Херсонеса определяли могильник «как таврский не без оснований»³, тем самым

---

¹ Непомнящий А. А. Страницы истории крымского краеведения в 30-е гг. XX в. // БИ. 2006. Вып. 10. С. 361. Выступлением И. Сталина была поставлена под сомнение значимость источников, прежде всего архивных документов. Оно предопределило и партийно-государственный подход в исторических исследованиях. Показательны цитаты из переписки Н. Д. Полонской-Василенко (украинский историк, уволена в 1934 г. из Всеукраинской Академии наук) и А. И. Маркевича (бывший сотрудник Таврической ученой архивной комиссии), приведенные в статье А. А. Непомнящего. Так Н. Д. Полонская-Василенко писала в 1934 г.: «Многие теперь прячутся, если не хотят или не могут притворяться. Или таково наше время!». Вряд ли нуждаются в комментариях и слова А. И. Маркевича: «А к тому же меня зовут к участию в приспособлении одной моей статьи к нынешней идеологии, без чего она не может быть напечатана» (Там же. С. 365, 363). Характерным для эпохи было отношение к крупнейшим российским историкам. К примеру, Б. Д. Греков был арестован в сентябре 1930 г. по обвинению в сотрудничестве с П. Н. Врангелем и свыше месяца провел в тюрьме (Горская Н. А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. С. 70—72). О «партийно-классовом подходе» в интерпретации некоторых событий из истории Таврики предстоит еще вспомнить в связи с вопросом о восстании Савмака. Подробное освещение судебных крымских краеведов содержится в: Мусаева У. К. Подвижники крымской этнографии, 1921—1941: Историографические очерки. Симферополь, 2004; также см.: Калакура Я. С. Украинская историография. Киев, 2004 (на укр. яз.).

² Стржелецкий С. Ф. Херсонес—Корсунь. Симферополь, 1950. С. 140.

³ Шульц П. Н. О некоторых вопросах истории тавров: Территория, хронология, взаимоотношения с античными городами и скифами // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 240.

косвенно соглашаясь с высказанными точками зрения, писал, что значение тавров в истории Херсонеса преувеличено¹. По его мнению, на территории, которую Геродот называет, как «страну, прилегающую к морю, гористую и выступающую в Понт, ...заселяло племя тавров» (V, 99), археологически характеризуют памятники Кизил-Кобинской культуры, свидетельствующие, что ранние тавры жили разрозненными племенами, возможно, имели домашние промыслы и плужное земледелие в предгорьях. С рубежа VI—V вв. до н. э. сюда начинают интенсивно проникать скифы. В результате этого поселения тавров в предгорьях перестали существовать, но рассматривать данный этнос как монолитную группу, нельзя, культура их имела локальные отличия, существенные изменения происходили с течением времени, на что обратил внимание еще А. И. Тюменев»².

П. Н. Шульц выделял несколько этапов в ранней истории тавров: первый — это X—IX вв. до н. э., второй — IX—VIII вв. до н. э. (к этому времени относится укрепленное поселение Уч-Баш на Гераклеяском полуострове); в VIII—VII вв. до н. э. возникает значительное количество открытых поселений; для VII—VI вв. до н. э. на «таврских памятниках» встречаются раннескифские наконечники. Но связи между таврами и скифами, восходящие к этому периоду, еще незначительны. В VI—V вв. до н. э. тавры, вероятно, «общались» и с греками³. Под давлением скифов тавры отходят в горы, а в конце V в. до н. э. на месте таврского поселка был основан, вероятно, Херсонес⁴.

В конце II в. до н. э., по мнению П. Н. Шульца, тавры вместе со скифами принимали участие в набегах на Херсонес и сражались против армии Митридата, возглавляемой Диофантом. К этому времени следует

---

¹ Там же. С. 267. О таврах и кизил-кобинской культуре см.: Крис Х. И. К вопросу о периодизации кизил-кобинской культуры // СА. 1961. № 4. С. 66—77; Она же. Поселения кизил-кобинской культуры в балке Ашлама-Дере // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957. С. 40—46; Она же. Ранне-тавское поселение в Инкермане: По раскопкам 1948 г. // Там же. С. 47—53.

² Шульц П. Н. О некоторых вопросах... С. 237 (см.: Тюменев А. И. Херсонесские этюды. 3 // ВДИ. 1949. № 4. С. 77).

³ Шульц П. Н. О некоторых вопросах... С. 245.

⁴ Там же. С. 247—248.

относить появление укреплений тавров в горах и возникновение пристани Палакий у бухты Симболон. I в. до н. э. — I в. н. э. — период существования «поздних тавров», которые присоединились к скифам и другим племенам в борьбе против Рима.

Расширение контактов между таврами и жителями Херсонеса в I в. н. э. обусловило появление в Херсонесе надгробий с местным варварским обликом¹.

В период раннего средневековья (V—VIII вв.) тавры смешались с проникшим в Крым сармато-аланским населением².

Безусловно, нельзя все выводы, которые характерны для историков Крыма тех лет, объяснять «преднамеренным заблуждением». В первой половине XX в. происходило постепенное накопление археологических свидетельств. Стремление «объяснить находки», связать их с общеисторическими процессами, приводило к появлению выводов, которые оказались ошибочными. Многие из концептуальных построений тех лет не выдержали проверки последующими материалами раскопок, но это уже другой сюжет³.

Статья П. Н. Шульца была опубликована на страницах сборника докладов конференции, призванной подвести итоги развития советской исторической науки по истории Северного Причерноморья. На конференции прозвучал еще один доклад, в котором затрагивалась «варварская проблематика», Н. И. Сокольского и Д. Б. Шелова⁴. Значительный раздел его был посвящен критике ученых дореволюционного периода, не-

---

¹ Об интерпретации «варварских надгробий» см. в очерке об искусстве Херсонеса, написанном А. В. Шевченко. Предварительно следует сказать, что их «неварварское происхождение» было показано Л. Г. Колесниковой, затем более подробно на этом остановил внимание В. Н. Зубарь.

² Шульц П. Н. О некоторых вопросах... С. 257

³ В начале нашего столетия была опубликована работа, в которой показано влияние диктата, оказываемого на историческую науку, что объясняет появление концепций относительно «варварской проблематики» у названных выше авторов (см.: Колтухов С. Г., Юрочкин В. Ю. От Скифии к Готии. Симферополь, 2004). Исследователи широко привлекают архивные материалы.

⁴ Сокольский Н. И., Шелов Д. Б. Историческая роль античных государств Северного Причерноморья // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 40—62.

дооценивавших степень развития местных племен и преувеличивавших значение античных городов. Критические замечания были направлены против М. И. Ростовцева¹, который впервые широко поставил вопрос о соотношении и значимости эллинских и варварских элементов, попытавшись выявить основные факторы, определявшие исторические судьбы юга нашей страны. Он считал, что культурно-историческое развитие Северного Причерноморья определяли три струи: эллинская, алародийско-иранская, средневропейская, главная роль отводилась эллинской². Докладчики, как требовало от них время, вынуждены были заявить, что концепция М. И. Ростовцева чужда советской исторической науке. Она построена не на базе социально-экономического развития общества, а лишь культурных влияний; большое значение «буржуазный исследователь» придавал географическому фактору³, считая степи юга Восточной Европы «коридором»

---

¹ Кроме научных взглядов исследователя, на критику повлияло и то, что он, будучи командированным за границу, позволил себе не вернуться в Советскую Россию.

² Наиболее полно концепция М. И. Ростовцева изложена в: Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России. Пгр., 1918. Монография в последующем доработана и издана на английском языке (Rostovtzeff M. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, 1922). Переведено было в скором времени после выхода из печати и другое сочинение выдающегося исследователя античной эпохи, касающееся северо-причерноморской проблематики. Об интересе к нему свидетельствует переиздание конца XX в. (см.: Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925; Rostowzew M. *Skuthien und der Bosphorus*. Bd 2 (Wiederentdeckte Kapitel und Verwandtes) / Hrsg. H. Heinen. Stuttgart, 1993).

³ Только в конце XX в. имя М. И. Ростовцева вернулось в российскую историографию античности. Труды его публикуются, появляются работы, оценивающие вклад исследователя в мировое антиковедение. Блестящим примером является публикация «Скифский роман» (ред. Г. Н. Бонгард-Левин), представляющая собой фундаментальное издание эпистолярного наследия М. И. Ростовцева, писем его корреспондентов, как и работ о его творчестве (см.: Бонгард-Левин Г. М. М. И. Ростовцев и И. И. Бикерман: учитель и ученик. Новые архивные материалы // Скифский роман. М., 1997; Бонгард-Левин Г. М., Тункина И. В. М. И. Ростовцев и А. А. Васильев: Шесть десятилетий дружбы и творческого сотрудничества // Там же; Зуев В. Ю. М. И. Ростовцев: Годы в России. Биографическая хроника // Там же; Бонгард-Левин Г. М. М. И. Ростовцев и Э. Х. Миннз: От Скифии до Китая и Японии // Там же; Фролов Э. Д. Судьба ученого: М. И. Ростовцев и его место в русской науке об античности // ВДИ. 1990. № 3).

для различных народов; создание и падение «государственных образований» ставил в зависимость от географических условий¹. Подчеркивалось, что «эллиństwo» и «иранство» носят абстрактный характер². Основное содержание доклада Н. И. Сокольского и Д. Б. Шелова было посвящено доказательству взаимной заинтересованности в развитии связей эллинов и варваров, что подтверждается, согласно их мнению, работами С. А. Жебелева³, который указывал на мирный характер отношений до III в. до н. э., «культурное влияние» античных городов на варварскую среду⁴.

В докладе Н. И. Сокольского и Д. Б. Шелова прозвучала критика и в отношении взглядов Д. П. Каллистова⁵, который «верно отметил

---

¹ Сокольский Н. И., Шелов Д. Б. Историческая роль... С. 40–41.

² Ростовцев М. И. Эллиństwo и иранство на юге России. Пг., 1918. С. 4. Он считал, что самостоятельным творческим центром южно-русские степи служить не могли, что и вызывало в те годы критику.

³ Жебелев С. А. Основные линии экономического развития Боспорского государства // Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 116–158; Он же. Народы Северного Причерноморья в античную эпоху // Там же. С. 254–274. Попутно можно отметить, что М. И. Ростовцев дружил с С. А. Жебелевым и когда в Советской России развернулись преследования историков, С. А. Жебелев вынужден был публично покаяться в своей принадлежности к «старым академикам» и «забыть» об этой дружбе. Чтобы не компрометировать коллегу, М. И. Ростовцев перестал адресовать непосредственно ему письма, отправляя их оказией или передавая приветы через других корреспондентов. Отметим также, что некоторые статьи тех лет были написаны С. А. Жебелевым по «партийному заказу», в частности, «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» (Л., 1933 (ИГАИМК. Вып. 70; также см.: ВДИ. 1938. № 3. С. 49–71; Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 82–115). И С. А. Жебелев не был единственным из представителей антиковедения тех лет, кто вынужденно «подчинил» интерпретацию событий Древней истории государственно-партийному диктату. Собственно доклады на конференции, о которой идет речь, показатель этого. В работах тех лет присутствовали и концептуальные заблуждения, но и вынужденное искажение при изложении сюжетов истории Северо-Причерноморского региона.

⁴ Сокольский Н. И., Шелов Д. Б. Историческая роль... С. 42.

⁵ Упомянуты такие работы: Каллистов Д. П. Северное Причерноморье в античную эпоху, М., 1952; Он же. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949.

всемирно-историческое значение соседства варваром и мира античной цивилизации», но ошибочно рассматривает «племенной мир варваров без учета различий ...между отдельными племенами».

Жесткой критике подверглись «некоторые популяризаторы» истории, в частности, П. Н. Надинский¹, который «социально-экономическим факторам отводил второстепенное место, отмечает только негативную роль греков, понимает колонизацию по подобию современной капиталистической», противопоставляет греков другим народам Северного Причерноморья². Ошибкой является, как сказано в докладе, и одностороннее изображение греков, как захватчиков, характерное для другого популяризатора М. Курьянова³. Он считал, что греки и римляне грабили и разоряли Крым, уничтожали его культуру⁴.

Повторим еще раз, что некоторые из выводов и гипотез, прозвучавших на конференции, не выдержали проверки временем. Основная причина этого — «политизированный характер» подведения итогов развития советской исторической науки, но дискуссия о некрополе, открытом в Херсонесе в 1936 г. продолжалась во второй половине XX в.

---

¹ Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма. Симферополь. 1951, Ч. 1.

² Сокольский Н. И., Шелов Д. Б. Историческая роль... С. 44.

³ Курьянов М. Крым. Киев, 1955. С. 17.

⁴ Сокольский Н. И., Шелов Д. Б. Историческая роль... С. 45. Два наиболее существенных вопроса выделено докладчиками: место античных государств Северного Причерноморья в античном мире в целом; роль их в историческом развитии народов региона. Примечателен вывод: «Разница в уровне социально-экономического развития греков и ведущих племен Северного Причерноморья была сравнительно невелика, поэтому не нужно преувеличивать разрыва и в уровне развития обществ и культуры греков и северо-причерноморских племен» (Там же. С. 51). Вторая часть доклада посвящена характеру колонизации, вопросу о значении рабства, экономическим связям городов Северного Причерноморья с другими центрами Эллады. О взглядах историков тех лет можно судить на основании вывода: «Значение античных государств Северного Причерноморья в историческом развитии стран Средиземноморья было в целом второстепенным» (Там же. С. 52). В конце XX в. даже в учебниках по истории древней Греции говорится о том, что колонизация оказала существенное влияние на города материковой Греции, не без ее влияния произошло развитие ремесла, его специализация. Безусловно, об этом писали историки античности и ранее, еще в конце XIX — начале XX в.

Кому «принадлежал» некрополь, открытый в 1936 г.?

Вернемся к мнениям о принадлежности некрополя, раскопки которого вызвали постановку вопроса об «эллино-таврском городе». Не останавливаясь далее подробно на изложении взглядов историков на проблему взаимоотношений варварского и эллинского миров, прозвучавших в середине — 60-х гг. прошлого века, отметим только, что многие из писавших по этому поводу вольно или невольно забывали о мировоззрении граждан античных государств. Факт совместного проживания тавров (варваров), их сотрудничество в «создании города» с эллинами не возможен, если только первые не являлись рабами. (Аристотель, да и не только он, писал, что варвары уже от рождения — из-за варварского происхождения — являются рабами).

К концу столетия акценты при обращении к «варварской проблематике» начали меняться. В данном случае интерес представляют выводы К. К. Марченко, который, проанализировав находки керамической посуды, отметил, что они указывают на «сравнительно небольшой удельный вес местного компонента в составе населения Березани и особенно Ольвии. Ни в городе, ни на поселении не встречаются районы с преимущественно туземным населением. ... (Мирный характер) контактов между колонистами Нижнего Побужья и аборигенами Северного Причерноморья устанавливается сразу же после появления эллинов в этом районе. ... (но) Ольвия даже во время подчинения скифскому царю Скилуру (вторая половина II в. до н. э.), ... оставалась в своей основе греческой»¹.

Иные мнения появились и относительно «сотрудничества тавров и эллинов» при создании Херсонеса. Так, А. Н. Щеглов в докладе на одной из конференций отмечал, что взаимоотношения с варварским миром у херсонеситов были далеко не мирными, начиная со времени основания города и позднее в период внутренней колонизации². Аналогичные

---

¹ Марченко К. К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии. М., 1988. С. 131.

² Щеглов А. Н. Тавры и греческие колонии в Таврике // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981. С. 210—212.

выводы были сделаны и другими исследователями, подчеркивавшими, что в ходе межевания земель на Гераклейском полуострове местное население было вытеснено с занимаемой территории, «враждебные отношения с ним ярко подтверждаются цепью укреплений, ограждающих данный участок хоры». Касаясь социальной структуры Херсонеса, Ф. В. Шелов-Коведяев, к примеру, пишет: «Часть аборигенов при этом была оставлена на территории сельской округи Херсонеса в качестве зависимого слоя, часть выброшена на ее пределы и образовала земледельческие поселения на периферии хоры, имевшие, возможно, статус полувисимых. Все перечисленные факторы создавали исключительные условия для формирования и создания сплоченной полисной общины херсонеситов»¹.

Положения, высказанные А. Н. Щегловым, как и другими историками, о взаимоотношениях варварского мира и эллинов свидетельствуют о том, как менялись взгляды на взаимоотношения варварского и эллинского мира, понимание особенностей колонизации в связи с общим состоянием исторической науки, постепенно освобождающейся от догм, навязанных «цитированием классиков». В последней четверти XX в. стало возможным излагать свое мнение, не опасаясь, что за «отход от традиции» последует «обвинение в непатриотичности»². Следует

---

¹ Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI—IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1984. С. 173. Даже в отношении такого Северо-Причерноморского государства, как Боспорское царство, имевшего существенные особенности в сравнении с Херсонесом (и Ольвией) в формировании и взаимоотношении с местным миром, исследователи отмечают, что «преимущественно варварами, надо думать, были боспорские рабы» (см.: Масленников А. А. Население Боспорского государства в VI—II вв. до н. э. М., 1981. С. 94).

² В послевоенные годы, когда в Херсонесе создавалась новая экспозиция, А. К. Тахтай, стремившийся показать на основании памятников материальной культуры более низкую степень социально-экономического и культурного развития тавров, был обвинен «в не патриотичности» (см. о «деле Тахтая»: Романчук А. И. Истоки научного сотрудничества Уральского университета и Национального заповедника «Херсонес Таврический» (1941—1942 гг.) // Европа: Международный альманах. 2007. Вып. 7. С. 152—158).

учитывать и существенное пополнение археологических материалов, свидетельствующих о том, что более развитая культура эллинов оказала влияние на местное население, соседствующее с городами, возникшими на берегах Черного моря.

Новым обращением к интерпретации материалов двуобрядового некрополя, раскопанного в 1936 г., стала работа В. И. Кадеева¹. Проанализировав данные раскопок на территории Балканского полуострова и в Малой Азии, он сделал вывод, что «скорченные захоронения» являлись характерными для греков-дорийцев, а греки-дорийцы — жители Гераклеи Понтийской — входили в число основателей Херсонеса. Исследователь отметил также, что во время дискуссии не было учтено то, что в некоторых из приписываемых таврам погребений находились скелеты в вытянутом положении. В последующем В. И. Кадеев дополнил и уточнил наблюдения, показывавшие, что некрополь принадлежит гражданскому (греческому) населению Херсонеса².

Но еще до появления статьи В. И. Кадеева на методические ошибки анализа материалов некрополя 1936 г. обратил внимание В. В. Лапин. Характерными для времени, когда в сознании еще не произошло полного очищения и освобождения от длительного периода диктата, стали его слова: «Вполне осознавая опасность быть обвиненными в «буржуазных установках», мы, однако, придерживаемся противоположных взглядов. По нашему мнению, этому не противоречат и скорченные погребения». Перед этой фразой он процитировал слова С. Ф. Стржелецкого о том, массовый материал окончательно опровергает устаревшие буржуазные установки о «чисто греческой» культуре Херсонеса. И далее В. В. Лапин писал, что нельзя рассматривать изолированно «скорченных» Херсонеса, необходимо привлечение широкого круга данных³ (что, в сущности, и было сделано В. И. Кадеевым).

---

¹ Кадеев В. И. Об этнической принадлежности скорченных погребений херсонесского некрополя // ВДИ. 1973. № 4. С. 108—116.

² Кадеев В. И. Еще раз об этнической принадлежности скорченных захоронений в раннем некрополе Херсонеса Таврического // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995. С. 32—37.

³ Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья: Критический очерк отечественных теорий колонизации. Киев, 1966. С. 216—217.

Статья В. И. Кадеева 1973 г. возобновила дискуссию. Отражением ее стали работы В. М. Зубарь. Первоначально он придерживался тезиса о том, что на некрополе хоронили домашних рабов: они «состояли в качестве младших членов семьи¹ и погребались вместе со своими хозяевами»². Это и вызвало различия в обряде. В последующем исследователь существенно скорректировал мнение, о чем свидетельствует одна из его недавних работ, посвященная проблеме взаимоотношений херсонеситов и тавров, хотя в ней он непосредственно к материалам некрополя не обращается. Речь идет о статье «Херсонес и тавры: Противостояние или взаимодействие?». Краткая историографическая преамбула ее завершается следующим выводом: тезис о «сотрудничестве эллинов и варваров является стереотипом XX в.» Собственно эти слова выражают концепцию автора: для варваров и херсонеситов характерно противостояние; не следует идеализировать взаимоотношения кардинально отличающихся по уровню культуры и социальных отношений миров, как и искать среди населения Херсонеса таврские элементы³. Стремлением «изжить» стереотипы прошлого в собственных взглядах является отказ В. М. Зубаря от гипотезы о социальных различиях среди погребенных (свободных эллинов и их «домашних рабов»). Среди жителей Херсонеса, если не иметь в виду рабов, не

---

¹ Такая форма взаимоотношений являлась характерной для ранней стадии развития рабства — патриархального рабства. Но к V в. до н. э. мир эллинов уже пережил ее.

² Зубарь В. М. Еще раз по поводу интерпретации захоронений в скорченном положении в некрополе Херсонеса IV в. до н. э. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888—1988 гг.: Тез. докл. Севастополь, 1988. С. 52—54. В работе, изданной в 1993 г., автор еще раз возвращается к этому вопросу (см.: Зубарь В. М. Херсонес Таврический... С. 66).

³ Зубарь В. М. Херсонес и тавры: Противостояние или взаимодействие? Археология. 2005. № 1. С. 16—28. Исследователь приводит примеры перманентной конфронтации, выступая против тезиса наличия среди граждан Херсонеса представителей варварских этносов, и отмечая, что такое мнение относится к числу стереотипов, сложившихся в XX в.

эллинов быть не могло, тем более абсурдно искать варваров среди членов гражданского коллектива¹.

Показательным является замечание В. М. Зубаря, что, несмотря на бедность захоронений, отнесение их «к социально зависимым слоям населения нельзя признать удачной». При этом он добавляет, что нельзя согласиться и с теми, кто полагает, что вопрос относительно атрибуции скорченных захоронений «на современном уровне знаний вообще не имеет позитивного решения»². Исследователь отметил, что «этнический подход» в интерпретации материалов некрополя оказался несостоятельным. И все же именно «этнический подход», но без связи с «тезисом об эллино-таврском Херсонесе» позволил ему объяснить наличие различий среди захоронений. Анализ рудиментов мировоззрения эллинов-дорийцев, представленный в авторской главе коллективной монографии начала XXI столетия, отчасти можно отнести к «этническому подходу». На основании широкого круга находок В. М. Зубарь пришел к выводу, что в некрополе Херсонеса классического времени проявились особенности верований основателей полиса. Так спустя почти 70 лет со времени раскопок некрополя Г. Д. Беловым, после новых обращений к интерпретации материалов В. И. Кадеевым, после

---

¹ Показателем является отсутствие черт «варваризации культов или следов почитания негреческих богов в ранней короπλαстике (Зубарь В. М., Марченко Л. В. Херсонес и Западная Таврика... С. 94). Исследователи ссылаются на наблюдения А. В. Шевченко.

² Зубарь В. М. Религиозное мировоззрение // Зубарь В. М., Буйских А. В., Кравченко Э. А., Марченко Л. В., Русяева А. С. Херсонес Таврический в третьей четверти VI — середине I в. до н. э.: Очерки истории и культуры. Киев, 2005. С. 432–433. В подстрочнике приведены работы, в которых присутствует данный вывод, среди них: Рогов Е. Я. Некоторые особенности становления и развития Херсонесского государства // *Stratum plus* (СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест). 1999. № 3. О методике изучения материалов некрополя, предлагаемой одним из археологов, см.: Стоянов Р. В. Критерии выделения погребений, относящихся к классическому и эллинистическому периодам (на примере работы с материалами раскопок некрополя Херсонеса Таврического) // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси — Украины: Материалы научной конференции, 16–22 сентября 2002 г. Киев; Судак, 2002. С. 234–237.

работ В. М. Зубаря, развившим некоторые его положения, наконец-то был дан ответ о том, кому принадлежал некрополь.

В качестве вывода относительно дискуссии о «греко-варварском Херсонесе» можно обратиться к заключению соответствующего раздела коллективной монографии: «Реконструкция надмогильных сооружений, типичных для погребальной традиции, ...позволяет окончательно отказаться от интерпретации этого участка как таврского. ...Херсонес, основанный в третьей четверти VI в. до н. э., на протяжении последней четверти—конца VI — середины IV в. до н. э. представлял собой греческий полис классического типа, главной отраслью экономики которого было сельское хозяйство»¹.

Соседи Херсонеса — эллины²

Во время Великой греческой колонизации в Северном Причерноморье возникают многочисленные греческие центры³, наибольшее их число было основано в Восточном Крыму. Это Пантикапей, Феодосия, Гермонасса и другие, располагавшиеся по обеим сторонам пролива Боспора Киммерийского. В северо-западной части полуострова была основана Керкинитида. Большую роль в событиях эллинистического времени играла расположенная в устье Борисфена (Днепра) Ольвия. Для взаимоотношений Херсонеса с другими центрами Северо-

---

¹ Зубарь В. М., Марченко Л. В. Херсонес и Западная Таврика... С. 95.

² Этот раздел написан с тем, чтобы представить внешнеполитическую ситуацию в Северо-Причерноморском регионе. Ниже приведены только общеизвестные факты, поэтому за небольшим исключением источник информации не назван.

³ Общая картина развития полисов Северного Причерноморья изложена: Виноградов Ю. Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М., 1983. Т. 1. С. 366—420; также см.: Шелов Д. Б. История античных государств Северного Причерноморья // Археология СССР: Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 8—22. Здесь имеются разделы, в которых освещена история раскопок и памятники других античных центров Восточного Крыма: Пантикапея, Феодосии, Нимфея, Китея, Фанагории, Гермонассы.

Причерноморского региона в отдельные хронологические периоды были характерны культурные и торговые связи, конфронтация и союзные отношения.

Безусловно, историческое развитие каждого из античных центров имеет свои особенности. Но анализ мнений историков относительно развития каждого из названных выше центров является специальной темой. Цель данного раздела несколько иная — дать общее представление о событиях, происходивших в Северном Причерноморье через призму взглядов исследователей Херсонеса и применительно только лишь к истории данного государства.

В строках уникального памятника — Присяге херсонеситов — говорится:

*Я буду единомышленен о спасении
и свободе государства и граждан
и не предам Херсонеса,
Керкинитиды, Прекрасной гавани
и прочих укрепленных пунктов и из остальной
10. территории, которой херсонесцы управляют
или управляли ...*

В те годы, когда прозвучали эти слова, Керкинитида и другие поселения в Северо-Западной Таврике являлись составной частью Херсонесской республики.

Расцвет государства, значительное увеличение населения, скорее всего, вследствие прибытия второй волны переселенцев, вызвали необходимость размежевания земель на Гераклейском полуострове в последних десятилетиях IV в. до н. э. Нехватка хлеба (на участках около города в основном произрастал виноград), а также сложившиеся к этому периоду благоприятные условия для колонизации Северо-Западного Крыма, обусловили освоение отдаленных земель. В Присяге упоминаются укрепленные пункты, которые создавались херсонеситами для защиты своих владений. Позднее возникают и неукрепленные поселения¹. Наиболее крупным среди городов и поселений Северо-Западного региона была Керкинитида.

---

¹ Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым.... С. 120.

Керкинитида и ее округа

Одно из ранних упоминаний (ок. 500 г. до н. э.) Керкинитиды содержится в «Землеописании» Гекатея Милетского, считавшего ее городом скифским. В Присяге херсонеситов город назван в числе их владений.

Раскопки памятника, начавшиеся в 90-е гг. XIX в., выявили местоположение древнего города. Строительство грязелечебницы у г. Евпатории в 1916 г. грозило разрушить памятник. Результатом обращения М. И. Ростовцева и П. С. Уваровой к императору Николаю II стало назначение Б. Ф. Фармаковского руководителем раскопок¹. Фактически же археологические исследования до 1918 г. производились Л. А. Моисеевым. Эпизодические работы первой половины XX в. открыли новые комплексы, но материалы, позволяющие судить о времени основания города, получены только экспедицией 1952 г., а с 1985 г. началось планомерное изучение памятника.

Истории Керкинитиды и публикации материалов ее раскопок посвящены многочисленные работы, к числу наиболее полно освещающих периодизацию строительной деятельности керкинитов и события, которые выпали на их долю, относятся исследования последних десятилетий XX в., принадлежащие руководителю экспедиции тех лет В. А. Кутайсову². Изложение взглядов крымского археолога и

---

¹ Истории раскопок Керкинитиды, кроме многочисленных статей В. А. Кутайсова, освещена в монографии: Кутайсов В. А. Античный город Керкинитида VI—II вв. до н. э. Киев, 1990. Ему же принадлежит обращение к исторической географии района в целом, см.: Кутайсов В. А. Историческая география Северо-Западного Крыма // ВДИ. 2002. № 1. С. 40—50.

² См. работы В. А. Кутайсова: Жилой комплекс IV—II вв. до н. э. в Керкинитиде Археологія. 1986. Вып. 56. С. 61—72; Керкинитида. Симферополь, 1992 (науч.-попул. изд.); Раскопки Керкинитиды в 1990 г. // МАИЭТ. 1993. Вып. 3. С. 4—8; Фортификация Херсонесской периферии // Фортификация в древности и средневековье: Тез. докл. СПб., 1995. С. 52—53; Аграрная история Керкинитиды // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект: Тез. докл. Севастополь, 1997. С. 71—76; Некоторые проблемы становления и развития Херсонесского государства // Stratum plus. 1999. № 3; Хора Керкинитиды // VI чтения памяти профессора В. Д. Блаватского. К 100-летию

его коллег, участвовавших в раскопках, является самостоятельным сюжетом, обращение к которому значительно увеличило бы размеры данного раздела. Поэтому остановим внимание на взглядах историков только относительно взаимоотношений двух центров: Херсонеса и Керкинитиды.

Многолетними, систематическими археологическими исследованиями установлено, что поселение возникло в 40—30-х гг. VI в. до н. э. При третьем поколении первопереселенцев — в 70—60-х гг. следующего столетия — возводятся оборонительные стены и заложена регулярная планировка городских кварталов. На площади, которая была окружена оборонительными стенами, размещалось 160—170 городских усадеб. Гражданский коллектив предположительно определен в 320—340 человек¹. Вдоль морского побережья рядом с Керкинитидой лежа-

---

со дня рождения. М., 1999. С. 67—68; Аграрная история Керкинитиды // ХСб. 1999. Вып. 10. С. 83—93; Палеоэкономическая модель развития хоры классического полиса Северного Причерноморья: На примере Керкинитиды // ПИФК. 2001. Вып. 10. С. 134—143; Культ Геракла в Керкинитиде и Северо-Западном Крыму // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. Севастополь, 2001. С. 10—14; Проблемы аграрной истории Северного Причерноморья // ПИФК. 2002. Вып. 12. С. 291—307; Монетное обращение Керкинитиды V—III вв. до н. э. // МАИЭТ. 2002. Вып. 9. С. С. 385—398; Соляной промысел в Северо-Западном Крыму // Сугдея, Сурож, Солдаёв в истории и культуре Руси-Украины: Материалы конф., 16—22 сентября 2002 г. Киев; Судак, 2002. С. 152—154); Керкинитиды и Херсонес в IV—II вв. до н. э. // ВДИ. 2003. № 2. В. А. Кутайсов ввел в научный оборот целый ряд находок из раскопок Керкинитиды, останавливая внимание при этом на отдельных сюжетах экономики города.

¹ Об этом см.: Кутайсов В. А. Античный город Керкинитиды... С. 143—145. Нельзя не обратить внимание на повтор тезиса об отдельном этапе становления полиса для античных центров Северного Причерноморья, который прозвучал в одном из разделов коллективной монографии, где В. М. Зубарь касается истории Керкинитиды. Вольно или невольно, но тем самым он еще раз подтверждает наличие такового и в истории Херсонеса. Если сопоставить эти положения, то можно сделать вывод о том, что историю Херсонесского полиса все же следует начинать не с VI в. до н. э., или же более четко оговорить черты «полиса периода становления» и государства, завершившего таковой.

ли плодородные земли, на которых располагались наделы ее граждан. Они имели небольшие размеры (до 5,0 га), обрабатывались семьями их владельцев.

В конце V в. до н. э. Керкинитида в течение кратковременного периода платила дань скифам, о чем имеется упоминание в дошедшем до наших дней письме одного из ее жителей¹.

Другим поселением, входившим в состав территории Херсонесского полиса, был порт Калос Лимена, возникновение которого датируется началом IV в. до н. э. Небольшой центр (площадь его ок. 4 га) с конца третьей четверти IV в. до н. э. стал одним из главных опорных пунктов Херсонесского полиса в процессе освоения побережья Тарханкутского полуострова (до второй половины II в. до н. э.)². Ко второй половине IV в. до н. э. в Северо-Западном Крыму существовало еще одно крупное поселение Чайка (названо по имени расположенного рядом с памятником современного санатория)³.

Процесс становления территориальных границ Херсонесского полиса происходил в конфликтной ситуации, более того, как полагают некоторые исследователи, сопровождался военными действиями между херсонеситами и ольвиополитамим, так как для V в. до н. э. в Северо-Западном Крыму было сильно влияние Ольвии. Следует отметить, что в письменных источниках эти события не нашли отражения и «реконструируются» на основании слоев разрушений на поселениях

---

¹ Находка письма некоего Апатура, в котором говорится о дани скифам, имеет большое значение из-за состояния источниковой базы (публикацию документа см.: Соломоник Э. И. Два античных письма из Крыма // ВДИ. 1987. № 3. С. 114–131).

² Итогом исследований памятника экипам Западно-Крымской экспедиции, руководимой В. А. Кутайсовым, стала монография В. Б. Уженцева, в которой отмечены основные этапы истории Калос Лимена. Ранний — это небольшого размера ионийское поселение (или укрепление), возможно, принадлежащее Ольвии (см: Уженцев В. Б. Эллина и варвары Прекрасной Гавани. Симферополь, 2006).

³ Обращение к карте, приведенной В. Б. Уженцевым, позволяет говорить о наличии в регионе многочисленных памятников.

Северо-Западного Крыма. Именно поэтому интерпретация отразившихся в культурном слое экстраординарных реалий жизни вызывает дискуссию. Археологический источник не «называет» события; на основании его «показаний» можно лишь судить о результатах: пожаре, набеge неприятеля, землетрясении (в том случае, если выявлены слои разрушения), но датировать их с точностью до десятилетия пока еще не представляется возможным.

Попытаемся сопоставить мнения исследователей Херсонеса относительно его взаимоотношений с Ольвией и Керкинитидой, которые предшествовали включению Керкинитиды в состав Херсонесского государства.

Одна из попыток восстановления событий принадлежит С. Ю. Сапрыкину. Он полагает, что к столкновению их с Пантикапеем привело стремление граждан Феодосии сохранить автономию. В этом ее поддерживали Гераклея Понтийская и херсонеситы. Один из крупнейших центров Северного Причерноморья Ольвия сохраняла нейтралитет. В благодарность за это правители Боспора одобрили вторжение ольвиополитов в пределы хоры Феодосии. Поражение граждан Феодосии, согласно его мнению, стало начальной фазой складывания территориальных границ участвовавших в конфликте сторон. Городище Чайка превратилось в пограничное для ольвиополитов и керкинитов¹.

Следующий сюжет, касающийся взаимоотношений Ольвии, Херсонеса и Керкинитиды — это так называемая херсонесско-ольвийская война, ставшая отражением противоречий в процессе освоения земель. Сторонники мнения о вмешательстве Ольвии в события, происходившее в Северо-Западном Крыму, исходят из близости монетного чекана Ольвии и Керкинитиды, отмеченной В. А. Анохиным². На основании

---

¹ Saprykin S. Heraklea Pontica and Tauric Chersonesus before roman domination, VI—I centuries B.C. Amsterdam, 1997. P. 122—123.

² Анохин В. А. Монеты античных государств Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. С. 81, также см.: Он же. Монетное дело и денежное обращение Керкинитиды: По материалам раскопок 1980—1982 гг. // Античные древности Северного Причерноморья. Киев, 1988. С. 133—148. К числу более поздних относятся статьи: Кутайсов В. А. Монетное обращение Керкинитиды

наблюдений В. А. Анохина и выявленных на некоторых поселениях слоев разрушения был сформулирован вывод об активной деятельности ольвиополитов в освоении земель в окрестностях Керкинитиды в начале IV в. до н. э., что и вызвало конфронтацию Херсонесского и Ольвийского государств. Появление именно в это время ряда поселений, среди которых к наиболее изученным относятся поселения Чайка, Панское-1¹ и вошедший в последующем в состав херсонесских владений Калос Лимена, объяснялось экспансией ольвиополитов. Но война завершилась их поражением. Итогом победы херсонеситов стало расширению границ (при этом поселение Панское 1, ранее находившееся под юрисдикцией Ольвии, было включено в состав его владений)². Данная точка зрения в последующем нашла, как сторонников, так и критиков.

Увлеченность «открытием» новой страницы в истории межполисных взаимоотношений привела к тому, что и ее создатели и историки, склонные признать правомерной подобную реконструкцию событий в

V—III вв. до н. э. // МАИЭТ. 2002. Вып. 9. С. С. 385—398; Столба В. Ф. Еще раз о керкинитидских монетах IV—III вв. до н. э. // Древнее Причерноморье: Тез. докл. Одесса, 1989. С. 50; Он же. Монетная чеканка Керкинитиды и некоторые вопросы херсонесско-керкинитидских отношений в IV—III вв. до н. э. // Древнее Причерноморье. Одесса, 1990.

¹ Слои пожара, которые сторонники тезиса о войне между херсонеситами и ольвиополитами, считают ее отражением, были обнаружены на поселении Панское 1 (см.: Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: Экономика, политика, культура. М., 1990. С. 314). К находкам комплекса в последующем неоднократно обращались как сторонники гипотезы о конфронтации двух государств, так и их оппоненты.

² Щеглов А. Н. Ольвия и Херсонес: Новые проблемы и аспекты проблемы // Проблемы исследования Ольвии: Тез. докл. Парутино, 1985. С. 84—86; Он же. Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н. э. // Античная гражданская община: Проблемы социально-экономического развития и идеологии. Л., 1986. С. 152—176; Он же. О времени и обстоятельствах возникновения Калос Лимена // Проблемы археологии Северного Причерноморья: Тез. докл. Херсон, 1990. Ч. 2. С. 59—60; также см.: Sčeglov A. N. Un établissement Rural en Crimée: Panskoje (fouilles 1969—1985) // Dacia. NS. 1987. N. 13. P. 239—273.

Северо-Западном регионе¹, не обратили внимание на факты культурных и экономических связей Ольвии и Херсонеса на протяжении всего эллинистического периода, приводимые Е. И. Леви².

Противоречия, которые возникают, если сопоставить характер существовавших между двумя центрами взаимоотношений и тезис о войне между ними, отметил М. И. Золотарев³. Продолжением поиска

---

¹ См.: Виноградов Ю. Г. Ольвиполиты в Северо-Западной Таврике // Древнее Причерноморье: Чтения памяти П. О. Карышковского. Одесса, 1989. С. 17–19 (Расширенный текст доклада: Ольвиполиты в Северо-Западной Таврике // Древнее Причерноморье // Сб. статей памяти П. О. Карышковского. Одесса, 1990. С. 51–64); Он же. Понт Эвксинский как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995. С. 5–56; Столба В. Ф. Монетная чеканка Керкинитиды... С. 154–155).

² Леви Е. И. Новая ольвийская надпись из раскопок 1951 г. // ВДИ. 1953. № 1. С. 177–183; Пальцева Л. А. Херсонес Таврический в V–I вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980. С. 8; Русаева А. С. Экономические и культурные связи Ольвии и Херсонеса // Археология. 1983. Вып. 44. С. 7–13 (на укр. яз.); Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса, VII–I вв. до н. э.: Историко-этнографическое исследование. М., 1989. С. 17, 183–186.

³ Золотарев М. И. Взаимоотношения Ольвии и Херсонеса в V–II вв. до н. э. по нумизматическим данным // Древнее Причерноморье: Тез. докл. 1989. С. 30–31; Он же. Была ли херсонесско-ольвийская война в середине IV в. до н. э.? // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища: Материалы междунар. конф. СПб., 2002. Ч. 2. С. 68–70. Межполисным взаимоотношениям в классический и эллинистический периоды посвящены статьи М. И. Золотарева: Новые материалы о взаимоотношениях Ольвии и Западного Крыма в VI–V вв. до н. э. // ВДИ. 1986. № 2. С. 88–93; Межполисные взаимоотношения в Северном Причерноморье в конце IV в. до н. э.: Херсонес, Боспор и Ольвия // Археология. 1991. № 4. С. 28–34 (на укр. яз.); Межполисные взаимоотношения в Северном Причерноморье в конце V — первой половине IV в. до н. э.: Херсонес, Боспор и Ольвия // Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху: Экономика, политика, культура. Севастополь, 1992. С. 13–19; Взаимоотношения Ольвии и Херсонеса в V–II вв. до н. э. по материалам херсонесских керамических клейм из Ольвии // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С. 123–137.

аргументов, критика гипотезы конфронтации ольвиополитов и херсонеситов стала статья Е. Я. Рогова, считавшего, что при использовании археологических материалов, положенных в основание гипотезы, была проявлена некорректность¹.

На событиях в Северо-Западной Таврике останавливает внимание В. М. Зубарь, склонный поддержать точку зрения М. И. Золотарева.

Исследователь, как и некоторые сторонники «загадочной войны», обращается к нумизматическим материалам. Еще в середине XX столетия А. Н. Зографу удалось выявить, что для эмиссии, осуществленной около середины IV в. до н. э. в Херсонесе и Керкинитиде, характерна типологическая близость². На основании этого факта были сделаны противоречивые выводы: 1. Эмиссия является свидетельством совместной победы Херсонеса и Керкинитиды над скифами (мнение А. Н. Зографа, с которым согласились некоторые исследователи³, первоначально к их числу относился А. Н. Щеглов)⁴. 2. Эмиссия знаменует победу Херсонеса и Керкинитиды над Ольвией⁵. 3. Этот выпуск Керкинитиды является свидетельством ее антихерсонесской политики и стремления к независимости⁶.

До некоторой степени позиции, близкой к первым двум выводам, придерживался Е. Я. Рогов, полагавший, что типологически близкие

---

¹ Рогов Е. Я. Некоторые особенности становления и развития Херсонесского государства // *Stratum plus*. 1999. № 3. С. 116–144.

² Зограф А. Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. С. 161.

³ Отметим только некоторые работы: Гилевич А. М. Кучук-Мойнакский клад херсонесских монет IV–III вв. до н. э. // *НЭ*. 1970. Т. 8. С. 3–16; Сапрыкин С. Ю. К типологии двух групп монет Херсонеса // *СА*. 1980. № 3. С. 43–57; Он же. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. С. 97.

⁴ Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 120.

⁵ Следует напомнить работы тех, кто придерживался гипотезы о херсонесско-ольвийской войне, например: Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н. Образование территориального Херсонесского государства. С. 322; Столба В. Ф. Монетная чеканка Керкинитиды.... С. 134.

⁶ Анохин В. А. Монеты античных государств... С. 84–85; Кутайсов В. А. Античный город Керкинитиды... С. 155; Он же. Керкинитиды. Симферополь, 1992. С. 159.

серии Керкинитиды и Херсонеса являются свидетельством заключения между ними союзных отношений¹.

Развивая данный сюжет, В. М. Зубарь, объединил в единую цепь ряд событий: письмо жителя Керкинитиды Апатурия о «дани» скифам, масштабное строительство фортификационных сооружений, осуществленное керкинитами около середины IV в. до н. э., слои разрушения на ряде поселений Северо-Западной Таврики, и пришел к выводу о помощи Херсонеса в отражении варварской опасности, завершением которой стало оформление союзных отношений. А конечным итогом явилось включение Керкинитиды в состав Херсонеса — результат активизации колонизационной политики полиса².

Сплошное межевание земель на Гераклеяском полуострове усилило экономический потенциал Херсонеса. Тавры были полностью вытеснены с включенной в состав полиса территории, для защиты которой создавались укрепленные поселения. Они возникли и в Северо-Западной Таврике. Вполне вероятно, что, пытаясь обезопасить себя от скифов, граждане Керкинитиды предпочли быть не просто союзниками более сильного государства, а войти в его состав. Археологическими раскопками следов пожаров и разрушений в Керкинитиде для периода освоения Херсонесом земель в этом регионе не выявлено. Это может служить основанием для предположения, что изменение статуса поселения произошло мирным путем. Керкинитида превратилась в опорный пункт дальнейшей колонизации степных и лесостепных районов Северо-Западной Таврики. Так развивавшийся более быстрыми темпами Херсонесский полис «поглотил» Керкинитиду, тем самым, превратившись в одно из крупнейших государств региона.

В связи с изложением истории Калос Лимена В. Б. Уженцев затронул вопрос о «неизвестной войне» между ольвиополитами и хер-

---

¹ Рогов Е. Я. Некоторые особенности... С. 138—139.

² Аргументация подробно изложена в: Зубарь В. М. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху, Киев, 2004. С. 22—35. Этот текст фактически без изменений включен в главу 2 коллективной монографии: Зубарь В. М., Буйских А. В., Кравченко Э. А., Марченко Л. В., Русяева А. С. Херсонес Таврический в третьей четверти VI — середине I в. до н. э.: Очерки истории и культуры. Киев, 2005.

сонеситами, отметив, что археологический материал свидетельствует о стабильности экономических связей между двумя центрами в течение IV в. до н. э. — это противоречит тезису о военных столкновениях¹. Исследователь отмечал также, что данный сюжет подробно рассмотрен в диссертации С. Б. Ланцова².

Процветание Северо-Западного региона оказалось недолгим. В 70-е гг. III в. до н. э., по мнению С. П. Полина, с которым солидарен В. Б. Уженцев, началось глобальное потепление³, сказавшееся на экономике поселений, на этот же период приходится возрастание военной активности скифов. В первой трети III в. до н. э. они разгромили усадьбы херсонеситов около Калос Лимена и в других районах Северо-Западного Крыма. Обострение скифо-херсонесских отношений заставило усилить защиту Керкинитиды. В конце III в. до н. э. оборонительные стены были отремонтированы и усилены возведением новых куртин. Но это не спасло город от варваров. Во второй половине II в. до н. э., в результате усилившегося давления скифов на хору Херсонеса, начинается процесс миграции из периферии государства под защиту его стен. Жители Керкинитиды вынуждены были покинуть город. Около 40-х гг. II в. до н. э. скифы захватили мыс, где она располагалась. Для упоминавшийся выше Прекрасной Гавани также начался новый период — скифский (вторая половина II в. до н. э. — начало II в. н. э.)⁴.

---

¹ Уженцев В. Б. Эллыны и варвары... С. 111.

² Ланцов С. Б. Западный Крым в составе Херсонесского государства: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1991; также см.: Ланцов С. Б. Отдельные вопросы истории Херсонесской хоры (по данным лапидарной эпиграфики) // Актуальные проблемы историко-археологических исследований: Тез. докл. 6-й респ. конф. молодых археологов. Киев, 1987. С. 93—95; Он же. О максимальных размерах Херсонесского государства, IV в. до н. э. // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова: Тез. докл. Омск, 1987. С. 149—151.

³ Уженцев В. Б. Эллыны и варвары... С. 115, 117. Концепции С. В. Полина представлена ниже.

⁴ Уженцев В. Б. Эллыны и варвары... С. 136.

Крупнейший полис западной части Северного Причерноморья — Ольвия (краткая событийная справка)

В западной части Северного Причерноморья в месте слияния двух рек Буга (Гипанис) и Днепра (Борисфен) в близкое время с появлением Керкнитиды и Херсонеса была основана Ольвия. С середины — второй половины VII в. до н. э. существовало поселение эллинов на полуострове, расположенном в лимане (в настоящее время о. Березань).

В 546 г. до н. э. персы подчинили Ионию. При их поддержке в прибрежных городах Малой Азии к власти пришли тираны, жители их должны были выплачивать дань персам и нести другие повинности. Сопротивлением новым порядкам стала миграция. В поисках свободы и лучшей доли некоторые граждане отправились на берега Борисфена. Возможно, вторая волна переселенцев из Милета в Ольвию произошла после подавления восстания против персов в 494 г. до н. э. В IV в. до н. э. Ольвия стала процветающим государством, имеющим обширные торговые связи с другими городами Эллады¹.

В 331 г. до н. э. для завоевания Скифии выступило 30 тысячное войско Александра Македонского во главе с Зопирионом. Активных действий на хоре Ольвии не было предпринято, о чем свидетельствует отсутствие разрушений на находившихся здесь поселениях, но угроза заставила их владельцев уйти под защиту городских стен. В последней четверти IV в. до н. э. в Ольвии развернулось масштабное строительство, возможно, отчасти связанное с увеличением численности ее общины. О событиях этого времени говорится в декрете в честь Каллиника, выступившего инициатором отмены долгов, отпуска рабов на свободу и предоставления гражданских прав метекам. Эти мероприятия способствовали прекращению раздоров и увеличивали число тех, кто

---

¹ Систематические раскопки Ольвии, расположенной около с. Парутино в Николаевской области в Украине, были начаты Б. В. Фармаковским (о нем см.: Фармаковская Т. И. Борис Владимирович Фармаковский. Киев, 1988). Истории Березани и Ольвии посвящены многочисленные работы, к числу наиболее поздних относятся: Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса...; Русяева А. С., Русяева М. В. Ольвия Понтийская: Город счастья и печали. Киев, 2004.

мог сам приобрести оружие и защищать интересы государства. Хора Ольвии после 330 г. до н. э. была восстановлена, возможно, с помощью новых граждан.

Экономическое процветание Ольвии продолжалось до третьей четверти III в. до н. э. Причиной стагнации стали усилившиеся набеги варваров, неурожайные годы из-за засухи и то, что город оказался втянутым в конфликт за контроль над проливами в Черное море между Каллатисом и Истрией против Византия (ок. 260 г. до н. э.). О переживаемых ольвиополитами трудностях свидетельствует почетный декрет Протогена, сына Геросонта, считающегося уникальным памятником для ольвийской эпиграфики. Декрет, который исследователи называют иногда протогеновской хроникой, свидетельствует, что «в стране случилось много других печальных событий». Далее говорится о голоде среди ольвиополитов, который заставил отдать под залог священные сосуды ростовщикам с тем, чтобы приобрести хлеб. Надпись свидетельствует о возросшей угрозе со стороны варваров и панике, охватившей горожан перед лицом нависшей опасности; о срочном ремонте оборонительных сооружений. С помощью состоятельных граждан кризис был временно преодолен. На помощь пришли и херсонеситы. Один из них Аполлоний предоставил Ольвии кредит в 3 тыс. золотых статера. Неоднократно избираемая в эти годы коллегия ситонов вынуждена была использовать для закупки продовольствия казну храма Аполлона.

В 70-х гг. II в. до н. э. на политической арене появляются новые силы. В 179 г. до н. э. Фарнак II Понтийский, Эвмен II Пергамский, Прусий I Вифинский, Ариарат IV Каппадокийский заключили договор, гарантировавший сохранение границ их государств. К договору присоединились Гераклея и Херсонес, сарматский царь Гатал. Тесные взаимоотношения существовали в это время и между ольвиополитами и херсонеситами.

Во второй половине II в. до н. э. Ольвия стала объектом интересов скифского царя Скилура, получавшего дань с города. Местный монетный двор между 140 и 120 г. до н. э. выпускал монеты с его изображением. Но скифский правитель, одной из жен которого была ольвиополитка, не разорял сельской округи. В конце II в. до н. э., после походов Диофанта против скифов, Ольвия, как и Херсонес, до года гибели понтийского царя Митридата VI Евпатора находилась в

составе его державы. В 55 г. до н. э. город был разгромлен гетским войском Бурбисты. В первой половине I в. н. э. соседняя с Ольвией Тира включена в состав римской провинции Нижняя Мезия, а в 198 г. н. э. ольвиополиты, регулярно переживавшие варварскую угрозу, после обращения за помощью к Риму, признали власть империи.

Боспорское царство (краткая хроника для справки)¹

Одним из центров, игравший значительную роль в Северо-Причерноморском регионе, являлся Пантикапей. Согласно преданию, землю для его основания уступил эллинам скифский царь. В последующем около будущей столицы выросли такие города как Тиритака, Мирмекий, неподалеку находились Киммерик, Нимфей и другие. Крупным портом, вмещавшим подчас до сотни судов, стала Феодосия. На азиатской стороне пролива переселенцы из Теоса основали Фанагорию. Согласно легендам ее ойкистом был Фанагор.

В 480 г. до н. э. в Восточном Крыму возник своеобразный союз, возглавляемый жрецами храма Аполлона из Пантикапея. Возможно, объединение было вызвано близким и опасным соседством варваров. Происходили жрецы из рода Археанактидов и находились у власти до 438/37 г. до н. э., их имена ни в письменных источниках, ни на монетах, выпускаемых от имени храма, не приведены².

В 438/37 г. до н. э. во главе объединения встал Спарток, основатель династии Спартокидов, правившей более 300 лет. Политика централизации, последовательно проводимая его сыном Сатиром

---

¹ Раздел носит компилятивный характер. Предлагается вниманию читателей лишь для ориентации в событийной истории Северо-Причерноморского региона. Он основан на работах исследователей Боспорского царства, среди которых наиболее значительной и впервые систематизирующей свидетельства источников являлась монография: Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. (Работа переведена на немецкий язык: Gajdukevic V. F. Das Bosporanische Reich. В.; Amsterdam, 1971).

² Анализу монетного дела Боспорского царства посвящена монография: Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. Параллельно автор касается и некоторых вопросов истории.

(433/32—389/88 гг. до н. э.), вызывала сопротивление наиболее крупных полисов — Феодосии и Нимфея. Для того чтобы выстоять в неравном противоборстве, граждане Нимфея заключили союз с Афинами. Однако некий Гилон, представлявший интересы афинян, был подкуплен Сатиром I и передал ему город (ок. 405 г. до н. э.). После сдачи Нимфея Гилон бежал ко двору правителя и получил в управление Кепы. (Один из его потомков, Демосфен, внук от дочери Клеобулы, известен как крупнейший афинский оратор, неоднократно произносивший речи в защиту интересов боспорских торговцев, поставлявших в Афины зерно).

Следующими мероприятиями Сатира I стала война с синдами, обитавшими на азиатской стороне Боспора Киммерийского, и поход против Феодосии. Но не только торговое соперничество и стратегические интересы послужили причиной военной экспедиции. В Феодосии находили убежище все недовольные политикой боспорского двора. Борьба на два фронта не принесла успеха. Упорно сопротивлявшиеся синды обратились за помощью к Гераклее, которая оказала помощь и Феодосии, снабжая ее продовольствием во время затянувшейся осады. При преемнике Сатира I — Левконе I (389/88—349/48 гг. до н. э.) Феодосия была захвачена, присоединена и Синдика. С этого времени Спартокиды начали именовать себя архонтами Феодосии и Боспора и царями варваров. При сыновьях Левкона I — Спартоке II (353—348 гг. до н. э.) и Перисаде (348—311/310 гг. до н. э.) — восточной границей Боспорского царства стала река Гипанис (совр. Кубань).

Одним из крупнейших торговых партнеров государства являлся Афинский полис, граждане которого в благодарность за торговые льготы, введенные еще Левконом I, наградили братьев золотым венком и установили бронзовую статую Перисада. Политическая стабильность и экономическое процветание Боспорского царства оказалось нарушенным при сыновьях Перисада I (Сатире, Евмеле и Притане).

В 310 г. до н. э. правителем стал старший из них — Сатир II (310—304 гг. до н. э.). Не признавший власти брата Евмел заключил союз с племенем сираков, обитавших на азиатской стороне. В свою очередь Сатир II призвал на помощь скифов, и его войско разгромило армию брата. Против Евмела выступил и Притан. Во время осады крепости, где укрылся Евмел, Сатир II был смертельно ранен. Сражение между армиями двух оставшихся братьев закончилось поражением Притана.

Жизнь его завершала рука наемного убийцы. Но и Евмел, мечтавший объединить все земли вокруг Черного моря, в скором времени погиб.

При сыне Евмела Спартоке III (304/3—284/83 гг. до н. э.), именовавшем себя царем и городов, и варваров, экономическое положение Боспора ухудшается. Длительные войны не могли не сказаться на экономике государства. Кроме того, крупнейшим поставщиком хлеба в Средиземноморье стал эллинистический Египет. Возможно, торговые интересы стали причиной колонизации устьев Дона, где был основан Танаис. Через этот центр боспорские купцы вели торговлю варварами, получая от них скот и рабов. Монетный двор Спартакидов не мог соперничать с эмиссиями Александра III и диадохов, использовавших золото Персии. В III в. до н. э. разразился денежный кризис, выражением которого стало прекращение чеканки монет из драгоценных металлов и интенсивный выпуск медных.

О начале стабилизации экономики Боспора, как считают его исследователи, свидетельствует возобновление чеканки золотых монет при архонте Гигиэнонте (220—200 г. до н. э.), который, вероятно, был вторым мужем одной из представительниц дома Спартакидов Алкатее, вдове Левкона II (240—220 гг. до н. э.), одного из сыновей Перисада II (284/283—ок. 245 г. до н. э.). Приход к власти Гигиэнонта не являлся легитимным, поэтому он, в отличие от Спартакидов, не имел права именовать себя царем.

В архонтство Гигиэнонта к финансированию деятельности монетного двора, кроме храмов, стали привлекаться частные лица, что позволило временно выйти из кризиса. Вероятнее всего, с этого времени начинается и политический статус Боспора: на монетах при одном из преемников Гигиэнонта — Перисаде III (180—150 гг. до н. э.) — появляется монограмма Митридата VI Понтийского, субсидировавшего работу монетного двора Пантикапея. Новый этап истории Боспора начинается в 109 г. до н. э. С этого года на протяжении почти ста лет правителями Боспора являлись потомки Митридата Евпатора.

Тезис о Херсонесе как «территориальном полисе»

Однако вернемся к истории Херсонеса. Согласно концепции некоторых историков, события конца IV в. до н. э., привели к кардинальному

изменению его статуса: он превратился, как принято характеризовать его после работ Ю. Г. Виноградова и А. Н. Щеглова, в «территориальный полис», владеющий обширными землями¹, в состав его вошла прежде независимая Керкинитиды². В Присяге херсонеситов, кроме нее упомянута Калос Лимена, названия других поселений не приведены.

Понятие территориальный полис применительно к Херсонесу закрепилось в научной литературе. Но, вероятно, использование термина не совсем корректно³. В этой связи следует привести определение такого вида государства как полис, предложенное рядом отечественных историков. В одной из коллективных работ, авторами которой являются ведущие антиковеды нашей страны, отмечено, что полис (как и город античности) — это один из типов общин — городская община. Для классического периода характерен полис небольшого размера, считается, что все граждане знали друг друга, имели земельные участки на

---

¹ Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н. Образование территориального Херсонесского государства. С. 310—371; Щеглов А. Н. Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н. э. // Античная гражданская община: Проблемы социально-экономического развития и идеологии. Л., 1986. С. 152—176. Отмечая особенности развития Херсонеса определение «территориальный полис» использует и М. И. Золотарев (см.: Золотарев М. И. О государственных границах Херсонеса Таврического в IV в. до н. э. // ХСб. 2001. Вып. 11. С. 100—103).

² М. И. Золотарев поддерживает мнение С. Ю. Сапрыкина о том, что город возник как торговая фактория Гераклеи (об этом см.: Saprykin S. Heraklea Pontica and Tauric Chersonesus... Р. 122—123).

³ В академическом издании «Античная Греция», в создании которого принимали участие ведущие отечественные антиковеды, обращено внимание на то, что в научной литературе обсуждался вопрос о существовании полиса без собственной территории. Рассматривая подобные мнения, основанные на теоретических построениях античных авторов, Г. А. Кошеленко показывает их ошибочность, подчеркивая, что «в античной общественно-политической мысли была иная точка зрения: полис — коллектив граждан вместе со всеми материальными условиями его существования» (см.: Кошеленко Г. А. Ведение: Древнегреческий полис // Античная Греция: Становление и развитие полиса. М., 1983. Т. 1. С. 13).

хоре¹. Любое государство, вне зависимости от его размеров, обладало определенной территорией. В сравнении с Херсонесом, Афинский полис имел в классический период не меньшую территорию, но его не принято характеризовать как «территориальный полис». Однако, для того, чтобы подчеркнуть существенные изменения, которые происходили в Северо-Западном Крыму, начиная с рубежа IV—III вв. до н. э., когда граждане Херсонесской республики «перестали знать друг друга в лицо», термин имеет право на существование. С этого времени, с возникновения в Таврике территориально значительного государственного образования, полагает В. М. Зубарь, основной задачей гражданской общины стал контроль над обширными земельными владениями и населением, которое обитало на них². (В скобках отметим, что эта задача в целом присуща полисному коллективу, наиболее ярким примером является Спарта.)

Мирное соседство, оформляемое договорами, борьба за экономическое преобладание и земли, как с сородичами—элинами, так и с варварами, характерная черта развития Северо-Причерноморских центров. Особенно напряженная ситуация сложилась во II в. до н. э., приведшая для Херсонеса в конце концов к утрате территориальных приобретений в Северо-Западном Крыму и введению в город римских легионеров.

---

¹ Об этом см.: Golubtsova E. S., Kusishin V. I., Shtaerman E. M. Types of Community in the Ancient World // XIV International Congress of Historical Science. San-Francisco (separate). Мнение В. И. Кузищина вычленено на основании слов Е. С. Голубцовой (1921—1998) в одной из ее работ (см.: Голубцова Е. С. Община, племя, народность в античную эпоху. М., 1998. С. 57).

² Вполне справедливое замечание, поскольку для гражданского коллектива являлось свойственной охрана своих привилегий. Придавая большое значение освоению земель в Северо-Западном Крыму В. М. Зубарь отмечает, что «с середины — третьей четверти IV в. Херсонес вступает в новый этап исторического развития». Характеризуя его как время образования «территориального государства» (см.: Зубарь В. М. Формирование территориального государства... // Зубарь В. М., Буйских А. В., Кравченко Э. А., Марченко Л. В., Русяева А. С. Херсонес Таврический в третьей четверти VI — середине I в. до н. э. С. 121, 153).

Но о взглядах историков относительно событий, предшествующих появлению в регионе римских гарнизонов, как и характере земледелия и земельной собственности херсонеситов, несколько позднее.

Представления историков об экономическом статусе Херсонеса

Первые наблюдения о торговых связях Херсонеса были сделаны в связи с находками клейм на амфорах¹, принадлежавших астиномам различных античных центров. Исследование мастерской по производству терракотовых фигур и печей для обжига амфор позволило К. К. Косцюшке-Валюжиничу сделать вывод о наличии в городе в III в. до н. э. собственного ремесленного производства. Он подчеркивал, что эти находки опровергают мнение, согласно которому ранний Херсонес не имел даже собственной керамики. Насколько большое значение придавал заведующий городищем изучению клейм на амфорах свидетельствует его намерение опубликовать специальную работу о них после выхода на пенсию².

Разрозненные замечания об экономическом развитии города встречаются в отчетах о раскопках. О торговле и ремесле, со ссылками на слова К. К. Косцюшки-Валюжинича, сообщалось в газетных статьях, написанных для широкого круга читателей³. Но в отличие от вопроса

---

¹ Юргевич В. Амфорные ручки, собранные в окрестностях Херсонеса по побережью бухт Песочной, Круглой, Камышовой и Стрелецкой в 1886—1887 гг. // ЗООИД. 1889. Т. 15. С. 47—60. В последующем находкам посвящены отдельные статьи и каталоги, см.: Придик Е. М. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепице // Известия РАН (Пг.). 1917; Махов И. И. Амфорные ручки Херсонеса Таврического // ИТУАК. 1912. № 48. С. 150—183; Он же. Амфорные ручки о Фасоса с оттиснутыми на них именами астиномов и эмблемами, найденные в Херсонесе // ИТУАК. 1913. № 49. С. 150—163).

² Об этом сказано в рапорте делопроизводителя ИАК (см.: Раевский А. С. Рапорт в ИАК // Арх. ИИМК, ф. 1/1908, д. 5, л. 70).

³ Начиная с 90-х гг. XIX в. в «Крымском вестнике» публикуется серия статей М. Я. Энгеля, в которых освещались результаты раскопок в Херсонесе. К. К. Косцюшко-Валюжинич хранил вырезки заметок о разведках в Херсонесе, как называл их автор, со своими пометками в личном архиве (см.: Арх. НЗХТ, д. 452).

о «двух Херсонесах», вызвавшего длительную дискуссию, должного внимания экономическим сюжетам историография конца XIX — начала XX в., не уделяла. Кардинальных изменений не произошло и в первой половине XX в.: обобщение многочисленных находок эллинистического периода, за исключением отдельных статей и публикаций памятников не было сделано¹.

Безусловно, Херсонес в силу своего географического положения имел торговые связи, как с городами своего региона, так и другими государствами Средиземноморского бассейна. Интенсивность и масштабы ее, а также направления не были неизменными. В работах, посвященных в целом историческому развитию Северного Причерноморья или отдельным городам регионе, исследователи XX в. в той или иной степени останавливали внимание на особенностях их взаимоотношений с Херсонесом. Можно привести внушительный список работ, в которых упоминается данный центр². Но впервые вопросы об экономическом развитии Херсонеса в эллинистический период были затронуты в до-

---

¹ Вместе с тем, если сравнивать список работ, в которых присутствует обращение к находкам эллинистического времени (амфоры, терракотовые изделия, архитектурные детали и т. д.) с публикациями, посвященными другим хронологическим периодам, то окажется, что количество их не меньше.

² В качестве примера две монографии, опубликованные в первые десятилетия второй половине XX в. В исследовании, которое посвящено значительному хронологическому периоду взаимоотношений одного из крупнейших полисов Эллады Афин, И. Б. Брашинский отмечал, что с конца V в. до н. э. афиняне имели торговые связи с Боспором, Херсонесом, развивали торговлю с Ольвией. Наибольший подъем торговли приходится на конец V — первую половину IV в., затем следует спад и прекращение торговли к концу II в. до н. э. В целом, Северное Причерноморье не являлось объектом афинской торговой экспансии (см.: Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М., 1963. С. 166). Ф. В. Шелов-Коведяев в монографии по истории Боспора VI—IV вв. до н. э. посвящает отдельный параграф анализу особенностей исторического развития Херсонеса с точки зрения полисной теории. Анализ экономических связей целью его монографии не являлся, но он не оставил без внимания торговые отношения: на начальном этапе Херсонес завязал тесные связи с Кекинитидой, которая снабжала херсонеситов хлебом (Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора... С. 173).

кладах на конференции, посвященной проблемам истории Северного Причерноморья в античную эпоху¹.

Кроме уже упоминавшегося выше доклада С. Ф. Стржелецкого, посвященного периодизации истории Херсонеса, некоторых сюжетов экономического развития Херсонеса коснулся В. Д. Блаватский. Отметив, что целостное представление о социально-экономическом развитии региона — основная задача историков — еще не создано, он привел данные, которые свидетельствуют, что Херсонес в начальный период являлся небольшим городом, имевшим незначительные связи с местным населением в силу неразвитости экономики тавров. На вторую четверть IV в. — 309 г. до н. э. приходится экономический подъем таких полисов как Ольвия и Херсонес, что отразилось на увеличении их территории, обусловленном притоком нового населения, и последовавшем вслед за этим освоением земель в Северо-Западном Крыму².

Правда, ранее некоторые замечания относительно экономического развития Херсонеса были изложены Г. Д. Беловым в монографии, опубликованной в 1948 г.³, повторенные в публикации доклада в 1959 г., где приведена информация о размерах кварталов и жилых домах, планировке города⁴. Исследователь подчеркнул сходство

---

¹ Сборник, в котором были опубликованы доклады, носит это же название (М., 1959). Один из них — доклад П. Н. Шульца — уже упоминался выше. Основные задачи и достижения советской историографии Северного Причерноморья в целом освещены В. Д. Блаватским (см.: Блаватский В. Д. Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 7—39).

² Блаватский В. Д. Процесс исторического развития... С. 20—21. При обращении к истории Херсонеса приведены выводы из работы Г. Д. Белова 1948 г. и исследования С. А. Жебелева.

³ С. Ф. Стржелецкий отнес ее к числу популярных работ общего характера, наряду с сочинением А. А. Бобринского и Е. Э. Иванова (см.: Стржелецкий С. Ф. Основные этапы ... С. 63).

⁴ Представление о жилом доме позволяет получить статья: Белов Г. Д. Античный дом в Херсонесе // ВДИ. 1950. № 2. С. 108—121. Материалы раскопок античных памятников использованы: Крыжицкий С. Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья, VI в. до н. э. — IV в. н. э. Киев, 1982; Он же. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993.

жилищ херсонеситов с домами Приены (Малая Азия) и Делоса, упомянул здание с напольной мозаикой, существование которого в те годы было отнесено ко II в. до н. э. Обратил внимание Г. Д. Белов и на такой уникальный памятник как монетный двор (отметив при этом, что название носит условный характер) и на раскопанную К. К. Косцюшкой-Валюжиничем мастерскую по изготовлению терракот (раскопки 1888 г. и 1900 гг.). Керамические находки и эпиграфические памятники позволили сделать вывод об участии херсонеситов в Черноморско-Средиземноморской торговле в IV—III вв. до н. э., что, по мнению Г. Д. Белова, подтверждается выпуском собственной монеты с середины IV в. до н. э.¹

И все же первые исследования, в которых более последовательно представлены свидетельства относительно экономического развития Херсонеса в эллинистический период были созданы только в последней четверти XX в. Этому предшествовал детальный анализ керамической тары — клейм астиномов и создание их классификации².

Большое значение для выявления интенсивности и ареала торговли античного Херсонеса имел ввод в научный оборот нумизматических материалов, предпринятый А. М. Гилевич. Вместе с тем, публикуя хранящиеся в фондах заповедника монеты, она подчеркнула: «Определить экономические связи только на основании монет нельзя», следует

---

¹ Белов Г. Д. К вопросу об изучении экономики Херсонеса эллинистического периода // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 169—182. Согласно мнению В. А. Анохина, начало работы монетного двора относится к 390—380 гг. до н. э. В начале нашего столетия предпринята попытка показать, что первый выпуск монет следует датировать более ранним временем (см.: Коваленко С. А. Об организации работы монетного двора Херсонеса Таврического в первой половине IV в. до н. э. // ХСб. 2003. Вып. 12. С. 355—375).

² Кац В. И. Керамические клейма Херсонеса Таврического: Каталог-определитель. Саратов. 1994; Он же. Массовый материал конца V—IV вв. как источник по истории торговли Херсонеса в позднеклассическую эпоху // Тез. докл. Борисоглебск, 1966.

учитывать весь комплекс археологических материалов, прежде всего керамическую тару¹.

Если бы в данном разделе стояла задача реконструкции экономической истории Херсонеса, то следовало привести статистику находок амфорных клейм и сравнить ее с известной к настоящему времени умизматической коллекцией. Но речь идет о постановке вопросов экономической истории данного центра в исследованиях историков, поэтому не будем останавливаться на сравнительном анализе двух групп источников, осветив только основные выводы А. М. Гилевич.

1. Разнообразие и значительное количество монет из различных центров (приведены монеты 63 городов), в сравнении с Боспором и Ольвией, свидетельствуют о роли Херсонеса как транзитного торгового центра, что подкрепляется данными письменных источников IV в. до н. э.

2. Для времени от основания города до начала войн со скифами, судя по монетам, Херсонес имел связи с 24 городами, в основном расположенными в Северном Причерноморье, при этом монеты Гераклеи, Синопы, Фасоса отсутствуют, но находки астиномных клейм позволяют судить о наличии торговых связей с этими центрами².

3. В Херсонесе в IV—II вв. до н. э. существовали две монетные системы (хиосско-родосская и персидская, распространенная также в Гераклее)³, что создавало благоприятные условия для «безналичного расчета в кредитных операциях». Для конца II — середины I в. до н. э. характерны находки монет городов, входивших в состав Понтийской державы. Внешнеполитическая ситуация существенно отразилась на денежном рынке Херсонеса: произошло сокращение выпуска соб-

---

¹ Гилевич А. М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // НиС. 1968. Вып 3. С. 36.

² Малочисленны и находки монет Родоса, откуда импортировалось в Херсонес вино (см.: Гилевич А. М. Античные иногородние монеты... С. 36).

³ О взаимоотношениях с Гераклеей имеются фундаментальные исследования С. Ю. Сапрыкин (см.: Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический....; Он же. Понтийское царство. М., 1996).

ственной серебряной монеты¹: до конца I в. до н. э. она значительно уступала привозной².

Представляет интерес и заключительный вывод А. М. Гилевич: прекращение собственной чеканки в III в. н. э. «не означает экономического упадка Херсонеса и натурализации его хозяйства», т. к. усиливается поступление боспорской и затем римской монеты³.

В конце XX в. опубликовано исследование В. М. Зубаря, в котором, если иметь в виду экономическое развитие города, наибольшее внимание уделено хоре Херсонеса⁴.

Итак, современные представления о производственной деятельности, торговых связях изложены в единственной обобщающей работе В. М. Зубаря, посвященной Херсонесу Таврическому всего античного времени. Относительно эллинистического периода он отмечает малочисленность источников, которые, однако, позволяют выдвинуть ряд

---

¹ Вслед за А. Л. Бертье-Делагардом (см.: Бертье-Делагард А. Л. Несколько новых и малоизвестных монет Херсонеса. С. 253), А. М. Гилевич полагала, что часть серебра «ушла» в клады (Гилевич А. М. Античные иногородние монеты... С. 38). О денежном обращении в Херсонесе также см.: Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса I—III вв. н. э. // НЭ. 1963. Т. 4. С. 3—88; Карышковский П. О. Ольвия и Херсонес по нумизматическим данным // Краткие сообщения о полевых исследованиях Одесского государственного археологического музея за 1968 г. Одесса, 1965. С. 159—167; Голенко К. В. Состав денежного обращения Херсонеса в I в. до н. э. // ВДИ. 1964. № 4. С. 3—88; Он же. К датировке некоторых монет Херсонеса // НЭ. 1962. Т. 3. С. 49—55; Он же. Херсонесские драхмы с именем магистрата Деметрия // Сообщения ГМИИ. 1964. Т. 2). Большое значение для изучения денежного рынка имеют, списки, прилагаемые к опубликованным и рукописным отчетам. А. М. Гилевич в статье, о которой идет речь, «выбрала» все монеты, известные к 1963 г. Безусловно, количественные показатели к настоящему времени существенно изменились. Сказать что-либо в отношении уточнения выводов на основании новых находок не представляется возможным: подобный анализ нумизматического материала для конца XX в. отсутствует.

² Гилевич А. М. Античные иногородние монеты... С. 37. Приведенная таблица (с. 57—61) подтверждает вывод.

³ Там же. С. 40.

⁴ Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху. Киев, 1993.

предположений. Одно из них касается особенностей местного ремесла: деятельность ремесленников была нацелена на удовлетворение внутригосударственных нужд; развитие его «относится к десятилетиям, близким основанию полиса; ...среди занятий жителей следует полагать наличие домашних промыслов, в рамках которых осуществлялась переработка сельскохозяйственного сырья»¹. Исходя из общеполисного мировоззрения, В. М. Зубарь отмечает, что «в ремесленной производстве были заняты лица, не принадлежавшие к социальной верхушке»; оно «в отличие от сельского хозяйства и торговли было более подвержено колебаниям рынка. ...В целом предпринимательская деятельность не могла получить широкого распространения»².

В последующем, исследователь не раз писал, что «прямых источников» для выявления количественного состава и соотношения труда свободных и рабов, занятых в ремесленной деятельности, нет. Можно только предполагать, что открытые В. В. Борисовой керамические мастерские около башни Зенона принадлежали гражданской общине (напомню, что датируется комплекс второй половиной IV — первой третью III в. до н. э.). Расширение сельскохозяйственных территорий стало толчком для развития товарно-денежных отношений, появления ростовщичества, состоятельных граждан, занимающихся торговлей. Отчасти судить об этом можно на основании материалов некрополя (приведены подсчеты возможных трудовых затрат на изготовление погребальных сооружений)³.

---

¹ Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху. Киев, 1993. С. 37.

² Там же. С. 87.

³ Приоритет в обращении к «архитектуре погребальных сооружений» для выявления степени дифференциации общества принадлежит В. М. Зубарю. В коллективной монографии 2005 г. он подробно останавливается на типах памятников и возможных трудовых затратах на их изготовление, привлекая некоторые наблюдения В. Н. Даниленко (см.: Даниленко В. Н. Просопография Херсонеса IV—II вв. до н. э.: По эпиграфическим и нумизматическим данным Северного Причерноморья // АДСВ. 1966. Вып. 4. С. 169—170). В основу анализа положены материалы из раскопок башни Зенона (Зубарь В. М. Формирование территориального государства... С. 202—206). В. М. Зубарь в датировке строительного периода, во время которого использованы над-

На уровень развития ремесла (невысокий в технологическом плане) оказала влияние, по мнению В. М. Зубаря, аграрная направленность экономики Херсонеса. Это, привело к стандартности продукции, следовательно, товарной направленности керамического производства. Подъем его в третьей четверти IV в. до н. э. вызван потребностями в таре для вывоза вина. Именно в это время, согласно мнению В. М. Зубаря¹ (оно не противоречит и мнениям других исследователей), возрастает значение товарно-денежных операций. В числе торговых партнеров он называет упоминавшиеся и в работах других историков такие центры: Ольвию², Боспор, Неаполь Скифский, Истрию, Тиру; херсонесское вино поступало также в Нижнее Подонье³. Подтверждают устойчивые

гробные памятники, следует мнениям И. А. Антоновой, А. Н. Щеглова, М. И. Золотарева и Е. Я. Туровского, которые имеют отличия от хронологии строительства, представленной С. Ф. Стржелецким; см.: Антонова И. А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса: Проблема датировки // ХСб. 1996. Вып. 7. С. 101–132; Зубарь В. М., Антонова И. А. О времени и обстоятельствах возникновения так называемой цитадели Херсонеса // БИАС. 2001. Вып. 2. С. 45–53; Щеглов А. Н. [Рецензия] // Сообщения Херсонесского музея. Вып. 4: Башня Зенона. Исследования 1960–1961 г. Симферополь, 1969 // ВДИ. 1970. № 3. С. 172–178; Он же. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 131; Золотарев М. И., Туровский Е. Я. К истории античных сельских усадеб Херсонеса на Гераклейском полуострове // Древнее Причерноморье: Тез. докл. Одесса, 1990. С. 839. Они полагают, что ядро башни было возведено не позднее второй четверти — середины III в. до н. э. (По С. Ф. Стржелецкому — это конец III — начало II в. до н. э.; см.: Стржелецкий С. Ф. XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона) // СХМ. 1969. Вып. 4. С. 17.

¹ Для более раннего времени (V — первой половины IV в.) констатирует В. М. Зубарь, надежные свидетельства о херсонесском ремесле отсутствуют (см.: Зубарь В. М. Формирование территориального государства... С. 174).

² В. М. Зубарь обращает внимание на то, что согласно подсчетам В. И. Каца (см.: Кац В. И. Внешняя торговля в экономике античного Херсонеса, V–III вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1967. С. 23) в Ольвию вывозилось около 20% производимого херсонеситами вина.

³ Отчасти судить о масштабах импорта позволяют подсчеты С. Ю. Монова: керамические мастерские Херсонеса могли производить в год до 50—

торговые связи между Ольвией и Херсонесом находки керамических клейма¹.

Безусловно, поступление нового археологического материала расширит представление о торговых партнерах Херсонеса. Возможно, появятся источники, которые позволят выявить масштабы внутригосударственной торговли. Они уточнят воссоздаваемое В. М. Зубарем и другими исследователями значение ремесла и роль Херсонесского государства в Средиземноморско-Черноморской торговле. Вполне вероятно, будет скорректирован тезис о территориально-отраслевой специализации сельскохозяйственной деятельности (вино — на рынок поставляли хозяйства ближайшей хоры², зерно — поступало из Северо-Западного Крыма), что в свою очередь «неизбежно вело к постепенному формированию в пределах Херсонесского государства единого внутреннего рынка»³. Между строк заметим, что на региональный рынок поступала и другая продукция херсонесских ремесленников, но, как полагает В. М. Зубарь, в виду слабой изученности археологического

---

60 тыс. амфор (см.: Монахов С. Ю. Производство амфор в эллинистическом Херсонесе // ВДИ. 1984. № 1. С. 109—130). Другие мнения о производительности труда гончаров города в литературе не приводятся (также см.: Зубарь В. М. Формирование территориального государства... С. 176).

¹ Борисова В. В. Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор // НЭ. 1974. Т. 11. С. 99—124.

² Экспорт вина из других центров не означает, что виноградники Херсонеса не имели товарной направленности. Подсчеты продукции из хозяйств Гераклеяского полуострова приводил С. Ф. Стржелецкий. Участки, отводимые под виноград, имелись и на наделах в Северо-Западном Крыму. Однако данная сельскохозяйственная отрасль, по мнению исследователей региона, в отличие от зернового хозяйства «не имела товарной направленности и была ориентирована на собственное потребление». Вывод, вслед за А. Н. Щегловым, В. А. Кутайсовым и другими исследователями, повторяет В. М. Зубарь в коллективной монографии (см.: Зубарь В. М. Формирование территориального государства... С. 165). Ссылается он на следующие работы: Кутайсов В. А. Аграрная история Керкинитиды. С. 83, 88; Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н. Образование территориального Херсонесского государства. С. 340; Рогов Е. Я. Экология Западного Крыма... С. 76).

³ Зубарь В. М. Формирование территориального государства... С. 179.

материала судить об этом с уверенностью можно только в отношении поселений Северо-Западного Крыма¹.

Итак, свидетельством развития торговли является начало чеканки собственной монеты около 390—380 гг. до н. э., как полагает В. А. Анохин, со ссылкой на которого В. М. Зубарь привел эти годы². Но, несмотря на выпуск собственной денежной единицы, полного перехода от натурального хозяйства к товарному в эллинистическое время не произошло³.

Замечание о взаимосвязи монетной чеканки и уровня развития торговли прозвучало в одной из статей С. А. Коваленко⁴, в которой сделан вывод о том, что эпизодическая деятельность монетного двора с привлечением специалистов из других полисов обслуживала в основном внутренние потребности Херсонеса. В качестве доказательства привлекается топографии находок монет первой половины IV в. до н. э.

В связи с упоминанием точки зрения В. А. Анохина о начале монетной чеканки в Херсонесе, следует обратить внимание на имеющиеся

---

¹ Зубарь В. М. Формирование территориального государства... С. 178. Сведения о находках см. в публикациях: Латышева В. А. Раскопки античного поселения Маслины в Северо-Западном Крыму // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 53—61; Щеглов А. Н. Северо-Западный в античную эпоху. Л., 1978). Авторы раскопок отмечают, что херсонесские керамические изделия составляют среди находок на различных памятниках от 75 до 90%.

² Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху С. 37. В коллективной монографии в главе, посвященной истории Херсонеса до середины IV в. до н. э., он подчеркнул, что «реконструкция» ремесленной деятельности херсонеситов носит гипотетический характер, так как археологические материалы для первого периода истории Херсонеса ограничены. Он считает, что его предшественники преувеличивали значение торговли.

³ Кроме соответствующей главы в коллективной монографии (Глава 3 // Зубарь В. М., Буйских А. В., Кравченко Э. А., Марченко Л. В., Русяева А. С. Херсонес Таврический в третьей четверти VI — середине I в. до н. э.: Очерки истории и культуры. Киев, 2005) этот тезис присутствует и в других работах исследователя (например, см.: Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху. С. 105—106).

⁴ Коваленко С. А. Об организации работы монетного двора Херсонеса Таврического в первой половине IV в. до н. э. // ХСб. 2003. Вып. 12. С. 355—375. Некоторые вопросы деятельности монетного двора Херсонеса изложены в более ранней статье: Коваленко С. А. О монетном деле Херсонеса Таврического в позднеклассическую эпоху // НЭ. 1999. Т. 16. С. 108—131.

в начале статьи С. А. Коваленко слова о том, что накопление нумизматических источников вносит коррективы в ставший классическим труд киевского исследователя. Он отмечает, что «заметное увеличение нумизматического материала, анализ штемпелей позволяет говорить о том, что начало выпуска собственной монеты в Херсонесе произошло несколько ранее — в конце V в. до н. э. или на рубеже V—IV вв.» Это, по его мнению, не противоречит, а скорее согласуется с тезисом М. И. Золотарева о более раннем возникновении полиса. «В некоторых центрах Эллады, в том числе и метрополии Херсонеса Гераклея собственнй монетный двор, — напоминает исследователь, — начал работу спустя почти 150 лет после основания полиса»¹.

Поскольку в связи с изложением взглядов В. М. Зубаря и С. А. Коваленко пришлось упомянуть мнение о начальном этапе деятельности монетного двора Херсонеса, то следует заметить, что точка зрения В. А. Анохина была подвергнута критике, исходящей от сотрудника Херсонесского заповедника Е. Я. Туровского².

---

¹ Коваленко С. А. Об организации работы... С. 355—356. Аналогичная ситуация характера и для такой колонии Гераклеи, как Калатис.

² Туровский Е. Я. Монеты независимого Херсонеса IV—II вв. до н. э. Симферополь, 1997. Некоторые положения работы, в которой автор по собственному признанию «предложил оригинальную относительную и абсолютную хронологию» (см.: Туровский Е. Я. Еще раз о хронологии монет Херсонеса периода его независимого существования // ХСб. 2003. Вып. 12. С. 376), вызвали критические замечания других специалистов в области нумизматики: Коваленко С. А. Рец. на кн.: Туровский Е. Я. Монеты независимого Херсонеса IV—II вв. до н. э. Симферополь, 1997 // РА. 1999. № 3. С. 202—210. Отдельные положения исследования Е. Я. Туровского были признаны рецензентами и коллегами «умозрительными», с некоторыми положениями критических замечаний автор согласился. Его ответом оппонентам стала статья «Еще раз о хронологии монет... С. 376—284), в которой он тезисно останавливается на истории монетной чеканки Херсонеса, начиная с последней четверти V в. — начала I в. до н. э. О нумизматических источниках также см.: Золотарев М. И., Кочеткова Е. А. Монеты Херсонеса Таврического IV в. до н. э. — XIII в. н. э. Севастополь, 1999. С. 7—8; Столба В. Ф., Голенцов А. С. Монеты из раскопок и случайных находок на Южно-Донузлавском городище: Северо-Западный Крым // ΣΥΣΣΙΓΙΑ. Памяти Ю. В. Андреева. СПб., 2000. С. 276.

Несколько ранее публикации В. М. Зубаря характер торговых контактов Херсонеса был обрисован Л. А. Пальцевой. Она солидаризируется со своими предшественниками в том, что уже в первой половине IV в. до н. э. Херсонес имел тесные связи с Ольвией, о чем свидетельствуют проксения херсонесита Пиралия и две декрета III в. до н. э. При этом автор полагает, что дарование привилегий вызвано не только экономическими связями¹, одновременно это и политический акт².

С другим соседом — Боспорским царством — взаимоотношения носили иной характер. В IV в. до н. э., особенно в период правления первых Спартокидов, происходило расширение территории Боспора, что вызвало даже вмешательство метрополии Херсонеса Гераклеи Понтийской (из-за Феодосии). Как полагает Л. А. Пальцева, до второй половины III в. до н. э. «межгосударственных контактов» между Херсонесом и Боспором не существовало, правда, торговля, но не столь интенсивная, как с Ольвией, имела место³. В данном случае она следует мнению Г. Д. Белова, считая, что причинами такого положения являлись различие торговых интересов и политического строя двух государств⁴. Перелом наступил только с активизацией скифов, представлявших в равной степени опасность и для Херсонеса, и Боспора⁵.

Итак, в выводах и отдельных замечаниях, которые содержатся в работах историков Северо-Причерноморского региона, отмечено, что в эллинистический период одним из наиболее существенных Северо-Причерноморских торговых партнеров Херсонеса являлась Ольвия. Для IV в. до н. э., на основании эпиграфических памятников, выявлено, что кроме Дельф, херсонеситы имели контакты с Афинами. При этом обращено внимание, что их отражением стало участие одного из хер-

---

¹ Об этом свидетельствуют находки монет (см.: Карышковский П. О. Ольвия и Херсонес по нумизматическим данным // КСОГАМ за 1968 г. Одесса, 1965. С. 159—167; Гилевич А. М. Античные иногородние монеты... С. 3—68).

² Пальцева Л. А. Херсонес Таврический... С. 16.

³ Там же. С. 17.

⁴ Там же. С. 18; ср.: Белов Г. Д. Херсонес Таврический. С. 74.

⁵ Пальцева Л. А. Херсонес Таврический... С. 18.

сонеситов в аттическом празднике в честь Диоскуров¹. К III в. до н. э. относится расширение ареала торговли за счет такого направления, как острова Эгеиды (Родос, Фасос, Парос, Книд, Делос). Во II в. до н. э. происходит усиление дипломатических контактов с Понтийским царством, что неминуемо привело к более интенсивным экономическим связям с городами Южного побережья Черного моря: Амастрией, Синопой, безусловно, и Гераклеей, но на век ранее (III в. до н. э.).

Соседи Херсонеса скифы, или В преддверии кризиса

Проблема взаимоотношений варварского мира и античных центров Северо-Причерноморского региона является одной из сложнейших. В значительной мере это порождено состоянием источников, в которых отсутствуют данные, позволяющие представить картину расселения и хронологию тех изменений, которые происходили к северу от занимаемой эллинами территории. Характерная для середины XX в. политизированность вопроса о взаимоотношениях и взаимовлиянии мира варваров и цивилизации делает необходимым еще раз вернуться к краткому историографическому экскурсу, позволяющему представить появившиеся, начиная с 60–70 гг. столетия точки зрения, изложение которых был прервано выше. Вернемся также к вопросу о происхождении скифов.

Мифические и, как он считал, реальные свидетельства о происхождении скифов привел Геродот. Оценивая легенды, он писал, что «есть, впрочем, и иной рассказ, которому я сам наиболее доверяю». Согласно ему, «кочевые скифы, жившие в Азии, будучи теснимы войною со стороны массагетов, перешли Аракс и удалились в киммерийскую землю».

---

¹ Как удалось проследить Б. Н. Гракову, во второй половине III в. до н. э. на Делосе был учрежден праздник «Херсонесия» (см.: Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. С. 280). Л. А. Пальцева обосновывает более поздние контакты в Делосом тем, что остров входил в состав Афинской архэ, и только распад ее восстановил значение Делоса, как крупного торгового и религиозного центра (Пальцева Л. А. Херсонес Таврический... С. 23). Согласно А. И. Тюменеву, взаимоотношения с Делосом обусловлены тем, что его жители принимали участие в основании Херсонеса (см.: Тюменев А. И. Херсонес и Делос // ВДИ. 1938. № 3. С. 270).

С V в. до н. э. скифы появляются в окрестностях Боспорского государства. Столица формирующегося царства во главе с Атеем (IV в. до н. э.) в это время располагалась в Приднепровье. В конце столетия начинается более интенсивное проникновение скифов в речные долины Таврики, откуда они вытесняют тавров, столицей их стал Новый город — Неаполь Скифский (руины его расположены на южной окраине современного г. Симферополя). На II в. до н. э., особенно на период правления Скилура и его сына Палака, приходится расцвет государства. Скифы устремляются на освоенные эллинами земли, начинаются набеги на земли Ольвии и Херсонеса.

Краткая схема событий, сформировавшаяся в общих чертах еще к началу XX в., в значительной мере дополнена благодаря археологическим свидетельствам, показавшим сложность и многогранность происходившего в варварском мире¹.

В качестве отправной точки нового обращения к теме взаимоотношений двух миров можно считать работу Ю. В. Андреева, посвященную методологическим и теоретическим аспектам проблемы межэтнических контактов². Показательно, как он подчеркивает, что с 60-х гг. XX в. наметился поворот к комплексному изучению основных периодов истории античного мира и варварской периферии; возникновение представлений о тесной связи различных звеньев единой панорамной системы взаимодействия этносов. Это в свою очередь привело к новому осмыслению вопроса о характере греческой колонизации и о взаимоотношениях с туземным варварским населением.

Относительно истории Херсонеса, ссылаясь на выводы А. Н. Щеглова³, Ю. В. Андреев полагает, что территориальная экспансия Херсонеса на

---

¹ В настоящем разделе не ставится задача осветить историю скифов и взгляды исследователей на особенности развития Скифского государства, поэтому приведено только несколько дат и имен, которые будут необходимы при последующем обращении к истории Херсонеса.

² Андреев Ю. В. Греки и варвары в Северном Причерноморье (Основные методологические и теоретические аспекты проблемы межэтнических контактов) // ВДИ. 1996. № 1. С. 3—17.

³ Щеглов А. Н. Тавры и греческие колонии в Таврике // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981. С. 213.

Герacleйском полуострове, начавшаяся в IV в. до н. э., сопровождалась безжалостным уничтожением существовавших здесь поселений и вытеснением тавров в горные районы. Барьер отчуждения вызван различиями социального и культурного развития.

Второй причиной, повлиявшей на взаимоотношения варваров и греков, послужила нестабильность этнических образований¹. Два мира балансировали на грани взаимного недоверия и взаимной заинтересованности, не переходя опасной черты, за которой никакие контакты стали бы не возможными. Полисным общинам необходимо было сохранять свою монолитность перед лицом варваров, поскольку греки являлись господствующим меньшинством региона, резко обособленным от неполноправного и зависимого туземного населения самого полиса и окружающей его хоры. Эллинизированные скифы Скилура и Палака для Херсонеса — вероломные и опасные варвары. Несовместимость и враждебность варварского мира и эллинов существовали с самого начала появления

---

¹ Андреев Ю. В. Греки и варвары ... С. 9. Исследователь полагает, что наиболее стабильные взаимоотношения относятся ко времени существования державы Атея (конец V — IV вв. до н. э.), и приводит надолго забытый советской историографией вывод М. И. Ростовцева о том, что Ольвия, Пантикапей, Херсонес могли успешно развиваться благодаря тому, что объединенное царство гарантировало им свободные сношения с народами, населявшими берега великих русских рек (см.: Rostovtzeff M. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, 1922. P. 12). Взаимоотношениям скифов и фракийцев, отчасти эллино-варварским отношениям в период существования державы Атея посвящена работа С. И. Андруха (см.: Андрух С. И. Смешанные с фракийцами «скифы» // ВДИ. 2000. № 3. С. 63—73). Исследователь, анализируя некоторые концепции, изложенные в «обильных научных работах по скифской проблематике», предлагает к обсуждению следующие положения: длительное соседство полукочевого скифского и фракийского земледельческого населения не привело к видоизменению их культур; в VI в. до н. э. в степях Северного Причерноморья происходило перемещение и оседание представителей фракийцев и незначительной части скифов в зоне греческой колонизации. Конец VI — V в. до н. э. — начало агрессия скифов и конфронтация фракийцев и скифов. К концу V — IV в. до н. э. — скифская агрессия снижается. Ассимиляция и экономические контакты сдерживались военными противоречиями особенно в период экспансии державы Атея.

греческих городов. В III в. до н. э. приток новых варваров способствовал реваншу¹. Нестабильный мир оказался разрушенным.

Свидетельства опасной ситуации для херсонеситов сохранились в одном из декретов, относящихся к первой четверти III в. до н. э. В тексте упоминается, что, когда граждане вышли за пределы стен во время праздника Дионисий, на них напали варвары. В связи с анализом источника Ю. Г. Виноградов высказал предположение, что с этого времени сарматы совершают нападение на Северное Причерноморье, но они не занимали земель, возвращаясь после набегов к кочевьям, расположенным в районах Подонья-Прикубанья². Для первого периода вторжения — продвижение номадов на новую родину еще без четких маршрутов, происходившего в течение 50 лет, «археологические следы» не улавливаются.

В ходе второго постепенно вырабатываются стабильные маршруты, формируются родовые кладбища и районы летних и зимних пастбищ. И наконец, наступает третий — кризисный. Кочевники оседают на захваченных землях и переходят к занятию земледелием. Хронологический разрыв между варварскими волнами занимал около 100 лет. Появление нового этноса нарушило систему международной торговли в Северном Причерноморье, которая начала складываться ко второй половине III в. — первой половине II в. до н. э. К середине II в. до н. э. завершился относительно благополучный период для мира цивилизаций³.

---

¹ Андреев Ю. В. Греки и варвары ... С. 17.

² Виноградов Ю. Г. Херсонесский декрет о «несении Диониса» IosPE P 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3. С. 104–124.

³ Вопросам миграции посвящена специальная работа: Виноградов Ю. А. О двух волнах сарматских миграций в причерноморских степях доримского времени // ХСб. 2004. Вып. 13. С. 20–28. Полемизируя с другими исследователями, объяснявшими миграционные процессы сарматской волны с крушением Великой Скифии, а также с внутривосточными переменами в Северном Причерноморье на рубеже IV–III — первой половины III в. до н. э., исследователь отметил, что они упустили ряд деталей. В отношении датировки событий мнения отличаются. Некоторые историки полагают, что это произошло не ранее II в. до н. э. А. Н. Щеглов относит продвижение сарматов

Системный кризис, охвативший города Северного Причерноморья в результате крупных изменений в мире соседствующих варваров, привел к обращению к Митридату Евпатору: поиску спасения в обстановке нестабильности¹.

Этапы мирного сосуществования и конфронтации двух миров рассмотрены в работе С. В. Полина, обратившего внимание на климатические изменения в регионе. На основании археологической ситуации он предположил, что с конца V в. до н. э. в степях Северного Причерноморья начинают оседать кочевники, апогей процесса приходится на IV в. до н. э., когда возникают крупные скифские поселения — Каменское, Елизаветинское и другие городища. Относительно безлюдных степи в VI—V вв. оказываются густо заселенными в IV в. — начале III в. до н. э. В III—II вв. до н. э. скифское земледельческое население увеличивается. Это стало причиной радикальных изменений характера греко-скифских связей. В основном мирные взаимоотношения более раннего времени заменяются временем военных конфликтов. Поселения хоры и Боспора, и Херсонеса укрепляются в III в. до н. э. С I в. до н. э. можно говорить о присутствии сарматов в данном регионе.

Одним из факторов, оказавшим влияние на изменение обстановки в Таврике, согласно данной концепции, стали климатические изменения. Благоприятный период завершился в III в. до н. э.; наступило засушливое время, продолжавшееся 150—174 лет. Для середины I тыс. до н. э. характерно похолодание. В целом С. В. Полин выделяет следующие радикальные изменения: климатический оптимум: IV — начало III в. до н. э., его падение: середина III — начало I в. до н. э.

Для кочевых народов это привело к миграциям: скифы продвигаются к югу — на земли греческих городов; сарматы — на земли скифов.

в Северное Причерноморье к концу I в. до н. э. Причина расхождения мнений, полагал Ю. Г. Виноградова, состоит в том, что информации от времени падения Великой Скифии до войн Митридата VI Евпатора источники не содержат. Только Диодор Сицилийский писал, что сарматы опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню» (II. 43.7).

¹ Виноградов Ю. Г. Херсонесский декрет... С. 23—25.

Климатические изменения, менее благоприятные для хлебопашества, обусловили бóльшую роль в хозяйственной жизни поселений хоры рыболовства и скотоводства¹.

Археологическая ситуация свидетельствует, что поселения на дальней хоре после начального периода варварской экспансии возродились. Это обстоятельство делает вполне логичным замечание В. М. Зубаря: «Действия скифов в конце первой трети III в. до н. э. были направлены не на захват территорий, а грабеж жителей с целью получения «дополнительных продовольственных ресурсов»².

---

¹ Полин С. В. О сарматском завоевании Северного Причерноморья // Археологія. 1984. № 45. С. 24–34. Для исследователя характерно отрицание связи кризисных явлений в Северо-Западном Крыму с военной активностью варваров. Учитывая наличие климатических изменений, другие археологи, работавшие в регионе (А. Н. Щеглов, В. А. Кутайсов), все же полагают, что последствия их не были столь катастрофическими.

² Следует напомнить обращение к хорошо известному эпиграфическому памятнику, датированному 70–60-ми гг. III в. до н. э. (IosPE, I², № 403), в котором сказано об аренде общественной и храмовой земель. Анализ текста позволил В. М. Зубарь предложить для обсуждения следующие гипотезы: а) часть наделов, лишившиеся хозяев, были присоединены выжившими соседями; б) это свидетельство упорядочивания земельного фонда и стремления государства пополнить казну; в) земли, о которых идет речь, расположены на ближней хоре (Зубарь В. М. Херсонес и Северо-Западная Таврика... С. 219–220). Вероятность предположений исследователь подтверждает археологической ситуацией: разрушениями на хоре. Обращает внимание он и на то, что после 25–30-летнего перерыва вновь оживает хозяйственная деятельность на Гераклеюмском полуострове, что было показано Е. А. Туровским (Золотарев М. И., Туровский Е. Я. К истории античных сельских усадеб Херсонеса на Гераклеюмском полуострове // Древнее Причерноморье: Тез. докл. Одесса, 1990. С. 71–89). Следует отметить и другие работы Е. Я. Туровского, посвященные аграрной истории Херсонеса: Хронология и строительная история усадьбы надела 26 на Гераклеюмском полуострове // Археологія. 1992. № 3. С. 147–151; Хронология сельских усадеб Херсонеса на Гераклеюмском полуострове в IV–II вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995; О времени существования усадьбы надела 25 на Гераклеюмском полуострове // ХСб. 1996. Вып. 7. С. 165–168; Три новых граффити из Херсонеса и его ближайшей округи // Древности: ХИАЕ, 1996 (1997). С. 98–100; Монеты из раскопок эллинистических усадеб Херсоне-

До некоторой степени попыткой обобщения существующих точек зрения относительно «варварской проблематики», является работа о политической истории Крымской Скифии А. Е. Пуздровского. В начальный этап миграционных процессов, по мнению автора, не был нанесен существенный удар по дальней хоре Херсонеса¹. В последней

са на Гераклеяском полуострове // ХСб. 1998. Вып. 9. С. 225—227; О характере некоторых событий истории Херсонеса в I в. до н. э. // Ирисина: Античный мир и его население. Белгород, 2002. Вып. 2. С. 31—33.

¹ О том, что угроза непосредственно Херсонесу нарастала постепенно со ссылкой на надпись «о несении Диониса» пишет и В. М. Зубарь (Зубарь В. М. Херсонес и Северо-Западная Таврика... С. 214). И. А. Антонова считала, что возникновение так называемой цитадели отражает деятельность Агасикла (Антонова И. А. Рост территории Херсонеса... С. 18—20). В. М. Зубарь полагает, что именно нарастание варварской угрозы привело к ее созданию. В процессе строительства были использованы надгробные памятники, на которых встречены имена астиномов Херсонеса, что позволило датировать ремонтные работы (как и некоторые стелы) временем около 272—262 гг. до н. э. (Зубарь В. М. Херсонес и Северо-Западная Таврика... С. 217). Это начало нового этапа усиления фортификации города; позднее появляются гарнизоны херсонеситов и в других местах, например, в Калос Лимене. Согласно наблюдениям В. А. Кутайсова, они размещались в специально построенной для них цитадели (Кутайсов В. А. Керкинитида и Херсонес в IV—II вв. до н. э. // ВДИ. 2003. № 2. С. 60—79; Кутайсов В. А., Уженцев В. А. Эллинистическая цитадель Калос Лимена // Херсонес в античном мире: Историко-археологический аспект: Тез. конф. Севастополь, 1997. С. 80—81). В следующий период скифской экспансии на месте разгромленных эллинских поселений возникают скифские — свидетельство иного характера агрессии и изменений, происходивших в скифском обществе в период правления Скилура и Палака. Именно эволюция скифского общества привела к жесточайшему противостоянию мира варваров и херсонеситов (см.: Зубарь В. М. Херсонес и Северо-Западная Таврика... С. 241). В главе о религиозных взглядах херсонеситов коллективной монографии В. М. Зубарь еще раз обратился к анализу надгробных памятников из башни Зенона. Традиционно считается, что граждане вынуждены были пойти на «нарушение покоя предков» перед лицом военной опасности из-за недостатка строительных материалов. В. М. Зубарь приводит примеры подобной практики при проведении ремонтных работ крепостной ограды в других центрах, замечая, что необходимо учитывать и идеологические представления. Если несколько отвлечься от логики рассуждений и доказательств исследователя, то ее можно свести к тезису: «Предки должны защищать потомков».

четверти III в. до н. э. хозяйство начинает медленно восстанавливаться, но в конце второго десятилетия II в. до н. э. изменяется политическая ситуация: варварская экспансия усиливается. Временное улучшение наступило после договора с Фарнаком (ок. 185—ок. 170 гг. до н. э.)¹. Но в 40-х гг. II в. до н. э. из-за Танаиса вторгаются «разбойничьи орды сатархов, представителей сарматской волны» Опасность заставила «скифскую аристократию» пойти на военно-экономический союз с Ольвией. По его мнению, скифское государство эллинистического типа с эллинизированной верхушкой имело все предпосылки включить в орбиту своего влияния Ольвию и Херсонес. Стремление ее было направлено на подчинение последнего. В конечном итоге разразились настоящие военные действия в непосредственной близости от города².

В отличие от С. В. Полина³ исследователь значительное внимание обращает на внутреннее развитие скифского государства. Хронологическая канва событий, изложенная А. Е. Пуздровским, в общих чертах соответствует взглядам других историков, рассматривавших государственность скифов при царе Скилуре и Палаке, но характеристика сущности скифской государственности вызвала существенные возражения. В частности, тезис, близкий мнению другого крымского историка Ю. П. Зайцева (свидетельством является и совместная ста-

---

¹ Пуздровский А. Е. Политическая история Крымской Скифии во II в. до н. э. — III в. н. э. // ВДИ. 2001. № 1. С. 86—117. Несколькими абзацами ниже в настоящем разделе приведены мнения исследователей о значении договора с Фарнаком.

² Пуздровский А. Е. Политическая история Крымской Скифии... С. 93—94.

³ Остановливая внимание на концепциях С. В. Полина и А. Е. Пуздровского, В. М. Зубарь подчеркивает, что события, о которых идет речь, вызваны комплексом причин, но определяющую роль сыграло развитие скифского общества. Анализируя ряд памятников, он замечает, что раскопки в предгорных районах Таврики свидетельствуют о притоке скифского населения и начале оседания его на землю. Гипотетически можно полагать участие сарматов в создании напряженной ситуации на землях Херсонесского государства. Но они, скорее всего, совершали в этот период только лишь эпизодические военные экспедиции (Зубарь В. М. Херсонес и Северо-Западная Таврика... С. 213).

тья¹), относительно существование у скифов «государства с признаками эллинистической монархии² и одновременно чертами раннеклассовых структур дворцово-храмового типа», которое «имело все предпосылки для включения в орбиту своего влияния Ольвию, Боспор, а в перспективе и Херсонес»³.

Останавливаясь на данном выводе, В. М. Зубарь напоминает о методологических заблуждениях историков, писавших о «самобытном, варварском характере скифской государственности» и наличии «дворцово-храмовых комплексов». Не излагая деталей его дискуссии с А. Е. Пуздовским и С. В. Полиным, отметим итоговые замечания:

1. Признаки, используемые авторами, являются формальным соединением, сочетающим то, что было присуще эллинистической монархии и Крито-Микенской цивилизации⁴.

2. Оснований для того, чтобы считать Позднескифское государство эллинистическим образованием, отсутствуют.

3. Существование державы Скилура и Палака было кратковременным; военный потенциал скифов после побед Диофанта был порван⁵.

---

¹ Зайцев Ю. П., Пуздовский А. Е. Неаполь скифский в эпоху Диофантовых войн // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С. 217–237.

² Пуздовский А. Е. Очерк этносоциальной истории Крымской Скифии во II в. до н. э. — III в. н. э. // ВДИ. 1999. № 4. С. 118.

³ Пуздовский А. Е. Политическая история Крымской Скифии во II в. до н. э. — III в. н. э. // ВДИ. 2001. № 1. С. 94; Он же. О скифо-херсонесских конфликтах в III–II вв. до н. э. // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995. С. 142–145.

⁴ Сочетания «Крито-Микенская цивилизация» восходит к критоцентристским взглядам А. Эванса. В древнейший период, предшествующий миграционным процессам — дорийское вторжение — в Средиземноморском бассейне существовали Ахейская цивилизация (материковая Греция), Кикладская (островной мир) и Микенская (о. Крит).

⁵ Полемике посвящен параграф «О характере позднескифской государственности» (Зубарь В. М. Херсонес во второй половине II — середине I в. до н. э. С. 262–285). Кроме выше упомянутых авторов он останавливается на взглядах и критике отдельных положений других исследователей, например, Т. Н. Высоцкой (цитируемые монографии и ее статьи: Поздние скифы в

Безусловно, краткий компендиум точек зрения на причины и характер херсонесско-скифских войн не отражает всей сложности процессов, происходивших в Таврике, как и всех мнений, которые существуют в историографии относительно взаимодействия эллинского и варварского миров. Однако отмеченное выше, объясняет, что побудило херсонеситов обратиться к правителю Понтийской державы Митридату VI Евпатору (121/120–63 гг. до н. э.), следствием чего стала утрата независимости Херсонесской республикой.

Начало кризиса и договор 179 г. до н. э.: Фарнак–Рим–Херсонес

Во второй половине III в. до н. э. внешнеполитическая ситуация в Северном Причерноморье изменила взаимоотношения между Херсонесом и Боспорским царством. Общая опасность, необходимость защиты от скифской угрозы, как представляется некоторым историкам, привели к сближению их интересов. Наиболее значимым свидетельством этого, по мнению Л. А. Пальцевой, является декрет в честь историка Сирика, писавшего о херсонесско-боспорских связях¹. Об озабоченности херсонеситов поисками союзников свидетельствует сохранившийся только у Полиена рассказ о сарматской царице Амаге (Военные хитрости. VIII, 56). Л. А. Пальцева на основании сообщения историка полагает, что Амага стала временной союзницей Херсонеса². Иная оценка свидетельства Полиена дана С. В. Полиным: это не более чем легенда.

Мнение Л. А. Пальцевой восходит к точке зрения М. И. Ростовцева, первым проанализировавшего содержание «легенды об Амаге», считая ее отражением действительных событий, которые относятся ко второй половине III — началу II в. до н. э.³

Юго-Западном Крыму. Киев, 1972; Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994; Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев, 1999; Влияние античной культуры на скифов поздней поры // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С. 209–216; Общее и особенное в культуре поздних скифов Крыма // У Понта Эвксинского: Памяти П. Н. Шульца. Симферополь, 2004. С. 41–59).

¹ Пальцева Л. А. Херсонес Таврический... С. 27.

² Там же. С. 29.

³ Ростовцев М. И. Амага и Тиргатао // ЗООИД. 1915. Т. 32. С. 58–77.

У Полиена не приведены данные, на основании которых стало бы возможным восстановление хронологии. Он лишь пишет о том, что когда скифы захватили некую территорию, сарматская правительница Амага, напав на их ставку, убила скифского царя и возвратила захваченное херсонеситам. Л. А. Пальцева, на основании свидетельств Полиена, высказала предположение, что в них отразилось начало херсонесско-скифских войн, которые заставили позднее искать помощи у правителя Понтийской державы Фарнака (договор 179 г. до н. э.). Следовательно, «время помощи Амаги херсонеситам» — это рубеж III—II вв., или начало II в. до н. э.

В конце XX — начале XXI в. к пассажиру Полиена обратился В. М. Зубарь, выступив против недоверия к сообщению древнего историка. Вслед за Л. А. Пальцевой¹ он подчеркнул, что рассказ вполне согласуется с содержанием договора 180/179 г. до н. э., в котором упоминался Херсонес, сарматский царь Гатал и правители Вифинии, Каппадокии и Пергама². Одновременно был подписан еще один договор между херсонеситами и Фарнаком.

Союз Понтийской державы и Херсонеса не предотвратил утраты земель в Северо-Западном Крыму: херсонеситы или «не призвали на помощь», как это предусматривалось текстом соглашения, или «когда варвары выступили походом» на подвластную им территорию, Фарнак по каким-то причинам не смог оказать помощи. Усиление скифского

---

¹ Пальцева Л. А. Херсонес Таврический... С. 30.

² Зубарь В. М. Херсонес и Северо-Западная Таврика. С. 235—236. В сущности, до публикации С. В. Полина достоверность свидетельства Полиена сомнений не вызывала. И в той или иной степени его упоминали все исследователи, останавливая внимание на истории Северо-Западного Крыма. Пересмотрев время появления сарматов в степных районах Таврики, С. В. Полин не попытался выявить время изображаемых событий, уточнить датировку М. И. Ростовцева, а пошел по другому пути: рассказ противоречит концепции, следовательно, он недостоверен (изложение событий, связанных с историей сарматов см.: Полин С. В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992. С. 124—146). На эту работу и на его совместную статью с А. В. Симоненко (см.: Полин С. В., Симоненко А. В. Скифия и сарматы // Донские древности. Азов, 1990. Вып. 5. С. 87—98) ссылается В. В. Зубарь, критикуя «новое мнение».

государства при Скилуре во второй половине II в. до н. э., создание им крепостей Палакия и Хабеи в непосредственной близости от владений Херсонеса вызвало необходимость нового обращения к Понтийской державе. Приводя стихотворную эпитафию гражданину Херсонеса, погибшему под Палакием, Л. А. Пальцева делает вывод, что совместными усилиями опасность была устранена, но Херсонес вынужден был признать протекторат Понта¹. Причину посылки армии внуком Фарнака Митридатом Евпатором, исследовательница видит в его заинтересованности наращиванием сил к предстоящей борьбе с Римом. Однако дальнейшие события, которые подобно изложил Аппиан, оказались не благоприятными для царя Понтийской державы. А после его смерти в 63 г. до н. э. для Херсонеса начинается новый этап — подчинение Боспору; в целом — это время, когда вершителями судеб государств Северного Причерноморья становятся римляне².

Анализу причин заключения договора 179 г. до н. э. посвящена работа В. И. Кузищина³, предположившего, что событие свидетельствует о начале контактов между Римом и Херсонесом. В краткой, изящно построенной статье, высказана гипотеза, что Херсонес стал первым из полисов Северного Причерноморья, попавшим в орбиту римской политики. Рассматривая историю заключения договора, следует учитывать, как отмечает В. И. Кузищин, что в процессе проникновения в Малую Азию, римляне обратили внимание на Гераклею, с которой Херсонес состоял в союзных отношениях. Страдая от натиска скифов, граждане обратились за помощью к решающей силе в регионе — к Риму. Если учитывать интересы республики времени появления договора, то вряд ли римляне были заинтересованы в союзе с переживающим внешнеполитический кризис небольшим государством. Включение Херсонеса в договор 179 г. до н. э., который был заключен под давлением римлян, «имело стратегическое значение». Помощь херсонеситам должна была воспрепятствовать проникновению скифов на побережье, что нарушило

---

¹ Пальцева Л. А. Херсонес Таврический... С. 31, 35.

² Там же. С. 39—40.

³ Кузищин В. И. Херсонес и Рим в начале II в. до н. э. Первые контакты // ХСб. 1996. Вып. 7. С. 87—92.

бы морскую торговлю. С точки зрения международной дипломатии, договор отражает стремление к созданию коллективной безопасности малоазийских государств, согласно которой Понт являлся гарантом. Но за этим стоит стремление Рима поставить под свой контроль не только внешнюю политику, упоминаемых в тексте сторон, но и прямой путь через Черное море, который имел стратегическое значение.

Однако это уже новый поворот в системе международных отношений в Северном Причерноморье, и он заслуживает специального внимания к мнениям историков, которые обращались к анализу событий, связанных с походом Диофанта и начальным периодом римского присутствия в регионе.

Экспедиция Диофанта в Северное Причерноморье (извлечения из источников)

В начале II в. до н. э., когда был заключен договор с Фарнаком, Херсонесский полис еще владел значительной территорией. Постепенно в течение столетия положение существенно изменилось. Территория государства сократилась до земель ближайшей округи. Опасность, нависшая над херсонеситами, заставила их обратиться к правителю Понтийской державы Митридату Евпатору. После недолгих переговоров, о чем говорится в одном из декретов херсонеситов, в Таврику было отправлено войско во главе с полководцем Диофантом. О его экспедициях против скифов и на Боспор сохранились свидетельства двух источников: краткий рассказ географа Страбона и подробно излагающий ход военных операций декрет в честь Диофанта (сына) Асклапиодора Синопейца. Пожалуй, это единственный случай в истории Херсонеса, когда два отличающихся по происхождению источника, описывают одно и то же событие¹. Сам факт военных действий сомнений не вызывал, начиная со времени первых

---

¹ Соломоник Э. И. Сравнительный анализ свидетельства Страбона и декрета в честь Диофанта о скифских царях // ВДИ. 1977. № 3. С. 53–63; Дашевская О. Д. ΤΕΙΧΝ декрета в честь Диофанта // ВДИ. 1964. № 3. С. 149–155; также см.: Зайцев Ю. П., Пуздровский А. Е. Неаполь скифский... С. 217–237.

публикаций надписи¹, при обращении к декрету лишь уточнялась последовательность военных операций² и местоположение названных в нем географических пунктов³. Исключение составляет она из строк надписи, в которой сказано о Савмаке, «вскормленном боспорского царя».

В отличие от декрета, где перечисляются деяния Диофанта, Страбон назвал главную причину, которую преследовал Митридат, оказывая помощь херсонеситам, и последствия этой помощи для херсонесской общины. Он писал, что «этот город прежде пользовался автономией, но (потом), будучи опустошаем варварами, принужден был взять себе покровителем Митридата Евпатора, желавшего идти на варваров (живущих) выше перешейка до Борисфена и Адрия. Эти (походы) были подготовкой (к войне) с римлянами. Поэтому он, побуждаемый надеждами, охотно послал войско в Херсонес и стал воевать со скифами, (бывшими тогда под властью) Скилура и его сыновей с Палаком во главе. ...Он силой подчинил их себе и в то же время сделался властителем Боспора, который добровольно уступил ему (тогдашний его) владелец Перисад. С тех пор и доныне город Херсонес подчинен владыке Боспора (Страбон. VII, 4, 3).

Восполнением информации служит текст Декрета:

«Когда же скифский царь Палак внезапно напал (на него) с большим полчищем, Диофант отправился в Боспорские местности и, совершив в короткое время много важных подвигов, снова воротился в наши места и, взяв с собой граждан цветущего возраста, проник в середину Скифии; когда же скифы сдали ему царские крепости Хабеи

---

¹ Юргевич В. Н. Псефизм древнего города Херсонеса о назначении почестей и наград Диофанту, полководцу Митридата Евпатора, за покорение Крыма и освобождение херсонесцев от владычества скифов // ЗООИД. 1881. Т. 12. Отд. 1. С. 1—48.

² Плясов Н. Период диофантовых войн в истории Херсонеса в свете новейших данных (конец II в. до н. э.) // Сб. науч. студ. работ. Воронеж, 1968. Вып. 1. С. 44—45.

³ Одна из первых статей о данном сюжете: Бурачков П. О. Опыт соглашения открытой в Херсонесе надписи с природой местности и сохранившимися у древних писателей сведениями, относящимися ко времени войн Диофанта, полководца Митридата, со скифами // ЗООИД. 1881. Т. 12. С. 222—248.

и Неаполь, вышло то, что почти все сделались подвластными царю Митридату Евпатору». Освободил Диофант и приморские местности, «овладел Керкинитидой и Стенами и приступил к осаде жителей Прекрасного порта»¹.

Другим мероприятием полководца весной следующего года стал поход на Боспор, участие в котором принимали херсонеситы: «Отправившись в Боспорские местности, он устроил тамошние дела прекрасно и полезно для царя Митридата Евпатора; когда же скифы с Савмаком во главе подняли восстание и убили воспитавшего (его, т. е. Савмака) Боспорского царя Перисада, а против Диофанта составили заговор, он, избежав опасности, сел на отправленный за ним гражданами корабль и прибыл (к нам) и, упросив граждан, (а также) имея ревностное содействие (со стороны) пославшего царя Митридата Евпатора, в начале весны явился с сухопутным и морским войском, а кроме того взял и отборных из граждан на трех судах и, отправившись из нашего города, взял Феодосию и Пантикапей, виновников восстания наказал, а Савмака, убийцу Перисада, захватив в свои руки, выслал в царство (Митридата) и (таким образом) восстановил власть царя Митридата Евпатора».

Дискуссия о восстании Савмака на Боспоре

На первый взгляд может показаться, что этот сюжет является излишним при обращении к истории изучения Херсонеса, поскольку событие, о котором идет речь, происходило совершенно в другом го-

---

¹ Почетный декрет в честь Диофанта не единственный эпиграфический памятник, в котором имеются сообщения о событиях последних десятилетий II в. до н. э. Ход переговоров с Митридатом отражает псефизма в честь его посла [], сына Кефала, амисца. В ней говорится, что он «устраивает все дела, связанные с посольством, наилучшим образом и пребывание свое делает достойным и полезным как для царя, так и для нашего народа». Народное собрание и Совет постановили «похвалить его за это и дать ему и его потомкам проксению, права гражданства, въезда и выезда без конфискации и договора, им самим и их имуществу». Издан В. В. Латышевым: дополнения и комментарии также см.: Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса: Лапидарные надписи. Киев, 1973. С. 13 (№ 110).

сударстве — Боспорском царстве. Но то, что оно упоминается среди заслуг Понтийского полководца Диофанта именно в декрете херсонеситов, свидетельствует о его значимости и для граждан данного полиса, к тому же они являлись участниками похода в восточные пределы Таврики. Анализ точек зрения относительно восстания Савмака позволяет показать влияние эпохи на концептуальные позиции историков, характерные для эпохи, когда они вынуждены были «заблуждаться» в трактовке свидетельств источников из-за характерного для того периода партийно-государственного диктата. Освобождение от первоначально изложенного мнения стало длительным процессом. Именно эти причины и вызвали изложение дискуссии исследователей XX столетия о восстании Савмака.

Обращение к эпиграфическим памятникам, история их обнаружения и анализ содержания являются еще одной нитью, которая связывает рождение гипотез относительно того или иного события, характерных для конца XIX — начала XX в., с выводами и наблюдениями исследователей конца XX столетия.

Итак, херсонеситы, наряду с другими делами, восхваляли Диофанта за подавление восстания Савмака. Итогом операции, в которой они участвовали, стало: «очищение» от заговорщиков Феодосии и столицы Боспора Пантикапея; захват Савмака, отправленного Диофантом к Митридату. В декрете, относительно Савмака сказано, что он был «вскормленником» боспорского царя. Употребление термина «вскормленник» и породило дискуссию о характере событий. Если говорить об ее истоках, то следует привести мнение одного из корреспондентов К. К. Косцюшки-Валюжинича Э. Х. Миннза (1873—1953), считавшего, что Савмак был воспитанником правителя Боспора и являлся законным наследником бездетного Перисада. Не получив престола, он устроил дворцовый переворот¹.

Прежде, чем историки вернулись к высказанному английским исследователем наблюдению, прошло почти сто лет². До этого восстание

---

¹ Minns E. H. *Skythians and Greeks*. Cambridge, 1913. P. 520.

² В надписи сказано «скифы с Савмаком во главе подняли восстание». Вопрос о происхождении Савмака долгое время дискутировался в научной литературе. Многие историки считали его домашним рабом (см.: Гайдукевич В. Ф. Еще раз о восстании Савмака // ВДИ. 1962. № 1. С. 3—23; Он же.

Савмака, начиная с 30-х гг. XX в., освещалось согласно господствующей в советской исторической науке теории о «перманентной революции рабов».

В письмах к Э. Х. Миннзу М. И. Ростовцев упоминал многих своих коллег, оставшихся после революции в России. В одном из них он просил спасать их от голода, организовывать посылки. Он постоянно интересовался научными успехами своих друзей и соучеников, догадываясь о том, что они не свободны при создании работ. Так о статье «Последний Перисад...» он писал: «От Жебелева ни слова за два года. Читали Вы его часть больших Советских историй древнего мира? Я их мельком видел, но не читал. Его статья о Савмаке была ударом: она была так ясно заказной от Советской власти»¹. Слово «вскормленник» декрета объяснялось С. А. Жебелевым следующим образом: Савмак был рабом, но воспитанным (вскормленным) при дворе боспорского царя².

О скифском восстании на Боспоре в конце II в. до н.э. // Античное общество. М., 1967. С. 17–22; Он же. К дискуссии о восстании Савмака // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 81–95. Казакевич Э. Л. К полемике о восстании Савмака // ВДИ. 1968. № 1. С. 57–70). Мнение о том, что Савмак, возможно, являлся знатным скифом и состоял в родственных связях с Перисадом, впервые представлено в исторической повести воронежского антиковеда А. И. Немировского «Пурпур и яд» (Воронеж, 1973), затем изложено в статье (см.: Немировский А. И. Митридат Евпатор, Боспор и восстание скифов // Византиноведческие этюды. Тбилиси, 1978. С. 63–70). Как мы видим, даже в годы, когда создавалась повесть, представить точку зрения на иной характер восстания, не представлялось возможным. По этой причине А. И. Немировский, не желая «скрывать» свое видение событий, обратился к художественному жанру.

¹ Миннз Э. Х. — М. И. Ростовцеву, 31.05.1941 (Цит. по: Бонгард-Левин Г. М. М. И. Ростовцев и Э. Х. Миннз: От Скифии до Китая и Японии // Скифский роман. М., 1997. С. 320). Речь идет о статье: Жебелев С. А. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре // ИГАИМК. 1933. Вып. 70.

² Примечательно как характеризует А. К. Гаврилов работу С. А. Жебелева, считая ее «наиболее удачливым, хотя и не самым удачным из исследований» (см.: Гаврилов А. К. Скифы Савмака — восстание или вторжение? ИРЕ Р № 352 — Syll³ 709 // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 56, прим. 16).

Итоги споров относительно декрета в честь Диофанта подвела в 1992 г. работа А. К. Гаврилова, поставившего цель: выявить события, которые связаны только с именем Савмака. А. К. Гаврилов, анализируя условия, сопутствовавшие созданию работы С. А. Жебелева, объясняет появление тезиса о рабском статусе Савмака влиянием времени, поскольку лексическое значение термина «вскормленник» не носит социального оттенка¹. Для восстановления гипотетической картины событий, упоминаемых в декрете и описанных Страбоном, обратимся к цитате из работы А. К. Гаврилова: «Борьба за пошатнувшееся Боспорское наследство Савмаку сперва удастся. Ворвавшись из скифских пределов в боспорскую столицу, он убивает последнего Спартокида, преследует и Диофанта, слишком рано после победы распустившего свои воинские контингенты. Но Диофант ...спасается исключительно благодаря херсонеситам, собирает силы отовсюду и следующей весной дело оканчивается ...пленением вождя, что завершило скифские операции Диофанта, а вместе с тем и покорение Крыма Митридатом». Речь должна идти не о восстании, а о вторжении Савмака, являвшегося «продолжение старого противостояния скифов с крымскими эллинами»².

Таким выводом в конце XX в. завершилось обращение к одной из надписей, найденных в Херсонесе. Идеологизация исторической науки вызвала «особую трактовку» всего лишь одного из стоящих в ней слов и потребовалось более ста лет со времени находки декрета для того, чтобы с новых позиций «прочитать» его текст.

В конце II в. до н. э. завершились походы Диофанта, начатые около 113 г. до н. э. Угроза скифского вторжения в пределы Херсонеса на время была ликвидирована. Скифское царство, как считают некоторые историки, попало в вассальную зависимость от Понтийской державы³. Митридат VI был провозглашен простатом (защитником) Херсонеса,

---

¹ Гаврилов А. К. Скифы Савмака — восстание или вторжение? IPE I² № 352 — Syl³ 709 // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 60.

² Там же. С. 71—73.

³ Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // ВДИ. 1987. № 1. С. 55—87.

но официально полис сохранил автономию. Земельные владения в Северо-Западном Крыму были утрачены, что не могло не сказаться на благосостоянии граждан. А зависимость от Митридата, начавшего подготовку к борьбе с Римом и его войны с республикой, привели к кардинальному изменению политической картины в Северном Причерноморье, к размещению в регионе римских легионеров. Но это уже новый период истории Херсонеса.

Что же следует отметить в качестве некоторого итога поисков исследователей относительно реконструкции событийной истории Херсонеса и особенностей его развития в эллинистический период?

1. Историки XX в. уделяли большое внимание публикации отдельных памятников эпохи эллинизма.

2. Прослежены на основании нумизматических и археологических находок и надписей основные торговые партнеры, отчасти выявлена их динамика и показано, что в Херсонесе, начиная с первых десятилетий существования, развивалась ремесленная деятельность. Большую роль при этом играло керамическое производство. Изделия мастеров поступали на местный рынок, который значительно расширился с присоединением земель в Северо-Западном Крыму.

3. Получено представление о культурных и дипломатических связях.

4. Выявлена структура земельных владений на Гераклейском полуострове (ближняя хора) и проведены масштабные раскопки памятников Северо-Западного Крыма.

5. В результате дискуссий, которые восходят к началу XX в., составлено представление о государственном культе полиса и значении в нем богини Девы.

6. Восстановлен отчасти состав государственных органов Херсонесского полиса.

Но о гипотезах, существующих относительно последних трех пунктов, о том, как происходил процесс поиска доказательств и какие выводы представлены в работах историков конца XX — начала XXI в. в следующих разделах.

Очерк 3. РИМСКИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ ХЕРСОНЕСА

Превращение части греко-восточного мира в римские провинции и жестокий контроль, установленный римлянами над остальными государствами, официально считавшимися независимыми, принесли греческому Востоку временное облегчение. Рим железной рукой положил конец внешним войнам и внутренним распрям, и в экономике Греции и эллинизированного Востока во второй половине II в. до Р. Х. вновь появились признаки оживления.

М. И. Ростовцев

Писавшие о Херсонесе рубежа тысячелетий. Северное Причерноморье и Римская республика накануне римской оккупации: краткая хроника событий. Периодизация истории Херсонеса римского времени. Экономические сюжеты. Дискуссия о первой элевтерии; введение нового летоисчисления. Поход Плавтия Сильвана и начало римской оккупации. Некоторые аспекты внешней политики принципата Антонинов. Содержание дефиниции «лимес». Проблема Таврического лимеса. Вторая элевтерия. Значение раскопок конца XX в. в Балаклаве. Возвращение к сюжетам экономики, или О времени появления рыбозасолочных цистерн. Как не следует «читать» отчеты. Несколько общих замечаний о Херсонесе римского времени.

Со времени заключения договора о коллективной безопасности в 179 г. до н. э. можно говорить о стремлении Римской республики контролировать события в Северном Причерноморье. Противостояние Митридата VI Евпатора и Рима привело к переходу от дипломатии к активной военным действиям, появлению римских легионеров на северных берегах Черного моря. С 63 г. до н. э. начинается новый этап в истории и Херсонеса, и Боспорского царства.

Писавшие о Херсонесе рубежа тысячелетий

Историю Херсонеса, начиная с середины — конца I в. до н. э. невозможно рассматривать изолированно от событий Северного Причерноморья в целом. Значительное влияние на их ход оказывало и то, что происходило непосредственно в Риме. Наиболее полно взаимоотношения между Римской республикой, Понтийской державой и Боспорским царством изложены в «Гражданских войнах» александрийского грека Аппиана (ок. 100—170 гг.), который посвятил одну из книг «Митридатовым войнам».

От многочисленных произведений другого римского писателя, служившего двум императорам — Траяну (98—113) и Адриану (117—138) Гая Светония Транквила (ок. 70—ок. 140 гг.) полностью сохранились только жизнеописания цезарей. Биографии, в которых вымысел переплетается с реальными фактами, позволяют отчасти воссоздать обстановку в Риме в период становления империи. Светоний начал изложение событий с прихода к власти Цезаря и довел его до principatus Домициана Флавия. Но он почти не касается событий Северо-Причерноморского региона.

Скупые свидетельства о Херсонесе содержатся в «Истории» и «Анналах» последнего великого римского историка Публия Корнелия Тацита (ок. 55—ок. 120 гг.). Дополняя друг друга, его сочинения освещают время principatus Юлиев-Клавдиев (14—69) и Флавиев (69—96). отрывочные свидетельства привел он о деятельности римских полководцев в Северном Причерноморье.

Некоторые события в связи с обращением к биографиям знаменитых римлян сообщает историк-моралист Плутарх (ок. 46—после 119 г.) в «Сравнительных жизнеописаниях».

Ранее уже были названы «Географические записки» Страбона, особенно ценные для времени, предшествующего размещению римских легионеров в Херсонесе. Несколько строк посвящено городу в труде Плиния Старшего (23/24—79).

Список имен римских историков рубежа тысячелетий и первых веков н. э. можно было бы продолжить, но данные непосредственно о Херсонесе в их трудах или ничтожно малы, или вообще отсутствуют. Пожалуй, исключение составляет «История» Аммиана Марцеллина,

но для нашего обращения к ней еще не настало время, потому, что он касался интересующего нас региона не столько в связи с взаимоотношениями римлян и жителей городов северного побережья Черного моря, сколько событий эпохи Великого переселения народов.

Однако следует упомянуть имя автора X в. — императора и историка Константина VII Багрянородного (913–959), сохранившего ранние полулегендарные свидетельства о военных столкновениях между гражданами Херсонеса и правителями Боспора.

Большое значение для реконструкции непосредственно истории Херсонеса римского времени имеют эпитафические памятники: постановления Народного собрания о даровании проксений, почетные декреты в честь его граждан, переписка с императорами, эпитафии.

Со времени написания работ о Херсонесе в XIX в. не было обнаружено нарративных источников, в отличие от эпитафических, пополнению которых способствовали раскопки. Повторный анализ надписей, введенных в научных оборот В. В. Латышевым, обнаружение новых уточняют отдельные страницы истории полиса, наиболее плодотворно разрабатываемой во второй половине XX в. Именно на это время, особенно на последнюю четверть столетия, приходится создание фундаментальных работ о римском периоде.

Обращение к содержанию исследований начала XX в., посвященных первым векам нового тысячелетия, свидетельствует, что в значительной мере дискуссии относительно статуса Херсонеса были вызваны находками и публикациями памятников эпитафики. Во второй половине столетия создаются монографические штудии прежде всего представителями Харьковской школы антиковедения, основы которой были заложены К. Э. Гриневичем¹ и В. И. Кадеевым (род. 1927 г.). В 1959 г. В. И. Кадеев обратился к изучению археологических памят-

---

¹ Кадеев В. И. Краткий очерк научной и педагогической деятельности К. Э. Гриневича // К. Э. Гриневич — профессор Харьковского университета. Библиографический указатель. Харьков, 1991. С. 3–7; Он же. Константин Эдуардович Гриневич // Археологія. 1991. № 4. С. 119–129 (на укр. яз.). О более раннем обращении к истории античности в Харьковском университете см.: Кадеев В. И. В. П. Бузескул как историк // Вест. Харьков. ун-та. 1983. № 238. С. 48–52.

ников Херсонеса и стал одним из основателей Объединенной археологической экспедиции (1963—1969).

Безусловно, в первом исследовании, посвященном в целом античному Херсонесу Г. Д. Белова, которое уже упоминалось выше, говорилось о городе римского времени. Его взгляды отражены в статьях, обобщающих результаты раскопок северного района Херсонеса¹, но для создания монографических работ был необходим период длительного накопления источников, среди которых значительное место принадлежит материалам раскопок.

Для того чтобы показать значение археологических находок для реконструкции особенностей развития Херсонеса, можно сравнить две работы. Одна из них — Н. Н. Мурзакевича — опубликована в 1836 г.² и основана на свидетельствах античных авторов. Другая — монография, вышедшая из печати в 1993 г., В. М. Зубаря³, список литературы в которой занимает около $\frac{1}{3}$ объема сочинения Н. Н. Мурзакевича. Это является наглядным примером роста информации.

Северное Причерноморье и Римская республика накануне римской оккупации: краткая хроника событий

В 89 г. до н. э. началась война между двумя могущественными государствами — Первая Митридатова война (продолжалась до 85 г. до н. э.). В 72—70 гг. до н. э. римляне предприняли осаду метрополии Херсонеса Гераклеи Понтийской, которая обратилась за помощью к херсонеситам. Так начинался новый этап в жизни полиса. В событиях первого века до н. э. переплелись интересы двух крупнейших держав: Римской республики и Понтийской державы. И они оказали влияние на судьбы городов Северного и Южного Причерноморья. После гибели Митридата VI Евпатора Римская республика, воспользовавшись ито-

---

¹ Белов Г. Д. Херсонес Таврический: Историко-археологический очерк. Л., 1948.

² Мурзакевич Н. Н. Краткая история древнего города Херсонеса. Одесса, 1836.

³ Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху: Экономика и социальные отношения. Киев, 1993 (Павленко Ю. В. [Рецензия] // УІЖ. 1995. № 6. С. 142—145).

гами победы, начинает постепенно проводить в жизнь курс контроля над Северным Причерноморьем.

Разбитый армией Гнея Помпея и преданный собственным сыном Фарнаком, свел счеты с жизнью некогда грозный правитель Понта. В 63 г. до н. э. завершилась долгая и непримиримая вражда Митридата VI с римлянами, причиной которой, по мнению современников событий, являлась месть римлянам за убийство отца. В благодарность за измену Фарнаку, сыну Митридата, была дарована власть над Боспором: он стал «другом и союзником» Римской республики. В последние дни войны Митридата с римлянами херсонеситы и жители Фанагории также выступили против своего терпящего поражение покровителя в надежде обрести прежнюю свободу.

Описание последних трагических дней борьбы Митридата сохранились в труде Аппиана.

После ряда военных неудач Митридат попытался собрать силы, опираясь на Северо-Причерноморские города. Предпринятая римлянами блокада побережья привела к выступлению против него Фанагории, одновременно поднялись «и те укрепления поблизости, которые были недавно захвачены Митридатом, под влиянием такого смелого поступка фанагорийцев отложились от Митридата, а именно: Херсонес, Феодосия, Нимфей и все другие по берегу Понта, очень удобные в военном отношении». Попытка заключить союз со скифами посредством династических браков, оказалась для Митридата безуспешной. Как передает Аппиан, евнухи, сопровождавшие девушек, были убиты воинами, а невесты выданы Помпею (Аппиан. Митридатовы войны, 108).

В безнадежной ситуации Митридат задумал грандиозный поход в Италию. Но во время подготовки армии, заговор против отца составил Фарнак, «которого Митридат из всех своих детей ценил выше и часто заявлял, что он будет преемником его власти». Аппиан называет и причину измены: «то ли испугавшись этого похода и возможности потери всей власти — он считал, что еще и теперь можно получить прощение от римлян; если же отец пойдет походом на Италию, то власть будет потеряна везде и совершенно» (Аппиан. Митридатовы войны, 110).

Большая часть личной гвардии покинула некогда грозного правителя. Наступили последние часы жизни непримиримого врага римлян. После

провозглашения Фарнака царем, Митридат потребовал от сына представить ему свободный и безопасный проход, но «так как никто из посланных не возвращался, то он побоялся, как бы его не выдали римлянам, и, воздав хвалу своей личной охране и друзьям, которые еще оставались при нем, он отпустил их к новому царю. ...Сам же Митридат, открыв тот яд, который он всегда носил с собой в мече, стал его смешивать. ...Яд не действовал, вследствие привычки и постоянного употребления противоядий, которыми он всегда пользовался как защитой от отравлений. Увидав некоего Битоита, начальника галлов, Митридат сказал: «Большую поддержку и помощь твоя рука отказывала мне в делах войны, но самая большая мне будет помощь, если ты теперь прикончишь мою жизнь; ведь мне грозит быть проведенным в торжественном шествии триумфа, мне, бывшему столь долгое время самодержавным царем этой страны, я не могу умереть от яда вследствие глупых моих предохранительных мер при помощи других ядов. Самого же страшного и столь обычного в жизни царей яда — неверности войска, детей и друзей — я не предвидел, я, который предвидел все яды при принятии пищи и от них сумел уберечься». Битоит, испытывая сострадание к царю, нуждающемуся в такой помощи, выполнил его просьбу.

Так умер Митридат, в шестнадцатом колене потомок персидского царя Дария Гистаспа, в восьмом — того самого Митридата, который отпал от македонян и захватил власть над понтийским царством» (Аппиан. Митридатовы войны, 111—112).

Закончились пятьдесят семь лет царствования Митридата Евпатора, из которых сорок он посвятил напряженной борьбе с римлянами. Было ему в это время шестьдесят восемь лет.

Помпей, завершив успешную кампанию против Митридата, объявил Фарнака «другом и союзником римлян, а Фанагорию сделал свободным и автономным городом, так как граждане ее, когда Митридат стал крепнуть и заготавливать себе корабли и другое войско и держал в своих руках укрепленные пункты, решились восстать и тем подали пример другим» (Аппиан. Митридатовы войны, 113).

Римский орел распростер крылья над Северным Причерноморьем. Но время прочного включения региона под контроль республики еще не настало. События в самой Италии отодвинули на несколько лет ввод римских легионов.

Помпей, после завершения Восточного похода распустив войско, поспешил в Рим. Как частному лицу, правда, торжественно встреченному на родине, ему, принесшему многие победы республике, предстояла борьба за то, чтобы наградить ветеранов, с которыми он расширил римское влияние далеко на восток, отметить триумфом победы. Удачливый полководец допустил ошибку. Лишив себя поддержки армии, он утратил влияние на дела в Республике, и ему пришлось ждать от сената разрешения отпраздновать триумф, наградить воинов и утвердить распоряжения, сделанные во время пребывания на Востоке. Долгое ожидание привело Помпея к союзу с Цезарем и Антонием. Так в Римской республике оформилось неофициальное соглашение трех политических деятелей — первый триумvirат. С помощью соратников Помпей добился выполнения своих требований. Однако в скором времени союз распался. Триумвиры начали борьбу между собой за власть. Республика вступила в череду гражданских войн, приведших к установлению диктатуры Цезаря, а в конечном итоге — к установлению принципата Гая Октавиана Августа и империи.

Новому правителю Боспорского царства Фарнаку предстояла борьба за укрепление власти¹. Воспользовавшись разногласиями среди триумvirов, он приступил к осаде Фанагории, получившей автономию. Только морская блокада заставила фанагорийцев заключить союз с Фарнаком и выдать в знак дружбы заложников. Когда же началась открытая вражда между Цезарем и Помпеем, Фарнак изменил римлянам, попытавшись восстановить державу отца. Первоначально ему сопутствовал успех: он захватил Синопу, одну из столиц Понтийской державы, и приступил к осаде другого значительного города на южном берегу Черного моря — Амиса. Но в скором времени, потерпев поражение от Юлия Цезаря, Фарнак подписал мирный договор. Однако пока он находился в Малой Азии, власть захватил Асандр. Фарнак вынужден был начать борьбу за престол, которая завершилась его гибелью. Цезарь передал Боспор Митридату Пергамскому — участ-

---

¹ Следует упомянуть, что в 63 г. до н. э. на берегах Черного моря разразилась катастрофа — землетрясение, нанесшее не меньший урон Боспору, чем война с Римом.

нику войны римлян в Египте. Так, — пишет Аппиан, — «в результате Митридатовой войны римская власть и распространилась на берега Эвксинского Понта» (Аппиан. Митридадовы войны, 121).

Периодизация истории Херсонеса римского времени

За условную точку отсчета обращения к истории Херсонеса римского периода, можно принять сочинение председателя Императорской археологической комиссии А. А. Бобринского, опубликованное в начале XX в. Одну из глав книги он посвятил середине I в. до н. э. — V в.¹ С этого времени, согласно его мнению, устанавливается присутствие римлян в Северном Причерноморье (и, следовательно, в Херсонесе). В качестве доказательства предлагаемых хронологических границ автор привел эпиграфические памятники.

Обращение к исследованиям более позднего времени показывает, что в отношении времени включения Херсонеса в «орбиту римского влияния» мнения исследователей первоначально не имели значительных отличий.

Г. Д. Белов, опубликовавший целостное (но в значительной мере схематичное) исследование, посвященное античному Херсонесу, писал, что хронологическими вехами римского периода являются I—IV вв. Анализ археологических находок и сопоставление их с данными письменных источников позволили ему сделать ряд наблюдений.

1. В римское время происходит «укрупнение» некоторых кварталов города и широкое строительство, начиная с I в. н. э., отражающие политический и экономический подъем.

2. Восстанавливаются и ремонтируются оборонительные сооружения; со времени принципата Нерона в городе размещается римский гарнизон и эскадра римского военного флота.

3. Происходит концентрация крупной собственности «в руках богатой городской знати» и аристократизация политического строя.

---

¹ Бобринский А. А. Исторический очерк. СПб., 1905. С. 42—84.

4. Для города характерно развитие крупных промыслов: виноделия и рыболовства. Последнее стало одной из ведущих отраслей экономики¹. В более ранней монографии, Г. Д. Белов потмечал, что нижней границей римского периода являются 60-е гг. I в. н. э., ставшие началом римской оккупации города².

Пожалуй, первой работой, посвященной непосредственно концу тысячелетия и первым десятилетиям нового, стала монография В. И. Кадеева. Автор ее считает возможным отнести начало римского периода к I в. до н. э., когда после гибели Митридата VI Херсонес, «вышел из состава Понтийского царства и оказался в зависимости от вассального Риму Боспора». Насколько можно судить по контексту книги неким рубежом в истории Херсонеса следует считать середину II в. н. э., поскольку до этого, несмотря на «сильное нивелирующее влияние римской провинциальной культуры», полис сохранил дорические черты. Завершается римский период в конце III в. н. э., когда при императоре Диоклетиане изменяется «статус государства» и Херсонес превращается в «ординарный провинциальный город на окраине империи»³.

В последнем десятилетии XX в. увидела свет работа, в которой подробно освещены взаимоотношения Рима и Херсонеса. Комплексный анализ источников позволил ее автору — В. М. Зубарю — уточнить хронологию отдельных событий, сделать вывод, что в середине I в. до н. э. Херсонес, освободившись от боспорской зависимости, не «только попадает в орбиту политики Римской империи, но и вступает в прямые контакты с провинциальной римской администрацией». Тщательное сопоставление событийной истории Херсонеса и создание целостной внешнеполитической картины в Северном Причерноморье привело киевского исследователя к выделению трех этапов в рамках периода.

Начало первого относится к середине I в. до н. э. — годы стабилизации после кризиса конца II в. до н. э.

---

¹ Белов Г. Д. Северный прибрежный район Херсонеса // МИА. 1953. № 34. С. 19.

² Белов Г. Д. Херсонес Таврический. С. 4—5.

³ Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981. С. 4.

Второй этап — это середина II в. н. э. — третья четверть III в. Новым явлением стало дарование городу прав элевтерии; Херсонес превращается в главный опорный пункт Рима в Таврике.

В последний этап, несмотря на вывод римских войск из Херсонеса, город продолжал оставаться в русле римской политики. Изменение внешнеполитической ситуации в Крыму: вторжение варваров, оседание части гуннов в окрестностях города, «кризис античной форы собственности на землю» являются, по мнению исследователя, основанием для определения верхней границы римского периода¹.

Экономические сюжеты

До недавнего времени одним из вопросов, который постоянно вставал перед исследователем при защите созданного им исторического труда, являлся вопрос о методологии. Как правило, подразумевалось, что работа базируется на формационном подходе, на приоритете базиса (экономики). Начиная с последних десятилетий прошлого века, исчезла жесткая необходимость следовать марксистским принципам при изложении проблем общественного развития, стал возможным цивилизационный подход, большее внимание (подчас превалирующее) проявляется к событийным внешнеполитическим сюжетам, к восставлению обычной, обыденной жизни и занятий жителей городов.

Безусловно, изменение международной обстановки, столкновение боровшихся за власть политических деятелей отражалось на всех сферах общественного развития. Вместе с тем традиционное построение анализа, при котором первоначально рассматривается экономическая составляющая жизнедеятельности, сохраняет значение, так как это позволяет объяснить причины происходивших изменений во взаимоотношениях с окружающим миром и между гражданами государства. Поэтому ниже представление работ по истории Херсонеса первых веков начинается с экономических сюжетов. Но в данном разделе не показаны взгляды историков на одну из важнейших сфер экономики (как и в разделе, посвященном эллинистическому времени), — зем-

---

¹ Зубарь В. М. Херсонес Таврический и Римская империя: Очерки военно-политической истории. Киев, 1994. С. 6—7.

леделию, эволюции хоры полиса. В античном государстве, возникшем как объединение граждан-земледельцев и землевладельцев, оно имело огромное значение, поэтому заслуживает особого внимания.

Как уже было отмечено, приоритет в разработки истории Херсонеса римского периода принадлежит В. И. Кадееву¹. Две его фундированные штудии, опубликованные с разрывом в один год (монография и курс лекций для студентов), посвящены развитию ремесел и промыслов и ареалу торговых связей². Анализ археологических находок позволил В. И. Кадееву выявить основных партнеров Херсонеса I в. н. э., к числу которых принадлежали города Южного Понта³, Сирии и Италии, остро-

---

¹ Кадеев В. И. Экономика античного Херсонеса в советской историографии // Учен. зап. Харьков. ун-та. 1961. Т. 117: Труды ист. фак-та. Т. 8. С. 19–33 (на укр. яз.). Отметим еще раз, что и до В. И. Кадеева отдельные замечания в отношении экономической и политической истории Херсонеса римского периода содержались в работах историков. В частности, С. Ф. Стржелецкий в докладе 1959 г. говорил о развитии ремесел, некоторых направлениях торговых связей. Он полагал, что экономический подъем был обусловлен тем, что «римские гарнизоны, расположенные вдоль южного берега Крыма и в Херсонесе, защищали морскую торговлю от пиратских нападений тавров» (Стржелецкий С. Ф. Основные этапы экономического развития и периодизация истории Херсонеса Таврического в античную эпоху // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 81). В подтверждение вывода были приведены работы В. И. Дьякова (Таврика в эпоху римской оккупации // Учен. зап. гос. пед. ин-та им В. И. Ленина. 1942. Т. 28. Вып. 1) и Н. И. Репникова (О характере римской оккупации южного берега Крыма // СА. 1941. Т. 7).

² Кадеев В. И. Очерки истории экономики Херсонеса в I–IV вв. н. э. Харьков, 1970; Он же. Торговля Херсонеса Таврического в I–IV вв. н. э.: Учебное пособие. Харьков, 1969.

³ Раскопки более позднего времени подтверждают и уточняют наблюдения. Можно упомянуть публикацию находок из цистерны, раскопанной в квартале VI в 1985 г. М. И. Золотаревым. В ее заполнении были встречены амфоры и краснолаковые сосуды, которые свидетельствуют о том, что в первой четверти I в. н. э. торговыми партнерами Херсонеса являлись Пергам, о. Самос. Л. В. Седикова отмечает, что изделия ремесленных центров Малой Азии I–IV вв. составляют 62%, местные — 26% (для 12% фрагментов выявить место производство не представилось возможным). Хронологически они

ва Эгеиды. Остановил он внимание и на специфике взаимоотношений херсонеситов с варварским миром.

Следует отметить особенность курса лекций для студентов — это подробный анализ основных групп находок из фондов, многие из которых тем самым были введены в научный оборот.

Обращение к археологическим данным привело исследователя к заключению о том, что во II в. н. э. в Херсонес ввозилась посуда, покрытая красным лаком, из Пергама, светильники, производимые в мастерских о. Самоса, мраморные архитектурные детали с о. Проконесс. Имели место и связи с дунайскими провинциями Римской империи. По сравнению с предшествующим столетием, сокращения торговли В. И. Кадеев не отметил.

Для III—IV вв., согласно мнению исследователя, характерен импорт оливкового масла и вина из городов Южного Понта; наличие торговли с одним из восточно-средиземноморских центров (название его выявить не удалось), торговые контакты с Боспором, с Афинами и городами, располагавшимися на территории современной Румынии.

В IV в. Херсонес сохранил торговые связи с Атикой, Малой Азией, Южным Понтом, по-прежнему его партнерами являлись купцы с островов Эгейского моря. В. И. Кадееву удалось определить некоторые виды изделий, поступавшие из городов, расположенных в дунайских провинциях империи¹.

распределяются следующим образом: I — начало II в. — 70%, III — начало V в. — 30% (см.: Седикова Л. В. Комплекс находок позднеантичного времени из цистерны в VI квартале Херсонеса // ХСб. 1996. Вып. 7. С. 175—181).

¹ Кадеев В. И. О торговле Херсонеса со Средиземноморьем в I—IV вв. н. э. // Вестник Харьков. ун-та. 1970. № 45: Историческая серия. Вып. 4. С. 62—68 (на укр. яз.); Он же. О культурных связях Херсонеса с Мезией и Фракией в первых веках н. э. // Вестник Харьков. ун-та. 1988. № 316. С. 61—66; Он же Северное Причерноморье и Фракия в I—IV вв.: Проблема контактов // Дриновские чтения: Тез. докл. Харьков, 1988 С. 60—61. В последующем некоторые аспекты взаимоотношений с балканскими провинциями были рассмотрены в совместной работе В. И. Кадеева и одного из его учеников (см.: Кадеев В. И., Дьячков С. В. Фракийцы в Северном Причерноморье в первых веках н. э. // Вестник Харьков. ун-та. 1994. № 385: История. Вып. 28. С. 39—48).

Большое значение имело обращение исследователя к такому слабо разработанному сюжету как внутрирегиональная торговля, характерная для I—III вв., в том числе с туземным населением¹. Для показа данного направления экономических связей были использованы в основном находки из раскопок могильников. В. И. Кадеев отмечает, что торговыми дорогами служили реки Таврики, которые в ту эпоху были полноводнее в сравнение с настоящим временем. Имелись в Херсонесе и собственные суда для морской торговли, однако в отдельных случаях его купцы обращались к судовладельцам других античных городов. Наблюдения относительно экономического развития города² представлены в ряде

---

¹ Кадеев В. И. О торговле Херсонеса с населением Юго-Западного Крыма в I—IV вв. н. э. // Вестник Харьков. ун-та. Питання іст. народів СРСР. 1970. Вип. 9. С. 151—155 (на укр. яз.).

² В. И. Кадееву принадлежит и первое воссоздание целостной картины промыслов Херсонеса; см.: Кадеев В. И. Соляной промысел в позднеантичном Херсонесе (I—IV вв. н. э.) // Археологія. 1961. Т. 13. С. 89—94 (на укр. яз.); Он же. Рыболовный промысел в Херсонесе в первых веках н. э. // Учен. зап. Харьков. ун-та. 1962. Т. 124: Труды ист. фак-та. Т. 9. С. 59—79 (на укр. яз.); также см.: Кадеев В. И. (реф.). Соляной промысел в позднеантичном Херсонесе // *Bibliotheca classica orientalis*. 1963. Нй. 6. S. 337; Кадеев В. И., Рыжов С. Г. Новая рыбозасолочная цистерна в Херсонесе // Археологія. 1973. № 2. С. 76—79 (на укр. яз.). К числу новых направлений в изучении херсонесских древностей относится использование физических методов, в частности, спектрального анализа, позволившего выявить источники получения сырья (см.: Кадеев В. И. Производство изделий из цветных металлов в позднеантичном Херсонесе // Тез. конф. аспирантов каф. обществ. наук Харьков. ун-та, посвященной 92-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Харьков, 1962. С. 122—124; Он же. Некоторые результаты спектрального исследования цветных металлов из позднеантичного Херсонеса // СХМ. 1963. Вып. 3. С. 32—44; Он же. О времени появления токарного металлорежущего станка в Херсонесе // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 149—153; Он же. Костерезный промысел в позднеантичном Херсонесе I—IV вв. н. э. // Археологія. 1969. Т. 22. С. 230—240 (на укр. яз.); Он же. Деревообрабатывающее производство Херсонеса в I—IV вв. н. э. // Херсонес Таврический: Ремесло и культура. Киев, 1974. С. 34—39; Кадеев В. И., Солнцев Л. А., Фомин А. Д. Некоторые результаты спектрального исследования цветных металлов // СА. 1963. № 1. С. 43—48 (краткий повтор

работ В. И. Кадеев и его ученика С. Б. Сорочана, основные выводы которых можно свести к следующим положениям.

1. Утрата земель в Северо-Западной Таврике обусловила значение промыслов. Начиная с первых веков, интенсивное развитие получил, рыбозасолочный промысел¹ и связанная с ним добыча соли. Продукция поставлялась не только на местный рынок, но и вывозилась в другие центры Средиземноморско-Черноморского бассейна, что позволяло херсонеситам получать значительные доходы².

2. Внешнеполитическая стабилизация после окончания Митрида-товых войн сказалась не только на рентабельности торговли, но и на развитии ремесел. Правда, выявить все виды изделий местных мастеров на основании материалов раскопок не удалось³. Но отмечено, что число

см.: *Bibliotheca classica orieritalis*. 1964. № 3. S. 179); Они же. Технология изготовления «бронзовых» украшений из могильника II–IV вв. н. э. около совхоза «Севастопольский» // *Вестник Харьков. ун-та*. 1966. № 17: Ист. серия. Вып. 1. С. 99–105 (на укр. яз.); Они же. О технологии изготовления некоторых изделий из цветных металлов в позднеантичном Херсонесе // *СА*. 1963. № 1. С. 43–48; Кадеев В. И., Шуменко С. И. Некоторые результаты петрографических исследований античной керамики из Херсонеса // *ЗООА*. 1967. Т. 2 (35). С. 271–276.

¹ Следует отметить, что этому способствовали климатические изменения, приведшие к увеличению рыбных стад у берегов Херсонеса.

² Кадеев В. И. *Очерки...* С. 10, 20–26; Он же. Соляной промысел... С. 90–92; также см.: Кадеев В. И., Сорочан С. Б. *Херсонес и Южный Понт: Проблема контактов* // *Археологія*. 1989. № 4. С. 91–102 (на укр. яз.); Они же. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. — V в. н. э.: На материалах Херсонеса. Харьков, 1989. Вывод прозвучал и в опубликованной в начале XXI в. коллективной монографии. Для доказательства его использованы работы В. И. Кадеева и С. Б. Сорочана (см.: Зубарь В. М., Кржицкий С. Д., Сорочан С. Б., Скржинская М. В., Журавлев Д. В., Русяева А. С., Русяева М. В., Владимиров А. А., Храпунов Н. И. *Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э.: Очерки истории и культуры*. Харьков, 2004). В некоторых случаях точка зрения В. И. Кадеева скорректировано автором раздела В. М. Зубарем.

³ Кадеев В. И. *Очерки...* С. 26–28, 47–48.

изделий гончаров Херсонеса в могильниках Юго-Западной Таврики возрастает во II—III вв. в 2 раза в сравнении с I в. н. э.¹

В последующем В. М. Зубарь уточняет: подъем ремесленного производства во II—III вв. был вызван включением некоторых районов Юго-Западной Таврики в сферу экономической деятельности Херсонеса². Его работы не только существенно расширили представления о

---

¹ Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Экономические связи... С. 85—87; Сорочан С. Б. Внешняя торговля Херсонеса Таврического в I в. до н. э. // Вестник Харьков. ун-та. 1980. № 201. С. 72—78 (на укр. яз.); Он же. О торговле Херсонеса с населением Таврики в I в. до н. э. — V в. н. э. // Проблемы античной истории и классической филологии: Тез. докл. Всесоюз. конф. Харьков, 1980. С. 61—62; Он же. Экономические связи Херсонеса со скифо-сарматским населением Крыма в I в. до н. э. — V в. н. э. // Античные государства и варварский мир, Орджоникидзе, 1981. С. 26—37 (также см.: Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э. Киев, 1982.. С. 117—118). В I в. н. э., как считает С. Б. Сорочан, торговля с варварским миром не была стабильной (Сорочан С. Б. Экономические связи Херсонеса... С. 26—37); положение начало изменяться во второй половине I в. н. э. (Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Экономические связи... С. 58—59).

² Об этом см.: Зубарь В. М., Кржыцкий С. Д., Сорочан С. Б. и др. Херсонес Таврический... С. 194. В. М. Зубарь сделал вывод о том, что в Херсонесе существовали небольшие узкоспециализированные мастерские, поэтому здесь, как и в других центрах (ссылка на: Штаерман Е. М. Древний Рим: Проблемы экономического развития. М., 1978. С. 131), «пока не зафиксированы производственные комплексы первых веков, которые можно было отнести к разряду крупных» (см.: Владимиров А. А., Журавлев Д. В., Зубарь В. М. и др. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. С. 194). Причина могла быть и иной. В более раннее время керамический комплекс, состоявший из нескольких печей, был открыт В. В. Борисовой с внешней стороны оборонительных стен (см.: Борисова В. В. Гончарные мастерские Херсонеса: По материалам раскопок 1955—1957 гг. // СА. 1958. № 4. С. 144—153). Подобная ситуация прослежена ею и для средневекового периода (см.: Борисова В. В. Средневековая гончарная печь // СХМ. 1960. Вып. 1. С. 42—46). В одном из чрезвычайно интересных трактатов, освещающих «производственную топографию» ранневизантийского города говорится о запрете размещать огнеопасные производства вблизи жилой зоны (см. Сюзюмов М. Я. О трактате Юлиана Аскалонита // АДСВ. 1960. Вып. 1; также: Сюзюмов М. Я. Византийские этюды. Екатеринбург,

Херсонесе римского времени, но и скорректировали прежние выводы. Оживлению экономики Херсонеса в первые века н. э. предшествовало сокращение внешнеторговых связей, наступившее во II—I вв. до н. э. Обычно это объяснялось, подчеркнул В. М. Зубарь, двумя причинами: состоянием экономики в 70—40-х гг. до н. э. главных торговых контрагентов в Южном Причерноморье и развитием торговли только в пределах державы Митридата. Однако полагает исследователь, следует учитывать и внешнеполитическую ситуацию: римскую блокаду бассейна Черного моря в первой половине I в. до н. э., и то, что Херсонес потерял значительную часть своей округи, как и то, что помощь Митридата не была безвозмездной: херсонеситы вынуждены были платить форос, что привело к сокращению запасов серебра.

Оживление торговых связей в первые века, наличие нескольких рынков непосредственно на городской территории, высокий уровень развития монетного дела и денежного обращения, наличие в городе менял — на все эти факты следует обращать особое внимание. Они свидетельствуют «не только о подъеме внутренней торговли, но и сравнительно высокой степени ее специализации», делает В. М. Зубарь обоснованный вывод, доказанный анализом широкого круга находок¹. Херсонесские купцы I—II вв. н. э. участвовали и в транзитной торговле, поставляя изделия других центров населению Юго-Западного Крыма, которое в этот период увеличилось (особенно во II—III вв. н. э.). Из глубинных районов Таврики могла поступать в Херсонес сельскохозяйственная продукция. Обращает внимание автор на то, что торговые партнеры, имеются в виду купцы Херсонеса и «покупатели и продавцы» из среды варваров, не были равноправными, натуральный обмен между получателями (не только верхушки, но и рядового населения из среды варваров) изделий городских мастерских (Херсонеса и других центров) позволял извлекать херсонеситам максимальные доходы. Соглашаясь с мнением В. И. Кадеева о том, что продукция херсонесских мастеров

2002. С. 25—54). Возможно, «почти» выводов В. М. Зубаря можно объяснять тем, что территория за пределами оборонительных стен Херсонеса, где могли располагаться производственные комплексы, фактически не исследована.

¹ Зубарь В. М. Херсонес Таврический и Римская империя. С. 53.

(речь идет в основном об изделиях гончаров) удовлетворяла в первые века н. э. потребности местного рынка и вывозилась в Юго-Западный Крым, В. М. Зубарь полагает, что подобная ситуация могла существовать и в других видах производственной деятельности.

Привлечение новых материалов из раскопок могильников Юго-Западного Крыма и фондов Херсонесского заповедника сделало возможным выделение более узких хронологических рамок для каждого из направлений торговых связей, выявить колебания в их интенсивности (в более ранних работах это не отмечалось). Все это послужило основанием для вывода, отличающегося от традиционных взглядов историков советского времени: для III в. «нельзя говорить об их упадке (торговли и в целом экономики Херсонеса) или о глубоком кризисе в позднеантичный период. После ухода римских войск из Крыма в середине — третьей четверти III в. н. э. экономическое состояние города было стабильным; только во второй половине V в., «когда в окрестностях Херсонеса, в частности, на Гераклеяском полуострове, оседает какая-то часть гуннов, очевидно, наступает заключительный этап кризиса античной формы собственности на землю». Серединой — второй половиной V в. и до середины VI в. — следует датировать переходный период, в рамках которого складываются «экономические предпосылки, которые в дальнейшем позволили Херсонесу на протяжении около тысячи лет развиваться в новых условиях»¹.

Некоторые уточнения выводов, изложенные в названной выше монографии, В. М. Зубарь сделал позднее².

Безусловно, различным аспектам истории Херсонеса римского времени были посвящены многочисленные статьи и публикации находок. Все они упомянуты в исследованиях второй половины XX столетия.

---

¹ Зубарь В. М. Херсонес Таврический и Римская империя. С. 125.

² Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху: Экономика и социальные отношения. Киев, 1993; Он же. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. Киев, 2004. Концепция автора отражена и в: Владимиров А. А., Журавлев Д. В., Зубарь В. М. и др. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э.: Очерки истории и культуры. Харьков, 2004, а также в главе 5 «Херсонес во второй половине II — середине I вв. до н. э.» коллективной монографии «Херсонес Таврический в третьей четверти VI — середине I вв. до н. э.: Очерки истории и культуры» (Киев, 2005).

В данном очерке внимание уделено изложению взглядов в основном трех историков на экономическую составляющую истории Херсонеса начала первого тысячелетия. Мнения, отражающие другие аспекты, будут приведены ниже. В частности, а) время римского господства в Северном Причерноморье, следовательно, и в Херсонесе; б) вопрос о наличии в данном регионе лимеса — единой линии лагерей и постов, защищавших границы империи (подобно Рейнскому и Дунайскому лимесу). Они тесно связаны с такими сюжетами, как характер римского господства в Северном Причерноморье, взаимоотношения Рима с различными центрами региона, особенно с Херсонесом и Боспорским царством.

К трудам В. И. Кадеева, В. М. Зубаря, С. Б. Сорочана и представителей других научных школ еще придется обращаться неоднократно при рассмотрении существующих дискуссий, среди которых следует выделить следующие:

1. Время получения первой и второй элевтерии (свободы) и введение нового летоисчисления.

2. Вопрос о существовании Таврического лимеса.

3. Социальный состав населения города.

4. Изменение системы управления.

Безусловно, среди историков имеются отличия в хронологии и содержании отдельных событий.

Разночтения и дискуссии порождены, не только методологическими подходами, но и отрывочностью сведений нарративных источников, отсутствием «полного архива» херсонеситов — декретов, на основании которых стало бы возможным воссоздать хронологическую последовательность событий.

Дискуссия о первой «элевтерии»; введение нового летоисчисления

Проримская ориентация политики Херсонесской республики нашла отражение уже во время Митридатовых войн. После междоусобной борьбы на Боспоре и поражения Фарнака в 46 г. до н. э. из Херсонеса отправляется посольство в Рим. Его цель — добиться в лице республики «друга и защитника».

Рассматривая события тех лет, В. И. Кадеев писал, что херсонеситы использовали для изложения просьбы наилучшее время, и наиболее приемлемого человека. Таковым стал Гай Юлий Сатир, сын Феогена, почетный гражданин города. Кроме многочисленных заслуг, имел он и римское гражданство. В память благополучного завершения почетной миссии Народное собрание издало декрет, текст которого и положен в основу реконструкции событий¹. Но в нем не сказано за какое из деяний Гай Юлий Сатир удостоился римского гражданства. Согласно гипотезе В. И. Кадеева, ранее он успешно выполнял поручения самого Юлия Цезаря, при котором и стал гражданином Римской республики. Отражением этого является одна из составляющих его имени — Юлий.

Итак, в 46 г. до н. э. из Херсонеса отбывает посольство. Цезарь, готовясь к борьбе со сторонниками Помпея, которые укрепились в Испании, и, стремясь заручиться поддержкой греческих городов, удовлетворил ходатайство, проведя решение через сенат. Так Херсонес получил свободу — элевтерию. В. И. Кадеев, скорее всего не безосновательно, полагает, что послы могли дать обещание выступить против Боспора и сетовали на несправедливость Помпея, поскольку свободу он даровал только Фанагории.

Вознаменование столь значимого государственного акта Херсонесский монетный двор выпустил монету с изображением богини Девы и лани на аверсе, на реверсе — бодающегося быка и надписью «Херсонесская свобода». Решение Цезаря о предоставлении «элевтерии» сенат утвердил спустя несколько лет, как полагает В. И. Кадеев (через день после убийства Цезаря — 17 марта 44 г. до н. э.)².

Смерть Цезаря привела к новой вспышке гражданской войны. И судьба города стала все большей и большей степени зависеть от событий, происходивших непосредственно в республике. Выступивший против Октавиана, приемного сына Цезаря, Марк Антоний лишил

---

¹ Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках... С. 14–15; также см. его работу: Херсонес Таврический: Быт и культура, I–III вв. н. э. Харьков, 1996. С. 5.

² Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках... С. 14.

многие греческие города дарованных им ранее элевтерий (ок. 42 г. до н. э.). Вероятно, утратили ее в эти годы и херсонеситы.

Безусловно, восстановить подробный ход событий только на основании декрета в честь Гая Юлия Сатира и учета общеисторической ситуации не возможно. Но имеется еще один документ, относящийся к 20-м гг. I в. до н. э., на который обратил особое внимание В. И. Кадеев, а в последующем и другие историки, писавшие о Херсонесе второй половины — конца I в. до н. э. Это декрет в честь неизвестного (имя не сохранилось) гражданина. Палеографический анализ надписи и упоминание «Величайшего императора и сената», по мнению исследователя, свидетельствует о том, что декрет был издан Народным собранием между 29 и 23 гг. до н. э.¹ К этому времени главой Римского государства стал принцепс и император Гай Октавиан, принесший гражданам долгожданный мир после разгрома совместных сил Антония и царицы Египта Клеопатры.

В декрете в честь неизвестного говорится о недовольстве беднейших граждан, чем воспользовался тиран и произвел переворот. Непокойная обстановка заставила состоятельных херсонеситов вновь обратиться в Рим с просьбой подтвердить свободу (а тем самым и защиту), дарованную Цезарем. Антидемократический переворот был подавлен; демократия восстановлена; элевтерию Херсонес получил. Но это была уже иная демократия.

С 26 г. до н. э., после победы в гражданской войне, Август подтверждал дарованные ранее Цезарем «свободы» греческим городам. Многие из них отмечали чрезвычайно важные события выпуском монет и введением нового летоисчисления. Так же поступили и херсонеситы: в 25/24 г. до н. э., согласно точке зрения В. И. Кадеева, был введен новый календарь². Однако, как он полагает, элевтерия оказалась кратковременной.

Близкое мнение было высказано еще в начале века М. И. Ростовцевым, первым, кто обратился к данному сюжету. Он писал, что

---

¹ Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках... С. 15. До 23 г. до н. э. все дела в Риме еще решались Октавианом совместно с сенатом.

² Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках... С. 16.

декрет в честь Юлия Сатира — свидетельство получения «свободы» при Цезаре, затем элевтерия подтверждена Октавианом Августом, но оказалась недолгой¹.

Кратковременность элевтерии В. И. Кадеев объясняет тем, что в скором времени (в 14 г. до н. э.) римляне, исходя из внешнеполитических интересов, настояли на заключении союза между Херсонесом и Боспорским царством.

В середине 20-х гг. на Боспоре вспыхнула династическая борьба между Полемоном I (37—8 гг. до н. э.) и Скрибонием. Римляне поддерживали одного из претендентов — Полемона — и потребовали от Херсонеса оказать ему военную помощь и заключить союз (симмахию, 14 г. до н. э.). Так херсонеситы стали союзниками Боспора, сохранив автономию при решении внутренних дел. Управляли городом по-прежнему избираемые на год магистраты, среди которых появляются имеющие римское гражданство. Не смотря на призрачность свободы, в последующем херсонеситы неоднократно просили Рим подтвердить элевтерию. И она подтверждалась, особенно, в годы, когда возникала опасность в нарушении «союза и дружбы» с римским народом со стороны боспорских правителей. То даруя, то отменяя элевтерию, римляне влияли на обстановку в регионе дипломатическим путем, не вводя военных контингентов.

Симмахия 14 г. до н. э. является свидетельством все большего и большего втягивания в орбиту римской политики Херсонесского полиса, который под давлением Рима вынужден был стать союзником Боспора, что привело его к зависимости от его правителей. Правда, как отмечает В. И. Кадеев, при этом формально свобода не отменялась².

Подтверждением существования симмахии являются два памятника: декрет в честь Боспорского посла при царице Динамии и установка в городе статуи другому правителю — Аспургу (14/15—37/38).

По мнению Ю. Г. Виноградова, содержание надписи свидетельствует о существенной зависимости Херсонеса от Боспорского царства.

---

¹ Ростовцев М. И. Цезарь и Херсонес // ИАК. 1917. Вып. 63. С. 17—18.

² Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках... С. 17.

Исследователь полагал, что декрет в честь Динамии «носит яркий оттенок милостей, причитающихся правительнице» со стороны ее верноподданных. Подтверждается это, как он полагал, и текстом послания Полемона Совету и Народу Херсонеса, который носит характер обычных рескриптов «от имени сюзерена гражданам зависимого от него полиса»¹.

Мнение Ю. Г. Виноградова вызвало критические замечания. Возражая ему, В. М. Зубарь отметил², что подобные обращения использовались в отношении городов, имевших элевтерию и самоуправление. Кроме логических построений и выводов коллег В. М. Зубарь использует для аргументации, вслед за В. И. Кадеевым, эпиграфические памятники Боспора, в которых в числе подвластных Полемену территорий Херсонес не назван. Несколько позднее рассматриваемых событий Плиний Старший писал, что Херсонес остался единственным городом с греческой культурой (Плиний Старший, Естественная история. IV, 85). Отметил римский историк и то, что город сохранил при римлянах статус свободы. Но до времени, когда это было сказано, херсонеситом предстояло пережить еще многие события.

В конце I до н. э. — начале I в. н. э. римляне пока еще использовали дипломатию, для военного присутствия время не наступило.

Урождающейся империи было много дел на Западе. Победоносной армии наследника Цезаря — Октавиана Августа — германцы нанесли сокрушительный удар в Тевтобурском лесу. В 29 г. до н. э., после возвращения с Востока Октавиана были закрыты двери храма бога Януса, но полного мира не наступило. (Согласно традиции двери храма оставались открытыми до тех пор, пока римляне находились в состоянии войны.) После поражения в Тевтобурском лесу «сына причисленного к лику богов Цезаря» Октавиана Августа, варвары все чаще начали появляться у границ Рима.

---

¹ Виноградов Ю. Г. Полемон, Херсонес и Рим // ВДИ. 1992. № 3. С. 130–139.

² Зубарь В. М. Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н. э. — первая половина VI в.). Киев, 1998. С. 22. Исследователь привел ссылку на: Колобова К. М. Политическое положение городов в Боспорском царстве // ВДИ. 1954. № 4. С. 55–56.

Не наступило и гражданского мира, не помогло и возведение величественного Алтаря Мира. После смерти Октавиана, при Тиберии Клавдии (42 г. до н. э. — 37 г. н. э.), начались многочисленные процессы по обвинению в «оскорблении величеств», казни, ссылки и конфискации имущества, направленные против оппозиционно настроенных сенаторских кругов. А границы государства все в большей степени страдали от набегов варваров. Наследникам Октавиана приходилось противостоять им и бороться против мятежей, вспыхивающих в армии и провинциях. Военные силы требовались для наведения порядка в Паннонии, Фракии, Галлии и Германии.

Однако, не смотря на существовавшие внутри- и внешнеполитические проблемы, Римская империя стремились контролировать ситуацию в Северном Причерноморье. Свидетельством усиливающегося вмешательства стал военный конфликт с Боспорским царем Митридатом II (39—45 гг.).

Сменивший Тиберия Калигула (37—41), решил поставить во главе Боспора нового правителя — Полемона II. **Не пожелавший** подчиниться принцепсу, Митридат II выступил против Рима. Так началась римско-боспорская война. Херсонеситы приняли в ней участие на стороне более сильного из противников — Римской империи, надеясь на ее помощь и в отражении опасности со стороны скифов. Посланные в Таврику legionеры, отразили угрозу. Митридат II на время сохранил престол, более того император Клавдий (41—54) признал его власть законной. Однако попытки Митридата II **проводить** самостоятельную политику пресекались. Справившись с внутренними трудностями, Клавдий начал активнее вмешиваться в боспорские дела. Одним из поводов стал донос Котиса на брата. Для наведения порядка в Северное Причерноморье был отправлен военный отряд во главе с Авлом Дидием Галлом. Армия Митридата II потерпела поражение, а сам он нашел убежище на азиатской стороне пролива. Но, как только основные силы римлян покинули регион, Митридата II попытался вернуть престол. Его поддержало одно из местных племен. Но удача отвернулась от бывшего правителя. Митридат вновь был разбит командовавшим вспомогательным отрядом Гаем Юлием Аквиллом, а прокуратор Понта Юний Цилон доставил останки поверженного в столицу.

Военачальники, участвовавшие в римско-боспорском конфликте, получили награды: Юлий Аквил стал претором, а Юний Цилон — получил консульские регалии.

Какие же выгоды извлекли херсонеситы из того, что они сражались на стороне римлян? Зависимость от Боспора, диктуемая союзным договором, сменилась протекторатом империи, но это давало надежду на защиту пределов полиса от скифской угрозы¹.

Мнение В. М. Зубаря в отношении изложенных выше событий в отдельных деталях отличается от точки зрения В. И. Кадеева.

Для выявления продолжительности первой элевтерии В. М. Зубарь реконструирует возможный ход событий следующим образом. После гибели Митридата Евпатора Понтийского его останки вместе с дарами и заложниками отосланы в Рим, а Фарнак (63—47 до н. э.) стал «другом и союзником римлян». Херсонес остался под контролем Боспора. Новый правитель Боспорского царства вынашивал честолюбивые планы — вернуть наследство Митридата: Понтийское царство находилось в руках римлян. Готовясь к отплытию в Малую Азию, Фарнак назначил архонтом Боспора Асандра (49/48 гг. до н. э.). После поражения в битве при Зеле в августе 47 г. до н. э., по дороге на Боспор Фарнака скончался. Боспорским царем стал Асандр, позднее официально утвержденный в этом качестве (ок. 45 г. до н. э.) римлянами. В начале его правления херсонеситы отправили посольство с просьбой о даровании независимости от Боспора. По мнению В. М. Зубаря, получению элевтерии способствовало то, что Асандр еще не был признан царем Боспора, и римляне стремились создать ему противовес. Элевтерия означала подчинение Херсонеса непосредственно Римской республике. В последующем Август подтвердил элевтерию², предотвратив тем самым прямую угрозу захвата Херсонеса боспорским царем.

---

¹ Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках... С. 19.

² Белов Г. Д. Херсонес Таврический. С. 97; Гайдукевич В. Ф. История античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. Т. 1. С. 23—147. С. 89; Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках... С. 17.

После окончания римско-боспорской войны Боспорское царство перешло в ведение наместника провинции Вифиния; западная часть Северо-Причерноморского региона (и Херсонес) оказались под контролем легата Мезии. Свидетельства о событиях того времени не позволяют окончательно решить вопрос о продолжительности элевтерия и представить, какие «свободы» получили херсонеситы. В. М. Зубарь полагает, что при Августе были дарованы «какие-то более ограниченные права, о содержании которых в силу полного отсутствия источников можно лишь догадываться». Но получение херсонеситами «еще каких-то льгот» ознаменовалось выпуском золотых монет в 47 и 49 гг.¹

Итак, около 25/24 г. Херсонес, по мнению В. М. Зубаря, становится потенциальным союзником Рима, он выведен из непосредственного подчинения Боспорскому царству, с которым все же херсонеситы заключили союз. Избегая термина «элевтерия» для определения положения Херсонеса, начиная с эпохи Октавиана Августа, исследователь полагает, что император даровал Херсонесу «определенный юридический статус»². Взаимоотношения между двумя государствами Северного Причерноморья — Херсонесским полисом и Боспорским царством — на время были урегулированы заключением оборонительного союза, по условиям которого они должны были проводить единую внешнеполитическую линию в интересах Рима³. Вероятно, союзные отношения существовали до середины I в. н. э.⁴

---

¹ Зубарь В. М. Херсонес Таврический и Римская империя. С. 13, 16—17, 23. В коллективной монографии мнение В. М. Зубаря о причинах дарования первой элевтерии и датировка событий не изменились (Владимиров А. А., Журавлев Д. В., Зубарь В. М. и др. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. С. 66—67).

² Зубарь В. М. Из истории Херсонеса Таврического на рубеж н. э. // ВДИ. 1987. № 2. С. 118—129; Он же. Херсонес Таврический и Римская империя. С. 21—27; ср.; Зубарь В. М., Кржицкий С. Д., Сорочан С. Б. и др. Херсонес Таврический... С. 42.

³ Зубарь В. М. Северный Понт... С. 21.

⁴ Зубарь В. М. Из истории Херсонеса Таврического...

Поход Плавтия Сильвана и начало римской оккупации

Поражением Митридата II воспользовались скифы, начавшие новое наступление на Херсонес и Ольвию. В 53–54 гг. Ольвия была захвачена варварами, та же участь угрожала Херсонесу. Римлянам вновь пришлось направлять военные силы в Северное Причерноморье. На этот раз поход при поддержке кораблей Равенского флота возглавил легат Мезии Тиберий Плавтий Сильван.

Год похода Тиберия Плавтия Сильвана вызывает разночтения у историков Таврики. Острота дискуссии обусловлена тем, что он знаменует начало постоянного военного присутствия римлян в Северном Причерноморье.

В середине I в. н. э. у последнего императора принципата Юлиев-Клавдиев Нерона (37–68 гг., император с 54 г.) вызрел план военной экспедиции на Восток, к Каспийским воротам. Это в свою очередь привело к активизации римской политики в Северном Причерноморье. В связи с предстоящей операцией городам региона предстояло стать базами для снабжения войск.

Рассматривая внешнеполитическую картину тех лет, исследователи отмечают значительные этнические перемещения в Крыму, вызванные приходом сарматов¹. Новая угроза со стороны варваров заставила херсонеситов обратиться за помощью к наместнику Мезии. Ответом и стала возглавленная им экспедиция. Помощь Херсонесу в отражении варварской опасности не противоречила интересам Рима.

Как свидетельствует эпитафия, найденная около мавзолея Тиберия Плавтия Сильвана, на которую ссылаются фактически все историки Крыма, «царь скифов был отогнан от осажденного им Херсонеса»; оттеснены были варвары и от стен Ольвии.

---

¹ Зубарь В. М., Савеля О. Я. Новый сарматский могильник второй половины I — начала II в. н. э. в Юго-Западном Крыму // Археологія. 1989. № 2. С. 81–83 (на укр. яз.); Пуздровский А. Е. Этническая история Крымской Скифии, II в. до н. э. — III в. н. э. // ХСб. 1999. Вып. 10. С. 208–225; Он же. Политическая история Крымской Скифии во II в. до н. э. — III в. н. э. // ВДИ. 2001. № 1. С. 86–117.

Не перечисляя имен всех исследователей¹, которые остановили внимание на определении времени похода Плавтия Сильвана, все же следует заметить, что истоки поисков восходят к началу XX в. — к работам Э. Х. Миннза, который отнес его к началу 60-х гг. I в., приблизительно к тем же годам, когда Нерон решил прославить свое имя грандиозным военным мероприятием².

Анализу внешнеполитических событий середины I в. посвящены и другие (причем, многочисленные) работы, в которых исследователи останавливали внимание на деятельности наместника Мезии. Но наиболее полно с учетом изменений, происходивших в варварской среде, используя эпиграфические памятники, в том числе полученные в последние годы, кратковременный, но чрезвычайно значимый для

---

¹ Историография вопроса и, следовательно, соответствующие работы неоднократно приводились В. М. Зубрем, который несколько раз возвращался к анализу событий, уточняя возможное время экспедиции Плавтия Сильвана. Соображения о последовательности событий он изложил и в коллективной монографии: Владимиров А. А., Журавлев Д. В., Зубарь В. М. и др. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. С. 50—59. Однако для полноты картины следует отметить работу В. И. Кадеева (Кадеев В. И. Херсонес Таврический первых веков... С. 20—21), точка зрения которого близка к мнению Э. Миннза. События, связанные с началом римской оккупации, рассмотрены в статьях В. Н. Дьякова (см.: Дьяков В. Н. Древняя Таврика до римской оккупации // ВДИ. 1939. № 3. С. 72—86; Он же. Оккупация Таврики Римом в I в. н. э. // ВДИ. 1941. № 1. С. 87—97; Он же. Таврика в эпоху римской оккупации // Учен. зап. Моск. пед. ин-та. 1942. Т. 28. Вып. 1. С. 3—92). Д. А. Костромичев и В. В. Масякин полагают, что поход Плавтия Сильвана вызван стремлением обеспечить надежную защиту Нижнедунайским провинциям (см.: Костромичев Д. А., Масякин В. В. К проблеме начального этапа римского военного присутствия в Крыму // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы: Материалы V Боспорских чтений. Керчь, 2004. С. 196—197).

² Minns E. H. Scythians and Greeks. A Survey of Ancient History and Archeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge, 1913. P. 520—523.

городов Северного Причерноморья, отрезок времени, представлен в монографиях и статьях В. М. Зубаря¹. Он, вслед за Миннзом полагает, что экспедицию Плавтия Сильвана следует рассматривать в тесной связи с военными замыслами Нерона.

Итак, между 62 и 66 гг. легат провинции Мезия наряду с отправкой, как первоначально полагал В. М. Зубарь, небольшого вспомогательного отряда, предпринял попытку дипломатическим путем обеспечить безопасность Ольвии, выступив посредником заключения союза между сарматскими правителями и Ольвией. Отряд, скорее всего, возглавляемый непосредственно Тиберием Сильваном, прибыл в Таврику в последние годы принципата Нерона (до начала гражданской войны, которая вспыхнула после его смерти)².

Анализ клейм с названиями легионов, восстановление возможного состава военных сил, которые могли быть привлеченными к выполнению военной операции в Таврике, как и сопоставление свидетельств о перемещениях воинских контингентов и их подчиненности, позволили в последующем уточнить время похода Плавтия Сильвана и датировать его 63–64 гг. н. э.³

На смену политики эпизодического вмешательства в дела региона только в случае возникновения необходимости, при проявлении сепаратистских тенденций у местного населения, пришла оккупации прибрежных территорий. Между 63 и 66 г. по распоряжению Нерона

---

¹ Зубарь В. М. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. Киев, 2004. С. 148–157. Обширные историографические экскурсы, сопоставление точек зрения исследователей, характерные для монографии, делают излишним обращение к такому сюжету как варварский мир, тем более что отчасти мнения исследователей уже были представлены.

² Зубарь В. М. Про поход Плавтия Сильвана в Крым // Археологія. 1988. Т. 63. С. 19–26 (на укр. яз.).

³ Зубарь В. М. Основные этапы исторического развития Херсонеса в середине I в. до н. э. — первой половины II в. // Владимиров А. А., Журавлев Д. В., Зубарь В. М. и др. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. С. 53.

на Боспор были введены войска, в Херсонесе размещены гарнизоны и флот. На Южном берегу Крыма — на мысе Харакс (район Большой Ялты) римляне приступили к созданию укрепленного лагеря.

Один из современников событий историк Иосиф Флавий (37–100) писал, что число солдат на берегах Понта и на Кавказе насчитывало 3 тыс., а в гавани было введено 40 кораблей (Иосиф Флавий. Иудейская война, II, 16,4).

В целом количество римлян в обустриваемых в Северном Причерноморье крепостях и лагерях было большим. У одного из теоретиков античного дела Вегеция (IV в. н. э.) говорится: «Кроме того легион имеет еще обслуживающий персонал: плотников, каменщиков, каретников, кузнецов, маляров и других ремесленников для постройки барачных зимних квартир; они изготовляют машины, деревянные башни и все остальное, что необходимо для завоевания вражеских городов или для защиты своих; их держат для того, чтобы они или заново делали повозки и всякого рода метательные орудия или поправляли разбитые. Имелись еще мастерские для выделки щитов, панцирей, луков; в них изготовлялись стрелы, метательные дротики, шлемы и всякого рода другое оружие. Одной из главнейших забот было, чтобы в лагере никогда не было недостатка в том, в чем может нуждаться войско» (Вегеций. Краткое изложение военного дела, II, 11).

При Нероне и пришедшем к власти после завершения очередной гражданской войны Веспасиане Флавии (время принципата Флавиев: 69/70–96 гг.), проводившего политику ограничения самостоятельности местных властей, в Херсонесе перестал работать монетный двор. Исключением является единственный выпуск, прославляющий *Rex Augusta*. Косвенным свидетельством зависимости города от империи является установка в городе статуи Сексту Веттулену Кериалису — наместнику Мезии. Среди верхушки херсонеситов появляются лица, которым Флавии даровали римское гражданство. Многие представители одной из таких семей занимали высшие исполнительные магистратуры.

Дарование гражданства, как считает В. И. Кадеев, диктовалось не только стремлением создать опору, но являлось частью мероприятий

по подготовке территории к включению в состав провинции Мезия¹. С римским влиянием связано, по его мнению, и появление новой для Херсонеса магистратуры — первого архонта.

Ввод в Северное Причерноморье легионеров, размещение их непосредственно в Херсонесе на территории, которая в настоящее время носит условное обозначение «цитадель», позволяло Римской империи осуществлять прямой контроль над ситуацией. Вполне вероятно, что в период принципата Флавиев (Веспасиан, Тит, Домициан) было принято решение включить Херсонес в состав провинции Мезия. Потому-то и даровалось некоторым из херсонеситов римское гражданство, а в городе был появился памятник в честь наместника Секстия Веттулена Кериалиса.

Предположение В. И. Кадеева приобретает вполне реальный характер, если учитывать, что с превращением херсонеситов в провинциалов появился бы новый круг лиц, пополнявших опустошенную Гражданской войной государственную казну. Включение херсонеситов в разряд провинциалов означало не только уплату налогов, кроме тех, кому было даровано римское гражданство, но и несение расходов на содержание римского гарнизона. (До 212 г., до появления эдикта Каракаллы, император с 211 г., полное имя: Марк Аврелий Север Антонин, римские граждане прямых налогов не платили).

Однако Херсонес не был включен в состав провинции Мезия ни при Флавиях, ни позднее. Правители империи предпочли использовать город как орудие традиционной римской дипломатической доктрины: «Разделяй и властвуй».

При Домициане Флавии началась затяжная военная компания в Дакии. Воспользовавшись тем, что римляне ослабили контроль в Северном Причерноморье, правитель Боспора Рескупорид II выпустил золотую монету с собственным изображением. (До этого чеканились монеты с портретами римских императоров.) В противовес Боспору был разрешен выпуск золотой монеты (84/85 гг.) и херсонесскому монетному двору (ранее золотая монета чеканилась при его брате Тите Флавии, 79/80 гг.).

---

¹ Кадеев В. И. Херсонес Таврический и Римская империя... С. 23.

Несмотря на то, что Рим вынужден был сконцентрировать основные силы в Подунавии, где военные действия шли с переменным успехом, гарнизон из Херсонеса не был выведен и вместе с местным ополчением отражал опасность со стороны скифов. Город по-прежнему контролировался наместником Нижней Мезии, о чем и свидетельствует надпись на установленном в его честь памятнике.

Некоторые аспекты внешней политики принципата Антонинов

В честь победоносных походов на Балканы Траяну (53—117, император с 98 г.) в Риме была воздвигнута величественная арка. Но это, пожалуй, последние масштабные и успешные военные операции Империи. С эпохи принципата Антонинов начинается новый период во внешней политике государства — переход к защите пограничных рубежей, которые все большей и большей степени тревожили набеги варваров. Создаваемые по мере территориальных приобретений еще со времен Республики¹ лагеря легионеров с располагавшимися около них поселениями гражданских лиц (канабэ) постепенно превращались в единую линию, защищающую пределы государства. Начало этого процесса относится еще к периоду Гальских войн Гая Юлия Цезаря, построившего стену (*murus*), которая должна была обезопасить вошедшие при нем в состав республики приграничные территории. Первый опыт получил развитие при Октавиане Августе, приступившего к сооружению отдельных секторов обороны пограничной линии. Следующее крупное военно-оборонительное строительство относится ко времени принципата Флавиев: император Домициан создает целую серию сторожевых и сигнальных башен в западногерманских землях. Продолже-

---

¹ Не останавливая внимания на многочисленных ранних работах, посвященных западным пределам Рима, приведу только несколько фундаментальных источниками исследований конца XX в.: Petri F., Droege G. (Hrsg.). *Rheinische Geschichte*. Düsseldorf, 1978 (глава о ранней истории региона «Altertum» принадлежит H. Petrikovits); Güppers H. (Hrsg.). *Die Römer in Rheinland-Pfalz*. Stuttgart, 1990. Небольшие общеисторические экскурсии содержит книга о христианизации земель труверов: Heinen H. *Frühchristliches Trier: Von den Anfängen bis zur Völkerwanderung*. Trier, 1996.

нием деятельности по защите рубежей государства стали мероприятия Адриана (76–138, император с 117 г.) в Верхней Германии, Британии, Нумидии. Систему военно-оборонительных сооружений, возникших к этому времени, исследователи называют «лимесом»¹. Многочисленные крепости в I–II вв. возникают на берегах Дуная².

Содержание дефиниции «лимес»

Впервые термин «лимес» появился в работах Теодора Моммзена (1817–1903). Наиболее полно его содержание раскрыто в много-томной «Истории Рима» (1908) в разделе о принципате Флавиев³.

---

¹ Birley E. Limesforschung seit Ernst Fabricius // Studien zu den Militärgrenzen Roms III: Vorträge des 13. Internationalen Limeskongresses, Aachen 1983. Stuttgart, 1986. S. 17–19. В числе работ, посвященных Дунайскому лимесу, следует назвать исследования польского историка Т. Сарновски, одного из участников польско-болгарской археологической экспедиции, исследующей на протяжении более 40 лет Нове (Северная Болгария). Долговременным руководителем с болгарской стороны являлась Мария Чичикова. Находки из раскопок и в связи с их публикаций общенсторические сюжеты представлены в многочисленных статьях, например: Sarnowski T. Wojsko rzymskie w Mezji Dolnej i na północnym wybrztzu morza czarnego // Novaensia. 1988. T. 3; Idem. Die Anfänge der spätömischen Militärorganisation des unteren Dunaulimes // Akten des 14. Internationalen Limeskongresses 1986 in Carnuntum. Wien, 1990. S. 855–861. Еще во время занятий проблемами истории Нове Т. Сарновски проявил интерес к Северо-Причерноморскому региону (Sarnowski T. Römischen Heer im nordendes Schwarzen Meeres // Archeologia (Warszawa). 1988. № 38). Своеобразным продолжением штудий польского историка стали его раскопки в конце XX в. совместно с сотрудником Херсонесского заповедника О. Я. Савели римского лагеря в Балаклавe.

² Итоги раскопок некоторых памятников: Нове, Дортикум, Бонония (совр. Видин), Рациария, Экус, Ятрус, Дуросторум (совр. Силистра) и многие другие) обобщены: Теофилов Иванов Р. Долнодунавската отбранителна система между Дортикум и Дуросторум от Август до Маврикий. София, 1999.

³ Mommsen T. Der Begriff des Limes // Gesammelte Schriften. B., 1908. Bd. 5. S. 456. Более ранние работы Т. Моммзена, посвященные лимесу: Mommsen Th. Die römischen Lagerstädte // Hermes. 1873. T. 7; Idem. Die römische Militärwesen seit Diocletian // Hermes. 1899. T. 24:

Спустя 18 лет к проблеме лимеса обратился Е. Фабрициус¹. С этого времени начинается систематическое изучение отдельных районов пограничной территории Римской империи. Первые итоги научных изысканий по данной проблеме были подведены на международной конференция «Лимес конгресс», которая состоялась в Англии в 1949 г.

С этого времени на основании содержательной стороны дефиниция выделяется два подхода. Лимес — это единая заградительная линия, включающая в свой состав: лагерь легионеров (*castra*), крепость (*castella*), маркированные путевые остановки (*stationes*), сигнальные и сторожевые башни (*turno*), поселения гражданских лиц рядом с лагерем (*canabae*) и села (*vici*), связанные друг с другом военной дорогой. Такое понимание лимеса восходит к работам Т. Моммзена². В некоторых случаях под лимесом подразумевается пограничная линия вне зависимости от того, имела ли она специальные сооружения или таковые отсутствовали³.

Кроме историко-археологических работ, в той или иной мере касающихся Рейнского или Дунайского лимеса, существует лингвистическое исследование, в котором подробно проанализированы понятия *limes* и *limitanei*. Автору одной из них Б. Исааку удалось выявить, что первоначально термин не являлся индикатором линии военно-оборонительных сооружений, а использовался для обозначения военной дороги. Он полагает, что это согласуется с содержанием латинского слова «*limes*», произошедшего от «*limus*» — путь, дорога между поселениями. В отдельных случаях для разграничения обозначений сухопутной и речной границ использовались слова «*limes*» и «*ripa*»⁴. Начиная с IV в. термин

---

¹ Его перу принадлежит статья в энциклопедии, издаваемой Г. Виссовым: Fabricius E. Limes // RE. 1926 (1927). Bd. 13. S. 572–671. 1926. S. 672.

² Мнение Т. Моммзена, близкое см.: Momigliano A., Mann J. Limes // The Oxford Classical Dictionary. Oxford, 1979. P. 610.

³ Теофилов Иванов Р. Долнодунавската отбранителна система... С. 9.

⁴ Isaac B. The Meaning of the Terms Limes and Limitanei // JRS. 1988. T. 78. P. 125–147.

«лимес» начали использовать для обозначения пограничного района, находящегося под командованием дуки¹.

Вопрос о Таврическом лимесе

Необходимость краткого терминологического экскурса вызвана тем, что исследователи Таврики XX в., обращаясь к вопросу о римском лимесе (как сторонники, так и противники существования его), не всегда объясняют, какое содержание вкладывается в понятие, подразумевается ли единая военно-административная структура, или наличие отдельных крепостей, или дорога, соединявшая между собой отстоящие друг от друга прибрежные стоянки и лагеря легионеров.

В начале XX в. неподалеку от Ялты на мысе Ай-Тодор было открыто укрепление Харакс. В связи с его раскопками М. И. Ростовцев² высказал точку зрения о создании в Северном Причерноморье лимеса по примеру Рейнского и Дунайского. Однако в тот период это было не более чем смелой гипотезой, поскольку данные о местах дислокации римских войск являлись единичными.

Несколькими десятилетиями позднее о широкомасштабной оккупационной политики Рима и создании Таврического лимеса писал В. Н. Дьяков³. В последующем его выводы встретили осторожные замечания В. И. Кадеева, полагающего, что автор перенес «данные о рейнском и дунайском рубежах на крымскую почву, не приняв во внимание местные археологические источники»⁴.

---

¹ В последующем И. Исаак подробно рассмотрел вопрос о термине в работе: Isaak B. The Limes of Empire. Oxford, 1990. Об этом также см.: Теофилов Иванов Р. Долнодунавската отбранителна система... С. 10–12.

² Ростовцев М. И. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость // ЖМНП. 1900. Март. С. 140–158. В середине XX в. памятнику была посвящена специальная работа: Блаватский В. Д. Харакс // МИА. 1961. № 19. С. 250–291. Существует предположение, восходящее к работам А. И. Тюменева, что Харакс был основан на землях тавров (см.: Тюменев А. И. Херсонесские этюды. III: Херсонес и местное население: Тавры // ВДИ. 1949. № 4. С. 85–85).

³ Дьяков В. Н. Таврика в эпоху римской оккупации. С. 3–92.

⁴ Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках... С. 22.

Возвращением к тезису М. И. Ростовцев о существовании Таврического лимеса стала статья С. Б. Буйских, предполагающего, что в конце I — начале II в. около Ольвии возникает один из секторов обороны для защиты границы империи. Основанные в этом районе поселения, как и места дислокации римских войск в Таврике, стали составной частью лимеса¹.

Действительно, не только в Нижнем Побужье, но и на Гераклейском полуострове во второй половине II — III в. появились кастелли и сторожевые башни, но они защищали только ближайшую к Херсонесу территорию. А лимес, как подчеркивает В. М. Зубарь, выступивший с критикой гипотезы С. Б. Буйских, — «это укрепленная линия на границе империи, которая состояла из долговременных защитных сооружений»². Таким образом, если следовать мнению Т. Моммзена, впервые употребившего термин «лимес», то говорить о Таврическом лимесе не корректно, кроме того рассматриваемые районы не входили в состав римского государства.

Однако идея о существовании Таврического лимеса все же находит сторонников. Несмотря на обоснованную критику В. М. Зубаря и аргументы В. И. Кадеева, она прозвучала в рецензии на одну из научно-популярных книг о Херсонесе³.

---

¹ Буйских С. Б. Фортификация Ольвийского государства, первые века н. э. Киев, 1991. С. 108–117.

² Зубарь В. М. Северный Понт и Римская империя... С. 106–107; также см.: Владимиров А. А., Журавлев Д. В., Зубарь В. М. и др. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. С. 123. Здесь повторены соображения, высказанные в ряде статей: Зубарь В. М. Римское военное присутствие в Таврике // *Stratum plus*. 2001–2002. № 4. С. 8–179; Он же. По поводу присутствия римских войск в Херсонесе во второй половине III — на рубеже IV–V вв. // *Stratum plus*. 2000. № 4. С. 291–302; Он же. Еще раз о римском военном присутствии в Херсонесе во второй половине III — на рубеже IV–V вв. // *Археологія*. 2000. № 3. С. 83–97 (на укр. яз.); Он же. Еще раз о Таврическом лимесе // *РА*. 2000. № 2.

³ Колобов А. В. Знаковое явление в современной херсонесиаде // *Новый Гиперборей*. Пермь, 2004. С. 46–50 (рец. на кн.: Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000).

Но вернемся к началу раздела, где речь шла о лингвистических и историко-географических исследованиях понятий, употребляемых в античных источниках для обозначения различного вида защитных сооружений. Для времени ранее IV в. н. э., начиная с принципата Адриана, согласно мнению некоторых участников конгрессов, посвященных лимесу, для обозначения создаваемых римлянами секторов обороны следует использовать сочетание *scientific frontiers*¹, а «Лимес конгрессы» переименовать в «Congresses of Roman Frontier Studies»².

Топография археологических памятников римского времени в Крыму, как и реконструкция событийной истории Херсонеса, не позволяют ответить положительно на поставленный еще в начале XX в. вопрос о существовании Таврического лимеса. Но то, что legionеры находились в Херсонесе (и не только здесь) вместе со своими семьями, следовательно, рядом с лагерем существовал канабэ³, свидетельствуют надписи—эпитафии на надгробиях, введенные в научный оборот Э. И. Соломоник и другими исследователями.

Внешнеполитическое положение Херсонеса изменилось в период принципата Антонинов. Император Адриан (76—138, император с 117 г.) вновь подчинил Херсонес Боспору, где на престоле в это время сидел ставленник Рима Котис II (123—132 гг.). Новый статус города отразился на работе монетного двора: в 107—132 гг. чеканка местных монет была прекращена.

Выше говорилось о походе Т. Плавтия Сильвана, во время которого преследовалась цель: отразить варварскую опасность от Херсонеса и других территорий региона, но завершением его стал ввод легионеров в прибрежные города.

---

¹ Parker S. Romans and Saracens: A History of the Arabian Frontier. Winona Lake, 1986. P. 1—2.

² Isaac B. The Meaning of the Terms Limes... P. 130.

³ Зубарь В. М. К вопросу о канабэ римского гарнизона в Херсонесе // Проблемы исследования античных городов: Тез. докл. М., 1989. С. 50. К этому вопросу В. М. Зубарь возвратился в совместной статье: Зубарь В. М., Козуб Ю. И. Новые надгробия с латинскими эпитафиями из Ольвии // Исседон: Альманах по древней истории и культуре (Екатеринбург). 2005. Т. 3. С. 177—195.

Правда, в середине первого столетия присутствие римлян было кратковременным, как и ввод римских войск в 20-х гг. II в. В последующем началось создание опорных пунктов. Таковым и стал Харакс, один из периодов строительства в котором датируется первой половиной II в.¹

Малочисленные защитники Херсонеса из среды граждан не могли противостоять варварам. От вторжения их непосредственно в город спасали мощные оборонительные стены. Но для отражения неприятеля требовались дополнительные силы. Документы, прежде всего эпиграфические памятники, сохранили свидетельства о нескольких посольствах херсонеситов на Боспор, целью которых была просьба об оказании военной помощи. Новый поворот событий пришелся на время принципата Антонина Пия (138—161 гг.).

Вторая элевтерия

Родовое имя Антонина Пия, прозванного «Благочестивым», стало обозначением эпохи, которая вошла в историю как «золотой век» Антонинов (принципат Антонинов, 96—192 гг.). Это последний период

---

¹ М. И. Ростовцев полагал, что римские легионеры покинули Харакс около 244 г. (Ростовцев М. И. Римские гарнизоны... С. 156). Иное мнение представлено в коллективной статье, авторы которой считают, что произошло это в связи с подготовкой Филиппа Араба (244—249) к военным действиям во Фракии и Мезии (Виноградов Ю. Г., Зубарь В. М., Антонова И. А. *Schola principalium* в Херсонесе // НЭ. 1998. Т. 16. С. 72—81; также см.: Колосовская Ю. К. Рим и мир племен на Дунае I—IV вв. н. э. М., 2000. С. 135—137). Попытка уточнения даты (вторая половина 30-х гг. III в. — после землетрясения) содержится в работах: Sarnowski T., Zubar V. *Römische Besatzungstruppen auf der Südkrim und eine Bauinschrift aus dem Kastell Charax* // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1996. Bd. 112. S. 229—234; Vinogradov Ju. G., Zubar V. M. *Die Schola Principalium in Chersonesos* // *II Mar Nero II—1995/1996* (1997). S. 129—143). Возможно, что сокращение римского военного присутствия в Северном Причерноморье приходится на начало эпохи «солдатских императоров». В 235 г. убит последний император принципата Северов (193—235) Александр Север. В обстановке смут и волнений в провинциях и в армии начинается период, когда к власти приходят военачальники, поддерживаемые сенаторскими или муниципальными кругами. Так продолжалось до 284 г. — до Диоклетиана, создателя тетрархии.

максимально возможного расцвета империи¹. Большое значение играли дунайские провинции Паннония и Мезия, присоединенные еще при Октавиане Августе, и завоеванная Траяном Дакия. Стабильность обеспечивалась римской армией. На II в. н. э. приходится расцвет городов и торговых связей, простиравшихся до Индии. В свою очередь появление долговременных лагерей легионеров стимулировало развитие ремесел. Широко распространенным явлением стал вывод рабов на пекулий и колонат. Они были экономически более выгодными для владельцев крупных поместий, которые имели возможность «выделить» участок земли для «самостоятельного хозяйствования» раба или предоставить его свободному арендатору фактически на тех же условиях. Разорение мелких и средних собственников пополняло ряды колонов. От «золотого века» блага получали не все жители империи. Начиная с Адриана, государство, испытывавшее трудности с формированием армии, все в большей степени переходит к ее пополнению жителями пограничных провинций. Дети солдат (*auxillia*), не наследующие с этого времени статус гражданина, дарованный их отцам, чтобы обрести его, должны были поступать на службу, чаще всего во вспомогательные войска. Большое значение в политике Антонинов отводилось военному строительству. При Адриане, а затем и Антонине Пие сооружаются новые крепости и сигнальные башни, возводятся оборонительные валы в Британии, на Рейне, на Дунае. Новый поворот политики Рима прослеживается и в отношении государств Северного Причерноморья.

В середине II в. н. э. у стен Херсонеса вновь появились варвары. Кроме того в городе начались волнения среди наемников, не получавших жалование. Двойная опасность заставила магистратов Херсонеса обратиться к боспорскому царю Реметалку. И помощь была оказана.

Можно полагать, что в трудный для гражданской общины период, когда государству пришлось уповать на помощь восточного соседа, когда возникла угроза превращения союзных отношений в протекторат Боспора, созревает решение о новом посольстве в Рим с тем, чтобы получить элевтерию. Безусловно, представление о «римской свободе»

---

¹ Подробнее об эпохе см.: Штаерман Е. М. Империя в «золотой век» Антонинов // История Европы. М., 1988. Т. 1. С. 571–588.

у херсонеситов уже имелось. Но ограничение суверенитета компенсировалось покровительством могущественного Рима, давало привилегии тем, в чьих руках находилась власть.

Согласно данным источников, Антонин Пий (император с 138 г.) вызвал правителя Боспорского царства Реметалка (132—154) для решения какого-то спора с римской провинциальной администрацией. Шла ли при этом речь о херсонесских делах можно только предполагать.

Новая просьба о предоставлении элевтерии не сразу встретила отклик в Риме. Как свидетельствует один из декретов, возглавлявший посольство Аристон, сын Аттины, в течение 6 лет находился в столице империи, стремясь выполнить возложенную на него миссию «до изнеможения». Не стабильная обстановка в городе, волнения среди беднейших граждан, вызывали опасность установления тирании, что заставило магистратов Херсонеса использовать все возможные средства для того, чтобы добиться успеха. Гераклея Понтийская, их метрополия, оказала поддержку, и просьба о предоставлении элевтерии наконец-то была удовлетворена около 145 г. н. э.¹ В. И. Кадеев подчеркивает, что выпуск серии новых монет с надписью «**ΧΕΡΣΟΝΗΣΟΥ ΕΛΕΥΘΕΡΑΣ**» является подтверждением этого события².

В исследованиях В. М. Зубаря в отношении года получения второй элевтерии сказано «не ранее 138 г. н. э.». Далее он отмечает, что Херсонес получил права, поставившие его гражданскую общину в привилегированное положение в сравнении с другими греческими центрами Северного Причерноморья. Но одновременно в город были введены войска³. Отряды римских легионеров (вексилляции) для защиты «сво-

---

¹ В основу реконструкция событий положены наблюдения В. И. Кадеева (см.: Кадеев В. И. Херсонес Таврический первых веков... С. 25—27).

² Там же. С. 26. Датировка нового выпуска приведена со ссылкой на работу: Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса I—III вв. н. э. // НЭ. 1963. Т. 4. С. 34.

³ Зубарь В. М. Херсонес Таврический и Римская империя. С. 5, 44. Для подтверждения приведены ссылки на работу В. И. Кадеева, В. А. Анохина (Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса... С. 80—83) и статью В. А. Сидоренко (Сидоренко В. А. Золотая монетная чеканка Херсонеса I—II вв. н. э. // МАИЭТ. 2001. Вып. 8. С. 436—453).

бодного города» выделялись из состава войск, расквартированных в Нижней Мезии. В порт вошли военные корабли.

Так Херсонес со II в. н. э. превращается в опорный пункт римского присутствия в Северном Причерноморье. О его значении свидетельствует уникальная находка из Дура Европос. На карте, изображенной на итинерарии первой трети III в. н. э. (на шите римского legionera), в качестве промежуточного пункта между такими стратегическими важными центрами как Тира и Трапезунд указан Херсонес.

В связи с подходами исследователей к вопросу организации римских войск в Херсонесе и происхождении легионеров следовало бы отметить работы, касающиеся уточнения содержания и датировки отдельных эпиграфических памятников (введенных в научный оборот В. В. Латышевым или Э. И. Соломоник). В конце XX в. историки Херсонеса дискутировали также в связи с публикацией новых эпиграфических находок, в частности, декретов, обнаруженных во время раскопок на территории цитадели И. А. Антоновой¹. Но это уведет нас от изложения точек зрения по наиболее крупным проблемам истории города. И все же два историографических сюжета следует отметить.

Одним из дискуссионных вопросов являлась проблема степени романизации; вторым — был ли Херсонес местом наибольшего сосредоточения римских войск.

Значение раскопок конца XX в. в Балаклаве

Ответ на последний из них был получен после обнаружения в ходе строительной деятельности в Балаклаве уникального комплекса (1991—1992). Несмотря на недавнее открытие, ему посвящены многочисленные работы руководителей экспедиции О. Я. Савели (Севастополь) и Т. Сарновски (Варшава), а также В. М. Зубаря. Несколько слов о том, что было открыто в процессе, к сожалению, ограниченных по

---

¹ См.: Яйленко В. П., Антонова И. А. Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманнские войны по данным Херсонесского декрета 174 г. н. э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлониды // ВДИ. 1995. № 4. С. 58—86; Антонова И. А., Костромичев Д. А. Римские гарнизоны Юго-Западного Крыма по данным керамических клейм // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. С. 45—50.

продолжительности и масштабам раскопок. Как полагают их авторы, в состав сооружений входил барак (*contumernia*), в котором обитали легионеры. Неподалеку располагался храм, посвященный Юпитеру Долихену¹, здесь же находился алтарь Геркулеса. Посвятительная надпись на постаменте определяет время возведения храма: в ней названы Антонин Август (138–161) и Марк Аврелий (161–180)².

Все постройки полностью открыть не удалось: часть из них была уничтожена до начала работ археологов. Однако и то, что удалось исследовать, подтвердило более раннее предположение о дислокации римских войск в этой местности³.

Появления новых эпиграфических материалов привело к уточнению статуса и состав военных сил, расквартированных в Балаклаве⁴.

---

¹ О культах херсонеситов римского времени см. далее.

² В 147 г. Марк Аврелий получил полномочия трибуна. Вероятно, полагает Н. Сон, этим вызвано совместное упоминание представителей принципата Антонинов (см.: Сон Н. Новая латинская надпись из Тиры // ВДИ. 1986. № 4. С. 96).

³ Например, см.: Зубарь В. М., Костромичева Т. И. Новый ауреус из окрестностей Херсонеса // КСИА. 1990. Вып. 197. С. 83–86.

⁴ Зубарь В. М., Савеля О. Я. Сарновский Т. Новые латинские надписи из римского храма в окрестностях Херсонеса Таврического // Археологія. 1997. № 4. С. 67–88 (на укр. яз.); Они же. Новые эпиграфические памятники из римского храма в окрестностях Херсонеса Таврического // ВДИ. 1999. № 2. С. 197–217; Савеля О. Я. Триада из храма Юпитера Долихена в Балаклаве // Проблемы религий стран Черноморско-Средиземноморского региона. Севастополь; Краков, 2001. С. 178–181; Савеля О. Я., Сарновски Т. Две латинские надписи из Балаклавы и Херсонеса // ВДИ. 1999. № 1. С. 42–45; Они же. Римский опорный пункт у Балаклавы в Юго-Западном Крыму (по результатам раскопок 1996–1997 гг.) // Проблемы истории и археологии Украины: Тез. докл. Харьков, 1999. С. 44–45; Они же. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 2000; Сарновски Т. Надгробия вольноотпущенников IOSPE P и вопрос о времени введения римского гарнизона в Херсонесе // Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 2000; Sarnowski T., Savelja O. Ja. Das Dolichenum von Balaklava und die römischen Streitkräfte auf der Südkrim // Archeologia (Варшава). 1998. T. 49. S. 15–54; Sarnowski T., Savelja O. Ja. Balaklava. Römische Militärstation

В свою очередь, это позволило иначе представить значение Херсонеса в структуре военных сил римлян в Таврике.

После раскопок комплекса стало очевидным, что значительное число легионеров дислоцировалась именно в Балаклаве¹. Непосредственно в Херсонесе они были размещены на сравнительно небольшой территории цитадели. Стена отделяла ее от остальной части жилой застройки, от кварталов, которые принято в научной литературе называть портовыми. Возможно, гражданское население, связанное с обслуживанием армии, обитало именно в этой части, и, как полагают исследователи, здесь проживали члены семей легионеров². В цитадели были построены казарменные помещения, склад для вооружения, термы и штаб-квартира³. Римскими гарнизонами в Херсонесе и его

---

und Heiligtum des Iupiter Dolichenus. Warschau, 2000; Sarnowski T., Zubar V. Römische Besatzungstruppen... S. 229–234; Sarnowski T., Zubar V. M., Savelja O. Ja. Zum Religiösen Leben der niedermoesischen Vexillationen auf der Südkrim. Inschriftenfunde aus dem neu entdeckten Dolichenum von Balaklaw // Historia. 1998. Bd. 47/3. S. 322–341.

¹ Зубарь В. М. Херсонес Таврический: Основные этапы... С. 170–172.

² Савеля О. Я., Сарновски Т. Две латинские надписи... С. 44–45. До реформ Септимия Севера (провозглашен императором в 193 г. н. э.) легионеры не имели права иметь законную семью (статус офицеров, отличался) и обладать собственностью. Следовательно, женщины, от имени которых были установлены памятники погибшим, если следовать юридическим нормам эпохи, не являлись супругами. Это сожительницы (конкубины). На основании надгробий, обнаруженных в Херсонесе, стал возможным вывод о месте проживания «членов семей» легионеров. Вполне возможно, что рядом с лагерем в Балаклаве находилось поселение гражданских лиц (канабэ). Оно не открыто, но ведь до 1991 г. считалось, что именно в Херсонесе находились наиболее крупные военные силы.

³ Материалы раскопок И. А. Антоновой привели к появлению тезиса, что в цитадели размещалась *schola principalium* (см.: Виноградов Ю. Г., Зубарь В. М., Антонова И. А. *Schola principalium*... С. 72–81; Vinogradov Ju. G., Zubar V. M. *Die Schola Principalium*... S. 129–143). О сооружениях на территории цитадели см.: Антонова И. А. Раскопки в цитадели Херсонеса // АИК. 1994. С. 27–30; Она же. Раскопки в цитадели Херсонеса // АИК. 1997. С. 23–25; Она же. Административные здания херсонесской вексилляции и фемы Херсона // ХСб. 1997. Вып. 8. С. 10–22; Антонова И. А., Аркадова Л. А. Раскопки терм и античной протейхизмы

окрестностях (количество которых не превышало 1 тыс.)¹, командовал военный трибун; его представитель — центурион жил в лагере, открытом в Балаклаве. Местами дислокации легионеров являлись также городище Альма-Кермен и Усть-Альминское, Харакс², а рядом с Херсонесом, кроме Балаклавы, — на Гераклейском полуострове и на берегу Северной бухты размещались небольшие по численности отряды³.

Возможно, трибуну были подчинены и другие гарнизоны, расквартированные в Юго-Западном Крыму и по побережью. Но судить об этом с полной уверенностью из-за состояния источниковой базы не представляется возможным, как отмечают исследователи памятников в Балаклаве⁴.

Развернувшееся строительство потребовало дополнительных строительных материалов. Анализ черепицы с клеймами легионов послужил для В. М. Зубаря одним из источников для уточнения названий

в Херсонесе // АО — 1970. М., 1972. С. 270—271; Зубарь В. М. Об интерпретации одного сооружения на территории римской цитадели Херсонеса // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы конф. Харьков, 2001. С. 61—62. Более полное обращение к комплексу в: Зубарь В. М. По поводу интерпретации одной постройки на территории римской цитадели Херсонеса Таврического // ВДИ. 2003. № 1; Он же. По поводу интерпретации и датировки некоторых памятников, связанных с римским военным присутствием в Херсонесе Таврическом // ВДИ. 2002. С. 85—91. Раскопки последних лет позволили установить, что здания, возведенные римскими легионерами, были разрушены во время землетрясения (см.: Владимиров А. А., Журавлев Д. В., Зубарь В. М. и др. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. С. 118). Авторы подробно описали строительные периоды на территории цитадели.

¹ Вместе с гражданским населением — около 2 тыс. (см.: Владимиров А. А., Журавлев Д. В., Зубарь В. М. и др. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. С. 167).

² Предполагаемое число легионеров в Хараксе — около 500 (Владимиров А. А., Журавлев Д. В., Зубарь В. М. и др. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. С. 140). Приводимые цифры носят гипотетический характер, так как ни один из известных в настоящее время источников количественных данных не содержит.

³ Зубарь В. М. Херсонес Таврический и Римская империя... С. 68—78.

⁴ Зубарь В. М., Савеля О. Я., Сарновский Т. Новые латинские надписи... С. 56—58.

легионов¹. Он также полагает, что часть ремесленной продукции, могла поступать на городской рынок, служа одним из источников пополнения средств на содержание гарнизона². В связи с определением возможных источников снабжения римских войск продуктами питания, следует еще раз обратиться к дискуссии о времени строительства и функционирования цистерн для засолки рыбы и значению рыбозасолочного промысла для экономики Херсонеса.

Возвращение к сюжетам экономики, или О времени функционирования рыбозасолочных цистерн

Первым, кто обратился к вопросу о значении рыболовного промысла, был Г. Д. Белов. Правда, если строго подходить к данному сюжету, то отчет следует вести с упоминаний в отчетах «пашенных ям» (как называл их К. К. Косцюшко) с остатками рыбы³ и то, что наиболее ранняя работа, посвященная промыслу, появилась в начале XX в.⁴

---

¹ В состав херсонесской вексилляции входили солдаты I Италийского, XI Клавдиева, I Киликийского, V Македонского легионов, I Бракарвагустанской и II Киликийской когорт. Вероятно, в окрестностях города размещались также кавалеристы, как свидетельствует надпись на надгробном памятнике всадника Юлия Валеса из алы Атекторигиана, обнаруженная около Балаклавы. Значительный вклад в изучение эпиграфических памятников, отражающих римское присутствие в регионе был сделан Э. И. Соломоник (например, см.: Соломоник Э. И. О римском флоте в Херсонесе // ВДИ. 1966. № 2. С. 165—171; Она же. Две случайные эпиграфические находки в Крыму: Надгробие из Херсонесе и votivная плитка из Харакса // НЭ. 1965. Т. 5. С. 97—102; Она же. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983).

² Зубарь В. М. Херсонес Таврический и Римская империя... С.80—81. Он полагает, что для обеспечения легионеров продуктами питания могли быть выделены земельные участки на Гераклейском полуострове (обоснование аргументов в пользу гипотезы изложены в: Владимиров А. А., Журавлев Д. В., Зубарь В. М. и др. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. С. 160).

³ Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет заведующего раскопками в Херсонесе за 1896 г. // ОАК за 1896 г. СПб., 1898. С. 165. Для некоторых из «пашенных ям» отмечены следы неоднократных ремонтов (см.: Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1903 г. // ИАК 1905. Вып. 16. С. 46).

⁴ Тихий М. Анчоус Херсонеса Таврического // Вестник рыбопромышленности. 1917. № 1.

Во время раскопок в северном районе городища были обнаружены многочисленные рыбозасолочные цистерны. В предварительных сообщениях об итогах раскопок Г. Д. Белов упоминал, что на дне некоторых из них встречались фрагменты белоглиняной посуды и монеты IX—X вв. Однако полагал, что возникновение их относится к первым векам нашей эры, а прекращение функционирования к III—IV вв.¹ Позднее при обобщении результатов раскопок его мнение существенных изменений не претерпело: как в опубликованных, так и рукописных отчетах он придерживался ранее предложенной хронологии².

Во время Великой Отечественной войны, как уже было отмечено, архив Херсонесского музея был эвакуирован в Свердловск. Пострадавшие во время длительного пути документы взялись привести в порядок студенты Свердловского педагогического института во главе с доцентом Е. Г. Суоровым³. Одновременно он начал выбирать из отчетов данные о рыбозасолочных цистернах и подсчитал, что к 1940 г. было открыто около 70 памятников этого вида. (В настоящее время число их свыше 100). Итогом архивных поисков стала написанная во время войны работа⁴. В ней Е. Г. Суоров попытался определить количество продукта, который мог быть приготовлен в цистернах. Произведенные на основании возможного объема всех цистерн подсчеты привели к сомнению в правомерности существующей точки зрения о времени функционирования рыбозасолочных цистерн.

В 1958 г. была организована Крымская археологическая экспедиция Уральского университета. Одной из ее задач стала проверка выводов, сде-

---

¹ Белов Г. Д. Работы в Херсонесе в 1931 г. // СГАИМК. 1932. № 1—2. С. 61.

² Белов Г. Д. Из истории экономической жизни Херсонеса во II—IV вв. н. э. // Античный город. М., 1963. С. 61—68.

³ События этого времени отчасти изложены в: Романчук А. И. Е. Г. Суоров: К 45-летию Крымской археологической экспедиции // Вестник Урал. ун-та. 2004. Т. 3, вып. 16. С. 161—168; Она же. Год юбилеев в истории раскопок Херсонеса // Наука. Общество. Человек: Вестник Урал. отд. РАН. 2007. Вып. 2 (29). С. 49—60.

⁴ Суоров Е. Г. Херсонесские цистерны // Учен. зап. Свердл. пед. ин-та. 1948. Вып. 4. С. 3—47.

ланных на основании архивных материалов. Объясняя цель первого года раскопок Е. Г. Суров писал: «Цистерны привлекают наше внимание по ряду причин. Они являются самым многочисленным памятником экономической жизни города. При этом некоторые имеют буквально грандиозные размеры. ...Далее, статистические данные о размерах цистерн позволяют судить о масштабах рыбозасолочного промысла. ...Среди проблем, связанных с этими памятниками, проблема их датировки являлась и наиболее важной, и менее всего разработанной. Существовавшие на этот счет мнения держались на очень шатких основаниях. Поэтому было целесообразно предпринять специальное исследование цистерны, подвергнув анализу не только материалы из ее заполнения, но и ее пол и стены»¹.

В первые два года раскопок экспедиции при исследовании одной из рыбозасолочных цистерн, расположенной у западных стен Херсонеса, удалось установить, что она была построена не ранее начала V в. Ее объем составлял 230–255 м², учитывая вес рыбы и соли, в ней могли приготовить до 1840–1960 ц острого соуса.

Полученные материалы поставили под сомнение предположение Г. Д. Белова, что развитие рыбозасолочного промысла было вызвано необходимостью снабжения римский гарнизон дешевыми продуктами моря². Ориентировочное определение производимого в цистернах соуса значительно превышали возможности его потребления всеми жителями Херсонеса, в том числе и legionерами. На масштабы промысла, не могли не повлиять климатические изменения, наступившие на рубеже нашей эры: подъем уровня моря и потепление, что в свою очередь привело к увеличению рыбных стад³. После раскопок Е. Г. Сурова стало очевидным, что рыбозасолочные цистерны продолжали строить и после вывода

---

¹ Суров Е. Г. Херсонес Таврический. Свердловск, 1961. С. 67.

² Г. Д. Белов на раскопки Е. Г. Сурова «отреагировал» следующим образом: «Однако эта цистерна не меняет общей картины, так как подавляющее число цистерн, которые можно датировать на основании найденного в них материала, прекратили свое существование в IV в. (см.: Белов Г. Д. Из истории экономической жизни... С. 68).

³ Бурдак В. Д., Щеглов А. Н. О темпе роста, возрастном составе стад и миграциях некоторых морских рыб в античную эпоху // Эколого-морфологические исследования нектонных животных. Киев, 1966. С. 117–120.

римских гарнизонов из Херсонеса. Позднее подтверждением стали раскопки учеников Е. Г. Сурова¹ и исследование В. И. Кадеевым совместно с С. Г. Рыжовым одной из цистерн, расположенной в прибрежной зоне².

Как не следует «читать» отчеты

Во второй части очерков (о византийском Херсоне) рассмотрен такой сюжет как «архитектурный бум» в Херсоне, другими словами поставлен вопрос о масштабах и времени строительства сакральных сооружений и крепостной ограды Херсона, начавшегося после 60-х гг. VI в. и продолжавшегося до середины VII в. Обоснованию гипотезы посвящены многие страницы фундаментальной монографии С. Б. Сорочана, где перечисляются все памятники, возведение которых, по его мнению, относится к указанному периоду³. Констатация факта продолжающегося строительства в десятилетия, которые традиционно считались в научной литературе периодом глубокого кризиса (VII в.) и последовавшего за ним «обезлюдения» Херсона (VIII в.), имеет большое значение и весьма импонирует автору этих строк⁴. Особенно потому, что первые наблюдения, опровергающие кризисное развитие города в VII—VIII вв., были сделаны на материалах раскопок экспедиции Уральского университета в портовом районе. Однако чрезвычайно досадно, что для обоснования вывода об «архитектурном буме» и доказательства «большей значимости» города в IX в. допущена некорректность в использовании материалов раскопок.

---

¹ Более поздние раскопки экспедиции Уральского университета подтвердили наблюдения Е. Г. Сурова (см.: Романчук А. И. Новые материалы о времени строительства рыбозасолочных цистерн Херсонеса // АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 45—53).

² Кадеев В. И., Рыжов С. Г. Новая рыбозасолочная цистерна... С. 76—79.

³ Сорочан С. Б. Византийский Херсон: Очерки истории и культуры, вторая половина VI — первая половина X в. Харьков, 2005.

⁴ Под влиянием идей учителя М. Я. Сюзюмова, считавшего Византию «страной городов», где сохранились городские центры в переходный период (имел место континуитет с элементами кризисного развития), сомнения в некорректности вывода о наличии в Херсоне глубокого кризиса и «обезлюдения» были изложены: Романчук А. И. К вопросу о положении Херсонеса в «темные века» // АДСВ. 1972. Вып. 8. С. 42—55.

В данном случае речь идет об одном пассаже относительно рыбозасолочного промысла в фундаментальной работе С. Б. Сорочана.

Итак, для того, чтобы показать масштабы рыбозасолочного промысла и сохранения его значения, С. Б. Сорочан вносит коррективы в датировку некоторых цистерн, раскопанных в северном (подчеркнем — прибрежном) районе городища. Исходя из тезиса о том, что «недостаток сельскохозяйственной продукции заставил горожан еще более интенсивно развивать с IX в. рыбный промысел, что позже отразил русско-византийский договор 944 г., исследователь далее приводит доказательства «более интенсивного развития» в IX в. промысла¹. Вполне обоснованно ссылаясь на наблюдения Е. Г. Сурова², он корректирует ранее высказанные соображения о времени строительства комплексов. В основу доказательств положены данные из отчета Г. Д. Белова за 1977 г. (В прим. 133 на с. 1129 неверно указан год раскопок. Безусловно, на досадное недоразумение можно было бы не обращать внимания, если бы не «вкралось» и искажение содержания текста. Такое положение требует сопоставления цитат из монографии С. Б. Сорочана и одного из отчетов Г. Д. Белова.)

На основании анализа текста рукописного отчета о раскопках экспедиции Государственного Эрмитажа С. Б. Сорочан делает следующее замечание: «Г. Д. Белов полагал, что в квартале XXIX действовали две рыбозасолочные цистерны: одна из них, малая, была засыпана в начале VII в., перед строительством соседней базилики 1932 г., а другая перестала использоваться по первоначальному назначению, и была превращена в мусорную яму. Однако археолог сам пишет в отчете об одинаковой керамике IX–X вв. и монетах одна — Василия I и Романа I»³.

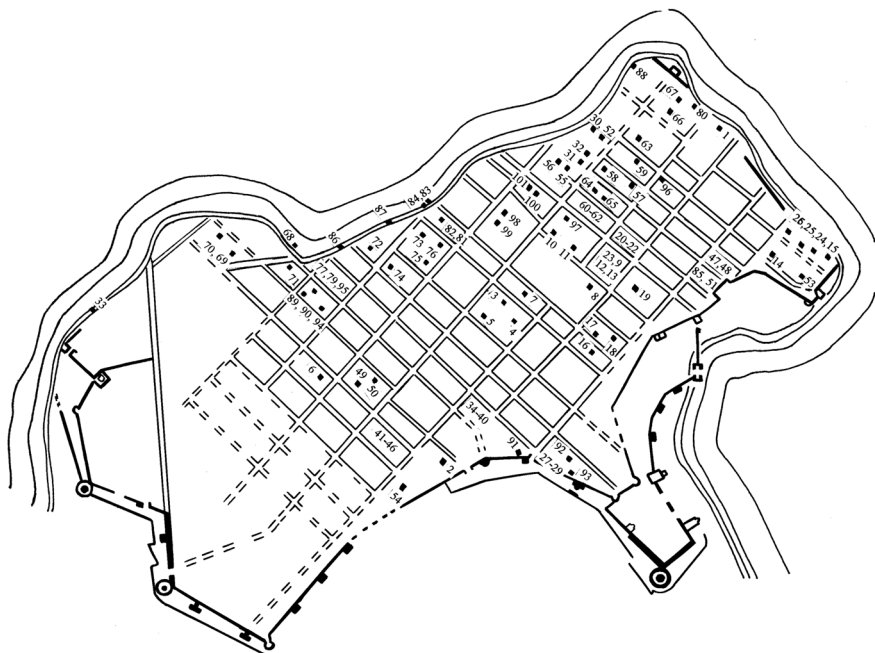
Сравним текст отчета за 1977 г.: «К первым векам н. э. относятся рыбозасолочные цистерны П-1 и П-2, оказавшиеся впоследствии под

---

¹ Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 1128–1129.

² Суrow Е. Г. Херсонесские цистерны. С. 3–47; Он же. План расположения рыбозасолочных цистерн... С. 55–56.

³ В скобках замечу, что, если соглашаться с тезисом, о том, что цистерны засыпаны в связи со строительством базилики, то время ее возведения следует отнести к периоду не ранее IX–X вв. Но в тексте монографии это событие датируется более определенно: «не ранее 40-х гг. VII в.» (см.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 1027). Конечно, «не ранее 40-х гг. VII в.» можно отнести и к IX–X вв.

План рыбозасолочных цистерн Херсонеса

средневековыми помещениями. ...Несомненно, что обе цистерны сооружены одновременно, в один строительный прием. ...В малой цистерне П-1 следов и остатков рыбы не обнаружено. При большой глубине и очень узкой по площади пользоваться цистерной было очень неудобно, может быть, ее назначение было иное»¹.

На основании слов отчета С. Б. Сорочан сделал вывод: «Следовательно, засыпь была произведена единовременно, и произошло это, судя по корреляции находок, не ранее второй половины X в.». Для подтверждения тезиса о более позднем функционировании цистерн для засолки рыбы — IX—X вв. — приведена также ссылка на то, что во время раскопок в других цистернах встречались обломки глазурованной посуды².

¹ Арх. НХГХ, д. 1009, л. 4.

² Белов Г. Д. Раскопки в Херсонесе в 1931 г. С. 61.

Упоминание поздних находок вызывает, во-первых, необходимость обращения к другим отчетам о раскопках северного района и, во-вторых, напоминания о методике раскопок. Для непросвещенного читателя, который в силу различных причин не мог непосредственно видеть процесс полевых исследований Г. Д. Белова и внимательно не читал отчетов, замечу, что изучение некоторых кварталов производилось со значительными перерывами. Это характерно и для квартала XXIX. Территория, расположенная вблизи моря, исследовалась в 1931—1932 гг. Результатом стало выявление сакрального комплекса, обозначаемого в литературе как базилика 1932 г. Более удаленный от моря участок, к югу от храма, только частично затронутый раскопками, полностью был изучен гораздо позднее. Именно поэтому при обращении к анализу находок из заполнения цистерн необходимо первоначальную информацию «сверять» с последующей, которая может внести коррективы, что и имеет место быть в данном конкретном случае.

Критические замечания требуют точности, поэтому следует отметить, что всего в 1931—1932 гг. обнаружено три цистерны, обозначенные в отчете «Г», «М», «Н», стенки и дно которых не были покрыты цемянкой, как это характерно для рыбозасолочных цистерн. Автор раскопок останавливает внимание еще на 6 сооружениях, из них два (цистерны «Е» и «Ж») на основании ряда деталей, подобных винодельням Боспора, исключены из числа рыбозасолочных. Четыре цистерны («А», «Б», «В», «И») были отнесены к таковым¹.

При публикации текста отчета Г. Д. Белов писал, что после прекращения использования цистерн по прямому назначению, их перестраивали: в цистерне «А» выложены бутовые стенки, юго-западная часть цистерны «Б» также отгорожена стенкой из бута. Во всех цистернах на высоте 0,5 м выявлен земляной пол, выше имелся, вероятно, деревянный. Все это свидетельствует о том, что сооружения использовались в более поздний период в качестве подвальных кладовых². Нижнюю часть за-

---

¹ На плане и в списке, прилагаемом к «Очеркам истории и археологии византийского Херсона» (Екатеринбург, 2000), они упомянуты под № 68—70 (1931 г.) и 71 (1932 г.).

² Белов Г. Д. Отчет о раскопках в 1931—1933 гг. // МИА. 1941. № 4. С. 204—205.

полнения цистерн Г. Д. Белов датировал римским временем, верхнюю — первым периодом средневековья. Сведения из поздней публикации отчета, уточняющие археологическую ситуацию, объясняют наличие находок IX—X вв. и не согласуются с выводом С. Б. Сорочана, сделанного на основании первых описаний раскопок. К тому же в цистернах, расположенных так близко от моря, не возможно было солить рыбу, когда начался период трансгрессии, подъем уровня моря. В равной степени это следует учитывать и при выявлении хронологии других рыбозасолочных комплексов в кварталах вдоль береговой линии. Данное обстоятельство уже было отмечено предшественниками С. Б. Сорочана, процитирую, поскольку исследователь не всегда «дочитывает» работы своих коллег: «Вполне вероятно, что два промысла — соляной и рыбозасолочный играли большую роль в экономике города. Значение последнего после X в. уменьшается. ...Строительство цистерн совпадает с наиболее благоприятным климатическим периодом — на рубеже тысячелетий произошло потепление вод Черного моря (как свидетельствуют об этом эколого-географические исследования), в IX—X вв. изменяется его уровень»¹.

Остановим еще раз внимание на археологической ситуации на участке около базилики 1932 г. В отчете в разделе «Римский период» упоминается цистерна под помещением V (№ 71). Г. Д. Белов полагал, что она функционировала в I—III вв.², что соответствует его мнению о том, что рыбозасолочные комплексы были характерны для римской эпохи. Наиболее полно и последовательно, как уже было сказано выше, оно выражено в статье «Из истории экономической жизни Херсонеса во II—IV вв.». Перед строительством храма цистерна частично засыпана и использовалась для гашения извести: прослежено два слоя остатков извести — на высоте 0,70 и 0,85 м от дна сооружения. Автор раскопок отмечал, что цистерна использовалась в качестве «ямы» для мусора³.

Какие же выводы следуют в данном случае? Существующий список цистерн в настоящее время требует дополнений, что отмечено

---

¹ Романчук А. И. Очерки истории и археологии... С. 95—96 (ссылки на работы геологов и других коллег историков приведены).

² Белов Г. Д. Отчет о раскопках в 1931—1933 гг. С. 222—223.

³ Белов Г. Д. Отчет ... в 1976 г. // Арх. НЗХТ, д. 1842, л. 2—7.

С. Б. Сорочаном, но при этом следует рассмотреть все сохранившиеся находки, восстановить по возможности на основании дневниковых записей и полевых описей их местоположение. Это замечание относится в целом к работе с материалами раскопок. А конкретный вывод следующий: при использовании неопубликованных данных не следует допускать не точностей. Исследователь, не имеющий возможности непосредственно обратиться к архивным документам и формально просматривающий ссылки, может использовать тезис, при создании которого была проявлена некорректность. Это приведет к рождению «замкнутого круга» ошибок. И, наконец, замечание, касающееся не «методики» использования работ коллег, а относительно хронологии: на основании имеющихся материалов (раскопки, наблюдения морских геологов) время строительства и функционирования рыбозасолочных комплексов происходило, скорее всего, в течение I–IX (X–?) вв. Правда, в портовом районе была открыта (около оборонительной стены) цистерна, являющаяся наиболее поздней: она была засыпана в первой четверти XI в. (№ 91). На сегодняшний день это единичный случай. Не исключено, что дальнейшее изучение памятников Херсонесского городища изменят статистику. Но вряд ли возможно открытие в будущем комплексов, относящихся ко времени после IX–X вв., расположенных в прибрежной зоне. Сомнения основаны на свидетельствах геологов и океанологов.

Несколько общих замечаний о Херсонесе римского времени

Не излагая далее мнений исследователей, что отчасти сделано выше, особенно в связи с обращением к работам В. И. Кадеева и В. М. Зубаря и других историков Херсонеса¹, остановим внимание на

---

¹ См.: Виноградов Ю. Г., Зубарь В. М., Антонова И. А. *Schola principalium...* С. 72–81; также см. работы В. М. Зубаря: По поводу одного латинского надгробия из Херсонеса // *Этнокультурные и этносоциальные процессы в конце I тыс. до н. э. — первой половины I тыс. н. э. на юго-западе СССР и сопредельных районах: Тез. докл. Ужгород, 1988.* С. 26–27; К пониманию IOSPE, I², № 550 // *ВДИ.* 1989. № 2. С. 123–127; О римской вексилляции Херсонеса в середине — второй половине II в. н. э. // *СППК.* 1999. Т. 7. С. 93–100; О римской вексилляции Херсонеса в середине — второй по-

выводах, к которым пришли историки относительно событий первых веков. Дискуссию же по некоторым из них, или приводимые историками аргументы, вынесем в подстрочник.

1. Размещенные в Херсонесе легионеры набирались и служили ранее до передислокации в Таврику в Лугдунской Галлии (ала Атектори-гиана) и Нижней Мезии. Отсюда же прибыла эскадра из состава Флавиева Мезийского флота во главе с триерхом. Так вместе с выходцами из земель, где еще не так давно господствовало поклонение местным божества, в Херсонес «пришли» новые божества и обычаи.

2. Херсонесская вексилляция, размещавшаяся на территории интенсивно застраиваемой цитадели, насчитывала не более 500 человек. В отведенном для римских солдат районе, отгороженном от остальной жилой застройки оборонительной стеной, кроме казарм и складских помещений, построены термы. Более значительный гарнизон был расквартирован в Балаклаве. Здесь же возник храм почитаемого в военной среде Юпитера Лучшего Высочайшего.

3. Херсонесский гарнизон возглавлялся военным трибуном. Ему подчинялись морская эскадра, посты бенефициариев, охранявшие побережье и дороги по направлению к городу со стороны степи, что способствовало обеспечению безопасности торговли. Система защитных мер была предусмотрена и для ближайших подступов к Херсонесу: на Гераклейском полуострове (общая численность легионеров, включая находившихся в цитадели, приближалась к 1 тыс.).

Начало эпохи Великого переселения народов нарушило стабильность в регионе. В 245 г. херсонеситы спешно укрепляют оборонительные стены. Однако не только мощь крепостной ограды предотвратила захват города неприятелем: основной поток варваров прокатился

ловине II в. н. э. // Археологія. 1999. № 1. С. 25–34; Новые латинские эпиграфические памятники II — середины III в. из Херсонеса, Балаклавы и Харакса // Stratum plus. 2000. № 6. С. 248–264; Об интерпретации одного сооружения... С. 61–62; Римское военное присутствие в Таврике // Stratum plus. 2001–2002. № 4. С. 8–179; По поводу интерпретации и датировки некоторых памятников... С. 85–91. Наблюдения, изложенные в данных статьях, повторены в: Владимиров А. А., Журавлев Д. В., Зубарь В. М. и др. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э.

севернее. В III в. от нашествия гуннов и из-за появления готов и их союзников пострадали многие центры на территории Мезии, Фракии, Македонии и других районов Римской державы. Их не спасло то, что там, как и в Херсонес, имелись мощные оборонительные сооружения, за которыми располагались военные силы.

4. Начало периода «готских» или «скифских» войн некоторые исследователи относит к 232 г., подразделяя события на 3 этапа¹.

В первый (232–251) основная масса варваров миновала Северное Причерноморье, правда, в 250–251 гг. часть их оседает в Юго-Западном Крыму. Косвенным подтверждением является обнаруженный крымскими исследователями клад (А. Г. Герцен и И. С. Пиоро) римских монет, среди которых встречена фибула «западного образца»².

Во второй этап (252–266) в Крыму возникает более напряженная ситуация. От вернувшихся с запада варваров пострадали многие поселения на европейской территории Боспора, были разгромлены Тира, Ольвия, разрушен Неаполь Скифский и другие городища, расположенные не на побережье³. Но Херсонес и отдельные поселения в горных

---

¹ Ремеников А. М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. М., 1954. С. 18–72.

² Герцен А. Г., Пиоро И. С. Клад антонинианов из с. Долинное Крымской области // НиС. 1974. № 5. С. 81–90.

³ Для доказательства такого вывода привлекается широкий круг археологических данных (см.: Кругликова И. Т. Боспор в III–IV вв. н. э. в свете новых археологических исследований // КСИА. 1965. Вып. 103; Она же. Боспор в позднеантичное время. М., 1966; Она же. Культура Боспора в позднеантичный период // Античное общество. М., 1967. С. 150–155; Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. М., 1972; Высотская Т. Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму // МИА. 1971. № 177. С. 155–160; Она же. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972; Она же. Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев, 1979; Пиоро И. С. Крымская Готия: Очерки этнической истории населения Крыма в позднеантичный период и раннее средневековье. Киев, 1990; Гороховский Е. Л., Зубарь В. М., Гаврилюк Н. О. О поздней дате некоторых античных городищ ольвийской хоры // Археологія. 1985. Вып. 49. С. 25–40; на укр. яз.).

долинах уцелели, поскольку целью экспансии являлись более плодородные земли Боспора, как полагают некоторые исследователи¹.

Новое появление варваров вызвало передвижения оседлого населения во внутренних районах Таврики. В поисках более безопасного места оно начинает перемещаться в горные долины. Последующие миграционные процессы в конце IV в. были обусловлены угрозой гуннского нашествия.

5. Херсонес в течение третьего периода «скифских» войн (267–270) утратил контролируемые им территории, он постепенно превращается в обычный провинциальный город. Около 295 г. прекращен выпуск собственной монеты — результат политики новой политической системы Римской империи — домината. Пришедший к власти после очередной вспышки гражданских войн — эпоха «солдатских императоров» — фракийец Диоклетиан (245–316, император 284–305), вводит иное налогообложение, издает ряд эдиктов — о ценах, о заработной плате и закрывает провинциальные монетные дворы.

Но в это время римские легионеры уже покинули Северное Причерноморье². Произошло это, вероятно, при императоре Галлиене

---

¹ Ременников А. М. Борьба племен... С. 73–144; Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время. С. 40; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63. С. 17.

² Напомним, что по М. И. Ростовцеву — около 244 г. (см.: Ростовцев М. И. Римские гарнизоны... С. 140–158; Он же. Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. 1907. Вып. 23. С. 4). Мнение о выводе войск в середине III в. отражено: Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в IV–X вв. // ПХХ. 1908. Вып. 3; Гриневич К. Э. Херсонес и Рим // ВДИ. 1947. № 2. С. 228–237; Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948. Косвенные свидетельства, полагает В. М. Зубарь, положены для утверждения более позднего нахождения римской вексилляции в Херсонесе, см.: Соломоник Э. И. О римском флоте в Херсонесе // ВДИ. 1966. № 2. С. 165–171; Она же. Латинские надписи Херсонеса. Киев, 1983. С. 34–36 (комментарий к одной из надписей); Борисова В. В. Черепица с клеймами римских легионов // СХМ. 1961. Вып. 2. С. 39–45; Она же. Раскопки цитадели в 1958–1959 гг. // СХМ. 1963. Вып. 3. С. 54; Кутайсов В. А. Новые находки легионных клейм в Херсонесе // Античная культура Северного Причерноморья первых веков н. э. Киев, 1986. С. 141. О новой датировке находок черепицы с легионными клеймами, основанной

(218–268, император с 253 г.). Напряженная борьба с варварами на Дунае привела к перемещению военных сил из Херсонеса¹. Городской гарнизон с этого времени начали набирать из местных жителей, количественно он мог быть равен легиону полевой армии (судя по пайкам, выделенным Константином Великим) и имел на вооружении баллисты и онагры. После вывода римских войск херсонеситы обеспечивали безопасность города собственными силами, правда, командование ими было возложено на кадровых римских офицеров.

6. Размещение военных сил в Северном Причерноморье и непосредственно в Херсонесе, позволяло империи вмешиваться во внутренние дела города, контролировать деятельность монетного двора, функционировавшего до реформ Диоклетиана. В римский период происходят изменения в структуре управления. Начало их восходит ко времени появления в Херсонесе гарнизона Митридата, когда была упразднена коллегия стратегов. В римский период развивается практика замещения высших магистратур херсонеситами, которые обладали римским гражданством; сокращается количество магистратур. Высшая власть сосредотачивается в руках первого архонта. Правда, продолжает действовать Народное собрание и Совет, в который избираются бывшие магистраты (относительно дискуссии об этом см. в следующем очерке). Исходя из своей дипломатической доктрины, римляне в отдельные годы рассматривали Херсонес как противовес Боспору. Свидетельством регуляции взаимоотношений между двумя Северо-Причерноморскими государствами является дарование «второй элевтерии», освободившей херсонеситов от протектората Боспора.

7. В римский период быстрыми темпами развивается имущественное неравенство, что привело к более сложной социальной структуре, неоднократным выступлениям низов гражданского коллектива и волнениям среди наемников. Наибольшую пользу из ситуации извлекала городская верхушка, в состав которой входили херсонеситы, имевшие

на условиях их обнаружения, см.: Зубарь В. М., Антонова И. А. Об интерпретации и датировке клейм с аббревиатурой VEMI из Херсонеса // ВДИ. 1991. № 2. С. 80–88.

¹ Например, Г. А. Цветаева полагала, что на протяжении всего IV в. Херсонес продолжал оставаться «римской морской базой и стратегическим центром» (см.: Цветаева Г. А. Боспор и Рим. М., 1979. С. 21).

двойное гражданство, крупные торговцы. Представитель римской власти, военный трибун (начальник гарнизона) исполнял также обязанности посредника и судьи в делах, которые были связаны со сбором налогов и порождались спорами между горожанами и легионерами.

С VI в. до н. э. Херсонес прошел долгий путь развития: от небольшого поселения к полису с собственными законами, традициями и системой органов управления. Длительным, если говорить не об истории в широком смысле, а о жизни поколений, был и путь выявления особенностей его исторического развития.

В настоящем разделе не были уделены внимания мнениям исследователей в целом об экономическом развитии региона в первые века н. э. Для того чтобы составить представление о публикациях, посвященных данному сюжету, необходима характеристика многочисленных исследований, лишь косвенно отражающих историю Херсонеса¹. Кроме того,

---

¹ И все же следует вспомнить хотя бы некоторые исследования: Журавлев Д. В., Зубарь В. М., Сорочан С. Б. Экономическое развитие, социальный и этнический состав населения // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э. Харьков, 2004. С. 183–256; Зубарь В. М., Сорочан С. Б. Экономическая жизнь Херсонеса в конце III — первой половине VI в. // Там же. С. 546–555; Они же. Новые данные о положении Херсонеса Таврического в IV — первой половине VII в. н. э. // ДСПК. 1997. Вып. 6. С. 123–131; Они же. О положении Херсона в конце V — VI в.: Политический и экономический аспекты // ХСб. 1998. Вып. 9. С. 118–132; Кадеев В. И. Экономика античного Херсонеса в советской историографии. С. 19–33; Он же. Торговля Херсонеса Таврического в I–IV вв. н. э. Харьков, 1969; Он же. Соляной промысел... С. 89–94; Он же. Рыболовный промысел... С. 59–79; Он же. Очерки истории экономики...; Он же. О торговле Херсонеса... С. 151–155; Он же. О торговле Херсонеса со Средиземноморьем в I–IV вв. н. э. // Вестник Харьков. ун-та. 1970. № 45: Ист. серия. Вып. 4. С. 62–68 (на укр. яз.); Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Экономические...; Они же. Северное Причерноморье и Южный Понт. С. 91–102; Сорочан С. Б. Внешняя торговля Херсонеса...

Созданию целостной картины экономического развития Херсонеса в первой половине первого тысячелетия н. э. способствует серия работ С. Б. Сорочана: О торговле Херсонеса с населением Таврики в I в. до н. э. — V в. н. э. // Проблемы античной истории и классической филологии: Тез. докл. Всесоюзной конф. Харьков, 1980. С. 61–62; О внутренней торговле Херсонеса в I в. до н. э. — V в. н. э. // Вестник Харьков. ун-та. 1981. № 214. С. 95–101; Экономические связи Херсонеса со скифо-сарматским населением Крыма в

значительное число их охватывает события вплоть до VI в. и мнения их авторов представлены во второй части.

Вместе с тем одну из работ, посвященную такому дискуссионному вопросу как масштабы экспорта зерна, нельзя не отметить специально.

Отталкиваясь от тезиса, изложенного в работах целого ряда исследователей (Г. Д. Белова, А. Г. Кузьминой, Г. А. Цветаевой, М. В. Скржинской и других), С. Б. Сорочан обращается к нарративным источникам, показания которых о торговле зерном не являются однозначными¹. Анализ географических реалий письменных источников, учет потребностей в хлебе граждан и возможностей их удовлетворения в постоянно меняющейся обстановке, начиная с периода «варварского давления» на владения херсонеситов, привели автора к выводу о том, что экспорт не носил регулярного характера. Нашествие гуннов и разрушение сельскохозяйственной базы в Юго-Западной Таврике привели к зависимости города от поставок хлеба из Малой Азии, о чем позднее писал Константин Багрянородный². Однако во второй половине II — первой половине III в. внешняя торговля, по мнению С. Б. Сорочана, достигла апогея, этому способствовала стабилизация положения в

I в. до н. э. — V в. н. э. // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981. С. 26–37; Экономические связи Херсонеса Таврического с западом в I в. до н. э. — V в. н. э. // Археология. 1985. Вып. 50. С. 9–18 (на укр. яз.); Экономические связи Херсонеса Таврического с Балканами, I в. до н. э. — VI в. н. э. // Народно-демократические революции и развитие славянских стран по пути социализма: X Всесоюзная конференция историков-славистов: Тез. докл. Харьков, 1985. С. 156–157; О торговых связях Херсонеса в IV–V вв. н.э. // АИУ в 1978–1979. Киев, 1980. С. 123–124; Херсонес в системе константинопольской торговли IV — первой половины VII в. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888–1988 гг.: Тез. докл. Севастополь, 1988. С. 104–107.

¹ О зависимости торговли зерном от политической конъюнктуры, пишет Т. Н. Высоцкая, полагая, что с Ольвией она носила постоянный характер. «Поздние скифы» были заинтересованы в экспорте зерна, так как это являлось для них основным источником дохода (см.: Высотская Т. Н. Аграрный культ у поздних скифов // ССПК. 2004. Вып. 11. С. 64–66).

² Сорочан С. Б. Мифы и реалии херсонесского хлебного экспорта // Древности: ХИАЕ. 1994. С. 66–72.

Таврике — присутствие римских гарнизонов. Торговые дороги пролегли вплоть до Апеннинского полуострова. Правда, в отличие от территории Мезии и Паннонии, торговые сношения с Италией слабо представлены. Археологические находки позволили выделить также города Южного Понта. Но, несмотря на наличие экономических связей, Херсонес постепенно превращается в обычный провинциальный центр, расположенный на периферии тогдашней ойкумены¹.

Комплексное обращение к различного вида источников, их новое прочтение вносит коррективы в мнения, сформировавшиеся к середине XX столетия. И данный процесс — уточнение отдельных аспектов экономической истории Херсонеса, безусловно, приобретет новый импульс по мере поступления археологических материалов, как и обращения к находкам прежних лет, хранящимся в фондах заповедника. Именно поэтому хотелось бы обратить внимание на необходимость полной каталогизации находок из фондов Национального заповедника «Херсонес Таврический», значимых для уточнения существующих концепций.

Среди вопросов, дискутировавшихся в XX в., прозвучала «проблема романизации» Херсонеса². Отметим, что типологически принято выделять для античной цивилизации западный (римский) и восточный (Эллада) варианты. Возник Рим, как и полисы, расположенные на Балканском полуострове, в результате синойкизма. При наличии закономерностей, в целом, проявлялась и вариабельность: Рим — это аристократический полис, а Афины — демократический. Различия, обусловленные в числе прочего и географическими факторами, отражались в структуре управления, роли Народного собрания и так

---

¹ Журавлев Д.В., Зубарь В. М., Сорочан С. Б. О торговле Херсонеса Таврического в середине I — первой половине III в. н. э. // БИ. 2004. Вып. 7. С. 183–201.

² Некоторые наблюдения по данному вопросу см.: Кадеев В. И. Проблема римского влияния на Херсонес первых веков н. э. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988 гг.: Тез. докл. Севастополь, 1988. С. 54–55; Он же. Римское влияние на материальную культуру Херсонеса в I–VI вв. н. э. // Вестник Харьков. ун-та. 1993. № 374: История. Вып. 27. С. 16–23.

далее. Обращаясь к вопросу о развитии Херсонеса в начале первого тысячелетия нашей эры, следует говорить о новом этапе его истории, о влиянии внешнеполитической ситуации на его гражданский коллектив, на полисные структуры, на развитие экономики и идеологии. Как проявилось это влияние, позволяют представить такие сюжеты, как Херсонес и его округа, система государственных органов и особенности верований херсонеситов. Представление об эволюции и в связи с этим о мнениях исследователей изложено в разделах, посвященных хоре Херсонеса, его государственности и идеологии. Данные сюжеты позволяют получить ответ и на вопрос о «степени романизации». Свой ответ на него отчасти дал В. И. Кадеев, в работе, посвященной быту и культуре херсонеситов.

Безусловно, отдельные замечания о предметном мире жилищ, облике городских усадеб и их планировке существуют во многих работах. Целостное освещение развития материальной культуры, обычаев и традиций римского периода содержит работа В. И. Кадеева, отражающая «наиболее актуальное направление современной исторической науки. В отечественной историографии книга делает первый, быть может, самый трудный шаг в исследовании этой проблемы, она открывает и стимулирует новые направления исследований в области античной истории государств Северного Причерноморья»¹.

---

¹ Дьячков С. В. Реалии повседневной жизни античного Херсонеса (рец. на кн.: Кадеев В. И. Херсонес Таврический. Быт и культура (I—III вв. н. э.). Харьков, 1996. 212 с. // Древности. ХИАЕ. 1997—1998. С. 204.

Очерк 4. НАРОД И ЕГО ЗЕМЛИ, ИЛИ ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ХОРЫ ХЕРСОНЕСА

При установлении законов должно считаться с двумя элементами: землей и людьми.

Аристотель. Политика, II. 3, 4

Нужно видеть обилие открытых садовых орудий и рыболовных снарядов, чтоб судить о высоте искусства и великой трудоспособности херсонитов. Город имел громадные виноградники — ныне вокруг него расстилаются пустынные поля, густо усеянные камнем. Современные культуртрегеры не обращают никакого внимания на эту землю, некогда столь тесно занятую, что за «разграничения виноградников в равнине» между спорившими владельцами гражданин Агасикл был почтен благодарными херсонитами мраморной статуей у храма Дианы вместе со статуями других достойных граждан.

М. Горький

Значение исследований округа Херсонеса. Начальные свидетельства о памятниках за пределами городских стен. «Параллельные стенки» сочинения Захария Аркаса. Первые выводы об особенностях развития земледелия полиса: диссертация В. П. Лисина. Равнина Присяги и деятельность Агасикла. Раскопки на Гераклеяском полуострове во второй половине XX в. и «Клеры Херсонеса Таврического» С. Ф. Стржелецкого. Последняя четверть XX — начало XXI столетия. Существовало ли в Херсонесе классическое рабство? Несколько слов о хоре римского времени. Об этнической принадлежности обитателей хоры. Post scriptum.

Проблема аграрных отношений в древности, локальные особенности землепользования и организации рабочей силы, применяемой при

обработке земельного фонда, принадлежащего как государству, так и частным лицам, соотношение общественных, общеполитических и индивидуальных владений граждан являются центральными вопросами при изучении античных государственных образований. В значительной мере от степени их изученности зависит как воссоздание различных явлений «в материальной и духовной жизни общества, так и закономерности его эволюции и самый его характер»¹.

Статус гражданина определялся владельческими правами: был ли он собственником земельного участка — независимым самостоятельным хозяином или в силу отсутствия такового оказывался вынужденным работать на другого. В этом отношении примечательно одно из положений последней работы выдающегося историка античного общества Е. М. Штаерман (1914–1991)², которая, приведя римскую поговорку «Плата за труд есть цена рабства», подчеркнула, что «только тот, кто имел и возделывал надел, входивший в земельный фонд общины, кто был как бы совладельцем этого фонда, мог быть полноправным сочленом этого коллектива общинников, участвовать в решении его дел, свободно высказывать свое мнение»³. Приведенная цитата наилучшим образом характеризует значимость исследования такой темы как характер землепользования, отношение гражданина к самому ценному, что ему принадлежало — к земле.

Представления об особенностях развития античной государственности, как правило, сводятся к трем вариантам: демократического Афинского полиса, дорийской «общине равных», которая возникла в Лаконике (Спарта, характеризующаяся как олигархическое государство), и аристократической Римской республике. Но даже для этих государств, имеющих лучшую, в сравнении с другими государствами античного периода, источниковую базу, существует значительное количество

---

¹ Штаерман Е. М. История крестьянства в Древнем Риме. М., 1996. С. 6.

² В Предисловии к посмертно изданной работе Е. М. Штаерман два других крупнейших российских антиковеда Л. П. Маринович и Е. С. Голубцова отметили приоритет всемирно известного историка в постановке ряда проблем античной истории (Маринович Л. П., Голубцова Е. С. Предисловие // Штаерман Е. М. История крестьянства в Древнем Риме. М., 1996. С. 5.

³ Там же. С. 8.

дискуссионных вопросов. Тем более это характерно для полисов, для которых свидетельства древних авторов малочисленны.

В самом начале раздела приведены слова М. Горького, упоминавшего о таком событии «как разграничение виноградников на равнине». Декрет в честь Агасикла, с именем которого оно связано, это один из важнейших источников, на который ссылаются все исследователи при изучении хоры Херсонеса. Но даже трактовка только одного из слов текста «равнина» нашло отражение в длящейся почти целый век дискуссии историков.

Другим чрезвычайно ценным свидетельством является Присяга херсонеситов, в которой говорится о территориях, которыми «управляли или управляют граждане»: Керкинитиды, Калос Лимена и безымянные (для нас) поселения. Имеется еще несколько эпиграфических памятников, в которых содержатся упоминания об аренде, продаже земельных участков, но все они не имеют хронологической последовательности и малочисленны, поэтому большое значение для реконструкции характера землевладения приобрели материалы археологических раскопок.

Значение исследований округа Херсонеса

Хора Херсонеса, особенно земельные владения, расположенные на Гераклейском полуострове, являются уникальным памятником. Уникальность обусловили геологические особенности территории: отсутствие мощного почвенного слоя и близость скалы, что заставило земледельцев прежде, чем посадить ту или иную культуру, произвести масштабные работы для того, чтобы корневая система деревьев или виноградных кустов имела возможности развиваться. Благодаря этому стало возможным во время археологических раскопок выявить участки, где располагался сад или виноградник, или он отводился под огородные культуры.

Вторая причина уникальности — это то, что удаляемый в ходе «окультуривания» надела камень был использован не только для строений, но и для ограждения участков, при сооружении полотна дорог. Значимость исследований межевой системы античного Херсонеса, внутренней структуры наделов обуславливают обращение миро-

вого антиковедения к работам российских коллег, когда речь заходит о хоре полиса. В качестве примера можно привести статьи чешского историка Л. Печирки, познакомившего западноевропейского читателя с открытиями крымских археологов¹.

Свидетельством международного интереса к округе Херсонесского полиса является и создание в конце XX в. украинно-американской экспедиции, которая работает на территории Гераклеяского полуострова — ближней хоры (Г. М. Николаенко и Д. Картер, Техасский университет)². Однако справедливости ради следует отметить, что идея создания комплексной археологической экспедиции, целью которой стало бы изучение и публикация итогов раскопок памятников округи Херсонеса, относится еще к середине 70-х гг. XX в. Попытка реализации ее принадлежит И. Т. Кругликовой³. Безусловно, приход в Херсонес иссле-

---

¹ Pečírka L. Antické zemedelské uzedlosti v okolí mesta Chersonesu na Krymu // Listy filologické. 1968. Ročn. 91, 3. № 3. P. 279—288; Idem. Country estates of the Polis of Chersnesos in the Crimea // Ricerche storiche ed economiche in memoria di C. Barbagallo. Napoli, 1970. T. 1. P. 459—477; Duřkova M., Pečírka L. Excavations of farms in the chora of Chersonesos in the Crimea // Eirene. 1070. T. 8. P. 123—124.

² Некоторые статьи Д. Картера и его сотрудников были опубликованы в украинских изданиях, например, см.: Carter J. C. The Chora of Chersonesos Site 151-The Finds: 1994—1996 // ХСб. 1998. Вып. 9. С. 133—137.

³ Краткую информацию о раскопках И. Т. Кругликовой см.: Раскопки усадьбы и клера у Камышевой бухты // НОСА. Киев, 1975. Ч. 2. С. 89—81; Херсонесская экспедиция // АО — 1974. М., 1976. С. 392—305; Гераклеяская экспедиция // АО — 1976. М., 1977. С. 316—317; Раскопки усадьбы на Гераклеяском полуострове // АО — 1979. М., 1980. С. 392; Усадьба 9 у Камышевой бухты // АО — 1980. М., 1981. С. 267—269; Херсонесская усадьба на наделе 120 // КСИА. 1983. Вып. 174. С. 43—51; Кругликова И. Т., Голенцов А. С. Раскопки усадьбы надела 10 на Гераклеяском полуострове // АО — 1978. М., 1979. С. 352—353; Кругликова И. Т., Сапрыкин С. Ю. Гераклеяская экспедиция // АО — 1975. М., 1976. С. 345—346. Некоторые итоги раскопок освещены тезисно: Кругликова И. Т. Сельские усадьбы херсонеситов в эллинистический период // Проблемы античной истории и классической филологии: Тез докл. Харьков. 1980. С. 29—30; Она же. Земельные наделы херсонеситов на Гераклеяском полуострове // КСИА. 1981.

довательницы, имевшей к этому времени фундаментальные труды по экономике, сельскому хозяйству Боспорского царства, имел большое значение¹. В близкое время один из комплексов, который вошел в научную литературу как «Усадьба Василидов»², исследовался научным экипам Московского университета, которым руководил один из веду-

---

Вып. 168. С. 9–16; Она же. Усадьбы Гераклейского полуострова // Всесоюз. конф. «Советская археология в 11-й пятилетке»: Тез. докл. М., 1983. С. 11–13; Кругликова И. Т., Щелов Д. Б. Археологические раскопки античных памятников в Северном Причерноморье // Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979. Т. 2. С. 219–231. Публикации находок из раскопок усадеб на Гераклейском полуострове посвящено несколько статей С. Ю. Сапрыкина: Каппадокийская монета I в. до н. э. из херсонесской усадьбы // КСИА. 1976. Вып. 145. С. 85–86; Черепицы с клеймами римских легионов из усадьбы хоры Херсонеса // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 58–62; Граффити и метки на сосудах из херсонесских усадеб // КСИА. 1983. Вып. 174. С. 63–66; Граффити на черепице из усадьбы хоры Херсонеса // Античная балканистика. М., 1987. С. 94–101.

¹ Например, см.: Кругликова И. Т. Исследование сельской территории европейского Боспора // СА. 1957. № 1. С. 216–231; Она же. Боспор в античное время. М., 1966; Она же. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. Интерес представляют отдельные статьи: Кругликова И. Т. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья // Возникновение и развитие земледелия. М., 1967. С. 123–144; Она же. Боспор, Херсонес и Ольвия III–II вв. до н. э. // Древние культуры Причерноморья: Материалы III Всесоюзного симпозиума. Киев, 1982. С. 45–47.

² Информацию о раскопках см. в статьях В. И. Кузищина: Изучение позднеантичной виллы в окрестностях Севастополя // АО — 1977. М., 1978. С. 344–345; Раскопки позднеантичной виллы в окрестностях Севастополя // АО — 1980. М., 1981. С. 270–271; Позднеантичная вилла в окрестностях Севастополя // АО — 1981. М., 1983. С. 279–280; Раскопки позднеримской виллы в окрестностях Севастополя // АО — 1982. М., 1984. С. 284–285; также: Кузищин В. И., Иванчик А. И. «Усадьба Василидов» в окрестностях Херсонеса Таврического: Результаты работ Херсонесской историко-археологической экспедиции исторического факультета МГУ в 1976–1987 гг. // ВДИ. 1998. № 1. С. 205–232.

щих специалистов по истории земледелия в Риме В. И. Кузищин¹. Ему принадлежит также создание концепции о Гераклейском полуострове как особой историко-археологической зоне². В конце XX столетия она начала воплощаться в жизнь под руководством Г. М. Николаенко и Л. В. Марченко³.

К сожалению, в силу объективных и субъективных причин широкомасштабные исследования одновременно нескольких усадеб и наделов представителями различных археологических школ, как планировалось в 70-х гг., не получило продолжения. В последующем раскопки на Гераклейском полуострове, за небольшим исключением⁴, производились под руководством Г. М. Николаенко⁵ и, наконец, как уже было отмечено выше в конце XX в. была создана международная экспедиция.

К настоящему времени установлены размеры нескольких сотен наделов, выявлено около 260 различных построек, подавляющее

---

¹ Среди монографических, чрезвычайно интересных исследований В. И. Кузищина приведем только некоторые работы: Очерки истории земледелия Италии II в. до н. э. — I в. н. э. М., 1966; Римское рабовладельческое поместье, II в. до н. э. — I в. н. э. М., 1973; Генезис рабовладельческой латифундии в Италии, II в. до н. э. — I в. н. э. М., 1976.

² Кузищин В. И., Быков М. Я. Историко-археологическая зона Гераклейского полуострова (р-н г. Севастополя) и проблемы ее охраны // Проблемы охраны памятников археологии в населенных местах: Материалы конф. Ереван, 1980. С. 41–43.

³ Николаенко Г. М. Межевание полей херсонесской хоры // КСИА. 1985. Вып. 182. С. 11–14). Отражением совместной работы исследователей различных научных учреждений является: Сапрыкин С. Ю., Николаенко Г. М. Исследования усадеб клера 150 хоры Херсонеса // АО — 1976. М., 1977. С. 368–369.

⁴ Туровский Е. Я. Хронология сельских усадеб Херсонеса на Гераклейском полуострове в IV–II вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995; Он же. Хронология и строительная история усадьбы надела 26 на Гераклейском полуострове // Археология. 1992. № 3. С. 147–151; Он же. О времени существования усадьбы надела 25 на Гераклейском полуострове // ХСб. 1996. Вып. 7. С. 165–168; Он же. Три новых граффити из Херсонеса и его ближайшей округи // Древности: ХИАЕ, 1996 (1997). С. 98–100.

⁵ Одна из главнейших задач, которую ставила И. Т. Кругликова — фундаментальная публикация материалов раскопок — не выполнена до сих пор.

большинство из них — это остатки усадеб, что является показателем лучшей изученности хоры Херсонеса¹ в сравнении с другими районами Древней Эллады. Но внимание к «загадочным руинам», параллельно идущим стенкам по территории всего Гераклеийского полуострова, было обращено фактически сразу же после присоединения Крыма к Российской империи.

Безусловно, строительная деятельность в XIX—XX вв. привела к разрушению отдельных усадеб, нарушила планировку некоторых наделов, но и то, что сохранилось и стало возможным исследовать, позволяет составить представление об одном из важнейших видов хозяйственной деятельности Херсонесского полиса — о земледелии и землепользовании.

Раскопки на Гераклеийском полуострове (ближней хоре), а затем в Северо-Западном Крыму насчитывают более 100 лет. Но они лишь отчасти приоткрыли многовековую историю развития отношения граждан Херсонесского полиса к самому ценному из того, что им принадлежало — к земле.

В античных общинах Средиземноморья сравнительно рано возникла частная собственность на землю², но правом распоряжения землей

---

¹ Лучшая изученность ближней хоры Херсонеса отражена к концу XX в. не лучшим образом. В данном случае имеется в виду двухтомное издание: Николаенко Г. М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV—III вв. до н. э. Севастополь, 1999. Ч. 1; 2001. Ч. 2. Оно является перечнем памятников без их детальной характеристики, не сопровождается описанием находок, которые должны лежать в основе датировки комплексов; единичными являются новые, уточненные планы изучаемых участков. Скорее это подготовительная работа, предварительная систематизация, за которой должно (хотелось бы надеяться) последовать фундаментальное обобщение. Однако и то, что представлено в «Кадастре», свидетельствует о масштабности проделанной работе по изучению хоры Херсонесского государства.

² Теоретические вопросы, касающиеся типологии общин, гражданской общины, вопрос о соотношении «полис—община» рассмотрены в недавней публикации: Голубцова Е. С. Община, племя, народность в античную эпоху. М., 1998. Существует несколько определений содержания термина. В дальнейшем мы будем исходить из следующего: «Под общиной следует понимать исторически сложившийся, устойчивый, замкнутый коллектив, более или

обладали только граждане, как и в Риме, где собственником земли являлся римский народ. В этом отношении Херсонесский полис не имел отличий от других государств Эллады. Но формы эксплуатации зависимого населения, используемого для обработки земельных участков, их количество, как и размеры наделов и принципы межевания, виды и структура хозяйственных сооружений, зависевшие от ряда условий, имели локальные отличия.

Следовательно, археологическое изучение округа Херсонеса позволяет проследить общие закономерности и представить один из вариантов организации земледелия и землепользования античного времени.

Данной теме посвящены очерки 4 и 5. В четвертом изложены мнения историков относительно особенностей развития сельского хозяйства херсонеситов, а также то, как происходило формирование концепций, какие вопросы вызывали дискуссии.

Пятый, автором которого является *Г. М. Николаенко*, — это представления одного из ведущих современных специалистов Херсонесского заповедника о земледелии и землепользовании граждан. Привлекаемые ею буколические сочинения древних авторов, цитаты из трудов философов и историков античного времени позволяют воссоздать полнокровную картину жизни, которая когда-то кипела на виллах херсонеситов. При интерпретации некоторых комплексов и находок использованы, безусловно, работы предшественников, поэтому в очерках 4 и 5 имеются в отдельных случаях повторы в изложении взглядов исследователей.

Начальные свидетельства об округе Херсонеса

Создание представлений об одном из важнейших видов деятельности херсонеситов — земледелии, структуре участков, времени размежевки территории Гераклеяского полуострова — ближней хоры Херсонеса

менее однородный в социальном отношении, обладающий верховным правом собственности на землю, которую он населяет, и препятствующий ее отчуждению, ...осуществляющий совместное пользование общинными угодьями, имеющий самоуправление, характеризующийся общей социальной психологией и религиозным единством» (Голубцова Е. С. Община, племя... С. 52).

имеют долгую историю. Предположение о том, что в окрестностях города располагались усадьбы граждан, было высказано К. К. Косцюшко-Валюжиничем в начале XX столетия. В одном из Отношений в ИАК он писал о большом значении раскопок на Гераклейском полуострове, так как здесь могли находиться земли, упоминаемые в Присяге граждан¹. Позднее, после осмотра работ на отводимом под виноградник участке около Круглой бухты, он сообщил в ИАК: (Здесь) «возможно, существовала загородная дача в IV в. до н. э.»². В сущности, этими посланиями Косцюшко-Валюжинич поставил две проблемы, которые будут решать историки в течение столетия: где была расположена «равнина», упоминаемая в Присяге херсонеситов, и к какому времени относятся и что представляют собой древние строения Гераклейского полуострова.

К. К. Косцюшко-Валюжинич не создал обобщающего труда по истории Херсонеса. Он собирался сделать это после выхода в отставку. Судьба распорядилась иначе. Но внимательное чтение его отчетов и писем выявляет наличие отдельных замечаний по истории города. Некоторые из его наблюдений и выводов отчасти изложены в обширных статьях, которые публиковались в конце XIX — начале XX в. в «Крымском вестнике».

В то время, когда уже были получены доказательства о существовании древнего и нового Херсонеса на одном и том же месте, один из корреспондентов «Крымского вестника» со слов К. К. Косцюшки-Валюжинича извещал читателей, что «на Гераклейском полуострове в римскую и греческую эпохи был обработан каждый клочок земли. ... (Здесь находятся) следы бесчисленных каменных оград, разделявших частные владения древних херсонитян. ... Широкие дороги, обнесенные стенами, и теперь приметные для опытного глаза, шли от главных ворот города». И далее, говорилось о наличии в окрестностях города виноградников и поселений³, сообщавшихся с Херсонесом: «Одна дорога ...

---

¹ Косцюшко-Валюжинич К. К. — ИАК, 14.08.1904 // Арх. НЗХТ, д. 41, л. 62.

² Косцюшко-Валюжинич К. К. — ИАК, 08.03.1907 // Арх. НЗХТ, д. 41, л. 142 об.

³ Энгель М. Глубь веков // Крымский вестник. 1895. № 20.

вела от хутора Шаблыкина, где видны остатки поселения, а другая — к Георгиевскому монастырю, третья — к Казачьей бухте, где в 1890 г. открыты остатки укрепления с двойным рядом оборонительных стен¹. Надо думать, что дорога эта служила сообщением с теми укреплениями, о которых упоминает «Гражданская присяга», а также с полями и виноградниками, следы которых видны и теперь. Размежевание этих виноградников, как известно, составляет одну из многих заслуг Агасикла. Нельзя не скорбеть о том, что «гражданская присяга», упоминая о крепостях, не приводит их названий»².

В конце XIX — начале XX в. территория Граклеяского полуострова исследовалась эпизодически. Но особенности расположения руин в окрестностях Старого Херсонеса, как считалось до раскопок К. К. Косцюшки-Валюжинича, были отмечены уже на первых топографических планах.

В 1840 г. по просьбе Одесского общества истории и древностей Главный начальник Черноморского флота и портов Михаил Петрович Лазарев поручил снять план с «уцелевших следов Херсонеса и его окрестностей»³ капитану первого ранга Захарию Андреевичу Аркасу.

---

¹ Об интерпретации комплекса на Маячном полуострове А. Н. Щегловым, Г. М. Николаенко и Л. В. Марченко, других исследователей см. ниже.

² Энгель М. Глубь веков. Херсонес и результаты последних археологических разведок в нем // Крымский вестник. 1894. № 22.

³ Первые карты и планы археологических памятников появились уже в 1773—1774 гг. А. Л. Бертье-Делагард специально изучал материалы военных архивов, что позволило ему прийти к убеждению, что существует «целая серия городов древнего Крыма, снятая с археологической целью в 1773—1794 гг. ...Планы конца прошлого века — между 1771—1790 гг. чисто археологические, сделанные с большою подробностью: Ени-Кале, Керчь, Феодосия, Старый Крым, Карасубазар, Херсонес (несколько), Инкерман, Судак, Ялта, Мангуп... сопровождаются разрезами и видами, в общем, верны и близки к действительности». Он отметил, что «карты и планы топографические и военного характера чрезвычайно важны для изучения тогдашних поселений», но он «видел (только) незначительную их часть» (см.: Бертье-Делагард А. Л. О виденных им в Санкт-Петербурге нумизматических коллекций и о картографических документах архива Главного штаба // ЗООИД. 1896. Т. 19. С. 63—67). Свидетельства о создании планов «руин» и защите их от разрушения сразу же после присоединения Крыма приводит

Помещая первоначальный (древний Херсонес) на западной оконечности Гераклейского полуострова, З. А. Аркас обратил внимание на то, что «на этом пространстве и теперь видны ...остатки стен больших зданий, ...на гладком каменном грунте — основания параллельных стен, имеющих направление на восток и запад, на расстоянии 3-х саженей одна от другой»¹.

Первые раскопки на Гераклейском полуострове в верховьях Качаьей бухты К. К. Косцюшко-Валюжинич произвел в 1890 г. Здесь, согласно мнению А. Л. Бертье-Делагард, находился «насыпной островок», постройки на котором в 40-е гг. открыл князь Барятинский. Предполагалось, что это руины небольшого храма или монастыря². Сообщая об итогах изысканий, К. К. Косцюшко-Валюжинич подчеркивал, что «они дали блестящие результаты»³. Сообщил он и первых результатах исследований, предпринятых с целью открыть стену, упоминаемую Страбоном⁴, для этого исследовался «узкий перешеек, между верхо-

---

И. В. Тункина (см.: Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002. С. 39). Она пишет, что с именем Г. А. Потемкина (1733—1791) связано распоряжение в 1777 г. снять в Крыму все «достойные примечания виды и старинные здания с нужною в округ их ситуацией, тоже и фасаде». При этом следовало «наилучшим образом показать древние развалины, сделать описание всех городов и крепостей (распоряжение 1784 г.), в том числе и Херсонеса, Инкермана, Мангупа, Чуфут-Кале, Алушты, Керчи». И. В. Тункина освещает и некоторые вопросы истории изучения хоры Херсонеса. О фиксации «руин» см.: Дубровин Н. Ф. Присоединение Крыма к России. СПб., 1885. Т. 1. С. 760—761)

¹ Аркас З. (А.). Описание Ираклийского полуострова и древностей его: История Херсониса. Николаев, 1879. Предисл. (Первое изд.: ЗООИД. 1848. Т. 2).

² Косцюшко-Валюжинич К. К. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1890 г. СПб., 1893. С. 37.

³ Косцюшко-Валюжинич К. К. Важное археологическое открытие в Крыму // ИТУАК. 1891. № 13. С. 58.

⁴ Отношение к «стене Страбона» (Страбон, VII, 4,7) имеет существенные отличия у исследователей. А. Л. Бертье-Делагард полагал, что это «ошибка Страбона». Рассматривая сооружения в окрестностях Балаклавы и Инкермана, он пишет по этому поводу следующее: «О следах древней стены между Инкерманом и Балаклавой, о которой не знающие военного дела исследова-

вьем Казачьей бухты и противоположным крутым берегом. На гребне перешейка, на всем протяжении, тянется низкий, едва приметный вал

тели вычитали из Страбона, о чем он вовсе не говорил» (Бертье-Делагард А. Л. Остатки древних сооружений ... С. 253—259, 264, 282).

В одной из лекций К. К. Косцюшко-Валожинич упоминает этот пассаж из сочинения военного инженера и склоняется к его мнению (см. об этом в разделе о поисках Страбонова Херсонеса). В начале XX в., после почти столетнего забвения подтвердить точку зрения А. Л. Бертье-Делагарда решили сотрудница Херсонесского заповедника Л. В. Ковалевская и профессор Варшавского университета Т. Сарновски (см.: Сарновски Т., Ковалевская Л. А. О защите Херсонесского государства союзным римским военным контингентом // РА. 2004. № 2. С. 40—50). В совместной статье прозвучало обвинение в адрес путешественников конца XVIII — первой половины XIX в., которые под влиянием авторитета античного географа «увидели» следы стены между Балаклавой и Инкерманом. В защиту авторов, создававших описание Таврики в те годы, когда еще многое, действительно, было видимым и не исчезло из-за последующей деятельности по освоению полуострова, выступил В. М. Зубарь. Поскольку сочинения И. М. Муравьева-Апостола (Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 г. СПб., 1823), З. Аркаса (Аркас З. Описание Ираклийского полуострова...), С. Сестренцевича-Богуш (Сестренцевич-Богуш С. История царства Херсонеса Таврийского: В 2 т. / Пер с фр. СПб., 1806), Э. Кларка (Clarke E. D. Travels in Russia and Turkey. London, 1839) и других авторов прошлых веков, читают мало и могут поверить на слово современным историкам, В. М. Зубарь привел описания памятников, оставленные ими, которые вряд ли можно счесть «игрой воображения» Точность наблюдений П. С. Палласа неоднократно отмечалась. (Издание его работы: Паллас П. С. Путешествие по Крыму академика П. С. Палласа в 1793 и 1794 гг. / Пер. с нем. Караулова // ЗООИД. 1881. Т. 12. Отд. 1. С. 97. Первое издание: Pallas P. Bemerkungen auf einer Reise in dem südlichen Statthalter-Schaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1801). На основании археологических свидетельств В. М. Зубарь показал, что на этот раз Страбон не ошибался. По границе земель Херсонеса в римское время существовали сигнальные посты. Запомним и следующий тезис: «Они были возведены на месте «стены херсонесцев»..., построенной, вероятно, еще под руководством Агасикла около рубежа IV—III вв.» (Зубарь В. М. Формирование территориального государства в Западной Таврике и Херсонес во второй половине IV — первой трети III в. до н. э. // Херсонеса Таврический в третьей четверти VI — середине I в. до н. э. Киев, 2005. С. 169). Этот тезис будет необходим, когда речь пойдет о деятельности Агасикла, о произведенном им «межеванием виноградников».

с возвышениями, в которых можно предполагать остатки башен. ...Непосредственное соседство соляного озера еще более укрепляло мнение, что именно здесь следует искать порт Ктенунт, солеварню, стену, ров и плотину, упоминаемые у Страбона. Следы валов оказались остатками оборонительных стен»¹. В 1907 г., получив известие об открытии остатков древнего здания около одной из бухт (Круглой) он поручил произвести его исследование В. Роту².

Так начали появляться детали, свидетельствующие об «археологической топографии» Гераклеяского полуострова, но ответы на вопросы: что представляли собой «параллельные стены» и «фундаменты правильных дорог», были получены позднее.

Упоминание замеченных еще З. А. Аркасом «параллельных стен» требует небольшого отступления, необходимого для тех, кто не бродил по Гераклеяскому полуострову или детально не знаком с особенностями организации хоры Херсонеса по научной литературе.

«Параллельные стенки» сочинения З. А. Аркаса

В соответствии с геологическими особенностями и климатическими условиями территории Гераклеяского полуострова херсонеситы вынуждены были при устройстве виноградников производить значительные работы.

На участках с малым почвенным слоем сооружались параллельные ряды каменных стен, высотой до 0,7—0,8 м, достигающие в ширину до 1,0—1,2 м, которые располагались на расстоянии 2; 5; 7 м друг от друга. Во время раскопок было открыто несколько типов плантажных устройств, свидетельствующих об изменении техники земляных работ в соответствии со структурой горных пород, залегающих под тонким слоем почвы. Там, где располагались прочные известняки, вырубались

---

¹ Косцюшко-Валюжинич К. К. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1890 г. СПб., 1893. С. 37.

² С. Ф. Стржелецкий выражал сомнение в том, что В. Рот присутствовал на раскопках, во время которых, как считалось, была открыта загородная дача (см.: Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического: К истории древнего земледелия в Крыму // ХСб. 1961. Вып. 6. С. 16).

канавы или ямки, а на мягких породах сооружались на небольшую высоту стены из мелкого бутового камня.

Как правило, камни плантажных стен выкладывали неплотно и наклонно в сторону господствующего ветра, который, проникая в почву через этот неплотный слой, обогащал ее кислородом. На месте возведения стенок грунт снимали со скалы и ссыпали в пространство между ними, тем самым, увеличивая почвенный слой.

Хронику исследований хоры Херсонеса можно вести с того времени, когда появились более или менее подробные описания расположенных здесь «параллельных стен». Вместе с тем, вопрос о времени начального этапа, как для Херсонеса, так и его окружи, не имеет однозначного ответа. В зависимости от того, какой фактор положен в основание точки отсчета, можно прийти к отличающимся выводам. Если за основу принять первое, зафиксированное в документах упоминание памятников и отражение некоторых из них на топографических планах и картах, то следует вести отсчет от времени правления Михаила Федоровича Романова, по повелению которого была создана «Книга Большого чертежа». Херсонес упомянут в ней, как город, лежащий на расстоянии около 60 км от Бахчисарая (отметим, что более значимому ориентиру г. Севастополю, еще предстояло появиться на карте). Сведения о прямоугольных башнях содержится в донесении Екатерине II **командующего русскими войсками князя Долгорукого**, который назвал лежащий на берегу гавани Ак-Яр (Севастопольская) город одним из древнейших в Крыму центров. Если же за точку отсчета принять специально предпринятые с целью фиксации и изучения руин экспедиции, то начало исследований памятников Херсонеса будет связано с деятельностью в Новороссии князя Г. Потемкина, поручившего военному инженеру подполковнику Бальдини в 1783 г. снять план местности, а ученому из Германии К. Габлицу собрать сведения о Крыме. Как пишет И. В. Тункина, во время путешествия Екатерины II ей было поднесено сочинение К. И. Габлица и оставшееся неизданным описание Крыма с картами и планами. К. И. Габлиц считал, что вся территория Гераклейского полуострова занята Херсонесом, следы межевания он принял за остатки улиц¹.

---

¹ Тункина И. В. Русская наука о классических древностях... С. 486. О картах Гераклейского полуострова имеется специальная работа: Щеглов А. Н. Первые археологические карты Гераклейского полуострова: К истории археологической

Следовательно, начало изучения памятников Гераклейского полуострова восходит к 1786 г., когда землемером А. Строковым был изготовлен план, на котором отмечена сетка межевания наделов херсонеситов.

Если же говорить непосредственно о раскопках, то они связаны с именем К. К. Косцюшки-Валюжинича, предпринявшего в 1890 г. по совету А. Л. Бертье-Делагарда раскопки на Маячном полуострове. Однако без внимания, которое было проявлено его предшественниками, описавшими виденные ими руины вскоре после присоединения Крыма к Российской империи, без первых топографических планов и карт вряд ли археологическое изучение округа Херсонеса в конце XIX в. стало возможным.

Однако за точку отсчета начала исследований хоры Херсонеса может быть принята и иная дата — год, когда было создано первое, правда, не опубликованное сочинение, в котором накопленный в течение первых десятилетий XX в. материал был обобщен. В таком случае — это исследование сотрудника Херсонесского заповедника В. П. Лисина (1911–1942).

Первое наиболее полное восстановление истории изучения руин Гераклейского полуострова принадлежит Г. М. Николаенко. В одной из работ она замечает, что остатками «стен» в окрестностях Херсонеса, заинтересовались еще в конце XVIII в. П. Палас¹ во время путешествия

топографии Проблемы истории отечественной археологии: Тез. докл. СПб., 1993. С. 52–53).

¹ Следует добавить, что вместе с П. Палласом осматривал памятники Гераклейского полуострова профессор из Кембриджа Э. Д. Кларк (1769–1822), которого, как отметила И. В. Тункина, через сто лет его соотечественник Э. Х. Миннз охарактеризовал его «многостороннего, но очень поверхностного и не надежного» ученого (Тункина И. В. Русская наука о классических древностях... С. 57). Однако они, как и другие путешественники, в числе которых были П. Сумароков (Досуги Крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду. СПб., 1803. Ч. 1. С. 208–209), И. П. Муравьев-Апостол (Путешествие по Тавриде... С. 70), А. Демидов (Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 г. М., 1853), П. Кеппен (Крымский сборник) считали, что увиденные ими сооружения являются руинами древнейшего Херсонеса. В 1910 г. Е. Кларк издал описание путешествий:

в Крым в 1793–1794 гг. отметил расположенные на полуострове прямоугольники разрушенных оград. Он писал, что «по всему Херсонесу (имелся в виду не город, а полуостров) встречаются одиночно рассеянные здания из больших обтесанных камней, бывшие, может быть, башням, построенными для безопасности деревенских жителей на случай нападения тавро-скифов»¹.

Подробное описание построек на Гераклеяском полуострове оставил швейцарский путешественник Дюбуа де Монпере, посетивший Таврику в 1832 г. Он привел планы, насчитав при этом около 60 «циклопических башен», вокруг которых имелись дворы, рядом цистерны для воды². Ему принадлежит предположение, что дороги, вдоль которых группировались башни, вели к храму Ифигении (совр.: Мраморная балка), и к Палакиуму (к совр. Балаклавской бухте)³.

Однако если отсчет в изучение хоры Херсонеса вести от конца XIX в. (с раскопок К. К. Косцюшки-Валюжинича), то следующим исследователем, должен быть назван капитан Н. М. Печенкин, который в 1910–1911 гг. выявил на Маячном полуострове хорошо сохранившуюся межевую систему⁴. Позднее станет ясно, насколько уникальны эти материалы для исследования хоры античного полиса⁵, но и в те годы

Clarke E. Travels in various countries of Europe, Asia and Afrika. London, 1910. Т. 1; 1816. Т. 2).

¹ Паллас П. Путешествие по Крыму... // ЗООИД. 1881. Т. 12, ч. 1. С. 97, 108.

² Montpéroux Fred Dubois de. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie et en Crimée. Т. 6. Р. 183–206.

³ Более детально см.: Николаенко Г. М. Фр. Дюбуа де Монпере о сельских усадьбах на Гераклеяском полуострове // ХСб. 1999. Вып. 10. С. 107–120. Некоторые из усадеб к настоящему времени полностью разрушены. Г. М. Николаенко на основании карт и описаний Дюбуа де Монпере попыталась показать их местоположение.

⁴ Печенкин Н. М. Раскопки в окрестностях г. Севастополя // ИТУАК. 1905. Вып. 38. С. 29–37; Он же. Археологические разведки в местности Страбонского старого Херсонеса // ИАК. 1911. Вып. 42. С. 108–126.

⁵ Следует отметить, что чертежи Н. М. Печенкина до сих пор используются историками Херсонеса (об этом см.: Зубарь В. М., Буйских А. В. По поводу ин-

М. И. Ростовцев высоко оценил открытие, полагая, что сооружения на Маячном полуострове принадлежали военно-земледельческому поселению херсонеситов¹.

Этафета исследований хоры Херсонеса была подхвачена Л. А. Моисеевым, при этом не только ближней, но и упоминаемых в Присяге таких населенных пунктов, как Керкинитида, Калос Лимена. Некоторые итоги раскопок он осветил в статьях² и докладе. Но судьба отпустила Л. А. Моисееву краткий срок для занятий историей Херсонеса: в 1924 г. он был арестован, вскоре после освобождения в 1926 г. переехал в Ялту. Раскопки Л. А. Моисеева вызвали интерес у историков, и Научная Ассоциация Востоковедения создала специальную экспедицию для исследования «загадочных сооружений» и определения их хронологии³.

терпретации памятников Гераклеяского полуострова // МАИЭТ. 2006. Вып. 12. С. 9). Исследователи отмечают также кратковременные, слабо отраженные в публикациях раскопки Р. Х. Лепера. Упоминание о них содержится в работах: Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического. С. 18; Щеглов А. Н. «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова: Топография и фортификация // ПИАК. Симферополь, 1994. С. 8–41; Он же. «Старый» Херсонес Страбона: Укрепление на перешейке Маячного полуострова. III: Следы архаического поселения на вершине Казачьей бухты // БИАС. 1997. Вып. 1. С. 42–54; Он же. «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова. IV: Траншея 1967 г. в вершине Казачьей бухты // БИАС. 2001. Вып. 2. С. 54–77.

¹ Ростовцев М. И. К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи // Сб. статей в честь графини П. С. Уваровой. М., 1916. С. 5–16; также см.: Щеглов А. Н. Основные структурные элементы античной межевой системы на Маячном полуострове: Юго-Западный Крым // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 11, 13.

² Моисеев Л. А. Следы ирригации, мелиорации и водоснабжения древнего Херсонеса на Гераклеяском полуострове // Зап. Крым. об-ва естествоиспытателей и любителей природы. 1926 Т. 9. С. 115–122; Он же. Мелиорация и водоснабжение древнего Херсонеса // Бюл. конф. археологов СССР в Керчи. 1926. № 6. С. 3.

³ Руководителями экспедиции были И. Н. Бороздин и А. С. Башкиров (см.: Бороздин И. Новейшие археологические открытия в Крыму: Раскопки

В 1928—1929 г. К. Э. Гриневич попытался организовать крупномасштабные раскопки¹. Объектом его внимания стала усадьба, расположенная в одной из балок полуострова — балке Бермана, в последующем — еще двух, расположенных рядом с ней. В 1930—1931 гг. была организована экспедиция на Маячный (Страбонов) полуостров.

Освещая результаты археологических работ, К. Э. Гриневич в духе времени сделал вывод, что «перед нами следы государственной системы ведения сельского хозяйства»², а усадьба в балке Бермана являлась одним «из тех шупальцев, ...посредством которого община вела свое сельское хозяйство, выкачивая из земли продукты питания»³. Однако и К. Э. Гриневич в скором времени и не по своему желанию вынужден был надолго прервать занятия историей Херсонеса⁴. Эти раскопки, как и многое другое, что он планировал, остались не завершенными. Только в конце XX в. исследователи вернулись к изучению усадьбы в балке Бермана.

Необходимо отметить также две статьи основателя Крымской археологической экспедиции Уральского университета Е. Г. Сурова. В одной из

на Гераклеяском полуострове. М., 1925; Он же. К вопросу о хронологической датировке памятников Гераклеяского полуострова // Труды секции археологии РАНИИОН. 1925. Т. 1. С. 47—50; Он же. Некоторые социологические предпосылки изучения древностей юга России // Труды секции археологии РАНИИОН. 1927. Т. 1. С. 136—147.

¹ Гриневич К. Э. Раскопки Гераклеяской экспедиции 1928 г.: Предварительный отчет с описанием архитектурного комплекса // Крым. 1928. № 2 (8). С. 34—71; Он же. Социологические проблемы исследования прошлого Севастопольского района // Крым. 1929. № 2 (10). С. 38—50; Он же. Отчетная выставка результатов раскопок Гераклеяской экспедиции, 7 августа—4 сентября 1929 г. Севастополь, 1929.

² Гриневич К. Э. Социологические проблемы ... С. 50.

³ Там же. С. 48.

⁴ Научные дискуссии в конце 30-х г., как отметил Л. С. Клейн, приобретали «характер острых политических споров, статус классовой борьбы». Далее, характеризуя «археологию сталинской державы», он пишет: «Тайными доносами на научных оппонентов и соперников не брезговали и весьма известные ученые» (см.: Клейн Л. С. Феномен советской археологии. СПб., 1993. С. 22).

них он сделал вывод, что со времени возникновения Херсонеса начинается освоение и «равнины», упоминаемой в Присяге херсонеситов (под «равниной» он понимал Гераклеяский полуостров). Отмечая большую роль в экономике города виноградарства и виноделия¹, он подчеркнул, что у херсонеситов существовала частная собственность на землю².

Освещая историю изучения Гераклеяского полуострова Г. М. Николаенко привела данные о работах Н. М. Янышева³, отметила описания строительных остатков, предпринятые Е. В. Веймарном, и исследования С. Ф. Стржелецкого⁴.

---

¹ Суров Е. Г. К истории виноградарств и виноделия в Херсонесе Таврическом // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. 1942. Т. 28. Вып. 1. С. 93–10; Он же. К вопросу о Херсонесских клерах // АДСВ. 1966. Вып. 5. С. 329–336. Статья является своеобразной рецензией на монографию С. Ф. Стржелецкого «Клеры Херсонеса Таврического».

² Аналогичный тезис, высказанный В. Д. Блаватским, вызвал критику (см.: Бороздин И. Н. Рец. на кн.: Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья // СА. 1957. № 1. С. 357). Как и Е. Г. Суров, В. Д. Блаватский отмечал, что «сельское хозяйство Херсонеса было организовано на чисто античный лад» (см.: Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах... С. 167) и на основании содержания одной из надписей конца III — начала II в. до н. э. о продаже земельных участков государством и частными лицами делал вывод о наличии частной собственности (Там же. С. 34). Речь идет о надписи, опубликованной с обширными комментариями В. В. Латышевым (см.: Латышев В. В. IosPE. I² № 403; IV. № 80). Раздел о Херсонесе построен В. Д. Блаватским на личных наблюдениях и анализе материалов раскопок до середины XX в. Он предупреждал читателя, что его выводы являются предварительными, так как материалы новых раскопок еще не введены полностью в научный оборот. К этому времени были опубликованы С. Ф. Стржелецким: Клер Херсонеса Таврического: По раскопкам 1950 г. // ВДИ. 1951. № 3. С. 85–90; Пять клеров Херсонеса Таврического в III–II вв. до н. э. // СА. 1957. № 3. С. 31–42; Усадьбы клеров Херсонеса Таврического II в. до н. э. // СА. 1958. № 4. С. 154–169.

³ В 1932 г. архитектор музея Н. М. Янышев выявил и описал 66 «башен», расположенных на Гераклеяском полуострове.

⁴ Николаенко Г. М. Фр. Дюбуаде Монпере... С. 120. Дополним, что своеобразным подведением итогов изучения Гераклеяского полуострова в конце 30-х гг.

У всех исследователей, упомянутых выше, кроме В. П. Лисина и С. Ф. Стржелецкого, интерес к Гераклею не был специальным, или в силу различных обстоятельств оказался кратковременным. Первым, кто попытался обобщить материалы раскопок, начиная с раскопок К. К. Косцюшки-Валюжинича, стал В. П. Лисин. На некоторых итогах изучения хоры античного Херсонеса, им изложенных, необходимо остановиться, поскольку его работа осталась не опубликованной.

Первые выводы об особенностях развития земледелия херсонеситов: диссертация В. П. Лисина

Работы предшественников и собственные наблюдения В. П. Лисин обобщил в диссертации, над которой работал перед Великой Отечественной войной. Текст ее сохранился в архиве заповедника¹, что позволяет представить, на какие вопросы истории античного Херсонеса пытался ответить молодой марксистский историк.

должен был стать специальный сборник, опубликовать который помешала Великая Отечественная война (см.: Бабенчиков В. П., Бабенчиков П. П., Репников Н. И. Гераклеяский сборник // Арх. ИИМК, ф. 35, оп. 2, № 453). Следующим обобщением истории изучения Гераклеяского полуострова стала фундаментальная работа В. М. Зубаря, который на основании имеющихся публикаций и данных отчетов последних лет, восстанавливает погодную хронику раскопок каждой усадьбы и приводит наиболее выразительные материалы, которые позволяют восстановить датировку памятников. Второй слагающей публикации является интерпретация сооружений ближней хоры Херсонеса (см.: Зубарь В. М. Хора Херсонеса Таврического на Гераклеяском полуострове: История раскопок и некоторые выводы. Киев, 2007). В этой части работы исследователь критически освещает современное изучение ближней хоры, публикацию Г. М. Николаенко «земельного кадастра херсонеситов», так как в работе не было уделено внимания массовому археологическому материалу, не приведены выполненные в последние годы чертежи построек.

¹ Лисин В. П. Античные хозяйства в районе Камышовой бухты, I–IV вв. // Арх. НЗХТ, д. 561 (полный текст работы составляет 166 л.). В. П. Лисин успел опубликовать небольшую статью, посвященную изучению античной хоры Херсонеса, см.: Лисин В. П. Обзор археологических раскопок Херсонеса в 1937 г. // ВДИ. 1939. № 2. С. 137–140.

Намечая план будущей работы, он планировал рассмотреть:

«1. Изучение памятников.

2. Вопрос о социальной значимости памятников, по которому первые шаги сделали Бороздин и Гриневиц с модернизаторской точки зрения. Первый считал укрепленные пункты на Гераклее капиталистическими центрами, второй сравнивал их со средневековыми деревнями (Социологические исследования прошлого Севастопольского района. Крым. 1929. № 2, 10).

3. Можно ставить вопрос не только об изучении памятников, но и сельского хозяйства Херсонеса: 150-летняя история изучения Гераклеи позволяет это.

4. Дороги, полевые межи, ограды, размер владений, характер культур на основании археологических и эпиграфических памятников.

5. Система планировки в Камышовой бухте, где в 1937 г. проведены разведки и раскопки. Зафиксировано 5 древних участков, вскрыта усадьба римского времени, полностью.

6. Обмеры подтвердили карту Гераклейского полуострова 1886 г. топографа Тяпина»¹.

Выводы исследователя, представляют интерес, как один из этапов развития херсонсианы, некоторые из них в последующем отчасти были подтверждены. Другие уточнены или же, благодаря систематическому изучению Гераклейского полуострова, претерпели кардинальное изменение.

В. П. Лисин полагал: «А. В III в. до н. э. произведена значительная планировка на Гераклейском полуострове, о чем свидетельствует надпись в честь Агасикла. Размеры владений не были равны, первоначальной единицей являлся квадрат со стороной около 200 м стороны.

Б. Наблюдается концентрация в римское время², появляются громадные владения. В районе Камышовой бухты общественные дороги оказались уничтоженными во II в. н. э. На площади в 2075 югеров

---

¹ Лисин В. П. Тезисы диссертации «Античные хозяйства в районе Камышовой бухты в I–IV вв.» // Арх. НЗХТ, д. 561. 7 с.

² Тезис о концентрации земли в римский период господствовал в течение нескольких десятилетий. Наиболее последовательные доказательства его ошибочности представлены в работах В. М. Зубаря.

насчитывается 32 хозяйства. Они подразделяются на три группы: по 10–30 югеров — 6; по 30–80 — 13; от 80 и выше — 13¹.

Характер планировки позволяет установить площадь виноградников и посевов в системе хозяйства.

1 группа: поля или посевы — 27,45%; группа 2 — 45,22%; 3 группа — 57,01%.

Вывод: происходит концентрация, наряду с заменой виноградников на поля и пастбища.

В. Расчет рабочей силы возможен с привлечение (сочинений) Катона, Варрона, Колумеллы и Плиния²; норм рабочей силы, существовавшей в древности. Для 8 югеров виноградников требуется не менее 3-х рабочих в течение года и на посевы — 1 работник.

Г. Рабочие состояли из рабов. Незначительно использование вольнонаемных, привлекаемых к сезонным работам. На надгробиях есть указание на наличие вольноотпущенника и изображение виноградного ножа, собственное имя происходит от слова «дулос»³.

Д. Сосуществование двух культур: варварской и греческой на протяжении всей истории сельского хозяйства Херсонеса античного времени.

Лепная керамика представляет варварскую культуру «каменных ящиков» горного Крыма, прослеживается связь с кизил-кобинской культурой, новый очаг которой обнаружен у Балаклавы. Необходимость проведения археолого-топографической съемки для дальнейшего изучения Гераклеи»⁴.

В заключение В. П. Лисин подчеркнул, что следует исследовать не только усадьбы, но и поля, планировку каждого участка, их размеры. Гераклейский полуостров — ключ к пониманию проблем истории Херсонеса⁵.

---

¹ Опережая последующее обращение к мнениям исследователей, все же отметим, что многолетние раскопки и «научные экскурсии» Г. М. Николаенко по Гераклейскому полуострову, как и материалы аэрофотосъемки, уточнили количество наделов и их размеры.

² Публикацию сочинений римских агораномов см.: Ученые земледельцы Древней Италии / Пер. и коммент. М. Сергеев. Л., 1970.

³ Мнения историков относительно имени Дулос см. далее.

⁴ Лисин В. П. Тезисы диссертации... Л. 4–7.

⁵ Лисин В. П. Античные хозяйства... Л. 157.

Эстафета изучения хоры была подхвачена в послевоенный период С. Ф. Стржелецким, правда, отдельные наблюдения он изложил ранее в связи с публикациями материалов раскопок.

Но прежде, чем мы перейдем к изложению мнений исследователей второй половины XX в. следует остановить внимание на двух историко-географических сюжетах — это вопрос о равнине, упоминаемой в присяге херсонеситов, и где были расположены земли, размежеванных под виноградники, о чем говорится в декрете в честь Агасикла.

Равнина Присяги и деятельность Агасикла

Такой уникальный по содержанию эпиграфический памятник, как Присяга, имеет огромное значение для реконструкции истории Херсонеса (и не только, как в свое время отметил В. В. Латышев). Первоначально она датировалась рубежом IV—III вв. до н. э.¹ В последующем сопоставив строки документа, в которых сказано, что не предам «территории, которой херсонеситы управляют или управляли», и проанализировав материалы из раскопок памятников Северо-Западной Таврики, Ю. В. Виноградов и А. Н. Щеглов подтвердили датировку памятника В. В. Латышевым: рубеж IV—III вв. до н. э, или же, возможно, начало III в. до н. э.² Данное мнение без оговорок (пока) приводится в самых последних штудиях по истории Херсонеса³.

---

¹ Жебелев С. А. Херсонесская Присяга // Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М., Л., 1953. С. 217; Латышев В. В. Херсонесские надписи // Древности Южной России. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889—1891 гг. // МАР. 1892. Вып. 9. С. 1—45; Latyshev V. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Pontl Euxini graecae et latinae. T. P: Inscriptiones Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae, aliorum locorum a Danubio usque adregnum Bosporanum. Petropoli, 1916. № 401 (IosPE. T. P).

² Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: Экономика, политика, культура. М., 1990. С. 335. В более ранних работах А. Н. Щеглова приведена иная дата. По мнению В. П. Яйленко, декрет принят около 270 г. до н. э. (см.: Яйленко В. П. Некоторые вопросы интерпретации херсонесской присяги и почетной надписи в честь Агасикла // ПИФК. 1991. Вып. 10. С. 175—187).

³ Зубарь В. М. Религиозное мировоззрение // Зубарь В. М., Буйских А. В., Кравченко Э. А. и др. Херсонес Таврический в третьей четверти VI — середине

Но в определении местоположения упомянутой в документе равнины исследователи не столь единодушны. Разночтения вызвало обращение к двум надписям: Присяге и декрету в честь Агасикла. По заключению первого публикатора эпиграфических памятников В. В. Латышева, равнина Присяги и надписи Агасикла — это земельные владения полиса на дальней хоре¹. Развитие историографической традиции связано с именем А. Л. Бертье-Делагарда. Он полагал, что межевание земель, предпринятое Агасиклом, относится к землям, расположенным на Гераклеяском полуострове². Фактически большая часть исследователей, освещавших земледелие Херсонеса, были склонны следовать его точке зрения (Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий, с некоторыми оговорками В. Д. Блаватский).

Одним из первых сторонников отнесения событий, упоминаемых в обоих памятниках, к Северо-Западному Крыму, стал А. Н. Щеглов, подразумевая под размежеванными Агасиклом землями районы Керкинитиды и Калос Лимена. В основе его аргументации лежит сопоставление времени появления декрета и начала освоения земель в Северо-Западном Крыму. При этом исследователь подчеркивает, что до полного освоения территории Гераклеяского полуострова вряд ли было возможным начало осуществления столь грандиозного политического и экономического проекта, как колонизация новой территории³.

Своеобразная контроверза концепциям В. В. Латышева и А. Н. Щеглова, сопровождаемая убедительными аргументами, прозвучала в XXI столетии: «Равнина Присяги — это земли Гераклеяского полуострова, а

---

1 в. до н. э. С. 149, 350). В популярной книге, посвященной эпиграфике Херсонеса, Э. И. Соломоник писала о датировке памятника началом III в. до н. э. как общепринятой (см.: Соломоник Э. И. Каменная летопись Херсонеса. Симферополь, 1990. С. 9). Датировке Присяги посвящена также статья: Леви Е. И. К вопросу о датировке Херсонесской присяги // СА. 1947. Т. 9. С. 89—100.

¹ Комментарии к изданию надписей № 401 и 313 (IosPE. I²).

² Аргументация изложена: Бертье-Делагард А. Л. О Херсонесе // ИАК. 1907. Вып. 21.

³ Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 121. Данная точка зрения присутствует и в других работах, обобщающих археологические исследования автора.

межевание земель под виноградники Агасиклом могло происходить и на дальней хоре¹. В главе 3 коллективной монографии это положение подано несколько иначе. Проанализировав размещение венков на постаменте статуи Агасикла, В. М. Зубарь полагает, что «на лицевой стороне были отмечены наиболее значимые и экстраординарные заслуги чествуемого², которые имели место в непосредственной близости от города» и добавляет, что место, где они совершены, не обозначено, поскольку это было хорошо известно херсонеситам³. Именно на лицевой стороне говорилось об Агасикле как «бывшему стеностроителем», «предложившему декрет о гарнизоне и устроившему его» и как о магистрате, который «провел границу виноградной области на равнине». Гарнизон и стена предназначались для защиты ближней хоры; как и межевания земель под виноградники на равнине — на Гераклейском полуострове. Конечно, одного указания на знания херсонеситов о месте деяний Агасикла для вывода, что события развивались вблизи Херсонеса, было бы недостаточно. Но В. М. Зубарь подкрепляет доказательства данными о сельскохозяйственных культурах на землях Северо-Западного Крыма. Анализ материалов раскопок В. А. Кутайсова, А. Н. Щеглова, отмечающих, что здесь преобладали злаки, а виноград выращивали только для собственных нужд, а также учет палеогеографической ситуации позволили исследователю внести коррективы в собственное изложенное ранее мнение.

До появления новых свидетельств в пользу сторонников иного размещения равнины Присяги, можно полагать, что существовавшая почти век дискуссия завершена.

---

¹ Зубарь В. М. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. Киев, 2004. С. 54—56.

² Агасикл исполнял ряд магистратур, которые приведены внутри венков на других сторонах постаumenta. К этому памятнику предстоит обратиться в разделе о государственности Херсонесского полиса.

³ Зубарь В. М. Формирование территориального государства в Западной Таврике и Херсонесе во второй половине IV — первой трети III в. до н. э. // Зубарь В. М., Буйских А. В., Кравченко Э. А., Марченко Л. В., Русева А. С. Херсонес Таврический в третьей четверти VI — середине I в. до н. э.: Очерки истории и культуры. Киев, 2005. С. 162—163.

Раскопки на Гераклейском полуострове во второй половине XX в.; «Клеры Херсонеса Таврического» С. Ф. Стржелецкого

Свидетельства источников: разрозненные данные археологических раскопок и картографические съемки, начиная с конца XVIII в., обмеры видимых на поверхности следов древнего межевания, которые были проведены в первой половине XX в. на территории Гераклейского полуострова, незавершенное исследование В. П. Лисина, отражают начальные представления о сельскохозяйственной округе Херсонеса. На основании имеющихся эпиграфических памятников были созданы первые гипотезы об особенностях землевладения Херсонесского полиса.

Как отмечал в последующем С. Ф. Стржелецкий: «Гераклейский сборник», в котором обобщены материалы, полученные к концу 30-х гг. XX в., а также работы Е. Г. Сукова и В. П. Лисина завершили первый этап изучения хоры Херсонеса»¹. К названным С. Ф. Стржелецким исследователям следует добавить имя В. Д. Блаватского, которому принадлежит сопоставление всех накопленных ко времени написания монографии материалов, касающихся Херсонеса, с другими комплексами Северо-Причерноморского региона. Исследователь поставил цель: выявить особенности организации земледелия в Боспорском царстве, Херсонесе и Ольвии); при этом попытался определить урожайность различных культур и количество рабочей силы, необходимой для обработки земельных участков².

Оценивая материалы раскопок конца XIX — начала XX в., С. Ф. Стржелецкий отмечал, что основная заслуга в обращении к изучению памятников Гераклейского полуострова принадлежит А. Л. Бертье-Делагарду: по его настоянию была выполнена инструментальная съемка следов античного межевания. Именно он рекомендовал Н. М. Печенкину произвести раскопки на Маячном полуострове с тем, чтобы окончательно решить вопрос о древнем, Страбоновом Херсонесе. Отсутствие интереса у К. К. Косцюшки-Валюжинича к памятникам данной территории, по мнению С. Ф. Стржелецкого, объясняется опа-

---

¹ Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического. С. 27.

² Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах...

сениями, что такие исследования ослабят «его аргументацию в пользу древнего существования Херсонеса у Карантинной бухты»¹.

Вряд ли предполагаемая причина кратковременности раскопок К. К. Косцюшки-Валюжинича в окрестностях Херсонеса являлась единственной (и возможной). Если учитывать условия, в которых ему приходилось работать: спешить, чтобы опередить строительные работы или монастыря, или Военного ведомства, то становится очевидным, почему главное внимание первый заведующий городищем уделял изучению непосредственно территории города. Безусловно, вряд ли возможно и отрицать превалирующие интересы К. К. Косцюшки-Валюжинича именно к памятникам городища, так как он стремился доказать не только то, что Херсонес был основан изначально на берегу Карантинной бухты, но и то, что это был значительный по размерам город. Именно поэтому он уделял большое внимание изучению оборонительных стен.

Но к 1893 г. дискуссия о Страбоновом Херсонесе уже утратила остроту. В специальном приложении к фундаментальной статье, опубликованной в этом году, А. Л. Бертье-Делагард писал, что раскопки в «позднем Херсонесе открыли много древних надписей и различных предметов, указывающих на существование здесь изначально города». Но он не допускал наличия грубой ошибки у античного географа, поместившего «древний Херсонес» у современной Казачьей бухты в 9 верстах от нового Херсонеса. По мнению А. Л. Бертье-Делагарда, Страбон точен в описании топографии побережья, просто со стороны моря две бухты могли быть им приняты за одну, поэтому их количество, указанное в «Географических записках», не совпадает с действительной ситуацией².

---

¹ Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического. С. 16.

² Бертье-Делагард А. Л. Раскопки Херсонеса // МАР. 1893. Т. 12. С. 55—64. Среди тех, кто обращался к описанию побережья Черного моря, приведенного Страбоном, следует назвать: Латышев В. В. Заметки по древней географии северного и восточного побережья Черного моря. 1: К Страб. VII, 4, 2 // Понтика. СПб., 1909. С. 129—137. Античные периплы и сочинение Страбона использованы для реконструкции географии Северочерноморского побережья в монографии: Агбунов М. В. Античная география Северного Причерноморья. М., 1992.

Раскопки С. Ф. Стржелецкого¹ и его монографию о клерах херсонеситов можно считать следующим этапом в изучении античной хоры. На основании обмеров земельных участков и раскопок нескольких усадеб, привлекая свидетельства античных авторов, он заложил основы подхода к восстановлению экономического статуса Херсонеса в целом, показав, что основной хозяйственной деятельности с IV в. до н. э. являлось сельское хозяйство, которое имело товарный характер; земледелие оказывало влияние на развитие ремесла²; в полисе существовала частная собственность на землю.

Накопление новых данных в последней четверти XX в. подтвердило значимость исследований С. Ф. Стржелецкого, уточнило некоторые из его наблюдений. Корректировка выводов произошла в следующий этап изучения хоры античного города. Не оценивая с позиций сегодняшнего дня монографию С. Ф. Стржелецкого, предоставим слово его современникам. Анализируя итоги научной деятельности Херсонесского музея, его директор И. А. Антонова писала: «Накоплен большой материал, позволяющий составить представление об экономике античного Хер-

---

¹ Разведочные работы на Гераклейском полуострове были начаты в 1945 г., с 1950 г. они превратились в регулярные раскопки (см.: Антонова И. А. Херсонесский музей за годы советской власти // ХСб. 1959. Вып. 5. С. 9).

² Стржелецкий С. Ф. Клery Херсонеса... С. 157. В этот период ранняя история полисов, основанных в эпоху Великой греческой колонизации, рассматривалась в соответствии с постоянно цитируемым высказыванием К. Маркса, определявшего особенности «классической древности» тем, что «это история городов, но история городов, основанных на земельной собственности и на земледелии». О значении земледелия, двойственном характере античной формы собственности см.: Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 1. С. 463—469. Высказывание К. Маркса отражает теоретические положения античных авторов о значимости земельной собственности и земледелия, которое являлось не столько способом добывания жизненных средств, а образом жизни. Но отечественными историками оно воспринималось гипертрофировано. Так называемый «земельный голод» считался главной причиной освоения новых земель. Менее значимыми, подчас не учитываемыми, являлись торговые интересы, потребность в сырье. Поэтому естественно, что мнение Г. Д. Белова, что «главным и, вероятно, единственным занятием жителей» в начальный период существования Херсонеса являлась торговля (Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948. С. 32) вызвало критику.

сонеса, пролит свет на многие неясные ранее вопросы организации земледелия и землевладения эллинистического города, ...подведен итог длительных исследований»¹.

Сравнительный анализ размеров земельных участков в различных районах Гераклейского полуострова позволяет, по мнению С. Ф. Стржеleckого, считать, что небольшие наделы (в 4 га) на Маячном полуострове принадлежали первопоселенцам (на основании количества наделов определено число первопоселенцев — около 100 семей). В последующем осваивается остальная территория полуострова, что увеличило земельный фонд к III—II вв. до н. э. в 30 раз; возросло число клеров, некоторые из них достигали до 26,5 га (ок. 400 земельных участков имели подобную площадь, по мнению С. Ф. Стржеleckого)². Сопоставление свидетельств двух надписей: в честь Агасикла (III в. до н. э.), «размежевавшего виноградники на Равнине», и Присяги херсонеситов — привело исследователя к выводу об уравнительном характере предприятия Агасикла: (Он) «размежевал чью-то землю, делил ее поровну, уравнивал на нее права определенного числа граждан в количестве около 400 семей», — писал С. Ф. Стржеleckий. Вероятно, единодушного согласия на передел земли среди граждан не существовало, что не могло не вызвать сопротивление. Появление Присяги — отражение победы демократии³.

Незначительная мощность гумусного слоя позволила выявить соотношение различных культур на наделах⁴, предложить ориентировочные подсчеты рабочей силы⁵. Один из рецензентов отмечал, что «установление факта сокращения усадеб в первые века н. э. и концентрация

---

¹ Антонова И. А. Херсонесский музей... С. 9.

² Стржеleckий С. Ф. Клery Херсонеса... С. 158.

³ Там же. С. 159—160.

⁴ Различия требований агротехники позволило С. Ф. Стржеleckому определить процентное соотношение различных культур, произраставших на наделе, а также необходимое количество рабочей силы (См.: Стржеleckий С. Ф. Клery Херсонеса... С. 66—86).

⁵ В рецензии Е. Г. Сузова подчеркнуто, что после появления работ С. Ф. Стржеleckого «аграрные отношения Херсонеса получили совершенно новый, отчетливый вид» (см.: Сузов Е. Г. К вопросу о херсонесских клерах. С. 329).

земельных угодий относится к числу значимых открытий¹. Придавая большое значение исследованию С. Ф. Стржеleckкого, Е. Г. Суров выделил положения работы, которые требуют уточнения. Прежде всего это термин «клер», введенный автором: «Если мы правильно называем земельные наделы херсонесцев клерами (букв.: жребий), то необходимо установить, какое время он сохранял значение для обозначения участков, полученных по жребию² от общины в неотчуждаемое наследство», — писал Е. Г. Суров³. Он возражал также против использования данных о клерах Маячного полуострова (Страбонова Херсонеса) для подтверждения тезиса о наличии мелкой и средней собственности на землю, так как эти участки и наделы на остальной части Гераклеяского полуострова, скорее всего, относятся к различным периодам. Соглашаясь в том, что основной рабочей силой являлись рабы, рецензент считал возможным говорить и об использовании труда свободных в сельском хозяйстве, привлечении сезонных работников, участии членов семьи в обработке земли. Но наибольшую критику вызвала интерпретация декрета в честь Агасикла: «С. Ф. Стржеleckкий полагает, что Агасикл поделил земли, находящиеся в частной собственности, и что это было результатом реформы в «пользу рядовых демократов, в ущерб крупным землевладельцам». ...Такой передел, если бы он имел место, надо именовать не реформой, а революционными преобразованиями»⁴.

---

¹ Суров Е. Г. К вопросу... С. 335. К мнениям относительно «концентрации земли в римский период» предстоит обратиться.

² В работах конца XX в. термин «клер» используется в основном в историографических обзорах.

³ Суров Е. Г. К вопросу... С. 332.

⁴ Там же. С. 336. Примечательно, что, опережая время, Е. Г. Суров отметил необоснованность во всех случаях использовать слова К. Маркса о причинах колонизации, так как в данном случае имеются в «виду общие закономерности, из которых могут быть исключения»; в экономике раннего Херсонеса, по его мнению, большую роль играла торговля (этот тезис в последующем вызвал критику сторонников «аграрной направленности колонизации». В целом вопрос о причинах и характере Великой греческой колонизации имеет длительную историю (об этом см. в разделе о начальных страницах истории Херсонеса). Однако непосредственно по отношению к истории Херсонеса эта

Итак, по собственному признанию С. Ф. Стржелецкого и, по мнению рецензентов, на многие вопросы относительно особенностей землевладения граждан Херсонесского государства ответить не удалось. Требовались более масштабные раскопки и не только ближайшей хоры; необходимо было составить представление относительно упоминаемых в Присяге населенных пунктов; проследить особенности эксплуатации наделов на «Равнине» и время появления расположенных на ней хозяйственных комплексов. Решение этих вопросов относится ко второй половине — концу XX в.

В данном случае все же следует заметить, что ко времени создания монографии «Клеры Херсонеса Таврического», в сущности, полностью изученной являлась только усадьба надела № 25, возникновение которой отнесено С. Ф. Стржелецким к рубежу IV—III вв. до н. э. (или началу III в. до н. э.); прекращение функционирования — покинута обитателями: в середине — третьей четверти II в. до н. э.¹ Обращение к материалам раскопок С. Ф. Стржелецкого в конце XX в., в частности, к анализу клейм на амфорах (найден 101 экз.) после появления новой классификации этого вида находок², показало, что усадьба возникла

проблема историками XIX — начала XX в. не ставилась. Из наиболее поздних исследований западноевропейских историков можно назвать специальный сборник «The Archaeology of Greek Colonisation» (Oxford, 1994, ed. G. R. Tsetskhladze), в котором опубликованы статьи исследователей различных научных школ (см.: Snodgrass A. M. The Growth and Standing of the Early Western Colonies. P. 1—10; Popham M. R. Precolonisation: early Greek contact with the East. P. 11—24; Shefton B. B. Massalia and Colonization in the North-Western Mediterranean. P. 61—86). Редакция издания «Colloquia Pontica» постоянно знакомит читателей с работами российских историков (приведу только одну из них: Koshelenko G. A., Kuznetsov V. D. Colchis and Bosphorus: Two Models of Colonization? // Colloquia Pontica, 1: New Studies on the Black Sea Littoral. Oxford, 1996. P. 1—30). Историографический обзор о колонизации Западного Средиземноморья см.: Козловская В. И. Греческая колонизация Западного Средиземноморья в современной зарубежной историографии. М., 1984.

¹ Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического... С. 88—102.

² Кац В. И. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратных клейм // ВДИ. 1985. № 1. С. 87—112. При разработке одной из первых классификаций находок Р. Б. Ахмеров (см.: Ахмеров Р. Б. Об асти-

в конце IV в. до н. э. и существовала до конца первой трети III в. до н. э.¹ Сомнения в датировке времени функционирования усадьбы № 25 высказывались и ранее. Основанием для этого являлось представление об общенсторической ситуации в регионе и материалы раскопок дальней хоры Херсонеса: поселений и усадеб, расположенных в Северо-Западном Крыму. А. Н. Щеглов на основании археологических данных показал, что в конце III в. до н. э. они были разрушены. Та же участь постигла, по его мнению, и усадьбы, расположенные в непосредственной близости от города².

Последняя четверть XX столетия — это новый этап в изучение хоры, связанный с именами А. Н. Щеглова, И. Т. Кругликовой³ и Г. М. Никола-

---

номных клеймах эллинистического Херсонеса // ВДИ. 1949. № 4. С. 99–106) был вынужден привлекать материалы, для которых не имелось точных указаний о месте находки. Получение новых данных в последние годы, изучение клейм различных центров позволило внести коррективы в хронологию.

¹ Туровский Е. Я. О времени существования усадьбы надела 25... С. 165–168.

² Об этом, например, см.: Щеглов А. Н. О греко-варварских взаимоотношениях на периферии эллинистического мира // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 188–191; Виноградов Ю. А., Марченко К. К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху: Опыт периодизации истории // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. Кировоград, 1987. С. 39–40.

³ Краткая информация об итогах текущих сезонов уже приводилась выше. Напомним названия теоретических работ: Кругликова И. Т. Земельные наделы херсонесцев на Гераклеяском полуострове // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 9–16; Она же. Т. Боспор, Херсонес и Ольвия III–II вв. до н. э. // Древние культуры Причерноморья: Материалы III Всесоюзного симпозиума. Киев, 1982. С. 45–47; Она же. Сельские усадьбы херсонеситов в эллинистический период // Проблемы античной истории и классической филологии: Тез. докл. Харьков. 1980. С. 29–30; Она же. Земельные наделы херсонеситов на Гераклеяском полуострове // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 9–16. Некоторых аспектов земледелия в Херсонесе она касается в одной из статей, посвященных античной археологии (см.: Кругликова И. Т. Проблемы античной археологии // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 3–11) и в учебном пособии: Кругликова И. Т. Античная археология. М., 1984. Материалы раскопок исследовательницы использованы в студиях С. Ю. Сапрыкина, но оказались слабо отраженными в кадастре, опубликованном Г. М. Николаенко, которая

енко. К сожалению, раскопки И. Т. Кругликовой оказались не особенно долговременными и не привели к созданию фундаментальной работы по примеру тех, что были написаны относительно Боспора.

Последняя четверть XX — начало XXI столетия

Отправной точкой для изложения взглядов исследователей, характерных для последних десятилетий XX в., может служить специальный том «Археологии СССР»¹.

Автор соответствующего раздела — А. Н. Щеглов, — прежде всего отмечает, что на рубеже V—IV вв. до н. э. существовали наделы только на Маячном полуострове (Страбоновом Херсонесе). К началу периода относится также освоение земель, расположенных неподалеку от городских стен. В течение IV в. до н. э. в качестве единовременного акта предпринята размежевка остальной части полуострова.

Для наделов, окруженных оградами, характерны стандартные размеры — около 26,5 га (судя по обмерам, они составляли 80%). Участки в прибрежной зоне из-за рельефа местности имели отличия (около дороги, ведущей в Херсонес, их площадь ок. 17,5 и 30 га). Основной сельскохозяйственной культурой на наделах ближней хоры являлся виноград; на многих из них прослежены параллельные стенки — садово-виноградный плантаж². Усадьбы строились в основном около дорог, соединявших между собой хозяйства граждан и в то же время ограничивавших наделы.

А. Н. Щеглов подчеркивает также, что «планировочное решение усадеб в окрестностях Херсонеса на протяжении столетий оставалось устойчивым», со временем изменялись только отдельные детали³.

имела возможность обратиться и к рукописным отчетам. Возможно, это объясняется соображениями этики.

¹ Щеглов А. Н. Херсонесское государство // Археология СССР: Античные государства Северного Причерноморья» М., 1984. С. 53—57.

² Подсчеты, произведенные С. Ф. Стржелецким, показали, что на таком участке могло производиться до 90000 л вина. Следовательно, согласно его выводу, хозяйства херсонеситов носили товарный характер (см.: Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса... С. 151).

³ Щеглов А. Н. Херсонесское государство. С. 53.

Во второй половине IV в. до н. э., как показали раскопки 1973–1974 гг., на восточной окраине Гераклеяского полуострова, появились небольшие незащищенные поселения, которые, скорее всего, были разгромлены в период скифо-херсонесских войн во II в. до н. э. Возможно, в это же время перестали существовать керамическая мастерская, открытая с внешней стороны оборонительных стен Херсонеса¹.

А. Н. Щеглов констатирует, что исследования третьей четверти XX в. показали, что «древний Херсонес» моложе «нового Херсонеса». Ко времени написания «Географических записок» Страбона поселение на Маячном полуострове уже перестало существовать². Согласно его мнению, «старый Херсонес» — это первый укрепленный поселок³. Таким образом, гипотеза М. И. Ростовцева о том, что здесь располагалась древнейшая клерухия⁴, или же Э. Р. Штерна, что «старый Херсонес» —

---

¹ Автор раскопок В. В. Борисова полагала, что мастерские функционировали с конца IV в. до конца III, или до первой половины II в. до н. э. (Борисова В. В. Гончарные мастерские Херсонеса: По материалам раскопок 1955–1957 гг. // СА. 1958. № 4. С. 144–153; Она же. Керамическое производство античного Херсонеса: По материалам раскопок эргастериев конца IV–II вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1966; Она же. Херсонес: Керамическое производство и античные керамические строительные материалы // САИ. 1966. Вып. Г 1–20. С. 13–17). К этому же времени относили функционирование так называемого поселка виноделов в верховьях Карантинной бухты (Стржелецкий С. Ф. Раскопки у Карантина близ Херсонеса Таврического // ХСб. 1948. Вып. 4. С. 51–64) и каменщиков (Щеглов А. Н. Некрополь у Песочной бухты близ Херсонеса // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 109–116). В последующем было выявлено, что речь может идти не о поселке, а о следах хозяйственной деятельности херсонеситов.

² Щеглов А. Н. Жилой дом эллинистического Калос Лимена: Опыт реконструкции // Художественная культура и археология античного мира. 1976. С. 232–238; ср.: Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического... С. 156.

³ Стена, как отмечает А. Н. Щеглов, служившая для защиты поселения, направлена в сторону остальной части Гераклеяского полуострова, еще не освоенного в этот период. Существовал поселок со второй четверти — середины IV в. до н. э. до конца II в. до н. э. (см.: Щеглов А. Н. Херсонесское государство. С. 54; Он же. «Старый» Херсонес Страбона // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР: Тез. докл. юбил. конф. Киев, 1975. С. 135–136).

⁴ Ростовцев М. И. К истории Херсонеса... С. 8.

одно из возможных укреплений, упоминаемых в Присяге¹, отчасти получили подтверждение².

Непосредственно поселение, размерами около 18 га, находилось между двумя параллельно расположенными стенами, наиболее мощная из которых обращена в сторону полуострова (ширина ее до 2,75 м). Вторая стена отделяла наделы от жилой застройки, имевшей четкие линии улиц. Как полагает А. Н. Щеглов, Маячный полуостров был разделен на 80–100 наделов площадью ок. 4,4 га. На большей части их прослежены остатки усадеб. Так во второй половине XX в. был решен вопрос о Страбоновом Херсонесе, о том, в чем ошибся античный географ³. Вместе с тем ряд аспектов землепользования, организации рабочей силы, по-прежнему остались дискуссионными; отсутствовало представление и о хоре римского времени⁴.

А. Н. Щеглов очень кратко представил итоги изучения хоры Херсонеса, что вполне объяснимо спецификой издания. Основная часть главы в томе «Археология СССР» изложена на основании работ непосредственно автора⁵.

В качестве итоговых выводов следует отметить следующие положения.

---

¹ Штерн Э. Р. О местонахождении древнего Херсонеса. Одесса, 1908. С. 40.

² Щеглов А. Н. Херсонесское государство. С. 55.

³ Анализ геоморфологических данных показал, что Страбон, описывая путь от «нового Херсонеса» к «древнему Херсонесу», не ошибся в количестве бухт, как считали П. Паллас и А. Л. Бертье-Далагард. Просто во время его возможного путешествия очертания побережья было иным (Щеглов А. Н. Полис и хора. Симферополь, 1976; С. 40). «Старый Херсонес», как он полагает, для Страбона означал «бывший», уже разрушенный.

⁴ Обобщая результаты исследований, А. Н. Щеглов повторяет в отношении римского времени выводы С. Ф. Стржелецкого и Е. Г. Сурова: о концентрации земли — укрупнение наделов и сокращение их количества в I–IV вв. н. э. Этот процесс, по мнению Е. Г. Сурова, взаимосвязан с аристократизацией государственного строя (см.: Суров Е. Г. Новая херсонесская надпись // ВДИ. 1960. № 3. С. 154–158).

⁵ Щеглов А. Н. Полис и хора. 1976. В последующем выводы повторены во французском издании: Chthglov A. Polis et chora: Cite et territoire dans le Pont. Paris, 1992.

1. Поставлен вопрос о качестве земель и величине хоры Херсонесского полиса, относительно размеров которой существовало две диаметрально противоположные точки зрения. Одна из них была высказана А. Л. Бертье-Делагардом, считавшим, что государство владело только «безводной, каменистой и бесплодной своей ближайшей окрестностью. ...Керкинитиды и Калос Лимена были временами его отдаленными мелкими факториями»¹. По мнению К. Э. Гриневича, владения полиса распространялись «чуть ли не до Днепровских порогов»².

Эту проблему — определение владений Херсонеса — позволили решить раскопки в Северо-Западном Крыму, что сделало возможным создать гипотетическую «историческую модель»³.

1а. Ранний Херсонес обладал небольшой территорией. К середине IV в. до н. э. Керкинитиды, основанная в VI в. до н. э., оказалась тесно связанной с Херсонесом торговыми интересами⁴. И во второй половине IV в. до н. э. прибрежная часть Северо-Западного Крыма, вместе с Керкинитидой⁵, была колонизована Херсонесом. «Херсонес превратился в крупный полис с обширными земельными владениями»⁶.

1б. Расцвет Херсонесского государства, увеличение населения вызвали необходимость размежевания земель городской округи в последних десятилетиях IV в. до н. э. Нехватка хлеба (вспомним, что на участках около города в основном произрастал виноград), сложившиеся к этому периоду благоприятные условия для колонизации

---

¹ Бертье-Делагард А. Л. О Херсонесе // ИАК. 1907. Вып. 21. С. 192.

² Об этом см.: Гриневич К. Э. Что такое Херсонес? Общие предварительные сведения. Севастополь, 1925 (расширенные издания в 1926 и 1929 гг.).

³ Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым... С. 4.

⁴ А. Н. Щеглов подчеркивает, что во все периоды своего существования, если судить по нумизматическим данным, введенным в научный оборот А. М. Гилевич (см.: Гилевич А. М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // НиС. 1968. Вып. 3. С. 3—61), Херсонес имел обширные торговые связи (Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым... С. 117). В этом его точка зрения расходится с мнением С. Ф. Стржелецкого и А. И. Тюменева.

⁵ По мнению А. Н. Щеглова, Керкинитиды первоначально являлись «союзным городом» (см.: Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым... С. 121).

⁶ Там же. С. 118.

Северо-Западного Крыма, обусловили освоение отдаленных земель¹. Так возникли поселения херсонеситов на землях, не занятых местным земледельческим населением.

В процессе колонизации Северо-Западного Крыма принимала участие и Керкинитида. Для защиты земель создавались укрепленные пункты, некоторые из них упоминаются в Присяге. Позднее возникают неукрепленные поселения².

1в. Предположение В. В. Латышева о том, что Агасикл размежевал земли на равнине, относится к Северо-Западному Крыму, что, подтверждают археологические раскопки: в конце IV — начале III в. до н. э. здесь появляются виноградники³. Это период наивысшего расширения территории государства.

2. События в Северо-Западном Крыму, отраженные в письменных источниках, сопоставимы с археологическим данными, комплексный анализ свидетельств, отличающихся по своему происхождению и информативности, приводит к следующим выводам:

2а. Поступление продуктов земледелия и скотоводства в Херсонес обусловили подъем его экономики. К III в. до н. э. относится появление крупных земельных владений во вновь освоенных районах. Херсонес превращается в «типичное эллинистическое централизованное государство», которому подвластна значительная территория со смешанным населением: города с собственной хорой (Керкинитида, например), крепости, туземные сельские поселения с зависимым и полузависимым населением, возникшие рядом с укрепленными усадьбами граждан.

2б. Новые экономические условия, возможно, утрата части территории в первых десятилетиях III в. до н. э., привели к внутривнутриполитическим конфликтам, косвенным отражением их является присяга, согласно тексту которой, граждане клялись защищать демократию от посягательства как внешних, так и внутренних врагов.

3. На рубеже IV—III вв. до н. э. возникает позднескифское государство со столицей в Неаполе Скифском. Скифы начинают наступление на земли херсонеситов в Северо-Западном Крыму. III в. до н. э. — на-

---

¹ Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым... С. 119.

² Там же. С. 120.

³ Там же. С. 121.

чало херсонесско-скифских войн, конец которых отражен декретом в честь Диофанта и описан Страбоном.

За К концу III в. до н. э. Калос Лимена захвачена варварами, многие поселения на дальней хоре разрушены. Угроза нависла и над самим Херсонесом. Это вызвало необходимость поиска политических и военных союзников. Таковыми стали враждующие со скифами сарматы и Понтийский царь Фарнак, с которым в 179 г. до н. э. заключен договор о союзе и взаимопомощи.

К середине II в. до н. э. фактически все земли в Северо-Западной Таврике оказалась в руках скифов; разграблена и Керкинитида. На месте разрушенных поселений возникают скифские крепости. Оказавшись в плачевном положении, государство вынуждено было обратиться к Понтийскому царю Митридату VI, полководец которого Диофант помог вернуть Херсонесу некоторые из его территорий¹.

В первой половине I в. до н. э. правители Боспора распространили свою власть на Северо-Западный Крым. В Северном Причерноморье появляются новые завоеватели — римляне.

В итоговом издании, каковым являлся том «Археологии СССР», посвященный античным центрам Северного Причерноморья, безусловно, не были разрешены все дискуссионные проблемы. В самом конце XX — начале XXI в. к некоторым из них исследователи обратились вновь, уточняя прежние доказательства. Но по-прежнему дискуссионным остался вопрос о характере памятников Маячного полуострова, относительно которых точки зрения можно свести к следующим позициям.

А. В середине IV в. до н. э. Маячный полуостров, где уже существовали наделы херсонеситов, превращается в укрепление, но состояние источниковой базы не позволяет объяснить необходимость и смысл его строительства на значительном расстоянии от города². К таким выводам пришел А. Н. Щеглов³.

---

¹ Щелов А. Н. Северо-Западный Крым... С. 132—134.

² Подробнее см.: Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н. Образование территориального Херсонесского государства. С. 310—371.

³ Его раскопки в 60-х гг. XX в. не были масштабными. Наличие военных объектов (35-й батареи) «закрыло» доступ к памятникам Маячного полуострова. Возобновление раскопок относится к последней четверти XX в. Это

Б. Восстанавливая картину начального этапа освоения хоры, С. Ю. Сапрыкин высказал предположение, что основные участки переселенцы получили неподалеку от Карантинной бухты; на Маячном полуострове находились дополнительные земельные владения (но они входили в первоначальные владения граждан)¹; конфронтация с таврами стала причиной появления укрепления².

В. Согласно концепции Е. Я. Рогова, не уступавшее по площади Херсонесу поселение на Маячном полуострове, являлось именно городом, развалины которого описал Страбон, в последующем херсонеситы переселились на берег Карантинной бухты³.

Противоречивость мнений, стала причиной поиска новых аргументов. Обобщив известные на сегодняшний день данные раскопок, прежде всего

первоначально эпизодические раскопки А. А. Зедгенидзе, затем исследование И. Т. Кругликовой одной из усадеб, и, наконец, с 90-х гг. постоянно действующая экспедиция под руководством Г. М. Николаенко и А. И. Петраковского. В. М. Зубарь и А. В. Буйских с сожалением заметили, что отсутствие публикаций о раскопках конца XX — начала XXI в. приводят к тому, что исследователи вынуждены использовать архивные материалы (рукописные отчеты Н. М. Печенкина (см.: Зубарь В. М., Буйских А. В. По поводу интерпретации памятников... С. 11)).

¹ В одновременно опубликованной на английском языке работе он пишет о том, что первоначальные наделы херсонеситов (в первой половине IV в.) располагались на Маячном полуострове, который защищали со стороны суши два ряда стен с башнями (Saprykin S. Ancient Farms and Land—Plots on the Khora of Khersonesos Tauriki // *Research in the Herakleian Peninsula*, 1974—1990. Amsterdam, 1994. P. 79—82). Именно с данной территорией связывал первые, фиксируемые археологически следы сельскохозяйственной деятельности Херсонеситов А. Н. Щеглов (Щеглов А. Н. Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н. э. // *Античная гражданская община: Проблемы социально-экономического развития и идеологии*. Л., 1986. С. 152—176).

² Сапрыкин С. Ю. О внутренней колонизации Херсонеса Таврического // ВДИ. 1994. № 3. С. 126—144.

³ Рогов Е. Я. Некоторые проблемы становления и развития Херсонесского государства // *Stratum plus*. 1999. № 3. С. 116—144. В сущности, это возвращение к мнению А. Л. Бертье-Делагарда, прозвучавшему сто лет тому назад (Бертье-Делагард А. Л. О Херсонесе // ИАК. 1907. Вып. 21. С. 201).

массовый археологический материал, В. М. Зубарь и А. В. Буйских сочли возможным изложить ряд замечаний, объясняющих специфику памятников Маячного полуострова. В историографической преамбуле авторы анализируют существующие мнения и констатируют, что поселение на Маячном полуострове не древнее Херсонеса на берегу Карантинной бухты — строительные остатки датируются первой половиной IV в. до н. э. (но не позднее рубежа первой и второй четверти IV в. до н. э.). Группа новых переселенцев получила здесь земельные участки (100 участков площадью в 4,4–4,5 га). Начало реализации градостроительной программы в Херсонесе, возведение оборонительной стены и работы на Маячном полуострове были предприняты фактически одновременно. Солидаризируясь с Е. Г. Суровым в том, что освоение земель стало возможным благодаря прибытию эпойков¹, исследователи полагают, что, скорее всего, именно появление новых колонистов стало «побудительным мотивом» бурной строительной деятельности непосредственно на территории города. Последующее сплошное межевание Гераклеийского полуострова, в том числе и Маячного, около середины IV в. до н. э., с одной стороны, является свидетельством увеличения населения, с другой — связано с перераспределением земельного фонда, возможно, вызванного и сопровождаемого социальными конфликтами, поскольку входившие во вторую волну переселенцы, согласно существовавшей традиции, не имели равных прав с первопереселенцами, а, следовательно, и возможности иметь равные с ними земельные участки. Вероятную причину «оставления» укрепленного поселения на Маячном полуострове В. М. Зубарь и А. В. Буйских видят в том, что итогом стасиса стало достижение равных прав эпойков с основателями полиса. Вместе с тем, исследователи отмечают, что только обращение ко всей имеющейся информации, сделает возможным выявить значение земель Маячного полуострова «в системе памятников хоры Херсонеса», до этого предлагаемая ими реконструкция событий является лишь гипотезой и поэтому не завершает дискуссию о ранней истории города². (Напомним, что вопрос о хронологии и о том, что представляли

---

¹ Об этом см.: Суров Е. Г. К вопросу о херсонесских клерах. С. 329–336.

² Зубарь В. М., Буйских А. В. По поводу интерпретации... С. 26–27. Показателем ее является то, что в ходе рецензирования настоящей работы

собой памятники Маячного полуострова, пожалуй, относится к числу тех, которые имеют чрезвычайно длительную историографическую традицию. В сущности, первым, кто писал об этом, был Страбон. Описания путешественников XVIII в., первые раскопки в конце XIX—XX вв. привели к фиксации деталей, которых, безусловно, не мог видеть и знать античный географ. С этого времени начинается научное обращение к памятникам, обсуждение вопроса относительно их хронологии).

В. М. Зубарь и А. В. Буйских делают акцент на тезисе: вопрос о времени возникновения укрепления на Маячном полуострове неразрывно связан с проблемой основания Херсонеса¹.

Осознанием значимости предоставления в руки исследователей именно новых материалов стала двухтомная монография Г. М. Николаенко о земельный кадастр Херсонеса IV—III вв. до н. э., о которой уже было сказано несколько слов выше². В планы исследовательницы,

---

В. М. Зубарь обратил мое внимание на метрическую систему, которую использует Г. М. Николаенко, — это плетр, который являлся аттическим стандартом. Он напомнил о работе А. В. Буйских, которая оказалась мне неизвестной. В. М. Зубарь подчеркивает, что А. В. Буйских (статья 1998 г.) аргументировано показала, что в основе размежевки Гераклеийского полуострова лежал гекаторюг (гапаксный термин, который обозначает местное название земельного участка, равного по площади 1 египетской ауре. Площадь гекаторюга равна 100 x 100 египетских локтей или 52,5 X 52,5 м). Привожу более позднюю работу: Буйских А. В. Еще раз о херсонесском гекаторюге // Международные отношения в бассейне Черного моря в античности и Средние века: Тез. докл. Ростов н/Д, 1994. С. 36—38. Одновременно В. М. Зубарь привел ряд замечания относительно неточностей в использовании старых данных в 2-томной монографии Г. М. Николаенко.

¹ Зубарь В. М., Буйских А. В. По поводу интерпретации... С. 14. Отметив гипотетичность предложенных наблюдений, авторы пишут, что публикация новых археологических свидетельств, полученных в последнее десятилетие XX в., позволит внести коррективы.

² Николаенко Г. М. Хора Херсонеса Таврического: Земельный кадастр IV—III вв. до н. э. Ч. 1. Севастополь, 1999; Ч. 2. Севастополь, 2001. Введенные Г. М. Николаенко в научный оборот материалы, сбор и сопоставление которых потребовало огромного труда, безусловно, являются, источником для дальнейшей работы специалистов в области аграрной истории полиса.

как можно полагать из введения к работе, входило сопоставление полученных к концу XX в. различных источников: топографических планов, данных аэросъемки и архивных материалов, которые наряду с результатами археологических раскопок, наиболее интенсивных в 70—80-е гг., позволили бы воссоздать картину пространственно-хронологического развития ближней хоры Херсонесского государства¹.

Безусловно, появление обобщающей работы имеет большое значение, но, к сожалению, не все «заявленные» в публикации источники оказались представленными в должной мере. Прежде всего материалы, полученные именно Г. М. Николаенко, те археологические находки, которые должны быть стать основой хронологии. Фактически остались неосвещенными результаты десятилетнего изучения памятников Маячного полуострова московским археологом А. И. Петраковским. Вместе с тем издание «кадастра Херсонеса» является одной из основ для дальнейших поисков историков Херсонеса для освещения его социально-экономической и политической истории.

Не останавливаясь в данном случае на критических замечаниях, которые уже прозвучали в монографии В. М. Зубаря², представим основные наблюдения Г. М. Николаенко.

1. Склоны балок и берега многочисленных бухт были обитаемы задолго до появления эллинов. Здесь обнаружены поселения туземного населения Крымского полуострова — тавров, относящиеся к первой половине I тыс. до н. э.

2. Фактически сразу же после возникновения Херсонеса начинается освоение земель около расположенных вблизи города бухт: Стрелецкой, Камышовой, Казачьей.

3. На берегу Карантинной бухты, где в последующем возник Херсонес, также выявлены следы пребывания автохтонного населения (кизил-кобинская культура). В последней четверти VI в. до н. э. здесь появляются эллины³.

---

¹ Николаенко Г. М. Хора Херсонеса Таврического... Ч. 1. С. 11.

² Зубарь В. М. Хора Херсонеса Таврического...

³ Характер взаимоотношений жителей поселков на основании источников объяснить невозможно (Николаенко Г. М. Хора Херсонеса Таврического...

Как и в более ранних статьях, Г. М. Николаенко, подчеркивает значение работ своих предшественников, заложивших основы планомерного изучения наделов на территории «старого» Херсонеса, отмечая при этом, что при обращении к свидетельству Страбона, правы те, кто не склонен обвинять античного географа «в ошибках». Описание побережья, сделанное им, соответствует географическим реалиям, исключение составляет неточность в оценке расстояния между «новым» и «старым» Херсонесом (Страбон оценивал это расстояние в 100 стадий. В действительности оно составляет около 50 стадий)¹. По ее мнению, поселение у Казачьей бухты в IV—II вв. до н. э. — это укрепление, задачей которого являлся контроль подходов к Херсонесу. Жившие здесь граждане, кроме охраны побережья, обслуживали и маяк. От поселения к маяку вела дорога. В римское время эллинистическое укрепление «трансформируется» в сторожевой пост².

На основании материалов раскопок 1939 г. в верховьях Карантинной бухты С. Ф. Стржелецкий полагал, что здесь располагался поселок виноделов эллинистического времени³. Согласно мнению Г. М. Николаенко, строительные остатки принадлежат усадьбам «наделов, входивших в состав размежеванных земель». Находки керамики, типичной для остальной части Гераклеяского полуострова, относятся к концу IV — II в. до н. э. Обнаруженные в «поселке виноделов» скальные давяльни — результат деятельности херсонеситов в классический период (первый этап освоения земель в конце V — первой половине IV в. до н. э.), когда происходило «практическое знакомство с ситуацией в регионе». Этот этап завершился ко второй половине IV в. до н. э.⁴

С. 17). Это, по ее мнению, не единичный пример соседства, а в некоторых случаях и смены населения с архаического времени и до V в. до н. э. (Более подробно см.: Николаенко Г. М. Хора Херсонеса Таврического... С. 22—29).

¹ Николаенко Г. М. О ближней хоре Херсонеса Таврического в IV в. до н. э. // ХСб. 1996. Вып. 7. С. 30.

² Там же. С. 32.

³ Об этом см.: Стржелецкий С. Ф. Раскопки 1939 г. у Карантина... С. 63.

⁴ Николаенко Г. М. О ближней хоре... С. 33—34. В других работах Г. М. Николаенко несколько иначе интерпретирует «остатки хозяйственной деятельности», о чем уже говорилось выше.

В начале второго этапа — до третьей четверти IV в. до н. э. «намечаются границы городской хоры», включавшей общественные и храмовые земли¹, территорию будущих ком. Во второй период этого этапа, завершившегося к началу четвертой четверти IV в. до н. э., шло развитие пространственно-планировочной структуры хоры, при этом наделы прямоугольной формы площадью в 4,4 га возникли как на Гераклеяском полуострове, так и в Северо-Западном Крыму².

В концептуальные положения Г. М. Николаенко уже после выхода из печати ее книги В. М. Зубарь внес уточнения. В коллективной монографии 2005 г., как и в более ранних работах, он отметил:

1. Около рубежа IV—III вв. до н. э. завершается создание Херсонесского территориального государства.

2. Законодательно закрепляются его границы, и возникает линия оборонительных сооружений по границам земель ближней хоры (деятельность Агасикла).

3. В это же время здесь сооружаются квадратные в плане или прямоугольные дома-башни, в которых херсонеситы могли временно укрыться от опасности в случае внезапного набега³.

4. Складывается территориальная специализация в земледелии: Северо-Западный Крым — производство в основном зерна, на Гераклеяском полуострове — возделывание виноградников.

5. В Северо-Западной Таврике существовали различного типа комплексы, что отражает различия социума. Такие центры как Керкинитида и Калос Лимена являлись своеобразными административно-хозяйственными центрами.

---

¹ Предположение о размещении храмовых земель на Маячном полуострове высказано в статье: Николаенко Г. М., Марченко Л. В. Антропогенные воздействия на природу в регионе Юго-Западного Крыма в IV—III вв. до н. э. // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С. 30—43. Однако это не более чем гипотеза. К настоящему времени никаких археологических подтверждений не получено. В Афинах, например, отдельные оливковые деревья росли на участках граждан, которые должны были ухаживать за ними.

² Николаенко Г. М. О ближней хоре... С. 34.

³ Кругликова И. Т. Башни на сельскохозяйственных усадьбах Гераклеяского полуострова // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 14. Описание их см. в разделе о земледелии, принадлежащем Г. М. Николаенко.

6. В. М. Зубарь, используя работы многих поколений исследователей, прослеживает количественные изменения земельных владений Херсонеса. На начальном этапе развития полис имел около 1200—1300 га. В середине IV в. до н. э. начинается сплошное межевание территории Гераклеийского полуострова, его площадь составляет 10000 га. В Северо-Западной Таврике осваивается до 30000—32000 га¹. Таким образом, за пределами ближней округи к середине эпохи эллинизма находился ббльший в четыре раза земельный фонд. Доход от него в виде ренты-налога использовался на нужды привилегированной части населения государства — херсонеситов².

Вопрос о ренте, характере эксплуатации тех, чей труд способствовал получению доходов, неразрывно связан с проблемой социума, с поиском ответа относительно масштабов использования труда рабов, статуса зависимого населения.

Существовало ли в Херсонесе классическое рабство?

В сочинениях конца XIX — начала XX в. вопрос о роли труда рабов фактически не ставился. Но, безусловно, подразумевалось, что таковые имелись и участвовали в производственной деятельности. Внимание к социальной структуре общества является одним из сюжетов, характерных для марксистской историографии. Впервые вопрос об удельном весе рабского труда в сельскохозяйственной сфере полисов Северного Причерноморья прозвучал в работах В. Д. Блаватского³ и С. Ф. Стржеleckого⁴. Утверждение строилось на следующих посылах: земельный

---

¹ См.: Виноградов Ю. Г., Шеглов А. Н. Образование территориального Херсонесского государства. С. 330).

² Зубарь В. М. Формирование территориального государства... С. 197.

³ Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах... С. 165—166.

⁴ Стржеleckий С. Ф. Клры Херсонеса... С. 161. Одной из наиболее поздних работ, посвященной вопросам применения труда рабов в экономике полисов Северного Причерноморья, стала статья: Зубарь В. М. О методических вопросах исследования проблемы рабства в античных государствах Северного Причерноморья // Наукові записки історичного факультету Запорозького гос. ун-та (Запорозьке). 2002. Вып. 15. С. 195—205. Некоторые положения ее отражены в коллективной монографии, опубликованной в специальном выпуске

участок гражданина составлял около 26 га; обработать его только силами семьи владельца не возможно. (Подсчеты трудовых затрат производились на основании данных римских агораномов.) Следовательно, в эллинистический период херсонеситы должны были иметь значительное количество рабов, являющихся ведущей силой не только в сельском хозяйстве, но и в других сферах производственной жизни.

К настоящему времени изменилось представление о величине земельных участков; распространенным стало положение о мелком и среднем характере землевладения на ближней хоре Херсонеса. Исходя из данного тезиса и учитывая общеисторическую ситуацию в Таврике, В. М. Зубарь, возражая своим возможным оппонентам (в подстрочных примечаниях названы работы В. И. Кадеева¹ и С. В. Дьячкова),²

«Боспорские исследования»: Зубарь В. М., Зинько В. И. Боспор Киммерийский в античную эпоху: Очерки социально-экономического развития // БИ. 2006. Т. 12. Отметив значение работ В. Д. Блаватского и С. Ф. Стржелецкого, в которых нашли отражение характерные для эпохи тенденции в исторической науке, он замечает, что следующее по времени обращение к данной теме стали 80-е гг. XX в. — исследования В. И. Кадеева. Используя эпиграфические источники, он подтвердил общетеоретический вывод о наличии рабов в составе населения Херсонеса первых веков н. э. (см.: Кадеев В. И. О рабстве в Херсонесе Таврическом в первые века н. э. // История и культура античного мира. М., 1977. С. 57–61; Он же. Херсонес Таврический в первые века н. э. Харьков, 1981. С. 45–50), но при этом «ограничился лишь констатацией факта наличия в Херсонесе рабов и, основываясь на этом, сделал вывод о наличии в этом центре рабовладельческого строя. В отличие от В. Д. Блаватского и С. Ф. Стржелецкого, В. И. Кадеев, по мнению В. М. Зубаря, не предпринял попытки определить удельный вес труда рабов в материальном производстве, и в первую очередь в сельском хозяйстве — основе экономики, а только механически перенес на Херсонес общетеоретические положения марксизма об общих закономерностях в развитии античного рабовладельческого общества» (см.: Зубарь В. М. О методических вопросах... С. 195–196).

¹ Кадеев В. И. Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I–IV вв. н. э. Харьков, 1970. С. 58–61; Он же. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981. С. 48.

² Дьячков С. В. Особенности социально-экономического развития античных государств Северного Причерноморья в I–III вв.: Автореф. дис. ... канд. ист.

пытается ответить на вопрос о роли труда рабов и их гипотетическом соотношении со свободными ремесленниками и земледельцами¹.

Итак, какие же факторы, по мнению исследователя, противоречат общераспространенному мнению о наличии в Херсонесе классического рабства?

В. М. Зубарь совершенно справедливо считает, что следует учитывать теоретические положения историков античности о социальных отношениях, присущих античному обществу в целом. Но при этом необходимо обращать внимание на специфику Херсонесского полиса: характер освоения Гераклейского полуострова, не в последнюю очередь — на размеры земельных наделов.

Основные выводы, прозвучавшие с небольшими вариациями в ряде работ В. М. Зубаря сводятся к следующим положениям:

1. В Херсонесе и в эллинистический, и в римский периоды преобладало мелкое землевладение. Труд рабов в таких хозяйствах не мог быть эффективным².

2. Земли в Северо-Западном Крыму ко времени экспансии херсонеситов являлись малонаселенными, поэтому получить здесь значительное число рабов они не могли. В дальнейшем войны с варварами носили оборонительный характер, что также не способствовало захвату большого количества пленных³.

наук. Харьков, 1987. С. 19; Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху: Экономика и социальные отношения. Киев, 1993. С. 63.

¹ Там же. С. 63.

² Мнение исследователя в последующем не изменилось. В коллективной монографии он более подробно останавливается на доказательствах возможных размеров земельных наделов херсонеситов на ближней хоре города, которые, не превышая 4,4 га, вполне могли обрабатываться силами одной семьи (Зубарь В. М. Формирование территориального государства... С. 133, 138, 141). В отличие от ближней хоры, в Северо-Западной Таврике существовал бблший процент крупных земельных участков, поэтому наряду с членами гражданской общины держателями земли могли быть неполноправные поселенцы, вносившие за ее использование форос и защищавшие границы государства (Там же. С. 151).

³ Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху. С. 64.

3. На основании структуры земельных участков и их размеров, В. М. Зубарь определяет возможную численность рабов, занятых в сельском хозяйстве, и, используя опубликованный Г. М. Николаенко кадастр, уточняет некоторые из своих более ранних статистических наблюдений. В эллинистический период насчитывалось всего 84 крупных участка (именно их площадь составляет ок. 26 га)¹, для обработки таковых достаточно 1000—1200 рабов. В Северо-Западном Крыму труд рабов мог использоваться в больших масштабах, но здесь, как и на ближней хоре, существовали и другие формы зависимости².

---

¹ Такой размер участка является крупным. Со ссылкой на диалог Платона, в котором упоминается Алкивиад, представитель верхушки афинского общества, В. А. Андреев отметил, что подобные земельные участки редчайшее исключение. Средняя норма земли на одно хозяйство составляла 4—6 га. Однако автор замечает, что размер участка и размер владения — отличающиеся категории. Гражданин мог иметь несколько участков (см.: Андреев В. Н. Аграрные отношения в Аттике в V—IV вв. до н. э. // Античная Греция. М., 1983. Т. 1. С. 268—270, 272). Особенности землевладения херсонеситов посвящена также специальная статья (см.: Зубарь В. М. О характере землевладения в Херсонесе Таврическом // Археология. 2005. № 2. С. 19—27 (на укр. яз.), в которой, в основном, повторены прозвучавшие ранее выводы. Так как работа опубликована после издания Г. М. Николаенко «кадастра», В. М. Зубарь, приводит ряд критических замечаний, попутно упрекая исследовательницу за невнимание к конкретному археологическому материалу, «схематизму» описания представленных в работе комплексов, неполноте библиографии.

² Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху. С. 66. Соотношение свободного и зависимого населения для государств древности является трудно определяемым. Для Афинского полиса, наиболее представленного в источниках и, следовательно, лучше изученного, приводятся следующие данные для конца IV в. до н. э.: число свободных колебалось в пределах 100—200 тыс. (включая метеков), рабов между 75—80 и 150 тыс. (см.: Андреев В. Н. Аграрные отношения в Аттике... С. 260—261). Когда речь заходит о количестве рабов в ремесленном производстве, приводятся, как правило, данные об эргастериях, принадлежавших отцу знаменитого афинского оратора Демосфена: в одной мастерской было занято 32 или 33 раба, в другой — 22 (см.: Фролов Э. Д. Греция в эпоху поздней классики. Общество. Личность. Власть. СПб., 2001. С. 37). Отметим один из выводов более раннего времени: «Рабское население рабовладельческого полиса Афин — характерная составная черта его обще-

В целом выводы В. М. Зубаря вряд ли противоречат возможным реалия жизни, полное воссоздание которой вряд ли будет возможно. Однако небрежно брошенное замечание в одной из работ исследователя вызывает недоумение. Вполне возможно, что это стилистическая небрежность. В частности он пишет, что главным является вопрос об удельном весе рабского труда в сфере материального производства, так как «Херсонес долгое время в отечественной историографии рассматривался как рабовладельческое государство и на него механически переносились те идеологические схемы, которые были выработаны для античного мира на основе положений, постулированных еще в «Кратком курсе ВКП(б)»¹.

Безусловно, любая «вырванная» из текста цитата может быть использована для критики взглядов исследователя. Именно поэтому следует обратить внимание на то, что далее в тексте приводятся аргументы, свидетельствующие о малочисленности в материальном производстве (земледелие и ремесло) рабов классического типа. Поскольку объяснения, что подразумевается под рабом «классического типа» в данном случае

го населения, почти непрерывно растущая количественно и приобретающая все большее и большее значение в экономической жизни государства» (см.: Доватур А. И. Рабство в Аттике VI—V вв. до н. э. Л., 1980. С. 128). Для обоснования вывода о значительном количестве рабов, используемых в ремесле А. И. Доватур ссылаются на слова Фукидида (этот пример традиционен для многих исследований): «Фукидид сообщает о бегстве в спартанский лагерь (второй период Пелопонесской войны. — *А. Р.*) в Декелее более 20 тыс. рабов из Аттики» (Там же. С. 71). Безусловно, в значительной мере на представления советских историков о роли рабского труда, количестве рабов в греческих полисах оказала влияние эпоха, когда, согласно концепциям советских историков, рабство составляло основной фундамент экономики античного общества (см. подробнее: Кашеленко Г. А. Греческий полис и проблемы развития экономики // Античная Греция. М., 1983. Т. 1. С. 242—244).

Вопрос о соотношении граждан, свободных, но не граждан (метеков), и рабов ставился западноевропейскими историками в общетеоретических работах конца XIX — начала XX в. Приведу одну из них, в которой сделано следующее заключение: «Чем более развито земледелие, тем более частым становится рабство» (см.: Нибур Г. И. Рабство как система хозяйства: Этнологическое исследование. М., 1907. С. 267).

¹ Зубарь В. М. Формирование территориального государства... С. 128.

отсутствует, читатель вынужден руководствоваться двумя критериями: а) классический раб — это человек, захваченный в плен или приобретенный на рынке, б) используемый в производстве на основе внеэкономического принуждения (марксистское определение), или, согласно античным представлениям, все варвары по своей природе рабы. Однако не это главное, а то, каким же был, согласно концепции В. М. Зубаря, Херсонесский полис, если не рабовладельческим государством (*рассматривался* как рабовладельческое государство). В завершении критики советской историографии, которая «механически перенесла» на Херсонес «идеологические схемы», следовало бы дать ответ: был ли Херсонесский полис рабовладельческим государством, или же только *представлялся* таковым историкам-марксистам. Но его не последовало. И все же заметим, что наблюдения, в основе которых лежат данные о размерах возможных земельных участков и характере взаимоотношений с варварским миром Таврики, не противоречат выводу о незначительном количестве труда рабов, которые трудились на наделах херсонеситов.

В данном разделе уже пришлось цитировать слова Е. М. Штаерман, которая работала в «марксистском» Институте всеобщей истории, но имела отличавшиеся от ортодоксов взгляды. Обратимся к одной из ее интереснейших работ, посвященной развенчиванию господствовавшей в советской историографии теории о двухчленности античного общества: рабы и рабовладельцы. «И независимо от соотношения числа их (рабов. — А. Р.) и свободных землевладельцев и ремесленников такие общества можно считать рабовладельческими»¹. «Малый удельный вес» рабского труда в исследованиях В. М. Зубаря показан. Это позволяет «снять» обвинение советской идеологизированной науке (в чем он прав) в ошибочности тезиса, что Херсонесский полис считался рабовладельческим государством: он был таковым, поскольку использование рабочей силы в производственной жизни строилось на внеэкономическом принуждении.

Так к каким же наблюдениям пришли исследователи относительно социальной структуры Херсонесского государства? И второй вопрос, насколько надежны для реконструкции социума свидетельства археологических раскопок?

---

¹ Штаерман Е. М. История крестьянства... С. 16.

Основанием для формирования концепции об иной форме эксплуатации зависимого населения, а не «классического рабства», стали материалы разведок О. Я. Савелии, которые были представлены в 1977 г. на одной из конференций¹. На основании топографии «варварских поселений», размещавшихся по периметру земельных владений херсонеситов на Гераклейском полуострове, автор сформулировал тезис о том, что жители поселений (тавры) в IV—III вв. до н. э. использовались для обработки наделов граждан². Предположение легло в основу гипотезы С. Ю. Сапрыкина: находившиеся в пограничной зоне тавры имели статус периеков³. В сущности, такое заключение вполне корректно и не противоречит дорийской практике. Можно вспомнить социальную структуру Спарты: члены «общины равных», не граждане, но юридически свободные — периеки⁴ и

---

¹ Савеля О. Я. Об отношениях греков и варваров в Юго-Западном и Южном Крыму в VI—II вв. до н. э. // Проблемы греческой колонизации и структура раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья: Тез. докл. Тбилиси, 1977. С. 61—63.

² Николаенко Г. М., Савеля О. Я. Работы на Гераклейском полуострове // АО — 1974. М., 1975. С. 332; Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым... С. 119.

³ Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. Взаимоотношения метрополии и колонии в VI—I вв. до н. э. М., 1986. С. 66.

⁴ Анализу статуса периеков посвятил серию статей екатеринбургский историк А. В. Зайков: К вопросу о статусе Лакедемонских периеков. I // Исседон: Альманах по древней истории и культуре. Екатеринбург, 2003. Т. 2. С. 16—44; К вопросу о статусе Лакедемонских периеков. II // Исседон. 2005. Т. 3. С. 69—85. Обратим внимание на приведенную им цитату: «Агис, сын Эврисфена, лишил периеков равенства в общественном положении со спартамцами и постановил уплачивать подати в Спарту» (свидетельство Эфора, цитируемое Страбоном: VIII, 5, 4). Далее А. В. Зайков комментирует, что «скорее всего, земля была базой обложения (К вопросу о статусе Лакедемонских периеков. II. С. 71). На наблюдения о взаимоотношениях периеков и илотов с «общиной равных» (см. в сноске ниже) следует обратить внимание в связи с вопросом о статусе зависимого населения в Херсонесе. Среди периеков Лакедемона существовали значительные имущественные различия. А. В. Зайков отмечает наличие среди них слоя состоятельных владельцев земельных наделов. «Имеющих досуг и способных приобрести вооружение гоплита»; такие периеки набирались в войско. Данная категория неполноправных свободных использовала для обработки земельных участков труд рабов (см.: Зайков А. В. К вопросу о статусе... I. С. 42).

илоты¹, являющиеся собственностью, как и земля, гражданского коллектива.

В связи с характеристикой статуса «зависимого и полузависимого населения» Херсонесского государства необходимым стал повторный

---

¹ Происхождению и статусу илотов посвящены многочисленные работы. Представители теории циклизма, возникновение которой относится к концу XIX — началу XX в. видели в них крепостных, а в Спарте, согласно их мнению, существовали феодальные отношения, в противоположность капиталистическим Афинам, где использовался наемный труд. Но поскольку в нашу задачу не входит анализ взглядов этой исторической школы, сделаем только одно замечание: как для классического раба, так и илота принуждение к труду строилось на внеэкономических принципах, поэтому говорить о капитализме вряд ли возможно. В наши дни характерным явлением стала критика формационной концепции марксизма (в связи с распространением цивилизационного подхода к истории общественного развития). Но при выявлении зависимых категорий в античных государствах следует все же учитывать способ «принуждения к труду»: ни илот, ни раб «не получали» за свой труд заработной платы. Положения статьи В. И. Кузищина, написанной в «советское время», в принципе не устарели (см.: Кузищин В. И. Понятие общественно-экономической формации и периодизация истории рабовладельческого общества // ВДИ. 1974. № 3. С. 69—87). Безусловно, обращение к давно введенным в научный оборот источникам, появление новых данных, способствует уточнению социальной картины античности, корректирует ставшие традиционными положения, позволяет выявить вариативность сложной картины социума. Не перечисляя исследований, посвященных данному аспекту, приведу выводы только одной из работ, относительно происхождения илотии. Не относящийся к представителям советской исторической науки Ш. Линк констатирует, что основания для сомнений о происхождении илотии в связи с вооруженной экспансией Спарты отсутствуют. Военные традиции архаического периода — обычай откупа победителям, привел в конечном итоге к «изобретению» илотии — формы рабства, «которую невозможно объяснить удовлетворительным способом (а, значит, невозможно и правильно понять), применяя лишь юридические критерии» (см.: Link S. Spartan Helotage — Character and Origins // Исседон. 2005. Т. 3. С. 36—45 (с рус. резюме). Можно упомянуть также статью профессора Калифорнийского университета Б. Джордана «Цари и илоты», в которой отмечено появление целой серии исследований в последние 30 лет только относительно рассматриваемого им сюжета (Jordan B. Kings and Helots // Исседон. 2005. Т. 3. С. 46—68, с рус. резюме). Безусловно, развернувшаяся дискуссия, стремление более полного анализа всех исторических свидетельств будут способствовать пониманию специфики института илотии.

анализ материалов разведок О. Я. Савели, что и было сделано в коллективной статье В. М. Зубаря и Э. А. Кравченко¹. Авторы разъясняют истоки появления концепции о наличии в Херсонесе такой социальной категории как периэки, напоминая основные положения доклада О. Я. Савели о том, что варварское население в IV—III вв. до н. э. находилось не ближе 1,0—1,5 км от границ наделов, создавая «пояс» поселений, для которых являлись характерными черты Кизил-Кобинской и скифской культур. Это и стало основанием для рождения гипотезы о восприятии «гераклеийской модели» эксплуатации зависимого и полузависимого населения². На основании изучения рукописных отчетов, исследователям удалось выявить «небрежность» обработки материалов, что повлекло за собой и некорректность выводов. Для создания социальной картины, отметили исследователи, необходимы раскопки упоминаемых поселений, которые до 1977 г. не производились. Первоначально О. Я. Савеля в силу обстоятельств смог собрать только лежащие на поверхности фрагменты керамики. Картину уточнили последующее изучение некоторых из памятников в 1978, 1979, 1986—1989 гг. (но тезис об особенностях взаимоотношений в социальной сфере херсонеситов и тавров уже был сформулирован). На основании же данных неопубликованных отчетов оказывается, что только 3 из 14 поселений, существовавших по «периферии» владений херсонеситов, на склонах, обрамляющих их равнинную часть Гераклеийского полуострова, могли принадлежать варварскому населению (с материалами характерными для кизил-кобинской культуры). Кроме того, ошибочным является упоминание О. Я. Савелей некрополей. Более детальное изучение показало, что здесь имелось только лишь несколько одиночных захоронений. Далее, В. М. Зубарь и Э. А. Кравченко делают акцент на следующем положении: в середине IV в. до н. э., «когда была завершена сплошная размежевка большей части Гераклеийского

---

¹ Зубарь В. М., Кравченко Э. А. Об одном аспекте греко-тавских взаимоотношений в окрестностях Херсонеса Тарического в середине IV в. до н. э. // ПИФК. 2003. Вып. 13. С. 70—76.

² Савеля О. Я. О греко-варварских взаимоотношениях в Юго-Западном Крыму в VI—IV вв. до н.э. // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 166—176.

полуострова, тавры вооруженной силой были вытеснены за его кромку. ...На месте бывших поселений кизил-кобинской культуры на гребне Сапун-горы возводится стена с башнями»¹. Авторы полагают, что эта стена, скорее всего, возведена Агасиклом для защиты от варваров, обитавших к востоку от наделов херсонеситов².

В итоговой для XX в. работе об античном Херсонесе В. М. Зубарь, используя накопленные археологические материалы, полагает возможным считать, что таврское население, оттесненное с ранее занимаемых территорий, являлось близким по своему положению илотам, а не перизкам³. Однако, вернувшись к данному вопросу несколько позднее, исследователь корректирует высказанную точку зрения, отмечая, что фактически все поселения, упоминаемые О. Я. Савелей, погибли в пожаре; вывод о наличии варварских поселений на границах размежеванной территории хоры Херсонеса на Гераклеяском полуострове в IV—III вв. до н. э. и привлечении их обитателей для обработки наделов граждан в качестве илотов не подтверждается надежными данными⁴. Но это не означает, что подобная форма эксплуатации не могла существовать. Возможно, институт илотии имел место на землях государства в Северо-Западном Крыму, где открыты коллективные усадьбы рядом с поселениями⁵.

---

¹ Для подтверждения выводов В. М. Зубарь и Э. А. Кравченко приводят ряд исследований: Марченко Л. В. Защита хоры // ХСб. 1996. Вып. 7. С. 193—197; Николаенко Г. М. Организация хоры Херсонеса Таврического на Гераклеяском полуострове // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 277—285; Она же. Хора Херсонеса Таврического. Ч. 1. Севастополь, 1999; Даниленко В. Н. Херсонес и тавры Гераклеяского полуострова // МАИЭТ. 1993. Вып. 3. С. 233—238. Отсылают также читателя к более ранним работам одного из соавторов, в которых этот вопрос отчасти был рассмотрен: Зубарь В. М. Херсонес Таврический: Основные этапы развития в античную эпоху. Киев, 1997. С. 70; Он же. Некоторые вопросы истории тавров и Херсонеса в конце II — начале I вв. до н. э. // ССПК. 2002. С. 205—206.

² Зубарь В. М., Кравченко Э. А. Об одном аспекте... С. 74—75.

³ Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху... С. 73.

⁴ Зубарь В. М. Формирование территориального полиса... С. 186—190.

⁵ Там же. С. 191—192. Этот тезис присутствует и в более ранних работах исследователя. Правда, в главе 3 коллективной монографии В. М. Зубарь,

Отметим, что, как полагает А. Н. Щеглов, для понимания социального состава занятых в сельскохозяйственном производстве дальней хоры, большое значение имеют материалы раскопок одной из усадеб (поселение Панское 1), которая имела отличную от других планировку: в виде квадрата площадью в 1200 м² с расположенными по периметру небольшими помещениями. Здесь могло обитать несколько семей, находящихся в зависимости от гражданского коллектива¹.

Именно на эти материалы обращает внимание В. М. Зубарь: данная коллективная усадьба, вполне вероятно, использовалась для проживания зависимого населения.

Поскольку речь идет о взглядах исследователей на социальную историю, следует отметить еще один вывод киевского историка, суть которого в том, что в силу специфики исторического развития Херсонеса рабовладение классического типа «не получило широкого развития» в полисе². В то же время автор полагает, что с последней трети IV — III в. до н. э. увеличивается роль труда рабов классического типа³. Далее,

---

упомянув «коллективную усадьбу», обнаруженную на поселении Панское I в Северо-Западном Крыму, более осторожен в выводах: обитавшее здесь население принадлежало к определенным группам зависимости, «но отличавшегося своим статусом от раба классического типа» (Там же. С. 192).

¹ Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым ... С. 86—100.

² Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху... С. 96.

³ Там же. С. 123. Безусловно, выявить число рабов, масштабы использования рабского труда в различных сферах производственной жизни полиса, чрезвычайно сложно. Все, до сих пор существующие, подсчеты о соотношении различных социальных категорий населения античных государств в значительной мере построены на логических заключениях, а не на бесспорных данных. Перепись населения возникает в связи с налогообложением. В отношении причин ее появления существует два мнения. К. Хойзер считает, что первая известная перепись населения относится ко времени принципата Августа и описана в Евангелии от Луки (2. Строфы 1—3). Она служила более целям статистики, чем налоговому кадастру (см.: Хойзер К. Жертва и налог: От античности до современности // Все начиналось с десятины: Этот многоликий налоговый мир. М., 1992. С. 39). Но он приводит мнения тех, кто склонялся к прямой связи «перепись-налог» (Хойзер К. Жертва и налог... С. 54, прим. 2). Прямого налогообложения в полисе не существовало. Для Афинского по-

исходя из положения об отсутствии условий для широкого привлечения труда рабов, он считает возможным говорить о развитии аренды земельных участков, которые принадлежали частным собственникам. Появление ее, согласно гипотезе В. М. Зубаря, относится еще ко времени освоения земель в Северо-Западном Крыму (IV в. до н. э.) и усиливается после их утраты¹.

Так существовало ли в Херсонесе классическое рабство?

Формы эксплуатации в античности имели отличия (одной из них являлась илотия (зависимое автохтонное население, о чем уже говорилось выше, внеэкономически принуждаемое к труду). Даровать свободу илоту могло только государство. В Афинах собственник раба — гражданин имел на него полные права. После отмены долгового рабства в ходе реформ Солона в конце VI в. до н. э. рабы пополнялись за счет военнопленных или приобретались на рынке — частнособственнические рабы. Законодательство Солона, в котором запрещалось обеспечивать долг собственным телом, открыло путь развитию классического рабства. Включение в производственную сферу, как илотов в Спарте, так и рабов в Афинах, строилось на внеэкономическом принуждении, без соответствующей компенсации трудовых затрат. Одной из функций полиса являлась «гарантия беспрепятственной эксплуатации рабов», которая возрастала по мере увеличения зависимого населения².

лиса классического периода характерно положение: «Свободный гражданин отличается тем, что не платит прямых налогов» (см.: Майер К. Как афиняне финансировали свои общественные структуры: Первые шаги налоговой политики в античной Греции // Все начиналось с десятины. С. 59). Анализ данных о литургиях позволил К. Майеру прийти к заключению: «Граждане обеспечивали жизнедеятельность своих общественных структур различным образом и лишь частично путем налогообложения. Последнее начиналось с военного дела» (Там же. С. 59). Связь военных нужд полиса и привлечение граждан к уплате эйсфоры (чрезвычайного налога) наиболее подробно рассмотрена в связи с кризисом полиса: Глускина Л. М. Проблемы кризиса полиса // Античная Греция. М., 1983. Т. 2. С. 29.

¹ Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху... С. 77.

² Кошеленко Г. А. Введение: Греческий полис // Античная Греция. М., 1983. Т. 1. С. 35. Г. А. Кошеленко подчеркивает, что в Спарте вся структура

Херсонес был основан дорийцами, для которых характерной формой эксплуатации зависимого населения являлась илотия. Существование ее на землях Херсонесского государства исследователи не исключают, как и использование покупных рабов в любой сфере производственной деятельности, а также в качестве слуг.

Еще раз подчеркнем, что в процессе освоения новых земель вовлечение туземного населения могло иметь отличия. Одной из форм могла стать илотия — зависимость от коллектива завоевателей оставшихся жить на прежнем месте, подобно спартанским илотам или пенестам в Фессалии. Иным статусом обладали периэки, расселенные в пограничной зоне Лакедемона и имевшие личную свободу, а также мариандины в Гераклее — метрополии Херсонеса. Наконец, частновладельческие рабы — плененные туземцы или купленные на рынке, как варвары, так и эллины (военнопленные)¹. Сочетание различных форм зависимости, как и преобладание одной из них, вряд ли может служить аргументом для отрицания существования «классического рабства»².

Но насколько масштабным являлось применение той ли иной формы эксплуатации зависимого населения? Каково было его количество? Каково было соотношение частнособственнических рабов с теми, кто мог иметь статус, близкой к илотии, или подобный гераклейским мариандам? Ответы на эти вопросы на основании имеющихся ис-

---

и деятельность были направлены к одной цели: удержать в повиновении численно превосходивших илотов.

¹ Яйленко В. П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990. С. 150.

² Все зависит от взглядов историка: признает он илота рабом или определяет его статус иначе. Для марксистской историографии было характерным относить илотов к категории рабов. При этом вычленялись экономические признаки, юридические и бытовые. Сопоставление экономических, юридических и бытовых признаков илота и принадлежащего частному лицу раба, показывает, что наибольшими были бытовые отличия. Илоты могли иметь сожительницу и детей, как правило, их не клеймили. Хотелось бы напомнить уже прозвучавшие выше слова историка Ш. Линка, которого в приверженности к марксизму обвинить нельзя. Еще раз процитируем его слова: (Военные традиции архаического периода) — «обычай откупа победителям, привел в конечном итоге к изобретению» илотии — формы рабства».

точников получить пока не удалось. Возможно, это будет осуществлено историками XXI столетия.

В сущности, новое обращение к данной проблеме уже началось. Свидетельством его является проблемная статья В. М. Зубаря, во вводной части которой он констатирует: «Исходя из пятичленной теории общественно-экономических формаций, которая в силу известных причин воспринималась в качестве научного постулата, античные государства Северного Причерноморья традиционно *относились* к рабовладельческим социально-политическим организмам, жизнь которых базировалась на труде преимущественно рабов классического типа»¹. В силу малодоступности издания, где опубликована работа, из которой приведена цитата, хотелось бы отметить и другие ее положения.

1. Оценивая исследования предшественников, В. М. Зубарь пишет, что первым, кто использовал результаты размеров земельных наделов на Гераклейском полуострове, стал В. Д. Блаватский, который полагал, что именно эти хозяйства являлись центрами товарного производства, базировавшегося на рабском труде.

2. С. Ф. Стржелецкий попытался более детально реконструировать производственные отношения в аграрном секторе экономики Херсонеса и пришел к выводу о значительном удельном весе труда рабов в земледелии. Его выводы хорошо согласовывались с тогдашними теоретическими установками и были приняты большинством исследователей, став основой многих работ, в которых затрагивались вопросы социальной структуры населения Северного Причерноморья в античную эпоху.

В заключение историографического экскурса В. М. Зубарь отмечает: «Имеющиеся источники не анализировались в широком контексте, а лишь служили иллюстрацией рабовладельческой теоретической модели античного общества»; «выводы большинства авторов, затрагивавших в своих исследованиях вопросы развития рабовладения в регионе, грешили известной прямолинейностью и схематизмом».

3. Анализ общетеоретических положений показывает, что «полисная социально-политическая организация предполагает наличие тенденции к развитию рабовладения классического типа, но это еще

---

¹ Зубарь В. М. О методических вопросах исследования... С. 195—205.

не значит, что она всюду и везде может быть реализована в полной мере, так как развитие рабства классического типа зависело не только от предпосылок, но и ряда условий, без которых широкое развитие рабовладения классического типа в данной конкретно-исторической гражданской общине не могло получить значительного развития и стать основой материального производства».

4. Констатируя, что широкое развитие классического рабства основано на массовом поступлении на рынок дешевых рабов, В. М. Зубарь подчеркивает, что «содержание в античных центрах Северного Причерноморья значительного количества пленных из среды местного населения, превращенных в рабов, было сопряжено с опасностью их восстания или массового неповиновения, что могло привести к крайне негативным, если не к катастрофическим, последствиям».

В связи с данными тезисами исследователь намечает будущие задачи: выявление основных тенденций социально-экономического развития античных государств Северного Причерноморья; определение удельного веса труда рабов классического типа в экономике. Это в свою очередь позволит смоделировать социальные отношения в регионе в целом на протяжении античной эпохи.

Некоторые положения, изложенные в представленной выше статье, В. М. Зубарь отчасти отразил в работах, посвященных экономическому развитию Херсонеса в целом. К прозвучавшему выше можно добавить:

1. Зависимое население в Херсонесе, если учитывать бытовые и юридические признаки не было однородным.

2. Крупное землевладение здесь не получило развитие, следовательно, не было и условий для широкого развития рабства.

3. Археологические материалы свидетельствуют, что в ремесле и земледелии основную роль играли свободные производители; при этом характерно преобладание средних земельных (и мелких) собственников¹.

Конечно, в качестве итоговых замечаний следовало бы также остановиться на роли наемного труда, аренде, численности такой категории

---

¹ Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху. С. 72–83.

среди жителей Херсонеса, как вольноотпущенники. Но поскольку эти вопросы только поставлены (и их лишь отчасти коснулись историки Херсонеса второй половины XX в.)¹, оставим анализ данных аспектов историографам нынешнего столетия, когда появится новый материал и новые исследования². Отметим только, что из решения проблемы «двух Херсонесов» вырос такой историографический сюжет как хора полиса. Совершенно новым аспектом в работах XX в. (особенно второй его половины) стала реконструкция социального состава населения Херсонесского государства.

Для начала XXI столетия, кроме приведенных выше работ, следует упомянуть статью Н. И. Винокурова, в которой повторены известные по другим работам положения, но в ней предложено определение клера, термина, который в последнее время избегают использовать исследователи. Автор работы полагает, что клер следует рассматривать «как комплексный памятник, состоящий из нескольких взаимосвязанных объектов, замкнутых в пределах каменного забора; существенным элементом этого комплекса является усадьба»³. Солидаризируясь с Е. Н. Жеребцовым, полагавшим, что распланировка наделов производилась агрономами-профессионалами и подрядчиками с собственным контингентом рабочей силы, и только после размежевания — прокладка дорог⁴, Н. И. Винокуров отмечает: это требовало значительных затрат времени и труда при устройстве виноградников. Далее, остановившись на точке зрения В. Н. Даниленко, полагавшего, что у

---

¹ Применительно к римскому периоду о значении вольноотпущенников сделал чрезвычайно интересные наблюдения, основанные на анализе эпиграфических памятников, В. И. Кадеев.

² В исследованиях двадцать первого столетия дополнительных свидетельств не приведено. Правда, отмечено, что «о конкретных формах и масштабах аренды земли (как и наемном труде) сказать что-либо определенное трудно» (см.: Зубарь В. М. Формирование территориального полиса... С. 193).

³ Винокуров Н. И. Агротехника древнего виноградарства в Северном Причерноморье // БИ. 2005. Вып. 9. С. 43.

⁴ Об этом см.: Жеребцов Е. Н. Некоторые результаты сравнительного изучения клеров Гераклеяского полуострова // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 17–26. (Сравни с мнением Г. М. Николаенко в пятом очерке).

граждан Херсонеса вряд ли имелись достаточные силы для реализации масштабных агротехнических работ по обустройству виноградников¹, исследователь замечает, что если такие работы производились в короткие сроки, то с мнением можно согласиться² (добавим: в таком случае без привлечения труда зависимых обойтись было бы невозможно). Но полное хозяйственное освоение клера, согласно Н. И. Винокурову, было долговременным процессом, поэтому применение труда рабов или илотов следует минимизировать³. Обращает внимание он и на

---

¹ Даниленко В. Н. Херсонес и тавры... С. 235.

² Винокуров Н. И. Агротехника древнего виноградарства... С. 56.

³ Там же. С. 58. В последнее время опубликован ряд работ, посвященных земледелию и реконструкции размеров наделов других государств Северного Причерноморья (см.: Смекалова Т. Н., Смекалов С. Л., Попов И. И. Попытка реконструкции системы клеров городов Европейского Боспора по данным аэрофотосъемки, картографии и наземных разведок // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Периоды дестабилизаций, катастроф. Керчь, 2005. С. 257–270; Зубарь В. М., Зинько В. И. Боспор Киммерийский в античную эпоху: Очерки социально-экономического развития // БИ. 2006. Т. 12). Исследователи подробно освещают вопрос об использовании труда рабов в земледелии.

Отчасти в монографию включены наблюдения В. Н. Зинько, изложенные годом ранее (см.: Зинько В. Н. Население хоры полисов западного побережья Боспора Киммерийского в VI—I вв. до н. э. // БИ. 2005. Вып. 9. С. 22–42), что позволяет «отделить» его наблюдения от концептуальных замечаний В. М. Зубаря. В исследовании В. Н. Зинько выделены следующие положения, характерные для развития одного из центров Боспора — Мирмекия:

1) В ранний этап (конец второй четверти — середина VI в. до н. э. — вторая половина VI в. до н. э.) «на территории поселения могли проживать отдельные представители варварских племен» (С. 29–30).

2) Все население — несколько сотен семей — проживало в одном поселении городского типа в небольших землянках, частично в наземных постройках. В основном, это греки-ионийцы низкого «социального достатка»; этнорегиональные отличия не прослежены; представители варварских племен постоянно обитали в полисах; свидетельства об эллинизации их отсутствуют (С. 31).

3) Второй этап: четвертая четверть VI — первая четверть V в. до н. э. В этот период происходит освоение хоры, связанное с развитием полисов, появление первых сельских поселений. Жители их греки, но «вероятно присутствие не-

экологические последствия хозяйственной деятельности херсонеситов, что стало еще одной новой темой в изучении Херсонеса.

Возвращением к одному из обсуждаемых историками Херсонеса вопросов стала статья С. Г. Демьянчука о сдаче земель в аренду. Он полагает, что таковыми являлись, возможно, участки на Маячном полуострове. Основное содержание ее посвящено выявлению доходов храмов (частные пожертвования и дары); реконструируя размеры предоставляемой общиной части доходов в пользу храмов (8–10%), он приходит к выводу, что это позволяло быть им гарантами экономической деятельности¹.

При изложении взглядов исследователей на вопросы, относящиеся к проблеме «народ и его земли» в меньшей степени, в сравнении с другими, уделено внимание концепции Г. М. Николаенко. Это объясняется тем, что вторая часть данного раздела принадлежит ей, поэтому име-

---

больших групп или отдельных представителей варварских племен; вряд ли стоит сомневаться в их малочисленности и определенной социальной зависимости».

4) Третий этап: вторая треть V — первая четверть IV в. до н. э. — время поступательного расширения полисных хор. Эксплуатация путем взимания ренты-налога государственным аппаратом или частным лицом; эксплуатировалось местное население как «конкретная общность — сельская община, по примеру илотов» (С. 32 со ссылкой на: Зубарь В. М. О форме эксплуатации варварского населения Восточного Крыма Боспором во второй четверти IV — первой половине III в. до н. э. // Таманская старина. СПб., 2000. С. 71). Появление новых групп из эллинского мира в последней трети V в. до н. э.

5) Четвертый этап: вторая четверть IV — первая треть III в. Происходит значительный рост сельских поселений и расширение хоры городов. Демографический рост и вовлечение в сельское хозяйство варварского населения; появление новых групп колонистов. Эллинизированное население составляло большинство. Использование труда рабов не значительно, что противоречит наблюдениям И. Т. Кругликовой (С. 34–36).

6) Потрясения второй трети III — конца II — первой половины I в. привели к значительному сокращению числа поселений, сосредоточению оставшихся в городах. Ко II в. завершается процесс складывания этнического типа боспорян (С. 37–38).

¹ Демьянчук С. Г. Священная казна и источники ее пополнения // ХСб. 2005. Вып. 14. С. 125–128.

ется возможность самостоятельно сопоставить точки зрения. Но одно обстоятельство все следует отметить. Издание земельного кадастра» Херсонеса при всех его недостатках (о чем отчасти говорилось выше) имеет большое значение. Это признают оппоненты исследовательницы, отмечая, что «изучение системы землепользования в окрестностях Херсонеса, в связи с публикацией работ Г. М. Николаенко, получило новый импульс»¹.

Несколько слов о хоре римского времени

В отношении социальной структуры и экономического развития Херсонеса римского периода в одном из докладов В. Д. Блаватского отмечено: «Мнение современной историографии об усилении аристократических слоев населения ...не точно. Увеличивается роль крупных рабовладельцев, сосредоточивших в своих руках значительную часть земель, принадлежащих полису»².

С тех пор, когда были произнесены эти слова (1959), прошло около 50 лет, за эти годы значительно возрос объем информации и, конечно, появилась возможность совершенно иначе взглянуть на тезис «о концентрации земельных владений в руках крупных рабовладельцев». С. Ф. Стржелецкий, положив в основу тезис, что «наличие частной собственности не землю с неизбежностью приводит к ее концентрации», подтверждал выводы В. Д. Блаватского примерами, которые ему удалось выявить в процессе обследования 35 земельных наделов: «Уменьшение числа усадеб, вероятно всего, указывает на уменьшение количества землевладельцев»³.

Согласуется ли тезис о концентрации земли в римский период с новыми археологическими свидетельствами?

Остановим внимание на выводах двух исследователей — В. М. Зубаря и Г. М. Николаенко.

---

¹ Зубарь В. М. Формирование территориального полиса... С. 138.

² Блаватский В. Д. Процесс исторического развития и историческая роль античных государств Северного Причерноморья // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. С. 31.

³ Стржелецкий С. Ф. Основные этапы экономического развития... С. 79.

Г. М. Николаенко отмечает, что археологические находки свидетельствуют о продолжении жизни на ГераклеЙском полуострове и после войн со скифами; нестабильность обстановки обусловила активные действия по организации безопасности и появлению сторожевых постов. (Уже в эллинистический период имелись укрепленные поселения, выполнявшие охранные функции). Но принципиальных изменений в системе организации хоры в римское время не прослеживается, правда, исчезла единая система дорог; на месте виноградников появляются пастбища. В римский период, полагает исследовательница, существовали поселки рыбаков и добытчиков соли и имелись усадьбы, расположенные изолированно от других. Но характерные для более раннего периода размеры участков в 17,6 и 24,4 га прослежены и для римского времени¹. Вывод С. Ф. Стржелецкого² о широкомасштабном процессе концентрации земли и обезземеливания херсонеситов археологические исследования конца XX в. не подтверждают³.

Систематические обследования территории ГераклеЙского полуострова, вычленение разновременных комплексов сделало возможным введение количественных показателей: для эллинистического периода Г. М. Николаенко выделяет 84 усадьбы с большей площадью участка, для римского — 60⁴, большие поля, размеры которых приближались к 16,5—13,2 га (144 — 108 плетров) встречены 15 раз; меньшие (от 1,1 до 8,8 га) — 1577 раз⁵.

Учитывая наблюдения Г. М. Николаенко, В. М. Зубарь считает возможным говорить о «процессе движения земельного фонда и известном

---

¹ Кругликова И. Т. Земельные наделы херсонесцев... С. 9—16; Николаенко Г. М. Межевание полей херсонесской хоры. С. 11—15; Более полные данные приведены в работах о земельном кадастре.

² С. Ф. Стржелецкий на основании конкретного материала одновременно показал и отсутствие мелких хозяйств (см.: Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического... С. 144.

³ Николаенко Г. М. Херсонесская хора в I в. до н. э. — IV в. н. э. С. 211 (об этом также см.: Кадеев В. И. Херсонес Таврический в I—III вв. н. э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Харьков, 1975. С. 9).

⁴ Наблюдения изложены в работе: Николаенко Г. М. Херсонесская хора... С. 203—211.

⁵ Николаенко Г. М. Межевание полей... С. 13.

укрупнении, а также уменьшении ряда земельных владений», что прослеживается уже в эллинистическое время; для римского периода не характерно значительного количества крупных владений, как и ранее, основная масса их — средние и мелкие¹.

Для того чтобы установить, насколько херсонесско-скифские войны повлияли на изменения размеров и структуры хоры Херсонеса, за точку «отсчета» следует принять II в. до н. э., когда, согласно мнению М. И. Ростовцева, принципиально не изменившегося в наши дни, было достигнуто временное соглашение с сарматами против скифов². Активизация скифов в конце II в. до н. э. привела к сокращению владений херсонеситов: оставлены земли на дальней хоре, разрушены некоторые усадьбы на Гераклеяском полуострове. После победоносных войн Диофанта и освобождения им Керкинитиды и некоторых районов Северо-Западной Таврики на «новую колонизацию» херсонеситы оказались не способны. На ближней хоре наиболее удаленные от города усадьбы были укреплены³. «Но, несмотря на имевший место процесс движения земельного фонда и известное укрупнение ряда земельных владений, ... здесь, скорее, отсутствовало большое число крупных земельных владений, а преобладали, как и ранее, мелкие и средние хозяйства», неоднократно отмечает В. М. Зубарь⁴. Используя данные аэрофотосъемки и кадастра земель Херсонеса Г. М. Николаенко, он иллюстрирует вывод математическими расчетами, позволяющими представить изменения

---

¹ Владимиров А. А., Журавлев Д. В., Зубарь В. М., Крыжицкий С. Д., Русяева А. С., Русяева М. В., Сорочан С. Б., Скржинская М. В., Храпунов Н. И. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э. Очерки истории и культуры. Харьков, 2004. С. 189. Здесь же повторена таблица из монографий В. М. Зубаря конца XX в., наглядно представляющая соотношение размеров земельных участков.

² Ростовцев М. И. Амаго и Тиргитао // ЗООИД. 1915. Вып. 32. С. 58—61.

³ В. М. Зубарь объясняет концентрацию усадеб с башнями, прослеженную в юго-восточной части территории полуострова, необходимостью защиты от варваров наиболее удаленных от города мест (подробнее см.: Владимиров А. А., Журавлев Д. В., Зубарь В. М. и др. Херсонес Таврический... С. 187).

⁴ Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху. С. 33.

в характере эксплуатации земель: рост площадей, отводимых под зерновые культуры и уменьшение виноградников¹.

Остановим изложение взглядов исследователей на данном замечании, поскольку ниже еще предстоит обратиться к некоторым взглядам историков Херсонеса в связи с анализом конкретной археологической ситуации; выводам, которые позволяют сделать последние (только отчасти введенные в научный оборот) археологические раскопки на хоре Херсонеса не только римского, но и более раннего периода.

Об этнической принадлежности обитателей хоры

Поиски ответа на вопросы, касающиеся социальной структуры Херсонесского полиса, делают необходимым обращение к сюжету об этнической принадлежности обитателей хоры. Непосредственно для Херсонеса имеются штудии В. Н. Даниленко, посвященные просопографии эллинистического времени, как и для римского периода наблюдения В. И. Кадеева². Для анализа этновозрастной картины города,

---

¹ Это было замечено и С. Ф. Стржелецким; подтверждается раскопками В. И. Кузицина (см.: Кузицин В. И. Позднеантичная вилла в окрестностях Севастополя // АО — 1981. М., 1983. С. 279 (последний строительный период датирован IV—V вв. н. э.); Он же. Раскопки позднеантичной виллы... С. 284) и Г. М. Николаенко (Николаенко Г. М. Исследования на Гераклеяском полуострове // АО — 1982. М., 1984. С. 307). Отметим и вывод В. И. Кадеева, считавшего, что в Херсонес в это время постоянно нуждался в зерне (Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках... С. 22). Позднее В. М. Зубарь уточнил цифры, характеризующие возможное соотношение крупных, средних и мелких наделов, но это не изменило выводов, изложенных им ранее. Об этом см.: Зубарь В. М. Формирование территориального государства, а также о Херсонесе III — середины I в. до н. э. (Глава 4 // Владимиров А. А., Журавлев Д. В., Зубарь В. М. и др. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э.). Попутно отмечу, что за исключением немногочисленных данных о торговле и ремесле, единичных упоминаний о социальных коллизиях в Херсонесском полисе, основное содержание разделов посвящено организации хоры и земледелию, что подтверждает значимость аспекта.

² Наблюдения и выводы В. И. Кадеева будут представлены в очерке «Народ и власть», разделы «Социум на рубеже тысячелетий и в первые века н. э.», «Этносоциальная картина жителей города Херсонеса», «Эллины, римляне и другие...», «Вопрос о варварах в составе жителей Херсонеса».

вернее, для выявления происхождения носителей греческих имен, что в свою очередь подтверждало торговые и политические связи, оба исследователя использовали эпиграфические памятники. В основу работ В. Н. Даниленко¹ положены также надгробные стелы из забутовки башни Зенона². Существующие данные, относящиеся в той или иной мере к округе города, свидетельствуют о том, что в эллинистический период на хоре Херсонеса практически все обитатели носили греческие имена, подавляющая часть их известна по просопографии Херсонеса.

Относительно римского времени Э. И. Соломоник удалось проследить некоторое изменение ситуации. Наряду с греческими на граффити встречались негреческих имена, принадлежавшие, как она полагала, местному населению или же заимствованные у него, что позволяет говорить о процессе варваризации херсонесской хоры³.

Единичные находки, свидетельствующие о наличии негреческих имен, возможно, являются отражением распространения в первые века таких формы эксплуатации аграрного населения как колонат и вывод рабов на пекулий. Однако применительно к Херсонесу, это не более чем гипотеза, в настоящее время трудно доказуемая. Отсутствие на хоре полиса крупных земельных владения, по крайней мере их значительного числа, не позволяет прийти к выводу о широком распространении труда колонов, который являлся рентабельным для владельцев обширных земельных угодий.

---

¹ См. работы В. Н. Даниленко: Позднеантичное погребение // СХМ. 1961. Вып. 2. С. 57–62; Полихромные стелы из ядра башни XVII // Тез. докл. о раскопках в Херсонесе Таврическом на античной секции сессии отделения исторических наук АН СССР и пленума Института археологии АН СССР, посвященной результатам археологических исследований в 1960 г. Севастополь, 1961. С. 13–14; Херсонесские акротерии // АДСВ. 1965. Вып. 3. С. 171–182; Надгробные стелы // СХМ. 1969. Вып. 4. С. 29–44; Стелы эллинистического Херсонеса как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1968.

² Об этом, например, см.: Даниленко В., Токарева Р. Башня Зенона. Симферополь, 1974.

³ Соломоник Э. И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984. С. 17–19.

Среди материалов раскопок усадьбы в балке Бермана в слоях рубежа и первых веков нашей эры найдены фрагменты сосудов с посвящением Деметре, а также магическими рисунками, на одном из них имелась надпись ХАРА (радость). Э. И. Соломоник отметила, что это слово в виде доброго пожелания часто встречается на перстнях, в основном, детских¹.

Особый интерес представляет целая серия процарапанных рисунков на краснолаковом кувшине конца I—II вв. н. э. с изображением мужских фигур и животных, которые, исследовательница, соотносила с каким-то церемониям и праздниками в честь богов плодородия. Коня, петуха и курицу в античности связывали с культом Гелиоса. Петух играл определенную роль и в культах таких богов как Аполлон, Гермес, Геракл, Персефона, Кибела; козел был одним из главных персонажей в культах Диониса, Пана и сатиров; лань — в культе Артемиды-Девы; конь — в культе Деметры как символ плодородия². Эти находки, как и «язык граффити» — свидетельства греческой культуры.

Решение вопроса об этническом составе населения хоры (ближней — на Гераклеюском полуострове, как и дальней — в Северо-Западном Крыму), остается одной из задач для поколения исследователей двадцать первого столетия. В значительной мере это связано с новым обращением к теме о статусе зависимого населения.

Post scriptum

В сравнении с разделом, посвященным экономике античного Херсонеса, где в основном представлены мнения исследователей о ремеслах и промыслах, торговле полиса, взглядам исследователей о развитии земледелия уделено большее внимание. На отдельных аспектах данного вида деятельности пришлось остановиться и в связи с начальной историей города — в разделе о колонизации. Но это вполне объяснимо: земля, как уже не раз говорилось выше, являлась (и является) основным богатством государств, безусловно, наряду с его гражданами. Затронутая в разделе тема многогранна, дискуссии об аграрных отно-

---

¹ Соломоник Э. И. Граффити с хоры... С. 33, № 45.

² Там же. С. 33—34, № 46.

шениях Херсонесского полиса продолжают, поэтому вместо выводов некоторые соображения и замечания общего характера.

1. Планомерное изучение хоры Херсонеса позволило решить вопрос о том, что же представлял собой Страбонов Херсонес, к концу XX в., как писал один из историков Херсонесского полиса, завершилась столетняя дискуссия о памятниках Маячного полуострова¹.

2. Находки амфор Херсонеса, Синопы, Хиоса, Родоса, относящиеся к последней четверти IV — началу III в. до н.э. и II в. до н.э., способствовали выявлению хронологии начального этапа освоения земельного фонда херсонеситами. Система межевания, прослеженная на Маячном полуострове, производилась от восточной оборонительной стены; но это не первоначальные наделы: ранние были ликвидированы в связи с последующей, в процессе которой наделались землей новоприбывшие (вторая волна) переселенцы.

Хорошая сохранность отдельных наделов и расположенных здесь сооружений с примыкающими к ним виноградниками, показала, что первый период жизнедеятельности на Геракле́йском полуострове следует отнести третьей четвертью IV — началу III в., следующий, наиболее значительный — к римскому времени.

Традиционный размер надела фактически в виде квадрата, площадью в 17,6 га, в свою очередь делился на 4 участка; близость строительных приемов сделали возможным заключение, что размежевка территории Маячного полуострова являлась единовременным актом²; а размеры и строительные приемы свидетельствуют о том, что в приморской северо-западной зоне ближней хоры в раннеэллинистическое время «работало» несколько бригад, для которых характерны единые принципы прокладки дорог.

---

¹ Подробнее см.: Николаенко Г. М. Исследования на Маячном полуострове. С. 75—87. О работах К. К. Косцюшко-Валюжинича на западном берегу Казахьей бухты см.: Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1890 г. // ОАК за 1890 г. СПб., 1893. С. 38—39.

² Раскопки подтвердили, как отмечает Г. М. Николаенко, наблюдения, сделанные Н. М. Печенкиным (см.: Печенкин Н. М. Археологические разведки в местности страбоновского «старого» Херсонеса // ИАК. 1911. Вып. 42. Табл. 3), и выводы А. Н. Щеглова, изложенные в ряде статей.

3. К началу XXI столетия расширились представления о земельных владениях полиса. Раскопки в Бахчисарайском районе (у с. Вилино) показали более значительные, чем считалось ранее, размеры хоры Херсонеса, и, во-вторых, они свидетельствуют о необходимости нового обращения к выявлению масштабов внутренней колонизации Херсонесского полиса и ее этапов. В свою очередь, это ставит вопрос о демографической ситуации в регионе¹.

4. Представления, полученные к концу XX в. о поселениях Крымско-Приазовья и Нижнего Побужья, свидетельствуют, что необходимо обращения к такой важнейшей проблеме, как выявление закономерностей и локальных особенностей поземельных отношений в полисах Северного Причерноморья в целом. Однотипность памятников в трех основных регионах, по мнению В. М. Зубаря, может свидетельствовать о том, что в раннеэллинистический период на территории Боспорского царства, Херсонеса и Ольвии проживало близкое по своему социальному статусу население. Типологическое сходство усадеб в различных районах Северного Причерноморья — свидетельство не только аналогичных принципов организации сельскохозяйственных территорий, но и сходных социально-экономических процессов, которые имели место в указанных государствах в IV—III вв. до н. э.²

5. На последние десятилетия XX в. приходится активизация полевой деятельности и «раскопки» в фондах музеев. Систематизация и классификация «забытых» за давностью их извлечения из земли материалов — это поиск новых данных, которые, возможно, будут способствовать уточнению и корректировке некоторых положений, ставших традиционными. Такие примеры уже имеются. Одна из них — это считавшаяся классическим объектом для создания картины земледелия в Херсонесе усадьбе 26, раскопанная С. Ф. Стржелецким.

---

¹ Колтухов С. Г., Зубарь В. М., Мыц В. Л. Новый район хоры Херсонеса эллинистического периода // Археологія. 1992. № 2. С. 85—95 (на укр. яз.). Авторы показали, что в нижнем течении р. Альма, начиная с конца IV в. до н. э., обитало греческое население. После продолжительного перерыва, жизнь возобновилась во II—III вв. н. э.

² Зубарь В. М. Об атрибуции памятников сельской территории античных государств Северного Причерноморья // СППК. 1999. Т. 7. С. 93—100 (также см.: Археологія. 1999. № 1. С. 25—34, на укр. яз.).

Введение в научный оборот астиномных клейм¹, повторное обращение к археологической ситуации уточнили периодизацию строительства: усадьба возникла в последней четверти IV в. до н. э.; в конце первой трети III в. до н. э. оказалась заброшенной, после чего блоки из ее стен использовались для укрепления оборонительных стен Херсонеса. Жизнедеятельность возобновилась в последней трети II до н. э.²

6. В нижеследующем замечании придется несколько раз использовать слова «систематическое, система». Отдельный памятник, серия таковых позволяют составить начальные, гипотетические представления об особенностях материальной культуры того или иного региона или поселенческой структуры, но только систематическое изучение целостной (значительной) территории приближает к познанию реалий эпохи. Отдельные памятники должны быть объединены в единую систему, что в свою очередь может вызвать постановку новых проблем или увидеть ускользающий до сих пор аспект.

Таким новым сюжетом стало обращение к производительности земледельческих хозяйств центров Северного Причерноморья, выявление зернового потенциала расположенных здесь государств; с новых позиций рассмотреть вопрос о численности рабочей силы. Так, благодаря накоплению, с одной стороны, археологических данных, с другой, систематизация, картографирование поселений и обращение к геоклиматическим особенностям региона, «строительная биография тех или иных сооружений» начала постепенно превращаться в историю их создателей и обитателей.

---

¹ Кац В. И. Керамические клейма Херсонеса Таврического: Каталог-определитель. Саратов, 1994. Кац В. И., Монахов С. Ю. История и перспективы изучения херсонесских остродонных амфор // Историографический сборник. 1983. Вып. 10. С. 75–90; Монахов С. Ю. Производство амфор в эллинистическом Херсонесе // ВДИ. 1984. № 1. С. 109–128; Он же Еще раз о стандартах емкости амфор эллинистического Херсонеса // ВДИ. 1980. № 4. С. 161–179; Он же. О штампах для клеймения херсонесских амфор // СА. 1981. № 2. С. 265–271; Он же. Производство амфор в эллинистическом Херсонесе // ВДИ. 1984. № 1. С. 109–128; Он же. Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н. э. Саратов, 1989.

² Туровский Е. Я. Хронология и строительная история усадьбы надела 26... С. 147–151.

Методика расчетов для определения гипотетического зернового потенциала была разработана и применена для Боспора и Херсонеса применительно ко времени максимального расцвета (IV — первой половины III в. до н. э.) сельских округ блестящими знатоками памятников региона С. Д. Крыжицким и А. Н. Щегловым.

Согласно представлениям авторов, на более продуктивных землях Восточного Крыма, урожайность приближалась к 8—14 ц с гектара. Это позволяло купцам Боспорского царства осуществлять значительные поставки хлеба в материковые центры Эллады, о чем сохранились свидетельства в речах Демосфена. Вывозили зерно и ольвиополиты, но производственный потенциал херсонеситов был очень скромным¹.

Основные положения исследователей применительно к интересующему нас объекту сводятся к следующим позициям.

Экономическая зона Херсонеса составляла 1000 кв. км, из них на зерновое хозяйство приходилось 40% земель (300 кв. км). При существовавшей двупольной системе это требовало 5—6 тыс. пахарей. В целом количество сельского населения могло составлять 25—30 тыс. При средней урожайности в 8 ц с гектара производственные возможности земледелия не превышали 24—42 тыс. тонн.

Последуем далее за подсчетами, объясняющими причину появления в присяге херсонеситов строк: «Хлеб, свозимый с равнины, я не буду ни продавать, ни вывозить с равнины в какое-либо иное место, но только в Херсонес»². Если учитывать традиционные нормы потребления в античную эпоху хлебных злаков, то для обеспечения жизненных потребностей херсонеситов (включая жителей сельской округи, Калос Лимен, Керкинитиду), в целом — для внутренних потребностей государства было необходимо иметь 20,5—24,8 тыс. т товарного зерна. Следовательно, существовал дефицит в 0,8 тыс. тонн³. Возможная

---

¹ Крыжицкий С. Д., Щеглов А. Н. О зерновом потенциале античных государств Северного Причерноморья // Археологія. 1991. № 1. С. 46—56 (на укр. яз.).

² Исследователи отмечают наличие в древности государственной монополии на масло и хлеб (об этом см.: Винокуров Н. И. Античная виноторговля... С. 23). Блестящие примеры дают материалы Птолемеевского Египта. Но это все же другой регион и совершенно иная структура государства.

³ Крыжицкий С. Д., Щеглов А. Н. О зерновом потенциале... С. 51—54.

более высокая урожайность (до 14 ц) позволила бы получить излишек (не более 10—11 тыс. т). Но и такое количество вряд ли бы обеспечило значительный экспорт. А неурожай в течение 1—2 лет, неминуемо привел бы к продовольственному кризису¹.

Памятники эллинистической эпохи донесли до нас упоминание только об одном крупном конфликте в Херсонесском полисе, разрешение которого зафиксировало принятие присяги. (Конечно, следует учитывать, что полное содержание «государственного архива» не известно). Можно полагать, что средства для ликвидации кризисных ситуаций давало высокопродуктивное виноградарство. В данном случае показательным является соотношение цен на зерно и продукты виноделия: в середине IV в. до н. э. они составляли 1 к 2 (1 литр зерна = 2 литрам вина)². Как отмечает Н. И. Винокуров, вино можно рассматривать в качестве «стратегического товара, всеобщего и неравноценного эквивалента для обмена с варварами. Поэтому государство стремилось контролировать виноторговлю, оптовая торговля отслеживалась на всех стадиях движения от производителя к покупателю. При неэквивалентном обмене торговцы извлекали максимальную прибыль»³, так как варвары не являлись равноправными партнерами.

Останавливая внимание на особенностях херсонесской виноторговли, исследователи подчеркивают, что излишки продукта входили в общий торговый баланс государства; вино являлось «стимулятором торговли с варварами»⁴. Только в хозяйствах Гераклеийского полуострова получали до миллиона декалитров вина: в 3—4 раза выше потребностей⁵. Круглогодичное активное участие в виноторговле в больших

---

¹ Крыжицкий С. Д., Щеглов А. Н. О зерновом потенциале... С. 55.

² Винокуров Н. И. Античная виноторговля... С. 13.

³ Там же. С. 88. Правда, как отметил автор, в IV в. до н. э. пошлина на хлеб составляла до 30—90% от его стоимости, а на вино — 205—210% (Там же. С. 20). Однако соотношение только подчеркивает выгоды торговых сделок и возможности государства получать доход от торговли.

⁴ Винокуров Н. И. Античная виноторговля... С. 26.

⁵ Определяемое Н. И. Винокуровым потребление вина херсонеситами и обитателями его ближней хоры оценивается в 120—140 декалитров в год на 10—20 тыс. человек (Винокуров Н. И. Античная виноторговля... С. 27).

объемах, устойчивый спрос у варваров способствовали стабильности доходов, что «обеспечивало процветание различных слоев населения античных государств — участников данного вида торговых операций»¹. Возможно, именно поэтому так мало свидетельств о конфронтации внутри гражданского коллектива Херсонесского государства.

7. И наконец, последнее замечание, которое выходит за рамки хронологии раздела, но позволяет еще раз отметить значимость исследований округа Херсонеса (Херсона) последних лет. Как показали раскопки Херсонесского заповедника, округа Херсонеса (Херсона) имеет следы межевания IV в. н. э., раннесредневековый слой со строительными остатками конца IV — V в.; **для конца VI — VII в. прослежена перепланировка** (средневековые дома выявлены на ряде наделов). На правом берегу Камышовой бухты, откуда шла дорога на «старый» Херсонес, на Маячный полуостров и в город, вероятнее всего, располагались усадьбы. Одна из них существовала до XI в.²

Длительный период накопления источников, начиная с XIX в., комплексный анализ всех имеющихся материалов в XX в., (повторимся в данном случае), позволили разрешить некоторые загадки двухтысячелетнего существования Херсонеса (Херсона), но еще многие страницы его истории не открыты. Новое обращение к «старым» дискуссионным темам в XXI столетии уже началось. Показателем является коллективная работа В. М. Зубаря и А. В. Буйских, о хронологии памятников Маячного полуострова, в которой исследователи привлекают «старые находки».

Вполне справедливым является замечание в упомянутой выше статье: «При написании работ общесторического плана, как правило, выводам археологов принято доверять. Однако периодическая ревизия археологических материалов с целью уточнения их датировок и центров производства неизбежна»³, а это в свою очередь приводит к корректировке и отдельных общесторических выводов, появлению новых гипотез.

---

¹ Винокуров Н. И. Античная виноторговля... С. 33.

² Яшаева Т. Ю. Раннесредневековое поселение в предместье Херсона на Гераклеяском полуострове // ХСб. 1999. Вып. 10. С. 349–360.

³ Зубарь В. М., Буйских А. В. По поводу интерпретации... С. 15.

Очерк 5. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В ПОЛИСАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ: ХЕРСОНЕС¹

Все, что человек говорит или пишет, все, что он изготавляет, все, к чему прикасается, может и должно давать о нем сведения.

Марк Блок

Палеогеография хоры Херсонеса. Ландшафтные зоны. Морские течения и бухты. Почвенный покров. Климат, температурный режим. Растительный мир и сельскохозяйственные культуры. Фауна. Природные богатства и полезные ископаемые. Общие сведения о сельском хозяйстве античности. Традиции и новации эллинов Северного Причерноморья. Принципы межевания хоры. Сельскохозяйственные занятия херсонеситов: виноградарство, садоводство. Виды усадеб и их датировка. Винодавильни и прессы. Система защиты хоры. Организация хоры Херсонеса. Категории земель. Археологическая ситуация начала кризиса. Хора Херсонеса в римский период. Приложение.

Один западноевропейский писатель, имя и название произведения которого за давностью прочитанного стерлось из памяти, сказал в первых строчках сочинения, что каждый человек обладает обширным полем, имя которого Жизнь, и каждый может проложить по этому полю множество дорог и тропинок. Но не все они приведут к цели. Избрать следует единственную. Чтобы представить, какое «поле жизнедеятельности» избрали херсонеситы, стремившиеся к благополучию, необходимо бросить взгляд на самое значимое из того, чем они владели — на земли полиса. Другими словами остановиться на палеогеографических особенностях Гераклеийского полуострова и Северо-Западной Таврики.

---

¹ Очерк написан Г. М. Николаенко.

Выше уже приводились краткие сведения относительно этих районов Крымского полуострова, но настало время остановиться на данном сюжете подробнее.

В середине IV в. до н. э., как уже неоднократно отмечалось, Херсонес Таврический превратился в обширное государство. Его земли простирались от Гераклейского полуострова до Сиваша. В состав государства входили сельские усадьбы и земельные наделы, укрепленные поселения и малые города Керкинитида и Прекрасная гавань, расположенные в Северо-Западном Крыму.

Палеогеография хоры Херсонеса

1. *Ландшафтные зоны.* На обширных владениях херсонеситов выделяется несколько ландшафтно-климатических зон. Прежде всего каменистая равнина Гераклейского полуострова, к северу от нее — Альминская низменность, разрезанная долинами рек Черной, Бельбека, Качи, Альмы, Западного Булганака, и Тарханкутская возвышенность, представляющая собой несколько увалов, на северо-западе разделенных крупными балками.

Для Альминского и Тарханкутского регионов характерна обрывистая, каменистая береговая линия. Но в некоторых местах — пологие участки с сухоречьями и песчаным и глинистым побережьем, с пересыпями и соляными озерами¹.

Многолетние археологические, палеоботанические, и палеогеолого-геоморфологические изыскания показали, что в античную эпоху уровень Черного моря был ниже современного: у берегов Херсонеса и Керкинитиды на 2—3 м, а в районе Тарханкута — примерно на 4 м².

Географически Гераклейский полуостров относится к предгорной части. Это прибрежная известняковая равнина, которая лежит на юго-западной оконечности Крымского полуострова. Полуостров изрезан длинными извилистыми балками, изобиловавшими источниками пресной воды. Практически все балки выходят к морю, образуя бухты.

---

¹ Подгородецкий П. Д. Природа Западного Крыма в античную эпоху // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С. 11—29.

² Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 16.

Форма рельефа тесно связана с геологическим строением территории. На плато преобладают осадочные отложения сарматского яруса различной прочности, которые переслаиваются желтыми и зелеными глинами. Анализ кладок зданий Херсонеса и земледельческой округи показал, что прочные известняки использовались для возведения долговременных построек.

Обширные пропластки глины, которые встречаются на полуострове в основном в районах выходов балок к бухтам, являлись сырьем для гончаров, выпускавших значительного количества тары и других видов продукции.

Площадь полуострова немногим более 12 тыс. га. Он имеет форму треугольника, основанием которого являются гряды с высотами Карагач и Сапун-гора. Протяженность их с юга на восток составляет около восьми километров (ок. сорока греческих стадий). Горная цепь, возвышающаяся над уровнем моря до 250–300 м, служит естественной границей перешейка, отделяющего Гераклеийский полуостров от остальной части Крыма.

На южном конце перешейка расположена Балаклавская бухта, о которой Страбон сообщал, что это «гавань с узким входом, где тавры обычно собирали свои разбойничьи банды, нападая на тех, кто спасался сюда бегством. Эта гавань называется Симболон Лимен и образует с другой гаванью под названием Ктенунт перешеек в 40 стадий. Это перешеек, который замыкает Малый Херсонес, составляющий, как я сказал, часть Большого Херсонеса, с одноименным полуострову городом Херсонесом» (Страбон. VII, 4, 2). Северный конец перешейка — высоты Сапун-горы, крутые склоны которой спускаются к устью реки Черной, впадающей в Севастопольскую бухту. Где-то здесь следует искать порт Ктенунт.

Вершина треугольника лежит на западной оконечности полуострова. Это низменное плато, на крайней западной точке которого в настоящее время стоит Херсонесский маяк. Для мореплавателей древности этот выступ также имел большое значение¹.

---

¹ Щеглов А. Н. Основные структурные элементы античной межевой системы на Маячном полуострове (Юго-Западный Крым) // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 10–11.

На современных картах плато обозначается как Маячный полуостров.

2. *Морские течения и бухты.* В Черном море прослежено два потока интенсивных течений. Одно из них береговое, с направлением северо-запад — юго-восток, использовалось в древности при каботажном плаванье. Другое представляет собой как бы два круга к западу и к востоку от мыса Сарыч (вероятнее всего, мыс Криуметопон) и Карамбис, упоминаемых в источниках, которые расположены напротив друг друга. Течения в каждом из «кругов» имеют направление северо-запад—юго-восток. Страбон следующим образом описывает этот район: «Перед таврическим побережьем находится мыс, далеко выдающийся в море на юг, в сторону Пафлагонии и города Амастриды, под названием Криуметопон. Против него мыс пафлагонцев — Карамбий, который делит Евксинский Понт на два моря сжатым с обеих сторон проливом. От города херсонесцев Карамбий находится в 2500 стадиях, а от Криуметопона гораздо ближе. Во всяком случае, многие мореходы, которые проходили по этому проливу, говорят, что одновременно видели оба мыса на обеих сторонах» (Страбон. VII, 4, 3).

У западной оконечности Гераклейского полуострова, там, где стоит современный маяк, береговое течение резко меняет направление с запада на север и затем идет вдоль берегов Северо-Западного Крыма. В непосредственной близости от маяка, на берегу укрытой от штормов Казачьей бухты, находилось укрепленное поселение, которое обеспечивало безопасность тем, кто плыл вдоль западного и северного берегов Малого Херсонеса.

С северо-восточной стороны Малый Херсонес отделен от Большого Херсонеса (Крымского полуострова) прекрасной судоходной бухтой (в настоящее время — Севастопольская). Длина ее более семи километров. Болотистые низменные склоны реки Черной являются плодородной долиной. Северо-восточный, северный и северо-западный берега полуострова — другая сторона треугольника. Она изрезана многочисленными глубокими судоходными бухтами, которые возникли в результате интенсивного погружения Западно-Крымского мегаблока с перекосом в сторону Гераклейского полуострова¹.

---

¹ Подгородецкий П. Д. Природа Западного Крыма... С. 23.

В настоящее время на побережье Гераклеийского полуострова насчитывается 9 бухт: Килен-бухта, Южная, Артиллерийская, Карантинная, Песочная, Стрелецкая, Омега (Круглая), Камышевая и Казачья. Килен-бухта, Южная и Артиллерийская являются затопленными устьями балок, впадающими в Севастопольскую бухту, остальные — обращены в открытое море. У входа в Севастопольскую бухту, на мысу между бухтами Карантинной и Песочной, был основан Херсонес.

Юго-западные скалистые обрывы полуострова круто спускаются к морю. Здесь находится мыс Фиолент, за ним следует небольшая Мраморная бухта, на каменистых склонах которой растет реликтовый можжевельник. В двух километрах южнее Фиолента начинаются высоты Карагач, за ними следует гора Кая-баш и «гавань с узким входом» — Симболон Лимен.

Следуя от мыса Сарыч, где сходились пути каботажного и прямого плавания, в западном направлении, мореплаватели сначала попадали в бухту Симболон, расположенную в землях тавров. Далее по направлению к маяку путь продолжался вдоль скалистого побережья Гераклеийского полуострова. В этом районе прослежено три потока течений: в западном, северо-западном и северо-восточном направлениях. Западный вел к Каллатису (совр. территория Румынии); использование прибрежного северо-западного течения облегчало путь к Керкинитиде, а северо-восточный вел к Херсонесу.

Херсонес был основан практически по середине между восточным началом Гераклеийского полуострова и его западной оконечностью¹: оптимальный вариант, обеспечивавший надлежащую охрану и контроль над всей прибрежной зоной полуострова.

Расположение Херсонеса среди прекрасных бухт свидетельствует о том, что обладание ими являлось одной из целей колонистов, а местонахождение города на пересечении морских дорог способствовало выгодной торговле. Однако соседство варваров заставляло заботиться и о боевых кораблях. Бесспорно, что одним из мест, где они размещались, являлся Херсонесский порт в современной Карантинной бухте.

---

¹ Марченко Л. В. Экологическая среда на территории Херсонесского государства в IV—III вв. до н. э. Севастополь, 1996. С. 14.

К хозяйственно-структурным элементам полиса относились гавани Гераклейского полуострова. Три из них, согласно Страбону, находились на северо-западном побережье. Назначение гаваней — транспортировка продукции хоры. Вполне вероятно, что они использовались и при транзитной торговле. Наиболее удобной и одновременно безопасной для такой цели являлась гавань в бухте Казачьей, которую защищало военно-хозяйственное поселение на перешейке Маячного полуострова. Из нее осуществлялся вывоз продукции из прилегающей части хоры и охраны побережья, около которого пересекались морские торговые дороги. У северо-восточных берегов полуострова (в пределах размеженной территории) в качестве корабельной стоянки служила, скорее всего, защищенная от холодных штормовых ветров крутыми склонами балки бухта Южная. Низменное верховье ее удобно для устройства пристани и прокладки сухопутной дороги.

В конце 80-х — начале 90-х гг. прошлого века во время строительных работ на левом склоне у верховья Южной бухты были открыты остатки крупного портового поселения (выявленная протяженность культурного слоя не менее 100 м). Собранные здесь находки относятся к раннеэллинистическому периоду: большое количество фрагментов столовой посуды и амфор, в основном, херсонесского производства. На основании астиномных клейм они датируются 325—265 гг. до н. э.

У оконечности Севастопольской бухты, у устья реки Черной, вероятно, находился порт Ктенунт. Он мог служить не только для торговых целей, но и как пограничное приморское укрепление. Страбон писал, что Ктенунт до прихода эллинов использовался таврами как внутренний порт и был связан с основной гаванью Симболон Лимен. Описывая Ктенунт, античный географ отметил, что он находится на одинаковом расстоянии от Херсонеса и от Симболон Лимена. Это расстояние равно 40 стадиям (около 8,5 км при длине стадия 210 м). От стен Херсонеса до верховья Севастопольской бухты и места впадения р. Черной в море расстояние по прямой не более 9 км (43 стадия), а от Балаклавы — 9,0—9,5 км (45 стадиев). Воображаемая точка пересечения как раз приходится на район Чертовой балки и таврского поселения Уч-Баш.

Очевидно, херсонеситы пользовались гаванью Симболон Лимен. Косвенным свидетельством являются находки раннеэллинистического периода, обнаруженные на склонах гор, окружающих бухту.

Несмотря на то, что фактически все гавани, за исключением современной Карантинной, находились за пределами городских стен, они составляли с городом единый организм, выполняя торговые функции.

Близкая картина характерна для многих античных центров, владевших несколькими гаванями. Об этом писал Аристотель: «Во многих странах и городах существуют порты и гавани, которые прекрасно расположены по отношению к городу, не составляют с ним одно целое, но и не слишком далеко от него отстоят и над которыми город господствует благодаря своим стенам и иным такого же рода укреплениям» (Аристотель. Политика, VII, 5, 5).

В древности в Северо-Западной Таврике, на Тарханкутском полуострове, существовало три большие бухты: Караджинская, Черноморская и Ярылгачская, на их берегах располагались крупные поселения. Как показали палеогеографические исследования, Черноморская и Ярылгачская в IV в. до н. э. были менее открытыми, более узкими и глубоко вдавались в сушу. Это делало их удобным пристанищем для судов. Бухта Черноморская отождествляется некоторыми исследователя с Калос Лименом. Уже само название «Прекрасная Гавань» свидетельствует о том, что жители по достоинству оценили ее качества.

Ярылгачская бухта в IV—III вв. до н. э. имела несколько ответвлений. На берегу одного из них расположено поселение, которое в научной литературе обозначено как Панское I¹.

3. *Почвенный покров.* Почвы южного, восточного и центрального районов Гераклейского полуострова относятся к коричневатосероватым мергелистым суглинкам; в северной части — известняково-щебенчатые, а на западе и северо-западе (от Маячного мыса до Херсонеса) распространены плодородные красноземы².

Исследования показали, что состав горных пород и материал, заполняющий каверны, определяют во многом тип, окраску и мощность почвенного слоя. Так, серо-цветные почвы связаны с выходами глини и

---

¹ Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым... С. 18—20.

² Клепинин Н. Н. Почвы Крыма. Симферополь, 1927. С. 35.

глинистых известняков, а бурые — покрывают прочные известняки, каверны которых заполнены бокситовидными красноватыми глинами, так называемыми красноземами. Они обладают благоприятными для земледелия физическими свойствами, так как насыщены мергелевой крошкой, которая является хорошим конденсатором влаги и вполне пригодна для выращивания определенных культур, в первую очередь, винограда и инжира¹.

Почвенный покров Северо-Западного мегаблока, сформировавшийся к эллинистическому времени, имеет в прибрежной части карбонатные темно-каштановые солонцеватые почвы и карбонатные маломощные щебенчатые черноземы. На высотах Тарханкутских увалов развиты каменистые маломощные почвы горной степи.

Обрывистое побережье Альминской низменности (от Северной косы до оз. Кизил-яр) подвергается непрерывной абразии. Глинистый берег разрушается со скоростью до 1,0 м в год и, по-видимому, со времени начала трансгрессии море уничтожило здесь полосу шириной несколько сот метров. Поселения раннеэллинистического времени на данном участке не выявлены. Возможно, они уничтожены в процессе абразии, но, скорее всего, прибрежная полоса и не была заселена из-за постоянного разрушения берега.

На побережье Альминской котловины преобладают каштановые почвы с примесью красноземов. Почвы Евпаторийского приморского района темно-каштановые, слабо солонцеватые, сформированы на лессовидных породах. Содержание гумуса в них невелико.

Тарханкутская возвышенность — от оз. Кизил-яр на юге до оз. Донузлав на северо-западе — это приморская низменная равнина, берега которой, возникшие в результате аккумуляции огромного количества наносов, тянутся на многие километры однообразной плавной полосой.

Примерно в середине этой полосы, на побережье открытой Евпаторийской бухты, расположена Керкинитида. Она была основана, как показал анализ очертаний береговой линии, скорее всего, на небольшом участке между Евпаторийской бухтой, берегом моря и балкой, в низовьях

---

¹ Клепинин Н. Н. Почвы Крыма. Симферополь, 1927. С. 35.

которой находился мелководный лиман. Городская гавань располагалась на северо-востоке, на месте современного морского порта¹.

Озеро Донузлав — узкое и длинное (до 27 км) — с юго-востока ограничивает Тарханкутский полуостров, который состоит из трех увалов. Самый высокий из них достигает 179 м над уровнем моря. Обрывистые высокие берега Тарханкута на значительном протяжении недоступны с моря. Многочисленные бухточки и заливчики, появившиеся в результате постоянной абразии, в древности не использовались.

На Тарханкутской равнине почвенный покров сформировался на лессовидных суглинках, каменистых продуктах выветривания известняков и на красно-бурых глинах. На вершинах увалов почвы маломощные, каменистые, мало пригодные или вовсе непригодные для земледелия². Между увалами и в крупных балках прослежены черноземные карбонатные почвы. В их устьях и на побережье преобладают мощные темно-каштановые почвы; в некоторых местах имеются черноземные карбонатные почвы и солончаки. В прибрежной западной части Тарханкута распространены легкие красноватые почвы, пригодные для возделывания винограда.

4. *Климат, температурный режим.* Климат Гераклеяского полуострова влажный. Многолетние наблюдения показали, что среднегодовая температура воздуха достигает +12°, а морской воды в севастопольских бухтах в среднем +14°, но в летнее время ок. +23°. Море, постепенно остывая, в осенне-зимний период в значительной мере смягчает воздействие холодных ветров. По мнению исследователей, в течение 1 тыс. до н. э. — 1 тыс. н. э. здесь не происходило кардинальных климатических изменений. Это позволяет полагать, что основные преобладающие ветровые потоки, как один из климатообразующих факторов, изменились незначительно. Для Гераклеяского полуострова характерно господство северо-восточных и южных ветров. Полуостров относится к районам с обильным солнечным сиянием в

---

¹ Кутайсов В. А. Античный город Керкинитида VI—II вв. до н. э. Киев, 1990. С. 24.

² Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым... С. 24.

течение дня, что в среднем в течение года составляет около 2100 часов. Безусловно, данный фактор играл существенную роль при выборе основной товарной культуры — винограда, возделываемого на наделах херсонеситов.

Для северо-западных умеренно-теплых и субтропических степей характерны зимние дожди и сухое лето. Зимой преобладают ветры северо-восточного, а летом — северо-западного направлений. Высокая влажность обеспечивалась большими в сравнении с настоящим временем водными ресурсами. В целом, природно-климатические условия прибрежной части Северо-Западного Крыма в эллинистический период являлись благоприятными для сельскохозяйственной деятельности.

5. *Растительный мир и сельскохозяйственные культуры.* Под влиянием природных факторов сформировался видовой состав растительного мира Гераклеийского полуострова. Его восточная часть была покрыта хорошим лесом¹, а ложе и склоны балок — древесно-кустарниковой растительностью. На террасах юго-западного побережья произрастают средиземноморские виды. На южной и юго-восточной оконечностях полуострова и на прилегающей горной части Большого Херсонеса растут дуб, бук, древовидный можжевельник, различные кустарники, терпентин, дикий виноград.

Водоразделы Малого Херсонеса между высотами Карагач, Сапун-горой и Сарандинакиной балкой в древности были покрыты лесом². Палеоботанические исследования свидетельствуют, что некоторые из дикорастущих видов посредством селекции были введены в агрономическую культуру на землях херсонесской хоры. К ним относится дикий виноград и голозерная пшеница³. Исследование морфологии семян винограда, найденного на хоре Херсонесского полиса, подтверждают, что исходным материалом для селекции служили дикорастущие мел-

---

¹ Стржелецкий С. Ф. Клery Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму // ХСб. 1961. Вып. 6. С. 48.

² Габлиц Ф. Физическое описание Таврической области. СПб., 1785. С. 25.

³ Николаенко Г. М., Янушевич З. В. Культурные растения из раскопок сельской округи Херсонес // КСИА. 1981. Вып. 168. С. С. 33.

косеменные клоны. Виноград, полученный в результате селекции, был мелкоягодным, но урожайным, и давал высокий выход вина¹.

На основании археологических исследований установлено, что херсонеситы выращивали виноград на красноземах Гераклеяского полуострова. Заметим, что эти почвы до сих пор являются наилучшими для возделывания виноградной лозы в качестве товарного продукта. Виноградники покрывали почти всю площадь Малого Херсонеса, за исключением района высот Сапун-горы. С. Ф. Стржелецкий объяснял это неблагоприятной экологической обстановкой. Вследствие разницы высот на западной части полуострова среднегодовая температура этого района значительно ниже, что вызывает интенсивное движение воздушных масс. При преобладании в зимние месяцы холодных ветров северо-западного направления данные факторы ухудшали условия возделывания винограда и других культур в районе Сапун-горы². Скорее всего, именно поэтому херсонеситы не включили данную территорию в систему межевания.

В позднеклассический и раннеэллинистический периоды владения государства распространялись на часть плодородных речных долин, защищенных высокими горами Крымской куэсты, — Инкерманской и Балаклавской, которые находятся у подножия высот Сапун-горы на востоке и Карагач в южных пределах Гераклеяского полуострова³. Палеоботанический материал из раскопок усадеб херсонеситов представлен различными видами злаковых — голозерной и пленчатой пшеницей, а также пленчатого ячменя⁴.

Почвенные и климатические условия благоприятствовали севу пленчатой пшеницы, в частности, культурной однозернянки. Она обладает особыми биологическими свойствами, среди которых выделяются устойчивость к грибковым заболеваниям и полеганию во влажные

---

¹ Янушевич З. В. Культурные растения юго-запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев, 1976. С. 79 и сл.

² Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического... С. 47.

³ Савеля О. Я. О размерах и структуре земельных владений Херсонеса в Юго-Западном Крыму в IV—II вв. до н. э. // Проблемы исследований античного и средневекового Херсонеса, 1888—1988 гг. Севастополь, 1988. С. 93—95.

⁴ Янушевич З. В. Культурные растения... С. 134.

годы. Благодаря жестким чешуйкам ее не повреждают птицы, и она сохраняется «на корню» лучше, чем голозерная пшеница.

Каштановые почвы долины реки Бельбек, которая в эллинистическое время входила в состав Херсонесского государства, были благоприятными для возделывания злаковых и размещения садов и виноградников¹.

Сохранившиеся участки нетронутых земель позволяют полагать, что предгорье Крыма было занято луговыми степями, которые прерывались кустарниковой и древесной растительностью. Выше в горах находился пояс дубовых и буковых лесов.

Многообразие почв и рельеф обусловили разнообразный состав растительности в Северо-Западном Крыму. Для него характерно сочетание степной и лесостепной растительности, что подтверждают находки обугленного дерева и сохранившиеся в колодцах остатки ствольных частей и ветвей деревьев, а также большое количество раковин виноградной улитки².

Древесно-кустарниковая растительность занимала склоны балок, приморские долины, прибрежную зону и понижения между увалами. Лесостепные участки состояли из широколиственных пород, в основном дуба и вяза с примесью тополя, клена, ясеня, ольхи, лещины, а также кустарников³.

Ископаемые растительные остатки свидетельствуют, что к началу освоения земель в Северо-Западном Крыму, здесь уже существовали хорошо приспособленные к условиям местности сорта голозерной пшеницы, пленчатого ячменя и бобовых растений⁴.

К числу наиболее многочисленных и наиболее часто встречаемых находок относятся зерна мягкой и карликовой пшеницы. Они обнаружены на следующих поселениях: Панское I, Маслины, Тарпанчи, Беляус. Очевидно, именно эти виды голозерной пшеницы являлись основным

---

¹ Об особенностях виноградарства и виноделия в Восточном Крыму см.: Винокуров Н. И. Виноделие античного Боспора. М., 1999. С. 191.

² Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым... С. 25.

³ Там же. С. 25.

⁴ Янушевич З. В. Культурные растения... С. 69.

хлебным растением на территории полиса, а главным районом возделывания служили степи Северо-Западного Крыма. Вполне возможно, что это и есть «мелкозерная», по словам Плиния Старшего, или «легковесная» понтийская пшеница, которую упоминал Теофраст: «Странным исключением из вообще легковесных трехмесячниц являются понтийские. Яровая пшеница отличается там твердостью, а озимая мягкостью, и эта мягкая пшеница очень легковесна» (Theophr., 4, 5)¹.

Кроме пшеницы на хоре Херсонеса произрастал ячмень, по количеству находок занимающий второе место. Он представлен пленчатыми формами на усадьбах округа Керкинитиды, на Ветреной, Панского, Тарпанчи.

В IV—II вв. до н. э. Керкинитида служила одной из хлебных житниц полиса. На первом месте стояли посевы мягко-карликовой пшеницы — основного товарного продукта. Большую роль играли посевы полбы — неприхотливого, засухоустойчивого растения, способного «перестаивать на корню». Возможно, полба, как древнейшая злаковая культура, использовалась в земледельческих обрядах для приготовления священной каши. Главной кормовой культурой был пленчатый ячмень. Номенклатура злаков позволяет предполагать существование на данной территории трехпольной схемы севооборота².

В отличие от поселений Нижнего Побужья и Ольвии³, на территории Керкинитиды не обнаружено специальных ям или амбаров, где могли бы хранить урожай зерновых. Возможно, он вывозился сразу же после завершения уборочной страды. Посевной материал и продовольственные запасы, вероятно, помещали в пифосы, стоявшие в кладовых.

Виноград в Керкинитиде возделывали в небольшом количестве, скорее всего, только для «внутреннего потребления». Его сорта отличались от тех сортов, которые культивировались на Гераклеяском полуострове.

---

¹ Цитата дана по: Теофраст. Исследование о растениях / Пер. М. Е. Сергеевко. М., 1951.

² Кутайсов В. А. Керкинитида. Симферополь, 1992. С. 18, 142.

³ Подробнее см.: Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989.

Дополнительным занятием населения являлся рыболовный промысел (вдоль северо-западного побережья полуострова) и добыча соли¹.

6. *Фауна*. Видовой состав фауны Северо-Крымского мегаблока, выявленный на основании остеологических наблюдений, также был разнообразным. В древесно-кустарниковых зарослях речных долин водились благородные олени, косули, сайгаки, куланы, барсуки, горностаи, лисицы, зайцы, кабаны и другие животные. В материалах из прибрежных поселений представлены такие виды морской фауны как дельфин-белобочка, камбала, калкан, кефаль, лобан, осетр, ласкирь, устрицы, мидии и крабы².

Полезные ископаемые и природные богатства

Особенности геологического строения Гераклейского полуострова предопределили повсеместное распространение осадочных пород. Ценнейшие среди них — известняки. В Херсонесе они употреблялись в качестве основного строительного материала, а также для приготовления извести и в качестве флюса. Из кальцинированных известняков изготавливали тарапаны, жернова, давяльные прессы, которые испытывали большие нагрузки.

В качестве строительного материала служила также сарматская глина, залежи которой в виде прослоек в известняках, размещены повсеместно на территории полуострова. Для прибрежной зоны характерны наносы песка и гравия.

Значительные залежи глины, пригодной для керамического производства, существовали в Инкерманской и Балаклавской долинах, где имелись также болотные руды и лимонит, высокопрочные белые известняки. В низовьях реки Бельбек и на Северной стороне Севастопольской бухты обнаружены остатки гончарных печей³ свидетельствующие о том, что сырье использовалось непосредственно на месте добычи.

---

¹ Кутайсов В. А. Керкинитида... С. 142—143.

² Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым... С. 26.

³ Печенкин Н. М. Раскопки в окрестностях г. Севастополя // ИТУАК. 1905. Вып. 38. С. 30.

Для производственных нужд херсонеситы использовали также полезные ископаемые, добываемые на землях соседей-варваров. Сырье для изделий из металла могло поступать из Балаклавского и Байдарского рудных месторождений, расположенных вблизи границ государства¹.

Северо-Западный Крым не обладал разнообразием полезных ископаемых. Для него характерны в основном неогеновые известняки — ракушечники, которые хорошо поддаются обработке и могут успешно применяться в строительстве. Повсеместно встречаются залежи глины и суглинки, но они содержат большое количество гипса, поэтому мало-пригодны для керамического производства.

Геологические и климатические особенности Гераклейского полуострова не особенно благоприятные для возделывания злаков. Это, как и демографические процессы в полисе, стали одной причин внутренней колонизации — освоения земель в Северо-Западной Таврики. Однако именно они способствовали превращению ближней хоры в район, где наиболее доходным занятием стало виноградарство.

Путь от освоения ближайших окрестностей первоначально незначительного по размерам государства к превращению его, как это принято характеризовать в историографии, к «территориальному полису», был длительным и трудным. Но не менее сложным является и изучение хоры Херсонесского полиса, что отчасти показано в предыдущем разделе.

Общие сведения о сельском хозяйстве античности

На протяжении всей античной эпохи земледелие и скотоводство были основными занятиями населения Средиземноморья и Причерноморья. На территории Эллады, как и в Италии, предпочтение отдавалось выращиванию зерновых, олив и винограда.

Зерновые культуры. Из зерновых важнейшей культурой была пшеница. Среди различных видов злаков на первом месте стояла простейшая зерновая культура — пшеница-однозернянка (полба или эмер). Сеяли рожь и ячмень, а в гористых местностях — овес, который в случае необходимости использовался для приготовления пищи. На

---

¹ Габлиц Ф. Физическое описание... С. 25.

более плодородных почвах Италии, в сравнении с Балканами, среди зерновых доминировала пшеница.

Олива. Большое место в экономике античных полисов занимало производство оливкового масла. Оливковое дерево упоминается в многочисленных сказаниях и мифах. Оливы находились под особым покровительством Афины и Зевса (в Риме — Минервы и Юпитера). Как священное, оливковое дерево охранялось законом, запрещавшим срубать его без разрешения властей. Показателен один из законов Афинского полиса, принятый в период реформаторской деятельности Солона. Плутарх отметил: «Из продуктов, производимых в стране, Солон разрешил продавать за границу только оливковое масло, а другие вывозить не позволял» (Плутарх. Солон, XXIV). **Законами предусматривались** и правила, регулировавшие посадку деревьев: «Солон определил, с большим знанием дела, также расстояние, которое следовало соблюдать при посадке растений. При посадке различных деревьев на поле он приказал отступать от владения соседа на пять футов, при посадке смоковницы или маслины — на девять, потому что эти деревья пускают корни дальше других, и не для всех растений соседство с ними безвредно» (Плутарх. Солон, XXIII).

Оливковые деревья обладают одной особенностью: они цветут раз в два года, поэтому, чтобы вызвать ежегодное цветение и тем самым предотвратить потери урожая, у не цветущих экземпляров старались вызвать цветение путем прививки тщательно подобранного привоя. Оливки принадлежали к традиционным продуктам питания. Их употребляли маринованными с уксусом и солью или консервировали с медом и винным суслом. Лучшим считалось масло, добываемое из зеленых плодов и из вызревших черных оливок, из которых перед выжимкой удалялись косточки, но для приготовления ординарного использовались и полуспелые, коричневые оливки. Прессы для выжимки имели различную конструкцию, что было вызвано как географическими особенностями, так и производственным процессом. Масло первичной выжимки шло в пищу, второй — использовалось для умащивания. В него добавляли различные ароматические вещества. Маслом прогорклым или с осадком заправляли светильники.

Виноград. История виноградарства насчитывает несколько тысячелетий. Виноградарство возникло как результат окультуривания лучших

форм дикой виноградной лозы. Облагораживание сортов началось в Малой и Передней Азии, а также в Египте еще в 4 тыс. до н. э. В античности культивировалось до 150 сортов винограда, приспособленных к местным природно-климатическим условиям.

Способы возделывания каждой из культур имеют существенные отличия. Оливковые деревья и виноград, многолетние растения. Поля, отведенные для них, переходили из поколения в поколение, и, чтобы урожай был стабильным, садам и виноградникам следовало уделять много внимания. Древние земледельцы признавали, что уход за виноградом сложнее, чем за любым другим деревом, в том числе, и оливой.

Правила возделывания винограда, как основы виноделия, составляли важнейшую часть античных руководств по сельскому хозяйству.

Виноград сажали на хорошо вспаханном поле или в траншеях. Лозу поднимали над землей на тычинах или обвивали вокруг деревьев, вытягивая между их рядами в виде гирлянд; иногда для этих целей служили стены домов и беседок. При этом применялись особые устройства («аист» — *ciconia*), позволявшие проверять размеры выкопанных под посадки траншей по глубине, ширине и маркировать расстояние между лозами.

Основной продукт, получаемый из винограда, — вино. Виноделие являлось наиболее доходной отраслью сельского хозяйства, но оно требовало значительных затрат труда. Для получения виноградного сока первоначально гроздья давили ногами, затем прессом. Для брожения молодое вино помещали в погреба в пифосах, окуренных серой. Для того чтобы оно не превратилось в уксус, добавляя в вызревающий продукт смолистый порошок, гипс, известь или морскую воду, тем самым, прекращая процесс брожения. Очень часто вино настаивали на изюме. Готовый продукт разливали в амфоры, на которых черной, коричневой или красной краской указывали год, место производства, цвет и наличие сладких добавок. Среди греческих вин особенно славилось хиосское, а среди итальянских — фалернское.

В античности вино потребляли ежедневно. Даже рабам выдавали не менее полулитра вина вторичной выжимки. В жару напиток охлаждали в специальных приспособлениях, состоявших из внешнего сосуда из пористой глины и кувшина, помещаемого внутри него в холодную воду.

Большое значение имели и такие отрасли как *садоводство* и *огородничество*. Среди деревьев предпочтение отдавалось смоковнице, гранату, грушам, яблоням, сливам, орехам. Из огородных культур наибольшей популярностью пользовались бобовые: чечевица, вика, люпин, бобы, горох.

О том, что поступало с земельных участков на рынок, позволяют получить представление строфы одной из комедий Аристофана (вторая половина V в. до н. э.):

*Рынок весь нам доверху добром завалили!
Ранним яблоком, луком мегарским, ботвой,
Огурами, гранатами, злым чесноком. ...
Беотийцев увидеть позволь нам опять
С куропатками, с кряквами, с гусем, с овцой,
Пусть в корзинках притащат копейских угрей,
А кругом мы толпимся, кричим, гомоним,
Рвем из рук и торгуемся.*

Аристофан. Мир, 999—1008

Многие проблемы сельского хозяйства, прежде всего земледелия, нашли отражение в художественных (Гесиод, Палладий, Вергилий) и исторических произведениях (Геродот, Страбон), а также в научных трактатах Теофраста, Катона Старшего, Варрона, Колумеллы, Сазерны, Плиния Старшего¹.

Опыт предшествующих поколений изложен в «Геопониках» — сочинении X в., представляющего собой выписки из энциклопедии по сельскому хозяйству, автором которой является Кассиан Басс (VI в.)².

Традиции и новации эллинов Северного Причерноморья

Знания, накопленные эллинами Балканского полуострова и Малой Азии, оказали существенное влияние на земледелие в полисах Северного Причерноморья. Переселяясь на новые места, эллины переносили из

---

¹ См.: Плиний Старший. Естественная история // Катон, Варрон, Колумелла, Плиний. О сельском хозяйстве. М., 1957.

² Геопоники: Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X в. / Пер. и коммент. Е. Э. Липшиц. М., 1960.

метрополии обычаи и традиции предков. В значительной степени этим объясняется упорное стремление к возделыванию в новых условиях доминирующей триады: зерновых, оливы и винограда. Однако природно-климатические условия регионов, в которых оказались переселенцы, заставили их искать новые пути успешного развития земледелия, поэтому предпочтение было отдано эндемикам — местным видам растений. В данном случае можно вспомнить высказывание Плиния Старшего «Во всех вещах есть нечто глубоко сокрытое, во что каждый должен проникнуть своим умом. Разве не бывает часто, что меняется то, что давно признано и установлено?» (Кн. XVII, 29–30).

Палеоботанические исследования показали, что из злаковых наиболее приспособленной к почвам и климату Северного Причерноморья являлась мягко-карликовая пшеница¹.

Наилучшие условия для виноградников оказались на территории Юго-Западного Крыма. Но в Северо-Западных приморских областях Таврики климат и почвы подходили как для выращивания винограда, так и злаковых. По этой причине в Северо-Западном и Северо-Восточном Причерноморье (в Ольвии и на Боспоре) первое место занимали злаковые культуры, в Юго-Западном и Северо-Западном Крыму — на хоре Херсонеса — в основном виноград, но в отдельных ее районах и злаки.

Распространенным являлось и садоводство, но, как показывают археологические наблюдения, в Восточном Крыму, в сравнении с другими районами, оно играло большую роль. По свидетельствам Теофраста и Плиния Старшего около Пантикапея произрастали смоковницы, гранат, груши и яблони. Одно из поселений Восточного Крыма даже носит название Кепы — Сады. Характерным среди других сельскохозяйственных занятий являлось *огородничество*, основанное, скорее всего, на местных эндемиках. В Таврике, по свидетельству Теофраста, встречаются асфodelина желтая, сладкие луковичы, которые можно употреблять в пищу, а у берегов Меотиды — «скифский корень» (редька-?).

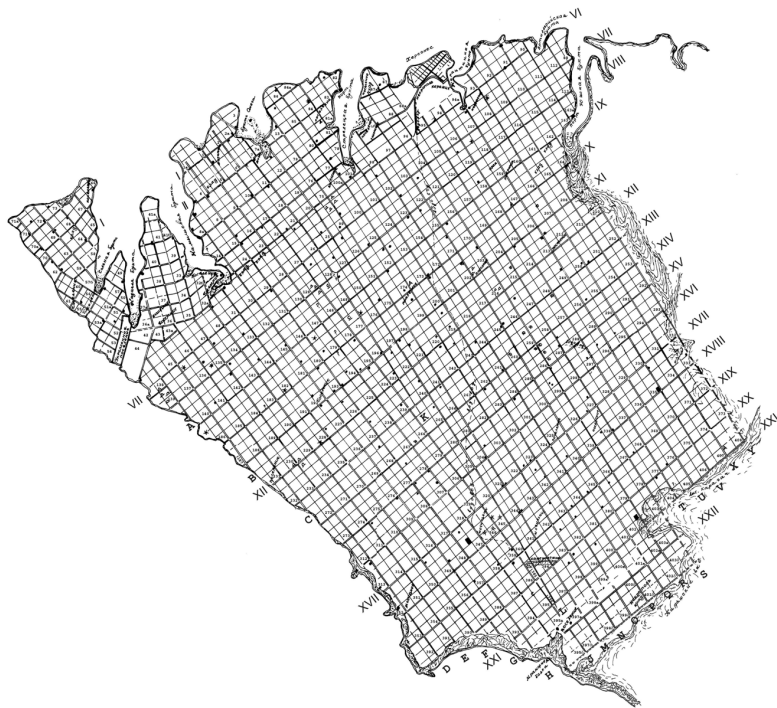
---

¹ Подробнее см.: Янушевич З. В. Культурные растения...; Она же. Культурные растения Северного Причерноморья: палеоботанические исследования. Кишинев, 1986.

Принципы межевания хоры

На протяжении всего античного периода роль винограда и зерновых в развитии интенсивного земледелия Херсонесского полиса очевидна. В середине — начале второй половины IV в. до н. э. Херсонес превратился в обширное государство. К этому времени относится организация большей части его земель в виде системы участков, размежеванных по единому принципу.

Гераклейский полуостров, земельные наделы херсонеситов,
принципы межевания

Одним из первых, кто описал особенности межевания хоры Херсонеса, был наблюдательный путешественник Фр. Дюбуа де Монпере: «Необходимость побудила херсонеситов с начала колонизации замкнуться на узком пространстве своего полуострова, быть весьма изобретательными в возделывании территории. ...Поверхность Ге-

раклейского полуострова была разрезана параллельными линиями, пересекавшими ее по всей длине и ширине и перекрещивавшимися под прямым углом. Эти линии, направление которых не изменялось в зависимости от рельефа почвы, отстояли друг от друга на 1,5—1 версту, стали большими проселочными дорогами. Все они имели в ширину 15 футов, а с боков возвышались стены, замыкающие собой правильные четырехугольники. ...По краям дорог построили жилища или дома, и дороги стали, так сказать, улицами большого города»¹.

При межевании прежде всего определялась площадь и базовые оси. Последними служили как дороги, которыми пользовались до сплошного межевания, так и вновь проложенные. Они учитывали направление рельефа, при этом продольные протянуты по линии падения высоты: с юго-востока на северо-запад. Некоторые локальные отклонения в ту или иную сторону вызваны особенностями конкретных участков.

Межевание производилось с применением единого модуля: египетского стадия, равного 210 м, и единиц, производных от него. Сеть межевания базировалась на осях: пяти продольных дорог (С, Н, М, R, X) и пяти поперечных (I; VII; XII; XVII; XXI). Они пересекались под углом 93 и 87 градусов².

Процесс межевания осуществлялся в три этапа.

Первый начался с определения двух главных осей — продольной и поперечной. После прокладки главной продольной и поперечной, через каждые 2 км (ок. 10 стадиев) по линии продольной и через каждые 3 км (ок. 15 стадиев) на поперечной оси отмечались точки пересечения остальных осевых линий-дорог. Это было сделано с таким расчетом, чтобы как на продольной, так и на поперечной стороне укладывалось пять стандартных участков площадью 26,4 га. В итоге получилось пять продольных и пять поперечных осей. Отметим, что к настоящему времени выявлено 24 продольные и 22 поперечные дороги. Широкая

---

¹ Dubois de Montpereus F. Voyage autour du Caucase ches les Tcherkesses et les Abkhases et en Crimée. Paris, 1843. Т. 6. Р. 174—175.

² Подробнее: Николаенко Г. М. Межевание полей херсонесской хоры // КСИА. 1985. Вып. 182. С. 11—12; Она же. Организация хоры Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 277—285.

транспортная магистраль (35—40 футов) начиналась у главных ворот Херсонеса¹.

В местах пересечения дорог располагались здания с башнями, с которых открывался вид на всю территорию хоры Гераклеяского полуострова.

На втором этапе через каждые 210 м (1 стадий) намечались границы наделов, вследствие чего почти все межевое пространство покрылось сетью квадратов площадью 4,4 га (36 плетров)².

На третьем этапе, через каждые 3 квадрата (в некоторых случаях через 2) в направлении северо-запад—юго-восток и 2 квадрата в направлении северо-восток—юго-запад были проложены оси межевых дорог.

В результате территория, подлежащая межеванию, оказалась разделенной осевыми дорогами на определенное число участков площадью 26,4 га (216 плетров) и 17,6 га (144 плетра), в свою очередь делившихся на поля площадью 4,4 га (36 плетров).

Общее количество размежеванных земель на хоре составляло не менее 55—60 тыс. га (450—550 тыс. плетров): три блока по 10 тыс. га (81 тыс. плетров) и пять блоков по 5—6 тыс. га (41—50 тыс. плетров). Следует отметить, что разведками прослежена закономерность в чередовании размежеванных блоков земель большей и меньшей площади.

При сплошном межевании на Гераклеяском полуострове районы более ранней хоры и территории уже существовавших земледельческих поселений оказались включенными в систему участков.

Все поселения, укрепления и блоки размежеванных участков на хоре Херсонеса, находятся на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга, в пределах хорошей видимости. Это соответствует принципам, изложенным Аристотелем, считавшим, что территория полиса и его население должны быть «легко обозримы» (Аристотель. Политика, VII, 5, 2).

Все участки хоры на Гераклеяском полуострове и в Северо-Западном Крыму представляют единую структуру. Так в Херсонесе нашли отражение представления эллинов об идеальной пространственной организации территории, характерной для демократических сообществ.

---

¹ Николаенко Г. М. Дороги на городской хоре Херсонеса // ХСб. 2004. Вып. 13. С. 187—195.

² Другое мнение о метрической системе было представлено ранее.

На всех размежеванных участках прослежена следующая структура.

Каждый квадрат в 36 плетров делился на поля с размерами сторон 52,5 и 105 м ($1/4$ и $1/2$ стадия); их площадь, была равна долям стандарта в 36 плетров¹. На образовавшихся полях намечались направления плантажных стен виноградников. В последующем при распределении земли, используя основной модуль и его доли, можно было нарезать участки любой заданной величины.

Сельскохозяйственные занятия херсонеситов

Виноградарство. Однако подготовка участков для виноградников на этом не завершалась. Требовалось еще осуществить ряд агрономических мероприятий, которые должны были улучшить условия среды. К ним относятся: устройство дорог, создание искусственного почвенного слоя, плантажная обработка виноградников, террасирование крутых склонов и улучшение рельефа участка, устройство сооружений для удержания осадков, создание ветроломных защитных полос.

Возведение плантажных стен на виноградниках облегчало наличие огромного количества камня, получаемого во время прокладки траншей для виноградной лозы. Благодаря террасированию, предотвращался смыл плантажа со склонов и обнажение корней кустов. Одновременно облегчались уход за виноградником и обработка почвы².

Херсонесские виноградники были вымежеваны с учетом экологических факторов, содействующих успешному росту и плодоношению. Участки площадью в 36 плетров отделялись друг от друга широкими (2,5–3,0 м) стенами бутовой кладки. Поля на участках огораживались стенами (шириной от 1,5 до 2,0 м и высотой до 1,5 м). Верхняя плоскость их была ровной, так что по ней могли передвигаться арба или телега, на которой собранный виноград доставлялся на винодельню. Стены защищали поле от холодных ветров, от сдувания почвенного покрова и т. д. Благодаря этому на каждом поле создавался особый микроклимат. Стенки служили и своеобразным конденсатором атмосферной влаги, и защитой от ветра, и опорой для винограда (вместо деревянных кольев).

---

¹ Николаенко Г. М. Межевание полей... С. 13.

² Стржелецкий С. Ф. Клery Херсонеса Таврического... С. 68–72.

Практически все размежеванное пространство было покрыто лозами, предварительно выращенными в питомнике из чубуков дикого винограда (*Vitis silvestris Gmel*), который и поныне встречается в Крыму и на Кавказе. Подготовленный саженец помещали в ямку как можно ближе к каменной плантажной стенке, чтобы он имел опору и влажную проветриваемую почву. На следующий год, когда лоза достигала длины двух метров, ее перебрасывали через стенку и прикапывали, разумеется, оставляя на поверхности верхушку. За год лоза укоренялась и отрастала на длину, достаточную для того, чтобы перебросить ее еще раз через стенку и присыпать. Это повторялось до тех пор, пока не заполнялось все пространство до следующего саженца, что требовало значительного количества времени (5–7 лет), но обеспечивало то, что спустя лет десять после первых посадок на одном винограднике имелись лозы, плодоносящие во всю силу, только вступающие в пору плодоношения и совсем молодые кусты. Подобный способ посадки не требовал подпорок. Лоза свободно лежала на поверхности плантажной стенки, касаясь ее только в некоторых точках (бутовый камень имеет неровную поверхность), а кисти винограда получали дополнительное тепло от нагретого солнцем известняка.

Херсонеситы высоко оценили работу по обустройству виноградников, которую возглавил один из граждан города — Агасикл. Он удостоился установки статуи за многие общественные дела, каждое из которых отмечено лавровым венком — одной из наиболее почитаемых в античное время наград¹. Внутри каждого венка отмечено, за какую заслугу награждался Агасикл:

«Народ (поставил статую) Агасикла, сына Ктесия.

Предложившему декрет о гарнизоне и устроившему его.

Размежевавшему (или посадившему) виноградник на равнине. Бывшему стеностроителем. Устроившему (?) рынок. Бывшему стратегом². Бывшему жрецом. Бывшему гимнасиархом. Бывшему агораномом»³.

---

¹ Подробнее см.: Скржинская М. В. Награды граждан античных городов Северного Причерноморья // ВДИ. 2003. № 4. С. 89–101.

² О существовании магистратуры стратега см. в очерке «Народ и власть».

³ Цит. по: Соломоник Э. И. Каменная летопись Херсонеса. Симферополь, 1990. С. 17.

Садоводство. Садоводство в Херсонесе являлось второстепенным. Плодовые деревья использовались в качестве ветроломных и ветрозащитных полос при виноградниках. Возможно также, что они служили подпорами выходящей виноградной лозы.

Садовые участки имели небольшие размеры и, как правило, располагались с северной стороны виноградников. Во время раскопок обнаружены плоды смоковницы, яблок, а также косточки миндаля, грецкого и лесного ореха, каштаны¹.

На хоре Херсонеса занимались также выращиванием *огородных культур*. Неоднократными находками в Херсонесе и его округе являются семенами огурцов, арбузов, дынь².

Виды усадеб и их датировка

Как только херсонеситы начали возделывать многолетнюю виноградную культуру, они оказались вынужденными постоянно находиться на обрабатываемой ими земле. Это явилось одной из причин роста числа усадеб на хоре.

В северной и северо-западной районах Гераклеяского полуострова значительное количество усадеб располагалось на берегах бухт и вдоль дорог, ведущих к ним. Усадьбы имели башни, а также стационарные большие винодельни, обширные подвалы, вмещающие от 10 до 20, иногда и более, пифосов.

Примечательно, что усадьбы с винодельнями и кладовыми, расположены у дорог, ведущих в порт, или в непосредственной близости от порта, что приводило к экономии затрат времени на доставку готовой продукции для дальнейшей транспортировки. Можно полагать, что эти усадьбы, отличающиеся от других большими размерами, являлись коллективными владениями.

Примером может служить усадьба участка 86, сооруженная в последней четверти IV в. до н. э. В плане она квадратная (21,0 x 21,0 м). В центре находится большой двор, по трем сторонам которого построены

---

¹ Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического... С. 80–82.

² Там же. С. 86.

помещения. В западном углу усадьбы стояла двухэтажная прямоугольного плана башня, разделенная внутри на два помещения (сохранилась на высоту ок. 2,0 м). Во II в. до н. э. стены башни были усилены дополнительным пирамидальным панцирем из массивных каменных глыб. В это же время возведен дополнительный панцирь по всему периметру усадьбы.

Двор комплекса был вымощен каменными плитами; в южном углу его соорудили колодец. Самое большое помещение — винодельня. Она находилась в восточном конце комплекса. Здесь во время раскопок обнаружен груз — противовес, для которого была сделана специальная прямоугольная яма с выложенными камнем стенками. В этой же части усадьбы сохранились остатки большого пифоса и 8 углублений для установки других. Во дворе имелись также ямы для хранения зерна.

Наряду с многочисленными фрагментами черепицы, амфор эллинистического и римского времени, столовой и кухонной посуды, следует отметить бронзовые монеты IV—III вв. до н. э.; более поздние относятся к первым веком н. э.

На одном из участков у юго-западной продольной дороги (участок 6), ведущей к морю, расположена другая усадьба, Г-образной формы, размерами 55,0 x 35,0 м). Ее можно обозначить как *усадьбу—склад*. По периметру обширного двора, расположенного в центре, были построены небольшие помещения, стены которых сложены из бутового камня. Во дворе находилась кладовая, состоявшая из двух отсеков. Здесь стояли пифосы (при раскопках обнаружены гнезда для 21 пифоса), доставленные из Синопы в качестве винной тары (они датируются 50—40-ми гг. IV в. до н. э.). Кроме пифосов, во время раскопок встречено большое количество фрагментов амфор и столовых сосудов различных центров.

Остановим внимание еще на одном комплексе: усадьбе 227 с условным обозначением «*Северная*». Во время ее раскопок открыты различные строения: небольшие хозяйственные помещения, кладовая и двухэтажное башня, от которой сохранилось каменное основание лестницы. Первоначально башня имела прямоугольный план (размеры 9,0 x 7,5 м) и была сложена из крупных отесанных с наружной стороны блоков.

Возможно, что вскоре после ее возведения строятся и другие помещения. В конце IV — начале III в. до н. э. усадьба имела размеры

18,0 x 14,0 м. В одном из помещений этого периода найдена медная херсонесская монета (выпуск 320—310 гг. до н. э.).

Примечательной находкой при раскопках усадьбы стали фрагменты лепной керамики с волнообразным и гребенчатым орнаментом. Такие сосуды были в обиходе у местного населения (кизил-кобинская культура). Скопление фрагментов (более 100) от одного большого лепного горшка встречено в помещении, которое, очевидно, служило кухней: здесь же найдены фрагменты чернолаковых канфаров и большое число обломков кастрюль¹.

На дне одного из пифосов, стоявшего в углу в специально вырубленном в скале углублении, сохранились семена винограда промежуточных форм (такие же формы семян обнаружены и при раскопках других усадеб). Это является свидетельством начального этапа селекции винограда херсонеситами².

В конце II в. до н. э., вследствие грозящей опасности со стороны скифов, усадьба была покинута. Обломки сосудов и немногочисленные фрагменты черепицы свидетельствуют о том, что ее обитатели взяли с собой не только необходимые и целые вещи, но разобрали даже кровлю. Позднее для других сооружений был использован камень: отсутствие его скопления является доказательством этого.

Еще одна, раскопанная в конце XX в. усадьба 227 (условно обозначенная «Южная») представляет собой большое поместье, состоявшее из ряда помещений и башни. Располагается она у юго-западной продольной дороги, недалеко от южного угла древнего участка.

Усадьба с неоднократными перестройками существовала длительный период: с III в. до н. э. до VII в. н. э. Первоначально здесь была возведена башня с противотаранным поясом, окруженная с трех сторон небольшими хозяйственными постройками и уютными двориками.

В процессе последующего строительства усадьба постепенно разрастаясь, превратилась к первым векам н. э. в большую виллу, окруженную садами и виноградниками.

---

¹ Материалы раскопок этого комплекса не опубликованы, см.: Арх. НЗХТ, д. 1975, л. 6—14.

² Николаенко Г. М., Янушевич З. В. Культурные растения... С. 26—27.

Уникальность комплекса состоит в том, что его раскопки позволили получить материалы о наименее изученном до недавнего времени периоде херсонесской истории. Примечательно то, что к VII в. на вилле насчитывалось до 40 помещений жилого и хозяйственного назначения: два двора, колодец, цистерны—хранилища и загоны для скота, расположенные рядом¹. Вероятно, неподалеку на травянистых склонах балки, где каменные плантажные стенки виноградников к этому времени были разобраны, пасли скот.

Строительные остатки и находки позволяют реконструировать не только внешний облик древних зданий, но и характер их владельцев, однако для этого, чтобы составить о них представление, лучше обратиться к некоторым сочинениям древних авторов.

Цицерон, оратор и консул I в. до н. э., писал: «Дом должен придавать достоинство человеку; но последнее нельзя всецело усматривать в доме и не по дому надо почитать его владельца, а по владельцу — дом. И как в других сторонах жизни надо считаться не только с собой, но и с другими людьми, так и в доме прославленного человека, где приходится принимать многочисленных гостей и видеть множество людей и граждан, надо заботиться о поместительности; однако обширный дом часто приносит позор своему владельцу, если он пустынен, а более всего, если некогда, при другом владельце, его обыкновенно посещало множество людей. Ведь очень печально, когда прохожие говорят:

О старый дом! Увы, как не подходит тот
Владелец, что тобой владеет!

Впрочем, и в наше время можно сказать это во многих случаях. Кроме того, надо остерегаться, если строишь дом сам, превысить меру в расходах и великолепии. ...В убранстве усадеб, несомненно, надо соблюдать меру и вернуться к разумной середине. Эту же разумную середину надо переносить на весь уклад и образ жизни»².

Следует выделить еще один вид сооружений на хоре: *укрепленный комплекс построек*. Примером могут служить раскопки на участке 347.

---

¹ Подробнее см.: Кузищин В. И., Иванчик А. И. «Усадьба Василидов» в окрестностях Херсонеса Таврического // ВДИ. 1998. № 1. С. 205—232.

² Цицерон. Об обязанностях. I. XXXIX, 139—140 // Цицерон. О старости, дружбе и об обязанностях / Пер. В. О. Горенштейн. М., 1974.

В южной его части находится большой укрепленный комплекс сооружений, получивший в научной литературе обозначение по имени автора раскопок «*усадьба К. Гриневича*» (раскопки 1928—1929 гг., балка Бермана).

Комплекс в плане прямоугольной формы, располагался вдоль левого склона балки. Ориентировочные размеры памятника 600,0 x 100,0 м. Здесь открыто несколько сооружений. Основное было возведено в IV в. до н. э. на месте поселения носителей Кизил-Кобинской культуры. Оно представляет собой укрепленную усадьбу больших размеров: 70,0 x 50,0 м, состоявшую из двух частей, которые примыкали друг к другу (Южной и Восточной).

Композиционным центром «Южной» части усадьбы служила башня, квадратная в плане (10,0 x 10,0 м). В ее юго-восточной стене с внешней стороны было вырублено 5 небольшого размера ниш культового назначения. Со всех сторон, кроме стены с нишами, башня имеет противотаранный пояс. С юго-восточной и юго-западной стороны к ней примыкали хозяйственные помещения и дворики. Во многих из них имелись колодцы и цистерны.

В одном из помещений была устроена винодельня, в другом — кладовая, в которой стояло 19 пифосов (вместимостью более тысячи литров каждый), изготовленных в мастерских Синопы.

Постройки защищала окружавшая их стена, сложенная из огромных каменных блоков. На восточном участке и частично на северо-восточном в стене имелись бойницы.

Сооружения с восточной стороны также включали в свой состав башню с противотаранным поясом и несколько помещений. В подвале располагалась оштукатуренная цистерна грушевидной формы, и имелись углубления для установки пифосов.

Состояние памятника не позволяет воссоздать целостную картину жизнедеятельности нескольких, сменявших друг друга в течение длительного времени, поколений: в целом находки из раскопок «Южного» и «Восточного» комплексов датируются IV в. до н. э. — XII в. н. э.

Из наиболее примечательных находок можно привести фрагменты краснофигурных сосудов, многочисленные обломки чернолаковой посуды, амфор с клеймами астиномов, глиняные светильники, терракотовые статуэтки Диониса и его спутников.

Перед Восточным комплексом на склоне балки в скале в позднеантичный период были вырублены две пещеры (колумбарии). Одна из них, прямоугольная в плане, соединявшаяся с другой, круглой в плане, в ее стене напротив входа обнаружено пять ниш, в потолке — небольшое квадратное отверстие (0,5 x 0,5 м).

На северо-запад вдоль склона, в 100 м от построек, в эллинистическое время возвели квадратную в плане башню размерами 10,0 x 10,0 м) с противотаранным поясом. Внутри она имела несколько помещений и, скорее всего, два этажа: около северо-восточной стены сохранились остатки лестницы.

Фрагменты вымостки во дворе, состоявшей из плит, и круглая цистерна дополняют картину, как и остатки помещений, прослеженные вокруг башни. Из керамических находок наиболее примечателен ритуальный краснолаковый кувшин с изображением животных.

На территории между башнями «Восточная» и описанной выше в различные периоды существовали хозяйственные сооружения. Свидетельством являются культурные слои с находками позднеримского времени и V—XI вв., но самые ранние — немногочисленные фрагменты черепицы и херсонесских амфор — датируются IV—III вв. до н. э. В одном из помещений, относящемся к II—III вв., сохранились остатки упавшей кровли.

Далее, между башнями также прослежены стены различных построек, но до проведения раскопок, на основании визуальных наблюдений, можно только предполагать, что они располагались вдоль балки. На равном расстоянии друг от друга были возведены башни (приблизительно в 105 м). Между ними и находились жилые и хозяйственные помещения.

Конструктивные особенности объектов позволяют с достаточной степенью вероятности считать, что на левом склоне балки Бермана в эллинистический период находился укрепленный военно-хозяйственный комплекс, подобный поселениям, существовавшим на перешейке Маячного полуострова.

В римский период площадь поселения сократилась — до 1 га.

В византийское время здесь также существовало поселение, состоявшее из домов, расположенных, как и ранее, вдоль склона балки. Однако представить, как они выглядели чрезвычайно сложно.

О разнообразии сооружений на Гераклейском полуострове свидетельствуют постройки с *сигнальной или сторожевой башней* (пример — усадьба участка 100). У главной дороги (на планах она обозначается как дорога «М»), на высоком холме над Стрелецкой бухтой находилась усадьба (размеры ее сторон 26,0 x 26,0 м). Она имела два двора (10,0 x 15,0 м и 11,5 x 26,0 м) в северо-восточной и юго-западной частях. В юго-западной стене постройки, примыкавшей к ограде надела, располагался вход на территорию усадьбу (со стороны дороги «М»). В западном углу выявлено круглое в плане помещение, которое можно интерпретировать как дозорную или сторожевую башню (диаметр ее 4,5 м). Она сохранилась на высоту одного ряда бутовой кладки. Занимая самую высокую точку над верховьем бухты, башня вполне могла служить и навигационным указателем.

В северной части усадьбы открыты остатки дома, к его восточному углу была пристроена другая башня, в плане прямоугольная с размерами сторон 4,5 x 2,5 м. (В более поздний строительный период площадь комплекса увеличена и башня оказалась внутри двора.) Центральную часть сооружения занимало помещение с подвалом, на полу которого встречены обугленные семена винограда и вики-эрвиллии и гороха (*Pisum sp.*)¹. Семена винограда по своим признакам очень близки к формам дикорастущего винограда *Vitis sylvestris Gmel* (аналогичные семена найдены при раскопках построек участка 25, расположенного в непосредственной близости. В обоих хозяйствах возделывался мелкоягодный виноград, но на усадьбе участка 25 обнаружены и переходные формы).

С северо-западной стороны к усадьбе примыкал виноградник, площадью в 2,25 плетра (метрические размеры 52,5 x 5 2,5 м). На этом участке хорошо видны плантажные стенки, выложенные параллельными рядами на расстоянии 2-х м друг от друга.

Сооружения на участке 226 можно считать *усадьбой-пиргой*. Она представляла собой дом-башню (пиргу), в которой, возможно, размещался отряд эфебов, охранявших соседние усадьбы и дорогу к святилищу в Мраморной балке.

Согласно традиции, служба эфебов проходила вне города, в деревнях, крепостях или лагерях, расположенных на границах хоры. Перед

---

¹ Николаенко Г. М., Янушевич З. В. Культурные растения... С. 26—34.

тем, как отправиться в полевой лагерь (как правило, это происходило в сентябре) юноши в полном вооружении приносили клятву верности отечеству у храма главного божества полиса — в Херсонесе у храма богини Девы (покровительницы города). Возможно, он находился на главной площади города, именно здесь была найдена Присяга — беломраморная стела с высеченными на ней словами клятвы: «Я буду единомышлен о спасении и свободе государства и граждан...».

Однако вернемся к *усадыбе—пирге*, которая, возможно, служила и святилищем Геракла — хранителя и защитника хоры. Свидетельство этого — наличие ниши с внешней стороны юго-восточной стены башни. В ней обнаружены небольшого размера (ок. 20 см) терракотовая и известняковая палицы Геракла и посвяtitельный чернолаковый канфар. Под нишей на утрамбованной земляной поверхности стоял покрытый копотью известняковый блок, служивший, скорее всего, алтарем.

В святилище приносили жертвы не только Гераклу, но и богу вина и виноделия Дионису. Во время раскопок встретилось несколько свинцовых жетонов-тессер IV—III вв. до н. э. — приношений божеству (они служили также своеобразными входными билетами в театр).

Особое назначение усадьбы подтверждается значительным количеством терракотовых изделий, в том числе фрагментом алтарика второй половины III — первой половины II в. до н. э.; статуэткой Силена III—II вв. до н. э.

Винодавильни и прессы¹

При характеристике археологической ситуации усадеб Гераклеяского полуострова, упоминались такие характерные для них находки, как детали прессов и тарапаны. Их анализ: сопоставление отдельных частей позволили восстановить конструктивные особенности винодавилен и прессов, используемых в производственном процессе².

---

¹ Раздел написан Г. М. Николаенко и Н. П. Андрущенко.

² Заслуга в сопоставлении находок принадлежит киевским архитекторам, см.: Андрущенко Н. П. Античный винодельческий пресс из Херсонеса // АСС (Киев). 2003. № 5. С. 108—109; Андрущенко Н. П., Бажанова Т. И. Реконструкция античных винодельческих прессов по сохранившимся каменным

Еще в начале XIX в. Фр. Дюбуа де Монпере упоминал площадки, входившие в состав винодельческих комплексов на плато у левого берега Стрелецкой бухты¹. Несколько виноделен, вырубленных на склонах Карантинной и Стрелецкой балок, зафиксировали Л. Н. Соловьев и М. И. Скубетов. Рядом с пригородным поселением на правом склоне Карантинной балки С. Ф. Стржелецкий обнаружил вырубленную в скале винодельню.

Кроме скальных, в различных районах хоры встречены давяльни, грубо выдолбленные в больших камнях или известняковых плитах, имевших толщину до 0,30–0,35 м). Это переносные тарапаны небольшого размера. По мнению С. Ф. Стржелецкого, они использовались для выжимания виноградного сока руками².

Переносные давяльни были найдены на теменосе укрепленного поселения на перешейке и на большей части усадеб Маячного полуострова. Есть они и на поселении в балке Бермана (участок 347). В процессе повторного исследования ранее открытых памятников удалось обнаружить «следы» ранних виноделен непосредственно на усадьбах, например, на усадьбе участка 41, расположенного на северо-западном побережье Гераклеяского полуострова (мыс Манганари). Раскопки ее в 2002–2003 гг. показали, что под плитой, лежавшей на полу бани, а также за ее пределами, имеются выдолбленные в скале небольшие резервуары с отстойником для приема сусла и углубление для пифоса. Археологическая ситуация свидетельствует о возможном существовании здесь винодельни. Наиболее ранний материал относится ко второй четверти IV в. до н. э. Вероятно, этим временем следует датировать и резервуары ранней винодельни. К настоящему времени на усадьбах городской хоры открыто 16 стационарных виноделен, работавших в III — первой половине II в. до н. э. Следует отметить, что усадьбы с винодельнями (участки №№ 26, 152, 193, 335, 347) имеют

остаткам (на примере виноделен Херсонеса Таврического) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Материалы II Судакской международной научной конференции. Ч. I. Киев; Судак, 2004. С. 7–16.

¹ Dubois de Montpereus F. Voyage autour... 1843. Т. 6. Р. 176–177.

² Стржелецкий С. Ф. Клery Херсонеса Таврического... С. 114.

идентичные планы; аналогичное устройство виноделен характерно для участков 193, 335, 347 и 357. Вероятнее всего, это были не отдельные винодельни, а винодельческие комплексы, на которых полностью осуществлялся технологический процесс изготовления вина.

Вполне возможно, что в начале эллинистической эпохи на пригородной хоре Херсонеса появились винодавильни с рычажными прессами. На большей части усадеб устраивались также бродильни и винарни. Наиболее полное представление об этом получено во время раскопок усадьбы участка 193 (раскопки 2002–2003 гг.).

Вдоль юго-западной стены комплекса (от западного угла в южном направлении) располагалась винодельня, в которой использовался рычажный пресс с воротом. В одном из помещений (его размеры по внешнему периметру 5,5 x 15,0 м) обнаружено несколько углублений в скале для установки емкостей для сока.

Башню и винодельню разделял мощный дворик, куда вел широкий проход из внешнего двора. Он примыкал к постройкам с северо-восточной и юго-восточной сторон. В северо-восточной его части у стены ограды находилось небольшое помещение, вероятно, сторожка. До ее постройки существовало несколько углублений для установки емкостей, вырубленных в скале. Углубления обнаружены и в юго-восточной части двора.

На территории двора во время раскопок собрано большое количество фрагментов лутериев, служивших вместилищами только что полученного сусла, и кувшинов, которыми черпали отстой для заполнения пифосов. Находки позволяют предполагать, что скальные углубления являлись составной частью бродильни.

Готовое вино хранили в виннице, которую устроили в полуподвальном помещении башни, где стояли пифосы (сохранились донные части), установленные в специальные гнезда, выдолбленные в скале¹.

Со временем появляются винодельни нового образца. Одна из них открыта в 2004 г. во время исследования усадьбы в балке Бермана (участок 347). В ходе расчисток раскопа К. Э. Гриневича с внешней

---

¹ Кузищин В. И. Альбом иллюстраций к отчету о раскопках усадьбы 132 в 1989 г. // Арх. НЗХТ, д. 2928/І–ІІ. Рис. 27–33.

северо-западной стороны Восточной башни открыта прямоугольная площадка размерами 2,75 x 2,35 м, ограниченная девятью хорошо отесанными известняковыми плитами (размеры 0,7 x 0,8 м), сохранившимися на высоту трех рядов. Перед установкой плит соорудили специальную (насыпную) платформу (высота ее 0,12–0,15 м). Одна из крайних плит имела выступающий наружу каменный слив, который нависал над ямой, предназначенной для установки большого чана или пифоса. Подобные конструкции ранее не встречались на ближней хоре Херсонеса. Определить время сооружения не представляется возможным, так как из-за хозяйственной деятельности XIX — начала XX в. культурные отложения оказался перемешанным. Но можно предполагать, что винодавильня появилась здесь в середине — второй трети III в. до н. э. и существовала до середины I в. до н. э.

Система защиты хоры

С середины IV в. до н. э. херсонеситы приступили к созданию на хоре защитных сооружений. Они возникли на перешейке Маячного мыса и, возможно, у порта Ктенунт, обеспечивая безопасность со стороны моря. С суши, на юго-восточной границе, земельные владения прикрывали укрепления в Хомутовой балке, на высоте Безымянная. В глубине территории в непосредственной близости от магистральных дорог располагалось укрепление в балке Бермана.

В Северо-Западном Крыму своеобразной защитой служили малые города Керкинитида и Калос Лимена, крепости Чайка, Беляус, Большой Кафель, Маслины, укрепление Кара-Тобе, Западнонузлавское городище, Кульчук, Панское I и другие (открыто более 30 подобных памятников).

Появление некоторых укреплений до проведения масштабного размежевания свидетельствует о том, что херсонеситы заботились о безопасности с тем, чтобы иметь возможность развернуть строительство на хоре. Расположив небольшие гарнизоны в крепостях, можно было использовать активные приемы защиты земель, высылая вперед сторожевые отряды, которые не только их охраняли, но и могли предотвратить угрозу. К последней четверти IV в. до н. э. относится повсеместное строительство объектов для защиты земель Гераклеяского

полуострова. В Северо-Западном Крыму подобную роль выполняли отдельно стоящие на побережье усадьбы с башнями.

Фортификационные сооружения на хоре удачно вписаны в рельеф местности. Большая часть поселений и усадеб находятся либо на берегах бухт и заливов, либо в непосредственной близости от моря. В глубине хоры строения расположены на мысах и водоразделах. Постройки, как правило, возведены вдоль гребня балок, а отдельно стоящие усадьбы — на наиболее высоких точках водораздельных холмов.

Примером сочетания рельефа местности и поселения является укрепление на гребне перешейка Маячного полуострова — доминирующей высоте в западной части Гераклеяского полуострова. Отсюда хорошо просматривается все плато до мыса Фиолент, Каранских высот и Сапун-горы. Возвышаясь над гаванью в Казачьей бухте, оно контролировало ситуацию в приморской части западного района хоры, там, где береговое течение меняло направление и сходились пути каботажного и прямого плавания. Очевидно, это обстоятельство и заставило фортификаторов приспособить крепость для круговой обороны, создав через весь перешеек двойную линию стен длиной около 900 м с башнями.

Фактически все укрепленные поселения херсонеситов, как и отдельно стоящие усадьбы, контролировали сельскохозяйственную округу. С. Ю. Сапрыкин видит в такой системе расселения нечто подобное административно-хозяйственным округам, центры которых располагались в крупных укрепленных поселениях. Разделяя эту точку зрения, А. Н. Щеглов полагает, что такими центрами могли быть Керкинитида, крепость Чайка, укрепление Кара-Тобе, Калос Лимена, Беляус, Западнодонузлавское городище, Кульчук, Большой Кафель, Панское I и Маслины¹. Вполне возможно, что в таких крепостях сосредотачивалась та часть херсонеситов, которые не только обрабатывали, но и охраняли земельные владения полиса. Возведение укреплений было подчинено следующим тактическим задачам: охрана виноградников и хлебных полей, защита гаваней, а также жителей и имущества отдельных населенных пунктов от грабежей и набегов соседей-варваров.

---

¹ Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика и культура. М., 1990. С. 328.

Организация хоры

Ранняя хора: Конец V — первая половина IV в. до н. э.

Берега многочисленных бухт, склоны балок, защищенные от холодных ветров, и плодородные долины Юго-Западного региона были обитаемы задолго до основания Херсонеса и организации его хоры на плато Гераклеийского полуострова. Археологические материалы свидетельствуют о том, что от конца IX — VIII вв. до н. э. до начала второй половины I тыс. до н. э. полуостров был заселен носителями кизил-кобинской культуры¹.

Как свидетельствуют артефакты, последняя четверть VI — первая половина IV в. до н. э. — время сосуществования греческих и туземных поселений на Гераклеийском полуострове и активного внедрения переселенцев-эллинов на территорию прилегающих долин. Интенсивное освоение близлежащих земель началось сразу же после основания Херсонеса. Свидетельством является керамика конца V — первой половины IV в. до н. э., обнаруженная на туземных поселениях.

Одно из самых интересных поселений открыто на юго-востоке Гераклеийского полуострова, в верховье Сарандинакиной балки. Оно возникло на месте более раннего. При раскопках обнаружены следы построек, очевидно, жилищ, несколько хозяйственных ям. В двух из них, кроме обломков лепной керамики, характерной для кизил-кобинской культуры, обнаружены фрагменты хиосской амфоры, ионийской и аттической столовой посуды конца V — первой половины IV в. до н. э. Наиболее примечательной находкой стало парное погребение мужчины и женщины (25 и 20 лет), выявленное в заполнении одной из ям на глубине 1,5 м от поверхности. В изголовье мужчины лежал скелет небольшой собаки; у тазовых частей скелета женского захоронения — комков охристой глины. В этой же яме на глубине 0,9–1,0 м от поверхности найден еще один осто́в собаки².

---

¹ Савеля О. Я. Археологические материалы к истории Гераклеийского полуострова доколонизационного периода // ХСб. 1996. Вып. 7. С. 13–18. (О повторном анализе материалов раскопок, предпринятом В. М. Зубарем, см. в предыдущем очерке).

² Савеля О. Я. Некоторые результаты работ Севастопольской археологической экспедиции в округе Херсонеса в 1990–1995 гг. // ХСб. 1997. Вып. 8. С. 88–89.

В округе Гераклеийского полуострова — в Балаклавской, Инкерманской и Бельбекской долинах — также известно несколько поселений 1 тыс. до н. э., при раскопках которых встречены фрагменты сосудов архаического, классического и раннеэллинистического периодов. Это время можно отнести к периоду формирования строительно-планировочной структуры земледельческой округи, поиска сельскохозяйственных культур, возделывание которых стало бы прибыльным, и становления виноградарства, как монокультуры.

На землях вблизи оборонительных стен города находились поселения, возникновение которых можно отнести к начальному этапу освоения хоры херсонеситами.

Одно из них, частично раскопанное С. Ф. Стржелецким в 1939 г., располагалось над верховьем Карантинной бухты (участки 107–108)¹. Кроме остатков зданий здесь встретилось значительное количество черепицы синопского и херсонесского производства позднеклассического — раннеэллинистического времени. Отдельные находки датируются первой половиной IV в. до н. э. (Фрагмент краснофигурного кратера и обломок ионийского сосуда, украшенного параллельными красными полосками)².

К востоку от поселения выявлено 6 погребений³. Найденный в одном из них амфориск, покрытый белой глиной (ангоб) и украшенный ленточным орнаментом, который выполнен красной краской, позволяет говорить, что захоронение было совершено в классического периода.

Синхронное поселение располагалось на правом берегу Стрелецкой бухты, где в культурном слое значительной мощности (0,70 м), Л. Н. Соловьев выявил фрагменты ионийских сосудов с красными полосками⁴. При раскопках северной части поселения обнаружены скальные выемки, перекрытые строительными остатками более позднего

---

¹ Николаенко Г. М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV—III вв. до н. э. Севастополь, 1999. Ч. 1. С. 27–28.

² Стржелецкий С. Ф. Клery Херсонеса Таврического... С. 54–58.

³ Там же. С. 58–62.

⁴ Николаенко Г. М. Хора Херсонеса Таврического. Ч. 1. С. 18.

времени. В заполнении выемок найден череп, фрагменты позвоночника и других костей. Эти выемки, скорее всего, являются погребальными ямами могильника, предшествующего строительству сельской усадьбы. Аналогичный ранний могильник с характерной зольно-угольной прослойкой открыт на северном берегу Херсонеса¹. В классический период часть его была перекрыта стенами домов поселения². Самой ранней находкой является клейменная фасосская черепица магистрата Аристомена (80-е гг. IV в. до н. э.).

Постройка этого же времени обнаружены на участке 100а в верховье Стрелецкой бухты³. Здесь также встретились фрагменты греческой привозной тары V — первой половины IV в. до н. э.

В 2003—2004 гг. на участке, расположенном в верховье бухты Омеги открыта небольшая усадьба. Судя по материалу, она существовала в течение непродолжительного времени (не более 100 лет) со второй четверти IV в. до н. э. Для первого периода функционирования характерны находки фрагментов афинских чернолаковых киликов и ранних амфор Гераклеи, Фасоса.

В верховье Казачьей бухты работами Гераклеийской экспедиции Херсонесского заповедника (1993—2004) в северной (жилой) части поселения, расположенного на перешейке Маячного полуострова, открыто несколько зданий на верхних террасах у северной границы и теменос на нижней террасе. Большая часть материала относится к последней четверти IV — II в. до н. э. Но значительное количество его датируется первой половиной IV в. до н. э. Это фрагменты краснофигурного кратера с меандром, гераклеийской черепицы и чернолаковых сосудов аттического производства.

Известны памятники раннего периода и в южной части Гераклеийского полуострова, изрезанной глубокими извилистыми балками, ложе и склоны которых изобилуют источниками пресной воды.

---

¹ Стржелецкий С. Ф. Раскопки 1939 г. у Карантина вблизи Херсонеса Таврического // ХСб. 1948. Вып. 4. С. 70—73.

² Николаенко Г. М. Хора Херсонеса Таврического. Ч. 1. С. 26—27. Рис. 18.

³ Там же. С. 22; Она же. Хора Херсонеса Таврического. Ч. 2. С. 58.

Находки керамических изделий классического периода (в том числе, фрагмента большого краснофигурного кратера)¹ характерны для поселения, расположенного в устье балки Бермана (участок 347). Они свидетельствуют о том, что и этот район входил в состав ранней хоры Херсонеса.

Около поселений и сельских усадеб раннего периода удалось зафиксировать следы первоначальной размежевки.

С северо-западной и юго-западной сторон к пригородному поселению в верховье Карантинной бухты примыкала сеть небольших участков. Примерные размеры их: 2; 4; 8; 12 плетров (при условии, что плетр, как единица площади, равен квадрату сотни египетских футов — 1225 кв. м)².

К стенам домов поселения у Стрелецкой бухты примыкали ограды виноградников (?). Следы раннего размежевания видны также на некотором удалении от поселения — на водоразделе между правым берегом Стрелецкой бухты и левым склоном Песочной балки. Они теряются у левого, довольно крутого склона восточного рукава Стрелецкой балки (участки 97 и 103), где имеются выходы гончарной глины.

В северо-западном приморском районе можно выделить еще один район первоначальной размежевки: на левом склоне оконечности бухты Омега. Здесь в 1991—1992 и 2002—2005 гг. вскрыты участки древней дороги между бухтами Стрелецкой и Камышевой.

Раскопки придорожного святилища второй половины IV в. до н. э. на участке № 53а Маячного полуострова, показали, что при последующем межевании или переделе земель некоторые дороги ранней хоры были уничтожены, а на их месте появились «толстые стены», разделявшие земельные участки³. Такие стены до сих пор существуют не только на Маячном, но и на соседнем с ним полуострове Срединном и далее к северу, на водоразделе между бухтами Камышевой и Омегой.

---

¹ Гриневич К. Э. Гераклеяская экспедиция государственного Херсонесского музея под руководством К. Э. Гриневич при участии Н. И. Репникова и Е. В. Веймарна. Отчет о раскопках 1928 г. // Арх. НЗХТ, д. 275, л. 14.

² Николаенко Г. М. Хора Херсонеса Таврического. Ч. I. С. 28. Рис. 19.

³ Николаенко Г. М. Исследования на Маячном полуострове. 1993—1995 гг. // ХСб. 1997. Вып. 8. С. 75—80.

Наземная разведка в южной части Гераклеяского полуострова подтвердила данные аэрофотосъемки о том, что этот район был разделен на небольшие участки¹, подобно пригородной территории. Находки гераклеяской и синопской клейменной черепицы 60—50-х гг. IV в. до н. э. на укрепленном комплексе в балке Бермана (хронологическое определение клейм принадлежит В. И. Кацу) позволяют предполагать, что первоначальное размежевание этих участков произведено в первой половине — второй четверти IV в. до н. э. При первоначальном размежевании были использованы базовые линии, роль которых выполняли магистральные дороги, связывавшие ранние поселения с Херсонесом.

Межевание IV в. до н. э. В середине IV в. до н. э. херсонеситы приступили к реализации системного плана организации земель хоры, согласно модели, представляющей сочетание размежеванных и не размежеванных участков.

Участки ранней хоры были органично «вписаны» в новую размежевку с сохранением некоторых дорог, игравших на протяжении столетий большую роль в жизни населения хоры².

На основании принципов, примененных на Гераклеяском полуострове, была размежевана значительная часть остальных земель хоры Херсонесского государства.

Возможно, что межеванию подверглись земли, расположенные на водоразделе между Северной стороной Севастопольской бухты и р. Бельбек. Такое предположение сделано на основании анализа аэрофотоснимков и разведок 1997 г.

При осмотре указанной территории осенью 1997 г. обнаружены остатки древних межей виноградников, расположенных на пологих склонах с восточной стороны Братского кладбища и между ним и Северным укреплением, на западной стороне. Направление межевых стен-оград совпадает с направлением осевых дорог на Гераклеяском полуострове³.

---

¹ Николаенко Г. М. Хора Херсонеса Таврического. Ч. 1. С. 30, 64. Рис. 55.

² Там же. С. 33—44.

³ Николаенко Г. М. Хора Херсонеса Таврического. Ч. 1. С. 41—43. Рис. 27.1—27.2, 28.

На территории Северной стороны Севастополя площадь размежеванного пространства могла составлять от 40000 до 50000 плетров.

Участки размежевки, лежащие к северу от р. Бельбек, проследил Л. А. Моисеев. Подтверждая соответствие плана 1786 г. с сохранившейся ситуацией, он писал: «В особенности это можно сказать в отношении этих разделов на участки, простирающиеся и севернее Севастополя, на площади водораздела Альмы и Качи, ближе к морю»¹ (Площадь территории от 40000 до 50000 плетров.)

Еще в конце XIX в. **остатки размежевки в данном районе были зафиксированы** геодезической съемкой колл. асс. Чулкина в виде сетки прямых линий длиной от 1-го до 4-х км, пересекающихся по осям сс-в—юю-з и сз-з—юв-в и образующих квадраты и прямоугольники площадью в 54,4; 36,2; 26; 17,4 га². Они могли состоять из 12, 8, 6 и 4 участков размерами в 36 плетров.

Далее следы размежевки фиксируются в окрестностях Керкинитиды. Предположительно, округа города была разделена на 70—120 участков³. По мнению В. А. Кутайсова, каждый надел мог достигать 4,55 га (36 плетров)⁴.

Следующие участки земель, сохранившие следы сплошного межевания, расположены на побережье между Керкинитидой и Калос Лименом⁵. Одним из таких районов является прибрежная территория между оз. Кизил-яр и Донузлавом площадью ок. 10000 га. Она была размежевана на участки квадратной формы примерно в 10 га, что составляло 2 и 1/4 модуля площади (36 плетров). Другой массив общей площадью ок. 5000—6000 га располагался вдоль побережья от Южнодонузлавского городища до мыса Ойрат: участки в виде квадратов

---

¹ Моисеев Л. А. Следы ирригации... С. 116.

² Колтухов С. Г., Зубарь В. М., Мыц В. Л. Новый район хоры Херсонеса в эллинистический период // Археология. 1992. № 22. С. 92. Рис. 1 (на укр. яз.).

³ Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым... С. 95. Рис. 51.

⁴ Кутайсов В. А. Античный город Керкинитиды... С. 150.

⁵ Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым... С. 84, 95.

со стороной 315 м (1,5 стадия. — Г. Н.), площадью 9,9 га¹, что соответствует 2 и 1/4 модуля площади 36 плетров.

Здесь имелись также участки, расположенные вне блока сплошной размежевки: у Южнодонузлавского поселения и Окуневки I по одному участку площадью 17,6 га — 4 модуля по 36 плетров; у Кульчукского городища один участок площадью 35,2 га — 8 модулей по 36 плетров; возле поселения Аирчи один участок площадью 53 га — 12 модулей по 36 плетров; у мыса Ойрат один участок площадью 13,2 га — 3 модуля по 36 плетров.

За этим блоком следует еще один, выявленный в западной части Тарханкутского полуострова, между Караджинским городищем и Калос Лименом. Примерно 10000 га размежевано на 950—1000 участков, каждый в среднем площадью в 10,5 га, что составляет 2,5 модуля площадью по 36 плетров. Показательна размежевка у Тарханкутского маяка, отраженная на аэрофотоснимках 1917 г.² Анализ материалов позволяет полагать, что здесь располагались строения, дороги между участками различного вида: широкие — магистральные, узкие — межевые. От оз. Кизил-Яр до хоры Калос Лимена, включительно, участки в блоках имеют близкую величину: 8,8—10,5 га. Некоторые из них — от 17 до 53 га.

Следующий блок размежеванных земель — это хора Калос Лимена³. Около 400 га было разделено сетью пересекающихся под прямым углом дорог примерно на 45—50 прямоугольных участков средней площадью 8,8 га — 2 модуля (36 плетров).

Севернее Калос Лимена, на площади 5000—6000 га, между поселением Панское I и Маслинами, выявлен еще один блок сплошной размежевки⁴; он составляет 41000—49000 плетров; три блока по 41000—49000 плетров зафиксированы в междуречье Качи и Альмы, от Южнодонузлавского городища до мыса Ойрат и на территории от поселения Панское I до Маслин.

---

¹ Chtcheglov A. Polis et chora. Cite et territoire dans le Pont-Euxin. P., 1992. P. 254, 256.

² См.: Арх. НЗХТ, ф. Л. А. Моисеева, д. 1579.

³ Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым... С. 87.

⁴ Chtcheglov A. Polis et chora... P. 287.

Выявленные в ходе раскопок и разведок материалы свидетельствуют, что в третьей четверти IV в. до н. э. примерно половина земель полиса представляла собой систему участков, межевание которых произведено с использованием единого модуля и его долей, что позволяло при распределении земли и последующих переделах создавать участки любой заданной величины¹.

Херсонесские земли простирались до Джарылгачского залива, гранича с хорой Ольвии², и на северо-западном побережье имели «прочие укрепления» Присяги между массивами размежеванных земель: в Евпаторийско-Сакском районе — крепости-городища Кара-Тобе, Чайка, Аирчи, Южнодонузлавское; на Тарханкутском полуострове — Беляус, Кульчук, Караджинское городище, Тарпанчи, Джан-Баба, Калос Лимена, Панское, Маслины и др. В целом, большая часть известных крепостей, поселений и укрепленных усадеб херсонесской хоры компактно располагалась на морском побережье от Гераклейского полуострова на юго-западе до Сивашского залива на северо-западе Крыма. Общая площадь «всей подвластной Херсонесу и управляемой им страны», по определению А. Н. Щеглова приближалась к 80 тыс. га³. Из них площадь ближней хоры Херсонеса могла составлять около 20–24 тыс. га. Основная их часть — земли городской хоры на плато Гераклейского полуострова — 12 тыс. га. Из них более 10 тыс. га было размежевано на наделы.

Аналогичная картина наблюдается и в Северо-Западном Крыму: городские земли непосредственно Керкинитиды и Калос Лимена выделены из общего массива земель размежевкой, начинающейся от стен города и огражденной валом или бутовой стеной.

Большая часть туземных поселений выявлена по линии границ хоры и между массивами размежеванных земель как в Северо-Западном Крыму, так и на ближней хоре полиса. На Гераклейском полуострове в эллинистический период в размежеванной зоне «варвары» обитали, по крайней мере, в трех крупных поселениях: на западном берегу

---

¹ Николаенко Г. М. Хора Херсонеса. Ч. 1. С. 33–36. Рис. 23.1, 23.2.

² Буйских С. Б. Некоторые вопросы пространственно-культурного развития ольвийской хоры // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 21.

³ Cheglov A. Polis et chora. P. 250.

Камышевой бухты, на западном склоне Лагерной балки, на высоте Безымянной. Естественно вблизи находились могильники. Например, Шверинский курган на западной стороне Стрелецкой бухты, целая группа курганов в верховье Верхне-Юхариной балки и могильник на границе размежеванной зоны, на гребне Караньских высот.

Туземное население могло жить и непосредственно в херсонесских укреплениях¹. Примером могут служить укрепление на перешейке Маячного полуострова на городской хоре Херсонеса; укрепление Чайка и поселение Маяк рядом с городскими землями Керкинитиды или Панское I, возникшее в непосредственной близости от городской хоры Калос Лимена.

Таким образом, на всей херсонесской хоре между размежеванными участками были расположены «варварские» поселения, жители которых обрабатывали земли, принадлежащие херсонесской общине². С появлением греческих колонистов местное население не было изгнано, частично оно сохранилось в «подвластной херсонеситам стране». Зона контактов с аборигенным населением Юго-Западного и степного Крыма была за ее пределами и, скорее всего, являлась торжищем, подобным Елизаветинскому.

Этот процесс характерен и для других причерноморских колоний, например, для Ольвии, сельские поселения которой компактно размещались на побережье Бугского, Днепровского и Березанского лиманов³.

Категории земель

Эпиграфические источники позволяют полагать, что на хоре существовало несколько категорий земель: земля, отведенная под основные наделы граждан; «остальная» земля, доход от эксплуатации которой,

---

¹ Данный тезис требует основательных доказательств археологическими свидетельствами. Поскольку в силу краткости раздела, они не представлены, на данной стадии обобщения материалов это можно считать гипотезой.

² Относительно неоднозначности мнений о характере эксплуатации и принадлежности поселений см. в первой части очерка о земледелии.

³ Буйских С. Б. Некоторые вопросы... С. 16.

скорее всего, использовался в целом на нужды гражданской общины. Из этого фонда могли выделяться наделы для новых поселенцев¹.

Одним из возможных признаков принадлежности владения частным лицам, если учитывать территорию Гераклеийского полуострова, является наличие на одном участке площадью в 26,4 га или 17,6 га двух или трех усадеб. На Маячного полуострове участки в 17,6 га, как правило, имеют по 2 усадьбы. Такая картина характерна и для остальной части полуострова. На участках площадью в 26,4 га зафиксировано по 2–3 усадьбы. Следует отметить, что значительная часть комплексов сконцентрирована в восточной части размежеванной территории, в окружении поселений, на водоразделах между балками Стрелецкой, Карантинной, Сарандинакиной, Верхне-Юхариной и Бермана. Еще Фр. Дюбуа де Монпере отметил на плане на значительном числе участков на водоразделах между Карантинной, Лагерной и Сарандинакиной балками по две, три и даже четыре усадьбы².

Следовательно, возможна гипотеза: наличие 2–3-х усадеб на одном участке — свидетельство его принадлежности не одному, а нескольким гражданам. Приблизительные расчеты показывают, что в таком случае на каждую усадьбу приходилось 7–9 участков земли площадью в 36 плетров (4,4 га).

На некоторых участках Гераклеийского полуострова не обнаружено каких-либо строений. К таковым относятся участки, расположенные в прибрежном юго-западном районе, равнинном месте с крутыми берегами. Здесь на приморской полосе между поперечными дорогами «IX»–«XIV» и продольной дорогой «F» строения эллинистического периода не известны. Очевидно, эта территория площадью более пяти с половиной тысяч плетров, что составляет 6,5% от общего количества размежеванных земель, первоначально составляла запасной земельный фонд — запас уже нарезанных участков (но, возможно, еще не распределенных).

---

¹ Яйленко В. П. Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. М., 1982. С. 170.

² Николаенко Г. М. Херсонес Таврический и его хора // ВДИ. 1999. № 1. С. 107–120.

На хоре среди общественных земель существовали священные участки. Доказательством этого могут служить декреты, в которых упоминаются казначеи священных сумм¹. Обычно священные участки составляли государственное достояние и сдавались в аренду². Вполне возможно, что городская казна пополнялась за счет доходов от сдачи в аренду храмовых земель. В Херсонесском полисе, как и в других государствах, священные участки, скорее всего, занимали десятую часть всего земельного фонда³. Они могли быть «вкраплены» в частновладельческие и в территории поселений и укреплений. С большой долей вероятности можно судить, что часть храмовых земель располагалась на Маячном полуострове, где находилось святилище Девы⁴. Находки на значительной части усадеб участков Маячного полуострова представлены немногочисленными фрагментами тарной керамики и значительным числом обломков от чернолаковых сосудов, в основном, киликов и канфаров, арибалов, а также солонок и рыбных блюд. Среди них имелись также чернолаковые светильники и миниатюрные терракотовые жертвенники⁵. Если на гераклейских усадьбах преобладает тарная керамика, а покрытая черным лаком составляет всего 3–4% от общего количества, то на Маячном полуострове картина противоположная.

В связи с прозвучавшим выше тезисом о святилище Девы, следует отметить сооружение на участке 53а — небольшую постройку бутовой кладки. Особенности планировки: ямы, вырубленные в углах большого помещения и с внешних сторон здания, а также находки — монеты, канфары, светильники, среди которых есть и чернолаковые, позволяют предположить ритуальное назначение сооружения. Возможно, оно

---

¹ Latyshev B. IosPE I². №№ 408, 412.

² Яйленко В. П. Греческая колонизация... С. 191, 243.

³ По Фукидиду (III, 50, 2), десятая часть земель — это священные участки.

⁴ Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н. Образование территориального Херсонесского государства. С. 317–318.

⁵ Печенкин Н. М. Археологические разведки в местности Страбоновского старого Херсонеса // ИАК. 1911. Вып. 42. С. 112 и след.

являлось построенным во второй половине IV в. до н. э. на территории виноградного питомника придорожным святилищем¹.

Исследования укрепленного поселения на перешейке Маячного полуострова показали, что северная приморская часть поселения была плотно заселена. Дома были построены на террасах, спускавшихся к берегу Казачьей бухты. Жители поселения, по всей видимости, обслуживали порт, а также маяк на крайней западной точке мыса, к которому вела дорога, начинавшаяся у берега и проходившая в 150 м к северо-востоку от северной стены поселения².

На нижней террасе находился священный участок. Здесь на открытой площадке был устроен алтарь. Возле него найдены многочисленные фрагменты терракотовых статуэток, алтариков и терракотовый медальон с изображением Геракла и Омфалы.

В центре двора, окруженного по периметру галереей, крытой крашеной гераклеийской черепицей, находился алтарь. Вблизи от него был вырыт колодец и размещена винодавильная площадка, имевшая, скорее всего, ритуальное назначение. Возле алтаря, винодавильной площадки и в водосточных каналах, проложенных от алтаря по направлению к улице, найдено большое количество фрагментов чернолаковых кубков, канфаров и киликов. Возможно, здесь совершались празднества в честь Диониса, богини Девы, Геракла, защитника и покровителя Херсонесского государства. Именно обособленность застройки Маячного полуострова позволяет выдвинуть гипотезу, что здесь находились святилища Девы, Диониса, Геракла, а земли, размежеванные на его плато, являлись священными участками.

К разряду «остальных» на размежеванной территории, вероятно, следует отнести земельный фонд, на котором обнаружены поселения. Очевидно, при размежевании границы поселений отмечались специальными знаками-хоросами — каменными столбами в виде прямоугольной стелы. Два таких знака встречено на укрепленных комплексах в балке Бермана и на высоте Безымянной. Возможно, поселения располагались

---

¹ Николаенко Г. М. Исследования на Маячном... С. 76—77. (Тезис о наличии питомника встретил резкую критику В. М. Зубаря, см. об этом выше).

² Николаенко Г. М. Исследования на Маячном... С. 80—82.

между участками земли, принадлежавшими группе граждан или филе. Границы таких земель могли быть маркированы осевыми дорогами, дорогами между поселениями, источниками и бухтами.

Все поселения, вне всякого сомнения, были связаны между собой дорогами. Гипотетически восстановить, как они пролегали, позволяет рельеф местности.

Для того чтобы нагляднее представить протяженность дорог, остановим внимание на некоторых цифрах. Расстояние от Херсонеса до ближних поселений в верховье Карантинной бухты и на мысу между бухтами Песочной и Стрелецкой составляет 2500—3000 м (12—15 стадий); до границы земель, где на поселениях встречен раннеэллинистический, в том числе херсонесский, материал — 20000—22000 м (100—110 стадий).

Обнаружение в устье р. Бельбек остатков керамического производства (раскопки Н. М. Печенкина, 1903) свидетельствуют о том, что район являлся ремесленной зоной на пригородных землях Херсонеса.

Далее на север лежит водораздел между Бельбеком и Качей шириной около 5 км. Памятники эллинистического периода к настоящему времени здесь не выявлены. (Этот район еще мало исследован).

На следующем водоразделе между Качей и Альмой прослежены следы двух раннеэллинистических поселений. Одно из них — поселение Вилино, расположенное на правом берегу р. Альмы. Судя по находкам, оно возникло в последние десятилетия IV—III вв. до н. э. и существовало до II в. до н. э. В 3,5 км на северо-восток от поселения Вилино отмечены следы другого поселения этого же времени¹.

Оба поселения находятся в районе размежевки, зафиксированной в начале XX в. колл. асс. Чуклиным и Л. А. Моисеевым. По мнению С. Б. Ланцова, здесь на берегу моря могло существовать городище или даже крепость, откуда шло освоение прибрежных территорий Северо-Западного Крыма².

Далее на северо-западном побережье известны «прочие укрепления» Присяги, располагавшиеся между массивами размежеванных земель.

---

¹ Колтухов С. Г., Зубарь В. М., Мыц В. Л. Новый район хоры... С. 85—94.

² Ланцов С. Ю. Западный Крым в составе Херсонесского государства: Автореф. дис. ... канд. ист. наук, 1991. С. 103, 105—106; ср.: Колтухов С. Г., Зубарь В. М., Мыц В. Л. Новый район хоры... С. 85—94. С. 92.

Археологическая ситуация начала кризиса

Прекрасно организованная территория хоры вскоре теряет свою целостность. В первой половине III в. до н. э. в результате затяжной войны со скифами Херсонес утратил земельные владения в Северо-Западном Крыму. Следы пожаров выявлены и на ближней хоре. О том, что внешнеполитическая обстановка была беспокойной, свидетельствует сокрытие кладов с херсонесскими монетами 330—290 гг. до н. э. Несколько таких кладов найдено у магистральных дорог, вблизи портов в верховье Камышевой бухты, вблизи «большой херсонесской дороги»; у верховья Южной бухты. В состав поздних кладов входили херсонесские монеты — выпуск 330—230 гг. до н. э. (находки в верховьях Камышевой и у Стрелецкой бухт, неподалеку от «большой херсонесской дороги»)¹.

Со второй четверти III в. до н. э. начинается постепенный спад виноделия, пик которого пришелся на третью четверть III в. до н. э. Изменения сказались на керамическом производстве: уменьшилось изготовление клейменной тары.

К последней четверти III в. до н. э. обстановка в Таврики временно стабилизировалась и обитатели ближней хоры смогли вернуться к прежней деятельности. В этот период на укрепленных усадьбах, по-прежнему, функционировали большие стационарные винодельни, предназначенные для обработки урожая с нескольких земельных участков.

Археологическая ситуация свидетельствует, что товарное производство вина продолжалось приблизительно до середины II в. до н. э.; позднее начинался упадок не только производства вина, но и в целом жизнедеятельности на ближней хоре. Тревожные времена заставили херсонеситов вновь прятать накопления: монетные клады обнаружены около порта в Южной бухте и на юго-западной границе размежеванной территории.

Начиная со второй четверти II в. до н. э. происходит постепенное отмирание когда-то совершенной системы земледелия, а вместе с ней — постепенное запустение некоторых хозяйств. Виноград пере-

---

¹ В одной из работ оппонент Г. М. Николаенко В. М. Зубарь заметил, что датировка кладов требует уточнения.

стает быть ведущей культурой. На усадьбах упраздняются стационарные винодавильные комплексы.

Для первых веков н. э. раскопки выявили перепланировку полей, произведенную под злаковые культуры, и наличие могильников на территории эллинистических виноградников.

Хора Херсонеса в римский период

Вопросы пространственной организации и эксплуатации земельного фонда Херсонеса в римский период требуют специального изучения; до сих пор этому аспекту уделялось незначительное внимание¹. Однако интенсивное исследование памятников Гераклеийского полуострова последних десятилетий XX — начала XXI столетия все же позволяет восполнить пробел относительно пространственной организации ближней хоры на рубеже тысячелетий и в первые века н. э.

Хронологическая непрерывность артефактов, накопленных в ходе раскопок, свидетельствует о том, что жизнь на ближней хоре возобновилась после окончания войны со скифами. Но обстановка в регионе в первые годы после ее окончания оставалась нестабильной, поэтому, чтобы сохранить земли ближней хоры в прежних границах, херсонеситы начинают активную деятельность по восстановлению земельного фонда и организации безопасности округа. Непосредственные данные об этом содержат эпитафические памятники.

В надписи конца I в. до н. э. (IosPE, I², 419) говорится о каком-то гражданине, «стоящего во главе вспомогательного отряда, посланного к царю Полемону, за (счастливое) предводительство». Это свидетельство военно-политических связей Херсонеса с Боспорским царством.

---

¹ См.: Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического... С.131—137; Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981. С. 22—31; Николаенко Г. М. Херсонесская хора в I в. до н. э. — IV в. н. э.: По материалам Гераклеийского полуострова // Античные древности Северного Причерноморья. Киев, 1988. С. 203—211; Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху: Экономика и социальные отношения. Киев, 1993. С. 33—37, 54—55, 77—79; Он же. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев, 1994. С. 26—34.

В другой надписи рубежа нашей эры (IosPE, I², 355) сказано о гражданине, который, будучи избранным эпимелетом (распорядителем всех государственных доходов), предпринял ряд экстренных мер по защите от скифов, позаботился о безопасности хоры и обеспечению города продовольствием.

Несколькими десятилетиями позднее вновь возникла угроза со стороны соседей варваров. Об этом свидетельствует фрагмент надписи (IosPE, I², 369), скорее всего, относящейся к середине I в. н. э. По мнению Э. И. Соломоник, в ней могла быть описана религиозная церемония за пределами города, чем воспользовались варвары для нападения. Некто, налетев с большим войском, которое состояло из скифов, савроматов и, возможно, их союзников тавров», устроил пожары на хоре». Далее речь идет о мерах, очевидно, на хоре, которые предпринял некто-то, явившийся на двенадцатый день со стороны херсонеситов, и о переговорах со скифским царем по поводу мирного урегулирования отношений¹.

Как можно видеть, в декретах полиса отражена забота о защите хоры, так как именно она в первую очередь подвергалась нападению неприятеля, вторжение которого угрожало утратой земель — продовольственной базы граждан. О стремлении организовать защиту близлежащих земель свидетельствуют и археологические данные.

Еще в эллинистический период на размежеванной части хоры были расположены укрепленные поселения. Некоторые из них сохранили значение и продолжали существовать в римское время. Это укрепления в балке Бермана, Хомутовой и на высоте Безымянной, которые, как представляется, выполняли не только земледельческие, но и охранные функции. Укрепление в верховье Хомутовой балки, вероятнее всего, охраняло водные источники и земельные участки в юго-восточной части Гераклейского полуострова. Таковым же являлось укрепленное поселение в балке Бермана.

Укрепление на высоте Безымянной, расположенное на южной границе размежеванной части хоры — это сторожевой пост, защищавший

---

¹ Соломоник Э. И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984. С. 9–10. (Мнения относительно некоторых памятников, отражающих «варварскую опасность», см.: Виноградов Ю. Г. Херсонесский декрет о «несении Диониса» IosPE I² 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3. С. 104–124).

пограничные земельные участки и магистральную дорогу из Херсонеса в Балаклаву, продолжающуюся далее к югобережным поселениям.

Как показали исследования Н. М. Соловьева¹, О. Я. Савели² и А. А. Филиппенко³, в восточной части Гераклеийского полуострова в районе Килен-балки, а также балок Сушильной, Воловьев, Каменоломенной, Чертовой, Микрюковой, на высотах Суздальской и Казацкой в первые века нашей эры располагались укрепления и сторожевые посты, контролировавшие магистральные дороги, связывавшие Херсонес с юго-восточным регионом Крыма.

Возможно, на рубеже и в первые века н. э. продолжала существовать крепость, построенная полководцем Диофантом в конце войны со скифами. Страбон сообщал, что место, на котором располагалась крепость, представляло собой «мыс приблизительно в 15 стадиях от стены херсонесцев, образующий значительной величины залив, обращенный к городу» (Страбон. VII, 4, 7). Таким заливом могла быть только нынешняя Севастопольская бухта, устье которой обращено в сторону северо-восточной оборонительной стены Херсонеса, а мысом — на мыс Северной косы, на котором стоит в настоящее время Константиновский равелин⁴. Если плыть из Карантинной бухты к лагуне у перешейка Константиновского мыса, то расстояние составит 12—15 стадий (около трех километров).

Археологическим подтверждением гипотезы может служить обнаруженный в 1948 г. обширный могильник римского периода в устье балки, выходящей к лагуне. В связи с находкой надгробия легионера было высказано предположение о наличии здесь (на Константиновском мысу) римского военного поста⁵.

---

¹ Соловьев Л. Н. Дневники разведок 1922—1927 гг. // Арх. НЗХТ, д. 1386 (1924), л. 100—104.

² Савеля О. Я. Некоторые результаты работ... С. 91.

³ Филиппенко А. А. Строительные керамические материалы с пунктов дислокации римских войск в Кадыковке и на высоте Казацкой // ХСб. 1998. Вып. 9. С. 110—117.

⁴ Ср.: Бертъе-Делагард А. Л. О Херсонесе // ИАК. 1907. Вып. 21. С. 177—207.

⁵ Стржелецкий С. Ф. Основные этапы экономического развития... С. 81.

Археологические исследования не выявили принципиальных изменений в системе организации земельного фонда в первые века н. э. в сравнении с эллинистическим периодом. Отчасти это можно объяснить близостью методов размежевки земель в IV в. до н. э. и традиций, распространенных позднее в пределах Римской империи, что обусловило сохранение четкого плана организации городского и сельского пространства, созданный землемерами Эллады.

Вместе с тем, появляется и новое. Например, многие продольные дороги сужаются до размера поперечных, так как вдоль оград наделов, которые в эллинистический период служили одновременно и оградами дорог, со стороны дорожного полотна прокладывается еще одна линия бутовой кладки (средняя ширина ок. 1,0 м). В результате выделены магистральные и второстепенные дороги. Землемеры оставили только несколько узловых транспортных артерий, как продольных, так и поперечных. Остальные превратились либо в межевые, либо внутрипоселенческие.

На территории ближней хоры ширина дорожного полотна второстепенных дорог стала составлять 3,0 м (10 римских футов); ширина магистральных дорог — 5,0—6,0 м (17—20 футов). Так было претворено в жизнь стремление свести размеры дорожного полотна (проезжей части дорог) к единой системе мер, существовавшей в римский период.

Многолетние исследования на хоре свидетельствуют, что многие виноградники в первые века были заброшены. На некоторых из них появились захоронения. Например, на территории между бухтами Омегой и Камышевой (площадь ее около 200 га) в эллинистический период располагалось 8 земельных участков, густо покрытых виноградниками; в первые века н. э. в междурядьях совершались захоронения. По данным аэросъемки, подтвержденной раскопками, погребения римского времени занимали 5-ю часть территории. Новым стало появление пастбища на хоре, что для более раннего времени являлось нехарактерным. На большей части усадеб открыты остатки загонов для скота, Рядом с ними нет следов виноградников.

Показательным стало уменьшение виноделен: из 20 раскопанных усадеб, винодельни первых веков н. э. выявлены только на трех. Одна—две винодельни римского периода непосредственно на территории города не являются свидетельством товарного производства вина.

(Для обеспечения поставок продукта на рынок должны были работать по меньшей мере не менее 10—12 виноделен).

На ближней хоре не обнаружено и следов сколько-нибудь значительных скоплений зернохранилищ для римского периода. Как и виноградная лоза, злаковые культуры отошли на второй план.

Возможно, что в этот период на хоре вновь появились варвары, что привело к утрате урожая и недостатку продуктов питания — голоду. Косвенным подтверждением может служить надпись первой половины II в. н. э. (инв. 4496) — почетный декрет о проксении в честь Новения (?), который оказал помощь городу, раздавая хлеб¹.

Имеются также надписи II в. н. э., в которых говорится о том, что «такой-то, сын Стратофонта, построил (или восстановил) стену для города...»², и «Такой-то построил стену на собственные средства Зевсу Спасителю за себя и за благосостояние города через эпимелета (попечителя) Намуха (?), старейшину города» (IosPE, I², 438). Вместе с тем, тексты декретов позволяют судить, что экономическое положение Херсонеса в скором времени начало стабилизироваться.

Для римского периода следует отметить несколько комплексов. Дороги (основное количество) и участки наделов исследованы в приморской северо-западной части Гераклеийского полуострова, между бухтами Омегой и Казачьей. Кроме реконструированных дорог здесь обнаружены захоронения первых веков нашей эры, совершенные в междурядьях эллинистических виноградников (на земельных участках №№ 6 и 12). Некрополь на наделе № 12 в верховье бухты Омеги, скорее всего, принадлежал обитателям близлежащих усадеб римского периода — № 12 и восточной усадьбе земельного участка № 7. С. Ф. Стржелецкий отмечал, что последняя имеет сложную планировку и значительные размеры: протяженность визуальнo прослеживаемых внешних стен достигает 80,0 м. Можно допустить, что это сооружение является поселением, которое на основании подъемного материала датируется первыми векам нашей эры³.

---

¹ Соломоник Э. И. Новые эпитафические памятники Херсонеса. I. Киев, 1964. С. 22—28. № 5.

² Там же. С. 68—71. № 25.

³ Стржелецкий С. Ф. Клery Херсонеса Таврического... С. 164—165.

Усадьбы на восточном побережье Камышевой бухты, раскопанные В. П. Лисиным, интерпретировались автором как неукрепленное прибрежное поселение, состоявшее из нескольких домов¹. На территории поселка найдены краснолаковые сосуды I в. н. э. На двух из них имеются граффити и именные клейма на дне. Возможно, это имя владельца дома².

Очевидно, аналогичные поселки существовали и на западном берегу Камышевой бухты, на участках №№ 32 и 33. Расположение их на мелководном побережье бухты, указывает на то, что это были поселения не только рыболовов, но и добытчиков соли. Связь поселений северо-западного побережья с Херсонесом осуществлялась через «большую херсонесскую» дорогу.

Где-то поблизости от поселения в верховье Казачьей бухты должен находиться некрополь. Во время раскопок на островке в кладке стены обнаружено надгробие, некогда стоявшее на могиле молодой женщины Ойнанфы, умершей от родов. Время донесло до нас эпитафию II в. н. э., которую посвятили своей дочери безутешные родители:

*Ойнанфа, дочь Главкия.
Лучше бы музы прославили твои харисии,
Злосчастная молодая жена Ойнанфа,
Когда были бы положены дети на твои колени
И (воспели) прекрасный закон,
Помогающий в родах, богини Илифии —
Радостные дары твоей матери, отцу и супругу.
Ныне же ты почиваешь на хладных песках
У волн шумящего Кокита, и не будит тебя
Непрестанный звук милого голоса, которым
Мать оплакала тебя, подобно птице;
Ты же, камень, ничего не слышишь, но вокруг тебя
Клубятся чернопучинные потоки Океана, а
Души сошедших под землю усопших страшно шумят;
Ты не разумеешь вопля родителей, ни супруга,
ибо Испила — увы! — воды Леты.*

---

¹ Лисин В. П. Обзор археологических раскопок Херсонеса в 1937 г. // ВДИ. 1939. С. 138–140.

² Соломоник Э. И. Граффити с хоры... С. 31–32, №№ 33–34.

*Что это за жестокий закон блаженных?
Разве преждевременно умирают юницы не дурные,
Не происходящие от родителей ничтожных, но обладающие
Наиболее выдающейся красотой или благородным
происхождением?
Значит, недаром сказала Пифия это хорошее изречение, —
Что всякое золотое (прекрасное)
Потомство первым нисходит в Аид?*

Перевод В. В. Латышева

Еще одно поселение существовало в районе мыса Фиолент. Об этом свидетельствует некрополь, раскопанный Н. И. Бороздиным в 1924 г. на Опаринских хуторах, с западной стороны мыса. Погребения были совершены по обряду трупоположения и кремации. Исследователь писал, что «некрополь относится, несомненно, к римскому времени, около нашей эры. ...Кроме хронологической датировки, найденный при погребении инвентарь со всем основанием позволяет думать, что здесь было место вечного упокоения тогдашней сельской бедноты»¹.

Кроме поселков на Гераклейском полуострове существовали и отдельно стоящие усадьбы. После окончания войны со скифами некоторые из них были оставлены обитателями и больше не возрождались, но многие строения восстановлены. Башни, переставшие выполнять боевые функции, оказываются в центре застроенной территории. Очевидно, основное их назначение в это время — служить укрытием для обитателей в период нападения варваров. В тех постройках, где башне отводилась главная роль, она выносилась на передний край, и даже была окружена дополнительной стеной — протейхизмой. В нескольких случаях возле усадеб, примыкающих к дороге, прослежены невысокие стенки из бутового камня, которые их перегораживали.

В одной из работ Э. И. Соломоник упоминала неизданную надпись римского времени. Это судебное постановление, в котором, вероятно, говорилось о разделе земли между наследниками². Возможно, что

---

¹ Бороздин Н. И. Новейшие археологические открытия в Крыму: Раскопки на Гераклейском полуострове // Новый Восток. 1925. № 7. С. 22—23.

² Соломоник Э. И. Граффити с хоры... С. 9—10.

создание стен на дорогах между наделами является отражением таких разделов.

С. Ф. Стржелецкий отмечал, что уменьшение количества сельских усадеб отражает процесса концентрации земли в руках богатых землевладельцев¹. Однако, исследования хоры последних лет выявило более сложную картину земельных отношений, требующую специального углубленного изучения. В настоящее время судить о том, по каким критериям можно выделить площади индивидуальных или общественных владений, не представляется возможным. Тем более что многие виноградники с течением времени были превращены в пастбища, карьеры по добыче камня и кладбища. Вместе с тем, как показали раскопки последних лет, С. Ф. Стржелецкий несколько преувеличивал масштабы процесса концентрации земли на рубеже тысячелетий и в первых веках нашей эры.

Еще одним нововведением римского периода являлось создание водопроводной сети. Раскопками и разведками открыто несколько многокилометровых линий керамических водопроводов, направлявшихся из балок Гераклеяского полуострова в Херсонес. Главным источником водоснабжения города и хоры служили водоносные горизонты в верховьях балок Юхариной, Сарандинакиной, Хомутовой и Бермана. Линия одного из водопроводов, прослеженная Л. А. Моисеевым, пролежала от источника в верховье Сарандинакиной балки (7-й км Балаклавского шоссе) через южную окраину Куликова поля, Карантинную балку у пос. Дальний, далее шла к водоразделу между западным рукавом Карантинной и верховьем Песочной балок, завершаясь у Главных ворот Херсонеса в западной части оборонительных стен².

Охрана водных источников, от которых брали начало водопроводы на хоре, а также каптажей-водонакопителей, была тщательно

---

¹ Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического... С. 134.

² Моисеев Л. А. Следы ирригации, мелиорации и водоснабжения древнего Херсонеса на Гераклеяском полуострове // Зап. Крым. об-ва естествоиспытателей и любителей природы. Симферополь, 1926. Т. 9. С. 120; Он же. Мелиорация и водоснабжение древнего Херсонеса // Бюллетень конф. археологов в Керчи: Тез. докл. 1926. № 6. С. 3; Тахтай А. К. Разведочная раскопка древнего водопровода в окрестностях слободки Вакуленчука // ХСб. 1948. Вып. 4. С. 65–67.

налажена. В Юхариной балке — это 6 мощных укрепленных усадеб, расположенных вокруг источника на расстоянии 170–200 м друг от друга. По склонам Сарандинакиной балки в районе источника протянулись цепью укрепленные усадьбы (не менее 5-ти с каждой стороны), расположенные приблизительно на таком же расстоянии друг от друга. Источники в Хомутовой и балке Бермана охранялись укрепленными поселениями, развившимися из укрепленных усадеб.

Как показали исследования В. И. Кадеева и С. Б. Сорочана, экономика Херсонеса в первые века н. э. была тесно связана с торговлей; херсонеситы вывозили в большом количестве изделия местного производства. В начале I в. до н. э. ведущими статьями экспорта стали продукты рыбного промысла: вяленая, сушеная, соленая рыба, различные сорта рыбных гарумов и соль¹.

Солеварни, упоминаемые Страбоном (Страбон. VII, 4, 7), находились на берегу лимана, над заливом (Севастопольской бухтой). По правому берегу бухты от устья у Константиновского равелина до поселка Голландия тянется целый ряд мелководных небольших заливов. Находки погребений раннеримского периода на водоразделах между заливами² свидетельствуют о наличии поселений, основным занятием жителей которых, скорее всего, являлись добыча соли и лов рыбы.

В связи с этим представляет интерес одно из наблюдений Н. М. Печенкина, производившего в 1901 г. разведочно-охранные работы на Северной стороне: «Вне всякого сомнения, что этот район представляет большой интерес: с одной стороны близость Херсонеса, с другой — защищенность от северного и даже северо-восточного ветра в южной части его, соприкасающейся с большим рейдом, крайне удобным для сообщения и изобилующим рыбой, наличие пресной воды — все это делало жизнь здесь особенно удобной»³.

Активной морской торговле Херсонеса способствовало наличие гаваней. Во многих письменных источниках Херсонес упоминается как город, который имел «пристань и хорошие гавани». Подробные

---

¹ Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. — V в. н. э. Харьков, 1989. С. 11–12.

² Печенкин Н. М. Раскопки в окрестностях г. Севастополя... С. 29–30.

³ Печенкин Н. М. Раскопки в окрестностях г. Севастополя... С. 29–30.

сведения в этом отношении содержатся у Страбона (Страбон. VII, 4, 3). А при описании северо-западного и южного побережья Гераклейского полуострова географ упоминал о трех гаванях, расположенных между Херсонесом и мысом, «выдающимся на юг» (т. е. Фиолентом. — Г. Н.). Очевидно, что это гавани Стрелецкая, Камышевая и Казачья.

Мелководная бухта Омега на рубеже тысячелетий и в первые века нашей эры, скорее всего, не входила в число гаваней Херсонеса. В это время она была большим соляным озером, открытым штормам. Может быть, именно у Ктенунта находился херсонесский эмпорион, упоминаемый в одной из надписей римского времени как полагает С. Ю. Сапрыкин¹ на основании нового обращения к эпиграфическим памятникам (IosPE, I², 575).

Археологические данные свидетельствуют о наличии здесь поселения римского времени (в верховье бухты и по обеим сторонам устья реки). Сюда выходила дорога с Гераклейского полуострова, охраняемая римскими сторожевыми постами на высоте Суздальской и Казацкой. С восточной стороны бухты тоже существовали поселения. Во время разведок в районе Инкермана О. Я. Савеля выявил скопления керамики первых веков нашей эры на водоразделах Трензиной, Графской и Мартыновской балок².

Наибольший интерес в данном плане представляет могильник, расположенный на правом берегу р. Черной с южной стороны высоты Сахарная головка³. Согласно мнению Т. Н. Высотской, наиболее ранние

---

¹ См.: Сапрыкин С. Ю. «Эмпорий Таврикон» и «Скифская гавань» Калос Лимена в керамических клеймах Херсонеса Таврического // ВДИ. 1996. № 1. С. 124—135; Кац В. И. Эпорий Херсонеса в «Перипле» Псевдо-Скилака // Материалы 2-го Всесоюз. симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 26—28; Он же. Эмпорий Херсонеса // Античный мир и археология. Саратов, 1990. Вып. 7. С. 97—111.

² Савеля О. Я. Работы Севастопольской экспедиции // АО — 1984. М., 1986. С. 300—301.

³ См.: Стржецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия н. э. (по материалам некрополя «Совхоз № 10» // Stratum plus. 2003—2004 (2005). № 4. С. 27—277, также см.: Высоцкая Т. Н., Рыжова Л. А. Бусы могильника «Совхоз—10» (Севастопольский) // Древности: ХИАЕ. 1997—1998. С. 116—133.

захоронения, относящиеся к I—II вв. н. э., принадлежали греческому населению округа Херсонеса. О почитании местным населением греческих богов и героев свидетельствуют граффиты, геммы, рельефная краснолаковая керамика¹. Можно полагать, что здесь упокоились те, кто обслуживал порт.

Приложение²

Создание приложения вызвано необходимостью разъяснить некоторые термины, встречающиеся в тексте очерка.

Зернотерка — камень для растирания зерна. Для этой цели выбирали грубую, но твердую породу камня с тем, чтобы каменная крошка не попадала в муку. Особой популярностью пользовалась лава — торгоя ее являлась одной из статей доходов. Примитивная форма приспособления — это седловидная зернотерка: зерно растиралось на ее вогнутой поверхности при помощи ручного терочника. Данный тип существовал без особых изменений с мезолита и до римского времени, когда широкое распространение получила ручная мельница. Основу ее конструкции составляли два камня (жернова), вращающиеся один на другом, более крупные образцы приводились в движение воротом, с помощью животных (ослов) или силой воды. Для изготовления крупы использовались также каменные ступы.

Обработка земли. Земля обрабатывалась средиземноморским плугом, а также мотыгами, что приводило к более равномерному рыхлению после вспашки. На Гераклейском полуострове найдены железные лемехи эллинистического времени, а также кирки, топоры, серпы. В виноградниках землю обрабатывали двузубыми вилами-мотыгой и лопатой. В качестве удобрений служил навоз и зола, возможно, ил. Урожай зерновых собирали серпами и косами. Виноградари использовали особой формы виноградные ножи.

Селекция винограда. Исследование морфологии семян виногра-

---

¹ Высотская Т. Н. Население округа Херсонеса Таврического в I—IV вв. н. э. (по материалам некрополя «Совхоз № 10»)// Херсонес в античном мире: Историко-археологический аспект: Тез. докл. Севастополь, 1997. С. 25.

² Раздел написан Г. М. Николаенко, Н. П. Андрущенко.

да, обнаруженных в усадьбах наделов Гераклеяского полуострова и в Северо-Западном Крыму, показало, что окультуривание винограда, его селекция производилась на месте. Исходным материалом служили местные дикорастущие и мелкосеменные клоны. Они (на Гераклеяском полуострове и в Северо-Западном Крыму) были очень сходными и разнообразием сортов не отличались. Это свидетельствует о том, что селекция велась централизованно, вероятнее всего, на ближней хоре. Здесь отбирались наиболее приспособленные, устойчивые к местным условиям сорта.

Такой процесс как селекция должен проводиться на постоянном, строго определенном месте. Скорее всего, район селекции следует локализовать именно на ближней хоре Херсонеса, Маячном полуострове¹. Устройство виноградников здесь во многом соответствует рекомендациям Колумеллы по устройству питомника и выращиванию лозы: «Саженьцы — переселенцы из другого места, осваиваются с нашей землей хуже, чем местные: словно чужеземцы, боятся они нового места и климата». Для питомника следовало выбирать участок «со средней почвой, в меру сухой». Глубина плантажа — 2,5 фута; междурядья — 3 фута; длина ряда — 240 футов (Colum., III. 4,1; 5,1—3; 6,4).

Обмеры наделов показали, что расстояние между рядами кустов, посаженных между двумя плантажными стенками, составляет 0,8—0,9 м (3 фута); глубина плантажа 0,7—0,8 м (2,5 фута). Длина ряда в большинстве случаев меньше, она составляет 52—53 м (примерно 180 футов), что обусловлено стандартным делением полей.

Выведенные сорта в сравнении с привозными были более выносливыми, приспособленными к местным климатическим и почвенным условиям. Испытания свойств саженьцев, полученных из чубуков, Колумелла советовал продолжать не более 4-х лет. После этого срока саженьцы высаживали на постоянное место. Виноград, полученный в результате селекции, был мелкоягодным, но, очевидно, урожайным и давал высокий выход вина. О высокой урожайности мелкоягодных сортов свидетельствуют слова Плиния Старшего: «Плодороднее лоза с более мелкими ягодами и листом, меньше изрезанным» (Plin., NH XIV, 4, 23). Виноградарство

---

¹ Об этом см. выше, как и замечания В. М. Зубаря.

и виноделие получили распространение и на Боспоре. Известно, что первые попытки выращивания винограда на Боспоре относятся к VI—V вв. до н. э. Свидетельством этого являются находки виноградарского ножа в Патрее в хозяйственной яме VI в. до н. э. и большого количества косточек винограда в Мирмекии и в Фанагории в слоях V—IV вв. до н. э. Возможно, появление в V в. до н. э. в Нимфее монет с изображением виноградной грозди показатель успешной акклиматизации винограда в отдельных областях Боспора уже к V в. до н. э.¹

В III — начале I в. до н. э. в Северном Причерноморье климат был жарким и сухим. Вероятно, благоприятные климатические условия повлияли на интенсивное и повсеместное распространение виноградарства на Боспоре. На хоре в районе Пантикапея в этот период появились такие присущие только южным районам растения: плодородные смоковницы и раскидистый гранатник (Theoph., IV, 5, 3; Plin., NH, XVI, 137—138).

Прессы. Самый примитивный способ выжимки сока из винограда ногами часто изображался на дошедших до наших дней рисунках. Но более рациональным способом стало использование специальных прессов. Они служили не только для получения сула из винограда и масла из оливок, но и для отделения меда от воска. Известны четыре вида прессов.

Пресс с грузом, который производился в действие быстрым и сильным нажимом при положении груза в самой низкой точке. Скорее всего, такая система является самой ранней. Но при использовании подобного приспособления при ослаблении нажима рыхлые массы мезги всасывают жидкость.

Клиньевый пресс обеспечивал более продолжительное нажатие путем вбивания клиньев в основу конструкции. Подобный пресс изображен на одной из фресок Геркуланума. Он мог применяться для получения сока из растений при производстве благовоний.

Пресс в виде специального бруса употреблялся для многих целей. Основу его составлял рычаг. Рабочая поверхность бруса фиксировалась только в нижней точке. Брус приводился в движение при помощи рычага, его нижняя плоскость воздействовала на гроздь винограда

---

¹ Винокуров Н. И. Виноделие античного Боспора. С. 8.

(или другого продукта), которые помещали на прочное основание. Давильный брус упруго закреплялся в наклонном положении (в стене, между двумя деревянными столами или деревьями) и поднимался под небольшим углом. На другом, высоком конце его укрепляли тросом с блоком. При достижении нижней точки трос в случае необходимости могли заставить стабилизировать: ягоды винограда отдавали сок, поэтому давление ослабевало; канат следовало подтянуть и закрепить снова. Безусловно, работа требовала значительных затраты сил и времени.

Более эффективной конструкцией являлся *винтовой пресс*. Описание его имеет несколько вариантов. Такой пресс был изобретен около 50 г. н. э. Использование винтового пресса позволило отказаться от массивного бруса. Подобная конструкция применяется и в настоящее время.

Следующим изобретением стал *двухшпиндельный пресс* (валяльный пресс). Следует отметить, что люди античной эпохи достигли больших результатов в механизации производства с помощью пресса и давящих, что способствовало эффективности их труда.

Очерк 6. ГРАЖДАНЕ И ИХ БОГИ

*Клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом, Девой,
богами и богинями олимпийскими...*

Присяга херсонеситов

Отношение к вере у эллинов. Краткая справка об источниках. Богиня Дева в Херсонесе—эпиклеза Артемиды, или Иное божество? Официальный пантеон херсонеситов; почитание божеств различными сообществами. Боги и богини первой строки Присяги: первые среди олимпийцев. Гелиос — третье божество Присяги. Аполлон, сын Зевса и Латоны. Девять Муз. Олимпийцы, не упомянутые в Присяге: Афина, Афродита (и Эрот). Олимпийцы, о храмах которых нет свидетельств: Арес — бог войны; Гефест; Олимпийцы — Кронида (Гестия, Посейдон, Аид (Гадес), Деметра. Неолимпийцы, входившие в полисный пантеон (Дионис—Вакх, Асклeпий и Гигиeя, Гермес, Тихе-Фортуна, Ника, Кибела, Кабиры. Герои: Геракл—Геркулес, Диоскуры, Ахилл, Дор. Римский период: инновации и традиции. Некоторые историографические итоги.

Истоки верований эллинов уходят в глубокую древность, но в период, на который приходится Великая греческая колонизация и освоение берегов Черного моря, мифологическая традиция уже сформировалась. Первые попытки систематизации пантеона принадлежат создателю «Илиады» и «Одиссеи» Гомеру и беотийскому поэту Гесиоду, жившему в конце VIII в. до н. э. В поэме «Теогония» Гесиод описал рождения мира из Хаоса, привел генеалогию богов, завершив сочинение перечнем их браков со смертными. В более поздние времена афинский грамматик II в. до н. э. Аполлодор создал «Мифологическую библиотеку»¹, в которой

---

¹ Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л., 1972.

повествуется о родословной богов и героев, приводятся легенды о происхождении названий местностей и городов. Бесценные свидетельства о памятниках древней Эллады, сопровождаемые экскурсами в область мифологии и рассказами о чудесах и предсказаниях оракулов содержит сочинение автора II в. н. э. Павсания «Описание Эллады»¹. Жаление вызывает, что вне его интересов оказались города Северного Причерноморья.

К содержанию мифов неоднократно обращалась знаменитая триада выдающихся греческих трагиков: Эсхил (525—ок. 456 гг. до н. э.), Софокл (ок. 496—406 гг. до н. э.) и Еврипид (родился в 485/84 или 480 г. до н. э., умер в 406 г. до н. э.).

В одной из драм Еврипида рассказывается о том, что Гераклиды, преследуемые Эврисфеем (царь Микен, на службе у которого Геракл совершил 12 подвигов), нашли убежище в Аттике. Ее легендарный правитель Тесей помог им победить Эврисфея. Но смогли они вернуться на родину, как было и предсказано оракулом, только в третьем поколении после сына Геракла Гилла.

Так реалии далекого прошлого, нашли своеобразное отражение в переработанном драматургом мифе. Речь идет о дорийском нашествии — их приходе на Пелопоннес, которое изображено, как возвращение Гераклидов, третьего поколения потомков Геракла.

Многие дорийские роды связывали свое происхождение с Гераклом. Его имя отразилось и в названии Гераклеи Понтийской — метрополии Херсонеса, что предопределило особое отношение к культу Геракла у херсонеситов.

Знание о сменявших друг друга поколениях богов, «жизнеописания Олимпийцев» являлось составной частью образования во всех эллинских государствах.

---

¹ Павсаний. Описание Эллады / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1994. Т. 1—2. Один из издателей сочинения назвал его «неисчерпаемым рудником бесценных сведений» (см.: Pausanias's Description of Greece / Transl. with Commentary by J. G. Frazer. New York, 1965. Vol. 1. P. XIII). Труд Павсания содержит свидетельства и общенсторического характера.

Отношение к вере у эллинов

Граждане полисов были убеждены в том, что божества поощряют справедливость, карают нечестивые поступки и отступления от принятых установлений, поэтому под защиту почитаемых в том или ином государстве богов и богинь ставились государственные законы, принимаемые на народных собраниях декреты и псефизмы, мирные договора.

Пример такого отношения к культу сдержат начальные строки Присяги херсонеситов¹, текст которой завершается повторным обращением к олимпийцам и Деве: они являлись гарантами соблюдения того, что было перечислено в ней; от них последует страшнейшая кара за отступление, нарушение слов клятвы:

*Зевс, Гея, Гелиос, Дева, божества олимпийские!
Пребывающему во всем этом да будет благо мне самому
и потомству и тому, что мне принадлежит,
не пребывающему же да будет злое и мне
самому и потомству и тому, что мне принадлежит,
и пусть ни земля, ни море не приносит мне плода,
пусть женщины не разрешаются от бремени благополучно.*

---

¹ Еще раз хотелось бы отметить уникальность памятника, который В. В. Латышев сравнивал с конституцией Афинского полиса, отмечая, что он по содержанию превосходит ее. Сохранившаяся часть текста присяги афинян гласит: «Я не посрамлю священного оружия и не покину товарища, с которым буду идти в строю, но буду защищать и храмы и святыни — один и вместе со многими. Отечество оставлю после себя не умаленным, а большим и лучшим, чем сам его унаследовал. И я буду слушаться властей, постоянно существующих, и повиноваться установленным законам, а также и тем новым, которые установит согласно народ. И если кто-нибудь будет отменять законы или не повиноваться им, я не допущу этого, но буду защищать их и один и вместе со всеми. И я буду чтить отеческие святыни. А свидетели того да будут Аглава, Эниалий-Арес, Зевс, Фалло, Авксо, Гегемона» (Полидевк/Поллукс, VIII, 105; Стобей. Антология / Florilegium, LXIII, 48; цит. по: Аристотель. Политика. Афинская полития. М., 1997. Приложение XIX. С. 404). Клятва произносилась эфебами, когда их заносили в списки демонов, что означало переход в категорию граждан. Данный источник послужил основанием для заключения В. В. Латышева о том, что Присяга херсонеситов — это, в сущности, клятва эфебов.

Аглава — дочь мифического царя Аттики Кекропа; Фалло, Авксо, Гегемона — хариты (грации), дарующие плодородие.

В. В. Латышев, рассматривая вопрос об отношении к вере в античное время, писал: «Нравственный характер религии являлся для государства важным средством обеспечения уважения к гражданским установлениям. Но ...государство не касалось религиозных верований и убеждений отдельных лиц до тех пор, пока они исполняли все свои обязанности по отношению к культу. ...Государственные законы повсюду имеют в виду лишь внешнюю, обрядовую сторону религии, предоставляя внутреннюю сознанию и совести каждого гражданина. ... Кроме общественных культов, формально признанных государством, повсюду были еще частные культы»¹.

Культ — *cultus* (от латинского «*colere*» — возделывать, почитать) — это совокупность обрядов, связанных с поклонением какому-либо божеству или герою, с целью снискать его расположение. У каждого из полисов существовала собственная иерархия божеств, основанная на характерном в целом для общества благочестии. Наряду

---

¹ Латышев В. В. Очерк греческих древностей: Богослужебные и сценические древности. СПб., 1997. С. 15—16. В последнее время относительно сочетания «частные культы» отмечено, что использование его должно носить лишь условный характер, как обозначение культов, которые отправлялись отдельными сообществами, в том числе и семьей. В частности, уточняя понятие «частные культы», В. М. Зубарь отмечает, что оно возможно лишь при учете «характера сакральных действий» (см.: Зубарь В. М. Религиозные представления // Зубарь В. М., Буйских А. В., Кравченко Э. А. и др. Херсонес Таврический в третьей четверти VI — середине I в. до н. э.: Очерки истории и культуры. Киев, 2005. С. 346). Замечание вполне справедливое. Со ссылкой на редакционное введение (его автор Э. И. Соломоник) в публикации «Граффити античного Херсонеса» (Киев, 1978. С. 7) исследователь отмечает, что «приношение даров и посвящений было наиболее характерной чертой не официальных культов, а сакральных действий, отправляемых в частном порядке» (Там же). Это замечание предостерегает тех исследователей, которые на основании массовых находок с граффити-посвящениями склонны делать вывод о значимости культа того или иного божества в жизни населения полиса в целом. В частности, такая тенденция наблюдается в монографии: Бондаренко М. Г. Пантеон Херсонеса Таврического. М., 2003. В настоящем разделе при изложении взглядов историков Херсонеса, понятие «частные культы» используется согласно «классификации», которая существует в их трудах.

с поклонением двенадцати олимпийцам (общееэллинская традиция), большую роль играли местные, вернее, другие божества. При этом в состав общего для всей гражданской общины пантеона, если судить по наличию храмов, использованию имени и изображений божеств в общегосударственной символике, могли входить не все олимпийцы. Обращение к истории Афин свидетельствует о том, что здесь не отец богов и людей Зевс, а его дочь — многомудрая Афина — стояла на первом месте. Но в то же время в одной из элегий Солона говорится: «Нет, никогда, никогда не погибнет наш город родной / Волею Зевса и всех вечных, блаженных богов: / То ведь Паллада — Афина, заступница крепкая наша, / Бога великого дочь, длань простерла над ним» (Солон. Наставления афинянам, 1—4)¹.

Упоминание всех «вечных, блаженных богов» — свидетельство их почитания в Афинском полисе, хотя и не всем, в том числе и Олимпийцам, здесь были возведены храмы.

В собственной семье граждане могли поклоняться любому боже-ству — это частное дело каждого из членов общины. Законы, регулирующие вопросы веры, для античной эпохи не известны, поскольку государство (вся община) не вмешивалось в порядок отправления культа, в то, кому и как справлялись обряды, кому и какие жертвы приносили граждане в частной жизни. Однако действия, несовместимые с почитанием богов (кража в храме, публичное осквернение символов божества, отрицание его существования и так далее), входившие в понятие асебии (безбожие) являлись наказуемы.

Историки Эллады сохранили свидетельства о некоторых процессах, связанных с асебией. В качестве примера можно привести судебное дело против Анаксагора (ок. 500—428 гг. до н. э.), философа из Клазомен (Малая Азия), друга первого стратега Афинского полиса Перикла. Анаксагор считал, что первоначально существовали только частицы, находившиеся в бесформенном состоянии. Затем возникло движение, породившее их соединение друг с другом. Это движение, а не боги, сотворило мир. Для взглядов философа присуще отрицание божественной сущности Солнца и Луны — они, как и метеориты, со-

---

¹ Источник приведен по изданию: Аристотель. Политика. Афинская политика. М., 1997. С. 363. .

гласно его представлениям, являются обычными раскаленными телами. Обвиненный в асебии, Анаксагор был приговорен к смертной казни, только заступничество Перикла спасло его; но он вынужден был покинуть Афины, удалившись в небольшой город Лампсак.

К более позднему времени — к периоду Пелопоннесской войны — относится процесс против Алкивиада (ок. 450—404 гг. до н. э.). Дело в том, что накануне отплытия афинской эскадры в Сицилию (416/415 г. до н. э.) какой-то злоумышленник опрокинул гермы. Подозрение пало на возглавлявшего морскую экспедицию Алкивиада (ок. 450—404 гг. до н. э.). Так как флот уже отошел от берега, вдогонку за ним был послан корабль с тем, чтобы доставить Алкивиада на суд. Зная, чем грозит обвинение в асебии, он бежал к противнику Афин — в Спарту.

Обвиненный в поклонении «новым божествам» и отрицании «старых», вынужден был выпить чашу с ядом Сократ (470—399 гг. до н. э.). Правда, это было не единственным преступлением, в котором обвиняли философа, учившего молодежь самопознанию¹.

Итак, до тех пор, пока соблюдались традиции и не оскорблялись божества, вопросы веры являлись частным делом гражданина, поэтому в своих домах они могли устанавливать алтари и тем богам, которые не входили в состав общегосударственного для данного полиса пантеона.

В каких случаях при анализе верований граждан античности можно полагать, что та или иная богиня, тот или иной бог входили в общегосударственный пантеон? Во-первых, если ему (или ей) был возведен храм от лица общины; во-вторых, если их изображения использовались в символике государства — на монетах, например; если они упоминаются в государственных документах. Эти критерии используются, как правило, и при реконструкции пантеона Херсонесского полиса.

A priori можно сделать заключение, что все олимпийцы, и те, кто согласно традиции, входил в их большую «семью», «участвовали» в жизни херсонеситов, однако не все они упоминаются в источниках,

---

¹ В некоторых произведениях выдающегося комедиографа античности Аристофана (ок. 445—ок. 386 гг. до н. э.) присутствуют замечания в отношении поведения богов. Отражением является и поговорка «Афине молись, но и сам шевелись». Но это вряд ли следует рассматривать как «проявление безбожия».

которые отражают религиозные представления членов общины. Реконструкция структуры государственного пантеона или же выявление культов, характерных только для внутрисполитических сообществ (в том числе и семьи, то есть культов, которые названы В. В. Латышевым «частными»), происходило и происходит по мере обнаружения соответствующих источников: надписей различного вида (декретов и посвящений, процарапанных на сосудах имен божеств), терракотовых статуэток, скульптурных изображений и так далее. И список их постоянно пополняется, начиная с первых лет раскопок в Херсонесе.

В первой строке уникального эпиграфического памятник — Присяге херсонеситов названа триада хорошо известных в эллинском мире богов, но на четвертом месте стоит Дева. С происхождением ее культа связана дискуссия об особенностях государственного пантеона Херсонесского полиса, поэтому и настоящий раздел имеет некоторые особенности: в основном здесь представлены мнения исследователей относительно культа Девы, а сведения об остальных приведены на основании дошедших до наших дней памятников. В большинстве случаев при констатации факта почитания того или иного божества не приводятся все свидетельства источников, которые это подтверждают¹.

Прочтем еще раз начальные строки Присяги херсонеситов:

*«Клянись Зевсом, Геей, Гелиосом, Девой,
богами и богинями олимпийскими,
героями, владеющими городом, территорией
и укрепленными пунктами херсонесцев».*

Из олимпийцев только Зевс и Гера названы в Присяге поименно². В их число не входил Гелиос (сын титана Гипериона), который упомянут в При-

---

¹ Они собраны в недавно опубликованной книге (см.: Бондаренко М. Г. Пантеон Херсонеса...). Многие положения монографии вызывают критику, о чем ниже пойдет речь. Вместе с тем следует отметить, что автор проделал значительную работу, создав компендиум-справочник о существующих ко времени издания книги публикациях, которые посвящены верованиям херсонеситов. Правда, при этом он фактически не обращается к значительному их кругу — материалам раскопок некрополя.

² В число двенадцати олимпийцев входили: Зевс, Посейдон, Аид, Гера, Деметра, Гестия — Кронида; Афина, Афродита, Аполлон, Артемида, Гефест, Арес — дети Зевса.

сяге. Но ни в одном из вариантов мифов среди них не было богини Девы (Парфенос). Но имя родившейся на о. Делосе дочери громовержца Зевса и Лето (родители Лето титаны Кой и Феба) Артемиды, покровительницы охоты и живой природы, употреблялось с эпиклезой Парфенос.

Особенности идеологических представлений херсонеситов, следовательно, требуют обращения прежде всего к следующим аспектам:

1. Богиня Дева в Херсонесе — эпиклеза Артемиды, или иное божество?
2. Общеполисные и «частные» культы.
3. Место и значение культа Геракла в Херсонесе
4. Иерархия культов.

Краткая справка об источниках

Письменные источники, в которых содержатся данные о почитавшихся в античном Херсонесе божествах, немногочисленны. Все исследователи при обращении к анализу верований херсонеситов, как правило, приводят свидетельства Геродота. Историк писал, что у тавров, живших по соседству с Херсонесским полисом, существует обычай приносить в жертву Деве (Партенос) захваченных в море или потерпевших кораблекрушение эллинов. (Геродот. IV, 103). В эксоде драмы Еврипида «Ифигения в Авлиде» появляется Артемиды, которая сообщает, что во время жертвоприношения она подменит Ифигению ланью, а девушку перенесет в Тавриду, где та станет ее жрицей. Продолжение сюжета содержится в другом произведении трагика «Ифигения в Тавриде». Чудесным образом спасенная девушка, став жрицей у тавров, согласно их обычаям приносила в жертву Артемиде всех чужестранцев. В один из дней она должна была пролить на алтаре богине кровь своего брата и его друга Пилада, как кару за их неудачную попытку похитить статую богини. Узнав брата, Ифигения бежала с ним в Элладу. Таков поэтический сюжет драмы Еврипида.

Другое свидетельство о культе Девы в Таврике привел географ Страбон, написавший, что «в этом городе (Херсонесе) есть святилище Девы, какой-то богини, имя которой носит расположенный перед городом на расстоянии 100 стадиев, мыс, называемый Парфеноном (то есть Девичьим). Здесь находится храм со статуей богини» (Страбон. VII, 4, 2).

Краткость свидетельств литературных источников (упомянутые выше, безусловно, не отражают всей совокупности данных) восполняется эпиграфическими материалами: фрагментами декретов и посвячительных надписей, в том числе и граффити. Представление о культах позволяют получить изготовленные из глины или известняка алтари. Арулы (небольшие алтарики) для воскурения благовоний и жертвоприношений имелись в каждом доме. В качестве жертвы на них обычно помещали щепотку зерна или другого продукта, капали вино. Арулы и специальные чаши для совершения обрядов в честь богов — покровителей домашнего очага — один из источников для суждений о верованиях, проявляющихся только в частной жизни.

В эллинистический период в городе работали мастерские коропластов, изготавливавшие глиняные изображения различных божеств, которые стояли у домашних алтарей. Выпускали здесь маски и протомы, украшавшие частные и общественные здания. Все эти изделия также содержат информацию о тех, кого почитали граждане Херсонеса. Одна из мастерских была открыта в самом начале раскопок К. К. Косцюшки-Валюжинича.

Описанию находок, переводу и интерпретации надписей, восстановлению содержания граффити, посвящены многочисленные работы историков XX вв. Не останавливаясь на перечислении всех авторов, необходимо отметить огромный вклад в изучение эпиграфических памятников выдающегося российского исследователя В. В. Латышева и украинского специалиста в области эпиграфики Э. И. Соломоник, продолжившей публикацию лапидарной коллекции Херсонеса и посвятившей ряд работ обобщению таких находок как граффити¹.

---

¹ Соломоник Э. И. Граффити античного Херсонеса как исторический источник // 14-я Междунар. конф. античников социалистических стран: Тез. докл. Ереван, 1976. С. 409—411; Она же. Некоторые группы граффити из античного Херсонеса // ВДИ. 1976. № 3. С. 121—141; Она же. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984; Она же. Две группы надписей на керамических сосудах из Крыма первых веков нашей эры // Проблемы древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995. С. 38—46; Бабинов Ю. А., Курганова С. И., Николаенко Г. М., Соломоник Э. И., Лисовой И. С., Шевченко А. В. Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978.

Изделия из глины — терракотовые фигурки и маски были описаны и неоднократно публиковались в различных изданиях Г. Д. Беловым, А. Н. Щегловым, А. В. Шевченко¹ и многими другими исследователями, работавшими и работающими в Херсонесе.

---

¹ Белов Г. Д. Терракоты Херсонеса из раскопок 1908—1914 гг. // ХСб. 1930. Вып. 3. С. 217—245; Он же. Терракотовый жертвенник из Херсонеса // СГЭ. 1956. Вып. 9. С. 47—49; Он же. Терракоты из Херсонеса // САИ. Вып. 1—11: Терракоты Северного Причерноморья. М., 1970; Он же. Терракотовая голова Геракла из Херсонеса // СА. 1976. № 4. С. 203—208; Щеглов А. Н. Терракота из эллинистической сельской усадьбы в округе Прекрасной Гавани (у бухты Ветреной) // САИ. 1970. Вып. Г 1—11. С. 66; Он же. Терракотовая статуэтка из поселения Глубокая Пристань. // Там же. С. 56; Шевченко А. В. Группа ранних терракот из Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса, 1888—1988: Тез. докл. Севастополь, 1988. С. 130—132; Она же. Терракотовые алтарики из Херсонеса: Каталог // Древности: ХИАЕ. 1995. С. 156—166; Она же. Культовые терракоты раннего Херсонеса (V — первая половина IV в. до н. э.) // ВДИ. 1998. № 3. С. 53—68; Она же. Терракоты античного Херсонеса // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. С. 7—44; Она же. Терракоты Херсонеса Таврического // Новый Гиперборей. Пермь, 2004. С. 23—34; Шевченко А. В., Костромичева Т. И. Деметра и Кора-Персефона в коропластике Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев, 1986. С. 77—86; Романчук А. И., Шевченко А. В. Терракотовые статуэтки из портового квартала Херсонеса // АДСВ: Античная и средневековая идеология. 1984. С. 23—34. Обращение к терракотовым статуэткам имеется и в других статьях А. В. Шевченко: К вопросу о культе Артемиды в Херсонесе // Античный мир. Византия. Харьков, 1997. С. 253—258; Боги античного Херсонеса // Крым христианский: История религий народов Крыма. Севастополь, 1997. С. 37—57; Культ Аполлона в Херсонесе // Археология. 1998. № 1. С. 99—105; Жизненный уклад и религиозные воззрения граждан Херсонесского полиса // Проблемы религий стран Черноморско-Средиземноморского региона. Севастополь; Краков, 2001. С. 125—130; Хтонические культы Херсонеса // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. Севастополь, 2001. С. 3—9; Культ Диониса в Херсонесе Таврическом // Nomos: Kwartalnik religioznawczy (Kraków). 2003. № 41/42. Р. 109—116; Восточные культы в эллинистическом Херсонесе // Восток—Запад: Межконфессиональный диалог. Севастополь, 2003. С. 14—18; Культ Кибелы в античном Херсонесе // Россия — Крым — Балканы: Диалог культур: Тез. докл. Екатеринбург, 2004. С. 33—34; Культ Кибелы в античном Херсонесе // АДСВ. 2005. Вып. 36. С. 13—21.

Некоторые аспекты существовавшего у херсонеситов пантеона с привлечением конкретных находок изложены в работах В. И. Кадеева¹ и В. Ф. Мещерякова², В. М. Зубаря³. В числе наиболее ранних исследований необходимо вспомнить статьи В. В. Латышева⁴,

---

¹ Кадеев В. И. О культе римских императоров в античных государствах Северного Причерноморья // Проблемы історії та археології давнього населення Української РСР. Київ, 1989. С. 88; Он же. К вопросу о культе римских императоров в Херсонесе // Вестник Харьков. ун-та. 1992. № 362: История. Вып. 25. С. 86–90; Он же. Херсонес Таврический: Быт и культура (I–III вв. н. э.). Харьков, 1996. С. 149–165, 197–294; Кадеев В. И., Зубарь В. М. Золотой медальон Тихе: Новые находки на территории Херсонеса // Правда Украины. 1982. 11 нояб.

² Мещеряков В. Ф. О происхождении культа Девы в Херсонесе Таврическом // Вестник Харьков. ун-та: История. 1973. Вып. 7. С. 65–73 (на укр. яз.); Он же. О культе богини Девы в Херсонесе Таврическом // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1979. С. 104–119; Он же. Государственные культы Девы и Херсонас в Херсонесе Таврическом в I–III вв. н. э. // Вестник Харьков. ун-та: История. 1980. № 201. Вып. 12. С. 64–72 (на укр. яз.); Он же. К вопросу о римском влиянии на религиозную жизнь населения Херсонеса Таврического в первые века н. э. // Проблемы античной истории и классической филологии: Тез. докл. Всесоюз. конф. Харьков, 1980. С. 40–42.

³ Зубарь В. М. О новых явлениях в идеологии Херсонеса первых веков н. э.: По материалам некрополя // АИУ за 1978–1979 гг.: Тез. докл. Днепрпетровск, 1980. С. 114–115; Он же. О некоторых аспектах идеологической жизни населения Херсонеса Таврического в позднеантичный период // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, 1990. С. 61–84; Он же. Херсонес–Херсон: От Ифигении до Христа // Хроника 2000. Вып. 33. Крым через тысячелетия. Киев, 2000. С. 228–232; Зубарь В. М., Мещеряков В. Ф. Некоторые данные о верованиях населения Херсонеса: По материалам некрополя первых веков // Население и культура Крыма в первые века нашей эры. Киев, 1983. С. 96–114.

⁴ Отдельные упоминания по данному аспекту содержатся в различных работах В. В. Латышева. Систематизированным обобщением особенностей идеологических представлений граждан античной эпохи является монография В. В. Латышева «Очерк греческих древностей» (СПб., 1887. Ч. 1; 1899. Ч. 2).

М. И. Ростовцева¹, А. В. Орешникова², А. И. Тюменева³.

Безусловно, приведенные выше имена не исчерпывают списка всех тех, кто писал об особенностях и типичных чертах религиозных воззрений граждан Херсонесского полиса или публиковал находки из раскопок города и его округа, интерес к которым проявляли и западноевропейские авторы.

Если рассматривать не хронологию появления публикаций, а этапы истории Херсонесского государства, то прежде следует остановить внимание на выводах диссертационной работы Ю. А. Бабинова, посвященной классическому и эллинистическому времени⁴. В другом исследовании автор представил на суд читателей свое видение истории изучения некоторых аспектов идеологии херсонеситов. Ю. А. Бабинову принадлежит также серия статей, в которых он анализирует посвященные граффити из раскопок Херсонеса и публикует такие находки, как арулы⁵.

---

¹ Ростовцев М. И. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // ИАК. 1911. Вып. 40. С. 1–42. Нельзя не обратить внимания на уникальное, но, к сожалению, трудно доступное издание: Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913. Т. 2; 1914. Т. 1.

² Орешников А. В. Херсонас, божество Херсонеса Таврического // ИАК. 1918. Вып. 65. С. 144–152; Он же. Олицетворение общины Херсонеса Таврического на монетах // ИРАИМК. 1922. Т. 2. С. 159–164. Библиографию работ исследователя см.: Жебелев С. А., Лихачев Н. П., Бузескул В. П. Записка об ученых трудах А. В. Орешникова и список его ученых трудов // ИАН. 1928. Сер. 7. ОГН. № 8–10. С. 452–457.

³ Наиболее полное обращение историка к идеологии херсонеситов содержится: Тюменев А. И. Херсонесские этюды. III: Херсонес и местное население: Тавры // ВДИ. 1949. № 4. С. 75–86. Имеются отдельные замечания и в других «Херсонесских этюдах».

⁴ Бабинов Ю. А. Религиозные культы и обряды античного Херсонеса, конец V–II вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1967.

⁵ См. работы Ю. А. Бабинова: К истории исследования религии Херсонеса Таврического, V в. до н. э. — I в. н. э. // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской: Ист. фак-т. 1965. Т. 121. Вып. 5. С. 141–149; Посвяти-

Значительным событием стало издание Э. И. Соломоник¹ новых эпиграфических находок Херсонеса (обнаруженных после выхода работ В. В. Латышева) с содержательными комментариями и обзором, посвященным верованиям херсонеситов. К двум томам «Новых эпиграфических памятников Херсонеса» следует добавить публикацию латинских надписей² и посвяtitельных граффити, обнаруженных на территории города и хоры³.

Кроме упомянутой выше статьи Г. Д. Белова, обобщившего находки из раскопок Р. Х. Лепера, большое значение для реконструкции культов античных полисов Северного Причерноморья имеют несколько выпусков такого издания как «Свод археологических источников», раздел которого о терракотах Херсонеса и его окрестности создан А. Н. Щегловым⁴;

тельные граффити из Херсонеса Таврического (раскопки К. К. Косцюшки-Валюжинича // ВДИ. 1970. № 4. С. 73–80; Алтари со змеями из Херсонеса Таврического // Тез. докл., посвященных итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г. в СССР: Дополнительный выпуск. Тбилиси, 1971. С. 29–36; Эллинистические домашние алтари // Херсонес Таврический: Ремесло и культура Киев, 1974. С. 19–25; Местные элементы в религии Херсонеса Таврического // Социально-экономические проблемы истории Древнего мира и Средних веков. М., 1972. С. 28–41; К вопросу о служителях культа в античном Херсонесе // Социально-экономические проблемы истории Древнего мира и Средних веков. М., 1972. С. 20–26; Культ Диониса в Крыму // *Nomos: Kwartalnik religioznawczy* (Kraków). 2003. 41/42. P. 11–20.

¹ Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. I. Киев, 1964 (далее: НЭПХ. 1); Она же. Новые эпиграфические памятники Херсонеса: Лапидарные надписи. II. Киев, 1973 (далее: НЭПХ. 2).

² Соломоник Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. Киев, 1983.

³ Соломоник Э. И. Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978; Она же. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984.

⁴ Щеглов А. Н. Скульптурные изображения Асклепия // СХМ. 1960. Вып. 1. С. 9–16; Голенко К. В., Щеглов А. Н. О культе Асклепия в Херсонесе Таврическом (по нумизматическим данным) // *Dacia*. N. S. 1965. T. 9. С. 373–382.

ему принадлежит также ряд работ относительно культа Геракла¹ и наблюдения о домашних святилищах херсонеситов².

Поступлению новых находок, требующего в отдельных случаях анализа уже введенных в научный оборот, посвящены статьи сотрудников Национального заповедника «Херсонес Таврический»: В. В. Борисовой, Т. И. Костромичевой, М. И. Золотарева, О. Я. Савели, С. Г. Рыжова³

---

¹ См. работы А. Н. Щеглова: Святильник с изображением Геракла // СХМ. 1960. Вып. 1. С. 21–24; Геракл в статуарной скульптуре Херсонеса // Проблемы археологии. 1994. Вып. 3. С. 136–148; Подвиги Геракла: По памятникам Херсонеса Таврического. Л., 1964; Геракл отдыхающий // Херсонес Таврический: Ремесло и культура. Киев, 1974. С. 44–55; Геракл и его атрибуты. Вотивные рельефы западнопонтийского и фракийского типа. Надгробия римских солдат. Надгробия боспорского типа // Античная скульптура: Каталог. Киев, 1976. С. 29–36, 43–44, 120–129.

² Щеглов А. Н. Греческие домашние святилища: По материалам раскопок на территории Херсонеского государства // Святилища. СПб., 2000. С. 74–77.

³ Борисова В. В. Эллинистические архитектурные детали // СХМ. 1960. Вып. 1. С. 5–9; Костромичева Т. И., Шевченко А. В. Домашнее святилище на Страбовом Херсонесе // ХСб. 1996. Вып. 7. 159–164; Золотарев М. И. Кубок с посвящением Зевсу Димеранскому из округа Херсонеса // КСИА. 1981. № 168. С. 56–58; Он же. Эллинистические домашние святилища в Херсонесе // Причерноморье в эпоху эллинизма: Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1982. С. 34–35; Он же. Эллинистическое домашнее святилище в Херсонесе // Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1985. С. 34–35; Он же. Домашнее святилище первых веков н. э. в северо-восточном районе Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса, 1888–1988: Тез. докл. Севастополь, 1988. С. 49–50; Он же. О культе божественной триады в эллинистическом Херсонесе // Боговете на Понта. Варна. 1998. С. 63–69; Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И. Божественная египетская триада в Херсонесе Таврическом // ΣΥΣΤΙΤΑ: Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000. С. 284–294; Савеля О. Я. Древние боги Таврики // Крым христианский: История религий народов Крыма. Севастополь, 1997. С. 14–36. Для воссоздания особенностей идеологии римского времени большое значение имеют раскопки украинно-польской экспедиции (О. Я. Савеля, Т. Сарновски) святилища в Балаклаве:

и В. С. Щербаковой, которая проанализировала такой источник как вставки на перстнях¹.

Отдельные замечания относительно культов Херсонеса и публикация находок содержатся в работах искусствоведов² из различных российских научных учреждений, прежде всего Государственного Эрмитажа³.

Обращение к истории изучения верований Херсонеса — эллинистического и римского периодов не будет полным, если исключить работы, в которых рассмотрена скульптура. Это вид находок представлен в

Савеля О. Я. Триада из храма Юпитера Долихена в Балаклаве // Проблемы религий стран Черноморско-Средиземноморского региона. Севастополь; Краков, 2001. С. 178—181; Зубарь В. М., Сарновски Т., Савеля О. Я. Новые латинские надписи из римского храма в окрестностях Херсонеса Таврического // Археологія. 1997; Савеля О. Я., Сарновский Т. Римский опорный пункт у Балаклавы в Юго-Западном Крыму (по результатам раскопок 1996—1997 гг.) // Проблемы истории и археологии Украины: Тез. докл. Харьков, 1999. С. 44—45; Они же. Две латинские надписи из Балаклавы и Херсонеса // ВДИ. 1999. № 1. С. 42—45; Сарновски Т., Савеля О. Я. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 2000; Зубарь В. М., Сарновски Т., Савеля О. Я. Новые латинские надписи из римского храма в окрестностях Херсонеса Таврического // ВДИ. 1999. № 2. С. 206—215; Рыжов С. Г. Бронзовая статуэтка Исиды из Херсонеса // РА. 1992. № 3. С. 206—213; Он же. Терракотовая мастерская в северном районе Херсонеса // Древности: ХИАЕ. 1994. С. 64—72.

¹ Щербакова В. С. Изображение Ники на античных печатях из Херсонеса // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 63—67; Она же. Бронзовые перстни-печати херсонесского производства II—III вв. н. э. // Археологія. 2000. № 3. С. 49—55.

² Иванова А. П. Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л., 1953; Она же. Скульптурное изображение Диониса из Херсонеса // СА. 1964. № 2. С. 134—139.

³ Максимова М. И. Античные печати Северного Причерноморья // ВДИ. 1937. № 1. С. 251—261; Максимова М. И., Наливкина М. А. Скульптура // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. Т. 1. С. 297—324; Калашник Ю. П. Перстень-печать из херсонесского склепа № 1012 // ΣΥΣΣΙΤΙΑ: Памяти Ю. В. Андреева. СПб., 2000. С. 280—284.

Каталоге, подготовленном к изданию под руководством А. П. Чубовой¹. Один из его разделов посвящен изображениям мифических персонажей: Диониса и его свиты, Афродиты и Эроса, Кибелы, Геракла и других божеств. Рельефы на саркофагах и стелах, терракотовые фигуры, изготовленные из глины и камня алтари, описанные и прокомментированные издателями, восполняют сведения об особенностях идеологических представлений граждан Херсонесского государства, являясь, с одной стороны, публикацией источника, а с другой — искусствоведческими и историографическими микроновеллами.

Римскому периоду посвящены исследования В. И. Кадеева, особый интерес представляет его фундированная монография «Херсонес Таврический: Быт и нравы» (Харьков, 1996).

В сущности, все перечисленные выше работы (за небольшим исключением) упоминаются в коллективной монографии по истории Херсонеса середины I в. до н. э. — VI в. н. э.² Значимость данного издания состоит в том, что оно стало своеобразным подведением итогов знаний о шести веках херсонесской истории, накопленных исследователями к концу XX в. К некоторым положениям данных глав предстоит обратиться в связи с изложением дискуссионных вопросов, но предварительно следует заметить корректность изложения материала, стремление авторов учесть все находки, которые могут способствовать воссозданию менталитета херсонеситов.

Богиня Дева в Херсонесе: эпиклеза Артемиды, или Иное божество?

Религиозные воззрения и культы херсонеситов формировались под влиянием традиций, которые были характерны в целом для эллинского

---

¹ Иванова А. П., Чубова А. П., Колесникова Л. Г., Щеглов А. Н., Бабинов Ю. А. Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976.

² Владимиров А. А., Журавлев Д. В., Зубарь В. М. и др. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э.: Очерки истории и культуры. Харьков, 2004. С. 302—455. Для рассматриваемого сюжета интерес представляют три главы монографии: Повседневная жизнь (М. В. Скржинская), Религиозное мировоззрение (А. С. Русяева, В. М. Зубарь), Культурные традиции и новшества (А. С. Русяева).

мира и, в частности, Гераклеи Понтийской, а так же — жителей о. Делоса, принимавших участие в основании апойкии. Однако особенности хозяйственной деятельности, та новая среда, в которой протекала жизнь переселенцев, не могли не оказать влияния на формирование пантеона. Как можно видеть из текста Присяги, вслед за Зевсом, Геей, Гелиосом, хорошо известными и почитаемыми во многих полисах божеествами, херсонеситы называли Деву.

Относительно происхождения культа Девы в отечественной и зарубежной историографии существуют взаимно исключающие точки зрения. Это вызвано характером упоминания богини у Геродота, а также тем, что исследователи, обращаясь к вопросу о происхождении и роли божества в Херсонесе, вынуждены были чаще всего использовать косвенные свидетельства источников.

Итак, Парфенос является эпиклезой и Афины, и Артемиды¹.

Гесиод в «Теогонии» писал, что почести Афине воздаются вслед за Зевсом. В классический период для Афины характерной являлась такая функция как защита общественного порядка. Статуя Афины Промехос (передовой боец) украшала Афинский акрополь. Во многих полисах поклонялись Афине Полиаде (городской) и Афине Полиухос (градодержице). Те, кто был связан с ремеслом, чтити Афиу Эргану (работницу). В Аттике ее называли также Булайя (советная), Фратрия (братская), Сотейра (спасительница). Афине-Парфенос в 448—438 гг. Иктин и Калликрат возвели величественный храм на Акрополе на месте Гекатомпедона, разрушенного во время Персидской войны (500—449 гг. до н. э.).

Кульг Артемиды, родившейся на о. Делос, сформировался очень рано. В архаические времена она являлась владычицей зверей на Крите. Артемиду Ортиу почитали в древнейший период в Спарте. В Эфесском храме поклонялись Артемиде «Многогрудой», как божеству, дающему плодородие. Однако классический образ Артемиды — это богиня-девственница, защитница целомудрия. Ей перед свадьбой принято было

---

¹ Подробно о культах и верованиях эллинов, а также переложение мифов см.: Парановский Я. Мифология: Верования и легенды греков и римлян / Пер. с польск. М., 1971; Словарь античности. М., 1989; Souli S. Griechische Mythologie: Weltentstehung — die Götter — Die Heroen — der Trojanischer — Krieg — die Odyssee. Athen, 1995.

приносить искупительные жертвы. Но она и враг нарушавших права и устои олимпийцев.

Если следовать логике и тому, что слово «парфенос» являлось эпиклезой, можно полагать, что в Херсонес вместе с традициями дорийцев через посредство делосцев и гераклеотов проникает культ Артемиды Парфенос. Позднее эпиклеза «дева» превращается в имя собственное.

Следовательно, Дева — это Артемида, культ которой был привнесен в Херсонес переселенцами. Данная точка зрения на происхождение культа Артемиды у херсонеситов изложена еще в середине XIX в. Б. В. Кене¹. Спустя несколько лет А. А. Сибирский² пришел к аналогичному выводу на основании изучения нумизматических находок. Фактически одновременно получило распространение и иное мнение, согласно которому Дева является местной, таврской богиней, заимствованной эллинами у соседей. Гипотеза прозвучала в статье одного из немецких историков К. Нойманна³.

Участие в дискуссии относительно происхождения херсонесской богини Девы приняли В. В. Латышев и нумизмат А. В. Орешников. Основываясь на анализе свидетельств письменных и эпиграфических источников, В. В. Латышев полагал, что Дева является местной богиней, заимствованной эллинами у тавров⁴. Показательны слова А. В. Орешникова, писавшего, что «на богиню тавров должно смотреть глазами херсонесца, то есть как на местную богиню Деву, а не как на Артемиду»⁵.

---

¹ Кене Б. В. Описание музеума кн. В. В. Кочубея и исследование об истории и нумизматике греческих поселений в России, равно как и царств: Понтийского и Босфора Киммерийского. СПб., 1857. Т. 1. С. 122.

² Сибирский А. А. Богиня Артемида и ее значение в нумизматике Боспора Киммерийского и Херсонеса Таврического // ЗООИД. 1863. Т. 5. С. 88–89.

³ Neumann K. Die Hellenen im Skythenlande. Berlin, 1855.

⁴ Латышев В. В. К вопросу о культе богини Девы в Херсонесе Таврическом // Сборник Харьков. ист.-филол. об-ва в честь проф. В. П. Бузескула. Харьков, 1914. С. 206–211.

⁵ Орешников А. В. Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Полемона II Понтийского // НС. 1913. Т. 2. С. 9.

Дискуссия, начавшаяся в середине 70-х гг. XIX в., была продолжена в следующем столетии. «В культе Девы не греческое, а местное является решающим», — писал выдающийся российский антиковед М. И. Ростовцев¹. Параллельно с взаимоисключающими точками зрения наметился и компромиссный подход к вопросу о происхождении культа. Выразителем его стал английский историк Э. Миннс. Ему принадлежит замечание, что для херсонеситов, провозгласивших Деву защитницей своей общины, вопрос о ее происхождении не являлся существенным: они олицетворяли ее с Артемидой. Но полагал исследователь, Дева все же в первую очередь — местная богиня².

Историки XX столетия неоднократно обращались к вопросу о происхождении культа Девы, склоняясь к одному из выводов, прозвучавших в работах XIX — начала XX в. Повлияло на оживление дискуссии о культе Девы в Херсонесе обнаружение на территории городища двубрядового некрополя (северный район, 1936 г.). Это, в свою очередь, привело к обсуждению проблемы о роли аборигенного населения в развитии полиса.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление и напомнить мнение Г. Д. Белова в отношении интерпретации этнической принадлежности захоронений некрополя. Во время его раскопок были обнаружены грунтовые погребения со скорченными и с вытянутыми костяками. Автор раскопок полагал, что материалы некрополя отражают смешанное — греко-тавское население древнего Херсонеса³. В 1952 г., обобщая результаты раскопок, исследователь подчеркнул: «Тавры оставались в Херсонесе в течение длительного времени, продолжая жить в городе вместе с греками, и пользовались предметами

---

¹ Ростовцев М. И. Новая книга о Белом острове и Таврике // ИАК. 1918. Вып. 65. С. 196. В последующих работах вывод повторен, см.: Ростовцев М. И. Эллинство и иранство на юге России. 2-е изд. М.: Книжная находка, 2002. С. 91.

² Minns E. H. Scythians and Greeks. A Survey of Ancient History and Archeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge, 1913. P. 543.

³ Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Крымиздат, 1938. С. 163—195.

греческой культуры. ...Убедительным тому доказательством является известный факт заимствования греками у тавров культа богини Девы»¹.

Не излагая всех наблюдений и замечаний, прозвучавших в то время, представим как своеобразный итог, выводы Э. И. Соломоник, попытавшейся несколько сблизить противоположные мнения. Она подчеркивала, что культ Девы в Херсонесе появился как результат религиозного синкретизма (или идентификации при решающем влиянии таврского элемента); для херсонесского божества характерны некоторые черты Артемиды, в частности, функции защитницы и спасительницы. Э. И. Соломоник отмечала также, что «культ таврской Девы слился в Херсонесе с близкими по характеру греческими культами Артемиды и Ифигении. ...Греческий культ Артемиды, известный еще в Микенскую эпоху, видимо, сам восходил к аналогичному женскому божеству природы и потому получил широкое распространение в античном мире. Он засвидетельствован в Мегарах и ее колонии Гераклея Понтийской, откуда и должен был проникнуть в Херсонес одновременно с культами других богов. Однако многое в истории синкретизма Артемиды с Девой в Херсонесе остается не ясным: когда это произошло, и существовали там отдельный культ Артемиды»².

Десятью годами позднее Э. И. Соломоник вновь обратилась к вопросу о синкретическом культе Девы. Особый интерес в связи с этим представляет предпринятый ею анализ одной из надписей из раскопок Каллатиса (территория совр. Румынии) начала III в до н. э., в которой наряду с именем Артемиды указана ее эпikleза Партенос. В этой работе исследовательница признает, что существенных данных в пользу тезиса о появлении синкретического культа раскопки таврских памятников не выявили. Однако случаи заимствований греками чужеземных божеств, как свидетельствуют примеры из различных районов Эллады, имели место. Особенно наглядным, по ее мнению, является то, что в Эфесе

---

¹ Белов Г. Д. Северный прибрежный район Херсонеса: По новейшим раскопкам // МИА. 1953. № 53. С. 13. Тщательный анализ широкого круга данных позволил В. И. Кадееву и В. М. Зубарю показать ошибочность первоначальной интерпретации материалов раскопок (см. об этом выше).

² Соломоник Э. И. О культе Артемиды в Херсонесе // АИУ в 1967 г. Киев, 1968. С. 155–157.

местное азиатское божество природы слилось с Артемидой. Отчасти исследовательница солидаризируется с мнением М. И. Ростовцева, ссылаясь на его статью¹.

Появление новых источников способствовало уточнению выводов. Так в одной из более поздних работ, посвященной систематизации и дешифровке граффити, Э. И. Соломоник констатирует: «В посвяtitельных надписях эллинистического времени известны Дева, Афина, Дионис, Деметра; на аттических сосудах последней четверти V в. до н. э. встречаются посвящения Зевсу-Сотеру, Артемиде, Аполлону, Кибеле, Гераклу, Ахиллу и др.; на основании изучения граффити впервые выяснилось, что наряду с синкретическим культом Девы, вероятно, сложившемся в IV в., в Херсонесе еще с конца V в. существовал самостоятельный культ Артемиды», как ...и в других дорийских центрах»². Этому замечанию Э. И. Соломоник следует уделить внимание потому, что сторонники заимствования культа Девы у тавров, использовали отсутствие «самостоятельного существования культа Артемиды» как один из аргументов. Э. И. Соломоник, говоря о таврских памятниках, имела в виду обнаруженные А. Л. Бертье-Делагардом около Ялты еще в 1905 г. остатки святилища, относящегося к I в. до н. э. — IV в. н. э.³ Во время его изучения были встречены глиняные статуэтки, как предполагалось, изображающие богиню этих мест.

В XX в. было открыто уникальное святилище на перевале Гурзуфское Седло с многочисленными находкам вооружения, орудий труда, различными бытовыми предметами, греческими и римскими вотивными статуэтками из серебра и бронзы, костями домашних животных. Автор раскопок комплекса, существовавшего с VII в. до н. э. до III в. н. э., крымская исследовательница Н. Г. Новиченкова полагает, что оно было посвящено местным божествам, в том числе и Деве⁴.

---

¹ Соломоник Э. И. НЭПХ. 2. С. 77–79.

² Соломоник Э. И. Предисловие // Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978. С. 5–7.

³ Бертье-Делагард А. Л. Случайная находка древностей близ Ялты // ЗООИД. 1907. Т. 27. С. 19–27.

⁴ Новиченкова Н. Г. Устройство и обрядовость святилища у перевала Гурзуфское седло. Ялта, 2002.

Основываясь на общеисторической ситуации и имеющихся источниках, свое решение вопроса о культе Девы предложил представитель Харьковской школы антиковедения В. Ф. Мещеряков¹. Проанализировав работы предшественников, он сделал заключение в справедливости вывода о том, что богиня Дева со времени основания города возглавляла пантеон Херсонесского полиса². Но поскольку тавры являлись «смертельными врагами» эллинов, говорить о «заимствовании» у них божества вряд ли возможно³. Культ Артемиды-Партенос попал в Крым с греками-колонистами, но первоначально широкого почитания Артемиды не существовало. Со временем, возможно, уже в раннеэллинистический период, Артемиды-Партенос стала именоваться Девой — это местная ипостась Артемиды. Эпиклеза стала собственным именем⁴.

О сложности и неоднозначности решения вопроса относительно культа Девы писали в те годы и другие исследователи, среди которых следует назвать статьи Л. А. Пальцевой. Соглашаясь с мнением тех историков, которые считали, что это божество «привнесено» из других греческих городов, она все же не сочла возможным отождествить Деву с Артемидой⁵.

Как заключение относительно культа богини Девы можно привести выводы из пяти работ, четыре из которых опубликованы уже в начале XXI столетия.

---

¹ Мещеряков В. Ф. О культе Девы... С. 104—118.

² Об этом писал В. В. Латышев, см.: Латышев В. В. Гражданская присяга херсонесцев // Понтика. СПб., 1909. С. 158—159.

³ Тезис блестяще развит и право на его существование показано в работах В. М. Зубаря.

⁴ Мещеряков В. Ф. О культе Девы... С. 115—117. Работы харьковского исследователя появились после долгого «забвения» такого аспекта как идеология граждан Херсонесского полиса. В последующем В. И. Кадеев подчеркнул значение штудий своего ученика, назвав их первым специальным обобщением религии, культов и верований населения Херсонеса первых веков н. э., при этом он отмечает особое значение работ, посвященных культу Девы (см.: Кадеев В. И. Херсонес Таврический: Быт и культура. С. 149).

⁵ Пальцева Л. А. Культ богини Девы в Херсонесе // Из истории античного общества. Горький, 1979. Вып. 2. С. 30—46; также см.: Пальцева Л. А. Херсонес Таврический в V—I вв. до н. э. Л., 1988. С. 78—81.

Одна из коллективных монографий киевских историков А. Русяевой и М. Русяевой посвящена анализу свидетельств источников и существующих точек зрения относительно культа Девы¹. Итоговым выводом авторов является положение о том, что наличие в составе первых переселенцев граждан о. Делоса — места рождения близнецов Аполлона и Артемиды — предопределило включение Артемиды в полисный пантеон херсонеситов под эпиклезой Партенос.

Противоречивые концептуальные положения характерны для М. Г. Бондаренко в работе, посвященной попытке систематизировать все находки, отражающие идеологию граждан античного Херсонеса. Логическая цепочка построения выводов выглядит следующим образом: а) греки-колонисты — это в основном молодые мужчины; их браки с «таврскими девушками» привели к метизации и проникновению в среду переселенцев культов местных божеств; б) заимствованный культ таврского женского божества был «переосмыслен и модернизирован, а таврская богиня частично отождествлена с греческой Артемидой»². При этом М. Г. Бондаренко, отсылая читателя к наблюдениям одной из работ В. М. Зубаря, противоречит собственным выводам. Цитата, на которую сделана ссылка, звучит следующим образом: «Характерной особенностью развития Херсонеса с момента его основания была непрекращающаяся вооруженная борьба греческих переселенцев с таврами за контроль над землями, пригодными для ведения сельскохозяйственного производства»³. Далее В. М. Зубарь пишет, что культ главного божества Херсонеса имеет «греческое происхождение, неразрывно связанного с культом богини Артемиды и мифами об Ифигении.

---

¹ Русяева А., Русяева М. Верховная богиня античной Таврики. Киев, 1999. В коллективной монографии к некоторым из выводов данной работы авторы главы «Религиозное мировоззрение» обращаются с тем, чтобы показать эволюцию культа. Безусловно, это закономерно, тем более что одним из соавторов является А. С. Русяева (см.: В. М. Зубарь, А. С. Русяева. Религиозное мировоззрение // Владимиров А. А., Журавлев Д. В., Зубарь В. М. и др. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. ... С. 333—430.

² Бондаренко М. Г. Пантеон Херсонеса... С. 25.

³ Зубарь В. М. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. Киев, 2004. С. 21.

...Греки в конкретно-исторических условия Таврики рассматривали Партенос в качестве покровительницы этой земли, что, вероятно, служило идеологическим обоснованием для экспансии»¹. Вероятно, от М. Г. Бондаренко, ускользнуло, что смысловая нагрузка приведенной цитаты вряд ли может подтвердить мнение о «переосмыслении и модернизации» местной таврской богини Девы, тем более метизации и восприятию посредством ее традиций варваров².

При изложении мнений историков (в хронологическом порядке) намеренно пропущена еще одна из работ конца 20 столетия — исследование В. И. Кадеева «Херсонес Таврический: Быт и культура. I—III вв.» (Харьков, 1996), поскольку в ней в большей степени говорится о значении данного божества в целом в пантеоне полиса. На основании многолетних исследований памятников Херсонеса римского периода В. И. Кадеев сделал вывод: «Главным официальным культом в Херсонесе был культ богини Девы, которая была покровительницей и защитницей города и неоднократно, по мнению херсонеситов, спасала их от врагов. Исследования этого культа показали, что в образе Девы жители Херсонеса почитали Артемиду в различных ипостасях и защитницу полиса Тихэ, то есть Дева была синкретическим божеством, которое вобрало в себя черты нескольких богов, стоявших на страже города и его гражданской общины»³. Эти слова подчеркивают значимость культа богини во все периоды далеко не спокойной жизни херсонесской общины.

Продолжением дискуссии (хотя вряд ли в данном случае следует говорить о таковой, скорее это констатация мнения, прозвучавшего ранее) о культе богине Девы, являются выводы монографии, посвященной истории и культуре Херсонеса классического и римского времени⁴.

---

¹ Зубарь В. М. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. Киев, 2004. С. 20.

² Если следовать логике М. Г. Бондаренко и учитывать при этом закономерности исторического развития, то мы окажемся у истоков дискуссии 30-х гг. о варваро-эллинском Херсонесе, о значительной роли автохтонного населения Таврики в развитии городов Северного Причерноморья.

³ Кадеев В. И. Херсонес Таврический: Быт и культура. С. 150.

⁴ Зубарь В. М. Религиозное мировоззрение // Херсонес Таврический в третьей четверти VI — середине I в. до н. э. Киев, 2005. С. 348—350.

Детальный анализ таких памятников как монеты, декреты херсонеситов и др. привел авторов к убеждению, что во все периоды истории Херсонеса граждане обращались прежде всего к своей главной богине (в некоторых случаях наряду с Гераклом), уповая в годы напряженного противостояния с варварами на такую ее функцию как защитница — Сотера. При этом отмечено, что наибольшие сложности вызывает реконструкция пантеона в наиболее ранний период херсонесской истории. Вероятнее всего, граждане чтили Зевса Сотера, Артемиду, Аполлона, Кибелу, героев Геракла и Ахилла, к рубежу V—IV вв. до н. э., культ Девы становится главенствующим, о чем позволяет судить характер монетной чеканки Херсонеса¹. И, наконец, замечание итоговое из коллективной монографии: «Исконное имя богини Артемиды, как и в эллинистический период, не ставилось не только с ее эпikleзой Партенос, но и с вышеотмеченными сакральными эпитетами»² (имеется в виду «Сотейра» и «Простата»).

Итак, казалось бы, в отношении вопроса почитания богини Девы поставлена точка. Но можно ли считать, что вывод наиболее поздней из приведенных выше работ подвел итог в дискуссии о главном государственном культе Херсонеса?

Время покажет, или как говорили латиняне: «Temporis filia veritas» (Истина дочь времени). А пока вспомним слова Страбона, писавшего об афинянах, что они, как в других отношениях, так и в отношении к богам, были друзьями иностранцев (Страбон. X, 471)³.

Государственный пантеон херсонеситов; почитание божеств различными сообществами

В начальных и заключительных словах Присяги — своеобразной конституции Херсонесского полиса, содержится обращение к тем бо-

---

¹ Зубарь В. М. Религиозное мировоззрение // Херсонес Таврический в третьей четверти VI — середине I в. до н. э. Киев, 2005. С. 350.

² Русяева А. С., Зубарь В. М. Религиозное мировоззрение // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э.: Очерки истории и культуры. Харьков, 2004. С. 335.

³ Однако вряд ли Страбон в данном случае имел в виду варваров. Иностранцы — это все не афиняне, граждане других полисов.

жествам, которые входили в состав общегосударственного пантеона. Однако возникает вопрос: чьим именем из олимпийцев, кроме Зевса, Геи (вопрос о Гелиосе оставим на будущее) клялись граждане. Кто из двенадцати олимпийцев подразумевался в строках Присяги под «богами и богинями олимпийскими, а кому они посвящали только домашние алтари? Другими словами: всем ли из олимпийцев в равной мере приносились жертвы, устраивались празднества и возводились храмы от имени всей общины.

Боги и богини первой строки Присяги

В отношении Зевса¹ и Геры, названных в самом начале принятого на народном собрании номоса, особых сомнений в том, что они входили в состав официального пантеона, значительная часть историков Херсонеса не высказывала.

Кроме обращения к Зевсу в Присяге, о том, что он входил в состав официального пантеона, свидетельствуют и изображения его атрибутов на монетах: сидящий орел со сложенными крыльями (третья четверть II в. до н. э.) или орла с распушенными крыльями (70—63 гг. до н. э.)², а на монетах второй половины I в. до н. э. — голова Зева. На основании наиболее ранних посвящений-граффити можно заметить, что почитание

---

¹ В заключительной части данного очерка приведено иное мнение относительно обращения херсонеситами в первых строках Присяги к Зевсу и Гее. Суть его в том, что это традиция — именовать главных из Олимпийцев, а не показатель «иерархии» культов. Громовержец Зевс имел многочисленные функции, о чем свидетельствуют употребляемые с его именем такие эпиклезы: Элевтерий — защитник свободы, Сотер (Спаситель) — прав гражданина и государства; Геркей — почитался как охранитель домашнего очага (от слова *herkos* — ограда); Ксений покровительствовал чужестранцам (*xenos* — чужестранец); Зевс Ктесий (Приобретатель) считался подателем богатства. Атрибутами Зевса являлись орел, скипетр и пучок молний. Имеется небольшой алтарь из мрамора первых веков н. э. с изображением орла. Сохранность не позволила убедиться в том, принадлежал он Зевсу или Юпитеру (см.: Соломоник Э. И. НЭПХ. 1. № 18. С 52—53).

² Сведения об изображениях на монетах приведены по: Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса, IV в. до н. э. — XII в. н. э. Киев, 1977.

верховного олимпийца существовало в семьях херсонеситов со времени основания полиса. Алтари Зевса и Геры были встречены во время раскопок хоры Херсонеса¹. Граждане часто обращались к такой ипостаси бога как Сотер, а на одной из надписей II в. до н. э. упоминается Зевс-Ктесий (Приобретатель). В Херсонесе, возможно, имелся храм Зевса, косвенным подтверждением является известняковый блок (III в. до н. э., скорее всего из стены храма), на котором было прочтено имя главы олимпийцев².

С течением времени многое менялось в жизни херсонеситов. Наиболее существенные перемены прослеживаются в социальной структуре полиса в римское время, но и в этот период граждане обращались за помощью и защитой к Зевсу-Сотеру или Зевсу Верховному (IosPE. I². № 413), посвящая ему некоторые из своих дел. Так в одной из надписей говорится: «...Сын (такого-то) построил стену на собственные средства Зевсу-Сотеру за себя самого и за благополучие города» (IosPE. I². № 438, середина II в. н. э.).

Однако время внесло и некоторые изменения в культ Зевса. Легионеры, прибывшие из Фракии, почитали его как Зевса-Юпитера³. Римское присутствие в Херсонесе привело к распространению культа Юпитера Лучшего Высочайшего, храм которого (Юпитера Димеранского) был раскопан в недавние годы совместной экспедицией Херсонесского заповедника (О. Я. Савеля) и Варшавского университета (Т. Сарновски) на территории современной Балаклавы.

Многочисленные находки граффити с упоминаем Зевса, алтарики, на которых он изображен вместе с супругой Герой и с дочерью Гебой (богиня цветущей молодости, супруга Геракла), статуэтки из мрамора и бронзы, светильники с изображением Зевса и Леды, позволяют судить о популярности культа первого среди Олимпийцев⁴, который был не

---

¹ Кобелев А. С., Яшаева Т. Ю. Домашний алтарь Зевса и Геры из загородной усадьбы Херсонеса // МАИЭТ. 1996. Вып. 5. С. 32–34.

² Соломоник Э. И. НЭПХ. 1. С. 183.

³ Золотарев М. И. Кубок с посвящением Зевсу Димеранскому... С. 56–58).

⁴ Чтобы избежать увеличения научного аппарата, здесь и в дальнейшем сноски на памятники, подтверждающие тезис, не приводятся, поскольку все они хорошо известны по публикациям, список которых приведен выше.

только общегосударственным, но к нему обращались и у домашних алтарей¹.

В первые века н. э., особенно в III—IV вв., херсонеситы помещали в могилы небольшие горшочки, на которых краской были написаны посвящения Зевсу, как полагала Э. И. Соломоник, считая, что находки отражают развитие новой функции божества: Зевс стал в это время и покровителя мертвых, его культ приобрел хтонические черты².

В результате религиозного синкретизма в римский период возник «частный культ» Зевса-Сераписа. Истоки его идут в Александрию Египетскую. Основатель державы Птолемеев (Птолемей Сотер, ок.

---

¹ Останавливая внимание на внешнеполитической ситуации в Таврике после смерти Митридата Евпатора, авторы коллективной монографии замечают, что, возможно, «в государственной политике на короткое время предпочтение отдавалось именно Зевсу, а не традиционной Партенос» (Русяева А. С., Зубарь В. М. Религиозное мировоззрение. С. 343). Сравнительный анализ изображений на монетах придает этому выводу более чем вероятностный характер. Для эллинистического периода, по мнению В. М. Зубаря, судить о значимости культа Зевса можно только на основании единичных терракот и граффити, чтение некоторых из них является сомнительным. Обращение к Зевсу в Присяге и других официальных документах — это призыв к покровителю справедливости. Только для II — начала III в. н. э. существуют памятники, которые свидетельствуют об общеполисном поклонении (см.: Зубарь В. М. Религиозное мировоззрение. С. 350).

² Соломоник Э. И. Две группы надписей на керамических сосудах из Крыма первых веков нашей эры // Проблемы древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995. С. 38—46. В. М. Зубарь и А. С. Русяева приводят сводку таких надписей-посвящений на кубках, встреченных в погребениях (датируются II в. н. э.), которые читают как имена Геры, Сераписа, Исиды, Диониса (Русяева А. С., Зубарь В. М. Религиозное мировоззрение. С. 384—385). Особое внимание они уделили анализу надписи «да будет милостив ко мне бог». Кубки с такой надписью, согласно гипотезе Э. И. Соломоник, свидетельствуют о раннехристианских захоронениях (об этом см.: Соломоник Э. И. Из истории религиозной жизни в северо-понтійских городах позднеантичного времени: По эпиграфическим памятникам // ВДИ. 1973. № 1. С. 73—74). На основании широкого круга аналогий, авторы коллективной монографии доказывают ошибочность предположения, что они принадлежали христианам.

367—283 гг. до н. э.) приказал перевезти в свою столицу изображение Зевса из Синопы¹. На новом месте божество получило и имя, составившее из имени бога мертвых Осириса и божественного быка Аписа. С проникновением римлян на восток, культ Сараписа (Сераписа), вместе с культом Исида, распространяется по всему Средиземноморью и Причерноморью. Так в начале тысячелетия и в Херсонес проникает поклонение не только Зевсу-Серапису, но одновременно Гере-Исиде.

В отношении значимости культа Зевса в римское время существует в настоящее время два мнения. В. И. Кадеев полагает, что этот культ уже не играл ведущей роли в пантеоне херсонеситов². Однако примеры, приведенные В. М. Зубарем и А. С. Русяевой, свидетельствуют об обратном³. Так новое обращение к источникам позволило внести «хронологические» коррективы в существующие точки зрения.

Верховная богиня Гера. Совокупное обращение в надписях-граффити и изображение Зевса и Геры на некоторых памятниках показатель неразрывной связи культов. Но Гера, атрибутом которой являлся павлин, почиталась херсонеситами не только вместе со своим божественным супругом. Покровительнице брака, имя которой упоминается в Присяге, посвящались и домашние алтари, ее изображения из глины изготовлялись в местных мастерских короoplastов. О популярности отдельного от Зевса культа Геры свидетельствует название одного

---

¹ Правда, существует мнение, что только позднеантичная и христианская традиции связала легенду о перенесении статуи бога Сераписа в Египет из Синопы в период правления первых Птолемеев (по одним рассказам — это Птолемей I Сотер, по другим — Птолемей Филадельф). Однако некоторые из исследователей полагают, что этот факт заслуживает доверия (подробнее см.: Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. Взаимоотношения метрополии и колонии в VI—I вв. до н. э. М., 1986. С. 135).

² Кадеев В. И. Херсонес Таврический: Быт и культура. С. 150.

³ Наиболее ярким свидетельством является надпись II в. н. э., в которой Зевс упоминается с эпиклезой Гипатос (Верховный). Как и в других центрах Северного Причерноморья, значение культа Зевса в ипостаси Сотера усиливалось в периоды военной опасности или кризиса (см.: Русяева А. С., Зубарь В. М. Религиозное мировоззрение. С. 344).

из месяцев в календаре — герей¹. Вполне вероятно, что именно в этот месяц проводились празднования в ее честь. Широкое почитание богини в семьях горожан отразилось в распространенности среди них таких имен как Герофил, Героксен, Геродот, Герострат (теофорные имена, т. е. имена, в состав которых входит имя божества). В римский период она (Гера-Исида), как и Зевс-Серапис, приобрели черты хтонического синкретического культа.

Гелиос — третье божество Присяги

Вечно юный, лучезарный Гелиос, согласно мифам, был сыном титана Гипериона и Тейи. К живущему в высоте, к всевидящему и всеслышащему божеству обращались при произнесении клятвы, призывая его в качестве свидетеля. Он, как один из покровителей всей херсонесской общины эллинистического периода, изображался на монетах: голова Гелиоса в солнечной короне (выпуски ок. 110—100 гг. до н. э.). Божество, скорее всего, «прибыло» в Херсонес вместе с переселенцами из Гераклеи. Но судить о том, имелся ли его храм, не представляется возможным. Правда, терракотовые плиты (антефиксы) с изображением Гелиоса, использовавшиеся, скорее всего, для украшения храмов, встречались во время раскопок. В центре одной, хорошо сохранившейся плиты, датируемой второй половиной IV в. до н. э., на фоне острых лепестков, в медальоне была помещена голова Гелиоса в солнечной короне. Во время раскопок городища и хоры встречались посвящения-граффити божеству, бронзовые статуэтки и геммы с его изображением. В римский период он изображался на светильниках, блюдах, покрытых красным лаком. Поднятые ладони — молитвенное обращение к богу Солнца, характерны для надгробных стел.

---

¹ Об этом см.: Кадеев В. И. О календаре Херсонеса Таврического // Вестник Харьков. ун-та. 1994. № 385: История. Вып. 28. С. 31—38; Херсонес Таврический: Быт и культура. С. 141—148. Для сравнения с мнением В. И. Кадеева следует привести замечание, суть которого в том, что обращение к Зевсу, Гере и Гелиосу первых строк Присяги, — это проявление традиции — наличие обычной формулы клятвы, в которой Гелиос выступает как мститель тем, кто ее нарушил (см.: Зубарь В. М. Религиозное мировоззрение. С. 352).

К всевидящему Гелиосу — олицетворению справедливости, — обращались с просьбой покарать убийц, охранить могилу от осквернения. В первые века культ Гелиоса приобрел хтонические черты¹, охранял от колдовских чар своих почитателей.

«О, Гелиос, ты придешь и будешь охранять Демократа, имеющего многие заслуги и достоинства, от всякого колдовства или дурного глаза», — гласит надпись III в. н. э. на одном из надгробий.

Аполлон, сын Зевса и Латоны

Родившийся в Делосе покровитель муз, охранявший также стада и посевы, насылавший болезни, и отвратитель бед, Аполлон-Феб очень часто отождествлялся с Гелиосом, являясь солнечным божеством. Культ Аполлона имел общеэллинский характер. В Дельфах, рядом с которыми он, согласно легендам убил чудовище Пифона, ему был сооружен храм, имевший славу благодаря прорицаниям пифий, которые они давали от имени Оракула — Аполлона. Отправлявшиеся на освоение новых земель приносили дары в храм в надежде на покровительство бога и ожидая прорицания. Многочисленные храмы в Греции и в городах малоазиатского побережья свидетельствуют о широком распространении культа Аполлона, появившегося в Херсонесе, вместе с создателями апойкии. В память о переселении на новые земли гераклейцев и жителей Делоса на острове отмечался праздники Херсонисии.

Как и другие полисы, Херсонес обращался за предсказаниями и покровительством в Дельфийское святилище, о чем свидетельствует упоминание херсонеситов в надписях из раскопок святилища, а также дарование проксении послам, которые от имени всей общины пожертвовали храму Аполлона 100 голов скота и богине Афине — 10 голов. Проксенический декрет был обнародован в 192 г. до н. э. Именно в это время над полисом

---

¹ Э. И. Соломоник (НЭПХ. 1. С. 188), отметив связь Гелиоса с заупокойным культом (на приводимом ею памятнике изображен жест адорации — поднятые ладони), высказала мнение, что хтонических черт культа развиваются с приходом римских легионеров, как и Немесиды, и Юпитера. В то же время она подчеркнула значение Гелиоса Присяги, наряду с Зевсом, Геей, Дионисом — божествами, покровительствовавшими земледелию (Там же. С. 183).

нависла угроза со стороны скифов. Расширение связей с Делосом и Дельфами в III—II вв. до н. э. отмечены в работах А. И. Тюменева и Б. Н. Гракова, считавших, что это привело к выдвигению божества на одно из первых мест¹. Примечательно, что в Херсонесе один из месяцев назвался ликей (свидетельство почитания Аполлона Ликейского). О государственном почитании Аполлона можно судить на основании изображений божества или таких его символов как дельфин, грифон, стрела на монетах местного монетного двора (выпуски 130—120 гг. до н. э.). При этом следует заметить, что изображение дельфина использовалось монетариями полиса уже в первой половине IV в. до н. э.²

---

¹ Тюменев А. И. Херсонесские этюды. I: К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Херсонеса. II: Херсонес и Делос // ВДИ. 1938. № 2 (3). С. 265—275; Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. Документы №№ 12, 14, 25—27 и др. Значимость культа в это время подтверждают и изображения на монетах (см.: Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса... №№ 229, 230, 234 и др.).

² В. М. Зубарь, используя данный факт, как дополнительный аргумент против защитников тезиса «ольвийско-херсонесской войны» (см. об этом выше), отмечает наличие скорее союзных отношений между двумя полисами (см.: Зубарь В. М. Религиозное мировоззрение. С. 390). Если учитывать то, что в штудиях по истории Ольвии выделяется особая значимость культа Аполлона, на аргумент исследователя нельзя не обратить внимания. О раскопках теменоса Ольвии, где имелся величественный храм Аполлона см.: Карасев А. Н. Монументальные памятники ольвийского теменоса // Ольвия: Теменос и агора. М.; Л., 1964. С. 27—130; Пичикян И. Р. Малая Азия — Северное Причерноморье: Античные традиции и влияния. М., 1984. С. 178; Русяева А. С., Русяева М. В. Ольвия Понтийская: Город счастья и печали. Киев, 2004. С. 42, 46, 60—61. В целом о значении культов см.: Русяева А. С. Культура. Искусство. Религия // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 2. С. 513—160; Она же. Культы и святилища в сфере политики демократических полисов Северного Причерноморья в раннеэллинистическое время // ВДИ. 2000. № 3. С. 74—84; Она же. Домашние святилища и культы в античных городах Северного Причерноморья VI—II вв. до н. э. Археология. 2001. № 2. С. 41—51 (на укр. яз.); Она же. Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев, 2005; Ручинская О. А. Религиозные обряды и празднества в общественной жизни античных городов Северного Причерноморья // Древности: ХИАЕ. 1994. С. 73—86.

О распространенности культа Аполлона свидетельствуют многочисленные находки: граффити, терракотовые фигурки, домашние алтари, изображения божества и его атрибутов на краснофигурных сосудах, имена Аполла, Аполлонид, Аполлодор, Аполлония, Дельф. Они показывают, что божество предстало как Аполлон Дельфиний, Аполлон Врач, Аполлон Ликейский, Аполлон Эпифаний (греч. явление; эпифания является составной частью греческого культа; это явление, которое воспринимается зрительно и на слух, или только на слух — пример Дельфийского оракула; это и появление божества в человеческом образе или под иным обликом).

Куль Аполлона был распространен в Херсонесе и его округе на протяжении всего античного периода, но особую популярность приобрел, вероятно, в беспокойные для общины времена — угрозы со стороны варваров во II—I вв. до н. э.¹

В римское время Аполлона просили о покровительстве и приносили ему жертвы в основном у домашних алтарей. На некоторых из них он изображен играющим на кифаре; рядом с ним на арулах помещались фигуры Артемиды, Диониса, Сатира и менад, Зевса, Ники и Гебы².

---

¹ См. работу, обобщающую находки, которые свидетельствуют о почитании Аполлона: Шевченко А. В. Куль Аполлона в Херсонесе // Археологія. 1998. № 1. С. 99—105. Отвлечемся на некоторое время от примеров, свидетельствующих об общегосударственном почитании культа Аполлона, чтобы задать вопрос: Имеются ли среди памятников Херсонеса свидетельства о Музах, его спутниках? То, что херсонеситы не были чужды искусствам, показывают стихотворные эпитафии и наличие в городе театра. Известно и имя описавшего «явления Девы» историка Сирика, жившего во второй половине III в. до н. э. На одной надгробной стеле конца I в. до н. э. упоминается Ксанф, сын Лагорина, который назван красой молодежи в отечестве, мудрым в музах, безупречным для всех сограждан. В эпитафии Ойнафы, дочери Главкия, названной злосчастной, говорится «Лучше бы музы прославили твои харисии (красоты)». Следует вспомнить также о мраморном блоке с остатками рельефа и надписью «Гармония», датируемого серединой III в. до н. э. (см.: Соломоник Э. И. НЭПХ. 2. № 124. С. 67). Для Херсонеса — это первое упоминание Гармонии.

² Подробные сведения о культе Аполлона в римское время приводят: Русева А. С., Зубарь В. М. Религиозное мировоззрение. С. 344—346. Сочужество автора трудов по истории Херсонеса (В. М. Зубаря) и историка, в центре интересов которого превалирует обращение к особенностям развития

Олимпийцы, не упомянутые в Присяге

Кто же еще из олимпийцев, кроме названных выше, «скрывается» под словами Присяги «божества олимпийские»?

Афина, дочь Зевса и океаниды Метиды, богиня мудрости и разума, покровительница общественного порядка и законов, ремесел и наук, несомненно, входила в состав официального культа многих полисов. Один из ее символов — Палладий хранился в храме на афинском акрополе. Он являлся государственным амулетом.

На рубеже IV—III вв. до н. э., как предполагают некоторые исследователи, херсонеситы возвели монументальный дорического ордера храм Афине на самом почетном месте, на священном участке — теменосе, которым завершалась главная улица города¹. Неподалеку от него мог находиться алтарь, украшенный плитами с изображением щитов. Вероятно, рядом с храмом, но не перед входом, а с противоположной стороны, лицом к морю стояла бронзовая статуя богини² (вычисляемая высота ее приближалась к 3,0 м). На постаменте было вырезано и имя скульптора — Поликрат. Изготовил он статую по заказу Тимона, сына Героида, который посвятил изваяние Афине Сотейрос за свою жену — Катару. Судить о том, за что именно «отблагодарил» Тимон богиню, невоз-

---

Ольвийского полиса (А. С. Русяевой) при написании соответствующей главы в коллективной монографии позволило исследователям ввести в работу данные относительно обширного географического региона; сравнить дорийский Херсонес и один из ионийских полисов.

¹ Золотарев М. И., Буйских А. В. Теменос античного Херсонеса. Опыт архитектурной реконструкции // ВДИ. 1994. № 3. С. 78—101; Буйских А. В., Золотарев М. И. Градостроительный план Херсонеса Таврического // ВДИ. 2001. № 1. С. 111—132.

² Zolotarev M. I. Bujskich A. V. The Temenos of Ancient Chersonesos: An Attempt at an Architectural Reconstruction // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 1995. Vol. 2, Nr 2. P. 148. Существует мнение, что скульптура подобного размера является единственной среди находок в городах Северного Причерноморья (см.: Трейстер М. Ю. Материалы к корпусу постаментов бронзовых статуй // ХСб. 1999. Вып. 10. С. 121—158), к которому присоединяются и авторы коллективной монографии (см.: Русяева А. С., Зубарь В. М. Религиозное мировоззрение. С. 359).

можно. Но, несомненно, что семья Тимона располагала значительными средствами, и Катара, конечно, была очень любима супругом. Имеется известие еще об одной скульптуре — стоящая богиня с двумя копьями в левой руке (IV—III вв. до н. э.). Образ Афины вырезали на сердоликовых геммах, ее изображение вместе с Посейдоном встречено на фрагменте краснофигурного кратера (V в. до н. э.). К ней или заодно с Гераклом обращены посвященные граффити на сосудах из раскопок Херсонеса, его ближайшей округи и Керкинитиды. Некоторые граждане носили теофорные имена: наиболее часто встречается на эпиграфических памятниках, такое как Афинея. Изображения одного из атрибутов богини — Медузы — служило амулетом, отпугивающим злых духов. Горгонейны вырезали на стенках саркофагов с тем, чтобы они защитили прах усопшего, помещали на дно культовых сосудов. Со щита Афины Медуза «перешла» на бронзовые и золотые бляшки, на женские украшения, оружие и здания. Глиняные изваяния богини, выпускаемые местными коропластами, стояли у домашних алтарей. Уникальной находкой является золотой перстень (датируется IV в. до н. э.), на котором изображена сидящая Афина; на правой руке она держит крылатую богиню победы — Нику. Перстень был обнаружен в 1892 г. во время раскопок склепа с внешней стороны крепостной стены (у ворот города, в периболе), который обозначен в научной литературе под № 1012.

К эллинистическому периоду относятся грузила с клеймами, на которые был помещен бюст Афины. Это позволило некоторым исследователям предполагать, что при храме существовала гончарная мастерская. Многочисленные изделия торевтики, геммы, граффити, терракотовые фигурки и формы для их изготовления, монеты (180—170 гг. до н. э.), амулеты — свидетельства значимости и широкого почитания Афины не только в общественной, но и частной жизни. Вполне вероятно, что утверждается он со времени возникновения Херсонеса. Являлся ли он государственным на протяжении всего античного периода, судить сложно, но в римский период Афины чтили. Возможно, что в начале нового тысячелетия культ Афины приобрел хтонические черты, почитание ее стало делом отдельных семей. Вместе с тем, как отмечают В. М. Зубарь и А. С. Русяева, и в римский период культ Афина, сохраняет общеэллинический характер¹.

---

¹ Зубарь В. М., Русяева А. С. Религиозное мировоззрение. С. 359.

*Афродита (и Эрот)*¹. Если судить по встреченным во время раскопок разнообразным находкам с изображением Афродиты и Эрота, можно сделать заключение, что в частной жизни богиня, имевшая различные ипостаси, имела не меньшую популярность в сравнении с Афиной. Виды находок, которые были названы выше и послужили доказательством почитания богини мудрости, должны быть перечислены вновь: многочисленные терракотовые фигурки и формы для изготовления глиняных статуэток (III—II вв. до н. э.); медальоны и граффити, датируемые IV—I вв. до н. э.; грузила для рыболовных сетей и ткацких станков с оттисками изображений Эрота, а также использование его образа на ювелирных украшениях и светильниках.

В северном районе Херсонесского городища открыты остатки дома, построенного в конце IV в. до н. э. В его парадном помещении — андроне, где собирались мужчины для дружеской трапезы и беседы, сохранилась мозаика. Из морской гальки мастер выложил две женские фигуры, стоящие рядом с чашей. По мнению некоторых исследователей — это Афродита Урания и Афродита Пандемос².

Вышедшая из морской пены богиня (с эпиклезой Анадиомена) покровительствовала морякам и мореплавателям. В некоторых случаях Афродита, как и Эрот, изображалась с дельфинами. Среди находок известны шпильки, изготовленные из кости, на которых у ног богини помещен дельфин.

Особенно многочисленны находки с образом Афродиты и Эрота для первых веков н. э. Возможно, в этом сказалось влияние римлян,

---

¹ Атрибутами богини любви и брака, красоты являлись воробей, голубь, заяц, яблоко и мирт.

² Белов Г. Д. Новая херсонесская мозаика // ВДИ. 1938. № 3. С. 238—242. Датировка и интерпретация памятника имеют длительную историю. О. И. Домбровский во время проведения реставрационных работ датировал памятник эллинистическим временем (см.: Домбровский О. И. О некоторых итогах изучения мозаик средневекового Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса, 1888—1988. Севастополь, 1988. С. 40—42; Он же. Античные мозаики Херсонеса и Ольвии // Памятники археологии Крыма. 1988. С. 237—239). Первоначально считалось, что на мозаике изображены купальщицы, об этом см. далее в разделе об искусстве.

как отметили В. М. Зубарь и А. С. Русяева, где Афродита—Венера с 295 г. до н. э. входила в состав государственного пантеона. Ее почитали как мать Энея, как прародительницу римлян. Во времена диктатуры Суллы был учрежден культ Венеры, приносящей победу. Отзвуком данной ипостаси богини, возможно, являются изображения богиня с мечом и щитом, или Афродиты с Эротом, подающим ей шлем. Они встречаются на светильниках и геммах начала нового тысячелетия. А в конце II — начале III в. н. э. Афродите (Венере) был возведен храм, о чем свидетельствуют эпиграфические памятники: надписи на колоннах о частных пожертвованиях на приобретение материалов¹, а некий Аврелий Гермократ пожертвовал на строительство оставшиеся от расходных сумм агораномии 3000 динариев.

Храм Афродиты, как и другие храмы языческих богов, разрушен с принятием христианства. Архитектурные детали и квадры из кладки его стен стали строительным материалом для новых общественных и частных сооружений. До тех пор, пока не будут обнаружены руины сакрального здания, можно только предполагать, где оно могло находиться. Считается, что храм Афродите стоял на территории квартала, где в конце VI — начале VII в. возведена одна из крупнейших базилик Херсонеса, получившая по имени ее первого исследователя обозначение Уваровская. Согласно мнению архитекторов, храм являлся небольшим периптером (или простилом) высотой в 9 м². Но это только гипотеза.

Использование на возведение храма общественных сумм несомненное свидетельство общегосударственного значения культа Афродиты в римский период, но входила ли она в официальный пантеон в эллинистическое время, судить на основании имеющихся источников не представляется возможным. В. М. Зубарь полагает, что культ Афродиты не имел широкого распространения среди населения Таврики до

---

¹ Содержание надписей с суммами пожертвований упоминаются в коллективной монографии: Владимиров А. А., Журавлев Д. В., Зубарь В. М. и др. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э. С. 354.

² Вариант реконструкция храма и подсчет средств на его строительство см.: Пичикян И. Р. Малая Азия — Северное Причерноморье... С. 227. Рис. 95; Крыжицкий С. Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993. С. 190—193.

позднеэллинистического периода, вероятнее всего, он не отправлялся от имени всей гражданской общины, хотя и adeпты его в полисе существовали¹. Обнаруженные около Увровской базилики архитектурные детали свидетельствуют о том, что во второй половине II — начале III в. культ Афродиты стал официальным и в связи с почитанием богини в городе устраивались соответствующие празднества, а состоятельные граждане жертвовали на создание «места обитания» Афродиты значительные суммы².

Для доказательства развития в римский период хтонических черт в культе Афродиты привлекалась фреска на стенках погребальной камеры склепа, раскопанного в конце XIX в. К. К. Косцюшкой-Валюжиничем. Согласно мнению М. И. Ростовцева здесь была изображена вакханка и Эрот-Танатос, уносящий души умерших, помогающий им подняться на небо³. Сомнения в корректности трактовки изображений вызвали повторное обращение к памятнику, что стало возможным благодаря получению новых материалов о живописи первых веков н. э. Привлечение широкого круга аналогий, анализ деталей рисунка позволили В. М. Зубарю и А. С. Русяевой заключить, что роспись склепа отражает героизацию усопших⁴. Этот пример показывает, насколько значимо повторное обращение к памятникам в свете новых данных, критическое восприятие устоявшихся мнений, даже в тех случаях, когда они принадлежат крупнейшим специалистам⁵.

Попутно следует отметить значительную работу по изучению и интерпретации росписи херсонесских склепов, предпринимаемую В. М. Зуба-

---

¹ Зубарь В. М. Религиозное мировоззрение. С. 393.

² Зубарь В. М., Русяева А. С. Религиозное мировоззрение. С. 356.

³ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись... Т. 1. С. 445—447.

⁴ Зубарь В. М., Русяева А. С. Религиозное мировоззрение. С. 393.

⁵ Зубарь В. М. По поводу датировки христианской росписи склепов из некрополя Херсонеса // Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1988. С. 3—14; Он же. Еще раз о датировке раннехристианской росписи склепа № 1, исследованного в 1998—1999 гг. на территории некрополя Херсонеса // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004. С. 75—82. (Мнение Л. Г. Хрушковой в отношении «омоложения» росписи склепов, характерного для работ В. М. Зубаря, см. во втором томе очерков.)

рем. Данное направление исследований с одной стороны, погребального обряда, с другой — искусства херсонеситов, имеет большое значение, особенно если учесть, что после издания книги М. И. Ростовцев, посвященной античной декоративной росписи северо-причерноморских центров, историки редко обращались к этому сюжету. В данном свете вполне понятно, почему в коллективной монографии приведены ставшие малодоступными описания фресок из работы М. И. Ростовцева. Примечательным является стремление отойти от традиционных датировок росписи склепов: некоторые из тех, что были открыты в последние годы, исследователь относят ко времени не ранее конца V в., возможно, даже VI в.¹ Безусловно, это должно привести к переосмыслению такого аспекта, как соотношение языческих и христианских погребений на некрополе Херсонеса, что уже прозвучало в ряде работ².

Олимпийцы, о храмах которых нет свидетельств

*Артемиды*³. В связи с обращением к дискуссии о культе Девы отчасти пришлось коснуться вопроса о почитании Артемиды, эпиклеза которой «Дева» со временем стала употребляться, как обозначение божества,

---

¹ Зубарь В. М. Новые материалы к датировке раннехристианской росписи склепов некрополя Херсонеса // Судья, Сурож, Солдая в истории и культуре Руси-Украины: Материалы научной конференции, 16–22 сентября 2002 г. Киев; Судак, 2002. С. 105–108.

² См.: Зубарь В. М., Мещеряков В. Ф. Некоторые данные о верованиях... С. 96–114; Зубарь В. М., Павленко Ю. В. Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси. Киев, 1988; Зубарь В. М., Сорочан С. Б. Новый погребальный комплекс II–IV вв. н. э. и экономическое развитие Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века н. э. Киев, 1986. С. 101–129; Зубарь В. М., Рыжов С. Г. О датировке нового погребального комплекса на некрополе Херсонеса // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982. С. 113–125.

³ Дочь Зевса и Лето (Латона), родившаяся на о. Делосе, владычица зверей, культовыми животными ее являлись лань и медведь, в свиту входили и нимфы. Очень часто богиню отождествляли с Луной — Селеной, как ее брата-близнеца Аполлона с Солнцем. Она являлась богиней целомудренной чистоты, растительности и плодородия.

на это указывает и изображение богини Девы с ланью на некоторых монетах полиса. Однако для Херсонеса известны находки именно с именем Артемиды — посвятельные граффити. Вполне вероятно, что начало почитания Артемиды восходит ко времени основания апойкии, по крайней мере, по мнению А. В. Шевченко, находки терракотовых статуэток (как и граффити) позволяют говорить об этом применительно к V в. до н. э.¹

Популярность «частного культа» Артемиды объясняется тем, что она считалась покровительницей супружества и деторождения; к ней при родах обращались женщины так же, как к Илифии (богиня родов, особенно популярная на о. Крите и в Лаконике), с которой она иногда отождествлялась. В Керкинитиде, которой входила в состав Херсонесского полиса, Артемиды изображена на монетах III в. до н. э. По мнению В. А. Кутайсова, в течение многих лет производившего здесь раскопки, в V в. до н. э. здесь имелся храм, посвященный Артемиде Эфесской².

Свидетельством семейного почитания Артемиды служат граффити V—II вв. до н. э. В надписях она упоминается вместе с братом Аполлоном и матерью Латоной. А в одном из домов северо-восточного района Херсонеса имелось святилище божественной триады. Здесь найден алтарь и граффити, терракотовая статуэтка Артемиды. Глиняные фигурки богини и арулы, на которых она изображена вместе с Аполлоном, находили при раскопках и других районов города и его окружи; известны геммы, на которых был вырезан образ Артемиды, и оттиски с них — на грузилах. Херсонеситы давали своим детям такие имена как Артемидор, Артемидора, Аристо, в местном календаре один из месяцев был назван в честь Лето-Латоны — латой, а другой в честь Артемиды Эвклеи — эвклея.

В первые века н. э. культ Артемиды не утратил популярности, как показывают находки фрагментов сосудов с граффити, скульптурные

---

¹ Шевченко А. В. К вопросу о культе Артемиды в Херсонесе // Античный мир. Византия. Харьков, 1997. С. 253—258. В эллинистическое время богиню упоминали в некоторых случаях с эпиклезой Сотейра.

² Однако в Херсонесе, поскольку богиня почиталась в ипостаси Девы, вряд ли существовало общегосударственное почитание «отдельного культа Артемиды», полагает В. М. Зубарь (см.: Зубарь В. М. Религиозное мировоззрение. С. 352—354).

изображения и рельефы, на которых богиня представлена охотницей, сопровождаемая собакой.

Арес — бог войны, сын Зевса и Геры, презируемый из-за своей жестокости даже олимпийцами, широкого почитания в Элладе не имел. Судя по эпитафиям, херсонеситы обращались к нему только с упреками за то, что он «похитил» юношу или мужа в расцвете сил. Прочтем одну из них, где упоминаются Музы и Плутон:

*Ксанф, сын Лагорина, прощай! Странник, скрываю собою
я Ксанфа, который был утешеньем отца,
Родины юной красою, сведущим в таинстве
Муз, безупречным средь сонма сограждан,
Чтимый средь юношей всех, светлой звездой красоты.
В битве за Родину был он завистливым сгублен Ареем,
Сирым родителям слез горький оставивши дар.*

Первые века н. э., перевод В. В. Латышева

На некоторых граффити (единичных) Арес упоминался вместе с Гераклом.

Гестия — бог огня и кузнечного дела, покровитель ремесленников, сын Зевса и Геры. Изготовление тары для транспортировки продуктов виноделия с хоры Херсонеса, как и разнообразной посуды, обусловили значимость гончарного ремесла, мастера которого постоянно сталкивались с огнем. И удивительно, что единственного их олимпийцев бога-мастера не отразили находки (или они еще не найдены).

Олимпийцы — Кронида

Гестия, дочь Кроноса и Реи, богиня огня и домашнего очага, служившего и культовым местом в доме. Гестии, как правило, жертвовали часть еды во время трапезы. Вряд ли ее культ не был распространен в Херсонесе, но свидетельства этого пока отсутствуют. Возможно, потому, что для граждан было настолько естественным ежедневно благодарить богиню, отделяя ей часть своей пищи, что они не считали необходимым посвящать ей что-либо еще.

Посейдон. Имя Посейдона встречается на граффити IV—III вв. до н. э. На одном глиняном грузиле имеется оттиск с геммы: стоящий Посейдон с трезубцем и дельфином. Некоторые граждане имели

теофорные имена. Свидетельств об общеполисном характере культа Посейдона отсутствуют¹.

Аида (Гадеса), получившего при разделе власти между братьями в управление подземное царство, ненавидели за то, что он не позволял умершим вернуться в мир живых. Упоминался он только в эпитафиях.

Деметра (и *Кора-Персефона*)². Большая роль земледелия в жизни граждан полисов обуславливали распространенность культа Деметры, который, скорее всего, прибыл в Херсонес вместе с первопереселенцами. Наиболее известное святилище Деметре находилось неподалеку от Афин — в Элевсине. Во время ритуальных действий (мистерий) здесь запрещалось находиться непосвященным, не могли присутствовать на Элевсинских мистериях и мужчины. Эллы считали, что посвященные (мисты) получали очищение и духовное возрождение; им гарантировалось блаженство в загробной жизни. На вопрос о наличии мистерий Деметры в Херсонесе, исследователи до последнего времени внимания не обращали, или считали данные обряды не характерными для херсонеситов³. В. М. Зубарь приводит данные, отражающие «знакомство с элевсинскими божествами» херсонеситов, в то же время отмечая несостоятельность гипотезы о том, что Деметра являлась одной из самых почитаемых богинь в полисе⁴.

Традиционно к Деметре обращались одновременно с *Персефой-Корой*. Во время раскопок Херсонеса и его округи (не только на Гераклейском полуострове, но и на поселениях в Северо-Западном Крыму) встречено большое количество терракотовых статуэток Де-

---

¹ Жившие на берегу моря и зависевшие от его спокойствия херсонеситы не могли не чтить бога морей Посейдона, но находки, свидетельствующие об этом единичны.

² Дочь Кронаса и Реи, по мифологическим сказаниям относится ко второму поколению эллинских божеств, но корни ее культа уходят в глубокую древность.

³ Об этом со ссылкой на исследования А. С. Русаевой пишет В. М. Зубарь, см.: Зубарь В. М. Религиозное мировоззрение. С. 376.

⁴ Там же. С. 376. Такое мнение было высказано в работах Э. И. Соломоник (см.: Соломоник Э. И. НЭПХ. 1. С. 59) и Ю. А. Бабинова (см.: Бабинов Ю. А. Посвятительные граффити из Херсонеса Таврического... С. 76–77).

метры, известны и домашние святилища богини¹. Вполне вероятно, существовал возведенный в ее честь храм². Деметру часто изображали с круглой плетеной корзиной для фруктов и цветов (калаф)³, с покрытой покрывалом головой, которое она придерживает у груди. Известны изображения Деметры с рогом изобилия (в Херсонесе оно встречено на золотом перстне римского времени).

Мастера-коропласты Херсонеса изготавливали не только статуэтки богини, но и глиняные пластины — протомы. Иногда их помещали в могилу как талисман — апомропей, назначение которого было отвращать беду, изгонять злых духов. Находки памятников, отражающих культ Деметры, в сельских усадьбах херсонеситов⁴ и в погребениях — свидетельство поклонения ей и как богине плодородия, и как Деметре-Хтонии. Вероятнее всего, как показали Г. Д. Белов и А. В. Шевченко, широкое почитание богини, распространяется в Херсонесе вместе с переселенцами из Гераклеи, и характерно оно уже для V — первой половины IV в. до н. э.⁵

---

¹ На эпиграфических памятниках имеются посвящения Деметре; например, такой-то посвятил за жену Деметре, гласит надпись III в. до н. э. (Соломоник Э. И. НЭПХ. 1, № 15. С. 47—48). Частой находкой, как подчеркивала исследовательница, являются протомы с ее изображением и граффити (Там же. С. 49).

² Э. И. Соломоник упоминает о статуе Деметры, которая, возможно, стояла на главной площади (НЭПХ. 1. С. 49). Особенно примечательны находки граффити на хоре Херсонеса. По мнению К. В. Голенко, один из магистратов имел теофорное имя (см.: Голенко К. В. Херсонесские драхмы с именем магистрата Деметрия // СГМИИ. 1964. Вып. 2. С. 45—52).

³ Попутно отметим, что калаф — это и головной убор Гекаты, Артемиды Эфесской; он являлся свидетельством плодородия.

⁴ Подробнее см.: Колпаков И. С. Деметра, Персефона, Дионис: От Элевсина к дионисийству Северного Причерноморья: К вопросу о религиозных представлениях обитателей Северного Причерноморья // Signum. Пермь, 2004. Вып. 2. С. 53—60; Шевченко А. В., Костромичева Т. И. Деметра и Кора-Персефона... С. 77—86.

⁵ Белов Г. Д. Терракоты из Херсонеса. С. 70—77; Шевченко А. В. Боги античного Херсонеса. С. 37—57; Она же. Терракоты античного Херсонеса. С. 7—44; Она же. Жизненный уклад и религиозные воззрения граждан... С. 125—130.

О большом значении, которое придают исследователи характерному для метрополии культу Деметры в жизни Херсонесского полиса в классический и отчасти эллинистический периоды, свидетельствует то, что при изложении мировоззрения херсонеситов В. М. Зубарь, после анализа данных о главнейших божествах (Деве и Геракле), начинается раздел «Божества херсонесского пантеона» именно с Деметры¹. Вероятно, это следует считать отражением концептуальных позиций. Если учитывать значение земледелия в жизни граждан, то это вполне закономерно, как и последующее внимание исследователя к таким божествам плодородия как Кора, Кибела (фракийская Мать богов), Дионис, Дионис-Сабазий.

Среди изделий коропластов, начиная со второго века до н. э., протомы Деметры единичны. Скифская угроза, утрата дальней хоры, резкое сокращение площади возделываемых угодий, вероятно, привели к уменьшению значимости культа. Известно, что в некоторых случаях и позднее к ипостаси богини — защитницы херсонеситы обращались. Памятники, свидетельствующие об этом, датируются второй половиной III в. н. э.

Со II в. до н. э. и до времени уничтожения языческих храмов культ Деметры носил хтонический характер. Решить вопрос о том, входила ли Деметра в эллинистический и римский периоды в общегосударственный пантеон не представляется возможным. Согласно логике — значение земледелия в жизни гражданского коллектива — ей должны были поклоняться всей общиной. Но отсутствие храмов, эпиграфических памятников, где говорилось бы о празднествах в ее честь, противоречит такому утверждению (или же мы пока не знаем таких-?). Это замечание относится и к свидетельствам о почитании всей общиной культа Кибелы (об этом см. ниже).

Одной из причин, согласно видению В. М. Зубаря, являлось то, что в качестве покровительницы земледелия она уступила свое место Деве (Партенос) и Гераклу. Но ее чтили в домашних святилищах².

---

¹ Зубарь В. М. Религиозное мировоззрение. С. 374. И в то же время несколькими страницами далее он пишет о несостоятельности гипотезы о том, что Деметра являлась одной из самых почитаемых богинь в Херсонесе (см. сноску выше).

² Зубарь В. М. Религиозное мировоззрение. С. 376.

Неолимпийцы, входившие в полисный пантеон

Дионис (Вакх), сын Зевса и Семелы и его свита. На ближней хоре Херсонеса большая часть земельного фонда отводилась под виноградники. Производство и торговля вином имели большое значение для экономики государства. Благополучие некоторых из его граждан зависело от того, насколько хорош был урожай. Это не могло не привести к широкому почитанию Диониса — бога вина и виноделия, плодотворящих сил земли. И, действительно, многочисленные памятники свидетельствуют о том, что Дионис входил в состав общеполисного пантеона, почитался он и у домашних алтарей. С начала образования апойкии он помогал осваивать земельные угодья переселенцам, более того А. Н. Щеглов полагает, что в эллинистическое время культ бога виноделия играл ведущую роль¹. Самое раннее на сегодняшний день скульптурное изображение бородатого Диониса датируется началом IV в. до н. э. На более поздних — эллинистических статуях — он представлялся в виде юноши².

Не все периоды истории Херсонеса заполняются свидетельствами, позволяющими судить о структуре пантеона. Однако ко второй половине III в. до н. э. относится чрезвычайно интересный эпиграфический памятник, позволяющий представить некоторые события, происходившие в жизни херсонеситов во время праздников в честь божества. Это надпись о «несении Диониса». Дошедший до наших дней ее фрагмент интерпретировался следующим образом:

---

¹ Это было отмечено уже в первых обобщающих работах по истории античного Херсонеса (см.: Белов Г. Д. Херсонес Таврический: Л., 1948). О культе Диониса писали многие исследователи (см.: Тюменев А. И. Херсонесские этюды. V: Херсонесские проксении // ВДИ. 1950. № 4. С. 11–25. Из наиболее поздних работ см.: Шевченко А. В. Культ Диониса... С. 109–116; Бабинов Ю. А. Культ Диониса в Крыму. С. 11–20. Об изученности культа Диониса-Сабазия см.: Щеглов А. Н. К изучению культа Сабазия в Херсонесе: Состояние изученности, источники, интерпретация, реконструкция Херсонес Таврический у истоков мировых религий. Севастополь, 2001. С. 52–61; Русаева А. С. Региональные особенности культа Диониса в Причерноморье // БИ. 2005. Вып. 9. С. 65–83).

² См.: Иванова А. П. Скульптурное изображение Диониса... С. 134–139.

Наступил день чествования божества: время сбора или разлива молодого вина. Торжественная процессия, в которой находились женщины и дети, вышла за пределы городских стен. Возможно, первыми, шли жрецы со статуей Диониса. И в это время на процессию напали варвары. Но богиня Дева спасла граждан. В память и в благодарность за это была изготовлена надпись. Повторное обращение к эпиграфическому памятнику Ю. Г. Виноградовым позволило сделать заключение, что речь в тексте идет не о процессии, связанной с почитанием божества, а о нападении варваров в один из дней месяца дионисия, когда херсонеситы отправились за город на свои участки для сбора урожая¹.

Почитание Диониса отразилось в календаре. Награждение венком историка Сирика пришлось на дни, когда в городе отмечались Дионисии: «в Дионисии в 21 день».

Дионисиям сопутствовали представления в театре и агоны — состязания поэтические или музыкальные, и вакхические процессии, возглавляемые фиасархом².

---

¹ Об этом см.: Виноградов Ю. Г. Херсонесский декрет о «несении Диониса» *IosPE. P² № 343* и вторжение сарматов в Скифию // *ВДИ. 1997. № 3. С. 104—124*. С мнением исследователя солидарен В. М. Зубарь. Этот пример является показателем сложности работы эпиграфистов и того, насколько повторный анализ надписей и логика исследователя могут кардинально изменить представление о событии.

² Некоторые свидетельства о соревнованиях привела Э. И. Соломоник (список победителей I—II вв. н. э.; см.: *НЭПХ. 1. № 20. С. 57—61*). Примечательной находкой является обнаруженная в склепе № 1012 гидрия близкого времени с надписью об участии в афинском празднике Анакий в честь Диоскуров (*НЭПХ. 1. С. 59—60*). Участвовали граждане Херсонеса и в других состязаниях (например, в Пифийских играх (см.: *НЭПХ. 1. С. 59*). Две надписи из Дельф, в которых упоминаются херсонеситы изданы: Граков Б. Н. *Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова...* С. 284 и след. Э. И. Соломоник, также ссылаясь на эти надписи, полагает, что в 192 г. до н. э. феоры из Дельф посетили Херсонес для извещения об играх, вторая надпись — это каталог (197—175 гг. до н. э.) дельфийских проксенов, среди которых назван Гимн, сын Скифа, из Херсонеса. Он был, вероятно, архифеором или победителем игр 194 г. до н. э. (*НЭПХ. 1. № 13 и 14*). Сведения о спортивных агонах содержатся также: Семенов-Зусер С. А. *Физическая культура и зрелища в древнегреческих колониях Северного Причерноморья*. Харьков, 1940.

Поразительно, что свидетельства о почитании Диониса всей общиной, о том, что его культ был включен в государственный пантеон, относятся только ко II в. до н. э. (или они пока не известны). Правда, имеется «сомнительная» монета, как называет ее В. М. Зубарь, относящаяся к эллинистическому периоду. Она использовалась для подтверждения тезиса об общеполисном характере культа. Ссылаясь на данные, приведенные А. С. Русяевой, исследователь показывает, что этот культ не имел такого большого значения в Херсонесе, как в Ольвии; отсутствуют среди находок в Херсонесе и памятники, которые было бы возможно «связать с орфико-пифагорейским учением»¹.

В Херсонесе культ Диониса имел отличия в сравнении с другими центрами Северного Причерноморья эллинистического периода. Как полагает А. С. Русяева, развитие виноградарства должно было сделать его ведущим (она напоминает о том, что имелся даже месяц дионисий), но «роль главных сотеров сохранялась за Гераклом и Девой». То, что он изображался на монетах Гераклеи и почитался в Мегарах, не послужило образцом для херсонеситов, использовавших изображения божества только на мелких монетах. Вместе с тем исследовательница полагает, что присутствие в погребениях терракот с изображением Диониса-Вакха является косвенным свидетельством наличия дионисийских таинств или фиаса. Согласно ее мнению, Дионис являлся более почитаем в домашних святилищах².

Домашние святилища бога вина и виноделия обнаружены во время исследования усадеб на Гераклейском полуострове (на одной III—II вв. до н. э., на другой — II в. до н. э.). О распространенности культа можно судить на основании многочисленных находок терракотовых фигурок не только божества, но и масок сатиров, Силена, менад, а также присут-

---

¹ Зубарь В. М. Религиозное мировоззрение. С. 383—386. Он приводит разночтения, существующие среди специалистов в области нумизматики в отношении «сомнительной» монеты. А. Н. Зограф (см.: Зограф А. Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. С. 148) датировал ее эллинистическим временем в отличие от В. А. Анохина, полагающего, что на ней изображена двуглавая голова Геры и Зевса.

² Русяева А. С. Региональные особенности культа Диониса в Причерноморье // БИ. 2005. Вып. 9. С. 65—83.

ствие их образов на рельефах, как в эллинистический, так и в римский периоды. В первые века н. э. около театра, возможно, располагалось, небольшое святилище. Местоположение храма не выявлено.

Можно привести и другие находки, отражающие культ Диониса: известняковый алтарь эллинистического времени с изображением козлов; римский алтарь, украшенный гирляндой и букранием (греч.: бычья голова, орнамент в виде черепов); бронзовую матрицу для изготовления пластин (на ней Дионис стоит на фоне храма); рельефы, изготовленные в первые века н. э. — Дионис в окружении свиты. Образы Диониса и сатиров украшали краснофигурные сосуды. (Перечисленные находки названы в упомянутой выше монографии М. Г. Бондаренко). На одной камее были вырезаны стоящий сатир, опирающийся левой ногой на спину пантеры, в левой руке держащий канфар, в который стекал сок из грозди винограда, сдавливаемой правой рукой; слева от Сатира на дереве изображена вакханка, пьющая (вино) из ритона. Известны также геммы и подвески с изображением Пана, его маски и статуэтки.

Безусловно, не все, перечисленные находки, являются продукцией местных мастеров. Но значительное число импортных изделий (возможно, некоторые из мраморных скульптур и украшений) и продукция местных короoplastов, использовавших образ бога или его атрибутов, как и на монетах (хотя бы на мелких разменных) — могут свидетельствовать в пользу тезиса как государственного (в отдельные десятилетия), так и частного культа Диониса на протяжении всего античного периода.

Культ Асклепия и Гигиен. Иногда, когда заходит речь о Херсонесе, об одном из городов на далеком северном берегу Черного моря, если измерять расстояние от Афин, приходится убеждать собеседника в том, что это крупное государство со значительным земельным фондом (имеются в виду не специалисты). В его центре — городе Херсонесе — жили представители различных интеллектуальных занятий. Выше неоднократно упоминался местный историк Сириск. Были здесь свои архитекторы и скульпторы. Среди необходимых в любом обществе профессий засвидетельствованы для Херсонеса и врачи. На одной из стел была выбита пространная эпитафия, в которой перечислены и происхождение, и заслуги врачевателя. На другой стеле (конец IV — начало III в. до н. э.) можно видеть медицинские инструменты: пинцет, ложечку для нанесения мазей (спатолу), хирургические щипцы, зонд,

кровососную банку. Они отражали занятия усопшего — врача Дионисия, сына Пантагнота¹.

Некоторые из врачей не являлись гражданами Херсонеса. «Сыну воздвиг своему, усопшему Лесханориду / Эту гробницу отец, врач с Тенедоса² Евклес», — гласит эпитафия конца IV — начала III в. до н. э.

Но и в одном из известнейших храмов — Асклепионе Эпидавра трудились специалисты, приглашаемые из других государств. Подобная практика существовала в Херсонесе.

С просьбой об исцелении часто обращались к Аполлону, принося ему в благодарность за выздоровление изображения излеченных органов. Но в Херсонесе чтили и Асклепия, который, возможно, входил в состав государственного пантеон. Образ бога — врачевателя есть на монетах II — начала III в. н. э. **Сын Аполлона и его возлюбленной Корониды, Асклепий**, обучившийся искусству излечивать людей у кентавра Хирона, обычно изображался стоящим с посохом, вокруг которого обвивалась змея. В таком виде он и был вырезан на штампе для одной из сторон монет полиса. На другой стороне расположено изображение его дочери Гигиен с чашей в руках и змеей.

В отношении общеполисного почитания культа Асклепия историки Херсонеса пришли к убеждению, что он характерен для римского времени, тогда около театра был, вероятно, сооружен даже храм, ему посвященный³. Гипотеза убедительная, если учитывать археологическую ситуацию. В 1971 г. О. И. Домбровский обнаружил на «театральном участке» мраморную плитку, датируемую концом II — началом III в. н. э., с посвящением Асклепию и Гигиен; на обломке от другой плитки стояло имя дочери бога. Известно, что Асклепейоны, например, в Афинах и Эпидавре, располагались в районе театра. Более поздняя

---

¹ Соломоник Э. И., Антонова И. А. Надгробия врачей из античного Херсонеса // ВДИ. 1974. № 1. С. 94—105.

² Тенедос — остров в Эгейском море у берегов Троады; здесь находилась древняя Троя. После упадка Книдской и Косской медицинских школ, созданных Гиппократом (ок. 460—ок. 370 гг. до н. э., врач из Коса), Тенедос стал одним из ведущих центров подготовки врачей (с III в. до н. э.).

³ Solomonik E. Neues zum Asklepioskult in Chersonessos // Klio. 1975. Bd. 57/1. S. 433—442.

строительная деятельность (рыбозасолочные цистерны, христианские храмы, жилые дома византийского времени) уничтожила все, что могло остаться от Асклепейона. Однако судить о том, с какого времени Асклепий входил в состав государственного пантеона трудно. Но не только в римский период граждане благодарили его, даруя, как и Аполлону, сделанные из глины или кости излеченные части тела. Домашние святилища Асклепия существовали в усадьбах на земельных наделах херсонеситов и, безусловно, непосредственно в городе.

Наибольшее количество памятников, отражающих культ Асклепия: votивные изображения, рельефы, статуэтки, алтарики с изображением змей относится к началу тысячелетия¹.

Обращение к работам по культуре Рима и Эллады, позволило скорректировать распространенный в литературе тезис о том, что расцвет культа Асклепия вызван проникновением в Херсонес римских солдат фракийского происхождения, почитавших бога-целителя². Показывая некорректность подобного мнения В. М. Зубарь и А. С. Русяева приводят данные из «Описания Эллады» Павсания, подчеркивая, что «Асклепий нередко мыслился ипостасью своего отца Аполлона», его святилище имелось в более раннее время в Ольвии, а Рим культ был перенесен не ранее конца III в. до н. э. из Эпидавра³.

---

¹ Материалы, свидетельствующие об этом, как и вывод о роли культа Асклепия и Гигиен, представлены в коллективной монографии о Херсонесе римского времени (см.: Владимиров А. А., Журавлев Д. В., Зубарь В. М. и др. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э.: Очерки истории... С. 350—353). Здесь же приведены мнения исследователей о местоположении святилища, в частности работы Э. И. Соломоник (см.: Solomonik E. Neues zum Asklepioskult...), Н. В. Пяташевой (см.: Пяташева Н. В. Мраморная статуэтка Гигиен из Херсонеса // ВДИ. 1971. № 2. С. 71—77), А. Н. Щеглова (Щеглов А. Н. Скульптурные изображения Асклепия // СХМ. 1960. Вып. 1. С. 9—16; Щеглов А. Н., Голенко К. В. О культе Асклепия в Херсонесе... С. 373—382).

² Тезис о расцвете культа Асклепия с началом римской оккупацией был высказан в: Голенко К. В., Щеглов А. Н. О культе Асклепия... С. 373—382.

³ Зубарь В. М., Русяева А. С. Религиозные представления. С. 352. Приведенные замечания лишний раз показывают, насколько ошибочным может быть стремление связать то или иное проявление культурной жизни с хорошо

Гермесу — вестнику богов, сыну Зевса и нимфы гор Майи, покровителю игр и гимнасиев, торговли и рынков, путников и проводнику душ умерших в Аид, ставились гермы фактически во всех городах Эллады. Можно полагать, что купцы Херсонеса чаще всего обращались к Гермесу Агорею (покровителю торговли), прося покровительства божества у домашних алтарей. Гермесу посвящали различные сосуды, как свидетельствуют граффиты IV—III вв. до н. э. Вполне закономерно в таком случае появление на монетах Херсонеса в конце III — начале II в. до н. э. изображения Гермеса или его атрибутов, на что В. М. Зубарь обращает внимание вслед за специалистами в области нумизматики, отмечая и такую уникальную находку, как мраморная голова божества (IV в. до н. э.), возможно, копию со скульпторы мастера Алкамена¹. Вероятна и гипотеза исследователя, что появление монет во II в. до н. э. с изображением Гермеса вызвано особой ролью торговли в экономике полиса после утраты земельных угодий в Северо-Западном Крыму.

Воспитание подрастающего поколения — забота всего гражданского коллектива — придавало значимость другой ипостаси божества — Гермесу Энагионию. Он являлся покровителем палестры и гимнасия Херсонеса. Это сказалось на включении его в состав общегосударственного пантеона. Гермесу приносили жертвы от имени всей общины; в честь его устраивались спортивные игры: своеобразный

известными политическими событиями. К сожалению, при интерпретации археологических источников такое положение существует. В более поздней работе В. М. Зубарь еще раз останавливается на данном выводе: Зубарь В. М. Религиозное мировоззрение. С. 397—398. Следует напомнить, что вся семья Асклепия была связана с медициной: его супруга — Эпиона (болеутоляющая), еще одна дочь — Панагия, или Панацея (всеисцеляющая), но наиболее почитаемыми в Херсонесе, как, пожалуй, и в других районах Эллады, являлись именно Асклепий и Гигея. И не только в «божественной семье» умение врачевать передавалось по наследству, такая практика существовала в реальной жизни.

¹Зубарь В. М. Религиозное мировоззрение. С. 394, также см.: Русяева М. В. Древнейшая скульптура Гермеса Пропиля из Херсонеса Таврического // Археология. 2003. № 1. С. 36—43. На одном из выпусков херсонесских монет на реверсе изображена голова Гермеса, на аверсе — кадуцей и бодающий бык.

смотр готовности эфебов вступить в число полноправных членов общины. О таких играх, состоявшихся в один из годов II в. до н. э., свидетельствует фрагмент надписи. Это гимн, высеченной на плите по заказу херсонесского гимнасиарха. Он содержит обращение к «вестнику бессмертных и владыке земных» Гермесу с просьбой «явить милость особую к этому городу».

В другом эпитафическом памятнике близкого времени названы гимнасиарх и эфебы, которые согласно законам государства, устроили состязание в месяц Гермей и принести жертвы Гермесу. Продолжали почитать Гермеса и в римское время: подвески-гермы, светильники с изображением не только божества, но и его атрибута — кадуцея встречаются во время раскопок на городище и некрополе. Гермес Психопомп являлся покровителем умерших.

Тихе-Фортуна. Почитание ее, вероятно, существовало среди херсонеситов во все периоды истории города до официального принятия христианства. Об этом можно судить на основании граффити, правда, немногочисленны, на сосудах и грузилах, терракотовых фигурок, гемм и медальонов. На одном из них Тихе изображена с бородатым змеем Гликоном. К богине обращались с просьбой о милости. На стенке одного сосуда первых веков н. э. встретилась такая надпись: «Да будет милостива ко мне Тихе». Но в отличие от Керинитиды, где она изображена на некоторых монетах IV в. до н. э., культ Тихе в государственной символике Херсонеса не отражен.

О *Нике*, олицетворявшей победу, Гесиод в «Теогонии» писал, что она дочь Палланта и Стиксы¹. Ника являлась одним из атрибутов Зевса и Афины, известны храмы Афины-Ники, скульптуры Афины с Никой на руке, но с какого времени существовал в Херсонесе, самостоятельный культ Ники, судить сложно. На херсонесских монетах встречается ее изображение, начиная с 180 г. до н. э.; последний раз образ богини присутствует на выпусках 212–222 гг. н. э. Посвятительные граффити (V–II вв. до н. э.), имена Никий, Никанор, Ник, Никагор, терракотовые статуэтки и алтари, изображения богини на сосудах свидетельствуют,

---

¹ Буквально «стикс» — ненавистная, так звали старшую дочь Океана и Тефиды; такое название носила река, текущая из Океана в подземный мир, на ее берегах боги давали священную клятву.

что покровительства богини жаждали получить многие граждане, живущие и в городе, и в сельских усадьбах.

В первые века нового тысячелетия греческая Ника слилась с римской Викторией. С этого времени стало принятым изображать ее на стенках саркофагов, на золотых бляшках, которые встречены во время раскопок некрополя (богиня приобрела и черты хтонического культа).

Кибела, или Великая мать, как к ней обращались жаждущие получить ее благосклонность¹. Благодаря гераклеотам культ Кибелы приобрел популярность в Херсонесе с самого начала прибытия сюда переселенцев. Самые ранние памятники, свидетельствующие об этом, относятся к V в. до н. э. В посвячительных граффити на сосудах она упоминалась одновременно с Зевсом, Гераклом и своим возлюбленным Аттисом. Такие находки, как и терракотовые статуэтки, встречаются в ходе раскопок и в сельских усадьбах, и городских домах херсонеситов. Наибольшее количество их приходится на III—II вв. до н. э.²

К настоящему времени не получено данных о том, что богине поклонялись всей общиной. Вместе с тем, наличие памятников, отражающих ее почитание, свидетельствует о популярности культа, как и других божеств, оказывавших покровительство сельскохозяйственной деятельности граждан, однако, полагает А. В. Шевченко, в отличие от

---

¹ Во Фригии, откуда она была заимствована, благодаря ранним связям эллинов с данным районом, она считалась богиней материнской силы, владычицей лесов и гор. Традиционное изображение Кибелы в головном уборе — калафе с ударными инструментами и служителями: корибантами и куретами и львами. В числе ее спутников был юный Аттис, на которого из ревности богиня наслала безумие. В некоторых мифах Кибела носит имя Агдистис. В лирических стихах римлянина Гая Валерия Катулла (87 или 84—ок. 54 г. до н. э.) она предстает как Рея. Наибольшее распространение культ Кибелы и Аттиса получил в эллинистическую эпоху. Частью его являлся обряд тавроболия (жертвоприношения быка), своеобразного очищения кровью жертвенного животного. Участник мистерий вставал в яму, а над его головой убивали быка: считалось, что посвящаемый не только очищается от грехов, но и рождается при этом заново. В 204 г. до н. э. главное святилище Кибелы было перенесено римлянами из Верхней Фригии (г. Пессинунт) в столицу.

² Подробнее см.: Шевченко А. В. Культ Кибелы... С. 13—21.

других центов Северного Причерноморья, в Херсонесе до II в. до н. э. культ Кибелы не имел широкого распространения¹.

Из Малой Азии был позаимствован эллинами и культ *Великих Богов Кабиров*, обычно в их число включали четверых². Отзвуки культа засвидетельствованы в памятниках Херсонеса.

В перечислении, приведенном выше, отсутствуют имена многие из богов и богинь, упоминаемых в мифах эллинов. Но о существовании их домашних алтарей, обращении к ним — к *Эрене* (богине мира), *Гебе* (покровительницы юности), *Дике* (богине справедливости), *Гекате* (богиня мрака, ночных видений, чародейства) имеются единичные свидетельства среди находок Херсонеса.

Среди тех, кому поклонялись херсонеситы, встречаются и не характерные для Эллады классического времени божества, такие как *Исида* (египетское божество материнства, сестра и супруга Осириса), уже упоминаемый *Серapis* (Сарапис), *Горпократ* (Гор-ребенок, бог молчания, предохранял и от укусов змей) и *Анубис*. Наиболее популярными они стали в первые века н. э. в связи с ростом римского влияния в Северном Причерноморье, распространяясь в Средиземноморско-Черноморском регионе вместе с legionерами. Однако единичные граффити-посвящения известны и для более раннего времени — для IV—III вв. до н. э. **Чуждые в целом религии греков, они, возможно, находили приют и почитание только в отдельных семьях, имевших связи с востоком³.**

---

¹ Шевченко А. В. Восточные культы... С. 14—18; также см.: Шевченко А. В. Культ Кибелы... С. 13—21. Мнение исследовательницы поддерживает В. М. Зубарь (см.: Религиозное мировоззрение. С. 381).

² На родине они считались божествами плодородия и покровителями мореплавателей, животного и растительного мира. Наибольшего почитания культ Кабиров достиг на о. Самофракия, где в эллинистический период существовали мистерии. На землях древней Эллады Кабиры приобрели черты хтонического культа.

³ Выше уже говорилось о том, что реконструкция пантеона херсонеситов фактически основывается на археологических свидетельствах, поэтому мнения исследователей, которые приведены в настоящем разделе, со временем

Исида обычно изображалась с сыном Гором, как на одном из отисков на грузиле, сделанном геммой, а Сарапис — сидящим на троне. В первые века н. э. керамисты использовали образ стоящего на алтаре Сараписа с уреями Осириса (бог мертвых и плодородия) и Исиды.

Герои

Культ героизированных предков — основателей города получил широкое распространение в античное время. На их могилах приносились жертвы, в их честь устраивали тризны. Герооны, святилища, сооружаемые над могилой, находились рядом с городскими воротами. Так предки охраняли покой потомков. Герои помогали в частных и общественных делах, защищали стены и жилища, отвращали болезни и несчастья. Наряду с героизированными предками, имевшими обоих смертных родителей, в греческой мифологии известны и такие герои, у которых один из родителей — божество, поэтому они не обрета бес-смертия, все же после прекращения своего земного пути, оказывались на Олимпе.

Героев почитали еще и потому, что они могли не только оказывать покровительство, но и навредить. Границы между божествами и героями были расплывчатыми. Например, Гиакинф-Гиацинт в ранний период — это бог растительного мира. Но когда таковым стал Аполлон, он превратился

могут быть скорректированы. Так, в частности, случилось и с точкой зрения в отношении таких египетских божеств, как Сарапис, Исида, Анубис. Находка посвяtitельной надписи в 1993 г., датированной III в. до н. э., изменила существующие представления. Напоминая о ней, В. М. Зубарь отмечает, что вряд ли можно согласиться с концепцией М. Г. Бондаренко (см.: Бондаренко М. Г. Пантеон Херсонеса... С. 109—110) о широком почитании Исиды и Сараписа в эллинистическое время, поскольку некоторые из граффити, на которых якобы упоминаются божества, могли обозначать собственные имена (см.: Зубарь В. М. Религиозное мировоззрение. С. 399). Следует отметить, что системная постановка вопроса роли культа Героев в идеологии херсонеситов, принадлежит В. М. Зубарю. Безусловно, если не принимать во внимание работы относительно почитания Геракла. В целом об обращении к культу Геракла см.: Русяева А. С. Понтийская легенда о Геракле: Вымыслы и реальность // Духовная культура в древних обществ. Киев, 1991. С. 96—116.

в героя, а один из крупнейших праздников в Спарте — гиакинфия трансформировался в чествование Аполлона. Иногда герои возвышались до уровня божества. Геродот писал, что в некоторых полисах сооружали два храма Гераклу: один как полубожеству и герою, другой — как богу.

*Геракл—Геркулес*¹. Из Гераклеи Понтийской культ Геракла был перенесен в Херсонес, возможно став здесь, как и в метрополии, общегосударственным. По количеству находок, отражающих его «участие» в жизни херсонеситов, Геракл не уступает олимпийцам. Традиционно он изображался в виде бородатого, атлетически сложенного зрелого мужа с львиной шкурой и палицей. Атрибут Геракла — шишковатая палица, наряду с граффити, терракотами и фрагментами скульптур — частые находки при раскопках в Херсонесе.

Судя по посвячительным граффити, Геракл-Сотер почитался и вместе с Афиной, Аполлоном, Деметрой и другими божествами. В домах херсонеситов эллинистического времени, в усадьбах ближней хоры, в Керкинитиде имелись домашние святилища. Образ Геракла и его атрибут — палица время от времени появлялись на монетах. Изображение палицы, например, характерно для монет одного из ранних выпусков местного монетного двора (390—380 гг. до н. э.). В 380 г. до н. э. заменено на изображение бодающего быка (седьмой подвиг Геракла — укрощение огнедышащего критского быка). В III в. до н. э. изображение Геракла присутствует на монетах (280—230 гг. до н. э.) на аверсе, на реверсе — Дева.

Существует две точки зрения в отношении использования образа Геракла или его атрибутов на монетах. Одни историки склонны предполагать, что чередование изображений Девы и Геракла на монетах отражает борьбу аристократических (Дева) и демократических (Геракл) группировок в Херсонесе — это мнение киевского специалиста по нумизматике В. А. Анохина, с которым не согласен В. М. Зубарь. Согласно представлениям исследователя, почитание Геракла было не меньшим,

---

¹ Сын Зевса и Алкмены, считался олицетворением силы и мужества, поборником справедливости, избавителем от бед и спасителем; почитание его имело широкое распространение во многих полисах Греции, о чем свидетельствуют многочисленные храмы и святилища, но наиболее популярным он был в дорийской среде.

чем Партенос. Следует также сказать, что в главе, посвященной религиозному мировоззрению, изложению материалов относительно культа Геракла отведено значительное место. С одной стороны, это связано с наличием памятников, с другой — обусловлено задачей: показать значимость культа в полисном пантеоне. Об этом свидетельствует и структура главы, кардинально отличающаяся от предложенной в настоящем издании. Вслед за общетеоретическим введением, представлены наблюдения о культах Девы и Геракла, а затем приведены материалы и отчасти дискуссии относительно культов других божеств. Используя весь комплекс имеющихся археологических находок, исследователь выдвигает положение о том, что культ Геракла, «обладавшего в представлении херсонеситов и сотерической (защитник земель, государства в целом) и хтонической ипостасью в представлениях херсонеситов был не просто героем, а трансформировался в божество»¹.

Выше было приведено мнение В. А. Анохина о политических тенденциях использования изображений Геракла и Девы. Упомянув критику В. М. Зубарем его концепции, в сущности, мы обратились к иному мнению, согласно которому выпуск монет то с изображением Геракла, то Девой, или обоих божеств вместе, — отражает беспокойную обстановку в Таврике, стремление найти защиту и у Девы, и у Геракла-Сотера. К такой точке зрения склоняются многие исследователи, особенно те, кто работал на дальней хоре Херсонеса².

---

¹ Зубарь В. М. Религиозное мировоззрение. С. 361–373.

² Исследования А. Н. Щеглова о культе Геракла были названы выше, также см.: Агафонов П. Г. Культ Геракла в Херсонесском государстве, IV в. до н. э. — III в. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999; Столба В. Ф. Новое посвящение из Северо-Западного Крыма и аспекты культа Геракла в Херсонесском государстве // ВДИ. 1989. № 4. С. 59–61; Русяева М. В. Образ Геракла в глиняной пластике Херсонеса Таврического // Сугдея, Сурож, Солдая в истории и культуре Руси — Украины: Материалы конф., 16–22 сентября 2002 г. Киев; Судак, 2002. С. 212–216. Граффити-посвящения Гераклу приведены Э. И. Соломоник в работе «Граффити с хоры Херсонеса», в которой она подчеркнула значение культа Геракла, как защитника и покровителя полиса. Для союзной Керкинитиды значение культа отмечено В. А. Кутайсовым (см.: Кутайсов В. А. Монетное обращение Керкинитиды V—III вв. до н. э. // МАИЭТ.

О почитании Геракла как в эллинистический, так и в римский периоды, кроме приведенных выше примеров, свидетельствуют и многочисленные рельефы и скульптуры, найденные во время раскопок на землях полиса. На некоторых алтарях он изображен рядом с Гермесом: Геракл с палицей в правой руке, Гермес с кошельком и кадуцеем в руках. Но в римский период Геркулес, имя которого встретилось в храме Юпитера, раскопанного в Балаклаве, приобретает и хтонические черты (его изображения или палицы засвидетельствованы на надгробиях и стенках саркофагов). В это время он сохранил свою функцию охранителя, защитника земель полиса, входя в состав государственного пантеона. Двойственный характер культа хтонический и сотерический подчеркнул С. Ю. Сапрыкин¹.

Культ Геракла характерен не только для Херсонеса. Он был распространен в западных (в Ольвии) и восточных (на Боспоре) районах Северного Причерноморья².

К каким же выводам пришли исследователи к началу XXI столетия в отношении значимости культа Геракла в жизни херсонеситов.

Фактически все историки Северного Причерноморья отмечают, что в Херсонесе культ Геракла играл большую роль в течение всего античного времени. Более того, В. М. Зубарь отводит ему второе место, вслед за верховной богиней полиса Девой, поскольку он являлся защитником земель полиса и покровительствовал земледелию. В данном случае вряд ли справедлив вывод С. Ю. Сапрыкина о том, что в эллинистический период Гераклу были свойственны только хтонические черты. Существует точка зрения, что совмещение хтонических и со-

---

2002. Вып. 9. С. 386; Он же. Культ Геракла в Керкинитиде и Северо-Западном Крыму // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. Севастополь, 2001. С. 10–14).

¹ Сапрыкин С. Ю. О культе Геракла в Херсонесе и Геракле в эпоху эллинизма // СА. 1978. № 1. С. 38–52.

² Возможно, отзвуком легенд о Геракле является изображение на одной золотой бляшке из раскопок некрополя Херсонеса: змееногая богиня (IV–III вв. до н. э.) и на известняковом карнизе: грифон и Ехидна (?). Он украшал, вероятно, одно из общественных зданий города в III в. до н. э. (Брак героя с полудевой-полузмеей во время его скитаний в поисках коней (Геродот. VI, 9–10).

терических черт вряд ли было возможным¹. Обращение новгородской исследовательницы Е. А. Захаровой к находкам не только Херсонеса, но и других центров Северного Причерноморья привело ее к выводу о том, что для культа Геракла характерен синкретизм. Она пишет о «сотерической стороне образа Геракла с его ипостасью, связанной с плодородием и подземным миром»².

Образ Геракла или его символы эпизодически использовались монетариями полиса в I в. до н. э. — III в. н. э.³ Примечательно замечание Э. И. Соломоник, что в строках Присяги об охране территории, наряду с божествами назван герой защитник Геракл, но в конце ее, где речь идет о наказании за отступление от клятвы — только божества⁴.

Диоскуры. Героизированный культ Диоскуров, особенно почитаемый в дорийской среде, скорее всего, появляется в Херсонесе вместе с переселенцами из Гераклеи, как и культ Геракла. Известно, что граждане Херсонеса принимали участие в празднествах — Анакиях, которые проводились при святилище Диоскуров в Афинах. Один из них (в конце IV в. до н. э.) получил даже приз, возможно, за победу в конных состязаниях, которые являлись составной частью Анакий. Призом был сосуд для воды — гидрия, в которую и поместили кремированный прах усопшего победителя⁵.

---

¹ Столба В. Ф. Новое посвящение... С. 60–61; Попова Е. А., Коваленко С. А. Об аспектах культа Геракла в Херсонесском государстве // РА. 1997. № 2. С. 78–84.

² Захарова Е. А. К вопросу о культе Геракла Сотера в Северном Причерноморье // Исседон (Екатеринбург). 2005. Т. 3. С. 113. Некоторые мнения историков о культе Геракла в эллинистический и римский периоды изложены: Аграфонов П. Г. Мифология античного мира: Культ Геракла в Северном Причерноморье. Ярославль, 1998. С. 45; Он же. Культ Геракла в Херсонесском государстве (IV в. до н. э. — III в. н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.

³ Зубарь В. М., Русяева А. С. Религиозные представления. С. 361. Эти наблюдения повторены в более поздней монографии (см.: Зубарь В. М. Религиозное мировоззрение. С. 365.

⁴ См.: Соломоник Э. И. Предисловие // Граффити с хоры... С. 20.

⁵ Об этом см. выше.

Во время военной угрозы со стороны скифов в начале II в. до н. э., когда в покровительстве братьев особенно нуждались жители Херсонеса, местный монетный двор отчеканил монеты с изображением одного из братьев (170–160 гг. до н. э.). Позднее, в 110–100 гг. до н. э., когда положение стало настолько угрожающим, что потребовалось вмешательство Понтийского царя Митридата, херсонеситы вновь «обратились» к покровительству Диоскуров», поместив на монетах их атрибут — головной убор (пилос, он имел круглую, или конусообразную форму). Но не только вся община обращалась к братьям, прося их о покровительстве, их почитали и у домашних алтарей. Наиболее ранние из посвячительных граффити относятся к IV в. до н. э. Входил ли культ Диоскуров в полисный пантеон на протяжении всей истории античного Херсонеса, судить трудно¹.

В ходе раскопок в Херсонесе памятники, которые связаны с именем другого героя — *Ахилла* — единичны: несколько граффити-посвящений V–II вв. до н. э. Наиболее почитаем он был в Западной части Северо-Причерноморского региона².

Культ *Дора*. Упоминание имени эпонимного героя Дора единично; невелико и количество статей, посвященных его культу³. Пожалуй,

---

¹ Памятники, связанные с почитанием героев, подробно проанализированы в: Зубарь В. М., Русяева А. С. Религиозные представления. С. 363–365.

² В Ольвии и на расположенном неподалеку от нее о. Березани обнаружены его святилища; на о. Левка (совр.: Тендра) в устье Днепра существовало Ахиллесово ристалище (Геродот. IV, 55), где проводились общеэллинские игры. Не исключено, что херсонеситы принимали в них участие. О памятниках региона и культе Ахилла см.: Толстой И. И. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918; Ростовцев М. И. Новая книга о Белом острове и Таврика // ИАК. 1918. Вып. 65. С. 177–197; Русяева А. С. Вопросы развития культа Ахилла в Северном Причерноморье // Скифский мир. Киев, 1975. С. 174–185.

³ По мнению В. Ф. Мещерякова это божество в первые века н. э. являлось олицетворением свободы херсонесской общины (см.: Мещеряков В. Ф. Государственные культы... С. 64–72; Он же. К вопросу о римском влиянии на религиозную жизнь населения Херсонеса Таврического в первые века н. э. // Проблемы античной истории и классической филологии: Тез. докл. Всесоюз. конф. Харьков, 1980. С. 40–42.

единственной работой, в которой специально остановлено внимание на данном культе, является глава в коллективной монографии о римском периоде истории Херсонеса. Исследователи отмечают, что вопрос о данном божестве вызван содержанием надписи, опубликованной В. В. Латышевым, где говорится «о славном городе Дора», и сопоставлением А. В. Орешниковым изображения мужского образа со змеей на монетах Херсонеса с мифическим основателем Херсонеса. Высказав замечание о необходимости дифференцировать «монетную символику» В. М. Зубарь и А. С. Русяева пишут об уникальности такого явления в мировоззрении граждан как сохранение имени героя Дора в первые века н. э.¹

Римский период: инновации и традиции

Проникновение римлян, размещение легионеров в городах Северного Причерноморья, привели к проявлению новых черт в религиозных воззрениях населения региона.

Для Херсонеса данного периода его исследователи отмечают:

1. Некоторые из эллинских божеств сохранили свое место в государственном, официальном пантеоне, по-прежнему являясь покровителями и защитниками всей гражданской общины. Вместе с тем В. И. Кадеев полагает, что официальное отправление культов Геракла, Афины, Аполлона, Гелиоса прекращается в связи с олигархизацией государственного строя, но значение культов Девы, Афродиты, Асклепия, Гермеса, Зевса остается прежним, являясь обязательным для всех херсонеситов. Почитание других олимпийцев сохраняется только в отдельных семьях, считавших их своими защитниками. Все в большей мере эллинские божества начинают приобретать хтонические черты².

Иного мнения в отношении состава общегосударственных культов придерживаются авторы коллективной монографии по истории и культуре Херсонеса первой половины нового тысячелетия. В частности, в отношении культа Зевса, который в первые века н. э., согласно точке зрения В. И. Кадеева, сохранился, но не занимал ведущего места в

---

¹ Зубарь В. М., Русяева А. С. Религиозные представления. С. 365–366.

² Кадеев В. И. Херсонес Таврический: Быт и культура. С. 155.

пантеоне херсонеситов¹, говорится, что он в ипостаси Сотера «имел важное значение на протяжении всей античной истории» и почитание усиливалось в кризисные периоды херсонесской истории. В то же время, авторы напоминают, что культ Зевса никогда не занимал ведущего места в Херсонесе².

Отличается точка зрения авторов коллективной монографии от концепции В. И. Кадеева относительно культа Аполлона. Мусические агоны, имевшие место в первые века н. э. в Херсонесе, свидетельствуют о значении культа. Для подтверждения «вероятной значимости» приведено: Август считал Аполлона своим покровителем, храм божества был самым богатым в Риме. Из двух посылок сделано заключение: Нет ничего удивительного, что херсонеситы, благодарные Риму за получение элевтерии, «возвысили и в своем городе культ любимого бога Августа»³. В отличие от мнения В. И. Кадеева, В. М. Зубарь и А. С. Русяева «исключают» из состава «особо популярных» богов Гермеса, замечая, что продолжается почитание Асклепия.

2. Следует остановиться также на новом обращении к «загадочному герою-божеству Херсонас», который упоминается в декрете в честь Диофанта. Традиция считать его олицетворением общины возникла на основании анализа изображений на монетах I—II вв.: мужская голова, как полагали, со змеей⁴. Тезис А. В. Орешникова — божество — олицетворение херсонесской общины — присутствует в работах нумизматов середины — второй половины XX в.⁵ В. И. Кадеев и В. Ф. Мещеряков

---

¹ Кадеев В. И. Херсонес Таврический: Быт и культура. С. 150.

² Зубарь В. М., Русяева А. С. Религиозное мировоззрение. С. 344.

³ Там же. С. 346.

⁴ Орешников А. В. Херсонас, божество Херсонеса Таврического // ИАК. 1918. Вып. 65. С. 144—152; Он же. Олицетворение общины Херсонеса Таврического на монетах // ИРАИМК. 1922. Т. 2. С. 159—164. Первоначально он считал, что это изображение героя-божества: Орешников А. В. Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского... С. 7. Позднее он отмечал, что в декрете слово женского рода, но не согласился с Э. Миннзом, что это нимфа (см.: Minns E. Scythians and Greeks... P. 543—544).

⁵ Зограф А. Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. С. 157; Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса... С. 66, 149—151.

включали Херсонас в состав официального пантеона первых веков н. э.¹ В начале XX в. было высказано мнение, основанное на анализе всех изображений божества («считающихся» или являющихся таковыми), что, скорее всего, на монете изображена нимфа-эпоним, которых почитали и в других античных центрах наряду с героями². Таким образом, исследователи отчасти вернулись к мнению Э. Миннза, изложенному в начале XX в.

3. В римское время наблюдается более широкое «участие» в жизни херсонеситов восточных божеств (Митры, Исида), распространение синкретических культов (Гера-Исида, Зевс-Серпис), правда, основы появления их были заложены в более раннее время.

4. В начале нового тысячелетия распространяются культы, характерные для военной среды, которые проникают в Северное Причерноморье вместе с легионерами, выходцами из недавно созданных провинций. Представить это процесс можно на примере двух новых для римского периода культов: Юпитера Долихена³ и «Фракийского всадника».

---

¹ Кадеев В. И. Херсонес Таврический: Быт и культура. С. 150; Мещеряков В. Ф. Государственные культы... С. 64–72.

² Зубарь В. М., Русяева А. С. Религиозное мировоззрение. С. 340–341.

³ Юпитер Долихен, почитаемый легионерами, набранными на Востоке, превратился в общеимперский культ в эпоху принципата Северов. До того, как стать таковым, божество было почитаемо под именем Баал, не занимавшее высокого места среди других восточных богов. Археологические находки свидетельствуют, что в Римской империи почитание Баала появилось во время принципата Адриана, однако до Марка Аврелия оно не было особенно распространенным. Всплеск значимости Баала пришелся на последнего из Антонинов, сына Марка Аврелия — Коммода, однако наибольшее преклонение перед не характерным для Рима божеством, наблюдается при Северах. Они приравнивали его к государственному культу Юпитера Капитолийского. Новое синкретическое божество стало именоваться *Optimus Maximus Dolichenus*. В среде легионеров он заменил их бывшего защитника и покровителя — Юпитера Капитолийского. Наибольшее почитание культ получил в паннонийской армии, где его распространению способствовал император Септимий Север, начиная с 202 г., когда он прибыл сюда со всем своим семейством, возвращаясь с Востока. Вопросы романизации населения Балканских провинций и одновременно варваризации римской армии изложены в работах российских и

При раскопках памятников, расположенных в Подунавии (особенно на территории римских провинций Дакия, Паннонии, Мезии), в слоях III в. встречались свинцовые пластинки и мраморные рельефы, на которых изображен конный воин. По мнению некоторых историков, это отражение культа «*Дунайского всадника*», возникшего в паннонийской армии. Плиты из известняка, на которых изображен «*Фракийский*», или «*Дунайский всадник*» обнаружены и в Херсонесе¹, где они датируются II—III вв. н. э. Но что представлял собою данный культ, на основании имеющихся источников судить не возможно. Тем более что имеются существенные разночтения в трактовке некоторых изображений, связываемых с обликом «*Фракийского всадника*»².

западноевропейских историков. В числе обобщающих исследований середины XX в. следует назвать: Кудрявцев О. В. Эллинские провинции Балканского полуострова во II в. н. э. М., 1954. Общеисторическая ситуация освещена в ряде исследований Е. М. Штаерман, одна из работ которой посвящена западным римским провинциям интересующего нас периода (см.: Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957). Позднее некоторые из положений ее работы были повторены в коллективной монографии «Рабство в западных провинциях Римской империи в I—III вв.» (М., 1977). Изменения в идеологической сфере отражены ею в монографии «Мораль и религия угнетенных классов Римской империи» (М., 1961). Выводы российских историков относительно Балканского региона представлены в двух главах 6-томной «Истории Европы»: Колосовская Ю. К. Дунайские племена и из войны с Римом // История Европы. М., 1988. Т. 1. С. 606—612; Колосовская Ю. К., Штаерман Е. М. Продвижение племен и падение Западной Римской империи // Там же. С. 647—653.

¹ Щеглов А. Н. Фракийские посвященные рельефы из Херсонеса Таврического // МИА. 1969. № 150. С. 135—178.

² В. И. Кадеев (Херсонес Таврический: Быт и культура. С. 147), критикуя тенденции нашего времени пересматривать положения предшественников, приводит пример с трактовкой «фракийского всадника», на котором изображен, по его мнению, Асклепий, как Дионис Сабазий (так же см.: Зубарь В. М. О некоторых аспектах идеологической жизни населения Херсонеса Таврического в позднеантичный период // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев. 1990. С. 61—84).

5. Одной из черт верований Римской империи первых веков нового тысячелетия стало широкое распространение суеверий¹, что отражало процессы, происходившие в государстве. Борьба за власть — эпоха «солдатских императоров», проникновение варваров в приграничные поселки, постоянная тревога за жизнь и имущество являлись причиной роста гаданий, обращения к новым божествам за защитой, ибо старые боги все меньше и меньше помогали преодолевать невзгоды. Так в ипостаси прежних богов появлялись новые черты.

Безусловно, настроения, характерные для Римского государства в целом, проникали и в Северное Причерноморье. Изучение таких памятников, как амулеты, гадательные и магические таблички, надгробия с астральной символикой² из числа находок в Херсонесе, еще ждут своих исследователей. Возможно, что последующее поколение историков сможет ответить на дискуссионный вопрос и относительно культа императоров.

В настоящее время существуют два противоположных мнения относительно существования культа римских императоров. Это только частный культ, насаждаемый Римом в провинциях, который не выходил за пределы среды легионеров (мнение В. И. Кадеева). Выражение верноподданнических чувств и лояльного отношения к Риму, простиравшему свое влияние на берега Черного моря, привело к восприятию культа императоров среди херсонеситов — суть другой точки зрения В. М. Зу-

---

¹ Сопоставление погребального инвентаря в захоронениях других центров Северного Причерноморья и херсонесского некрополя, позволило В. М. Зубарю прийти к выводу, что для эллинистического и классического времени наличие амулетов, оберегов и талисманов не характерно (Зубарь В. М. Религиозное мировоззрение. С. 418–424). В более ранней статье, написанной совместно с В. Ф. Мещеряковым, отмечалось резкое возрастание подобных предметов в погребениях первых веков (см.: Зубарь В. М., Мещеряков В. Ф. Некоторые данные о верованиях... С. 96–114).

² Э. И. Соломоник, упоминая памятники с астральными знаками (НЭПХ. 2. № 186. С. 209–220 — надгробие с астральными знаками и формулой «исполнившая срок жизни»), отмечала, что они служат свидетельствами появления учения о бессмертии души, проникновение которого она связывала с Малой Азией или западными провинциями империи.

баря, подробно изложенная в ряде статей и в соответствующей главе коллективной монографии.

Малочисленность свидетельств не позволяет разрешить спор между исследователями. Но то, что Херсонес не входил в состав Римского государства, сохраняя пусть и призрачную, но все же элевтерию, позволяет считать концепцию В. И. Кадеева правомерной. Однако до появления новых источников имеет право на существование и логика доказательств, приведенных В. М. Зубарем в пользу появления данного культа в херсонесской среде.

Остался невыясненным вопрос в отношении возможного эпонимного божества Дор. Отсутствие существенных свидетельств о божестве оставляет его открытым

Некоторые историографические итоги

В течение длительного времени дискуссий и поисков доказательств, продолжавшихся фактически в течение века, в результате обращения к традициям полисов других районов Эллады, исследователям удалось установить значимость культа богини Девы в жизни херсонесской общины. В работах историков начала нашего столетия констатируется, что суждения о «восприятии» культа от соседей варваров не корректно.

Комплексный анализ находок показал, что на протяжении всего античного времени главной защитницей Херсонеса являлась богиня Дева — синкретическое божество, вобравшее черты Артемиды Парте-нос и Тихе. На рубеже тысячелетий появляется персонифицированное божество Херсонас, скорее всего, культ его был связан с культом Девы, а алтарь Херсонаса находился около храма богини Девы. Наибольшее почитание божества — олицетворения народа Херсонеса приходится на II в. н. э., в период второй элевтерии.

Археологические находки позволили отчасти представить «хронологическую иерархию» в структуре общеполисного пантеона, в состав которого входили Зевс и Гера. Бога-врачевателя Асклепия с конца I в. н. э. начинают почитать и как покровителя общины в целом. По-прежнему все херсонеситы воздавали почести Гермесу и Дионису. В первые века в государственный пантеон была включена Афродита, почитаемая наряду с другими ипостасями и как защитница покоя усопших.

Археологические материалы свидетельствуют, что количество традиционных (эллинских) божеств в пантеоне херсонеситов, начиная с середины I в. до н. э., сокращается, в то же время увеличивается почитание «новых богов» в частной жизни. Способствовал этому приток нового населения в город: римских легионеров и их родственников¹. Торговые связи с городами Средиземноморского региона, присутствие выходцев из Балканских провинций Римской империи, проникновение варваров в среду горожан приносило новые элементы в идеологические представления жителей Херсонеса, однако это нельзя рассматривать как элемент существенного влияния римской культуры (романизации) на эллинское население Херсонеса, которое в значительной мере осталось верным своим прежним богам.

Выше уже шла речь о наблюдениях М. Г. Бондаренко. Систематизация опубликованных к настоящему времени сакральных находок привела автора к выводу, что в античный период в Херсонесе существовало свои 12 официальных культов: Дева, Геракл Зевс, Гера, Дионис, Афина, Аполлон, Гелиос, Гермес, Асклепий, Афродита, Ника, поклонялись и Диоскурам. В римское время из 12 осталось 9; их иерархия представляется следующей: Дева, Геракл, Зевс, Гера, Дионис, Гермес, Асклепий, Афродита, Ника. При этом высказано предположение, что культ Девы еще в большей степени приобрел синкретические черты, в нем присутствует не только почитание Артемида, но и Тихе.

Одним из положений исследователя является тезис о своеобразной «конкуренции» культа Девы и Геракла: «Анализ данных нумизматики показывает, что своего расцвета культ Девы достигает в IV—I вв. до н. э., хотя ему пришлось некоторое время конкурировать с культом Геракла.

---

¹ В качестве примера «чужеродных влияний» в эллинской среде херсонеситов можно привести надгробие с надписью, в которой упоминаются боги Маны. Оно поставлено братьям-близнецам (НЭПХ. 2. № 192. С. 237). Как полагала Э. И. Соломоник, братья родились, воспитывавшиеся в семье господина, сопровождали его в Крым, где и погибли (памятник II в. н. э.). Размещением солдат I Италийского легиона, XI Клавдиева или V Македонского, vexillarii которых стояли в Херсонесе, она объясняла обращение к «непобедимому Митре» (НЭПХ. 2. № 195. С. 243—248, памятник конца II — III в. н. э.).

В конце I в. до н. э. — I—II вв. н. э. культ Девы начинает терять свою популярность, но сохраняет статус главной»¹. (Трудно совместить первое со вторым: как это и теряет популярность и остается главным-?).

Оставим в стороне замечание о «конкуренции», тем более что источники, которые привлекает М. Г. Бондаренко в других разделах работы, как и исследования историков Херсонеса, свидетельствуют о том, что граждане обращались за помощью или покровительством в зависимости от ситуации, как это имело место и в других государствах античного времени², поэтому вряд правомерно смелое предположение о «конкуренции», как и, вероятно, преждевременно создавать «иерархический список» божеств Херсонеса.

Разночтение во взглядах историков существует относительно культа римских императоров.

До обнаружения сакральных зданий³ сохраняются гипотетические предположения о местоположении храмов.

В первые века н. э. с Востока, особенно после подавления Веспасианом Флавием восстания в Иерусалиме, начинается переселение иудеев в другие районы империи. Вместе с ними распространяется и новая вера. Павликианские реформы, суть которых выражена в одном из его посланий: «Нет ни эллина, ни иудея, а все и во всем Христос», способствовала трансформации общин, заложила основы превращения христианства в мировую религию. Вера в Спасителя не могла не пустить ростки и среди отдельных граждан Херсонеса. Близился конец языческим богам. Херсонес, как и другие города Восточной Римской империи, вступал в новую эпоху.

---

¹ Бондаренко М. Г. Пантеон Херсонеса Таврического. С. 60.

² Например, готовясь к битве с персами при Марафоне (490 г. до н. э.), афиняне принесли жертвы всем олимпийцам (см.: Геродот. VI, 108).

³ Недавно была высказана гипотеза о расположении храма Девы на Маячном полуострове. Отсутствие стены в прибрежной части исследователи рассматривают как отсутствие боязни херсонеситов нападения отсюда тавров, так как Дева почиталась и у них (см.: Николаенко Г. М., Марченко Л. В. Антропогенные воздействия на природу в регионе Юго-Западного Крыма в IV—III вв. до н. э. // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С. 30—43).

Но как представляются в историографии время и события, отражающие процесс распространения новой веры в Херсонесе, — это уже другой сюжет.

В завершение настоящего раздела еще раз следует отметить появление первого фундаментального исследования по истории Херсонеса римского периода, к которому пришлось неоднократно обращаться в выделенных выше историографических сюжетах¹.

Вполне возможно, что последующее обращение к уже введенным в научный оборот находкам, появление новых данных, «раскопки» в фондовых хранилищах приведут к уточнению существующих концепций. Это закономерно: поиск истины бесконечен. Страницы истории Херсонеса, приоткрываемые его исследователями, — это очередной шаг приближения к реалиям прошлого.

---

¹ Безусловно, это замечание относится и к монографии о начальных страницах истории Херсонеса, в которой в фундированной главе о религиозном мировоззрении обобщены материалы, свидетельствующие о магических представлениях херсонеситов и погребальном обряде. В настоящем разделе изложение мнений относительно данных аспектов специально не представлено. С одной стороны, это вызвано тем, что к некоторым из них, в частности, некрополя 1936 г., нам уже пришлось обращаться. Безусловно, это не отразило всех нюансов, которые следует иметь в виду, касаясь такого сюжета как религиозные представления. С другой — обращение к погребальному обряду требует повторения характеристик сооружений и погребального инвентаря, уже неоднократно описанных памятников с тем, чтобы показать правомерность существующих выводов. В сущности, в этом нет необходимости, поскольку они подробно проанализированы в коллективной монографии в связи с изложением погребального культа и ритуала захоронений (см.: Зубарь В. М. Религиозное мировоззрение. С. 424—468).

Очерк 7. НАРОД И ВЛАСТЬ

Вожделения людей по природе беспредельны, а в удовлетворении этих вожделений и проходит жизнь большинства людей. Основное во всем этом — не столько уравнивать собственность, сколько устроить так, чтобы люди, от природы достойные, не желали иметь больше, а недостойные не имели такой возможности; это произойдет в том случае, если этих последних поставят в низшее положение, но не станут обижать.

Аристотель. Политика. II, 2, 11–12

Некоторые источники для восстановления структуры государственности. Декреты Народного собрания. Литургии и налоги. Вопрос о численности гражданского коллектива. Порядок работы Народного собрания по Аристотелю. «Совет и народ постановили...». Суд. Вопрос о степени демократичности управления в Херсонесе. О кризисе классического греческого полиса и стасисе в Херсонесе. Причины появления Присяги. Исполнительные магистратуры: номофилаки и симмнамоны, казначей священным сумм. Воспитание эфебов, гимнасиархи и стратеги. Астиномы и агораномы. Дамиург: магистрат или почетный титул? Коллегия архонтов. Базилей-эпонимы и «базилисса Дева». Экстраординарные магистраты. Социум на рубеже тысячелетий и в первые века н. э. Этносоциальная картина жителей города Херсонеса. Вопрос о варварах в составе жителей Херсонеса. Стратификация херсонесской общины и обитателей города. Сотерих — раб, служитель храма или жрец? Несколько общих замечаний о причинах конфликтов. Эволюция исполнительной власти в первые века н. э. Рим и Херсонес: к вопросу о статусе и инкорпорации.

Наиболее полное изложение структуры управления и как она формировалась в течение длительного периода, существует только для Афинского полиса, благодаря труду Аристотеля (384–322 гг. до н. э.) «Афинская полития». Характеристики различных систем: демократической, аристо-

кратической или такой, когда во главе государства стояли немногие — олигархи, — также содержатся в сочинениях греческого философа.

Античная традиция, отраженная в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха (ок. 46—позднее 119 гг.), позволяет расширить представление о реформаторской деятельности выдающихся законодателей древности. Как и Аристотель, Плутарх описывал изменения, произошедшие в Аттике при Солоне, когда вместо замещения выборных магистратур исполнительной власти по принципу «знатности и богатства» вводится новый, соответствующий цензу гражданина. Следующим этапом, завершившим формирование властных структур Афин, стали реформы Клисфена, в ходе которых на смену родовым объединениям пришли территориальные филы и взаимосвязь доходов гражданина и исполнение им литургий. Но до Клисфена более полувека во главе Афинского полиса находился тиран Писистрат и его сыновья — Писистратиды. За эти годы значительно уменьшилось влияние аристократических элементов на происходящее в жизни государства.

Безусловно, помимо сочинений двух выше названных авторов, свидетельства, позволяющие составить представление о развитии античной государственности, содержатся у ряда историков и философов, например, у Платона. Но ни для одного из государств Эллады, кроме Афинского, имеющиеся данные не содержат хронологически последовательного ряда событий и полноты описания функционирования и количественного состава исполнительных магистратур, именно поэтому при создании типологических особенностей античного полиса чаще всего исследователи обращаются к трудам Аристотеля.

Российские и западноевропейские историки констатируют, что «греческий полис прежде чем прийти к демократической устройству должен был проделать долгий путь развития. ...Катализатором его поступательного движения могли служить внешняя угроза и внутренняя социальная борьба»¹. Попытаемся представить, как отразились эти два фактора в становлении и трансформации Херсонесского государства. Каким представляется «длительный путь развития», согласно мнениям

---

¹ Например, см.: Bengtson H. Griechische Geschichte. 5. Aufl. München, 1977. S. 106; Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса, VII—I вв. до н. э.: Историко-этнографическое исследование. М., 1989. С. 77.

его исследователей, какие данные позволили проследить эволюцию государственности одного из центров Северного Причерноморья.

Некоторые источники для восстановления структуры государственности

Для Херсонеса отсутствуют источники, на основании которых можно было бы воссоздать целостную картину работы исполнительных органов власти. Безусловно, исключительное значение имеет такой памятник как Присяга. Появление ее вызвали политические коллизии, что отражено непосредственно в тексте. Принимая Присягу, граждане клялись, что не будут «ниспровергать демократического строя». В случае же возникновения заговора, обнаружения тех, кто попытается уничтожить существующие порядки, гражданин должен был довести это «до сведения государственных должностных лиц, а на суде подавать «голос по законам»¹.

Восстановлению структуры органов управления способствуют декреты Народного собрания Херсонеса, отражающие отдельные события и называющие имена граждан, которые в период пребывания в качестве выборных магистратов, способствовали процветанию общины.

По мере углубления в историю Херсонеса становится очевидным, сколь значительным в отдельные хронологические отрезки времени было это государство. В период расцвета оно обладало территорией близкой к площади Аттики и играло большую роль в Северном Причерноморье. Имели херсонеситы и своих историков. Но до нашего времени труды их не сохранились. Возможно, они пополнил бы представления о таких сюжетах как народ и власть, ему принадлежавшая, о взаимоотношениях граждан и избираемых ими магистратов.

---

¹ Слова являются примечательным совпадением с тем, что известно относительно конституционных установлений Афин. Политический деятель полиса и один из противников знаменитого оратора Демосфена Эсхин (389—314 гг. до н. э.), рассматривая закон о противозаконии (графе параномон, писал: «Потому-то и законодатель поставил это на первом месте в присяге судей: «буду подавать голос по законам» — он хорошо знал, что, если в государстве будут соблюдаться законы, этим самым сохраняется и демократия» (Эсхин, III, 6. Цитата приведена по изданию: Аристотель. Политика. Афинская полиция. М., 1997. Приложение XXI. С. 407).

Отсутствие системных данных является одной из основных причин существенных лакун при реконструкции государственности Херсонеса; сложностей, сопутствующих выявлению численности и специфики функций того или иного органа исполнительной власти. Лакуны лишь отчасти заполняются текстами декретов и псефизм¹ Народного собрания, поэтому все авторы, изучавшие структуру управления, существовавшую у херсонеситов, отмечают малочисленность свидетельств², что и вызывает разночтения и дискуссии при выявлении эволюции органов управления, их численного состава и взаимосвязи.

Публикация памятников из эпиграфического собрания Херсонеса, предпринимаемые начиная с XIX в., сопровождалась комментариями, отражающими мнение издателя относительно функций той или иной выборной магистратуры. Следовательно, истоки формирования представлений о системе управления Херсонеса восходят к работам В. В. Латышева, которому принадлежит первый перевод Присяги херсонеситов³. В последующем, анализируя тексты новых эпиграфических памятников или уточняя содержание уже введенных в научный обо-

---

¹ Псефизма, постановление Народного собрания, касающееся частных вопросов, в отличие от закона — номоса. Наибольшее число известных в херсонесской эпиграфике постановлений Народного собрания относятся к псефизмам. Исключением является Присяга — номос.

² Например, см.: Пальцева Л. А. Херсонес Таврический в V—I вв. до н. э. Л., 1988. С. 59.

³ Первая публикация: Латышев В. В. Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического // ЖМНП. 1884. июнь. С. 35—77). Текст Присяги был переведен С. А. Жебелевым (см.: Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1958. С. 217, 224). Некоторые историки обращаются именно к этому переводу, считая, что он точнее (см.: Пальцева Л. А. Херсонес Таврический... С. 40). Исследовательнице принадлежит и специальная статья относительно государственности Херсонесского полиса (Пальцева Л. А. К вопросу об эволюции государственного строя эллинистического Херсонеса // Проблемы социально-экономической организации и идеологии общества. Л., 1984. С. 108—126). Об оценке работ В. В. Латышева, например, см.: Тюменев А. И. В. В. Латышев и история Херсонеса // СА. 1958. Т. 28. С. 15—32; Книпович Т. Н. Василий Васильевич Латышев как исследователь Северного Причерноморья в античную эпоху // СА. 1958. Т. 28. С. 7—14.

рот, замечания относительно значимости отдельных магистратур были сделаны Э. И. Соломоник¹. Тщательный анализ памятников, в отдельных случаях дополняемых свидетельствами новых находок, позволил Э. И. Соломоник уточнить их датировку. Непосредственное обращение к надписям привело к выявлению деталей, которые не мог видеть В. В. Латышев, поскольку использовал в отдельных случаях эстампажи².

Пытаясь представить состав и место той или иной из магистратур в жизни херсонеситов, останавливали внимание на лапидарных памятниках

---

¹ Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. I. Киев, 1964 (далее: НЭПХ. I); Она же. Новые эпиграфические памятники Херсонеса: Лапидарные надписи. II. Киев, 1973 (рец. на кн. Ю. Г. Виноградова // ВДИ. 1975. № 1. С. 169–176). Отдельные замечания о магистратурах и литургиях Херсонеса содержатся в следующих работах Э. И. Соломоник: Новые данные о государственном строе Херсонеса во II в. н. э. // Всесоюзная науч. сессия, посв. итогам полевых археол. и этнограф. исследований в 1970 г.: Тез. докл. Тбилиси, 1971. С. 166–167; Греческие надписи из района античного театра в Херсонесе // ВДИ. 1967. № 1. С. 69–78; Памятники с надписями // СХМ. 1969. Вып. 4. С. 55–77; Греческие надписи из портовой части Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 122–124; Греческие надписи из портовой части Херсонеса // АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 39–44; Несколько новых надписей Херсонесского музея // ВДИ. 1978. № 3. С. 66–81; Фрагмент надписи из Херсонеса о политических изгнанниках // ВДИ. 1984. № 3. С. 72–81 и др.

² Подробнее об этом см. в очерке 1. Примером может служить работа Э. И. Соломоник над текстом надписи, в которой сообщается о длительной борьбе херсонеситов с тираном, захватившем власть. На основании палеографического анализа время появления псефизмы было отнесено к рубежу нашей эры (Соломоник Э. И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984. С. 9). В. В. Латышев (*Latyshev V. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Pontl Euxini graecae et latinae. T. I²: Inscriptiones Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae, aliorum locorum a Danubio usque ad regnum Bosporanum. Petropoli, 1916. № 355; далее: IosPE. I²*) и М. И. Ростовцев (Ростовцев М. И. К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи // Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. М., 1916. С. 13) датировали памятник I в. н. э. В последующем, в связи с характеристикой социальной борьбы в Херсонесе в эпоху Августа, к содержанию надписи обратился В. И. Кадеев (Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981. С. 60; также см.: Он же. Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н. э. — III в. н. э. // ВДИ. 1979. № 2. С. 57).

и другие эпиграфисты. Примером являются работы Ю. Г. Виноградова¹. Свидетельства эпиграфики постоянно используют историки Херсонеса; интерпретация содержания декретов и псефизм отражает концептуальное развитие положений по истории его государственности².

Однако для того, чтобы составить представление не только относительно существующих дискуссий, но и параллельно попытаться воссоздать более или менее целостную картину исполнительной власти, ниже будут приведены примеры из трудов Аристотеля³. Безусловно, такое

---

¹ Виноградов Ю. Г. Новые надписи из Херсонеса Таврического // ВДИ. 1970. № 3. С. 127–134. Ряд работ, посвященных новым находкам, был написан Ю. Г. Виноградовым в соавторстве с другими исследователями (например, см.: Vinogradov Ju. G., Zubar V. M. Die Schola Principalium in Chersonesos // *Il Mar Nero II*—1995/1996 (1997). S. 129–143; Граков Б. Н., Виноградов Ю. Г. Новые надписи из Херсонеса Таврического // ВДИ. 1970. № 3. С. 127–134). В соавторстве с М. И. Золотаревым Ю. Г. Виноградов неоднократно возвращался к интерпретации уникальной находки для Херсонеса — остраконов (см.: Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И. Год рождения Херсонеса Таврического // ХСб. 1998. Вып. 9. С. 36–46; Vinogradov Yu. G., Zolotarev M. I. La Chersonèse de la fin de l'archaïsme // *Le Pont-Euxin vu par les Grecs* / Ed. O. Lordkipanidze, P. Lévêque. P., 1990. P. 85–119; *Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes*. Mainz. 1997. S. 397–419; *L'ostracismo e la storia della fondazione in Chersonesos Taurica. Analisi comparata con gli ostraka dal Kerameikos di Atene* // *Minima epigraphica et papyrologica*. 1999. Vol. 2. № 2. P. 111–131).

² Новикова Р. А. Симмнамоны и номофилаки Херсонеса Таврического // ВДИ. 1961. № 2. С. 102–108; Она же. Эпиграфические данные о стратегах Херсонеса Таврического и родственных ему городов // *Исследования по истории феодально-крепостнической России*. М.; Л., 1964. С. 192–209; Новицкая Н. И. К вопросу о Народном собрании в Херсонесе Таврическом // *Античные государства и варварский мир*. Орджоникидзе, 1981. С. 139–148.

³ Ограниченность информации о структуре исполнительной власти существует не только для Херсонеса. Афины — блестящее исключение. Метод аналогий используется при реконструкции структуры государственного управления и относительно других государств античного времени. Можно привести одно из замечаний о состоянии источниковой базы метрополии Херсонеса — Гераклеи. Назвав таких магистратов как эпонимы, жрецы и агораномы, исследователь далее пишет, что остальные восстанавливаются предположительно

обращение не совсем корректно, так как Херсонес являлся дорийским полисом, имевшим к тому же существенные локальные отличия. На это обращает внимание В. М. Зубарь, пришедший к выводу, что перманентным противостоянием херсонеситов и варваров следует объяснять особенности государственного устройства Херсонесского полиса, а «не специфически дорийским путем развития»¹.

Декреты Народного собрания

Важнейшим органом управления в государствах античной эпохи являлось Народное собрание. На Народных собраниях принимались законы и издавались псефизмы. Для демократических полисов характерной чертой была исономия — равнозаконие (равенство всех граждан перед законом). В этом отношении Херсонес вряд ли имел существенные отличия, если обратиться к свидетельству завершавших декреты строк: «Так постановил Совет и Народ...»; «Да постановит Совет и Народ восхвалить за это...»; «Это решено Советом и Народом...».

Народное собрание, как свидетельствуют памятники из каменного архива херсонеситов, утверждало заранее разработанные постановления различного вида: о наградах собственных граждан и чествовало эллинов-иностранцев, издавая проксенические декреты, появление которых вызвано развитием торговых и дипломатических отношений². Традици-

---

на основании аналогий из других мегарских и гераклейских колоний (см.: Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. Взаимоотношения метрополии и колонии в VI—I вв. до н. э. М., 1986. С. 48).

¹ Зубарь В. М. Государственное устройство Херсонеса в конце VI — середине I в. до н. э. // ССПК. 2004. Вып. 11. С. 352. Вывод повторен в главе, посвященной государственности Херсонеса в коллективной монографии 2005 г. (см.: Зубарь В. М. Государственное устройство. С. 306 // Зубарь В. М., Буйских А. В., Кравченко Э. А., Марченко Л. В., Русяева А. С. Херсонес Таврический в третьей четверти VI — середине I в. до н. э.: Очерки истории и культуры. Киев, 2005).

² По Аристотелю и Платону, государство должно быть самодостаточным. Его цель экономическая автаркия; о теории Платона, например, см.: Кошеленко Г. А. Градостроительная структура «идеального» полиса (по Платону и Аристотелю) // ВДИ. 1975. № 1. С. 3—26; Поппер К. Открытое общество и его враги.

онной формулой подобных декретов являются восхваление за заслуги и заключение: «дать ему гражданство проксении, (право) въезда и выезда в мирное и военное время ему и потомкам». В некоторых постановлениях, относящихся к первым векам нашей эры, даровалось также «участие в государстве во всем, в чем участвуют и херсонесцы».

На принятие проксении могли повлиять и политические соображения, и дипломатические цели, как отметил А. И. Тюменев¹. В последующем, коснувшись этого аспекта, Э. И. Соломоник выделила два вида проксений: рядовые декреты или торговые, в которых заслуги чествуемого лица не приведены, и почетные — с перечислением благодеяний². Примером второго вида является псефизма второй половины II в. до н. э., где сказано об ольвиополите Никерате, сыне Папия, выступившего в качестве третейского судьи во время конфликта между херсонеситами³.

Наличие права любого гражданина вносить на рассмотрение Народного собрания предложение о псефизме (или это являлось прерогативой только магистратов) отражает, по мнению некоторых исследователей, «степень демократичности» государства. Так, Р. А. Новикова заметила, что первоначально Херсонес имел черты аристократической республики, но на рубеже IV—III вв. до н. э. произошли радикальные изменения в сторону демократизации⁴. Свидетельством этого является, как она полагает, то, что предлагать декреты стали частные лица, а не магистраты. Во второй половине III в. до н. э. граждане вернулись к прежней

М, 1992. С. 124 и след.). У Сократа и Платона автаркия — это еще и отсутствие потребностей и желаний, независимость от материального мира и людей. Для Фукидида автаркия — это политическая и экономическая независимость. В реальной жизни экономическая автаркия полиса являлась недостижимой в силу различных причин, прежде всего географического фактора.

¹ Тюменев А. И. Херсонесские этюды. V: Херсонесские проксении // ВДИ. 1950. № 4. С. 11—25 (особенно с. 13—14).

² Соломоник Э. И. НЭПХ. I. С. 29—3, также см. Соломоник Э. И. Проксения в честь синопейца // СХМ. 1960. Вып. 1. С. 16—21.

³ Подробнее см.: Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса... С. 185. За заслуги херсонеситы установили ему конную статую.

⁴ Новикова Р. А. Симмнамоны и номофилаки... С. 105. Но она отмечает, что изменения не были существенными.

традиции — прерогатива законодательной инициативы стала принадлежать только представителям исполнительной власти. Это следует считать показателем аристократизации государственности. Солидарна с таким выводом и другая исследовательница Л. А. Пальцева¹.

При отсутствии хронологически последовательных декретов сложно говорить о корректности наблюдений. Возможно, следует учитывать пример Ольвийского полиса, в котором, псефизмы — проксении с середины III в. до н. э. вносились на рассмотрение Народного собрания частными лицами, почетные декреты — различными магистратами или коллегиями². В отношении чествования историка Сириска (III в. до н. э.), Ю. Г. Виноградов напоминал о гипотезе М. И. Ростовцева³, о том, что предложивший его Гераклид, сын Парменонта (отец Сириска), который исполнял магистратуру в этот год и из скромности выступил как частное лицо. Это скорее исключение, чем правило⁴.

Если обращаться к сопоставлению правил «издания» декретов в Ольвии и в Херсонесе, то следует обратить внимание также на политическую обстановку в Таврике и на берегах Борисфена. С середины III в. до н. э. Ольвия вступает в полосу кризиса: нехватка продовольствия, постоянные и затяжные войны, варварские набеги и связанные с этим вымогательство дани, — истощали государственную казну⁵. Близкая ситуация наблюдается в Северо-Западном Крыму: войны со скифами фиксируются нарративными и эпиграфическими памятниками на протяжении III и II в. до н. э., вплоть до завершения действий военного корпуса под руководством Диофанта⁶. Ю. Г. Виноградов считал, что

---

¹ Пальцева Л. А. Херсонес Таврический... С. 120.

² Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса... С. 223.

³ Ростовцев М. И. Сирик — историк Херсонеса Таврического // ЖМНП. 1915. Апрель. С. 151–170.

⁴ Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса... С. 224.

⁵ Краткая характеристика периода приведена в недавно опубликованной книге двух киевских исследователей, см.: Русяева А. С., Русяева М. В. Ольвия Понтийская: Город счастья и печали. Киев, 2004.

⁶ Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса... С. 177–179.

изменение порядка принятия постановлений Народным собранием является скорее всего отражением социальной стратификации эллинистического полиса, в котором внутривластные процессы усугублялись внешнеполитической обстановкой¹.

Для Херсонеса в качестве гипотезы, которая имеет право на существование, поскольку она основана на анализе эпиграфических памятников, может быть принят вывод Э. И. Соломоник, подтверждаемый примером Ольвийского полиса о двух видах декретов, которые из-за их значимости и имели различный порядок внесения на рассмотрение Народного собрания. Однако это ни в коей мере не умаляет роли Народа Херсонеса — каждый гражданин мог быть избран на любую магистратуру (по традиции), но не каждый избирался (в реальной жизни). Следует помнить, что исполнение обязанностей по управлению делами общины финансово не компенсировалось и требовало личных затрат. Свое право в управлении государством гражданин осуществлял во время голосования. Находки остраконов в Херсонесе свидетельствуют о том, что Народное собрание Херсонеса являлось также высшим политическим судом, который мог лишить гражданских прав, обречь на изгнание.

Гражданин полиса выступал в триединой сущности: землевладелец (и в большинстве случаев и земледелец), защитник отечества (важнейшая обязанность и право — служба в ополчении) и носитель политической власти. В отношении последней составляющей, наиболее важной для истории государственности, возникает несколько вопросов: во все ли периоды в равной мере члены общины использовали право влиять на ход государственных дел, все ли они обладали равными правами (первопоселенцы и прибывшие позднее), наконец, каков был количественный состав общины Херсонеса. Закономерна также постановка вопроса о системе «административного контроля» дальней хоры, где к концу IV в. до н. э., согласно мнению А. Н. Щеглова, сформировалось три категории населения: свободные, полунезависимые и зависимые². К сожалению, эта

---

¹ Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса... С. 185.

² Щеглов А. Н. О структуре населения хоры Херсонеса и Боспора в IV—II вв. до н. э. // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир: Тез. конф. Л., 1973. С. 36—37.

проблема, показывающая особенности процесса эллинизации, является не разрешимой: свидетельства письменных источников, отражающие статус каждой из категорий, отсутствуют, как и данные относительно «управления» землями в этом регионе.

Литургии и налоги

Согласно античной традиции гражданин отличается от других свободных, живущих на территории его государства (метеков), тем, что не платит прямых налогов¹.

Все общественные мероприятия финансировались состоятельными гражданами путем исполнения литургий. Наградой за организацию праздничных шествий и хоров, постановку драм, участие в оплате строительных работ был оказываемый исполнителю литургии почет. В память об этом, как правило, издавалась псефизма. Среди эпиграфических памятников Херсонеса имеются декреты, свидетельствующие о расходовании частных средств на выполнение необходимых для всей общины дел. В одном из них рассказывается о событии периода походов Диофанта. В это время, как гласит надпись, граждане, теснимы врагом, просили, чтобы чествуемый восстановил за собственный счет оборонительные стены. Он собрал (или получил) средства от народа и выстроил их². В другой строительной надписи сообщается, что некто «построил или

---

¹ Одной из интереснейших статей о происхождении налогов является работа К. Хойзера (Хойзер К. Жертва и налог: От античности до современности // Все начиналось с десятины: Этот многоликий налоговый мир. М., 1992. С. 39–55). Во вводной части автор пишет, что первая известная налоговая перепись населения изображена евангелистом Лукой: произведенная по распоряжению Августа перепись «в меньшей степени служила римской статистике, чем налоговому кадастру, то есть описи, согласно которой римские провинции облагались налогом». Издатели «Словаря античности» уточняют, что эта перепись не относилась к населению других провинций и как пример «пересчета» населения приводят цензовые списки в Риме, на основании которых устанавливались обязанности граждан по отношению к воинской службе (Перепись населения // Словарь античности. М., 1989. С. 423).

² Соломоник Э. И. НЭПХ. I. № 1. С. 7–15.

восстановил стену для города на собственные средства»¹. Наиболее известным, благодаря систематическому обращению историков при характеристике римского периода Херсонеса, является декрет в честь Теагена, сын Диогена, агораном, который на собственные средства устроил рыбный рынок (II в. н. э.)². Эпиграфические памятники сообщают также о сооружении для города терм³. В. В. Латышев отмечал, что путем литургий финансировались также музыкальные и гимнастические состязания, использовалась она для организации посольств. Большое значение имели такие литургии как триерархия и хорегия⁴.

---

¹ Соломоник Э. И. НЭПХ. I. № 25. С. 68–71 (декрет II в. н. э.). Можно привести еще один пример, декрет 180 г. н. э. о том, что такой-то будучи агораном построил или провел другие работы на агоре (НЭПХ. I. № 26. С. 71–73).

² Соломоник Э. И. НЭПХ. I. № 129. С. 110–111. Имя Теагена, сына Диогена, встречено и в других надписях: в 129/130 г. он был архонтом, затем секретарем Совета. В декрете № 112 (НЭПХ. I) его имя названо среди первых лиц, «скрепивших» своей печатью документ. Особенно часто надпись в честь Теогена цитируют для подтверждения значения в жизни херсонеситов рыболовного промысла. См. ранние работы по этому поводу: Семенов-Зусер С. А. Рыбный рынок в Херсонесе: Новооткрытая надпись музея Харьковского университета // ВДИ. 1947. № 2. С. 237–246; Он же. Рыбное хозяйство и рынки на юге СССР в древности. Харьков, 1947 (Памятники истории, экономики и культуры древнего Северного Причерноморья. Вып. 1).

³ Соломоник Э. И. НЭПХ. I. № 133. С. 118. Один из комплексов этого вида был открыт К. К. Косцюшкой-Валюжиничем в 1903 г. в северном районе городища (неподалеку от Уваровской базилики). Несколько строительных периодов выявлено для терм, расположенных в цитадели (обнаружены в 1906 г., исследовались И. А. Антоновой, особенно значимы ее раскопки 1969 г. Но вряд ли термы в цитадели использовались гражданским населением.

⁴ Латышев В. В. Эпиграфические данные о государственном устройстве... С. 75. Триерархия — обязанность состоятельных граждан построить и содержать триеру. Хорегия предусматривала расходы на организацию театральных представлений: подготовку и содержание актеров и хора, приобретение реквизита и т. д. Свидетельства, подтверждающие исполнение гражданами Херсонеса этих литургий, в эпиграфических памятниках, известных на сегодняшний день, отсутствуют.

Правда, в исключительных случаях — во время военных действий — граждане все же были вынуждены собирать чрезвычайный налог¹. Возможно, в приведенной выше надписи времен походов Диофанта (конец II в. до н. э.) говорится именно о поручении собрать «средства от народа» — чрезвычайный налог (эйсфору).

Другим источником получения средств на государственные нужды служили доходы от собственности общины, таможенные пошлины и налоги на продажу, подати на иноземцев (метеков), судебные сборы и штрафы.

Вопрос о численности гражданского коллектива

Чаще всего для определения количества населения города используется частное от деления его площади на усредненный показатель плотности обитания². Для античных центров Северного Причерноморья такую методику использовал В. Д. Блаватский, используя при этом и данные о земельных участках, принадлежащих херсонеситам на Гераклеийском полуострове, а также о количестве необходимой для их обработки рабочей силы. По его мнению, общая численность населения Херсонеса и ближней хоры составляла 5500—6000 человек, из них свободных — около 2 тыс., а в целом в полис имел 25—35 тыс.³

---

¹ Порядок финансирования общественных нужд в Афинах рассмотрен: Майер К. Как афиняне финансировали свои общественные структуры: Первые шаги налоговой политики в античной Греции // Все начиналось с десятины. С. 55—73.

² Koder J. Negroponte: Untersuchung zur Topographie und Siedlungsgeschichte der Insel Euboia während der Zeit der Venezianerherrschaft. Wien, 1973. S. 177; Jacoby D. La population de Constantinople à l'époque Byzantine // Byz. 1961. T. 31).

³ Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 166, 196. 25—35 тыс. — это население Херсонесского государства в целом, включая жителей Керкинитиды и Прекрасной Гавани. Численность населения (не только граждан) выявлена на основании площади Херсонеса, на которой могло быть ок. 1200 жилых домов (см.: Блаватский В. Д. Северо-понтийские города в конце II — I в. до н. э. // Вестник Моск. ун-та. 1949. № 7. С. 64.

Поправки в методику определения количество жителей города внес С. Д. Крыжицкий, отметивший, что при подсчетах населения на основании размеров города необходимо принимать во внимание наличие городских площадей и территорию, занимаемую улицами. В таком случае плотность обитания кардинально измениться. Обратив на это внимание, он предложил за основу расчетов брать следующие показатели: площадь города, за исключением уличных магистралей, и усредненная площадь дома. В свою очередь частное от деления этих величин умножается на средний состав семьи¹.

Насколько это соответствует реалиям времени попытался представить Е. Я. Рогов. Касаясь таких слагающих, как состав семьи херсонеситов, он замечает, что при отсутствии данных за исходное принимается 4–5 или 8–10 человек); далее — не устойчивы и размеры домов. Обычно в квартале 27–29 x 22–24 м в античный период располагалось 3–4 дома площадью в 170–220 м², но выявлены и более крупные комплексы — до 625 м², а соотношение жилищ различных категорий не известно².

По мнению Е. Я. Рогова, количество граждан-первопереселенцев, владевших наделами на Маячном полуострове, было или 64–71, или 72–79 (в зависимости от того, какая доля земель отводилась под храмовые и общественные нужды (1/5, или 1/10). Ко времен освоения остальной части Гераклеяского полуострова гражданский коллектив увеличился — соответственно до 1862–1865 или 2095–2096 человек. На основании анализа материалов некрополя, он предположил, что обычно семьи имели по 6 детей. Таким образом, при интервале поколений в 20–25 лет через 60–75 лет от одной семьи во втором поколении образуются 3 семьи. Увеличение числа граждан привело к межеванию земель на ближней хоры, а в последующем — освоению Северо-Западного Крыма. По его мнению, при интервале поколений в 20–25 лет число граждан достигло такого показателя, который можно

---

¹ Крыжицкий С. Д. К вопросу об определении количества населения в греческом эллинистическом городе // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 164.

² Рогов Е. Я. Экология Западного Крыма в античное время // ВДИ. 1996. № 1. С. 77.

назвать демографическим взрывом¹. Однако, если за основу расчетов принять надел не в 4,4 га, в 8,8 га, то численность общины следует уменьшить в два раза².

Анализ материалов раскопок и наблюдения Г. М. Николаенко³, А. Н. Щеглова⁴ и других исследователей хоры позволил внести коррективы в представления Е. Я. Рогова. На основании выявленного к настоящему времени первоначального земельного фонда херсонеситов (ок. 1200—1300 га) и возможного размера земельного участка (ок. 4,4 га) при наличии исомойрии (равного наделения землей) В. М. Зубарь пришел к заключению, что количество граждан на рубеже V—IV вв. до н. э. колебалось в пределах от 266 до 288. Если учитывать, что в Херсонесе имелись лица, не обладавшие гражданскими правами, то все население полиса приближалось к 2000⁵. Далее, прибытие второй волны переселенцев (эпойков), увеличило численность херсонесской общины (на рубеже первой и второй четверти IV в. до н. э.) на сто человек⁶.

В более ранней работе на основании методики В. Д. Блаватского с коррективами, которые внесло изучение хоры во второй половине

---

¹ Рогов Е. Я. *Экология Западного Крыма...* С. 77, 83.

² При обращении к расчетам Е. Я. Рогова необходимо учитывать, что его мнение относительно времени межевания территории Маячного полуострова имеет отличия от точек зрения других историков.

³ Nikolaenko G. M. *The Adjacent Chora of Tauric Chersonesus in the 4-th Century BC // North Pontic Archaeology: Recent Discoveries and Studies (Colloquia Pontica; Vol. 6). Leiden; Boston: Köln; Brill, 2001. P. 203.*

⁴ Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н. *Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: Экономика, политика, культура. М., 1990. С. 317.*

⁵ Впервые подсчеты были представлены в работе: Зубарь В. М. *Херсонес Таврический в античную эпоху: Экономика и социальные отношения. Киев, 1993. С. 18. Также см.: Зубарь В. М. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. Киев, 2004. С. 16—17.*

⁶ Зубарь В. М. *Херсонес и Западная Таврика в последней четверти VI — середине IV в. до н. э. // Зубарь В. М., Буйских А. В., Кравченко Э. А. и др. Херсонес Таврический в третьей четверти VI — середине I в. до н. э.: Очерки истории и культуры. Киев, 2005. С. 81.*

XX в., логика рассуждений В. М. Зубаря выглядела следующим образом. В основу расчетов положено два предположения: все херсонеситы владели равными участками земли (это отмечено и в более поздней работе); поскольку для Херсонеса нет сведений о площади общинных и храмовых земель, принят показатель, существовавший в Аттике — от 1/10 до 1/5 от всех земельных владений; размер участка гражданина оценен в 4,4 га. В таком случае гражданский коллектив херсонеситов должен был приближаться к 2 тыс. При количестве членов семьи в 5 человек свободное население Херсонеса (без метеков) могло составлять 9,5—11 тысяч.¹ Так для двух хронологических периодов — времени рождения полиса и эпохи эллинизма воссоздает демографическую картину В. М. Зубарь.

Другое предположение о составе Народного собрания в начальный период — приблизительно 400 полноправных граждан² (в последующем без существенного прироста), высказано Л. А. Пальцевой³. Но оно не согласуется с политикой и возможностями полиса в освоении новых земель.

Иному варианту расчетов на основании методики В. Д. Блаватского, уточненной С. Д. Крыжицким⁴, следует М. И. Золотарев. На основании сопоставления градостроительной системы Херсонеса и размеров до-

---

¹ Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху. С. 18. На основании анализа надписей на стелах из башни Зенона удалось установить, что семьи херсонеситов состояли из пяти человек (об этом см.: Зубарь В. М. Формирование территориального государства в Западной Таврике и Херсонесе во второй половине IV — первой трети III в. до н. э. // Зубарь В. М., Буйских А. В., Кравченко Э. А. и др. Херсонес Таврический в третьей четверти VI — середине I в. до н. э. С. 141).

² Это первопереселенцы — эпойки, обладавшие преимуществами в области политических и экономических прав. В дальнейшем увеличение численности населения происходило за счет прибытия новых групп переселенцев, дарования гражданских прав иноземцам (Пальцева Л. А. Херсонес Таврический... С. 59). Последний фактор не играл большой роли, если учитывать специфику полисов.

³ Пальцева Л. А. Херсонес Таврический... С. 40.

⁴ Крыжицкий С. Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья, VI в. до н. э. — IV в. н. э. Киев, 1982. С. 48—49.

мов¹ он сделал вывод, что в городе в эллинистический период обитало 5000—6500 жителей (граждане и их семьи в 5 человек) или 7500—9750 (при большей величине семьи)². В подтверждение реальности предлагаемых расчетов М. И. Золотарев сослался на размеры херсонесского театра³, который не мог вместить более 800—850 человек⁴.

Вопрос о количестве населения Херсонеса не получил завершения в XX в., несмотря на использование различных методик. В начале нашего

---

¹ Подробнее см. в разделе об облике Херсонеса эллинистического времени.

² Буйских А. В., Золотарев М. И. Градостроительный план Херсонеса Таврического // ВДИ. 2001. № 1. С. 130.

³ Согласно традициям, существовавшим в античности, посещать представления в театре могли только граждане и в некоторых полисах незамужние женщины, а на первых трех рядах — прокедрия — могли находиться и почетные гости. Высшей литургией каждого гражданина была служба в ополчении. Таким образом, количество посетителей театра и численность войска являлись близкими величинами. Во II в. н. э. появилось сочинение Полиена «Военные хитрости» (Стратегмы), посвященное императору Марку Аврелию. В труде из восьми книг приведены примеры действий военачальников. В числе анекдотических случаев автор рассказал о полководце IV в. до н. э. Мемноне, который, готовясь к войне, отправил на Боспор посла, сопровождаемого прославленным музыкантом Аристонином. Во время его выступления посол должен был подсчитать, сколько граждан пришло в театр (см.: Полиен. V, 44, 1. Рассказ о военной хитрости родосского полководца использован для характеристики культурной жизни в Боспорском царстве). Если бы исследователи после анализа материалов раскопок театра вспомнили о «военных хитростях», изложенных Полиеном, то путь к выявлению числа членов общины херсонеситов стал бы значительно короче, как и этот историографический сюжет. Кстати, в научно-популярной книге «Древние надписи Крыма» (Симферополь, 1988. С. 35). Э. И. Соломоник использовала данный пассаж.

⁴ В. М. Зубарь считает, что вместимость театра составляла в эллинистический период от 3000 до 5000 человек. Но, как отметил М. И. Золотарев, В. М. Зубарь не учел последних выводов автора раскопок О. И. Домбровского, сделанных во время реставрационных работ (см.: Домбровский О. И. Работы на участке Херсонесского театра в 1991—1994 гг. // АИК. 1997. С. 85—88). В работах В. М. Зубаря разных лет приводятся и другие данные. Характерно, что определение количества граждан на основании вместимости театра — применялся и в древности.

столетия В. М. Зубарь вновь обратился к его решению, одновременно высказав ряд критических замечаний относительно методических приемов М. И. Золотарева и Р. В. Стоянова¹. Основой для уточнения вывода о численности граждан города в эллинистический период стала публикация земельного кадастра Херсонеса².

Логика сопоставления имеющихся в источниках данных предстала в наиболее поздних работах следующим образом:

1. На Маячном полуострове в эллинистическое время (к середине IV в. до н. э.) имелось 40 участков (по 17,6 га), которые были в свою очередь были поделены на владения в 4,4 га.

2. Территория Гераклейского полуострова имела 401 участок, площадь которых состояла из шести наделов также по 4,4 га.

3. При таких условиях земли на Маячном полуострове принадлежали 128 гражданам, а на остальной части Гераклейского — 2165. Общая численность гражданского коллектива составляла 2293 человека³. Логика подсчетов, использованная в данном случае, является вполне убедительной, но только лишь при условии, что на одного гражданина приходился один участок в 4,4 га⁴.

---

¹ Стоянов Р. В. Некрополь Херсонеса классического и эллинистического периодов: История изучения, проблематика // *Stratum*. 2000. № 3. С. 129—139; Он же. Критерии выделения погребений, относящихся к классическому и эллинистическому периодам (на примере работы с материалами раскопок некрополя Херсонеса Таврического) // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси—Украины: Материалы науч. конф., 16—22 сентября 2002 г. Киев; Судак, 2002. С. 234—237; Он же. Погребения в скорченном положении в греческих некрополях Причерноморья: Состояние проблемы и перспективы ее решения // *Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища: Материалы межд. конф.* СПб., 2002. Ч. 2.

² Николаенко Г. М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV—III вв. до н. э. Севастополь, 1999. Ч. 1; 2001. Ч. 2.

³ Зубарь В. М. Формирование территориального государства... С. 139. Используя данные об общеэллинской традиции, исследователь полагает, что общественный и храмовый фонд составлял около 48 подобных участков — 1254,28 га.

⁴ Выше уже говорилось, что, к примеру, в Аттике земельные наделы граждан не имели значительных размеров, величина средних приближалась к

Состояние источниковой базы не позволяет прийти к однозначному выводу о численности граждан в Херсонесе. Предполагаемое их количество, определяемое В. М. Зубарем, равным образом и М. И. Золотаревым, гипотетично¹. И все же, если следовать рассказу

6,0 га. Малочисленность земельного фонда Афинского полиса предопределили большую роль в экономике ремесла и торговля. Но, согласно неоднократным замечаниям В. М. Зубаря, в Херсонесе превалирующей отраслью являлось земледелие. Конечно, отдельные отрасли земледелия (производство вина) были тесно связаны и с торговлей и с ремеслом (изготовление тары, например). Но если следовать допущениям в логических построениях, то вполне вероятным будет и такое: граждане могли иметь по два участка, как считают многие из исследователей Херсонеса. Собственно на это обращает внимание и В. М. Зубарь, отметив в подстрочнике, что на это, как доказанный на факт, ссылаются западные историки (Зубарь В. М. Формирование территориального государства... С. 133).

¹ В. М. Зубарь заметил, что первоначально театр имел около 1000 мест, после перестройки — вмещал несколько тысяч: приведена ссылка на работу В. И. Кадеева (Кадеев В. И. Херсонес Таврический: Быт и культура, I—III вв. н. э. Харьков, 1996. С. 40). Нельзя не отметить некорректность данной ссылки. Во-первых, В. И. Кадеев пишет о театре римского времени. Во-вторых, его слова звучат следующим образом: «Общая вместимость херсонесского театра, по подсчетам О. И. Домбровского, достигала 3 тыс. зрителей, но, скорее всего, в действительности театр имел значительно меньше мест». Однако в любом случае речи о нескольких тысячах быть не может. Более того, в популярной работе, одним из авторов которой являлся В. М. Зубарь можно прочесть: «...Скорее всего, число мест едва ли превышало 1800—2000 (см.: Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. С. 681). Высказывая критические замечания в адрес методики М. И. Золотарева, В. М. Зубарь вполне справедливо замечает, что вряд ли на Гераклейском полуострове, как полагали М. И. Золотарев и А. В. Буйских, имелись незанятые участки, рассчитанные на приток в будущем новых членов общины (см.: Буйских А. В., Золотарев М. И. Градостроительный план... С. 131). Недостаток земельного фонда стал главнейшей причиной освоения земель в Северо-Западном Крыму (об этом писали многие исследователи Херсонеса, на мнения которых ссылается и В. М. Зубарь (см.: Зубарь В. М. Формирование территориального полиса... С. 143—144). Он усиливает доказательства необходимости освоения новых земель следующим образом: общая площадь земель

Полиена, то более достоверной будет методика, учитывающая вместимость театра. Но все дело в том, что этот показатель для Херсонеса столь же условен, как и другие критерии, положенные в основу расчетов. Отсутствие регулярных переписей делает определение численности граждан относительным для любого полиса. До появления конкретных количественных показателей право на существование имеют обе гипотезы, и разрешить вопрос о близости одного из мнений к реалиям жизни, вряд ли удастся.

Тем не менее, к обоснованию собственной гипотезы и некоторым уточнениям В. М. Зубарь обратился еще раз, повторив при этом и ранее прозвучавшие аргументы. Это размеры земельного фонда, размежеванного около середины IV в. до н. э. (10000 га), но храмовые земли могли составлять до 20%, а не как это считается — 10-я часть¹. Отметив, что предложенная им методика выявления количественного состава граждан не вызвала возражений у специалистов, он повторяет свидетельства о наделах на Маячном полуострове (участки 128 граждан), на Геракле — 2165 (за основу принято, что владение гражданина составляло 4,4 га) и, в сущности, подтверждает свой вывод: община

ближней хоры (10000 га), если из нее вычесть территорию, которую занимали дороги (ок. 400 га), то оказывается, что на каждого члена семьи херсонесита приходилось в середине IV в. до н. э. менее 1 га обрабатываемой земли. Даже, если число граждан было в два раза меньшим, доход от возделывания участков был бы недостаточным для существования. На таком фоне (число членов семьи принято за 5 человек) вполне справедливы возражения В. М. Зубаря оппонентам, полагающим, что освоение земель в Северо-Западном Крыму было инициировано Гераклеей, стремившейся получать зерно из Таврики (эта точка зрения представлена в работах С. Ю. Сапрыкина, см.: Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. С. 55—56; Он же. О внутренней колонизации Херсонеса Таврического // ВДИ. 1994. № 3. С. 126—143.). В связи с данным аспектом интерес представляет также: Сапрыкин С. Ю. Борьба за экономические зоны влияния на Понте в VI—II вв. до н. э. Государственная политика или частная инициатива? // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995. С. 129—131.

¹ Зубарь В. М. Еще раз о демографическом потенциале Херсонеса Таврического в середине — второй половине IV в. до н. э. // БИ. 2005. Вып. 9. С. 128.

херсонеситов состояла из 2293 человек. А если средний состав семьи приближался к 5, то общее число граждан и членов их семей не превышала в IV в. 10—11 тыс. Метеки и социально зависимые категории в это число не включены¹.

Порядок работы Народного собрания по Аристотелю

При отсутствии свидетельств не представляется возможным определить, как часто собирались граждане Херсонеса на народные собрания. Конечно, можно воспользоваться примером Афинского полиса, где они проводились четыре раза в пританию (приблизительно через каждые 10 дней). Но это будет лишь очередным гипотетическим тезисом. Но все же посмотрим, как описал работу законодательного органа Афин Аристотель.

«Одно главное, — писал Аристотель, излагая данные о Народном собрании Аттики, — в котором полагается производить проверку избрания властей — находит ли народ их распоряжения правильными, затем обсуждать вопросы относительно продовольствия и защиты страны; далее, в этот день могут делать чрезвычайные заявления все желающие (об измене, заговоре, подкупе должностных лиц); наконец, полагается читать описи конфискуемых имуществ и заявления об утверждении в правах наследства и о наследниках, чтобы все были осведомлены о каждом открывшемся наследстве. ...Другое Народное собрание назначают для рассмотрения ходатайств; тут всякий желающий, положив молитвенную ветвь, может рассказать народу о каких пожелает личных или общественных делах. Остальные два Народных собрания отводятся для всех прочих дел» (Афинская полития. 43, 5—6). Далее Аристотель называет эти дела — вопросы религии, приема посольств, дела светского характера.

Описанный Аристотелем круг некоторых дел известен по эпиграфическим памятникам Херсонеса, однако, вряд ли херсонеситы также часто собирались для решения своих дел, как это было в Афинах.

---

¹ Зубарь В. М. Еще раз о демографическом потенциале Херсонеса Таврического в середине — второй половине IV в. до н. э. // БИ. 2005. Вып. 9. С. 130. Оспорив данные М. И. Золотарева и А. В. Буйских (напомним, что согласно их подсчетам это число приближалось к 1 тыс. граждан), В. М. Зубарь отмечает, что на основании идеальной градостроительной модели строить демографические подсчеты рискованно.

«Совет и народ постановили...»

Традиционная формула декретов Народного собрания вызывает обращение к двум вопросам: состав совета и его функции.

Обсуждение кандидатов на ту или иную магистратуру происходило по филам (подразделение граждан, сообщество для отправления культов, во время войны — воинское подразделение).

В Гераклее — метрополии Херсонеса, как и многих других дорийских центрах, граждане распределялись по 3-м филам. Возможно, подобное деление было воспринято херсонеситами, отмечает Ю. Г. Сапрыкин¹. Однако, определить, сколько человек от каждой из херсонесских фил выдвигалось в Совет, как и в каждую из коллегиальных магистратур исполнительной власти, на основании существующих эпиграфических источников не представляется возможным. Приняв за условие, что Совет формировался пропорционально численности гражданского коллектива и равного представительства от каждой филы, возможно гипотетическое построение. Известно, что в Афинском государстве во времена Солона в буле избирали по 100 представителей от каждой родовой филы. После введения нового территориального деления Клисфеном (509 г. до н. э.) по 50 представителей от каждой новой территориальной единицы.

Сопоставление данных Афинского полиса и Гераклеи позволяет предположить, что херсонеситы могли избирать в Совет 150 граждан (по 50 от каждой филы). Иной путь реконструкции численности Совета предлагает С. Ю. Сапрыкин, отправной точкой для этого стали под-

---

¹ Существование 3-х фил объясняет, по его мнению, состав Совета в Гераклее. В эллинистический период вследствие увеличения фил (с 3-х до 6-ти) произошло удвоения состава до 600 граждан. В свою очередь филы, входившие во фратрии, состояли из демов (20 демов в каждой из них) — всего 60. Со ссылкой на законодательство Клисфена, Ю. Г. Виноградов предполагал, что в Гераклее дем состоял из 10 фратрий. Таким образом осуществлялось равное представительство каждой территориальной единицы в Совете Гераклейского полиса, для которого в это время характерна умеренная олигархия (см.: Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический... С. 50). О числе фил в Херсонесе, как и в Гераклее, существует и иное мнение: не 3, а пять фил (см.: Виноградов Ю. Г. Дорийские филы в Херсонесе Таврическом // ВДИ. 1993. № 4. С. 61–66).

писи, правда, относящиеся к более позднему времени, под декретами 30—40 гг. II в. н. э. Он считает, что избрание в Совет производилось по сотням — по 6 представителей от гекатостии, всего 24 человека. Это в свою очередь вызвало оговорку исследователя, которая носит концептуальный характер: состав Совета в раннее время и в первые века н. э. не изменялся¹.

При подобной реконструкции численности Совета возникает несколько вопросов:

1. Изменение демографической ситуации не отразилось на количестве членов Совета?

2. Отмечаемая фактически многими исследователями аристократизация государственности Херсонеса в римское время не затронула Совет?

3. Присяга херсонеситов, если считать ее отражением борьбы за равные права основателей полиса и второй волны поселенцев, не привела к увеличению состава Совета?

Мнения о том, что к социальным коллизиям, которые были урегулированы принятием Присяги, привело, помимо других причин и политическое неравенство первопереселенцев (из них формировалась

---

¹ Сапрыкин С. Ю. Херсонесская буле // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888—1988 гг.: Тез. докл. Севастополь, 1988. С. 97—99. В последующем исследователь более подробно аргументировал положения тезисов (см.: Сапрыкин С. Ю. Херсонесская буле // Археология. 1995. № 1. С. 75—82). Некорректность ретроспекции, использованной для оценки эллинистического периода на основании памятников римского времени, отмечена В. М. Зубарем (см.: Зубарь В. М. Государственное устройство. С. 296). Тезис о наличии в Херсонесе гекатосий (сотен) принадлежит А. Н. Щеглову (см.: Щеглов А. Н. Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н. э. // Античная гражданская община: Проблемы социально-экономического развития и идеологии. Л., 1986. С. 158—159; Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: Экономика, политика, культура. М., 1990. С. 317). Он поддержан С. Ю. Сапрыкиным и В. М. Зубарем, объясняющего наличие гекатосий перманентной борьбой с варварами, что привело к значимости военно-политических объединений граждан (Зубарь В. М. Государственное устройство. С. 295).

исполнительная власть и состояло Народное собрание) и прибывших позднее, придерживается Л. А. Пальцева. Как она полагает, среди представителей второй волны переселенцев (вторая половина IV в. до н. э.), получивших наделы в Северо-Западном Крыму, началось брожение, которое спровоцировало неурядицы в Херсонесе¹.

Гипотетическая численность гражданского коллектива, устанавливаемая на основании различных данных около 1000 граждан (или свыше 2-х тыс.) при соотношении 6 человек от сотни — это 60 человек (или 120).

Но невольно возникает еще один вопрос, положительный ответ на который кардинально может изменить все приведенные выше логические построения. Была ли цензовой конституция Херсонесского полиса или такового не существовало? Хорошо известен закон, принятый в Афинах по предложению Перикла в 456 г., согласно которому только те, у кого отец и мать происходят из отеческих демов, являются гражданами². Но известно и иное конституционное мероприятие. В конце V в. до н. э. изменение ценза привело к уменьшению гражданского коллектива в Афинах до 5 тысяч.

Получить ответы на поставленные выше вопросы до обнаружения новых источников не представляется возможным.

В буле предварительно готовились и обсуждались дела, окончательное решение которых принадлежало народу. В этой связи следует отметить концептуальное замечание В. М. Зубаря, полагающего, что со времени основания Херсонеса «политический строй базировался на демократических началах. Но его особенностью было то, что полномочия Народного собрания были ограничены Советом, члены которого, а не все граждане, готовили постановления и тем самым выступали в качестве органа, который регулировал повседневную жизнь полиса»³. Эта специфика вызвана

---

¹ Пальцева Л. А. Херсонес Таврический... С. 70–71.

² По поводу статуса гражданственности Аристотель писал: «Гражданскими правами пользуются люди, у которых родители оба — граждане. Они вносятся в списки демов по достижению восемнадцатилетнего возраста» (Аристотель. Афинская полития. 42,1).

³ Но если учитывать существовавшую во многих полисах традицию: Совет готовит к Народному собранию постановления, но принимает их народ, такое

наличием постоянной военной опасности, противостояния варварам, что приводило к «высокой степени централизации»¹ и в конечном итоге создавало предпосылки для «определенной элитаризации государственного строя, которые особенно проявились в I в. до н. э.»² (А разве в других полисах, в том числе и в Афинах, в Совете не происходила предварительная подготовка дел, которые затем выносились на Народное собрание?).

В декретах Херсонеса упоминаются секретарь совета и проэдры. Буквально «проэдры» — сидящие впереди. Это избираемая по жребию из числа членов Совета комиссия, которая выполняла председательские функции во время работы Народного собрания.

В Афинах избирали 9 проэдров и их помощников — эпистатов, дежурная фила не выдвигала представителя. Пританы — дежурная часть буле должна была постоянно находиться в здании притании в течение определенного календарного срока — ок. 28 дней.

В Херсонесе дежурные магистраты, исполнявшие функции, аналогичные афинским пританам, как ранее полагали исследователи, именовались айсимнетами (эсимнеты), как и в Мегаре, прародине гераклеотов и херсонеситов³. Однако обращение к тексту одной плохо сохранившейся

положение несколько не уменьшает значимости Народного собрания. Аристотель подчеркивал: «Раз народ владычествует в голосовании, он становится властелином государства» (Аристотель. Афинская полития, 9,1). Наиболее подробно порядок принятия законов описан Аристотелем для Афинского полиса, в котором существовало правило выставлять предлагаемый гражданином проект закона на площади с тем, чтобы все граждане ознакомились с ним.

¹ Поставим вопрос: Разве подготовка проекта закона нарушала права Народа? В любом случае должен был существовать специальный орган или комиссия, которая предварительно рассматривала, анализировала предстоящие постановления.

² Зубарь В. М. Государственное устройство Херсонеса в конце VI — середине I в. до н. э. // ССПК. 2004. Вып. 11. С. 351.

³ Применение термина пританы для обозначения дежурной части Совета основано на восстановлении одного из фрагментов надписи Ю. Г. Виноградовым (см.: Виноградов Ю. Г. Дорийские филы... С. 65). По этому поводу В. М. Зубарь замечает, что «если восстановление... правомерно, в Херсонесе сменяют (пританов) эсимнеты» и при этом подчеркивает, что это связано с

надписи рубежа IV—III вв. до н. э. (возможно, начала III в. до н. э.) показало наличие магистратуры пританов и для Херсонеса¹. Но пока это единственное упоминание.

Появление эсимнетов В. М. Зубарь объясняет, как позднее и номофилаков (об этом ниже), трансформацией демократической системы диктуемой конкретной исторической обстановкой (возрастание варварской угрозы). Это привело к тому, что во II в. до н. э. ужесточились требования к выполнению законов, и эсимнеты получили «дополнительные права по урегулированию социальной стабильности внутри гражданского коллектива», что стало необходимым из-за разорения хоры Херсонеса².

Если принять за основу, что в Херсонесе было 3 филы, то для руководства Народным собранием должны были выбирать 2-х проэдров (возможно, каждый из них имел по одному помощнику). Но это область гипотез. Доказательства в эпиграфических памятниках Херсонеса отсутствуют.

Вернемся еще раз к мнению относительно функций Совета, принадлежащего В. М. Зубарю. В статье, являющейся своеобразной апробацией концепции, которая предстала затем в коллективной монографии, он пишет, что Совет также выполнял законодательные функции, так как с III в. до н. э. в декретах он упоминается перед Народным собранием. И далее: «Совет был инстанцией, которую проходили проекты решений, которые выносились на обсуждение в Народное собрание, и, следовательно, имел пробулевтические функции». И вновь в таком случае ряд вопросов: Так совещательные или законодательные функции имел Совет? Кто все же принимал законы? Упоминание Совета в постановлениях перед Народным собранием — свидетельство ограничений прав граждан Херсонеса? И можно ли в таком случае делать вывод о демократичности государственности полиса? Из контекста коллективной монографии ответы получить не удастся.

«динамикой структуры государственного управления». Правда, время такой «замены» не представляется возможным определить. Термин «эсимнеты» зафиксирован в памятниках не ранее II в. до н. э. (см.: Зубарь В. М. Государственное устройство... С. 348).

¹ Виноградов Ю. Г. Дорийские филы... С. 64.

² Зубарь В. М. Государственное устройство Херсонеса... С. 348—349.

Суд

Принимая присягу, граждане клялись «подавать голоса по закону». Описание работы афинского суда — гелиэи, который разрешал все спорные вопросы между гражданами, содержится в «Афинской политике» Аристотеля. Гелиасты, на которых выпал жребий участвовать в судебном заседании, расходились по специальным помещениям, откуда следили за ходом процесса. Покидая их, они голосовали (бросали камешки) в пользу истца или ответчика. Другой суд — это остракизм, о котором Аристотель писал: «Остракизм имеет целью ...посредством изгнания выдающихся людей подрезать в корне их могущество» (Политика. III. 8, 4).

Находки недавних лет поставили под сомнение традиционную дату возникновения Херсонеса. Но даже если не соглашаться с тезисом о возникновении полиса в конце VI в. до н. э., то в наличии суда черепков сомневаться не приходится. А это означает, что в случае необходимости херонеситы использовали остракизм как средство борьбы с политическими лидерами.

В Херсонесе, помимо остракизма, мог существовать и другой суд по примеру Афин — суд присяжных — гелиэя¹.

Вопрос о степени демократичности управления в Херсонесе

Невозможность получить ответы на целый ряд вопросов, касающихся Народного собрания, в свою очередь вызывает сложность в решении проблемы о «степени демократичности» херсонесской конституции, которая только отчасти затрагивалась в исследованиях о магистратурах полиса. Но прежде еще одно обращение к истории Афин.

Аристотель писал, что «Совет наиболее демократическое из правительственных учреждений, там, где нет средств для вознаграждения всем гражданам» (Политика. VI. 1, 9)². В то же время он отмечал, что «Совет —

---

¹ В источниках он не упоминается, поэтому иногда высказывается предположение, что уголовными и гражданскими делами ведали магистраты.

² Безусловно, Афины имели существенные отличия от Херсонесского государства. Более закономерным являлось бы сравнение с дорийскими полисами. Обращение к примеру Афин объясняется только лишь наличием такого уникального источника как «Афинская политика», являющегося системным изложением состава и функций исполнительных магистратур.

демократическое учреждение, но если эту должность занимает небольшое число лиц, то это признак олигархии» (Политика. IV. 12, 8).

На вопрос о широте полномочий Совета в Херсонесе ответ на основании имеющихся источников получить не возможно, как и выявить его состав. Приведенные выше подсчеты состава Совета, основанные на аналогиях и логических рассуждениях, являются не более, чем одной из гипотез.

Но, возможно, дело не в степени демократичности конституции Херсонесского полиса, а в том, насколько существовавшие порядки соответствовали интересам его граждан?

Рассматривая исторически сложившиеся в Элладе виды государственного устройства, Аристотель делил их на правильные и не правильные. «Государственное устройство означает то же, что и порядок государственного управления, последнее же олицетворяется верховной властью в государстве, и верховная власть непременно находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства. И когда один ли человек, или немногие, или большинство правят, руководствуясь общественной пользой, естественно, такие виды государственного устройства являются правильными, а те, при которых имеются в виду выгоды либо одного лица, либо немногих, либо большинства, являются отклонениями» (Политика. III. 5, 1). И далее философ продолжает: «Главными видами государственного устройства, по-видимому, являются два — демократия и олигархия» (Политика. IV. 3, 4). **Однако, по его мнению, демократия — это отклонение от лучшей формы государственного строя — политии.** «Следует назвать демократическим строем такой, при котором верховная власть находится в руках свободнорожденных, а олигархическим — такой, когда она принадлежит богатым (Политика. IV. 3, 7). «Полития является как бы смешением олигархии и демократии» (IV. 6, 2). А устойчивость политии Аристотель объяснял наличием сильного среднего сословия: «В каждом государстве есть три части: очень состоятельные, крайне неимущие и третьи, стоящие посередине между теми и другими. Так как, по общепринятому мнению, умеренность и середина — наилучшее, то, очевидно, и средний достаток из всех благ всего лучше. При наличии его легче всего повиноваться доводам разума; напротив трудно следовать этим доводам человеку сверхпрекрасному, сверхсильному, сверхзнатному, сверхбогатому, или наоборот человеку сверхбедному, сврхслабому,

сверхуниженному по своему общественному положению. Люди первого типа становятся по преимуществу наглецами и крупными мерзавцами. Люди второго типа часто делаются злодеями и мелкими мерзавцами. А из преступлений одни совершаются из-за наглости, другие — вследствие подлости. Сверх того, люди обоих этих типов не уклоняются от власти, но ревностно стремятся к ней, а ведь и то и другое приносит государствам вред. ...Государство более всего стремится к тому, чтобы все в нем были равны и одинаковы, а это свойственно преимущественно людям средним» (Политика. IV. 9, 3—6).

В Херсонесском государстве стремились соблюдать права: про-износя Присягу, клялись поступать по закону, что является, согласно Аристотелю, одним из признаков демократии. Но стремление обеспечить равные права в политической сфере и равные земельные наделы¹ еще не означает наличия полного равенства. Но о политическом равноправии граждан в решении своих дел свидетельствуют декреты, хотя Совет в постановлениях и стоит на первом месте.

В классический и эллинистический периоды граждане Херсонесского полиса в равной мере имели право проголосовать за ту или иную кандидатуру будущего магистрата. Но все ли имели возможность быть избранными — свидетельств нет, правда, В. В. Латышев полагал, что в члены Совета мог быть избран любой гражданин (следовательно, он не видел в херсонесской конституции ценза).

На основании анализа дел, которые находились в ведении Совета, формул постановлений Народного собрания и функций ряда исполнительных органов государственности отмечается умеренный характер демократии в Херсонесском полисе².

О кризисе классического греческого полиса и стасисе в Херсонесе

При выявлении причин понятия Присяги следует учитывать появление в Средиземноморско-Черноморском регионе такого явления,

---

¹ Свидетельством стремления херсонеситов к равенству некоторые историки считают декрет в честь Агасикла (III в. до н. э.) о размежевании земель на Гераклеийском полуострове и распределении их по жребию.

² Зубарь В. М. Государственное устройство Херсонеса... С. 348.

как младшая тирания, которая была порождена кризисом классического полиса IV в. до н. э. В теоретических работах, посвященных эволюции греческого общества, отмечается, что в сочинениях античных авторов для периода от завершения Пелопонесской войны (431—404 гг. до н. э.) до установления гегемонии Македонии (провозглашения Филиппа II автократом на Коринфском конгрессе в 337 г. до н. э.) состояние гражданских общин характеризуется термином «стасис» (смута, восстание)¹. Имущественное неравенство порождало конфронтацию в полисных общинах; на периферии античного мира существенное влияние на проявление кризисных явлений оказывала активизация варварского мира. Опасность, исходящая со стороны неимущей части гражданского коллектива, выражена в речах Исократ (436—338 гг. до н. э.), старшего современника знаменитого Афинского оратора Демосфена. Исократ, считая, что Филипп II объединит Элладу и начнет войну против Персии, писал: «Тогда несомненно между нами утвердится согласие и истинное расположение. Ради этого мы должны приложить все усилия, чтобы как можно быстрее перенести войну отсюда на материк. ...Она полезна и для тех, кто стремится к мирной жизни, и кто мечтает о войне. Одни смогут спокойно извлекать пользу из своего добра, другие приобрести большие богатства за чужой счет»².

В силу различных причин в Херсонесе кризисные явления начали проявляться позднее. Возможно, в этом сказалась возможность разрешать до определенного времени зреющее противостояние за счет колонизации земель в Северо-Западном Крыму. Но свидетельства поляризация общества прослеживаются на материалах раскопок некрополя³.

---

¹ Подробнее см.: Фролов Э. Д. Младшая тирания // Античная Греция. М., 1983. Т. 2. С. 121—156.

² Исократ, § 182 / Пер. К. М. Колобовой (цит. по: Фролов Э. Д. Панэллизм в политике IV в. до н. э. // Античная Греция. Т. 2. С. 164).

³ Белов Г. Д. Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи // СГЭ. 1945. Вып. 3. С. 8—9; Он же. Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи // ВДИ. 1948. № 1. С. 155—163; Он же. Некрополь Херсонеса классической эпохи // СА. 1950. Т. 13. С. 272—284. Также см.: Зедгенидзе А. А., Савеля О. Я. Некрополь Херсонеса V—IV вв. до н. э. как источник изучения этнического и социального состава населения города //

Внутренняя колонизация, рост территориальных владений, согласно мнению С. Ю. Сапрыкина, в свою очередь способствовали обогащению некоторой части херсонеситов и появлению зажиточной прослойки, недовольной существующими конституционными порядками¹.

Одна из опубликованных Э. И. Соломоник надписей свидетельствует о стасисе в Херсонесе. Это фрагмент декрета, датированный первой четвертью III в. до н. э., о возвращении политических изгнанников². Комментируя текст, исследовательница предложила ряд тезисов:

1. Это попытка свергнуть демократию или действительное ее свержение, в последнем случае оно сопровождалось изгнанием из Херсонеса ее сторонников³.

Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 22–23. Тезисы авторов развернуты в одноименной статье в сборнике «Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации» (Тбилиси, 1981. С. 191–204).

¹ Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. С. 159. Автор отмечает, что к III в. до н. э. социальная и имущественная дифференциация среди херсонеситов достигла значительного уровня. Все это обусловило попытку свергнуть демократический строй (Там же. С. 157). В этом он солидарен с замечаниями, прозвучавшими ранее (см.: Леви Е. И. К поправке о датировке херсонесской Присяги // СА. 1947. Т. 9. С. 89–99; Тюменев А. И. Херсонесские этюды. IV: Херсонес и местное население: Скифы // ВДИ. 1950. № 2. С. 50; Он же. Херсонесские этюды. VI: Херсонес и Керкинитида // ВДИ. 1955. № 3. С. 50, 37). В данном случае следует напомнить, что последующее обращение к анализу погребального инвентаря, предпринятое В. М. Зубарем, не показало значительного увеличения числа состоятельных граждан, но таковые, безусловно, имелись. Об этом свидетельствуют дорогостоящие литургии: строительство оборонительной стены, рынка и т. д.

² Соломоник Э. И. Фрагмент надписи из Херсонеса о политических изгнанниках // ВДИ. 1984. № 3. С. 72–80.

³ Соломоник Э. И. Некоторые группы граффити из античного Херсонеса // ВДИ. 1976. № 3. С. 122–124; Она же. Фрагмент надписи... С. 77). О социальных коллизиях свидетельствует еще одна находка. На обломке из раскопок портового района прочтено имя «Сириск». Возможно, он, как предположил В. И. Кадеев, происходил из того же рода, что и историк III в. до н. э. (см.: Кадеев В. И. Раскопки в Херсонесе // АО — 1984. М., 1986. С. 240).

2. Изгнание олигархов могло иметь место еще в IV в. до н. э.

3. Покинувшие Херсонес нашли приют в Геракле Понтийской¹, где в это время у власти находились тираны.

4. Восстановление в 80-х гг. III в. до н. э. в Геракле демократии, как и примирение херсонеситов, о чем свидетельствует присяга, способствовало возвращению изгнанников на родину.

В ближних пределах ищет место приюта изгнанников В. М. Зубарь — на землях собственной хоры — в Керкinitиде, считая, что это привело к временному восстановлению автономии, сопровождаемой выпуском монет². Логика доказательств, которую исследователь приводит и в более поздних работах, выглядит следующим образом.

Свидетельством конфликтной ситуации являются остраконы времени, близкого принятию Присяги. Как считала Э. И. Соломоник, для них характерны аристократические имена³. Выше уже говорилось, что

---

¹ В отношении места, где изгнанники нашли приют, существуют и иные мнения. По С. Ю. Сапрыкину, их могла принять Ольвия. О невозможности переселиться в Гелаклею свидетельствует политическая ситуация. Приводимые исследователем данные показывают наличие стасиса и в метрополии. Он отмечает, что, после установления в конце IV в. до н. э. в Херсонесе олигархии или тирании, демократы вряд ли могли найти приют в Геракле, где у власти находился тиран Дионисий и его преемники. Политика, проводимая гераклейскими тиранами, не позволяла им принять у себя сторонников демократической партии, даже из другого полиса. Для практики политического изгнания в Древней Греции характерно, чтобы изгнанники находили новое место жительства в соответствии со своими политическими убеждениями. Принятие же тиранами или олигархами граждан, изгнанных за демократические убеждения, являлось фактически невозможным. Следовательно, таким государством могла стать Ольвия, находившаяся в хороших отношениях с Херсонесом и придерживавшаяся демократических традиций в управлении (см.: Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. С. 158). Ошибочность мнения, что Гераклея могла быть местом, где изгнанники нашли приют, С. Ю. Сапрыкин отметил также в рецензии (см.: Сапрыкин С. Ю. Рец. на кн.: Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978 // ВДИ. 1980. № 2. С. 172).

² Зубарь В. М. Херсонес Таврический и население Таврики... С. 44—45.

³ Соломоник Э. И. Некоторые группы граффити из античного Херсонеса // ВДИ. 1976. № 3. С. 122—123; Она же. Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978. С. 26, № 215; Она же. Фрагмент надписи... С. 72, 77, прим. 22.

на одном из них (IV—III вв. до н. э.) прочтено имя Сириска, сына Калия. Как показали просопографические исследования В. Н. Даниленко, такие имена имели представители верхушки гражданской общины¹. Эти примеры стали основанием для В. М. Зубаря присоединиться к мнению Ю. Г. Виноградова, полагавшего, что олигархи, которыми являлись представителями элитарных семей, на рубеже IV—III вв. до н. э., вынуждены были уйти в изгнание² и обосноваться, как полагал С. А. Жебелев, в одном или нескольких пунктах где-то на территории приморской зоны Северо-Западной Таврики³. В отличие от предшественников, В. М. Зубарь предпринимает, как он отмечает, «гипотетическую попытку» с тем, чтобы уточнить местонахождение «центра олигархической оппозиции или конфронтационного «центр власти» до гражданского примирения в Херсонесе». Обращение к нумизматическим источникам привело его к заключению, что таким центром могла стать Керкинитиды, где на рубеже IV—III и в начале III в. до н. э., после значительного перерыва, начал работать монетный двор. Но восстановление монетной чеканки Керкинитиды носило кратковременный характер⁴. В. М. Зубарь, склоняясь к мнениям В. А. Анохина, В. Ф. Столбы, В. А. Кутайсова и В. П. Яйленко, полагают, что эмиссия — показатель полисной автономии⁵.

---

¹ О просопографии Херсонеса см.: Даниленко В. Н. Просопография Херсонеса IV—II вв. до н. э.: По эпиграфическим данным Северного Причерноморья // АДСВ. 1966. Вып. 4. С. 136—178.

² Об этом см.: Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н. Образование территориального Херсонесского государства. С. 342—343.

³ Жебелев С. А. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л., 1953. С. 234.

⁴ Приводимые В. М. Зубарем доказательства изложены: Зубарь В. М. Формирование территориального государства... // Зубарь В. М., Буйских А. В., Кравченко Э. А. и др.

⁵ Названные далее работы с соответствующими страницами даны по тексту главы 6 коллективной монографии 2005 г.: Анохин В. А. Монеты античных государств Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. С. 85; Столба В. Ф. Еще раз о керкинитидских монетах IV—III вв. до н. э. // Древнее Причерноморье: Тез докл. Одесса, 1989. С. 50; Он же. Монетная чеканка

С течение времени мнение В. М. Зубаря не изменилось: «Если принять во внимание вышеизложенные факты, но нужно будет признать, что этот монетный выпуск вполне мог быть осуществлен изгнанными херсонесскими олигархами, которые захватили на время власть в Керкинитиде и создали *status in statu* на территории херсонесских земель. А с помощью автономной эмиссии предприняли попытку выйти из херсонесского экономического пространства и укрепить свое финансовое положение»¹. На этом основании он выдвинул ряд положений: «Возобновление чеканки собственной монеты после достаточно длительного перерыва является достаточно верным свидетельством обретения полисом независимости» на какое-то время от Херсонеса»²; «обильный выпуск городом (Керкинитидой) монеты и ее количественное преобладание на внутреннем рынке может свидетельствовать о попытке превращения Керкинитиды в достаточно самостоятельную экономическую единицу, что неизбежно ведет к усилению центробежных политических тенденций или является их следствием»³.

Керкинитиды и некоторые вопросы херсонесско-керкинитидских отношений в IV—III вв. до н. э. // Древнее Причерноморье. Одесса, 1990. С. 149, 151, 155; Кутайсов В. А. Античный город Керкинитиды VI—II вв. до н. э. Киев, 1990. С. 157—158; Он же. Керкинитиды и Херсонс в IV—II вв. до н. э. // ВДИ. 2003. № 2. С. 69—70; Он же. Монетное обращение Керкинитиды V—III в. до н. э. // МАИЭТ. 2002. Вып. 9. С. 385—398; Яйленко В. П. Некоторые вопросы интерпретации херсонесской Присяги и почетной надписи Агасикла // ПИФК. 2001. Вып. 10. С. 178 (список, приведенный В. М. Зубарем, можно дополнить еще одной статьей: Яйленко В. П. Тени ольвиополитов и херсонесских олигархов в Западной Таврике // ПИФК. 2001. Вып. 11. С. 3—16.

¹ Зубарь В. М. Формирование территориального государства... С. 159.

² В главе 3 коллективной монографии 2005 г. В. М. Зубарь, повторяя многие из представленных выше положений, уже более убежденно пишет «с высокой долей вероятности» о Керкинитиде как месте, в котором почти на десять лет закрепились олигархи. Вернулись они после появления декрета об амнистии и принятии Присяги. Эти два документа были утверждены на Народном собрании в близкое время (Зубарь В. М. Формирование территориального государства... С. 156—157).

³ Аналогичный вывод присутствует и в монографии: Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху: Экономика и социальные отношения. Киев, 1993. С. 105.

Аргументацию В. М. Зубаря в отношении поиска места, где изгнанники нашли приют, можно дополнить наблюдениями, которые были сделаны для другого северо-причерноморского полиса — Ольвии.

А. С. Русяева отмечает, что Херсонес и Ольвия переживали сходные синхронные процессы в социально-экономических и территориальных изменениях в последней трети IV в до н. э. — общий подъем и затем продолжительный кризис¹. Вливание «пришельцев» в, возможно, неспокойную среду ольвиополитов вряд ли было благоприятным, что вызывает сомнение в том, что город борисфенитов стал местом убежища изгнанников Херсонеса.

Вторая слагающая кризисных явлений — военные столкновения, активизация скифского мира, нарушившая стабильность в пограничных землях Херсонеса; и не только на дальней хоре. Историографические замечания о стасисе в Херсонесе делают неизбежным анализ мнений о причинах принятия Присяги.

Причины появления Присяги

Мнения исследователей относительно причин «издания» херсонеситами новой конституции, в сущности, не противоречат друг другу, а внося дополнения в концепцию предшественника, отмечают то, что осталось незамеченным или упомянутым мимоходом. Некоторые отличия зависят от того, на какой из строк документа был сделан основной акцент.

Среди других, пожалуй, наиболее значимых являются следующие положения закона:

1. (Не предам территории), «которой херсонесцы управляют или управляли, ...ни эллину, ни варвару».
2. Я не буду ниспровергать демократического строя.
3. «Не буду замышлять никакого несправедливого дела против кого-либо из граждан, не отпавших, ...кто не объявлен врагом народа».
4. «Хлеб, свозимый с равнины, я не буду ни продавать, ни вывозить с равнины в какое-либо иное место, но только в Херсонес».

---

¹ Русяева А. С. Культы и святилища в сфере политики демократических полисов Северного Причерноморья в раннеэллинистическое время // ВДИ. 2000. № 3. С. 74—84.

Сравним мнения исследователей, существующие относительно выделенных строк Присяги.

По пунктам 1 и 3 С. А. Жебелев полагал, что упоминание в присяге «варваров» и «эллинов» могло быть следствием некоей роли скифов в заговоре против демократического строя¹.

А. Н. Щеглов отмечает, что к этому времени часть земель в Северо-Западном Крыму уже была утрачена (строка «и владели»). Это вызвало серьезные потрясения в государстве, которые могли привести к появлению лиц, «посягавших на форму государственности»; присяга в таком случае — «попытка приспособления “государственной машины” к новым историческим условиям», что на время стабилизировало внутренне положение².

С. Ю. Сапрыкин пишет: «Это показывает, что ко времени составления присяги варварское окружение Херсонеса могло совершать враждебные действия в отношении города». Вторая часть фразы «ни эллину» объясняется обострением внутривосточной обстановки, что и вызвало попытку свергнуть демократию, установить олигархию или тиранию³. «Отпавшие» члены гражданской общины — сторонники переворота, которые привлекли на свою сторону варваров (скифов), и захватили какую-то часть территории полиса⁴.

Мнения в отношении пунктов 2 и 3. С. А. Жебелева полагал, что это свидетельство попытки установления тирании⁵. Согласно

---

¹ Жебелев С. А. Северное Причерноморье. С. 234.

² Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым... С. 127.

³ Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический.. С. 144, 156, 159, 139 (также см.: Сапрыкин С. Ю. Присяга граждан Херсонеса о хоре города в свете новых исследований // Проблемы истории античной гражданской общины. М., 1982. С. 41—63); также см.: Доманский Я. В., Фролов Э. Д. Присяга граждан Херсонеса: Опыт исторической интерпретации // Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь: Материалы конф. СПб., 1998. С. 59—64.

⁴ Пальцева Л. А. Херсонес Таврический... С. 68.

⁵ Жебелев С. А. Северное Причерноморье... С. 226. Позднее Е. И. Леви связала событие со свержением тирании в Гераклее в 281 г. до н. э., считая, что после неудачной попытки сторонники тирании попытались установить ее в Херсонесе (см.: Леви Е. И. К вопросу о датировке... С. 89—100. Л. А. Паль-

А. И. Тюменеву, данные слова отражают не внутривнутриполитические события, а осложнения, вызванные скифами и эллинами (прежними жителями Керкинитиды), в Северо-Западном Крыму¹. Л. А. Пальцева склонна считать, что принятию Присяги предшествовала попытка олигархического переворота на фоне варварской опасности. Силы, потерпевшие в конечном итоге поражение, вынуждены были покинуть город, о чем говорилось и в декрете об изгнанниках².

Этот тезис подтверждает С. Ю. Сапрыкин: демократической группировке в Херсонесе все труднее приходилось сдерживать стремление олигархов, выражавших интересы зажиточной верхушки, установить политическое господство³.

С. А. Жебелев полагал, что в Присяге отражено стремление государства монополизировать хлебную торговлю⁴. Согласно концепции В. А. Анохина, пункт о запрете вывоза хлеба с равнины только в Херсонес — это свидетельство требований городских низов в уменьшении цен на хлеб⁵. Л. А. Пальцева высказывает предположение, что эта строка отражает интересы «определенных кругов» наладить прямой экспорт хлеба из Северо-Западного Крыма в обход Херсонеса.

Вне зависимости от акцентов и деталей, исследователи единодушны в том, что появление Присяги показатель кризисных явлений и стремления общины защитить демократию.

В связи с темой «Структура государственных органов херсонеситов», обратим внимание еще на одну строку Присяги: «Но доведу до сведения государственных должностных лиц».

Так о каких же из них — представителях исполнительной власти — говорится в данном случае.

цева полагает, что подобная трактовка является маловероятной (см.: Пальцева Л. А. Херсонес Таврический... С. 69).

¹ Тюменев А. И. Херсонес и Керкинитиды // ВДИ. 1955. № 3. С. 47.

² Пальцева Л. А. Херсонес Таврический... С. 70—71.

³ Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. С. 157.

⁴ Жебелев С. А. Северное Причерноморье... С. 232; Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948. С. 56.

⁵ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. С. 49.

Исполнительные магистратуры: номофилаки и симмнамоны, казначей священных сумм

Согласно существовавшей в полисах традиции каждый гражданин должен был следить за исполнением законов. В случае обнаружения противозаконного поступка, его долг вызвать нарушителя в суд.

Обратимся еще раз к словам Присяги: «Не дозволю этого предающему (выступившему против существующих законов) и ниспровергающему и не утаю этого, но доведу до сведения государственных должностных лиц». Эти строчки являются блестящим свидетельством того, что каждый херсонесит в соответствии с гражданским долгом брал на себя обязанность охранять существовавшие законы и обращаться в случае их нарушения в соответствующие избранные им органы.

Но в Херсонесе имелаась и специальная *коллегия номофилаков*, которая должна была осуществлять контроль за соблюдением номоса-закона, и, вероятно, за исполнением псефизм, принимаемых на основании существующей конституции.

В определении состава коллегии по 1 представителю от каждой филы, что было выявлено на основании декретов (с III в. до н. э. по II в. н. э.), фактически единодушны все исследователи (В. В. Латышев, Р. А. Новикова, Л. А. Пальцева). Но время появления коллегии датируется различно. Это в свою очередь вызывает разночтения и в определении характера государственности, его эволюции. Так, по мнению Р. А. Новиковой, номофилаки существовали еще со времен основания полиса, сохранявшего аристократические черты до рубежа IV—III вв. до н. э.¹ Иного тезиса придерживается Л. А. Пальцева: наличие коллегии отражает аристократизацию государственного управления, которая относится к III в. до н. э. При этом она пишет, что функции «законосовещательных органов демократического государства» (Совет и Народное собрание) были ограничены специальной комиссией из номофилаков и дийкета; и считает, что «учитывая аристократический характер должности номофилаков, можно было бы предполагать, что к избранию на эту должность допускались не все члены гражданской общины», однако с уверенностью судить об этом из-за отсутствия

---

¹ Новикова Р. А. Симмнамоны и номофилаки... С. 102—108.

данных не возможно, как и о том, появилась ли комиссия номофилаков только в III в. до н. э.¹

Более определенную позицию в отношении коллегии номофилаков занимает В. М. Зубарь. Он считает, что в первой половине III в. до н. э. (согласно Р. А. Новиковой) или в начале II в. до н. э. (по Ю. Г. Виноградову) «законодательная инициатива переходит от граждан к коллегии номофилаков». Подчеркивая справедливость тезиса Р. А. Новиковой, исследователь отмечает, что при возрастании значимости коллегии номофилаков следует учитывать два фактора: экономический и социально-политический — необходимость более строго исполнения законов в условиях военной опасности. Но изменение статуса коллегии не является свидетельством аристократизации государственности Херсонесского полиса².

Декреты херсонеситов позволили исследователям определить наличие такой коллегиальной магистратуры как *симмнамоны*, возможно, существовавшей до конца II в. до н. э. Симмнамоны объявляли о чествовании граждан и иностранцев. В число их обязанностей входило также «издание» постановлений Народного собрания, как свидетельствуют заключительные слова некоторых надписей: «Написать симмнамонам на [каменной] плите народное постановление и выставить [в притворе] храма Девы».

В декрете в честь историка Сириска (III в. до н. э.) указан источник финансирования изготовления декретов: «Понесенный же расход выдать согласно решению казначею священных сумм».

В этой строчке названа еще одна магистратура, существовавшая в Херсонесе и еще один источник финансирования общественных трат — казна храма, в который могли быть пожертвованы денежные суммы в благодарность за оказанную божеством помощь. Однако храмы Эллады имели и свою собственность. Афиняне, например, посвятили дочери Зевса многочисленные оливковые деревья, разбросанные по всей Аттике. Доход от продажи масла, получаемого с них, шел в казну, посвященного ей храма.

Распределение функций всех, названных выше магистратов, фиксирует декрет в честь посла Митридата Евпатора, посетившего Херсонес

---

¹ Пальцева Л. А. Херсонес Таврический... С. 50—53.

² Зубарь В. М. Государственное устройство Херсонеса... С. 348.

перед экспедицией Диофанта: «Номофилаки и стоящий во главе предложили ...дать ему и его потомкам проксению и права гражданства. ...Да постановит Совет и Народ. Пусть симнамоны напишут постановление на беломраморной плите и поставят..., расход пусть выдадут казначеи священных сумм. Это решено Советом и Народом¹. Однако из-за отсутствия последовательного ряда подобных постановлений дискуссия о времени существования магистратур не может быть завершена.

Воспитание эфебов, гимнасиархи и стратеги

Ближайшими соседями Херсонеса являлись тавры, которым приписывалось жестокое обращение с захваченными в плен и человеческие жертвоприношения. Пограничные земли, в том числе ближней хоры, страдали от набегов, поэтому организации защиты уделяли большое внимание. Это придавало особую значимость воспитанию у эфебов — будущих граждан — не только чувства патриотизма, стремления отстаивать интересы всего гражданского коллектива, но соответствующих воинских навыков. Гимнастические соревнования, награды победителям, празднества в честь Геракла воспитывали чувство долга и навыки противостояния противнику.

Государственным органом, который ведал в ряде полисов вопросами организации и руководством гражданским ополчением, служила коллегия стратегов². Ни в одной из дошедших до наших дней надписей эта магистратура не упоминается. Но мнение о существовании коллегии стратегов было высказано на основании прочтения надписи в честь Агасикла, сына Ктесия (рубеж IV—III вв. до н. э), текст которой уже упоминался выше, поэтому отметим только те заслуги чествуемого, которые использовались для обоснования тезиса о магистратуре стратега: «5. Бывшему стратегом»³. Одновременно с таким восстановлением

---

¹ НЭПХ. II. № 110. С. 15—16. Слово «казначеи» позволило В. М. Зубарю полагать, что в Херсонесе существовала коллегия казначеев (Зубарь В. М. Государственное устройство. С. 303).

² Свидетельства о данной магистратуре и ее функциях приведены: Новикова Р. А. Эпиграфические данные о стратегах Херсонеса... С. 192—209.

³ В данном случае следует упомянуть ряд имен, которые уже прозвучали выше: Белов Г. Д. Херсонес Таврический. С. 69; Зубарь В. М. Из истории Хер-

текста в венке на постаменте, сделанном В. В. Латышевым, иную точку зрения в отношении возможного его прочтения высказал английский исследователь Э. Миннз. Он считал ошибочным толкование В. В. Латышева, плохо прослеживаемого слова «бывшему [...]», полагая, что здесь стоит иной термин «демиург»¹. На это обстоятельство обратил внимание В. М. Зубарь, солидаризируясь с мнением Э. Миннза и делая вывод о том, что эпиграфические памятники Херсонеса, известные к настоящему времени, не позволяют судить о наличии коллегии стратегов. Согласно предположению исследователя, военные функции с III в. до н. э., как и гражданские, принадлежали коллегии архонтов, роль которых усилилась в первые века н. э.²

Гимnasiарх — руководитель гимнасия, относился к числу почетнейших магистратур или, скорее всего, литургий наряду с хорегией, как считал В. В. Латышев. Задачей гимнасиарха являлось наблюдение за обучением и воспитанием юношей, организация соревнований. Как правило, на содержание гимнасия общественные средства не отпускались, поэтому руководители его должны были за счет собственных доходов позаботиться о состоянии гимнасия и организовывать состязания.

сонеса Таврического второй половины IV — начала III в. до н. э. // Археологія. 1990. № 1. С. 39—50 (на укр. яз.); Латышев В. В. Эпиграфические данные... С. 27—31; Новикова Р. А. Симмнамоны и номофилаки... С. 192; Saprykin S. Ancient Farms and Land—Plots on the Khora of Khersonesos Taurike: Research in the Herakleian Peninsula, 1974—1990. Amsterdam, 1994. P. 75; Idem. Heracleia Pontica and Tauric Chersonesus before Roman Domination (VI—I Centuries B. C.). Amsterdam, 1997. P. 207; Соломоник Э. И. НЭПХ. II. С. 30. Наиболее полно вопрос о магистратуре рассмотрен: Новикова Р. А. Эпиграфические данные... С. 192—209. В. И. Кадеев отмечает, что после упразднения коллегии в римский период ее функции были переданы архонтам (см.: Кадеев В. И. О государственном устройстве Херсонеса в первых столетиях н. э. // Украинский исторический журнал. 1971. № 9. С. 23—31 (на укр. яз.). С. 26; Он же. Херсонес Таврический в первых веках... С. 73).

¹ Minns E. H. Scythians and Greeks. A Survey of Ancient History and Archeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge, 1913. P. 646.

² Зубарь В. М. Государственное устройство Херсонеса... С. 349.

Первоначально в гимнасиях имелись только помещения, в которых упражнялись обнаженные юноши, что и послужило основанием для их названия (букв. *gymnos* — обнаженный). Со второй половины V в. до н. э. гимнасии Эллады постепенно превращаются в место, где получали всестороннее образование; здесь выступали и философы. Для Херсонеса нет данных, свидетельствующих о подобной практике, но имена некоторых граждан, бывших гимнасиарами, известны. Один из гимнасиархов II в. до н. э. в память побед своих воспитанников установил мраморную плиту с текстом гимна:

*[Вестнику бессмертных и] и владыке земных
Так как сам он владеет жизни ключами,
То и зовут его многополезным и добросердечным,
Другие — дарующим благо, богатство и мудрость.
Будь же милостив ты и ко всем населяющим славный
город дорян,
Никогда не забывающих вечно блаженных богов.
Димотел, сын Феофила, гимнасиарх, воздвиг это
в память побед.
Прости же [о Гермес!] твою милость особую к этому
городу!*

О значении магистратуры, об особом доверии, оказываемом воспитателям юношей-эфебов, свидетельствует то, что в некоторых полисах эти магистраты избирались открытым голосованием — поднятием рук (хейротония, другой вид голосования с помощью камешков — псефифория). Аристотель писал по этому поводу: «Народ выбирает для них поднятием рук и двух педономов и учителей, которые должны обучать их фехтованию, стрельбе из лука, метанию дротиков. ...После народного собрания (после года обучения. — *А. Р.*) в театре, эфебы показывают народу строевые приемы и получают от государства щит и копье. После этого они охраняют границы страны, дежуря все время на сторожевых постах. Гарнизонную службу они исполняют в течение двух лет ...и на это время освобождаются от всех повинностей. Перед судом они не выступают ни в качестве ответчиков, ни в качестве истцов, чтобы не было повода отлучаться — разве только возникнет дело о наследстве или наследнице или если кому-нибудь придется в его роде выполнять жреческие обязанности. По истечении этих двух лет они становятся

уже на один уровень с остальными гражданами» (Афинская полития. 42, 4). Скорее всего, существовавшая Афинах практика характерна и для других демократических полисов.

Э. И. Соломоник как-то заметила, что в Херсонесе сохранились порядки, восходящие к глубокой древности: наличие трех возрастных групп еще и в IV в. до н. э. К такому заключению ее склонил анализ изображений на надгробных стелах. На стелах юношей изображались стригиль и сосуд-арибал для масла, которым умащивали тело перед борьбой; на надгробиях зрелых мужей помещены меч в ножнах и портупея; обозначением старческого возраста служил посох. Эти три сюжета, полагала исследовательница, косвенно свидетельствуют о том, что все граждане (от 18 до 60 лет) делились на три возрастных класса. Такие классы и мужские союзы, являющиеся пережитком родового общества, известны для дорийских полисов. Они существовали на Крите, в Милете, в Спарте, с ее знаменитыми коллективными обедами сисситиями. Изображения на стелах индикатор не только возраста, но и соответствующего «класса» с характерными для него обязанностями: для юношей — спортивная подготовка, зрелых мужей — защита государства. Многочисленные находки из раскопок башни Зенона показали однотипность женских стел — на них изображены переплетающиеся ленты (тэнии) и висящий на шнурке алабастр (сосуд для благовоний)¹. В структуре полисного общества все женщины, без различия возраста, занимала одно место — они не являлись членами общины, не имели прав наследования, о них должны заботиться опекуны, которыми могли стать и их сыновья. Как правило, следом за именем усопшей замужней женщины стоит имя ее супруга (и иногда отца)².

---

¹ Даниленко В. Н. Полихромные стелы из ядра башни XVII // Тез. докл. о раскопках в Херсонесе Таврическом на античной секции сессии отделения исторических наук АН СССР и пленума Института археологии АН СССР, посвященной результатам археологических исследований в 1960 г. Севастополь, 1961. С. 13—14; Он же. Надгробные стелы // СХМ. 1969. Вып. 4. С. 29—44; Чубова А. П. Расписные стелы Херсонеса IV—III вв. до н. э. // ПКНО. 1976. М., 1977. С. 345—347.

² Соломоник Э. И. НЭПХ. II. С. 258—159.

Астиномы и агораномы

В почетном декрете в честь Агасикла он назван еще и как «устроивший рынок» и исполнителем магистратуры агораномом. Это ставит вопрос, на который нет ответа. Он устроил рынок во время годовичного пребывания в качестве агораномом (в таком случае за одно деяние дважды возданы почести?) или дважды избирался на эту магистратуру, или же обустройство рынка стало одной из успешно исполненных им литургий уже в качестве частного лица?

Функции агораномов, как и астиномов, неоднократно упоминаемые в памятниках различных полисов, не вызывают разночтений среди исследователей. Традиционно агораном наблюдал за состоянием городского рынка и деятельностью торговцев. В Афинах избирали, например, 5 агораномов для города и 5 для Пирея. Контролирующие функции, но несколько иного плана, возлагались и на коллегию *астинотов* — контроль за качеством продукции, за соответствием объема амфор, предназначенных для разлива вина (и других жидких и сыпучих продуктов)¹. Среди находок эллинистического периода известны многочисленные астиномы клейма, как для продукции местных гончаров (чаще всего на ручках амфор), так и на сосудах, в которых привозилось вино или оливковое масло из других центров.

На значение астиномных клейм обратил внимание еще К. К. Косцюшко-Валюжинич. Классификации и хронологии этого вида находок посвящен значительный круг литературы.

Дамиург: магистрат или почетный титул?

Очень часто в трудах историков вместо «базилей» пишется «царь». Если следовать греческим подлинникам, то полного соответствия между термином и его толкованием нет. Это замечание вводит нас в

---

¹ Мнение о том, что астиномы, «спорадически» контролировали производство амфор», вряд ли корректно (см.: Пальцева Л. А. Херсонес Таврический... С. 54). Многочисленные находки астиномных клейм противоречат тезису (Кац В. И. Уточненный список имен магистратов, контролировавших керамическое производство в Херсонесе Таврическом // ВДИ. 1979. №. 3. С. 127–146).

еще один дискуссионный вопрос — о дамиургах. В переводе присяги значит: «Доведу об этом (о нарушении демократических принципов и законов) до сведения должностных лиц» — в подлиннике: «дамиургов». Обращаясь к выявлению функций магистратов в римский период, В. И. Кадеев приводит несколько надписей, опубликованных В. В. Латышевым (IosPE. I². № 401, 420, 423, 424, 429), которые датируются между III в. до н. э. и II в. н. э. Прежде чем обосновать собственное мнение, он остановился на обзоре точек зрения относительно интерпретации слова «дамиург», вычленив три положения: а) совокупное обозначение должностных лиц (концепция В. В. Латышева), б) почетный титул, в) выборная магистратура¹.

Контекст строки Присяги, как и свидетельства документов далекой прародины Херсонеса — Магары, убедили В. И. Кадеева в том, что дамиурги — это одна из магистратур². Так историк второй половины XX в. вернулся к истокам формирования мнения о содержании термина — к взглядам В. В. Латышева. В. И. Кадеев допускает, что в коллегию избирали по 2 дамиурга от каждой филы, как и в Мегарах. Текст Присяги позволил исследователю предположить, что в обязанности магистратов входила охрана законов, что предопределяло стабильность социума. Согласно принятой после ликвидации стасиса конституции, именно дамиургам следовало вносить заявления о попытках выступить против существующей в полисе демократии³.

Отсутствие в источниках указаний на конкретные функции дамиургов, привело к рождению иных точек зрения: дамиурги — это или со-

---

¹ Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках... С. 77 (также см.: Белов Г. Д. Херсонес Таврический. С. 135; Жебелев С. А. Херсонесская присяга. С. 225; Латышев В. В. (Понтика. СПб., 1909. С. 158). Солидарен с В. В. Латышевым, что дамиурги — магистраты, был Э. Миннс (Minns E. H. Scythians and Greeks. P. 540).

² Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках... С. 77–78.

³ Если внимательно присмотреться к представлениям античных авторов о соотношении: «закон — государственное устройство», то бросается в глаза, что для демократической системы управления, в отличие от других, характерно соблюдение законов, но, согласно Аристотелю, законов не должно быть много — они должны быть хорошими.

вокупное обозначение членов совета (согласно Л. А. Пальцевой)¹, или высшая магистратура, но для римского периода (по А. А. Владимирову)². Анализируя существующие мнения, В. М. Зубарь полагает, что более приемлема гипотеза Л. А. Пальцевой, именно поэтому в Присяге названы только дамиurgi и не перечисляются (не названы) другие представители исполнительной власти³. Замечание исследователя является отражением незавершенности дискуссии, поскольку подтвердить его или опровергнуть существующие точки зрения на основании имеющихся единичных свидетельств источников не представляется возможным.

Коллегия архонтов

В полисах Эллады еще со времен становления государственности известна коллегия архонтов. Рассказывая о ранних событиях в Аттике, Аристотель писал, что первыми из магистратов стали архонт-базилей (исполнял жреческие функции), архонт-полемарх (до появления коллегии стратегов руководитель ополчения) и архонт-эпоним (букв. эпоним — дающий имя). Спустя несколько лет, стали избирать 6 архонтов — фесмофетов. «Они должны были записывать правовые положения и хранить их для суда над спорящими сторонами (Аристотель. Афинская полития. 3). В последующем коллегия архонтов из 9 человек сохранилась, но функции ее с появлением новых магистратов изменились.

---

¹ Пальцева Л. А. О должностных лицах... С. 179—181.

² Владимиров А. А. К вопросу о структуре государственного управления Херсонеса Таврического // Античный мир. Белгород, 1999. С. 103—104; Он же. К вопросу о высшей магистратуре Херсонеса Таврического // *Vita Antiqua*. 2003. № 5—6. С. 73—75. Можно добавить список работ А. А. Владимирова еще одной: «Административная реформа в Херсонесе Таврическом в последней четверти I в. до н. э. в свете возможных вариантов реконструкции одного эпитафического памятника» (ССПК. 2000. Вып. 8. С. 237—242, на укр. яз.). В главе, написанной А. А. Владимировым в коллективной монографии (см.: Владимиров А. А., Журавлев Д. В., Зубарь В. М., Крыжицкий С. Д., Русяева А. С. и др. Херсонес Таврический...), выводы повторены.

³ Зубарь В. М. Государственное устройство Херсонеса... С. 347.

В Афинах главой коллегии был архонт-эпоним (временем его магистратуры датировались декреты).

Херсонесский полис не имел столь длительного периода формирования государственности, как другие государства Эллады. Граждане, основавшие его, уже были знакомы с существующими конституционными установлениями. Вполне возможно, что те обязанности, которые перечислял для афинских архонтов Аристотель, отчасти характерны и для Херсонеса. Члены коллегии имели многочисленные обязанности, принимали посланников из других государств; контролировали деятельность хорегов, участвующих в подготовке театральных представлений; как и в некоторых других государствах Эллады. Вполне возможно, что они разбирали дела, касающиеся морали и нравственности граждан; заботились о том, чтобы опекуны не нанесли ущерба имуществу сирот, и осуществляли опеку над наследницами и вдовами. Для архонте-базилея, скорее всего, главной обязанностью являлось урегулирование спорных вопросов по делам богослужения; возможно, как и в Афинах, ведение процессов, касающиеся непреднамеренного убийства и нанесения ран.

Но выявить детали функций архонтов, как численность коллегии для эллинистического периода на основании эпиграфических памятников не представляется возможным. В первые века н. э., по мнению Э. И. Соломоник, избирали 6 архонтов¹.

---

¹ НЭПХ. II. С. 26, 30. Замечание о составе коллегии содержится в комментариях к постановлениям Народного собрания, относящихся к римскому времени. Статус их и состав не однозначно воспринимается историками, но об этом ниже, когда речь пойдет о соответствующем периоде. На соображения Э. И. Соломоник ссылаются А. А. Владимиров (см.: Владимиров А. А., Журавлев Д. В., Зубарь В. М. и др. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э. Харьков, 2004. С. 267). В публикации эпиграфических памятников Херсонеса, приведенных в подстрочнике, архонт упоминался только на фрагменте надписи, по содержанию которой определить численность коллегии не возможно (НЭПХ. I. С. 159). Однако тождественный термин для обозначения магистратов, вовсе не означает полного совпадения функций.

Базилеи-эпонимы и «базилисса Дева»

В некоторых декретах херсонеситов вместо конкретного лица¹, исполнявшего эпонимные функции, названа «базилисса Дева». Это и привело к появлению в историографии вопроса об эре Девы и «царствовании богини Девы». Близкая аналогия — это родина основателей Херсонеса — Гераклея Понтийская, где эпонимными магистратами были архонты-базилеи, как и в некоторых других дорийских полисах.

Причиной обсуждения особого статуса богини Девы стали нумизматические находки и эпиграфические памятники, в которых вместо имени гражданина, являвшегося базилеем-эпонимом, было выбито «В царствование Девы...»; «приложили печать в первом ряду: богиня-базилисса (царица, как переводится иногда слово «базилисса».

Данный историографический сюжет подробно изложен В. И. Кадеевым и М. Е. Бондаренко. Обратимся к их наблюдениям, как и более ранним работам других исследователей².

В течение длительного времени считалось, что «эра Девы», провозглашение ее базилиссой, связано с реформой государственного строя в Херсонесе и введением в ознаменование этого события нового отсчета времени в 25/24 г. до н. э. Предположение было высказано А. Л. Бертье-Делагардом на основании изучения монет³. Его наблюдения развил В. В. Латышев⁴, полагая, что к провозглашению Девы «Вечной царицей» привела реформа государственности в римское

---

¹ История Гераклеи освещена С. Ю. Сапрыкиным. Кроме него об архонтах-базилеях писал К. Ханелем (см.: Hanell K. *Megarische Studien*. Lundunum, 1934. S.152). Аналогию Херсонесу можно видеть в Мегаре (см.: Корольков Д. Несколько неизданных мегарских надписей // ЖМНП. 1883. Сент. С. 69–70).

² См.: Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках... С. 67–73; Бондаренко М. Е. Пантеон Херсонеса Таврического. М., 2003. С. 51–53.

³ Бертье-Делагард А. Л. Значение монограмм на монетах Херсонеса Таврического // ЗНОРАО. 1906. Т. 1, вып. 1. С. 50–79.

⁴ Латышев В. В. ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 321–325; Он же. К вопросу о культе богини Девы в Херсонесе Таврическом // Сборник Харьков. историко-филологического общества в честь профессора В. П. Бузескула. Харьков, 1914. С. 206–211.

время. Авторитет выдающегося эпиграфиста повлиял на понимание событий другими историками. Возникновение особого статуса богини, по мнению современника В. В. Латышева И. И. Толстого, было обусловлено постоянной военной угрозой¹.

Последующее комплексное изучение монет не выявило связи между двумя событиями: провозглашением Девы «базилиссой» и изменением календаря. Так в середине XX в. прозвучали первые слова критики концепции А. Л. Бертье-Делагарда со стороны А. Н. Зографа². Правда, другие специалисты в области херсонесской нумизматики не сразу согласились с поправками коллеги³.

Утверждению нового взгляда способствовали работы В. И. Кадеева. Обращение к эпиграфическим памятниками с упоминанием базилеев-эпонимов привело исследователя к ряду гипотез, основанием для которых стала хронология декретов. Оказалось, что на последние десятилетия I в. до н. э. приходится только один с упоминанием «базилисссы Девы», остальные восемь датируются IV — концом II в. до н. э. Было также замечено, что монеты с образом Девы чеканились тогда, когда полис испытывал внешнеполитические сложности.

Известно, что средства на изготовление плит с декретами постановлением Народа предписывалось отпускать из «священной казны». Сокровища храма служили источником и для выпуска монет в кризисные времена, сначала эпизодически, а затем это стало, как полагает В. И. Ка-

---

¹ Толстой И. И. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918. С. 112—113.

² Зограф А. Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. С. 154; Карышковский П. О. Об эре Херсонеса Таврического (Несколько дополнительных замечаний к статье Н. А. Фроловой «Неизданная золотая монета античного Херсонеса») // КСОГУ и КСОАМ. 1961. С. 107—114.

³ В 1963 г. В. А. Анохин следовал концепции В. В. Латышева (см.: Анохин В. А. О начале эры Херсонеса Таврического // НиС. 1963. Вып. 1. С. 66—75; Он же. Монетное дело Херсонеса I—III вв. н. э. // НЭ. 1963. Т. 4. С. 3—88. В монографии, посвященной развитию монетного дела в целом, он отказался от соотнесения нового летоисчисления с появлением титула «базилисссы Девы» (см.: Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса... С. 61, 64).

деев, хроническим явлением¹. Сохранившаяся традиция — нести траты во время исполнения магистратур за счет собственных доходов, приводила к тому, что в некоторые годы магистратура базилея-эпонима оставалась вакантной и в таком случае ее «занимала» богиня Дева.

Анализ источников и обращение к ситуации в других полисах делают выводы В. И. Кадеева вполне убедительными: О типичности «выдвижения» в экстраординарной ситуации в качестве эпонима верховного божества полисного пантеона и служителей культа, действовавших от его «лица» свидетельствуют материалы Ольвии, где эпонимные функции «исполнял» Аполлон². Подобная практика — «избирать» божество в период финансовых трудностей в качестве магистрата имела место и в других античных центрах.

Итак, согласно В. И. Кадееву, «царствование» богини Девы началось не в 25/24 гг. и не связано с реформой государственности и введением нового календаря; монограмма ее имени на монетах — знак того, что они выпущены за счет казны храма в годы возникновения экономических проблем в государстве³.

В заключение к настоящему сюжету обратимся еще раз к Присяге херсонеситов. В одной из ее строк сказано: «Я буду охранять для народа састер и не буду разглашать ничего из сокровенного». В середине XX в., подводя своеобразный итог обращения к термину састер, В. Д. Блаватский писал о сложностях его понимания, о том, что, не смотря на стремления историков, значение слова не определено⁴. В начале XXI в.

---

¹ Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках... С. 71. Выводы В. И. Кадеева повторены: Бондаренко М. Е. Пантеон Херсонеса... С. 53.

² Русяева А. С. Культы и святилища в сфере политики демократических полисов Северного Причерноморья в раннеэллинистическое время // ВДИ. 2000. № 3. С. 74—84. Ю. Г. Виноградов показал, что эпонимная магистратура в Ольвии «перешла» к жрецу Аполлона в начале IV в. до н. э. (см.: Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса. С. 149).

³ Не останавливаясь подробно на доказательствах, В. И. Кадеев повторяет их в монографии «Херсонес Таврический: Быт и культура, I—III вв. н. э.» (Харьков, 1996. С. 146).

⁴ Блаватский В. Д. О херсонесском термине ΣΑΣΤΗΡ // СА. 1954. Т. 19. С. 231—238.

подсчитано, что существует 11 толкований значения термина, и предложено еще одно: састер — это архив при храме Девы, где хранилось «сокровенное» — документы херсонеситов (вернее, место, где стояли в специальном сооружении декреты общины)¹. Если допускать, что для всех, кроме херсонеситов, этот своеобразный архив не был доступен, то гипотезу можно было бы принять. Но из содержания декретов известно и другое — постановления Народного собрания вырезались на плитах и выставлялись для всеобщего обозрения. Одна из гипотез конца прошлого столетия принадлежит лингвисту О. Н. Трубачеву, отождествившему састер с религиозной книгой². Но в таком случае возникает неумение и опять же серия вопросов: Что могла представлять собой «религиозная книга» — свод обрядов? Где таковая известна, кроме Херсонеса (пока данных об этом нет)? В качестве гипотезы можно поставить и такой вопрос: Что является значимым для государства, следовательно, и его граждан? В любом современном обществе большое значение придается финансам, состоянию казны. Может быть, «састер» казна государства, состояние которой следовало хранить в тайне? Однако до тех пор, пока не будет получено хотя бы косвенного подтверждения существующих 12 гипотез (включая предположение М. Е. Бондаренко), убеждающего ответа на вопрос о том, что же такое «састер» Присяги, получить не удастся³.

Экстраординарные магистратуры. Особенности финансирования общеполисных мероприятий и наличие традиционных функций у представителей исполнительной власти заставляли общину прибегать к избранию лиц, руководивших каким-либо конкретным делом, не связанным с повседневной практикой.

---

¹ Бондаренко М. Е. Пантеон Херсонеса... С. 40.

² Трубачев О. Н. *Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка: Этимологический словарь.* М., 1999. С. 103—105.

³ Не вызывающую сомнений аргументацию не смог привести ни один из исследователей. Наиболее поздняя работа, в которых имеется обращение к интерпретации слова «састер»: Русяева А. С. Термин ΣΑΣΤΗΡ в Присяге граждан Херсонеса Таврического // Древнее Причерноморье: III чтения памяти П. О. Карышковского. Одесса, 1996. С. 94—95. Исследовательница считает, что это священный участок.

В одной из надписей, относящейся к первой четверти III в. до н. э., говорится о комиссии, которая должна была позаботиться о том, чтобы конфискованные дома и другое имущество вернули политическим изгнанникам. Размежевание виноградников, предпринятое Агасиклом на Равнине, также следует отнести к чрезвычайным мероприятиям, как и возведение и ремонт фортификационных сооружений. Такая практика характерна не только для Херсонесского государства; и наличие ее не вызывает разночтений у историков (расхождение мнений касаются датировки эпиграфических памятников, в которых упоминаются экстраординарные полномочия). Не вызывает споров и тот факт, что в период протектората Понтийской державы и позднее — с появлением в Таврике римских легионеров херсонеситы сохранили выборность органов исполнительной власти. Однако функции отдельных магистратов, «скрывающихся» под терминами более раннего времени, изменились, а отдельные коллегии перестали существовать.

Социум на рубеже тысячелетий и в первые века н. э.

В основе социальной структуры полиса лежало отношение к собственности. Прежде всего — это две категории среди лиц, обладающих статусом свободы: граждане и не граждане: метеки, переселенцы из других государств, вынужденные искать себе покровителя. Защитником интересов метека мог являться конкретный гражданин или полисная община в целом (свидетельство — проксенический декрет). Некоторые из метеков за заслуги перед полисом, в который они переселились, получали гражданские права, правда, это не было широко распространенным явлением. Второе четко прослеживаемое деление: свободные и несвободные, одним из самых существенных признаков которых является внеэкономическое принуждение к труду. В различных полисах имелись отличия среди зависимого населения в бытовой сфере, но общим было то, что не свободный — это собственность или отдельного гражданина (раб в Афинах, например), или общины в целом (спартанский илот).

Эллинистическая эпоха внесла новые элементы в социальную сферу. В отличие от более раннего времени рабы стали не только объектом права, но и его субъектом. Как таковые они могли вести дела

своего господина и защищать его интересы в суде. Распространяется самопродажа в рабство. В некоторых случаях она являлась формой защиты от богатых и более сильных соседей или позволяла получить дополнительный земельный участок. «Продавая себя» в рабство храму, становясь иеродулом, бывший свободный получал его защиту.

В римский период количественно более значительной, чем ранее, стала категория вольноотпущенников. Структура общества усложнилась. Статус и роль в обществе определялись различными факторами; и среди рабов, и среди свободных имелись существенные отличия. Распространенным явлением стало выведение рабов на пекулий. Фактически одновременно развивается колонат — свободные арендаторы, которым, как и рабам, собственник предоставлял в распоряжение не только участок земли, но подчас и инструментарий для его обработки, и семенной фонд.

Безусловно, различия среди рабов существовали и ранее. В надгробных памятниках упоминается такая категория как фрептой. Судя по переписке Плиния Младшего (61/62—113 гг.) — это дети, брошенные родителями из-за отсутствия средств на их воспитание. Если кто-то подбирал их, и они выживали, то становились рабами в семье, их вырастившей.

Военная опасность, усилившаяся к концу II в. до н. э., вмешательство Понтийской державы в дела государств Северного Причерноморья, а затем и Рима, имущественная дифференциация, поступательное развитие общества в целом — привели к изменению социальной картины в Херсонесском полисе, что не могло не отразиться на системе управления, содержании функций магистратов и порядке их избрания.

На какие же вопросы, как наиболее существенные, обращали внимание историки для того, чтобы составить представление о том, насколько кардинальными были изменения в херсонесской общине?

1. Наличие свидетельств о степени имущественной дифференциации.

2. Отражение приемлемости, или наоборот — не приемлемости новых обстоятельств жизни рядовыми гражданами, и этническая картина населения города.

3. Состав и роль в общеполисных делах отдельных семей.

4. Эволюция системы управления.

5. Статус Херсонеса в первые века н. э.

Как во многих других случаях создать хронологически целостную картину из-за состояния источниковой базы оказалось невозможным, что и отражают дискуссии.

Этносоциальная картина жителей города Херсонеса

Для реконструкции имущественной дифференциации неоценимое значение имеют раскопки некрополя. Отмечено, что среди погребений, относящихся к первым векам н. э., на основании инвентаря и наземных сооружений, выделяется три вида.

Некоторые из граждан были похоронены в склепах с фресковой росписью или в фундаментальных наземных гробницах; покоились в саркофагах, украшенных рельефами. Для таких захоронений характерен многочисленный погребальный инвентарь и дорогостоящие украшения. Других в потусторонний мир сопровождало несколько сосудов или инструментов, отражавших их занятия в реальном мире, и, как правило, обол Харона. В самых бедных захоронениях встречается только одна монетка, которой усопший должен был расплатиться за переправу через Стикс, реку в преисподней¹.

---

¹ Обобщение материалов раскопок некрополя Херсонеса, а также изучение новых его участков принадлежит В. М. Зубарю (см. его работы: Погребальные сооружения и погребальный обряд участка некрополя у загородного храма в Херсонесе // Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев, 1977. С. 69–82; Подбойные могилы Херсонесского некрополя // Археологія. 1977. № 24. С. 68–73, на укр. яз.; История раскопок и топография античного некрополя Херсонеса // Археологія. 1978. № 25. С. 50–59, на укр. яз.; Склепы с нишами—лежанками некрополя Херсонеса // Археологія. 1978. Вып. 28. С. 36–45 (на укр. яз.); Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. Киев, 1982; Итоги и перспективы исследования западного некрополя Херсонеса // Задачи советской археологии: Тез. докл. Суздаль; М., 1987. С. 103–104; Зубарь В. М., Бунятян Е. П. Новый участок детских погребений позднеантичного некрополя Херсонеса // СА. 1991. № 4. С. 228–239; Зубарь В. М., Рыжов С. Г., Шевченко А. В., Исследования склепов позднеантичного времени из Херсонеса в 1981 г. // Археологія. 1986. Вып. 54. С. 58–70, на укр. яз.; Они же. Охранные раскопки западного некрополя Херсонеса // Археологія. 1987. Вып. 58. С. 100–102 (на укр. яз.) и др.

В связи с изменением структуры социума, вызванной не в последнюю очередь расширением торговых связей в Черноморском бассейне, чему способствовала стабилизация в регионе после размещения римских легионов, историки второй половины XX в. поставили вопрос об социо-политическом составе населения Херсонеса. Для этого были использованы источники двух видов: раскопки некрополя и анализ имен, встреченных на эпиграфических памятниках.

Обращение к просопографическим данным первых веков н. э. рисует следующую картину: греческие имена (в дорийской форме) — 70,5%, латинские — 25,5%, принадлежащие варварам и не ясного происхождения — 4%; имена, характерные для выходцев из Фракии и Малой Азии, единичны. Таков вывод, сделанный В. И. Кадеевым, основан на анализе лапидарных памятников и граффити, в которых встречено около 360 имен¹. Картина, воссозданная исследователем, подтверждает свидетельство Плиния Старшего, о чем напоминает В. И. Кадеев: Херсонес был блестящим пунктом на всем пространстве Северного Причерноморья благодаря сохранению греческих обычаев².

Наблюдения В. И. Кадеева и характеристика Плиния Старшего совпадают с более ранним мнением Э. И. Соломоник. Она заметила, что римское влияние коснулось только некоторых сторон жизни, о чем свидетельствует единичное использование латинской терминологии в лапидарных памятниках Херсонеса. Они относятся, в основном, к военно-административной терминологии. Римские имена характерны для верхушки общины; представители ее имели двойное гражданство³.

---

¹ Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках... С. 87.

² Там же. С. 85 (Plin. NH. IV, 85).

³ Соломоник Э. И. НЭПХ. II. С. С. 273. Количественные данные, приведенные Э. И. Соломоник, со ссылкой на других исследователей, не противоречат наблюдениям В. И. Кадеева. Она отмечала, что носители латинских имен: римский гарнизон и романизированные лица составляли не более 20% от общего числа собственно жителей Херсонеса — 2–2,5 тыс. (Там же. С. 269–269). Согласие с выводами В. И. Кадеева содержатся в работах В. М. Зубаря: анализ материалов раскопок некрополя отражает незначительную варьированность населения, что подтверждается и анализом имен. Далее отмечено, что для населения Херсонеса характерно появление в первые века н. э. выходцев

Безусловно, наряду с херсонеситами в городе проживали эллины, не входившие в число граждан. Соотношение этих двух групп свободных выявить чрезвычайно сложно. В настоящее время исследователям на основании всех, имеющихся в их распоряжении источников, удастся только зафиксировать наличие среди свободных обитателей Херсонеса представителей различных центров Средиземноморско-Черноморского бассейна, тех, кто оседал в городе в связи с торговыми интересами или находился в нем временно в составе римских легионеров.

Некоторые из бывших гераклеотов и граждане других городов Южного побережья Понта проживали в Херсонесе на правах ксенов. Возможно, что среди ксенов, полагает В. И. Кадеев, имелись представители «других этнических элементов»¹.

В одном из ранее представленных разделов среди проблем, относящихся к римскому периоду истории Херсонеса, упомянут вопрос о романизации. Наиболее частое обращение к данному аспекту характерно для исследователей середины XX в. К постановке вопроса о романизации привело замечание в одной из работ Ф. Энгельса: «В течение столетий проходил нивелирующий рубанок римского мирового владычества»². Если иметь в виду Херсонес, являвшийся, как и Рим, составной частью античной цивилизации, то этот «нивелирующий рубанок» должен был «коснуться» и его культуры, существенно повлиять на развитие традиций. И, действительно, некоторые элементы проникновения нового засвидетельствованы. Наиболее яркое выражение это нашло в появлении новых культов и синкретических божеств, однако привнесены они были не только римлянами, но и теми, кто оказался в силу различных

из восточных провинций Римской империи. С конца IV в. прослеживаются изменения в области идеологии (Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса... 1982. С. 119). К последнему аспекту еще предстоит обратиться.

¹ Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках... С. 39–45.

² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 146. К примеру, о «нивелировке культур» на примере памятников Херсонеса писал А. Н. Щеглов (см.: Щеглов А. Н. Фракийские посвященные рельефы из Херсонеса Таврического // МИА. 1969. № 150. С. 160).

обстоятельств в городе¹. В целом это было вызвано новым этапом развития Средиземноморско-Черноморского региона.

Вопрос о варварах в составе жителей Херсонеса

Вопрос о варварском компоненте населения города, поднимался неоднократно после раскопок в 1936 г. некрополя в северном районе Херсонеса. В поисках дополнительных аргументов исследователи обратили внимание и на присутствие в ономастике города имени Скиф. В работах Н. В. Пятышевой² и Б. Н. Гракова³, опубликованных в середине XX в., это послужило основанием для заключения о вхождении в состав гражданского населения Херсонеса варварских этнических элементов.

Сопоставление свидетельств, относящихся к широкому географическому ареалу и значительному хронологическому периоду, привело В. И. Кадеева к выводу о том, что носителями таких имен являлись

---

¹ Кадеев В. И. О культурных связях Херсонеса с Мезией и Фракией в первых веках н. э. // Вестник Харьков. ун-та. 1988. № 316. С. 61–66; Он же. Северное Причерноморье и Фракия в I–IV вв.: Проблема контактов // Дриновские чтения: Тезисы. Харьков, 1988. С. 60–61; Он же. Проблема римского влияния на Херсонес первых веков н. э. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988 гг. Севастополь, 1988. С. 54–55; Он же. Римское влияние на материальную культуру Херсонеса в I–IV вв. н. э. // Вестник Харьков. ун-та. 1993. № 374: История. Вып. 27. С. 16–23; Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Северное Причерноморье и Южный Понт: Проблема контактов // Археологія. 1989. № 4. С. 91–102 (на укр. яз.). Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. — V в. н. э.: На материалах Херсонеса. Харьков, 1989.

² Пятышева Н. В. К вопросу об этническом составе населения Херсонеса в I–IV веках н. э. // Конференция по изучению античности в Ленинграде, 9–14 апреля 1964 г.: Тез. докл. М., 1964. С. 49; Она же. К вопросу об этническом составе населения Херсонеса в I–IV вв. н. э. // Античное общество. М., 1967. С. 183–187.

³ Граков Б. Н. Термин *Σκῦθα* и его производные в надписях Северного Причерноморья // КСИИМК. 1947. Вып. 16. С. 79–88.

эллины; а имя Скиф встречается в весьма удаленных от Скифии областях¹.

В опубликованной в близкие годы с исследованием В. И. Кадеева монографии В. М. Зубарь также прозвучало заключение, что археологические данные не подтверждают «устаревшую точку зрения о значительном удельном весе варварских элементов в составе населения города»². Противостояние скифов и херсонеситов не согласуются с тезисом о наличии данного этноса в Херсонесе первых веков.

Не лучшими, чем со скифами, являлись взаимоотношения с таврами. Однако вследствие некорректной интерпретации надписи на надгробии (ΓΥΝΗ ΤΑΥΡΙΚΗ) первых веков н. э. В. И. Кадеев предположил, что в Херсонесе на правах ксенов проживали тавры³. Позднее к анализу эпитафии обратился С. Ю. Сапрыкин, объяснивший, что памятник

---

¹ В. И. Кадеев отмечает, что такие имена могли быть привнесены в Херсонес из Сицилии, островов Эгеиды, Спарты, Гераклеи и напоминает об имени брата беотийского поэта Гесиода, которого звали Перс. В одной из надписей III в. до н. э. из колонии Гераклеи Каллатиса упомянут Аристион, сын Скифа, внесший значительные средства на постройку храма. Имя Скиф, если носителями его не были греки, могло принадлежать варварам, жившим в Ольвии, граждане которой в некоторые периоды имели дружественные отношения со скифами, но не в Херсонесе, для которого напротив наблюдается постоянное противостояние (Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках... С. 95). Но даже для Ольвии, правда, более раннего времени, анализ материалов из раскопок погребений показал, что только одно имело негреческие черты. Оно датируется первой половиной V в. до н. э. Здесь обнаружена пряжка звериного стиля. Иных признаков проникновения местных элементов в обряд погребения выявить не удалось (см.: Козуб Ю. И. Некрополь Ольвии V—IV вв. до н. э. Киев, 1974. С. 123, на укр. яз.).

² Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса... С. 126. К тезису о варварских элементах среди граждан В. М. Зубарь обратился еще раз в работе 2005 г.: Зубарь В. М. Херсонес и тавры: Противостояние или взаимодействие? // Археологія. 2005. № 1. С. 16—28. В статье он подчеркивает, что среди населения Херсонеса тавров быть не могло (добавим, если они не являлись рабами), как не существовало и «трудовой кооперации и мирной конвергенции».

³ Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках... С. 45.

поставлен «жительнице Таврики» (географическое обозначение), а не «тавричанке» (этнический показатель)¹.

Вмесе с тем в погребальных комплексах имеются отдельные черты, характеризующие проникновение в Херсонес сарматского этнического элемента.

В. М. Зубарь, специально обратившись к теме взаимоотношений Херсонеса с населением Таврики, отметил, что термин «сарматы» следует использовать как макроэтноним, под которым подразумеваются родственные кочевые племена². Если учитывать общеполитическую ситуацию в регионе (миграционные волны сарматов, начиная с первой половине I в. н. э.), наличие «варварского компонента» вполне объяснимо. Но для I—II вв. н. э. еще не может быть речи о его интеграции в состав херсонесской общины, что не исключает экономической эксплуатации средствами неэквивалентного обмена³. Не противоречит этому и гипотеза В. И. Кадеева о принадлежности скорченных погребений⁴ и с деформированными черепами к сармато-аланскому кругу⁵. Масштабная миграционная волна кочевников, в том числе и сарматского потока, прослеживаемая для первой половине III в. н. э., изменила этнополитическую

---

¹ Сапрыкин С. Ю. «Эмпорий Таврикон» и «Скифская гавань» Калос Лимен в керамических клеймах Херсонеса Таврического // ВДИ. 1996. № 1. С. 127—128.

² Зубарь В. М. Херсонес Таврический и население Таврики... С. 135.

³ Там же. С. 143. Для подтверждения тезиса привлечены материалы раскопок различных авторов.

⁴ Кадеев В. И. Об этнической принадлежности скорченных погребений херсонесского некрополя // ВДИ. 1973. № 4. С. 108—116; Он же. Еще раз об этнической принадлежности скорченных захоронений в раннем некрополе Херсонеса Таврического // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995. С. 32—37; Кадеев В. И., Дьячков С. В. Фракийцы в Северном Причерноморье в первых веках н. э. // Вестник Харьк. ун-та. 1994. № 385: История. Вып. 28. С. 39—48. Статьи, посвященные различным сюжетам истории Херсонеса, опубликованы также в сборнике: Кадеев В. И. История и археология Причерноморья. Статьи разных лет. Харьков, 2000.

⁵ Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках... С. 120, 122.

картину Таврики¹. По наблюдениям В. И. Кадеева наличие деформации среди погребенных на некрополе — свидетельство появления на рубеже II—III вв., немногочисленных, а в III—IV вв. более значительных представителей аланской этнической группы².

И, как уже неоднократно отмечалось, новое обращение к материалам некрополя позволило внести коррективы в атрибуцию некоторых видов захоронений. Примечательным является то, что В. М. Зубарь, соотносивший подбойные могилы с сарматским этническим компонентом, признается во влиянии на него «устоявшейся в советской историографии концепции о тесных греко-варварских связях»³, обусловившей вывод на основании формальных признаков о том, что наличие подбоя связано с проникновением в Херсонес сарматского этноса. Отказываясь от ранее высказанного мнения («вывод о сарматской принадлежности подбойных могил уже нельзя считать правомерным», как он пишет), В. М. Зубарь все же замечает, что это не означает отсутствия в составе населения города «выходцев из среды гетерогенного населения Юго-Западной Таврики»⁴. Идея героизации, ставшая распространенной в первые века н. э., позволила ему объяснить наличие «погребальной камеры — склепа с нишами-лежанками». Такие сооружения существовали одновременно со склепами, вырубленными в скале. Трансформация мировоззрения отразилась на погребальном обряде — привела к появлению более дешевых, доступных средним слоям горожан подбойных могил⁵.

Приведенные выше замечания позволяют судить, что в Херсонесе в первые века нового тысячелетия, как и в других районах греко-римского

---

¹ Зубарь В. М. Херсонес Таврический и население Таврики... С. 197.

² Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках... С. 122.

³ Не перечисляя всех работ В. М. Зубаря, обратим внимание на главу коллективной монографии, где подробно рассмотрен данный вопрос (см.: Журавлев Д. В., Зубарь В. М., Сорочан С. Б. Экономическое развитие, социальный и этнический состав населения // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э. С. 183—256).

⁴ Зубарь В. М. Еще раз об атрибуции подбойных могил некрополя Херсонеса // VII Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и Средневековья. Керчь, 2006. С. 154—155.

⁵ Там же. С. 157.

мира, начинается процесс варваризации. Однако показать насколько он был значительным из-за состояния источников исследователям XX в. не удалось. Вместе с тем появились сомнения в корректности тезиса, что географическое положение спасло Херсонес от проникновения сарматов, как считал М. И. Ростовцев¹.

Вопрос о способах проникновения варварских этнических элементов остался не решенным, как и проблема соотношения эллинов и варваров среди жителей города в позднеантичный период. Это объясняется двумя причинами: 1. Большая часть территории некрополя изучалась К. К. Косцюшкой-Валюжиничем, в отчетах которого не всегда приведено сопоставление погребального инвентаря с конкретными комплексами. 2. До сих пор систематических исследований по антропологии региона, в том числе и Херсонеса, не производилось².

---

¹ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 612—614. Отчасти к такому мнению склонялся В. Д. Блаватский (см.: Блаватский В. Д. Северопонтийские города в конце II — I в. до н. э. // Вестник Моск. ун-та. 1949. № 7. С. 68). Как отмечает В. И. Кадеев, третья волна сарматской миграции захватила Херсонес (Кадеев В. И. Херсонес Таврический... С. 127, 122).

² Исследования в этой области в целом крайне ограничены; см.: Кондуктова Т. С. Антропология древнего населения Украины (I тыс. до н. э. — середина I тыс. н. э.). М., 1972. Больше внимание уделено средневековому времени, что, безусловно, не дает ответа на поставленные в данном разделе вопросы; также см.: Дебец Г. Ф. Антропологический состав населения средневековых городов Крыма // Сб. музея антропологии и этнографии. 1949. Т. 12. С. 333—486; Зиневич Г. П. Краниологические материалы из средневекового Херсонеса // Материалы по антропологии Украины. Киев, 1969. Вып. 4. С. 57—72 (на укр. яз.); Она же. Антропологические материалы средневековых могильников Юго-Западного Крыма. Киев, 1972; Назарова Т. А. К вопросу о физическом типе населения средневекового Херсонеса // Антропологические материалы из могильников Юго-Западного Крыма. Киев, 1990. С. 26—31. Для характеристики социума Херсонеса значение имеет и соотношение взрослого и детского населения. Некоторое представление об этом для городов Северного Причерноморья можно составить на основании выводов, сделанных на материалах раскопок на Боспоре. В одиночных захоронениях насчитывается более 43 взрослых, детских — 48; кроме того, имелись совместные захоронения: взрослые — 34, дети — 16. Всего проанализировано более 140 комплексов (см.: Корпусо-

Не нашла должного отражения и тема о степени вовлеченности в производственную сферу зависимого труда. Для рассмотрения такого аспекта письменных источников нет¹.

ва В. Н. Некрополь Золотое: К этнокультурной истории европейского Боспора. Киев, 1983. С. 87). Данные, позволяющие составить представление о средней продолжительности жизни граждан Херсонеса, отсутствуют. Для демонстрации абсолютного возраста можно привести несколько надписей. Некий Аврелий Демас прожил 70 лет, «при жизни поставил» (надгробие изготовил). Э. И. Соломоник отметила, что Аврелий Демас принадлежал к греческой части населения Херсонеса, римское гражданство было даровано ему, скорее всего, незадолго до изготовления надписи, датируемой концом II в. или началом III в. (см.: НЭПХ. 1. № 63 С. 139—142). Великолепный мраморный саркофаг с изображением погребальной трапезы, Эрота с гирляндами был изготовлен для супругов Фемиста, сына Стратона, и Базилики, дочери Юлиана, проживших соответственно 70 и 50 лет (Белов Г. Д. Херсонесские рельефы // ВДИ. 1940. № 3—4. С. 271. II—III вв.). Долгожителем был Филократ, сын Фарнакиона (НЭПХ. 1. № 52. С. 105—108, II в. н. э.). На надгробии Сотериха указан возраст 80 лет (IosPE. P. № 457; Соломоник Э. И. Каменная летопись Херсонеса. Симферополь, 1990. С. 97; памятник конца II — III в. н. э.). К статусу Сотериха предстоит вернуться немного позднее. Безусловно, не все граждане Херсонеса дожили до столь преклонных лет. Скиф, сын Теогена, умер в 35 лет (IosPE. P. № 491, конец II — начало III в.). О кратковременности жизни гласит надпись на стеле Басса, сына Патериона, «которого погуба против воли принудила погибнуть в пучине блестящих вод. Там под волной скошена моя жизнь» (Шангин М. А. Некоторые надписи Херсонесского музея // ВДИ. 1938. № 3 (4). С. 77. № 8, III в.). Всего в Херсонесе число надписей с указанием возраста не превышает двух десятков.

¹ Тезис о том, что в Херсонесе рабство, по крайней мере, в эллинистический период носило домашний характер, характерен для некоторых работ В. М. Зубаря, о чем уже упоминалось выше. Это нашло отражение в учебном пособии: «Захоронения IV в. до н. э. в скорченном положении являются свидетельством низкого положения умерших. Захоронения в одних гробницах рабов с их господами показывают, что рабство в Херсонесе носило домашний характер; рабы рассматривались как младшие члены семьи рабовладельца» (см.: Зубарь В., Линева Е., Сон Н. Античный мир Северного Причерноморья (Античний світ Північного Причорномор'я: Нариси історичного та соціально-економічного розвитку. Київ, 1999. С. 15). Речь в данном случае шла о материалах некрополя

Следовательно, поиск дополнительных аргументы для восстановления этносоциополитической картины Херсонеса, поставленных в штудиях XX в., остается за будущим.

Стратификация херсонесской общины и обитателей города

Для советских историков, начиная с 30-х гг. XX в., как уже было отмечено, характерно внимание к социально-экономическим вопросам. Отдельные замечания в обобщающих работах и статьях звучали и относительно городов Северного Причерноморья. Для Херсонеса наиболее последовательно проблема стратификации общества начала разрабатываться в начале второй половины столетия. Систематическое обращение к этому вопросу присутствует в работах представителей харьковской и киевской школ антиковедения.

Сравнив экономическое развитие Херсонеса в эллинистический и римский периоды, В. М. Зубарь пришел к выводу, что существенные изменения «социально-классовой структуры» римского периода следует объяснять утратой земельных владений. В эллинистическое время благосостояние полиса зависело от возможности расширения территории в Северо-Западном Крыму. В римский период она исчезла; стабилизация и расцвет города были достигнуты вследствие вовлечения варварского населения в сферу политического и экономического влияния херсонеситов. Новым фактором стало появление различных типов аренды. Некоторые из арендаторов, по его мнению, были по своему положению близки к римским колоннам, или клиентам, в ограниченных масштабах использовался и наемный труд¹.

Основа гражданского коллектива — средние слои (землевладельцы и ремесленники, виноделы и рыбаки), сохранившие собственность,

---

1936 г., о котором В. М. Зубарь в начале двадцать первого столетия скажет, что попытка интерпретировать его материалы, исходя из социального фактора, оказалась безуспешной. Тем самым исследователь признал некорректность собственных выводов.

¹ Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху. С. 113, 117, 122.

сохранили и право решать свои дела на Народном собрании, но, возможно, не всегда посещали его заседания. Наличие документов о продаже земельных участков и декрет, в котором говорится о выступлении бедноты (охлоса) в поддержку тиранов, показатель не только разорения, вполне возможного, значительной части граждан, но и попыток изменить существующие порядки, при которых богатство и власть начинали сосредотачиваться у немногих.

В одной из надписей, к анализу которой историки обращались неоднократно, пытаясь уточнить время ее появления¹, говорится о длительной борьбе с тираном, захватившим власть, которого поддерживали граждане из-за бедственного положения. Насколько велика была опасность ликвидации традиционных выборных органов, свидетельствуют награды гражданину, предотвратившему переворот: он был увенчан золотым венком; Народ Херсонеса установил ему статую.

Херсонесит, о котором говорится в декрете (его имя осталось не известным: верхняя часть плиты не сохранилась), возглавил борьбу с тираном. Граждане открытым голосованием избрали его эпимелетом — распорядителем всех государственных дел, что позволило ему принять ряд экстренных мер. Получив чрезвычайные полномочия, он позаботился о безопасности хоры, занялся ремонтом оборонительных стен города и оказал помощь хлебом нуждающимся согражданам. Упоминание о приведении в порядок фортификационных сооружений

---

¹ Декрет был введен в научный оборот В. В. Латышевым, который датировал его временем принципата Тиберия (Латышев В. В. *IosPE*. I². P. 313). Не пришел к однозначному выводу относительно хронологии памятника М. И. Ростовцев, относивший его первоначально к 50-м гг. I в. н. э., затем 40-м гг. II в. до н. э. (Ростовцев М. И. К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи // Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. М., 1916. С. 13; Он же. Цезарь и Херсонес // ИАК. Вып. 63. 1917. С. 18). Э. И. Соломоник предполагала, что попытка установления тирании могла иметь место на рубеже тысячелетий (см.: Соломоник Э. И. Граффити с хоры Херсонеса. С. 9). Несколько иная хронология событий представлена: Кадеев В. И. Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н. э. — III в. н. э. // ВДИ. 1979. № 2. С. 57); Виноградов Ю. Г. Полемон, Херсонес, Рим // Древнее Причерноморье: II чтения памяти П. О. Карышковского. Одесса, 1991. С. 17–19; также см. одноименную статью в: ВДИ. 1992. № 3. С. 130–139.

свидетельствует о внешней опасности, переживаемой Херсонесом одновременно с неурядицами внутри полисного коллектива.

В это время, считает В. И. Кадеев, «спасти демократию» и защитить город от неприятеля могло только обращение в Рим, к Величайшему императору и сенату. Возможным ответом на просьбу стало получение элевтерии при Августе и введение эры Девы в 25/24 г. до н. э.¹

Вполне вероятно, что поскольку предпринятые меры носили краткосрочный характер, они не могли кардинально изменить положение наименее состоятельной части херсонеситов. И свидетельства этого существуют.

Удачей для В. И. Кадеева стала находка в 1968 г. надписи, в которой сказано о финансовом кризисе, невозможности выплаты жалования наемникам, а также о гражданине из «отменных мужей», чествуемым согражданами за то, что он восстановил демократию². Эта надпись служит, как полагает В. И. Кадеев, указанием на то, что во II в. н. э. был совершен государственный переворот, направленный против олигархической прослойки³. Однако возможна и иная гипотеза — это отражение борьбы за преобладание внутри верхушки херсонесской общины, ведь

---

¹ Кадеев В. И. Херсонес Таврический: Быт и культура. С. 6—7. Обратившись еще раз к палеографическим особенностям надписи и упоминанию в ней «Величайшего императора и сената», он уточнил время издания декрета — между 29 и 23 гг. до н. э., так как до 23 г. Август решал дела при участии сената. Таким образом, мнения исследователей, относящих декрет к эпохе Нерона (Дьяков В. Н. Оккупация Таврики Римом в I в. н. э. // ВДИ. 1941. № 1. С. 90), или к последней четверти II в. н. э. (Граков Б. Н., Виноградов Ю. Г. Новые надписи из Херсонеса Таврического // ВДИ. 1970. № 3. С. 129), или к 40-м гг. I в. (Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса... С. 21) оказываются в свете палеографических наблюдений и возможной последовательности событий, не корректными. Ко времени около 25 г. до н. э. отнесена надпись в одной из работ С. Голубцовой (Голубцова Е. С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951. С. 96).

² Кадеев В. И. Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I—IV вв. н. э. Харьков, 1970. С. 287; Граков Б. Н., Виноградов Ю. Г. Новые надписи... С. 128.

³ Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках... С. 60.

чествуемый происходил из «отменных мужей». Но, поскольку в данном разделе основное внимание уделяется концепциям исследователей, а не созданию иных возможных вариантов объяснения событий, продолжим обращение к мнениям исследователей относительно социума Херсонеса в первые века н. э.

Ни у кого из историков Херсонеса не вызывает сомнения, что среди граждан появились не имеющие собственности, которые в эпиграфических памятниках названы «охлос». Малоимущие и люди среднего достатка, наиболее многочисленная категория — это демо́ты. И, наконец, состоятельные граждане, некоторые из них имели двойное гражданство (о времени его получения свидетельствуют имена: семьи Ульпиев, Элиев, Аврелиев; особое место среди них занимали представители семьи Флавиев)¹. Доходы таких граждан позволяли им жертвовать средства на общеполисные мероприятия. Также поступали и некоторые из ксенов и вольноотпущенников². Еще в III в. до н. э. в Херсонесе появилась категория почетных, граждан. Особенно широко «почетное гражданство» даровалось в римский период. В. И. Каде́ев полагает, что такие граждане получали все права коренных: могли приобретать собственность, участвовать в Народном собрании, суде и так далее³. Однако существует и иное мнение, согласно которому

---

¹ Вслед за В. В. Латышевым (см.: Латышев В. В. ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 318) это отмечается всеми историками Херсонеса. Для обозначения верхушки общества, имевшей доступ к магистратурам, В. И. Каде́ев использует термин «булевты» (см.: Каде́ев В. И. Херсонес Таврический в первых веках... С. 42).

² Наблюдение о том, что некоторые вольноотпущенники греческого и римского происхождения входили в состав городской знати, принадлежит В. И. Каде́еву (Каде́ев В. И. К вопросу о римских вольноотпущенниках в Херсонесе в первых столетиях н. э. // Вестник Харьков. ун-та. 1974. № 104: История. Вып. 8. С. 83–88 (на укр. яз.); Он же Вольноотпущенники и их потомки в античных государствах Северного Причерноморья // Проблемы античной истории и культуры: Тез. докл. 14-й Междунар. конф. античников соц. стран. Ереван, 1979. С 359–365).

³ Одному из почетных граждан херсонеситы доверили возглавить посольство к Цезарю в 46 г. до н. э., когда добивались получения от Рима статуса элевтерий (Каде́ев В. И. Херсонес Таврический: Быт и культура. С. 5).

новые граждане не пользовались правом собственности на землю, не могли вступать в законный брак с представительницами коренных семей херсонеситов¹.

Некоторые из «почетных граждан» обладали весьма значительным состоянием, и наряду с исконными членами общины делали добровольные взносы деньгами или натурой (эпидосис). Подобные поступки являлись подчас средством для достижения гражданских прав².

В источниках не отражено использования наемного труда, нет данных о колонах: гипотеза о наличии их среди жителей Херсонеса покоится на обращении к общеисторической ситуации.

Безусловно, в городском ремесле и промыслах, на земельных участках херсонеситов применялся труд рабов³. Интерпретация надписи, в которой названо имя одного из жителей города, привела к более полувековой дискуссии. Итак, настало время обратиться к тому, что известно о занятиях и статусе прожившему 80 лет Сотериху.

---

¹ Свенцицкая И. С. К вопросу о гражданских и имущественных правах в эллинистических полисах Малой Азии // ВДИ. 1966. № 2. С. 45. Возражая против данного тезиса, В. И. Кадеев напоминает содержание декретов, в которых говорилось о предоставлении равных прав, таких же, вероятнее всего, какие имели граждане (см.: НЭПХ. II. № 115. С. 45, 52). Текст гласит: предоставить «гражданство проксении и участие в государстве во всем, в чем участвуют и херсонеситы», первая половин II в. н. э.

² Такой пример привела Э. И. Соломоник. В декрете рассказывается, что знатный юноша, отличившийся у себя на родине и во время пребывания в Херсонесе, оказал помощь продовольствием (проксенический декрет II в. н. э. (Соломоник Э. И. НЭПХ. I. С. 24–28).

³ Среди рабов существовала такая категория как гладиаторы (см.: НЭПХ. II. С. 265). В связи с обсуждением вопроса о рабах следует упомянуть одно погребение в северо-западном районе некрополя: здесь обнаружен костяк с железными кандалами на ногах (Суров Е. Г. К истории северо-западного района Херсонеса Таврического // АДСВ (Свердловск). 1965. Вып. 3. С. 124, 125, погребение № 21). Удивительный и противоречащий правилам случай — раб (если кандалы указывают на это) удостоился чести быть похороненным рядом со свободными, но кандалы, чтобы облегчить его переход в царство Аида, не сняты. О рабах см.: Кадеев В. И. О рабстве в Херсонесе Таврическом в первых веках н. э. // История и культура античного мира. М., 1977. С. 57–61.

Сотерих — раб, служитель храма или жрец?

Первое обращение к надписи Сотериха («Сотерих богини Девы, проживший...») восходит к трудам В. В. Латышева, высказавшего предположение, что он являлся жрецом храма Девы, при этом не исключалась возможность, что надгробие принадлежит гиеродулу¹.

Продолжая развитие гипотезы, Г. Д. Белов заключил, что гиеродул Сотерих — это государственный раб, который выполнял различные работы при храме².

На основании анализа содержания эпиграфических памятников Средиземноморско-Черноморского региона, в которых в том или ином виде отразились социальные реалии, В. И. Кадеев заключил, что гиеродул Сотерих — это храмовый раб, который принадлежал храму и одновременно «богине Деве», поскольку ее культ имел общегосударственное значение³.

Несколько общих замечаний о причинах конфликтов

Первые наблюдения относительно социума Херсонеса были высказаны попутно с публикаций источников в начале XX в. Для середины столетия характерным было преувеличенное внимание к варварской проблематике, доказательствам «вхождения» в состав херсонесской общины представителей варварского этноса. Анализ письменных источников и обращение к материалам некрополя, обнаружение новых

---

¹ Latyshev V. IosPE. Vol. 1. № 457.

² Белов Г. Д. Херсонес Таврический. С. 120. К категории гиеродулов отнес Сотериха В. Ф. Гайдукевич (Гайдукевич В. Ф. История античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1956. С. 92).

³ Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках... С. 54. Наиболее изученной данная социальная категория является для Птолемеевского Египта. Трехчленное социальное деление: булевты, демос, охлос отражает наиболее резкие отличия среди херсонеситов. Первые из двух категорий, если учитывать их состояния, роль и значимость в обществе, не были однородными. Но отразить все усложняющуюся со временем структуру полисного сообщества на основании имеющихся источников не представляется возможным.

эпиграфических памятников во второй половине века позволили прийти к следующим наблюдениям.

1. В первые века нашей эры усиливается имущественная дифференциации.

2. Происходит сосредоточение богатства в руках отдельных семей и появляется наименее защищенная категория граждан, что обусловило социальные коллизии, создавшие угрозу существующей традиции избрания исполнительных магистратов.

3. Семьи граждан, имевшие двойное гражданство, начиная со II в. н. э., играют все большую роль в обществе, превращаясь в опору римлян в Херсонесе¹. В конечном итоге это не могло не породить конфликтов.

О причинах конфликтов неоднократно писали античные авторы.

«Сильнее всего раздоры эти обуславливаются различием между добродетелью и порочностью, затем между богатством и бедностью, а затем следуют и другие более или менее значительные причины» (Аристотель. Политика. V. 2, 12). «Тот, кто стал причиной могущества государства, — будь то частные люди, должностные лица, филы или какая-нибудь часть или слой населения — все они поднимают распри. Ведь начинают распри либо те, кто завидует их почетному положению, либо они сами вследствие достигнутого ими превосходства не желают оставаться в равном положении с остальными. Государственный строй изменяется и в том случае, когда окажется, что противоположные части государства, например богатые и простой народ, уравниются в количестве, а средних граждан не будет вовсе или их будет совсем незначительное число» (Аристотель. Политика. V. 3, 7).

Обратим особое внимание на слова Аристотеля о том, что малочисленность или отсутствие средних граждан приводят к конфликтам, ставящим под угрозу существующий государственный строй.

---

¹ Изменения в обществе, приведенные выше со ссылками на археологические и эпиграфические источники, принадлежат В. И. Кадееву. После выхода его работ выводы, по большей части, повторяются всеми авторами, обращающимися к этому вопросу позднее, будучи дополняемыми новыми свидетельствами или же логическими рассуждениями. Системный анализ социума Херсонеса в первых веках н. э., после В. И. Кадеева, в сущности, отсутствует.

Эволюция исполнительной власти в первые века н. э.

В начале I в. до н. э., после походов Диофанта, Херсонес утратил не только большую часть своих земельных угодий, но и автономию. В городе был размещен понтийский гарнизон. Его содержание ложилось на плечи граждан, усиливая бедственное положение. В новых экономических и политических условиях вызревал иной вид государственности, происходило изменение системы управления; все с большей силой проявлялось вмешательство Рима во взаимоотношения государств Северного Причерноморья. Республика, затем Империя диктовала условия заключения союзных отношений Херсонеса с Боспорским царством. Дарование Херсонесу элевтерии — показатель нового качества «демократии» и «автономии» полиса. В римский период исчезают некоторые магистратуры, изменяются функции, значение и иерархия традиционных органов управления, появляются коллегии, ранее не известные.

На общей характеристике ситуации и на проблеме изменения государственности в Херсонесе первых веков н. э. внимание останавливали многие исследователи. Наиболее системно данные аспекты представлены В. И. Кадеевым¹. На основании эпиграфических памятников он фиксиру-

---

¹ Раздел о государственности Херсонеса в римский период в коллективной монографии написан А. А. Владимировым (см.: Владимиров А. А., Журавлев Д. В., Зубарь В. М. и др. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. С. 266—272). К сожалению, он является не лучшим повторением отдельных наблюдений В. И. Кадеева (Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках...; более ранняя работа: О государственном устройстве Херсонеса в первых столетиях н. э. // Украинский исторический журнал. 1971. № 9. С. 23—31, на укр. яз.). «Воссоздавая» структуру исполнительной власти Херсонеса в римский период А. А. Владимиров не счел возможным ни должным образом отметить значимость работ В. И. Кадеева, ни вступить с ним в дискуссию в случае несогласия с выводами, о которых он подчас «забывает». Только один пример. На с. 269 А. А. Владимиров утверждает: «При анализе херсонесских декретов эпонимные функции не отмечались». А как быть в таком случае со значительным числом работ, посвященных эпониму-базилею, «базилиссе Деве», в том числе принадлежащих В. И. Кадееву? Исследования В. И. Кадеева не заслужили большего внимания в сравнении с монографией Э. Миннза, о наблюдениях которого А. А. Владимиров напоминает читателям. В книге

ет характерные для Херсонеса римского времени органы исполнительной власти, пытаясь выявить численность продолжавших существовать выборных коллегияльных магистратур и круг их дел. Последуем в воссоздании взаимоотношений «народа и власти» вслед за В. И. Кадеевым, останавливая внимание на наиболее спорных вопросах¹.

Совет. Как и эллинистический период, в декретах первых веков традиционна формула: «Так постановил Совет и Народ», назван и секретарь Совета², удостоверяющий своей печатью документ, а далее в некоторых из них упоминаются имена высших магистратов: первый архонт, номофилаки, продик и несколько лиц без указания магистратуры.

К близкому времени (уникальный случай в эпиграфике Херсонеса) относятся несколько памятников: две надписи, датированные 129/130 г. н. э. и 130/131 г. н. э., кроме того декрет, принятый в 20-е гг., около 140 г. и два постановления Народного собрания, появившиеся «немного позднее», как отмечала Э. И. Соломоник³. К сожалению, за исключением одной псефизмы, дарующей оставшемуся неизвестным лицу «права гражданства проксении», от остальных декретов сохранились только подписи «приложивших печать». Но как раз они и дали чрезвычайно интересный материал для суждений о роли отдельных семей в управлении делами херсонесской общины, номенклатуре органов исполнительной власти, вызвали расхождение мнений исследователей относительно их значимости.

английского исследователя, изданной в начале XX в., акцент сделан на обще-исторической ситуации в Северном Причерноморье, специальное внимание к государственности Херсонеса отсутствует. Следует также учитывать и то, что за целый век получен новый материал, который не мог не уточнить отдельные положения, высказанные фактически сто лет тому назад.

¹ Обобщением многолетних штудий стали: Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках...; Он же. Херсонес Таврический: Быт и культура...; см. также: Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья...

² Вслед за Л. А. Пальцевой (см.: Пальцева Л. А. О должностных лицах... С. 175–181), В. М. Зубарь отмечает, что роль секретаря совета в конце тысячелетия возросла (Зубарь В. М. Государственное устройство. С. 296).

³ Соломоник Э. И. НЭПХ. II. № 111–113. С. 17–41.

Публикация первых находок фрагментов памятников с именами лиц, «подписавших» документ, была предпринята В. В. Латышевым, считавшим, что Совет являлся первой инстанцией для проектов решений, так как имел протобулеватическое функции¹.

Сравнительный анализ нескольких документов, в которых приведены лица без указания магистратур, стало основанием для тезиса о том, что в управлении города большую роль начали играть бывшие магистраты и «именитые граждане»². А. И. Тюменев, солидаризируясь с В. В. Латышевым, писал, что среди лиц без указания магистратур следует видеть бывших магистратов и знатных граждан, замещавших магистратуры в прошедшем году³.

В 1958 г. фрагмент надписи, относящейся к 130/131 г., был обнаружен во время раскопок Уральского университета. Представляя находку научной общественности, Е. Г. Суров повторил наблюдения о возникновении правила утверждать постановления Народного собрания магистратами и знатными лицами полиса⁴.

Донекоторой степени публикация Е. Г. Сулова спровоцировала обсуждение вопроса об эволюции государственности Херсонеса в римское время. Активными участниками дискуссии стали Э. И. Соломоник и В. И. Кадеев, мнения которых в интерпретации деталей имеют отличия⁵.

Итак, что же показало сравнение подписей под документами.

---

¹ Латышев В. В. Эпиграфические данные о государственном устройстве... С. 48, 49. Вывод повторен в более поздних работах, о чем уже говорилось.

² Латышев В. В. ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 327.

³ Тюменев А. И. В. В. Латышев и история Херсонеса // СА. 1958. Т. 28. С. 24; также см.: Гайдукевич В. Ф. История античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. Т. 1.

⁴ Суров Е. Г. Новая херсонесская надпись // ВДИ. 1960. № 3. С. 154–158.

⁵ Кадеев В. И. К вопросу о составе херсонесского совета (Н ΒΟΥΛΗ) в первых веках н. э. // ВДИ. 1971. № 3. С. 127–130. Определение состава Совета отражено: Сапрыкин С. Ю. Херсонесская буле (1995). С. 75–82; также см.: Пальцева Л. А. О должностных лицах херсонесского Совета... С. 176–180.

1. Для римского времени характерна традиция удостоверять законность постановления не только номофилаками — хранителями законов, но и печатями других магистратов, которые присутствовали на заседаниях Совета. Всего в двух декретах приведено 24 имени¹, из них 12 без указания магистратуры².

2. Вполне вероятно, что эти 12 человек являлись представителями от каждой из фил.

---

¹ Е. Г. Суров насчитывал 23 представителя. Поправки в подсчеты в последующем внесены другими исследователями. Например, С. Ю. Сапрыгин отметил, что Е. Г. Суров не учел жреца богини Девы: Сапрыкин С. Ю. Херсонесская буле (1995). С. 76.

² Останавливаясь на составе Совета, В. И. Кадеев полагает, что «подписи» принадлежат 12 членам Совета, не имевшим магистратур, за исключением секретаря, — это представители фил (Кадеев В. И. К вопросу о составе... С. 128, 129). Заключение основано на сопоставлении с ситуацией в Гераклее, с чем согласен С. Ю. Сапрыкин (см.: Сапрыкин С. Ю. Херсонесская буле (1995). С. 75), который подчеркивает значимость в Херсонесе, как и в метрополии, гекатостий, полагая, что в Совет входили бывшие магистраты, среди которых он выделил 5 архонтов, продик, жрец, 3 номофилака, а также секретаря. Лица, скреплявшие постановление, распределены в три ряда (Там же. С. 76–77). Далее, в отличие от предшественников С. Ю. Сапрыкин считает, что в рассматриваемое время имела место политическая уступка олигархии демосу, политические позиции которого были сильны в сотнях в противовес родовым филам. Во II в. магистратуры занимали только представители знати: отсутствие же магистратуры у некоторых лиц, подписавших декрет — свидетельство, что они происходили из демоса. Компромиссны и выводы: государственный строй либо демократический, либо олигархический с элементами демократии. Далее исследователь отмечает: в конце 20-х–30-х гг. II в. усиливается аристократизация, о чем свидетельствует сосредоточение основных магистратур в руках немногих семей, имевших римское гражданство. Но сила демократии проявилась в том, что избирались магистраты из гекатостий. В конце 30-х–40-х гг. II в. повышается влияние демоса в гекатостиях, происходит расширение гражданских прав, уравнивается влияние знати в филлах. Влияние знати «дополнялось активностью демократии в сотнях, не позволяя сползти к крайней олигархии». Окончательный вывод исследователя: для Херсонеса характерна умеренно-олигархическая система (Там же. С. 80).

3. Подписи на двух декретах, принятых один за другим, показывают, что в Херсонесе переизбирались не все члены Совета: из 12 шесть упоминаются в обоих документах¹.

4. Сравнение имен без указания магистратуры и магистратов, исполнявших свои обязанности в предшествующий год, привело к выводу, что бывшие члены Совета избирались в различные органы исполнительной власти, и, наоборот, бывших магистратов «включали» в состав Совета.

5. Памятники свидетельствуют о большой роли представителей семьи Флавиев: Т. Флавий Агеполис, сын Флавия Аристана, член Совета 129/130 г., стал в следующем году первым архонтом; а Демокрит, сын Боиска, и Понтик, сын Гилара — члены Совета — избраны в следующем году архонтом и номофилаком². Кроме того, среди магистратов появились римские вольноотпущенники.

6. Декреты первых веков начинаются словами: «Проедры херсонесцев, что в Таврике». Проедрами являлись поочередно члены Совета. Отныне к ним, председательствовавшим на заседаниях Совета и руководивших работой Народного собрания, перешло право выносить декреты для утверждения на Народном собрании. Уменьшается значение номофилаков, ранее обладавших законодательной инициативой.

Коллегия архонтов, известная по единичным декретам эллинистического времени, в надписях первых веков упоминается чаще. Она, возглавляемая первым архонтом, обладала высшей гражданской и военной властью, согласно мнению В. И. Кадеева. (Легионеры, размещенные в Херсонесе находились под командованием собственных командиров). В коллeгию архонтов избирали 6 человек — по 3 от каждой филы. Новым стало появление первого архонта³. Не противоречит такому

---

¹ Это отличает правила более раннего времени: гражданин не мог избираться на следующий год на ту же магистратуру. Исключения, насколько можно судить по сообщениям древних авторов, были редкими. Одним из их являлось многолетнее непрерывное исполнение Периклом функций стратега.

² Дарование прав римского гражданства, по мнению М. И. Ростовцева, начинается с 70-х гг. I в. (Ростовцев М. И. К истории Херсонеса.... С. 5—16).

³ Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках... С. 73. В отношении коллегии архонтов В. И. Кадеев уточняет: она не заменила стратегов, а приобрела новые функции, поскольку коллегия стратегов была ликвидирована с введением протектората Понтийской державы при Митридате VI Евпаторе.

заклучению и вывод Э. И. Соломоник: обязанностью первого архонта, кроме выполнения обязанностей председателя, стало руководство херсонесским ополчением. Он первым удостоверял и подлинность принятого на Народном собрании постановления. Некоторые из граждан Херсонеса неоднократно — подряд несколько лет — избирались на эту магистратуру. Среди них, особенно для II в. н. э., встречаются имена тех, кто обладал двойным гражданством¹.

Новой магистратурой стал *продик*. В отношении функций магистрата у историков Херсонеса не существует единого мнения². Продики присутствовали на заседаниях Совета, их имена стоят среди тех, кто удостоверял подлинность документа. В. В. Латышев полагал, что тем самым продик удостоверял законность постановления, являясь своеобразным посредником между проэдрами, вносившими проект декрета, и номофилаками. К этой точке зрения отчасти склоняется В. И. Кадеев. В качестве косвенного аргумента он привел материалы других полисов. Например, в одной из надписей Смирены говорится о городском адвокате — продике. Некоторые из первых архонтов Херсонеса начинали свою политическую карьеру с магистратуры продика, возможно, одной из самых низших в иерархии исполнительных органов. При перечислении магистратур упоминаемого в нескольких декретах Аристона, сына Аттины, они приведены в следующем порядке: продик, номофилак, дамиург, неоднократно казначей и посол на Боспор и в Рим. В надписях 129/130 г. и 130/131 г. названы два брата Метродор и Боиск, отцом которых был Диоскурид³.

Агораномы. В первые века н. э. Херсонес стал крупным торговым центром. Сбор арендной платы с лавок, портовых пошлин с ввозимых

---

¹ Соломоник Э. И. (НЭПХ. II. С. 30), отсылая читателя к работе Р. А. Новиковой (Новикова Р. А. Эпиграфические данные о стратегах...), полагала, что избрание архонтов происходило путем хейротонии (гипотезу материалы Херсонеса не подтверждают).

² В Спартанском полисе продиком назывался опекун малолетнего царя. Как правило, им становился один из ближайших родственников. Происхождение термина от слова «защитник», может свидетельствовать, что, магистрат, избираемый на один год, имел какие-то юридические полномочия — таково мнение В. И. Кадеева.

³ Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках... С. 76—77.

товаров и судов не могло не привести к сосредоточению в руках контролеров рынка значительных средств. Об этом свидетельствует упоминание одного из агораномов, который после окончания магистратуры пожертвовал на строительство храма Афродиты 3 тыс. динариев, как сказано в декрете «из оставшихся сумм». Тех, что оказались, вероятно, не использованными для поддержания порядка на городских рынках. Наиболее часто упоминаемый в исследованиях по истории Херсонеса Феоген, сын Диогена, агораном, «устроил» на собственные средства рыбный рынок¹. Значение магистратуры обуславливало и то, что в некоторых случаях агораномы способствовали поступлению хлеба (зерна) в город. Обычно эту функцию исполняли ситоны².

В первые десятилетия II в. до н. э., как показало изучение амфорной тары, прекратилось клеймение керамической продукции, что было замечено многими исследователями³. Это послужило основанием для замечания об исчезновении магистратуры астинома и переходе ее функций к агораномам⁴.

Значительных финансовых затрат требовало исполнение магистратуры *гимнасиарха*, иногда являвшейся почетной литургией (скорее всего, именно литургией), хорошо известной по эллинистическому времени и сохранившейся в первые века.

---

¹ Соломоник Э. И. НЭПХ. II. № 129. С. 107–111. В другой надписи (205 г., по датировке Э. И. Соломоник) сообщается о каких-то строительных работах на агоре (НЭПХ. I. № 26. С. 71–73).

² Как уже отмечалось, функции агораномов более раннего времени у исследователей не вызывают разночтений. Подробно освещающий этот сюжет В. И. Кадеев останавливается параллельно на вопросе государственных финансов, которые контролировались Советом, казначеем и специальными магистратами. Складывались они из литургий и даров граждан, таможенных и портовых сборов, налогов на ксенов (Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках... С. 79–81).

³ Например, см.: Кац В. И. Уточненный список имен магистратов... С. 127–146; Он же. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов. 1994.

⁴ Зубарь В. М. Государственное устройство. С. 304; также см.: Борисова В. В. К вопросу об астиномах Херсонеса // ВДИ. 1955. № 2. С. 143–148.

Таможенные сборы, дары граждан и ксенов, штрафы и конфискации имущества составляли государственные доходы, общий контроль за которыми осуществлял Совет, но имелись и специально избираемые для заведования средствами Херсонеса казначеи. В случае постановления Народного собрания они выдавали определенные суммы для того или иного мероприятия. Но по-прежнему значительную часть расходов на строительство (терм, рынков, оборонительных стен), на организацию посольств несли состоятельные граждане, для которых это являлось почетной литургией. Пожертвования и литургии характерны не только для состоятельных херсонеситов, но и ксенов; например, гераклеот Маркиан, сын Гая внес дар для приобретения колонн на строительство храма.

Анализ эпиграфических памятников, сравнение имен лиц, «подписавших» документы, позволяет отметить изменения, которые стали явственными в первые века н. э.

1. Носителями власти становится узкий круг лиц, связанных между собой родственными узами. Многие из них последовательно занимали магистратуры, начиная с низшей и достигнув магистратуры первого архонта, в последующем избираясь в Совет, что сохраняло их роль в осуществлении исполнительной и законодательной власти. (Предложенная В. И. Кадеевым иерархия исполнительной власти выглядит следующим образом: Совет, коллегия архонтов, номофилаки, продик, дамиурги, агораномы и экстраординарная магистратура эпимелета).

2. Большую роль в управлении делами общины приобретают граждане, имевшие двойное гражданство. В числе магистратов появляются выходцы из семей римских вольноотпущенников, избираемых на высшие магистратуры и исполнявшие функции жрецов храма Девы. Они входили и в Совет, как некий Луций Антонин Руф.

3. Уменьшается значение отдельных магистратур, существовавших ранее, а некоторые из них исчезают вовсе. Нет данных о сохранении астиномов, симмнамонов. (Однако отсутствие данных не следует однозначно воспринимать, что магистратуры были ликвидированы.)

4. Утрачивает свое былое значение Народное собрание. Херсонесская демократия постепенно трансформируется в олигархическую республику (одно из мнений). Почетное право любого гражданина, если он имел финансовые возможности для этого, — стать представителем исполнительной власти — начинает принадлежать городской верхушке.

Аристотель писал по этому поводу: «Занимать должности мы ведь считаем почетным правом, а если должностными лицами будут одни и те же, то остальные окажутся лишенными этой чести» (Политика. III. 6, 3).

Отсутствие равенства, дифференциация общества не могли не привести к появлению демагогов и вызвать социальные конфликты. Это одна из причин еще большего сплочения узкого круга лиц, стремящихся сохранить и свою собственность, и значимость в делах общины. И еще раз обратимся к свидетельствам Аристотеля по поводу конфликтов в полисах: «В демократиях перевороты чаще всего вызываются необузданностью демагогов, которые, с одной стороны, путем ложных доносов по частным делом на состоятельных людей заставляют этих последних сплотиться (ведь общий страх объединяет и злейших врагов), а, с другой стороны, натравливают на них народную массу» (Политика. V. 4, 1). Ибо «люди вступают в распри не только вследствие имущественного неравенства, но вследствие неравенства в получаемых почестях» (II. 4, 7). (Вспомним в этой связи о борьбе с тираном в Херсонесе).

Рим и Херсонес: к вопросу о статусе и инкорпорации

Обобщая точки зрения по некоторым вопросам историографии Северного Причерноморья в позднеантичный период исследователь из Белгорода, Н. Н. Болгов упрекнул создателей херсонесских штудий, что они не осветили реального статуса города, его инкорпорацию (*incorporatio*, включение в свой состав, присоединение) и интеграцию (*integratio*, восполнять, восстанавливать, объединять) в Римскую империю¹.

В данном случае автор прав только отчасти: термины, которые используются для характеристики взаимоотношений Рима и Херсонеса, действительно, иные: «Херсонес, оказавшийся в сфере влияния Римской империи и находясь под *защитой* ее армии и флота...»; «Херсонес, как центр римской *оккупации* Северного Причерномо-

---

¹ Болгов Н. Н. Проблемы истории, историографии, палеографии Северного Причерноморья IV–VI вв. Белгород, 2002 (Зубарев В. Г. (рец.) // ВДИ. 2003. № 4. С. 210–212).

рья, представляет особый интерес и в смысле своего статуса»¹. «Со времени получения элевтерии Херсонес находился в *зависимости* от Римской империи на положении «*свободного*» города»². Относительно более позднего времени говорится: «Херсонес утратил «свободу» и превратился в римский провинциальный город. Связано это было с реформами Диоклетиана»³.

После работ середины 50-х гг. XX в., в которых широко использовался термин «оккупация»⁴, помимо отдельных статей, посвященных римским находкам региона, было опубликовано несколько монографий. Примером являются исследования В. И. Кадеева, на которые при воссоздании картины государственности Херсонеса, пришлось неоднократно ссылаться. Как напоминание: можно привести несколько книг В. М. Зубаря и коллективную монографию о Херсонесе I в. до н. э. — VI в. н. э.⁵

---

¹ Кадеев В. И. Херсонес Таврический: Быт и культура. С. 3.

² Там же. С. 16.

³ Там же.

⁴ Например, см.: Репников Н. И. О характере римской оккупации Южного берега Крыма // СА. 1941. Т. 7. С. 121—128; Дьяков В. Н. Таврика в эпоху римской оккупации // Учен. зап. Москов. ун-та. 1942. Т. 28. Вып. 1. С. 3—92 и др.. Термина «оккупация» присутствует и в монографиях конца XX в.: «Главной задачей настоящей работы является исследование внутренней истории Херсонеса Таврического, ...а также политического статуса в условиях римской оккупации Таврики»; «Проблема статуса Херсонеса в условиях римской зависимости и военной оккупации» (Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках... С. 5, 9). Но при этом В. И. Кадеев отмечает, что его предшественники преувеличивали значимость римской оккупации (Там же. С. 22).

⁵ Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху: Киев, 1993; Он же. Херсонес Таврический и Римская империя. Киев, 1994; Он же. Херсонес Таврический: Основные этапы развития в античную эпоху. Киев, 1997; Он же. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. Киев, 2004; Он же. Таврика и Римская империя: Римские войска и укрепления в Таврике. Киев, 2004; Владимиров А. А., Журавлев Д. В., Зубарь В. М. и др. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э.: Очерки истории и культуры. Харьков, 2004. Следует отметить, что в монографиях 2004 г. аргументация и выводы, принадлежащие В. М. Зубарю, в сравнении с более ранними, фактически неизменны. Только иначе расставлены акценты. Это понятно: за не-

Высшей формой интеграции той или иной территории в структуру Римского государства являлась превращение ее в провинцию.

После разделения провинций в 27 г. до н. э. на сенаторские и императорские, вновь завоеванные земли получали статус императорских провинций. Эдикт Каракаллы (196–217, император с 211 г.) в 212 г., превратил все свободное население империи в граждан, обязанных платить налоги. До начала II в. «процесс инкорпорации» касался только отдельных лиц. Становясь римскими гражданами, они обладали совокупностью политических и иных прав и обязанностей в соответствии с существующими законами. Как таковые некоторые бывшие провинциалы входили в состав сената.

Характерно, что на основании анализа эпиграфических источников все исследователи, даже имеющие отличия во мнениях относительно отдельных аспектов римского периода истории Херсонеса, пришли к единому выводу: во II в. количество граждан, получивших римское гражданство в Херсонесе увеличивается (процесс «инкорпорации» затронул Херсонес). В. И. Кадеев рассматривает это как подготовку к изменению статуса Херсонеса: включению его в состав провинции Мезия (о чем свидетельствует, по его мнению, и установка статуи наместнику данной провинции)¹.

Римское вмешательство в дела городов Северного Причерноморья, защита империей безопасности собственных границ посредством размещения в Таврике войск проанализированы В. И. Кадеевым². Более подробно на перипетиях военной истории региона и присутствии римлян в Херсонесе, как и составе легионеров, остановился В. М. Зубарь.

сколько месяцев, отделяющих издание работ, новых источников не появилось. В данном случае хотелось бы отметить методику обсуждения гипотез — путь от отдельной статьи или популярной работы — к обобщающему монографическому изложению проблем. Безусловно, подобная публикация идей весьма интересна и ценна: она позволяет учесть критику оппонентов и в то же время познакомить не специалистов с новыми веяниями в исторической науке.

¹ Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках... С. 23.

² Кроме монографических исследований можно назвать также отдельные статьи: Кадеев В. И. Херсонес, Боспор и Рим... С. 55–76; Он же. Проблема римского влияния... С. 54–55.

Далее, об «интеграции» Херсонеса в торговлю Средиземноморско-Черноморского бассейна имеется ряд статей¹, коллективная монография В. И. Кадеева и С. Б. Сорочана, в которой обобщены находки, об этом свидетельствующие², и исследования С. Б. Сорочана³.

---

¹ Обзор см.: Кадеев В. И. Экономика античного Херсонеса в советской историографии // Учен. зап. Харьков. ун-та. 1961. Т. 117: Труды ист. фак-та. Т. 8. С. 19–33 (на укр. яз.); Кадеев В. И., Латышева В. А., Мещеряков В. Ф., Сергеев И. П. Древняя история и античная археологии в Харьковском университете (1805–1980) // Вестник Харьков. ун-та. 1991. С. 50–69. Позднее сюжеты о торговле представлены: Кадеев В. И. Торговля Херсонеса Таврического в I–IV вв. н. э. Харьков, 1969; Он же. Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I–IV вв. н. э. Харьков, 1970; Он же. О торговле Херсонеса с населением Юго-Западного Крыма в I–IV вв. н. э. // Вестник Харьков. ун-та: Питання іст. народів СРСР. 1970. Вып. 9. С. 151–155 (на укр. яз.); Он же. О торговле Херсонеса в Средиземноморье в I–IV вв. н. э. // Вестник Харьков. ун-та. 1970. № 45: Историческая серия. Вып. 4. С. 62–68 (на укр. яз.).

² Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Экономические связи античных городов...; также см.: Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Северное Причерноморье и Южный Понт: Проблема контактов // Археологія. 1989. № 4. С. 91–102 (на укр. яз.); Они же. Херсонес и Южный Понт: Проблемы контактов // Археологія. 1989. № 4. С. 91–102 (на укр. яз.).

³ Об этом см. исследования С. Б. Сорочана: Импортные светильники как отражение торговых связей Херсонеса с Западным Средиземноморьем в I–III вв. н. э. // Вестник Харьков. ун-та. 1978. № 167: История. Вып. 10. С. 43–49 (на укр. яз.); Внешняя торговля Херсонеса Таврического в I в. до н. э. // Вестник Харьков. ун-та. 1980. № 201. С. 72–78 (на укр. яз.); О торговле Херсонеса с населением Таврики в I в. до н. э. — V в. н. э. // Проблемы античной истории и классической филологии: Тез. докл. Харьков, 1980. С. 61–62; О торговых связях Херсонеса в IV–V вв. н.э. // Археологические исследования на Украине. 1978–1979. Киев, 1980; О внутренней торговле Херсонеса в I в. до н. э. — V в. н. э. // Вестник Харьков. ун-та. 1981. № 214. С. 95–101; О сирийско-палестинском импорте первых веков н. э. в Херсонесе // Актуальные проблемы археологических исследований на Украине: Тез. докл. республиканской конференции. Киев, 1981. С. 88–89; Экономические связи Херсонеса Таврического с западом в I в. до н. э. — V в. н. э. // Археологія. 1985. Вып. 50. С. 9–18 (на укр. яз.); Экономические связи Херсонеса Таврического с Балканами, I в. до н. э. — VI в. н. э. // Народно-демократические революции и развитие

Но властям Рима более выгодным оказалось не «интегрировать» политически и юридически Херсонес, а иметь его в качестве центра, наделенного элевтерией¹. Как аргумент, что Херсонес не стал имперским городом, В. И. Кадеев приводит отсутствие культа императора, который характерен для провинциального населения. Однако он допускает почитание культа императора отдельными лицами, прежде всего legionерами². О восхвалении императоров херсонеситами имеются надписи, правда, единичные.

славянских стран по пути социализма: 10-я Всесоюзная научная конференция историков-славистов: Тез. докл. Харьков, 1985. С. 156–157; Экономические связи Херсонеса Таврического с Боспором в I в. до н. э. — V в. н. э. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и Средневековья: Материалы III Боспорских чтений. Керчь, 2002. С. 223–225.

¹ Все же магистратуры замещались собственными гражданами, более того, самоуправства legionеров херсонеситы не терпели, о чем свидетельствует переписка с наместником Мезии и самим императором, но об этом позднее.

² Кадеев В. И. О культе римских императоров в античных государствах Северного Причерноморья // Проблемы історії та археології давнього населення Української РСР. Київ, 1989. С. 88; Он же. К вопросу о культе римских императоров в Херсонесе // Вестник Харьк. ун-та. 1992. № 362: История. Вып. 25. С. 86–90. Правда, если использовать этот аргумент как доказательство, то Э. И. Соломоник, признавая наличие культа Августов, являлась сторонницей тезиса включения Херсонеса в систему римских провинций. На основании трудно читаемой надписи (НЭПХ. I. С. 39, 190) она выдвинула предположение, что культ императоров в конце II в. был «учрежден также в Херсонесе, находившегося под сильным влиянием Рима». Основанием послужил термин «архиреус» — верховный жрец — применительно к одному из херсонеситов (сыну Папия); этот термин обозначал лиц, связанных «с обожествлением и культом императора» (НЭПХ. I. № 13. С. 36–41). О существовании культа римских императоров в Херсонесе писал Г. Д. Белов (Херсонес Таврический. С. 119). Специальную статью этому вопросу посвятил В. М. Зубарь (Зубарь В. М. Культ римских императоров в Северном Причерноморье // СА. 1995. № 1. С. 58–60). В. Ф. Мещеряков склонен был считать, что появление архирея — первосвященника императорского культа упразднило магистратуру базилея-эпонима (тезис высказан в диссертации: Мещеряков В. Ф. Религия и культы Херсонеса Таврического в I–IV вв. н. э. Харьков, 1980. Л. 52). Возражая оппонентам, В. И. Кадеев приводит традиционные формулы обозначения культа Августов и подчеркивает, что упомянутый в надписи «сын Папия» не имел римского гражданства, как требовало положение жреца данного культа (Кадеев В. И. Херсонес Таврический: Быт и культура. С. 152–155).

Наконец, можно привести и специальное исследование о статусе Херсонеса в первые века н. э., также принадлежащее В. И. Кадееву¹.

Таким образом, даже краткий обзор исследований второй половины XX в. — начала 21 столетия противоречит замечанию о не разработанности темы «инкорпорации» или «интеграции» Херсонеса в ту систему, которая развивалась в регионе, начиная с середины I в. до н. э. Но вот термины, о которых идут речь, оказались не использованными.

Для того, чтобы ввести отсутствующую терминологию, попробуем сформулировать тезис, характеризующий процессы, показанные на обширном круге источников различными авторами.

«В силу исторического развития, в целом, внешнеполитической обстановки, в частности, пример Херсонеса показывает вариабельность исходного момента процесса «интеграции», который в силу локальной специфики, при проявлении общих закономерностей, остался не завершенным».

Для показа «локальных особенностей» остановим внимание еще на нескольких документах из каменного архива Херсонеса, к содержанию которых неоднократно обращались исследователи. Это шесть документов, касающихся нарушения легионерами правил сбора прости-туционного налога: письмо наместника Нижней Мезии к магистратам Херсонеса; послание херсонеситов к наместнику провинции; ответ на него; письма из Мезии к трибуну легиона, возглавлявшему херсонесскую вексилляцию, и к центуриону вексилляции, и еще одно — к ним обоим².

Подробное содержание надписей и их интерпретация были даны М. И. Ростовцевым³. Используются документы и В. И. Кадеевым для

---

¹ Кадеев В. И. Статус Херсонеса Таврического во время римской оккупации, II—III вв. н. э. // 15 Confer. Internationale d'études classiques des Pays socialistes «Eirene», Nessebar 2-6 Octobre. 1978: Resumes des Communications. Sofia, 1978. S. 34—35.

² Такого членения документов придерживалась, вслед за В. В. Латышевым, Э. И. Соломоник (см.: Соломоник Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. С. 25).

³ Ростовцев М. И. Дело о взимании протиституционной подати в Херсонесе // ИАК. 1916. Вып. 60. С. 63—69.

доказательства наличия императорских рескриптов о правилах взимания налогов, которые должны были покрывать содержание солдат гарнизона. Злоупотребления легионеров: присвоение большей части средств, чем предписывалось, и самостоятельный сбор налога ими — привели к жалобе властей города¹.

Обратим внимание на некоторые детали.

Предписывалось не увеличивать размера налога «уже ранее принятого и утвержденного, в ущерб нашему авторитету, ...не пытаться вводить какие-либо новшества, которые могут обеспокоить граждан; [не] совершать вопреки дисциплине или с нарушением прав или обидою местных жителей; позаботиться о том, чтобы копия этого решения ... была выставлена возле (пропуск), где она могла бы правильно читаться с ровного места».

При всей относительности элевтерии и контроле со стороны империи обстановки в регионе — документы блестяще свидетельствуют о правилах, соблюдать которые обязаны обе стороны: и более сильная, и более слабая. Римским легионерам при выполнении задач защиты Херсонеса (и тем самым обеспечению безопасности и своего государства), не следовало нарушать существующие традиции и законы.

Переписка о правилах взимания проституционной подати позволяет говорить о самосознании херсонеситов: они имели смелость обратиться к самому императору, а затем к наместнику, который курировал войска в Таврике, а не терпеть самоуправство². Вместе с тем это и показатель особенностей государств той эпохи: какие бы изменения не происходили, руководствоваться следовало законом, равным для всех.

Другая надпись, также освещающая взаимоотношения херсонеситов и римских властей, возвращает к вопросу формирования

---

¹ Кадеев В. И. Херсонес Таврический: Быт и культура. С. 17.

² Макаров И. А. Документальное досье о налоге на проституцию из Херсонеса Таврического (К интерпретации IOSPE I². 404) // ВДИ. 2003. № 4. С. 123—136. В правление Адриана или Антонина был введен налог в определенных кварталах, в которых солдаты собирали средства в качестве платы за защиту города. Или увеличение ее, или нарушение «территории», или то и другое в совокупности вызвали жалобу херсонеситов, — к такому мнению пришел исследователь.

Совета. Казалось бы, что после доказательств, приводимых всеми исследователями на основании эпиграфических памятников, введенных в научный оборот к концу XX в., вопрос о замещении членов Совета путем избрания решен. Но в самом конце столетия во время раскопок в цитадели был обнаружен декрет в честь римского прокуратора Тита Аврелия Кальпурниана Аполлониды¹. Публикация вызвала дискуссию о формировании органов власти в Херсонесе².

Одни из исследователей сочли миссию Кальпурниана Аполлониды дипломатической (В. П. Яйленко), другие — это поручение непосредственно императора, связанное с сопровождением войска, поскольку местного гарнизона в этот период для отражения опасности не хватало (Ю. Г. Виноградов)³. Но вне зависимости от характера миссии, ее успех привел к награде, одной из составляющих которой стало то, что высшие магистраты Херсонеса — проэдры, как и члены Совета — даровали Кальпурниану Аполлонида титул булевта, что рассматривается, как признак не избрания, а кооптации, рекрутирования в Совет. В числе заслуг упомянуты: выделение субсидий, строительство, бесплатные раздачи и угощение, в которых принимала участие и супруга Кальпурниана.

Обнаружение новых источников, безусловно, способствует уточнению или изменению прежних выводов. Однако отказываться от того,

---

¹ Антонова И. А., Яйленко В. П. Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманнские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н. э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлониды // ВДИ. 1995. № 4. С. 58—86.

² Виноградов Ю. Г. Новое документальное досье императорской эпохи из Херсонеса: О превратностях судеб херсонеситов и их лапидарного архива // ВДИ. 1996. № 1. С. 48—60; Свенцицкая И. С. Еще раз о новом херсонесском декрете // ВДИ. 1996. № 3; Смышляев А. Л. Карьера, миссия и статус Т. Аврелия Кальпурниана Аполлониды // ВДИ. 1996. № 3. С. 141—147; Яйленко В. П. К дискуссии о херсонесском декрете в честь Т. Аврелия Кальпурниана Аполлониды (II) // Закон и обычай гостеприимства в античном мире: Докл. конф. М., 1996. С. 154—176; Он же. К дискуссии о херсонесском декрете в честь Т. Аврелия Кальпурниана Аполлониды (I) // ВДИ. 2000. № 1. С. 118—135.

³ Виноградов Ю. Г. Новое документальное досье... С. 58.

что создано предшественниками, используя подчас «цепочку предположений» (не противоречащих логике) для утверждения нового мнения вряд ли допустимо.

Что же еще следует отметить относительно не разработанности вопроса об «интеграции Херсонеса»?

Херсонесский полис, как показано в трудах целой плеяды его историков, с самого начала своего существования был «интегрирован» в систему торговых связей региона. При этом степень и масштабы его «представительства» зависели от уровня развития экономики. В свою очередь это влияло и на авторитет государства в международных отношениях. Сокращение хоры, внешнеполитические проблемы вызвали к жизни новые формы связей с другими государствами, привели к ориентации на Рим.

Изменения имущественного статуса граждан в свою очередь отразились и на развитии системы управления, ее аристократизации (олигархизации) и появлении новых функций у традиционно существовавших магистратов.

Выдающийся афинский оратор Демосфен как-то сказал своим согражданам, что Вы делаете нас такими, какими хотите видеть. Изменение структуры социума, мировоззрения граждан Херсонеса не могло не отразиться на структуре связи «народ и власть». Но во все периоды своей истории Херсонесская община стремилась к сохранению монолитности перед лицом варваров (здесь интеграция была не возможна). Эллины в Северном Причерноморье являлись господствующим «меньшинством, резко обособленным от туземного населения самого полиса и окружающей его хоры»¹.

Некоторые из вопросов, касающихся истории Херсонеса рубежа тысячелетий и первых веков н. э., на первый взгляд, решены. Но дискуссии не могут не продолжаться, ибо появляются новые памятники, приводящие иногда к разрушению, казалось бы стройной логики и доказанности концепции.

---

¹ Андреев Ю. В. Греки и варвары в Северном Причерноморье (Основные методологические и теоретические аспекты проблемы межэтнических контактов) // ВДИ. 1996. № 1. С. 12.

Вероятно, в новом столетии последует уточнение римско-херсонесских отношений¹, как и к выявлению особенностей структуры государственности² и стратификации общины Херсонеса, вопросов топографии города.

Не смотря на логичность неоднократно изложенной гипотезы, остается дискуссионным вопрос о месте размещения гражданского населения, прибывшего в Херсонес вместе с легионерами³. Отсутствуют, за небольшим исключением, конкретные данные о местоположении общественных комплексов.

Обращение к уже имеющимся материалам некрополя, как и изучение не раскопанных участков его территории, не могут не спо-

---

¹ Начало обсуждения положено гипотезой о том, что присутствие римлян в Херсонесе относится к рубежу I–II вв., а не ко времени похода Плавтия Сильвана (см.: Костромичев Д. А., Масыкин В. В. К проблеме начального этапа римского военного присутствия в Крыму // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы: Материалы V Боспорских чтений. Керчь, 2004. С. 196–197. Своеобразным, но опережающим ответом на это стала публикация: Зубарь В. М. Еще раз о походе легата Мезии Тиберия Плавтия Сильвана в Таврику I // Исседон: Альманах по древней истории и культуре. Екатеринбург, 2003. Т. 2. С. 155–170.

² Обратим внимание ряд статей, в той или иной степени касающихся данного аспекта; см.: Владимиров А. А. К вопросу о структуре государственного управления... Он же. Особенности элитаризации Совета в Ольвии и Херсонесе в римский период // Україна—Греція: Історична спадщина та перспективи співробітництва. Мариуполь, 1999; Он же. Об особенностях развития системы органов законодательной власти в государствах Северо-Западного Причерноморья в первые века н. э. // Проблемы истории и археологии Украины: Тез. докл. Харьков, 1999 (на укр. яз.); Он же. Административная реформа в Херсонесе Таврическом...; Он же. Институт синедрионов и в Ольвии и проэдров в Херсонесе Таврическом в римский период // Археологія. 2000. № 3.

³ Зубарь В. М. Еще раз по поводу местоположения «канабы» римского гарнизона Херсонеса // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и Средневековья: Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001. С. 47–50.

способствовать уточнению этнической и социальной картины Херсонеса, получению источников для обсуждения дискуссионной проблемы о времени христианизации горожан. Но это уже вопрос, относящийся к следующему этапу (IV — середина VI в.) истории Херсонеса.

В качестве итогового замечания в целом к разделу «Народ и власть» следует заметить, что благодаря поискам многих поколений исследователей некоторые страницы истории государственности Херсонеса выяснены, установлены основные этапы ее эволюции, причины появления новых государственных органов в связи с внешнеполитической обстановкой в Таврике и социальными коллизиями в рамках гражданского коллектива. Вполне логичным и основанным на комплексном анализе источников является положение о том, что прибытие второй волны переселенцев¹ и отсутствие у них равенства в правовой сфере с основателями полиса не могло не вызвать противоречий. Усиление внешнеполитической опасности, утрата земельных владений в Северо-Западной Таврике, связанное с этим увеличение населения в центре государства — в городе Херсонесе и его окрестностях — стало причиной конституционных изменений. Начиная с рубежа II—I вв. до н. э. все большую роль в общегражданских делах начинают играть наиболее состоятельные граждане, что, согласно тезису В. М. Зубаря, усилило элитаризацию государственного строя Херсонеса, тенденция к которой имела место со времени его основания².

---

¹ Попытка уточнить время их прибытия на основании анализа событийной истории Гераклеи Понтийской предпринята В. М. Зубарем в коллективной монографии 2005 г. Им же поставлен вопрос о наличии такого института эллинистического времени, как наемничество. Он полагает, что участвовать в освоении земель в Северо-Западном Крыму в качестве дополнительной военной силы могли наемники (Зубарь В. М. Херсонес и Северо-Западная Таврика во второй трети III — первой половине II в. до н. э. С. 219).

² Зубарь В. М. Государственное устройство Херсонеса... С. 352; Он же. Государственное устройство // Зубарь В. М., Буйских А. В., Кравченко Э. А. и др. Херсонес Таврический в третьей четверти VI — середине I в. до н. э. (глава 6).

Анализ эпиграфических памятников не позволил в полной мере выявить функции исполнительных магистратур и основные тенденции их развития. Остались многочисленные лакуны, которые «заполнить» может только обнаружение новых страниц из «каменной летописи полиса»¹.

---

¹ Характерно, что соотношение страниц, посвященных вопросам государственности Херсонесского полиса, в монографии по истории и культуре классического и эллинистического периодов значительно уступает другим разделам — косвенное свидетельство исчерпанности источников на сегодняшний день по истории государственности римского периода.

Очерк 8. КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ХЕРСОНЕСА¹

*Обломок фриза, брошенный во рву,
Увы! Красноречивей Цицерона.*

Д. Г. Байрон

Изученность и периодизация искусства Херсонеса. Ордерная архитектура и сакральные центры города. Новации римского периода. Импортные скульптурные памятники. Изделия скульпторов-коропластов Херсонеса. Надгробные памятники как произведения искусства. Надгробные памятники римского времени. Уникальная работа мозаичиста эллинистической эпохи. Художественная керамика. Херсонесские ювелиры. Мастерство монетариев, мастеров по кости. Общие наблюдения.

Херсонес был основан в период, когда в материковых центрах Греции и Малоазийского побережья уже сложились эстетические представления, сформировались принципы и характерные для искусства эллинов черты. Вместе с переселенцами они были перенесены на новую почву, оказав влияние на развитие местной художественной школы. Культовые статуи и дарственные статуэтки богов в храмах и домашних святилищах, архитектурные и скульптурные украшения общественных зданий и алтарей, надгробные монументы появились в Херсонесе со времени его основания. Безусловно, наряду с изделиями скульпторов-херсонеситов

---

¹ Очерк написан научным сотрудником Национального заповедника «Херсонес Таврический» А. В. Шевченко. Автор упоминает памятники, которые позволяют составить представление о развитии местной художественной школы, и излагает только отдельные дискуссионные вопросы относительно интерпретации изделий херсонесских мастеров.

имелись произведения искусства, которые были привезены из-за моря. Некоторые из них послужили образцами для произведений местных мастеров. При этом привносилось нечто, характерное для данного до-рического центра. Именно поэтому при изучении искусства Херсонеса следует учитывать проявление общих закономерностей в его развитии и преломление общеэллинских традиций и эстетических принципов в произведениях местной художественной школы.

Изученность и периодизация искусства Херсонеса

В письменных источниках отсутствуют данные, которые позволили бы представить особенности проявления художественных вкусов и пристрастий херсонеситов. Но возможность воссоздать их содержится в археологических находках. Дошедшие до наших дней руины свидетельствуют о некогда величественном античном городе с мощными оборонительными стенами, театром, площадями, на которых возвышались храмы и стояли статуи богов и героев. Даже скупое перечисление памятников архитектуры, открытых в Херсонесе, позволяет судить, насколько уникальным являлся этот Северо-Причерноморский центр благодаря сочетанию различных и весьма представительных сооружений античной эпохи.

Первый же сезон раскопок К. К. Косцюшки-Валюжинича (1888–1889) ознаменовался открытием «мастерской короπλαста», в которой были обнаружены терракотовые статуэтки и украшения для культовых сосудов, а также глиняные формы для их изготовления. Через несколько лет материалы раскопок были опубликованы сотрудником Императорского Эрмитажа В. К. Мальмбергом¹, и на долгое время работа являлась единственной, на основании которой создавалось представление об искусстве херсонеситов². Безусловно, отдельным на-

---

¹ Мальмберг В. К. Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 гг. // МАР. 1892. Вып. 7. С. 1–23.

² Следующим обращением к произведениям местных коропластов стал доклад на конференции 1927 г.: Деревицкий А. Н. Херсонесские коропласты // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе. Севастополь, 1927. С. 36–39.

ходкам эллинистического и римского времени, обнаруженным во время раскопок на городище и округе, посвящались специальные публикации, в которых рассматривались архитектурные памятники и рельефы¹, надгробия, остатки росписей, некогда украшавших общественные здания, терракотовые² и ювелирные изделия, художественная керамика³. Упоминались находки и памятники Херсонеса в обобщающих работах, посвященных в целом Северо-Причерноморскому региону⁴. Но до середины XX в. вряд можно говорить о пристальном внимании к искусству данного полиса. Только в последней четверти столетия опубликована первая обобщающая работа, посвященная памятникам

---

¹ Белов Г. Д. Рельеф с вакхической группой из Херсонеса // КСОАМ. 1962 (1964). С. 153–158; Он же. Новая херсонесская мозаика // ВДИ. 1938. № 3. С. 238–242; Он же. Эллинистическая мозаика // МИА. 1953. № 34. С. 279–295; Домбровский О. И. Об одном из декоративных рельефов херсонесского античного театра // Археология Крыма. Симферополь, 1997. Т. I. С. 35–42.

² Латышева В. А. Терракота из раскопок поселения херсонесской хоры Маслины // Древности: ХИАЕ. 1994. С. 127–140; Сорокина Н. П. Архитектурная терракота Херсонеса // СХМ. 1961. Вып. 2. С. 3–13; Щеглов А. Н. Терракота из эллинистической сельской усадьбы в округе Прекрасной Гавани (у бухты Ветреной) // САИ. 1970. Вып. Г 1–11. С. 66; Он же. Терракотовая статуэтка из поселения Глубокая Пристань // Там же. С. 56.

³ Белов Г. Д. Краснофигурный кратер из Херсонеса // Труды Отдела истории искусства и культуры античного мира (Государственный Эрмитаж). 1945. Т. I. С. 141–145.

⁴ Белов Г. Д. Скульптура из Херсонеса в собрании Эрмитажа // СГЭ. 1969. Вып. 30. С. 57–58; Он же. Мраморная статуэтка Эрота из Херсонеса // ЗОАО. 1967. Т. 2 (35). С. 269–271; Борисова В. В. Эллинистические архитектурные детали // СХМ. 1960. Вып. 1. С. 5–9; Она же. Каменя с изображением сатира и менады // СА. 1960. № 1. С. 272–274; Она же. Мраморный рельеф // Херсонес Таврический: Ремесло и культура. Киев, 1974. С. 14–19; Она же. Бронзовая статуэтка коня из Херсонеса // СА. 1977. № 2. С. 232–235; Гилевич А. М. Бронзовый медальон из Ассоса // СХМ. 1963. Вып. 3. С. 15–19; Максимова М. И., Наливкина М. А. Скульптура // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. Т. I. С. 297–324; Соколов Г. И. Античное Причерноморье: Альбом. Л., 1973.

скульптуры — каталог «Античная скульптура Херсонеса»¹, которому предшествовала серия статей о находках из раскопок северного и других районов городища².

Появление следующего обобщающего исследования относится к концу XX в. Это монография Г. Н. Соколова, посвященная сравнительному анализу искусства двух центров: основанной ионийцами Ольвии и города с дорическими традициями — Херсонеса³. Г. Н. Соколов предложил следующие периоды развития художественного стиля, характерного для Херсонеса.

1. Классический период (конец V — IV в. до н. э.) — время, когда херсонеситы придерживались канонов и традиций, характерных и для других дорических центров.

2. Проявление новых явлений в эпоху эллинизма (III в. до н. э. — начало I в. н. э.), когда, согласно концепции Г. Н. Соколова, в памятниках Херсонеса отразилось влияние культуры восточного соседа — Боспорского царства, а позднее Рима, что было обусловлено политическими связями и в целом изменением внешнеполитической обстановки в регионе.

3. Постепенное исчезновение в искусстве города черт, присущих ему как дорическому центру. Это время римского влияния (I—IV вв. н. э.).

Среди памятников художественного наследия Херсонеса одно из ведущих мест принадлежит произведениям скульпторов и архитекторов, изделия которых в первую очередь привлекали внимание исследователей, так как позволяли воссоздать внешний облик города,

---

¹ Иванова А. П., Чубова А. П., Колесникова Л. Г., Щеглов А. Н., Бабинов Ю. А. Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976; Пятышева Н. В. Мраморная статуэтка Гигии из Херсонеса // ВДИ. 1971. № 2. С. 71—77.

² Белов Г. Д. Херсонесские саркофаги // Культура античного мира. М., 1966. С. 24—28; Он же. Бронзовые статуэтки из Херсонеса // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 23—30; Он же. Скульптура из Херсонеса в собрании Эрмитажа // СГЭ. 1969. Вып. 30. С. 57—58.

³ Соколов Г. И. Ольвия и Херсонес: Ионическое и дорическое искусство. М., 1999.

стилистические особенности его храмов и выявить проявление общих тенденций, характерных для архитектуры эллинов в целом¹.

Ордерная архитектура; сакральные центры города

Для древнегреческой архитектуры характерно наличие трех стилей — дорического, ионического и коринфского. Ордерная система, прошедшая долгий путь развития от первых деревянных сакральных сооружений, особенно ярко проявилась в храмах позднеархаического и классического периодов.

В топографии Херсонеса и облике его архитектурных памятников, безусловно, нашли отражение принципы, в целом характерные для искусства эллинов. Монументальная архитектура города развивалась в русле общеэллинских традиций. К числу наиболее значимых сооружений относились храмы. Но несмотря на значительное количество обнаруженных во время раскопок в Херсонесе архитектурных деталей храмов и других общественных сооружений, памятники монументальной архитектуры города являются наименее изученными². В течение длительного времени работа с обширной коллекцией находок сводилась в основном к их описанию, в конечном итоге анализ материалов привел к воссозданию облика сакральных сооружений. Первые графические реконструкции двух храмов были выполнены в 70-е гг. XX в. И. Р. Пи-

---

¹ В данной связи закономерным является выделение специальных разделов «Градостроительство и архитектура (глава 7) и «Культура и памятники изобразительного искусства» (глава 9) в коллективной монографии; см.: Зубарь В. М., Буйских А. В., Кравченко Э. А., Марченко Л. В., Русяева А. С. Херсонес Таврический в третьей четверти VI — середине I в. до н. э.: Очерки истории и культуры. Киев, 2005. Это первое системное обобщение памятников культуры Херсонеса. Но многие из них, хранящиеся в фондах Херсонесского заповедника, остались по-прежнему не введенными в научный оборот. Именно поэтому с полным основанием можно говорить о том, что «открытия», касающиеся одной из интереснейших сторон жизни херсонеситов, еще предстоят.

² Буйских А. В., Золотарев М. И. Теменос античного Херсонеса. Опыт архитектурной реконструкции // ВДИ. 1994. № 3. С. 78.

чикяном¹. Однако локализовать и «вписать» в общую архитектуру города тот или иной вид ордерных сакральных построек исследователям долгое время не удавалось².

Новое обращение к изучению северо-восточного района Херсонеса, где в 1908—1914 гг. проводил раскопки Р. Х. Лепер, позволило выявить фундаменты сооружений, возведенных в начале III в. до н. э. Этот район Херсонеса давно привлекал внимание исследователей — именно здесь главная городская улица заканчивалась площадью, вымощенной известняковыми плитами. На ней впервые для Херсонеса «удалось обнаружить «строительные следы», позволяющие судить о расположении античных храмов»³. Предполагается, что в восточной части площади располагался главный храм полиса, для которого характерными являлись, скорее всего, черты дорического стиля⁴. Анализ архитектурных деталей показал, что местные архитекторы следовали принципам дорического ордера не только при возведении обществен-

---

¹ Пичикян И. Р. Алтарь Пасиادا в Херсонесе // СА. 1976. № 3. С. 248—255; Он же. Храм ионийского ордера в Херсонесе: Попытка реконструкции // История и культура античного мира. М., 1977. С. 169—176; Он же. Малая Азия — Северное Причерноморье: Античные традиции и влияния. М., 1984. С. 197—218, 251—256. После раскопок украинско-польской экспедиции в Балаклаве стало возможным «восстановить» облик еще одного храма римского периода. Первая реконструкция здания принадлежит Т. Сарновски. Наиболее полная публикация материалов раскопок: Сарновски Т., Савеля О. Я. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 2000. Некоторые замечания о памятнике приведены: Крыжицкий С. Д., Зубарь В. М. К вопросу о реконструкции храма Юпитера Долихена на территории современной Балаклавы // Археологія. 2000. № 1. С. 119—130 (на укр. яз.).

² О возможном расположении сакральных центров уже говорилось выше. Обнаружение фундаментов одного из храмов, расположенных на северо-восточном теменосе, принадлежит М. И. Золотареву и А. В. Буйских (см.: Буйских А. В., Золотарев М. И. Градостроительный план Херсонеса Таврического // ВДИ. 2001. № 1. С. 111—132).

³ Буйских А. В., Золотарев М. И. Теменос... С. 79, 83.

⁴ Там же. С. 88.

ных зданий, но и богатых жилых домов¹. Для дорической архитектуры Херсонеса характерно композиционное и пластическое искусство, что свидетельствует о высоком уровне культуры и художественным таланте камнерезов. Богатство и разнообразие архитектурных деталей позволяет ставить вопрос о существовании местной архитектурной школы². Примечательно, что в ходе раскопок северо-восточного района городища встречено более двух десятков архитектурных деталей дорического и ионического ордеров и среди них редкая находка — фрагмент дверного наличника, который мог принадлежать одному из главных храмов полиса³. О том, какому божеству (Афине или Деве⁴, или же Афродите⁵)

---

¹ В течение длительного времени один из таких комплексов условно именовался монетным двором. А. В. Буйских пишет о некорректности интерпретации постройки, доказывая, что она являлась жилым комплексом (площадь домов наиболее состоятельных херсонеситов достигала 600 м²), но об условности такого обозначения говорилось и ранее. Другое значительных размеров здание общественного характера расположено в портовом районе — так называемые казармы, относящиеся не римскому времени, как полагал К. К. Косцюшко-Валюжинич, а к периоду эллинизма. В пользу тезиса об общественном использовании его свидетельствует расположение — у оборонительных стен города (см.: Буйских А. В. Градостроительство и архитектура // Зубарь В. М., Буйских А. В., Кравченко Э. А., Марченко Л. В., Русяева А. С. Херсонес Таврический в третьей четверти VI — середине I в. до н. э.: Очерки истории и культуры. Киев, 2005. С. 324). Отмеченный приоритет в комплексном освещении градостроительных традиций Херсонеса, представленный в монографии, никоим образом не умаляет предшествующих исследований, в числе которых прежде всего следует назвать: Крыжицкий С. Д. О принципах классификации античных кладок Северного Причерноморья // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 35–41; Он же. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья, VI в. до н. э. — IV в. н. э. Киев, 1982; Он же. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993.

² Буйских А. В. Некоторые проблемы изучения дорического ордера Херсонеса // ХСб. 1996. Вып. 7. С. 58.

³ Буйских А. В., Золотарев М. И. Теменос... С. 88.

⁴ Там же.

⁵ Федоров Б. Н. К вопросу о реконструкции северо-восточной площади Херсонеса Таврического // КСИА. 1985. Вып. 182. С. 10.

он был посвящен, историки архитектуры к единому мнению не пришли. Храм располагался в восточной части площади. Западнее его, возможно, находился еще один, меньших размеров, ионического ордера.

Ионические капители из раскопок Херсонеса отличаются разнообразием, что отражает развитие архитектурных принципов, происходивших в эллинистическую эпоху. Ближайшие аналогии памятникам можно видеть среди сооружений таких малоазийских центров, как Приена, Милет и особенно Пергам (алтарь Зевса, первая половина III в. до н. э.). Но мотивы декоративных росписей по-прежнему традиционны: овы, киматий и растительные элементы.

Для архитектурных деталей III в. до н. э. прослеживается сочетание двух ордеров — дорического и ионического, что являлось характерной чертой малоазийской архитектуры. Воздействие ионического ордера на дорический было не очень существенным и фиксируется не ранее III в. до н. э.¹

Как и в других античных центрах, Херсонес украшали скульптурные изображения почитаемых жителями богов. В частности, неподалеку от храмов на северо-востоке была установлена величественная статуя богини Афины Сотейры. От памятника сохранился только мраморный постамент с надписью-посвящением богине. В этой части города, вполне вероятно, был возведен монументальный алтарь и, возможно, небольшая вотивная колонна с посвящением богине Деве.

Сосредоточение и топография сакральных сооружений на северо-восточной площади города, которой завершается главная улица, позволяют полагать, что она была «задумана» как «единая ансамблевая композиция»² и являлась в эллинистическую эпоху священным участком — теменосом. Возникновение ее авторы данного тезиса (М. И. Золотарев и А. В. Буйских) относят к концу IV — началу III в. до н. э.³

Архитектор и реставратор Е. Н. Жеребцов на основании находок архитектурных деталей со следами раскраски полагает, что другой сакральный центр существовал в юго-восточной части города. Здесь

---

¹ Буйских А. В. Некоторые проблемы... С. 58.

² Федоров Б. Н. К вопросу о реконструкции... С. 10.

³ Буйских А. В., Золотарев М. И. Теменос... С. 100.

во время исследования башни XVII и территории римской цитадели обнаружены многочисленные известняковые архитектурные детали от построек ионического ордера. На этом основании и был сделан вывод, что теменос в юго-восточной части Херсонеса являлся «редким для своего времени типом святилища, для которого характерен целостный авторский замысел», и, судя по находкам, постройки отличал «высокий профессионализм зодчих при превосходном качестве строительных работ»¹. Однако топография местности — наиболее низкая часть городской территории — противоречит выводу, а находки архитектурных деталей позволяют судить о наличии постройки в любом районе Херсонеса. Е. Н. Жеребцов считает также, что еще один значительный сакральный комплекс мог находиться в районе театра². Но раскопками не выявлено остатков сооружений, принадлежащих храмам³. Столь же гипотетично предположение о расположении общественных зданий на главной площади. Если они и имелись здесь, судить об этом не представляется возможным, так как интенсивная строительная деятельность — возведение нескольких христианских храмов в византийское время — уничтожила более ранние сооружения.

Однако отсутствие археологических свидетельств не стало препятствием для некоторых архитекторов полагать, что в центральной части Херсонеса находился акрополь, на котором, вероятнее всего, был установлен мраморный прямоугольный алтарь с надписью-посвящением Деве-Спасительнице. На основании сохранившихся архитектурных деталей строительство его датируется концом IV — началом III в. до н. э. Алтарь украшали пять характерных для эпохи эллинизма рельефных

---

¹ Жеребцов Е. Н. Архитектурный облик херсонесского святилища ранне-эллинистического времени // МАИЭТ. 2005. Вып. 11. С. 12.

² Жеребцов Е. Н. Архитектурный облик... С. 9, 12.

³ К западу от театра К. К. Косцюшко-Валюжинич открыл комплекс, о котором можно судить только на основании плана, прилагаемого к отчету; далее — на более высокой части участка расположено водохранилище, изучаемое в настоящее время сотрудниками Херсонесского заповедника Л. В. Седиковой. Ни одна из построек не напоминает остатков храма. Правда, во время раскопок «театрального участка» были встречены посвятельные надписи и алтарь.

изображений букраниев и соединяющие их гирлянды — таким представлялся этот участок городской территории архитектору И. Р. Пичи-кяну¹. В основу гипотезы положены слова декрета в честь понтийского полководца Диофанта, где сказано о величественном алтаре Девы, стоящем перед храмом на акрополе. О храме Девы и ее статуе на акрополе упоминал и географ I в. н. э. Страбон. Но ни в одном из письменных источников нет упоминаний о местоположении акрополя.

Характерной чертой топографии Херсонеса, начиная с эпохи эллинизма, стала гипподамова система с прямоугольной сеткой уличных магистралей и равновеликими квадратами. В этот период возникает и театр. Как и в остальных центрах Эллады, он был возведен на склоне холма и вмещал не более 1000 зрителей². Часть скамей театра была вырублена в скале, но при отделке кресел первых рядов (прокедрия) использован мрамор³. Естественной «декорацией» херсонесского театра

---

¹ Пичилян И. Р. Алтарь Пасида... С. 252, 255. В. М. Зубарь, присоединяясь к гипотезе И. Р. Пичиляна и М. И. Золотарева, все же заметил, что можно только предполагать о расположении на главной площади теменоса, как и таких зданий, как булевтерий и дикостерий (Зубарь В. М. Формирование территориального государства в Западной Таврике и Херсонес во второй половине IV — первой трети III в. до н. э. // Херсонес Таврический в третьей четверти VI — середине I в. до н. э. Киев, 2005. С. 125). В защиту гипотезы, как правило, приводятся данные о наибольшем количестве находок эпиграфических памятников именно в районе главной площади. Ее размеры 65,5 x 173 м.

² Мнения о размерах театра представлены выше в связи с определением возможной численности гражданского коллектива Херсонеса.

³ Об использовании мраморных деталей позволяет судить находка подлокотника кресла. О раскопках театра см. работы О. И. Домбровского: Раскопки античного театра в Херсонесе // Археология. 1957. Т. 10. С. 94—101; Античный театр в Херсонесе (раскопки 1954—1958 гг.) // СХМ. 1960. Вып. 1. С. 29—36; Раскопки античного театра в Херсонесе в 1970—1971 гг. // Тез. докл. 15-й Национальной конф. Ин-та археологии АН УССР. Одесса, 1972. С. 240—242; Стратиграфические наблюдения на участке раскопок античного театра в Херсонесе: Тез. докл. // НОСА. Киев, 1975. Ч. 2. С. 74—75; Работы на участке херсонесского театра в 1991—1994 гг. // АИК. 1997. С. 37—88.

являлась Карантинная бухта и невысокие склоны противоположного городу берега¹.

Непрерывное существование Херсонеса на одном и том же месте в течение почти 2-х тыс. лет привело к уничтожению большей части сооружений античной эпохи. Поэтому судить о планировке, оформлении домов херсонеситов можно только на основании немногочисленных находок и остатков нескольких частных построек. Они свидетельствуют об использовании ордерных принципов при строительстве домов и позволяют полагать, что жилища состоятельных херсонеситов имели два этажа, а в убранстве использовались детали ионического и дорического ордеров; внутренние стены помещений расписывались после нанесения штукатурки. Типологии домов херсонеситов на основании материалов раскопок Г. Д. Белова посвящены небольшие разделы в обобщающих работах по архитектуре городов Северного Причерноморья. Первое наиболее полное описание их принадлежит С. Д. Крыжицкому. Новое обращение к гражданской архитектуре связано с реализацией проекта Института археологии Украины — созданием серии монографий, посвященных истории и культуре Херсонеса. Некоторые наблюдения были опубликованы автором главы по градостроительству А. В. Буйских в отдельных статьях².

Архитекторы IV в. до н. э., отчасти III в. до н. э., еще не знали такого приема, как облицовки стен и перекрытий зданий декоративными плитами («навесными» архитектурными деталями). Использование декоративных плит стало применяться позднее. Архитектурные детали,

---

¹ На основании данных аэрофотосъемки было высказано предположение о том, что в Херсонесе имелся еще один театр, обозначенный как Северный (об этом см.: Романчук А. И., Филиппов В. А. Результаты применения разведочной аэрофотосъемки западной части Херсонеса Таврического в 2005 г.: Научный доклад. Севастополь; Тюмень; Екатеринбург, 2005. С. 16–22). Приведенные свидетельства о возможных размерах, предполагаемая «реконструкция» не противоречат гипотезе, но «вердикт» могут вынести только раскопки.

² Буйских А. В. Жилые дома на северном берегу Херсонеса // ХСб. 1999. Вып. 10. С. 23–30; Она же. К вопросу о количестве этажей в жилых домах Херсонеса // VII Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и Средневековья. Керчь, 2006. С. 25–28.

как правило, изготавливались на месте из известняка и предназначались для конкретных зданий¹.

При работе, как с мрамором, так и известняком, использовались единые технические приемы. Продукцию камнетесов отличает высокий художественный уровень². Сохранившиеся фрагменты свидетельствуют, что сооружения конца IV — III в. до н. э. имели хороший декор³. Капители с плоскими завитками волют и базы ионического ордера, карнизы с вырезанными овами, декоративные водостоки придавали постройкам живописный вид. Широко использовались при отделке зданий терракотовые украшения — волюты и акротерии⁴, фигурные и с растительным узором антефиксы. Во время раскопок обнаружены части глиняных форм для их изготовления.

Зрительный эффект усиливался раскраской архитектурных деталей и рельефов. Роспись производилась без применения шаблона, и ее качество свидетельствует об искусстве и уверенной руке художников. Правда, палитра красок невелика: синий, красный, черный, желтый, изредка зеленый цвета⁵.

Памятники монументальной архитектуры определяли лицо городов античного времени⁶ и были тесно связаны с различными сторонами жиз-

---

¹ Домбровский О. И., Паршина Е. А. Архитектурные детали античного Херсонеса // СХМ. 1961. Вып. 2. С. 83.

² Безусловно, наряду с жилищами, украшенными росписью, существовали и более скромные дома, как непосредственно в Херсонесе, так и на территории округа (например, см.: Щеглов А. Н. Жилой дом эллинистического Калос Лимена: Опыт реконструкции // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 232—238; Кутайсов В. А. Дом с андроном из раскопок Керкинитиды // СА. 1985. № 3. С. 178—189; Он же. Эллинистический дом Керкинитиды: Археологические раскопки в Евпатории, Крым. обл. // СА. 1987. № 1. С. 169—182).

³ Соколов Г. И. Ольвия и Херсонес... С. 365.

⁴ Соколов Г. И. Ольвия и Херсонес... С. 355.

⁵ Чубова А. П. Новейшие открытия советских археологов // Тез. конф. Киев, 1975. С. 79.

⁶ Пичикян И. Р. К методике реконструкций античных ордерных фасадов по архитектурным фрагментам // КСИА. 1978. Вып. 152. С. 81.

ни граждан, с их традициями и особенностями быта. Этим объясняется как целесообразность типов зданий, так и четкость композиционных приемов. Общепризнанным является мнение, что «никакая другая архитектура не осмыслила столь глубоко связь целого и его отдельных элементов, как греческая архитектура, разработавшая систему ордеров, их сочетание, их членение и пропорции»¹. Мастера античной эпохи доводили обработку и прорисовки всех деталей рисунка на камне «до высочайшей степени совершенства и отточенности»².

Новации римского периода

Достижения эллинов в области архитектуры были восприняты зодчими и строителями Рима, которые, в свою очередь, расширили композиционные приемы, ввели новые строительные материалы и конструкции. В архитектуре первых веков н. э. прослеживается приверженность к эллинским традициям, что выразилось в следовании древнегреческой ордерной системе со всеми ее элементами и деталями. К известным уже трем ордерам римляне добавили еще один — композит, в капители которого соединились черты ионического (волюта) и коринфского (листья аканта) ордеров. В декоре зданий римской эпохи, по сравнению с эллинистическим временем, увеличилось использование мрамора³.

В применении декоративно-пластических средств римские мастера в основном следовали достижениям древнегреческих зодчих. Орнаменты генетически связаны с предшествующим временем, однако их отличает более высокий рельеф овалов и пальметт, более резкие светотеневые контрасты⁴. В Херсонесе первых двух веков н. э. римско-ионийские капители из мрамора еще сохранили отпечаток эллинистической традиции, но постепенно ионийский ордер был вытеснен более нарядным и живописным коринфским, одновременно появился и композит.

---

¹ Михайлов Б. П. Архитектура Древней Греции // ВИА. 1958. Т. 1. С. 176.

² Бартенев И. А., Батажкова В. Н. Очерки истории... С. 25.

³ Пичилян И. Р. Античная ордерная архитектура... С. 106.

⁴ Там же. С. 100.

В местных камнерезных мастерских начали изготавливать известняковые капители, колонны, части кессонированных плафонов (в монументальных сооружениях Рима плиты — кессоны украшали своды).

Среди архитектурных деталей этого времени интерес представляет фрагмент известняковой плиты — кессона, орнаментированной квадратами с розеткой в центре. Эта редкая находка свидетельствует о наличии в городе в первые века н. э. монументальных построек и об изготовлении для них декоративных деталей местными мастерами. Дошли до нашего времени и известняковые капители преимущественно коринфского ордера, украшавшие здания первых веков н. э. Мастера, высекавшие в хрупком местном известняке сложные формы коринфских капителей, искусно справлялись с задачей. Листья аканфа и завитки волют по углам композитных капителей пластически совершенны¹. Мраморные детали для наружной и внутренней отделки зданий привозили из Мезии, Фракии, но основная их часть поступала из малоазийских центров.

Экономический потенциал Херсонеса I—II вв. н. э. позволял возводить новые общественные сооружения и храмы. В это время был построен храм Афродиты. Судя по сохранившимся деталям, он имел черты ионического ордера, высота его по фасаду составляла около 9,3 м. На фрагментах мраморных колонн сохранились надписи — имена дарителей, пожертвовавших суммы на их изготовление и установку. Эти надписи представляют уникальную калькуляцию стоимости ордерных деталей. Общая сумма, затраченная на строительство, по самым минимальным подсчетам, могла составлять не менее 5000 динариев².

На основании находок рельефов, монет и надписей можно полагать о существовании в первые века н. э. и других храмов: богини Девы, божества Херсонас, Асклепия, Диониса. К сожалению, судить о местоположении их в настоящее время не представляется возможным.

Среди находок Херсонеса первых веков н. э. следует обратить внимание на многочисленные алтари. Историки архитектуры отмечают: «Если в греческом Херсонесе преобладали жертвенники общественного назначения, объединявшие все городское население, то теперь

---

¹ Соколов Г. И. Ольвия и Херсонес... С. 433.

² Пичикян И. Р. О методике реконструкций... С. 80, 103.

появились алтари корпораций, ремесленных и других общин, а также индивидуальные»¹.

Обычная форма такого алтаря — четырехугольный столб с надписью-посвящением; основание и верх алтаря профилированы, на верхней площадке сделано углубление (жертвенное место).

Во II в. н. э. в Херсонесе расширяется городское строительство, увеличивается число богатых частных домов, в интерьере которых используют привозные мраморные детали. К их числу относятся небольшие плоские пилястровые капители коринфского и композитного ордеров, гладкие или украшенные рельефным орнаментом облицовочные плитки, мелкие карнизы, плафоны и т. д. Подобные находки свидетельствуют о том, что «интерьеры некоторых частных жилищ Херсонеса отличались относительной роскошью, подражавшей довольно заурядному великолепию дворцов и вилл крупных провинциальных городов Римской империи»².

В позднеантичный период, как отмечал И. Р. Пичикян, «очевидное римское влияние, ремесленнический подход, связанный с массовым стандартизованным производством, в конечном счете, приводит к вырождению ордерных форм»³. В Херсонесе это прослеживается на архитектурных деталях некоторых общественных построек III—IV вв. Для зданий характерна скудная, малохудожественная и даже небрежная отделка. Искусство, по мнению автора раскопок театра О. И. Домбровского, «варваризировалось, грубело и принимало все более ремесленный характер»⁴. В целом архитектура Херсонеса первых веков н. э. постепенно приобретала провинциальный характер, как отметили авторы коллективной монографии о культуре Херсонеса римского времени⁵.

---

¹ Соколов Г. И. Ольвия и Херсонес. С. 428.

² Домбровский О. И., Паршина Е. А. Архитектурные детали... С. 88.

³ Пичикян И. Р. Античная ордерная архитектура... С. 106.

⁴ Домбровский О. И., Паршина Е. А. Архитектурные детали... С. 89.

⁵ Владимиров А. А., Журавлев Д. В., Зубарь В. М. и др. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. ... С. 300.

Импортные скульптурные памятники

Общие тенденции развития искусства Эллады проявились и в скульптуре Херсонеса. Они представлены собственно скульптурой (преимущественно мраморной), терракотовыми статуэтками, плитами для облицовки алтарей, надгробиями¹.

Херсонесские скульптурные памятники относятся к классическому и эллинистическому периодам. В основном они изготовлены из мрамора и являются привозными. Во время раскопок на Херсонесском городище не обнаружено целых скульптур, но даже сохранившиеся фрагменты свидетельствуют о художественных достоинствах изделий, украшавших некогда храмы, площади и улицы города. К числу наиболее ранних по времени скульптурных изображений относится голова бородатого Диониса (находка 1890 г.). Она выполнена из мрамора и воспроизводит тип культовой скульптуры, разработанный мастером Алкаменом в третьей четверти V в. до н. э. Лицо построено анатомически правильно, глаза миндалевидные, с плотными веками; в трактовке волос и бороды сказывается стилизация под архаику (лоб обрамляют мелкие ровные завитки в три ряда; борода длинная, крупными завитками; усы опущены вниз). Волосы перехвачены узкой лентой. Памятник может быть датирован концом V в. до н. э.²

К этому же времени, возможно, относится найденная в центральной части Херсонесского городища сильно фрагментированная голова кариатиды с частью капители дорического стиля (мрамор). Это декоративная скульптура, украшавшая храм, типологически близкая знаменитым кариатидам афинского Эрехтейона. От изделия уцелело

---

¹ Значительная коллекция стел была получена во время исследования башни Зенона (см.: Стржелецкий С. Ф. XVII башня оборонительных стен Херсонеса: башня Зенона // СХМ. 1969. Вып. 4. С. 7–29; Даниленко В., Токарева Р. Башня Зенона. Симферополь, 1974; Даниленко В. Н. Опыт реконструкции Херсонесского надгробья // АДСВ. 1963. Вып. 2. С. 14–23; Стржелецкий С. Ф. Живопись и полихромные росписи монументальных надгробных сооружений IV–III вв. до н. э. // СХМ. 1969. Вып. 4. С. 77–89).

² Иванова А. П., Чубова А. П., Колесникова Л. Г. и др. Античная скульптура... С. 10.

сильно оббитое лицо девушки (лучшую сохранность имеет левая часть) с округлым, красивым овалом. Выше лба расположена широкая гладкая повязка, переходящая в узкую ленту; волосы мягкими волнистыми прядями спускаются на шею¹.

Внимания заслуживает фрагмент мраморной скульптуры, вероятно атлета — сохранилась только голова (раскопки 1926 г., юго-восточная часть городища). Асимметричное лицо, обрамленное схематически переданными мелкими короткими завитками, с небольшими пухлыми губами, глубокой складкой на лбу напоминает работы мастеров школы одного из известнейших скульпторов Эллады Скопаса. Херсонесская находка датируется IV—III вв. до н. э.²

Статуе Кибелы принадлежит голова (раскопки в 1903 г., центральный район городища). Лицо имеет правильный овал, волосы в виде мягких волнистых прядей разделены прямым пробором. Красивые глаза с чуть задумчивым взглядом придают лицу выражение «возвышенного благородства, смягченного доброжелательностью»³. На голове — традиционный низкий калаф. Статуя была выполнена греческим мастером конца V в. до н. э.⁴

Названные выше скульптурные памятники являются изделиями различных регионов древней Эллады, в основном малоазийских⁵. Но в эллинистическую эпоху в искусстве Херсонеса начал складываться местный стиль. Характерные черты его прослеживаются в миниатюрном бюсте бородатого мужчины с длинными волосами. Лицо широкое, высокий лоб перерезает горизонтальная складка. Брови почти прямые, глаза посажены

---

¹ Иванова А. П., Чубова А. П., Колесникова Л. Г. и др. Античная скульптура... № 116.

² Там же. С. 54.

³ Соколов Г. И. Ольвия и Херсонес... С. 308.

⁴ Иванова А. П., Чубова А. П., Колесникова Л. Г. и др. Античная скульптура... С. 26.

⁵ Статуарным памятникам Херсонеса посвящен ряд работ: Стржелецкий С. Ф. Рельефное изображение Геракла из Херсонеса // КСИИМК. 1939. Вып. 2. С. 36—37; Щеглов А. Н. Геракл в статуарной скульптуре Херсонеса // Проблемы археологии. 1994. Вып. 3. С. 136—148; Он же. Подвиги Геракла: По памятникам Херсонеса Таврического. Л., 1964.

глубоко (внутренний угол сильно углублен), ясно обозначены веки. Уши непропорционально малы и «поставлены» на виски, на уровне глаз. Нос прямой и короткий, губы пухлые, усы опущены книзу. Волосы зачесаны назад и спускаются на плечи и спину крутыми спиралевидными локонами, борода округлая, короткая, выполнена параллельными прядями. Возможно, это бородатый Дионис того типа, который известен в Херсонесе в классический период, продолжавший существовать и позднее.

Искусство первых веков н. э. в целом продолжало традиции эллинистического времени, но, как отмечают некоторые исследователи, «под усиливающимся влиянием Рима и Боспора в монументальном и прикладном искусстве Херсонеса наметились значительные изменения»¹. Местный художественный стиль складывался как результат взаимодействия искусства греков и римлян.

Изделия скульпторов-коропластов

Потребности в культовой пластике не могли быть удовлетворены только за счет дорогостоящих импортных мраморных скульптур, поэтому в полисе неминуемо должно было получить развитие изготовление культовой скульптуры. В окрестностях города отсутствовал мрамор, но имелись запасы глины. В силу пластичности и дешевизны она стала исходным материалом для местной скульптуры.

Среди других северо-причерноморских центров Херсонес известен наиболее значительной коллекцией крупных терракот. Мастерские коропластов изготавливали прежде всего изображения наиболее популярных в эллинистическом Херсонесе божеств: Деву, Геракла, Диониса с его свитой, Аполлона, Кибелу, Афродиту. Высота некоторых скульптур достигала 1,0 м. К сожалению, ни одна из них не дошла до нашего времени целой. Однако и сохранившиеся фрагменты позволяют получить представление о технических приемах мастеров и декоре изделий.

При выделке крупных скульптур применялась формовка (оттиск в форме) и лепка от руки. Части терракот склеивались, и готовое изделие непосредственно перед обжигом подвергалось доработке. В результате более четким становился рельеф складок одежды, «прорисовывались»

---

¹ Владимирова А. А., Журавлев Д. В., Зубарь В. М. и др. Херсонес Таврический в середине I в. ... С. 450.

глаза, волосы. Эта часть работы являлась наиболее ответственной, именно от нее зависело качество готовой скульптуры. В данной операции проявлялось мастерство скульптора-коропласта.

После обжига терракота покрывалась светлой обмазкой и раскрашивалась. На некоторых скульптурах сохранились следы красной, розовой, черной и белой красок; для украшения одежды использовалась позолота¹. Потребности населения в разнообразной и относительно недорогой (в сравнении с бронзой и мрамором) скульптуре культового назначения обусловили развитие и высокий уровень местной короластики. Расцвет ее относится к концу IV—III в. до н. э.

Херсонесская глиняная скульптура имеет аналогии среди изделий из мрамора, принадлежащих малоазийским центрам и аттическим мастерам. Но местным скульпторам был присущ свой подход, выразившийся в первую очередь в своеобразной передаче характерных для изображений божеств деталей. Работы скульпторов-коропластов отличаются индивидуальность, высокий профессионализм и одновременно художественный вкус².

К лучшим традициям классического искусства можно отнести фрагмент скульптуры Геракла, найденный во время раскопок сельской усадьбы на Маячном полуострове (1910)³. От нее сохранилась левая часть лица: четкая линия носа, широкие скулы подчеркнуты впалыми щеками. Особенно тщательно выполнены глаза, выделенные прорисованными линиями. Они зрительно углубляют глаз и придают ему объемность. Волосы, борода и усы уцелели незначительно, но видно, что они трактовались графически: мастер стремился сосредоточить внимание на чертах лица и, возможно, его выражении, поэтому детали не должны были отвлекать зрителя.

---

¹ Согласно мнению Т. Н. Книпович, раскраска отражает местные особенности произведений коропластов (см.: Книпович Т. И. Основные линии развития искусства городов Северного Причерноморья в античную эпоху // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. С. 169).

² Шевченко А. В. Терракоты античного Херсонеса // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. С. 9.

³ Печенкин Н. М. Археологические разведки в местности Страбоновского «старого» Херсонеса // ИАК. 1911. Вып. 42. С. 124. Рис. 24.

В 1903 г. при ломке камня около юго-восточной окраины Херсонеса случайно была найдена голова глиняной статуи, имевшей высоту около 0,80 м, изображавшей, как предположил автор раскопок, главную богиню херсонесского пантеона Деву¹. Необычна «прорисовка» удлинённой формы глаз, наружные углы которых опущены вниз. Дугообразная линия бровей подчеркивает глубину глаз, придавая им особую выразительность. Скулы не подчеркнуты, овал лица продолговатый, сужающийся книзу. Изогнутая линия красиво очерченных губ с опущенными вниз уголками и ямочка на подбородке придают строгому лицу богини слегка капризное выражение.

Исключительный интерес в стилистическом отношении представляет голова так называемого варвара (находка 1891 г.)². Она выполнена в необычном ракурсе — слегка (?) повернута влево и как бы запрокинута назад. На лбу — две длинные глубокие морщины (изломанные линии) и две вертикальные — на переносице. Брови рельефно выступают, глаза с резко подрезанными веками, глубоко посажены, на глазном яблоке подчеркнут зрачок и радужная оболочка. То, что глаза всегда остаются в тени, придает лицу особую выразительность, которая усилена приоткрытым в волнении ртом с видимым верхним рядом зубов, поднятыми надо лбом волосами и движением головы кверху. Скульптура из глины происходит из местных мастерских, работавших во второй половине III—II вв. до н. э. Необычный ракурс, морщины на лбу, прорисовка зрачков, приоткрытый в волнении рот берут начало в динамичных работах великого Скопаса.

Херсонесские скульпторы-коропласты, как свидетельствуют находки, были знакомы и с произведениям Лисиппа, который считается первым «портретистом» древности. Одним из основных мотивов его творчества являлся образ мифического героя Геракла. Трудно сказать, копировали ли мастера его работы, но то, что изображение стоящего Геракла «подсказано» лисипповским Гераклом «Фарнезе», неоспоримо³.

---

¹ Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 г. // ИАК. 1905. Вып. 16. Рис. 52.

² Иванова А. П. Голова варвара из Херсонеса // КСИИМК. 1947. № 15. Рис. 26—27.

³ Кобылина М. М. Голова Геракла из Херсонеса // Культура античного мира. М., 1966. С. 94. Рис. 1—2.

В северном районе Херсонесского городища была найдена голова бородатого Геракла, являющаяся прекрасным образцом местной коропластики; для нее следует отметить влияние школы Скопаса¹. Его творчество, возможно, подтолкнуло херсонесских мастеров к созданию оригинальных изображений Геракла, не имеющих аналогий в других центрах Северного Причерноморья. Это две терракотовые головы героя с львиным скальпом. В одном случае повторяется образ, созданный Скопасом (голова Геракла — фрагмент скульптурной композиции храма Афины Алеи в Тегее на Пелопоннесе). Но под рукой херсонесского мастера «портрет» приобрел новые черты: «орлиный» нос, сильно выступающий подбородок и легкая усмешка, тронувшая тонкие губы, придали лицу Геракла индивидуальные черты.

На другом скульптурном изображении головы Геракла с львиным скальпом (северо-восточный район, 1908 г.) герой представлен бородатым; лоб его испещрен глубокими морщинами; ломаная линия бровей и особенно глаза с опущенными книзу наружными углами придают лицу горестно-скорбное выражение. Геракл имеет вид усталого, много пережившего человека, в облике которого нет ничего героического, только львиный скальп напоминает об одном из его подвигов. Время появления этого образа в херсонесской коропластике — II в. до н. э., период сложных скифо-херсонесских отношений².

Творчество великого афинского скульптора Праксителя вдохновило одного из херсонесских мастеров на создание образа Афродиты. Фрагментированная статуэтка богини принадлежит к числу самых замечательных терракот. У Праксителя «заимствованы» схема построения фигуры и наличие подпорки, которая всегда составляла часть композиции этого мастера. «Херсонесская Афродита» изображена спокойно стоящей на фоне подпорки, играющей в данном случае декоративную роль, так как фигура не касается ее. Красота и плавность линий общего контура фигуры; мягкое движение слегка отведенной назад левой руки, придерживающей, вероятно, край гиматия; ямочка в основании

---

¹ Белов Г. Д. Терракотовая голова Геракла из Херсонеса // СА. 1976. № 4. С. 203—208. Рис. 1—2.

² Белов Г. Д. Терракоты Херсонеса... С. 240. Рис. 28.2.

шеи и локон на левом плече в виде крупной длинной пряди, драпировка одежды — все это свидетельствует о мастерстве и наблюдательности скульптора¹.

Оригинальную трактовку получил в Херсонесе и образ Кибелы. Общую традиционную схему (сидящая в кресле богиня) херсонесские скульпторы увидели по-своему. Примером является фрагментированная терракота «Матери богов», от которой сохранилась нижняя часть статуэтки: ноги сидящей Кибелы и угол сидения. Широкое полотнище гиматия закрывает почти полностью ноги, лишь у щиколотки видны мелкие складки тонкого хитона. Поза, вообще редкая в скульптуре, передана с исключительным мастерством, естественно и свободно, а трактовка одежды выполнена в стиле фронтальных групп Парфенона².

Из раскопок 1928 г. в юго-восточном районе происходит еще одна терракотовая статуэтка Кибелы. К сожалению, сохранилась только часть сидящей фигуры в высоко подпоясанном хитоне. Бросается в глаза просчет в построении груди, но это не мешает оценить изящество позы сидящей богини. Это создание херсонесского мастера с большой точностью воспроизводит (если не копирует) изображение богини на одном из фризів Пергамского алтаря: Кибела, сидящая на льве, в сцене гигантомахии³.

Следует обратить внимание на фрагментированную протому Деметры⁴, при изготовлении которой мастер зафиксировал движение фигуры, при этом столь быстрое, что откинулся край покрывала, брошенного на голову. Протома оттиснута в форме, но детали лица (крылья носа, очертания губ), а также отворот гиматия доработаны после формовки от руки.

Искусство коропластов Херсонеса III—II вв. до н. э. развивалось под сильным влиянием малоазийских школ Смирны и Пергама, отчасти воспринявших традиции мастеров классического периода. Вместе с тем

---

¹ Шевченко А. В. Херсонесские терракоты и их художественная значимость // Древности: ХИАЕ. 2004. С. 157. Рис. 8.

² Там же. С. 157. Рис. 10.

³ Там же. Рис. 11.

⁴ Там же. Рис. 12.

искусство глиняной скульптуры Херсонеса имело особенности, характерные для дорических центров. Фронтальность лиц и фигур, простота композиции, строгость позы и одновременно величавость — черты, импонировавшие дорянам¹. Сказалось это и в предпочтении местными мастерами терракот крупных размеров².

При обращении к анализу терракотовых скульптур, основными вопросами являются, безусловно, интерпретация и датировка памятника. В качестве примера можно привести эволюцию мнений в отношении одного из изделий — терракотовая голова «варвара». А. П. Иванова полагала, что это изделие местного мастера первой половины II в. до н. э.³ Такая датировка долгое время не вызывала сомнений, но новое обращение к изучению находки, в 80-е гг. прошлого века А. П. Чубовой, сопоставление ее с другими изделиями коропластов, анализ сопутствующего археологического материала, изменили хронологию памятника. Исследовательница пришла к выводу, что терракота была изготовлена во второй половине III — II в. до н. э. Согласно ее наблюдениям, манера исполнения и стилистические особенности характерны для эллинистической эпохи, что подтверждается и археологическим материалом, обнаруженным вместе с терракотой⁴.

Надгробные памятники как произведения искусства

Раскопки самой мощной фланговой башни Херсонеса, получившей в литературе название башни Зенона, предпринятые в 1960—1961 гг., привели к обнаружению ставших сенсацией находок: значительной по объему коллекции архитектурных деталей и надгробий конца IV—III вв.

---

¹ Соколов Г. И. Ольвия и Херсонес... С. 388.

² До некоторой степени в качестве итоговой можно привести работу: Шевченко А. В. Херсонесские терракоты и их художественная значимость // Древности: ХИАЕ. 2004. С. 154—159. Автор подчеркивает, что коропласты Херсонеса «продолжили традиции великих мастеров V—IV вв.», но при этом «не может быть речи о копировании работ».

³ Иванова А. П. Голова «варвара»... С. 64.

⁴ Эти наблюдения были высказаны в устной беседе. Исследовательница планировала посвятить находке специальную публикацию.

до н. э. Анализ имен на надгробных памятниках и отчасти оформление стел стали объектом исследования одного из сотрудников Херсонесского заповедника, в последующем преподавателя Уральского университета В. Н. Даниленко¹. На многих стелах сохранилась многоцветная роспись², поэтому, кроме информации относительно просопографии Херсонеса, они являются источником для получения представлений о развитии художественного творчества. Раскопки показали, что надгробные памятники были использованы в качестве строительного материала для усиления боевых качеств башни во время херсонесско-скифского противостояния, которое приходится на конец III в. до н. э.³ В тревожные для полиса годы граждане оказались вынужденными

---

¹ Даниленко В. Н. Надгробные стелы // СХМ. 1969. Вып. 4. С. 29–44; Он же. Опыт реконструкции... С. 14–23. Безусловно, интерес представляют надписи на стелах, которые являются источником для изучения просопографии Херсонеса (см.: Даниленко В. Н. Просопография Херсонеса IV–II вв. до н. э.: По эпиграфическим данным Северного Причерноморья // АДСВ. 1966. Вып. 4. С. 136–178; Он же. Стелы эллинистического Херсонеса как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1968). В последующем к их изучению обратились архитекторы: Федоров Б. Н. Три монументальных надгробия Херсонеса IV–III вв. до н. э. // ПКНО. 1977. С. 348–352; Он же. К вопросу о связях некоторых надгробий некрополя Херсонеса Таврического IV–III вв. до н. э. с жилой архитектурой города // ПРЗИ. 1984. Вып. 14. С. 3–8. Вопросы реконструкции надгробных памятников и мест их установки касается А. В. Буйских (см.: Буйских А. В. Градостроительство... С. 355–344). Она полагает, что наиболее представительные, дорогостоящие памятники устанавливались на своеобразной аллее, начинавшейся от главных ворот.

² Даниленко В. Н. Полихромные стелы из ядра башни XVII // Тез. докл. о раскопках в Херсонесе Таврическом на античной секции сессии отделения исторических наук АН СССР и пленума Института археологии АН СССР, посвященной результатам археологических исследований в 1960 г. Севастополь, 1961. С. 13–14; Стржелецкий С. Ф. Живопись и полихромные росписи... С. 77–89.

³ Стржелецкий С. Ф. XVII башня оборонительных стен... С. 7–29. А. Н. Щеглов представил иную периодизацию строительства (см.: Щеглов А. Н. Рец. на кн.: Сообщения Херсонесского музея. Вып. 4: Башня Зенона. Исследования 1960–1961 г. Симферополь, 1969 // ВДИ. 1970. № 3. С. 172–178).

использовать надгробия для защиты города, так как требовалось срочно укрепить фортификационные сооружения, а строительных материалов не хватало¹.

Роспись на стелах, извлеченных из внутреннего пояса кладки башни, имеет хорошую сохранность, не в последнюю очередь благодаря использованию техники энкаустики.

Среди херсонесских надгробных памятников доминирующей была высокая узкая стела, верх которой обычно венчает фронто́н или антефикс аттического типа². На лицевой гладкой поверхности плиты в рельефе или с помощью красок изображались различные предметы, на основании которых можно судить о возрасте или занятиях усопшего.

Оригинальным, известным только среди находок Херсонеса, является тип стелы с рельефным изображением меча с портупеей или щита, меча и плаща. На стеле с именем Саниона сохранилось изображение посоха — атрибут мужчины преклонного возраста.

На женских надгробиях, как правило, присутствуют рельефные или нанесенные с помощью красок изображения перевязанных лент и флаконов для благовоний; на мужских изображались оружие, стригиль (атрибут атлета) и алабастр (сосуд для масла, которым натиралось тело спортсмена)³.

Среди херсонесских стел имеется единственное в своем роде фрагментированное надгробие палестриту-чемпиону. Имя его осталось неизвестным, так как уцелела лишь часть памятника, представляющего собой массивную плиту, увенчанную пальметтой. На лицевой стороне расположено рельефное изображение победной ленты-повязки, а также стригиль, алабастр и губка в сетке. Эти предметы палестрита раскрашены яркими красками: красной, синей, желтой.

Строгий характер памятников, лаконизм их декора — дорические черты художественного стиля — соответствуют образу жизни херсо-

---

¹ Мнение В. М. Зубаря см. выше.

² Федоров Б. Н. Пьедесталы надгробий с узкими высокими стелами: Херсонес, IV—III вв. до н. э. // СА. 1981. № 4. С. 30—45.

³ Подробное описание стел приведено в: Зубарь В. М. Религиозное мировоззрение // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э.: Очерки истории и культуры. Харьков, 2004. С. 456—460.

неситов с их четким государственным порядком, возвышенным стилем декретов, торжественностью клятв и присяги¹.

Особое место среди памятников античного Херсонеса принадлежит фрагменту плиты из известняка с изображением мужской головы. Уникальность его состоит в том, что ни для одного из центров Эллады не известны живописные «полотна». О существовании их и «картинах», на них представленных, можно судить на основании труда Павсания «Описание Эллады». Вероятнее всего, плита входила в состав надгробного сооружения, на ее гладкой поверхности был написан портрет молодого человека: сохранились изображение головы, верхняя часть левого плеча и руки. Голова повернута слегка вправо и приподнята, на плече — складки одежды, рука, судя по сохранившейся части, была обнажена. Лицо великолепно моделировано; прямой, с небольшой горбинкой нос, небольшой рот с твердыми губами, энергичный подбородок. Но особенно поражают большие темные глаза, на которых, несомненно, было сконцентрировано внимание художника. Оттенок грустной задумчивости читается в глазах юноши, взор которого устремлен в пространство, мимо и поверх зрителя.

Мастер, работавший над «портретом», несомненно, был профессионалом высокого класса. Живопись выполнена восковыми красками в теплых желтовато-коричневатых тонах, популярных и любимых античными художниками. Немногие дошедшие до нас живописные памятники могут соперничать с херсонесским «портретом», произведением конца IV — начала III в. до н. э.

Среди надгробных памятников с росписью, обнаруженных в кладке башни Зенона, также уникальными являются два фрагмента от одного каменного саркофага: боковая стенка и угловой пилястр (блок). Верх стенки саркофага представляет полихромный карниз, на котором изображены «сухарики», под ними расположены синие и зеленые «ионики», разделенные черными копьевидными «листочками». Нижняя часть карниза украшена меандром: непрерывный ряд чередующихся светлых и темных живописных звеньев. В росписи использована богатая палитра красок: от красной до коричневой, синяя и зеленоватая, светлая и темная желтая, черная. Центральную часть стенки занимает живопись:

---

¹ Соколов Г. И. Ольвия и Херсонес... С. 317, 466.

на темно-синем фоне «шествоют» хищные животные и грифоны (сохранились изображения двух грифонов и, вероятно, львицы). Один из грифонов представлен в движении: корпус его изображен в профиль, а грудь и голова повернуты в фас, к зрителю. Мощные крылья мифического животного расправлены; правая передняя лапа выдвинута вперед; левая, вероятно, приподнята; хвост загнут вверх. Длинные перья крыльев переданы белой и синей красками, подкрылки — в золотисто-желтом цвете с оранжевато-красными тенями.

От фигуры другого грифона, который движется в противоположную сторону, частично сохранились поднятая левая лапа, раскрытое крыло, концы перьев загнуты вперед, к голове; изогнутый хвост поднят вверх. Перья крыла прорисованы черной, белой и синей красками с зеленоватыми тенями у его основания. Подкрылок — золотисто-желтый, но более темный, чем у другого грифона.

Поза львицы, идущей влево, спокойная. Голова, возможно, была повернута к зрителю. Все животные выписаны пластично, в светлых тонах; мастер прекрасно владел светотенью.

К саркофагу относится и угловой пилястр, на котором уцелела живописно выполненная фигура Сирены. Изображение женщины с крыльями и птичьими ногами нарисовано в анфас; правая рука поднята над головой; левая согнута в локте и опущена вдоль тела. Можно полагать, что художник изобразил Сирену во время пения. Мифические мотивы и персонажи использованы в росписи сохранившихся деталей каменного саркофага, выполненного, скорее всего, в последней четверти IV в. до н. э.¹

Херсонесские каменные саркофаги эллинистической эпохи, судя по сохранившимся деталям, представляли собой массивные сооружения, богато украшенные живописью и росписью. Вообще, сюжет росписи херсонесских надгробных сооружений (будь то стелы или саркофаги) традиционен, что роднит их и с метрополией и со многими другими античными центрами.

В период, когда господствовала концепция о смешанном — греко-таврском составе населения Херсонеса, исследователи обратили вни-

---

¹ Даниленко В. Н. Херсонесские каменные саркофаги эллинистического времени // ХСб. 1996. Вып. 7. С. 61—68.

мание на еще одну группу надгробий с изображением головы, которая имеет «плоско срезанное» лицо, едва намеченную шею, коротко обрезанные плечи. Изделие вставлялось с помощью шипа в горизонтальную плиту, которая, скорее всего, устанавливалась непосредственно на могиле (без фундамента или стилобата). Издатели каталога «Античная скульптура Херсонеса» полагали, что на «плоско срезанном лице» имелась роспись — портретное изображение усопшего, считая, что решить вопрос о генезисе антропоморфных надгробий не представляется возможным. Датировались надгробия IV в. до н. э. — III—IV вв. н. э.¹ Рассмотрев широкий круг аналогий и собрав сведения обо всех находках данного круга², Л. Г. Колесникова показала, что считать их «принадлежащим» варварскому населению Херсонеса (таврам) вряд ли корректно. Вероятно, сторонников подобного мнения «смущала» техника обработки памятников, отсутствие какой-либо проработанности деталей лица. Но, если принять во внимание, что на его плоскую поверхность «наносилось» портретное изображение, которое не сохранилось ни на одном надгробии, то связь антропоморфных надгробий с варварским населением города вряд ли оправдана³.

Новая попытка «вписать» антропоморфные надгробия в этносоциальную картину Херсонеса принадлежит В. М. Зубарю, который считает, что «простота» памятников свидетельствует о том, что они принадлежали «самым широким слоям греков»⁴. Вторично проанализировав памятники, он предположил, что наиболее ранние следует

---

¹ Колесникова Л. Г. Антропоморфные надгробия // Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976. С. 79. Она выделила три группы подобных памятников.

² 59 надгробий в виде головы (роспись не сохранилась), 24 плиты и пьедестала, 17 надгробий в виде эдикул.

³ Колесникова Л. Г. Кому принадлежали антропоморфные надгробия Херсонеса? // СА. 1973. № 3. С. 37—48.

⁴ Зубарь В. М. Об интерпретации антропоморфных надгробий Херсонеса // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и Средневековья: Периоды дестабилизаций, катастроф. Керчь, 2005. С. 128—132. Развитием тезисов исследователя является раздел главы о религиозном мировоззрении в коллективной монографии, см.: Зубарь В. М. Религиозное мировоззрение. С. 460—463.

отнести к V в. до н. э. Это первый тип — с округлой задней стороной и уплощенным затылком, гладкой поверхностью лица. Второй — небольшого размера памятники с четкими контурами. Для третьего характерна близость к реалиям человеческой головы. К ним примыкают надгробия, на которых лицо усопшего написано красками и расположено в наиске или эдикуле с фронтоном. Длительное существование антропоморфных надгробий исследователь объясняет консерватизмом мировоззрения херсонеситов, «приведшего к устойчивости архаических черт»¹. Отметив, что антропоморфные надгробия (коллекция приближается к двумстам экземплярам) ни в одном центре Северного Причерноморья, кроме Херсонеса, не встречаются, А. В. Буйских несколько иначе формулирует вывод: они «являются местной репликой широко известного типа антропоморфных надгробных памятников»².

Надгробные памятники римского времени

В римскую эпоху изменяется вид надгробных памятников. Широкое распространение получают портретные изображения на стелах. На смену эллинистическим стелам с лаконичными рельефными или рисунками предметов, соответствовавших занятиям и возрасту усопшего, пришли стелы с рельефными изображением «загробной трапезы», стоящих задрапированных фигур или погрудных портретов.

Для стел со стоящей задрапированной фигурой характерна лаконичность раннего времени. Традиционная в античном искусстве сцена «загробной трапезы»³ в первые века н. э. представлена в надгробных памятниках Херсонеса. Композиция отличается простотой: возлежащая мужская и сидящая женская фигуры (иногда двух возлежащих), одной или двух маленьких фигурок слуг и круглого пиршественного стола.

Черты местного стиля характерны для надгробия Сотериха и Конхи, изготовленных в III в. н. э. На нем представлены рельефные

---

¹ Зубарь В. М. Об интерпретации антропоморфных надгробий... С. 130.

² Буйских А. В. Градостроительство... С. 338.

³ В. М. Зубарь при анализе вопросов идеологии херсонеситов склонен видеть в этом проявление тенденции «героизации предков» (см.: Зубарь В. М. Религиозное мировоззрение. С. 464—466).

изображения умерших супругов, возлежащих на ложе; перед ними стоит круглый пиршественный стол; слева к нему подходит слуга. В руках Сотериха — сосуд, у Конхи — в левой руке, вероятно, хлеб, в правой — тарра. Форма прически и бороды Сотериха напоминают римскую портретную скульптуру конца II — начала III в. н. э. Черты лица неправильны и грубоваты, точно переданы признаки старческого возраста (как свидетельствует надпись, выбитая ниже, он прожил 80 лет). Индивидуально лицо Конхи: очень полное, с крупным подбородком. Принцип плоскостности в этом случае особенно ярко проявился в изображении пиршественного стола, крышка которого со стоящими на нем «блюдами» поставлена вертикально. Так наряду с условными приемами в творчестве херсонесского мастера проявилось и стремление к реализму, в частности при передаче деталей. (Подобное сочетание считается характерным для местного искусства, что прослежено и в скульптуре Херсонеса)¹.

Местный стиль проявился при изготовлении надгробия (I в. н. э.) с изображением женского бюста в покрывале, накинутом на голову. Лицо трактовано крайне упрощенно, без всякой моделировки, оно ассиметрично. Вряд ли мастер был знаком с римской портретной скульптурой, но при всей «примитивности» исполнения, для «портрета» характерна индивидуальность и передача деталей (ожерелье на шее, волосы «челкой»)².

Временем принципата Нерона датируется массивное мраморное надгробие вольноотпущенников Цинция и Ведия, на котором в нише-эдикуле, увенчанной фронтоном с четырехлепестковой розеткой, помещены два мужских бюста в фас. Сохранность не позволяет судить об особенностях трактовки бюстов, в частности лиц, но общее оформление стелы — фронтоном и эдикулой с бюстами — характерны для солдатских надгробий, распространенных в провинциях Подунавья³.

---

¹ Иванова А. П. Надгробия со сценой «загробной трапезы» // Античная скульптура Херсонеса. С. 107.

² Иванова А. П. Надгробия с изображениями женщин в покрывале // Античная скульптура Херсонеса. С. 120.

³ Там же. С. 127, № 392.

Среди мастеров, работавших в Херсонесе, были, несомненно, знакомые с основными художественными приемами римской портретной скульптуры. Показательно надгробие Аврелия Виктора — солдата I Италийского легиона¹. На мраморной пластине, которая вставлялась в известняковую стелу, сохранилось погрудное рельефное изображение умершего. Черты лица носят портретный характер — косые пряди короткой прически, небольшая, аккуратно подстриженная борода, глаза с резко очерченными веками. Скульптор тяготел к резкости линий, четкости деталей, плоскостности объемов². Некоторая асимметрия лица, трактованного фронтально, объясняется стремлением мастера передать поворот в три четверти, характерный для римского портрета II — первой половины III в. н. э.

Не подлежит сомнению портретность фрагмента надгробия Аристолаха, на котором сохранилось изображение головы немолодого человека с крупными, неправильными чертами лица, мясистым носом, крупными губами, густыми волосами и лысеющим лбом, окладистой бородой и бакенбардами. Пластическая трактовка зрачков позволяет отнести надгробие к концу II или началу III в. н. э.³ Оно выполнено мастером, хорошо знакомым с римской портретной скульптурой, но допустившим отдельные примитивные приемы (например, слишком высоко и упрощенно трактованы уши).

Особого внимания заслуживают мраморные плиты с рельефными изображениями, обнаруженные при исследовании в 1935—1936 гг. среднего нефа базилики. Плиты были использованы для вымостки пола храма и уложены лицевой стороной вниз. Они украшены рельефными фигурами Эротов, поддерживающих гирлянду из плодов и листьев, здесь же помещены маски Диониса, Силена, Сатира и Менады, а также венки и розетки. Тщательная отделка всех деталей, чистота контура придают плитам пышный и нарядный вид. Они выполнены опытными мастерами-декораторами, продолжающими эллинистические традиции,

---

¹ Античная скульптура Херсонеса. № 393.

² Соколов Г. И. Ольвия и Херсонес... С. 471.

³ Античная скульптура Херсонеса. С. 114, № 357.

которые были еще очень сильны в I—II вв. н. э.¹ Исследователи едины во мнении, что рельефные плиты принадлежат к числу выдающихся произведений скульптурной пластики. Г. Д. Белов считал их стенками саркофагов, и это определение долгое время не вызывало сомнений, хотя мраморные саркофаги «ни разу не были найдены на некрополе Херсонеса»². Более тщательное изучение плит позволило выявить ряд особенностей, ускользнувших из поля зрения. Прежде всего, это размеры — они слишком велики и массивны, а на оборотной стороне отсутствуют следы выемок, характерных для составных гробниц. Форма и обработка плит стали основанием для вывода, что они являются не стенками саркофагов, а декоративными рельефами, украшавшими, возможно, сакральное сооружение, связанное с поклонением Гераклу и Дионису, и относятся к концу II или началу первой половины III в.³ Известно, что плиты с Эротами, несущими гирлянды, нередко использовались для декоративных целей в причерноморских городах римского времени. Херсонес, судя по всему, не составлял в этом плане исключения.

Уникальная работа мозаичиста эллинистической эпохи

В эллинистический период в Херсонесе работали и художники-мозаичисты. Прекрасным подтверждением является часть мозаичного пола, сохранившегося в одном из домов в северном районе городища⁴. Мозаики как вид декора были популярны в эллинистическом мире. Среди мозаик античного времени херсонесская — одна из самых зна-

---

¹ Чубова А. П. Херсонесские саркофаги с гирляндами и поддерживающими фигурами // СА. 1986. № 4. С. 17—22.

² Русяева М. В. Искусство Херсонеса первых веков новой эры // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. ... С. 466.

³ Соколов Г. И. Ольвия и Херсонес... С. 443.

⁴ Белов Г. Д. Новая херсонесская мозаика // ВДИ. 1938. № 3. С. 238—242; Он же. Античный дом в Херсонесе: По раскопкам 1947—1948 гг. // ВДИ. 1950. № 2. С. 108—121; Он же. Эллинистическая мозаика // МИА. 1953. № 34. С. 279—295.

чительных, несомненно, принадлежала руке талантливого мастера¹. Этот «весьма незаурядный памятник»² получил всемирную известность как произведение монументально-прикладного искусства конца IV в. до н. э. Мозаика упоминается фактически во всех исследованиях по искусству античной эпохи Северного Причерноморья.

На уцелевшей части мозаичного пола изображены две женские фигуры, стоящие около лутерия, на краю которого примостилась птица, еще одна (более крупная) изображена в полете. На первый взгляд, кажется, что сюжет ясен: две женщины совершают омовение — так и трактовалась долгое время композиция. Однако не все исследователи были согласны с подобной интерпретацией. Среди херсонесских находок трудно найти другой памятник монументально-прикладного искусства, который бы столь часто обращал на себя внимание специалистов и имел многочисленные, отличающиеся друг от друга, варианты истолкования сюжета. В изображении фигур видели земных женщин, или женщину и богиню Афродиту, или же — двух ипостасей Афродиты — Уранию и Пандемос³, и даже Афродиту и гетеру, пьющую вино из чаши⁴. Но каким бы ни было объяснение сюжета, следует признать, что рисунок фигур выполнен превосходно, мягкий изгиб стройных тел выдает руку опытного мозаичиста. Возможно, мастер повторил какой-то извест-

---

¹ Соколов Г. И. Ольвия и Херсонес... С. 404.

² Домбровский О. И. Херсонесская галечная мозаика и некоторые аспекты античного искусства // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С. 167. В недавнее время появилась еще одна работа, посвященная мозаике, которая, в сущности, является «повторением уже известного» (см.: Шевченко Т. М. Об интерпретации сюжета эллинистической мозаики в Херсонесе Таврическом // VII Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и Средневековья. Керчь, 2006. С. 332–337).

³ Домбровский О. И. Херсонесская галечная мозаика... С. 167.

⁴ Федоров Б. Н. Помещение с мозаикой... С. 15. Останавливая внимание на данном памятнике, А. В. Буйских отмечает несостоятельность мнения Г. Д. Белова, полагавшего, что мозаика украшала баню. Она подчеркивает, что это пол одного из помещений — андрона — богатого дома, тем самым соглашаясь с интерпретацией О. И. Домбровского и Б. Н. Федорова (см.: Буйских А. В. Градостроительство и архитектура. С. 327–328).

ный в его время живописный образец. В художественной ткани этого выдающегося произведения эпохи эллинизма большую роль играло и орнаментальное обрамление сюжетной композиции (частично сохранившееся). Узоры, подобные пальметте, по-видимому, окружали центральную сцену со всех сторон.

Художественная керамика

Художественная керамика Херсонеса впервые привлекла внимание после открытия в 1888—1889 гг. в восточной части городища «мастерской коропласта», в которой были встречены детали украшений для сосудов, скорее всего, изготавливавшихся для культовых целей. В 50-е гг. XX в. в юго-восточной части городища выявлен «керамик» III—II вв. до н. э., материалы которого были опубликованы В. В. Борисовой¹. Автор раскопок ограничилась публикацией одной из редких для Херсонеса находок — верхней части гидрии с орнаментальной росписью, выполненной красной краской. Новым обращением к изделиям этого вида стала монография Г. И. Соколова, в которой подробно освещена художественно-эстетическая сторона продукции гончаров, отмечены специфические особенности, характерные именно для дорийцев.

Первоначально спрос херсонеситов на художественную керамику удовлетворялся за счет импорта из Аттики и малоазийских центров, откуда поступали краснофигурные и покрытые черным лаком сосуды. Возможно, в конце IV в. до н. э. возникло и собственное производство подобных изделий.

Редкой находкой для Херсонеса является экземпляр чернолаковой гидрии конца IV — начала III в. до н. э. **Сосуд украшен гирляндой, протянутой между горизонтальными ручками, и стреловидным орнаментом, выполненным жидкой желтой глиной.** Верх сосуда очерчен волнообразной полоской, снизу расположен точечный орнамент; внутри гирлянды помещен растительный орнамент и изгибающиеся стебли растений. Роспись имел и отогнутый край венчика.

---

¹ Борисова В. В. Археологические работы Херсонесского историко-археологического музея за 1955—1956 гг. // СА. 1957. № 4. С. 280; Она же. Гончарные мастерские Херсонеса: По материалам раскопок 1955—1957 гг. // СА. 1958. № 4. С. 144—153.

Среди изделий местных гончаров можно выделить два вида: сосуды, подражавшие импортной продукции, и отличающиеся от них местные экземпляры, которые отличает низкого качества чернолаковое покрытие, особенно в сравнении продукцией керамистов Аттики. Лак не имеет блеска и плотности, характерных для импортных сосудов.

Подражанием малоазийским формам являются фигурные сосуды (например, в виде лежащего быка) или чашки, дно которых внутри украшено рельефными медальонами. Местной продукцией является оригинальной формы сосуд на высокой ножке, украшенный четырьмя рельефными головками менад — спутниц Диониса. «Экспрессивность образов» позволяет предположить, что он был сформован мастером, хорошо знавшим изделия пергамских керамических центров¹.

Гончары Херсонеса выпускали различные изделия: амфоры, лутерии, кувшины, миски, чашки. Среди столовой керамики популярными являлись кувшины (одноручные и двухручные), в росписи которых существовал устойчивый стиль. Поверхность покрывалась светлым ангобом (известковое «молочко»), по которому наносилась роспись красками естественного происхождения с клеевыми добавками. Орнаментация кувшинов проста и лаконична: несколько полос красной краской (реже добавлялись белый и черный цвет). В эпоху эллинизма в росписи использовались растительные мотивы: ветка оливы, листья и плоды плюща, виноградная ветвь. Среди декоративных элементов наиболее распространенными являлись овы, розетки, волнотвидные завитки, заостренные лучи, бусы².

В целом находки художественной керамики в Херсонесе немногочисленны и за небольшим исключением роспись сосудов не является свидетельством высокого уровня; для орнаментации сосудов не характерны сложные композиции и полихромия. Сюжетные сцены, применявшиеся гончарами Ольвии или Пантикапея, для херсонесских мастерских не характерны. Анализ коллекции художественной столовой посуды свидетельствует о том, что херсонеситов в большей мере

---

¹ Соколов Г. И. Ольвия и Херсонес... С. 414.

² Как считают историки искусства, в этом проявились дорические черты в керамике Херсонеса (см.: Соколов Г. И. Ольвия и Херсонес... С. 410).

интересовало назначение сосуда, функциональное использование, а не эстетическая сторона изделия.

На первые века н. э. приходится импорт в Херсонес посуды, покрытой красным лаком, преимущественно продукции малоазиатских центров. Выпуск собственной аналогичной продукции относится ко II — первой половине III в. н. э. Разнообразные по форме и назначению сосуды в основном следуют привозным образцам. Но местный красный лак не имеет блеска, он жидкий с темными пятнами. Со временем изделия херсонесских мастеров становятся более грубыми: лак практически исчезает, его заменяет слабое красноватое покрытие.

Херсонесские ювелиры

Ювелирные украшения (серьги, кольца, ожерелья и т. д.), как правило, небольшого размера, отличает высокая техника изготовления. Здесь не встречается сюжетных композиций, преимущество отдается изысканным орнаментальным и растительным узорам, детали которых тщательно проработаны. В золотых изделиях местной работы часто встречаются миниатюрные головки львов, «гераклов узел», лук, палица — мотивы, связанные с мифическим прародителем Гераклом. У херсонеситов были популярны ожерелья с миниатюрными подвесками. Они обычно исполнены из тончайших золотых нитей и сплетены или в виде плоской ленты, или довольно толстого жгута. Популярной у местных торевтов была зернь. Некоторые из работ поражают сложностью композиции и изяществом деталей. Во всех ювелирных изделиях прослеживается четкость, резкость объемов и контуров.

При изготовлении ожерелий в первые века н. э. начинают чаще использовать полудрагоценные камни; особенно гранат. Желтое золото и цветные камни — основное красочное сочетание в изделиях торевтики первых веков н. э. При этом золото доминирует над цветными камнями, которым мастера, по всей вероятности, не придавали особого художественного значения. Цветные камни в золотых ожерельях «воспринимаются» сдержанно, по-эллиински изящно и тонко¹.

---

¹ Соколов Г. И. Ольвия и Херсонес... С. 522.

Мастерство монетариев, мастеров по кости

Высоким художественным исполнением отличаются монеты херсонесского чекана, особенно эпохи эллинизма. На них доминируют изображения Сотеров античного Херсонеса — Девы и Геракла. Только на монетах сохранилось скульптурное изображение Девы в образе защитницы: богиня представлена в полный рост, в длинной одежде, на голове — башенная корона, в правой рук — лук, за спиной колчан со стрелами.

Тщательность работы и точность исполнения присущи предметам, выполненным из кости. Это пиксиды (коробочки для косметики и мелких украшений), булавки, фигурные шпильки. Значительная коллекция изделий из кости, хранящаяся в фондах заповедника, еще ждет своих исследователей. В отличие от находок более позднего времени, которым посвящен ряд работ А. В. Банк¹, изделия из кости античного периода систематически не изучались.

Общие наблюдения

В конце краткого обзора искусства Херсонеса и обращения к некоторым мнениям его исследователей следует напомнить, что «в херсонесских художественных произведениях отчетливо проявляется эллинская самостоятельность, чистота греческих форм, защищенность от местных стилистических воздействий»². В жизни и, соответственно, художественных образах с самого начала обнаружилось стремление к сохранению собственных традиций. Замкнутый образ жизни полисной общины, отчужденность от варварской среды (черты, характерные для греков-дорийцев) наложили отпечаток и на искусство Херсонеса. Лаконичность и сдержанность в пластическом выражении, столь характерные для искусства дорийцев, особенно ярко проявились в скульптурных памятниках Херсонеса³.

---

¹ См. обобщающую работу: Банк А. В. Прикладное искусство Византии IX—XII вв.: Очерки. М., 1978.

² Соколов Г. И. Ольвия и Херсонес... С. 522.

³ Близкого мнения придерживаются и авторы глав, посвященных культуре и искусству Херсонеса, в коллективной монографии 2005 г., что вполне соот-

В искусстве Херсонеса преобладают линия, четкие контуры, плоскостность изображения. Сопоставление произведений местной работы (а именно в них проявилась «специфика творческой деятельности мастеров монументального и прикладного искусства и ее художественный уровень»¹) с памятниками метрополии приводит к выводу, что многие творения мастеров города отличает высокий уровень. В Херсонесе отсутствуют «неумелые» копии с привозных изделий. На херсонесских памятниках (будь то архитектура или ювелирные украшения) лежит печать «большого художественного вкуса, оригинальной творческой мысли»².

В римское время продолжают развиваться все области изобразительного и декоративно-прикладного искусства. Среди памятников Херсонеса имеются образцы, традиционные для художественных центров материковой Эллады и Малой Азии, и произведения местных мастеров. Культовые статуи, украшавшие храмы скульптурные рельефы, портретные изображения жителей и римских легионеров позволяют говорить о Херсонесе первых веков н. э. как о самостоятельном художественном центре³.

Безусловно, херсонесская коллекция работ местных скульпторов не исчерпывается приведенными выше образцами. Но они до некоторой степени позволяют судить о своеобразии «местного стиля», одной из черт которого являлось некоторое нарушение пропорций, обобщенная, схематическая передача объема и вместе с тем внимание к деталям: прическе, одежде, аксессуарам. Образ человека в работах местных мастеров не имел психологической глубины, но торжественное спокойствие, значительность жеста создавали впечатление человека уверенного в себе. Гармоничная композиция, тонкая отделка деталей придавали произведению законченный вид. Местный художественный стиль не стал,

---

носится с исторической судьбой государства, перманентным противостоянием с варварским миром.

¹ Чубова А. П. Характерные черты искусства Херсонеса IV—II вв. до н. э. // ПРЗИ. 1974. Вып. 4. С. 17.

² Чубова А. П. Характерные черты искусства... С. 21.

³ Русяева М. В. Искусство Херсонеса... С. 492

однако, определяющим направлением в искусстве Херсонеса первых веков н. э. Херсонесские мастера следовали существующим традициям. Особенно это заметно в скульптурных произведениях: культовых статуях, портретах и изображениях на надгробиях.

В первые века среди херсонеситов, как и жителей иных регионов Средиземноморско-Черноморского бассейна, распространяется новая идеология — христианство. Это не могло не отразиться и на искусстве.

Данному и другим вопросам истории византийского Херсона посвящены очерки второго тома монографии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Делать выводы в очерках, которые в значительной мере посвящены истории изучения одного из северо-причерноморских центров, игравшего значительную роль в истории региона, сложно. Можно отметить лишь общие черты становления историографии и еще раз упомянуть те проблемы, которые были и остались дискуссионными, как и появление новых тем в исторических штудиях. Однако это отчасти привело бы к повторению того, что уже было сказано. Вместе с тем структура любого издания требует некоего подведения итогов. В качестве такового можно отметить периоды накопления источников, прежде всего эпиграфических и археологических, которые способствовали рассмотрению отдельных сюжетов истории Херсонесского полиса, привели к уточнению событий, участниками которых являлись херсонеситы.

При обращении к вопросу о взаимной обусловленности получения археологических источников и появления первых монографического характера работ историков Херсонеса следует выделить 1888 г.: начало систематических раскопок городища. В то же время нельзя не учитывать первые описания памятников Северного Причерноморья, в которых по праву должное место занимал Херсонес. Но именно археологические исследования последней четверти XIX — **начала XX в. внесли радикальные перемены во взглядах на ряд проблем.** Прежде всего это вопрос о местоположении древнего Херсонеса. Раскопки позволили утвердиться мнению о том, что город изначально был основан на берегу Карантинной бухты, где он существовал непрерывно в течение фактически двух тысячелетий. Накопление археологических данных, правда на начальной стадии изучения городища не фиксируемых с должной тщательностью, обусловило публикацию первых обобщающих работ в начале XX в. В монографиях и статьях А. Л. Бертье-Делагарда, В. В. Латышева (для

средневекового периода в трудах С. П. Шестакова и Д. В. Айналова и других историков) изложены представления об особенностях исторического пути и государственности полиса, отмечены основные этапы развития византийского Херсона.

Безусловно, огромное значение имели издание и анализ эпиграфических памятников, особенно обращение к содержанию Присяги херсонеситов и появление очерков по истории античного Херсонеса (В. В. Латышев, С. А. Жебелев, А. И. Тюменев). Итоги этого периода исследований были подведены в 1927 г., на конференции, созванной по инициативе К. Э. Гриневича. Одновременно были намечены и новые задачи археологического изучения Херсонесского городища; с этого времени начинается последовательное изучение кварталов северного района, которое вылилось в публикацию фундаментальных отчетов и созданных на основании археологических свидетельств работ по истории античного и средневекового города (Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий, А. Л. Якобсон).

30-е гг. — середина 60-х гг. XX в. — время нового пополнения источниковой базы, рождения новых идей и гипотез, начало обсуждения проблем этносоциальной истории античного полиса, обращения к раскопкам хоры Херсонеса (С. Ф. Стржелецкий, В. Д. Блаватский, А. Н. Щеглов, И. Т. Кругликова, позднее Г. М. Николаенко). В свою очередь, новая стадия накопления археологических свидетельств создала предпосылки для обсуждения такого чрезвычайно значимого вопроса для истории античного Херсонеса (и не только), как земледелие и землепользование античного полиса.

Расширение археологических исследований, более совершенная методика раскопок и фиксации находок, анализ материалов, полученных в более ранние годы, отразились при создании штудированных монографий, сначала по истории римского периода, а затем и более раннего — эллинистического (в последней четверти XX столетия). Очередным подведением итогов стал проект, в рамках которого обобщены накопленные концу столетия материалы в виде коллективной публикации четырехтомной истории Херсонеса—Херсона. Первые два тома, посвященные античному времени, и монография С. Б. Сорочана о раннесредневековом городе, опубликованы в начале XXI в.

Однако многие вопросы истории Херсонесского полиса остались, как показало обращение к историографии, дискуссионными, вследствие состояния источниковой базы. Это социальная история, отдельные аспекты, отражающие структуру и систему работы государственных органов полиса, историческая топография города античного и римского периодов. Поставлены, но сохранили дискуссионный характер вопросы использования труда зависимого населения в производственной жизни, как и особенности его эксплуатации. К их решению, как и уточнению других аспектов истории Херсонеса, предстоит обратиться историкам XXI в.

Среди задач, которые представляются чрезвычайно значимыми, является систематизация и публикация находок, полученных в результате раскопок, начиная с 1827 г. Издание каталогов керамических изделий, их классификация и уточнение хронологии позволят более аргументированно подойти и к рассмотрению вопроса о значимости данного северо-причерноморского центра в тот или иной период в истории Средиземноморско-Черноморского региона. Однако необходимо отметить, что это зависит не только от обращения непосредственно к материалам из Херсонеса. Изучение ареала торговли, взаимоотношений с другими центрами античной цивилизации на современном уровне требует привлечения данных как островного мира, так и материковых полисов Эллады. Это, в свою очередь, вызывает необходимость создания единой базы данных, доступ к которой обеспечил бы быстрое получение информации и обмен мнениями. Каталогизация хранящегося в фондах Херсонесского заповедника и предоставление открытого доступа к базам данных различных научных центров будет способствовать восстановлению реалий прошлого, решению оставшихся дискуссионных проблем истории Херсонеса (и не только этого полиса).

На пути каталогизации археологических источников имеются существенные сложности субъективного и объективного плана. К числу субъективных относится время и желание исследователей посвятить себя, как говорил председатель Императорской археологической комиссии А. А. Бобринский, «этой неблагодарной задаче». Объективные — это условия хранения артефактов. В течение XX в., после ликвидации Херсонесского монастыря, не было построено ни одного

нового здания¹. Для систематической работы требуются новые фондовые помещения.

В XX в. были разработаны новые принципы датировки археологических находок. Однако, за исключением эпизодического использования радиоуглеродного, спектрального и металлографического анализов, при работе с находками из Херсонеса они фактически не применялись. Кроме того, существует датировка по методу Мессбауэра, которая из-за высокой стоимости осталась недоступной исследователям Херсонеса.

XX в. внес новое и в методику исследования территории поселений. С последней четверти столетия для различных античных и средневековых центров более широко стали использоваться данные аэрофотосъемки, что создало возможность получения целостной картины топографии памятников, выявление их местоположения до начала раскопок. В Херсонесе материалы аэрофотосъемки до недавнего времени были использованы только при изучении его хоры.

В 2004–2005 гг. благодаря сотрудничеству Уральского университета и Института дистанционного образования Тюменского государственного университета была произведена аэрофотосъемка Херсонесского городища. Расшифровка материалов показала наличие в западной части городища — «археологической целине» — целого ряда античных и средневековых объектов, позволила уточнить местоположение некоторых из ранее раскопанных памятников (в конце XIX — начале XX в.), которые в силу различных обстоятельств были засыпаны. Анализ аэрофотографий, выполненных с помощью современной аппаратуры, как и обращение к таковым первой половины XX в., с одной стороны, будет способствовать уточнению топографии Херсонеса—Херсона, с другой — позволит до начала полевой деятельности представить возможные размеры и планировку изучаемого комплекса.

Развитие современных информационных технологий, в частности Интернет-вещания, обеспечит, вероятно, в будущем организацию публичного регулярного показа хода раскопок с одновременным об-

---

¹ Исключение составляет постройка специального фондового хранилища для находок совместной украинно-американской экспедиции, работающей над изучением памятников Гераклеийского полуострова. Она стала временным пристюком и для разобранной в связи ремонтом античной экспозиции.

суждением получаемых результатов и архивированием процесса работ. Безусловно, это будет способствовать процессу изучения Херсонеса на новом уровне.

За прошедший почти двухвековой период раскопок Херсонеса (1827–2008) в фондах заповедника накоплены беспрецедентные по своему объему коллекции уникальных находок. Они «ждут» тех, кто введет их в научный оборот с тем, чтобы открыть новые страницы истории античного Херсонеса, византийского Херсона.

ПЕРСОНАЛИИ ИСТОРИКОВ

Айналов Дмитрий Власьевич (1862—1939), специалист по византийскому и древнерусскому искусству, ученик Н. П. Кондакова по Новороссийскому университету, с 1890 г. приват-доцент Казанского, с 1899 г. — профессор Санкт-Петербургского и Ленинградского университета (1903—1917, 1923—1927), член МАО, сотрудник ЖМНП, заведующий разрядом археологии искусства средневекового Запада Археологического отделения ГАИМК (1921—1929).

Антонова Инна Анатольевна (1926—2000), выпускница Ленинградского университета, старший инспектор отдела по охране памятников в Херсонской области (1951—1955), с 1955 г. — директор Херсонесского заповедника, заместитель директора по научной работе (с 1985 г.).

Аркас Захарий Андреевич (1793—1868-?), грек из Фессалии на российской морской службе (в отставку вышел в чине генерал-майора), член ООИД.

Артамонов Михаил Илларионович (1898—1972), профессор Ленинградского университета, директор Государственного Эрмитажа, археолог, исследователь истории скифов, хазар, происхождения славян (о нем: Плетнева С. А. Вспоминая М. И. Артамонова // МАИЭТ. 1998. Вып. 6. С. 20—33).

Ашик Антон Бальтазарович (1802—1854), директор Керченского музея. Его раскопки в Керчи вызвали критику со стороны членов ООИД. Примером является дело, которое разбирал министр внутренних дел Л. А. Перовский: «г. Ашик и его зять, ...решившихся отнять честь открытия в Керчи двух древних греческих мраморных статуй, случайно найденных одним мещанином... Ашик, давно проживавший в Одессе, в изданных брошюрах, русской и французской, оповещал Европу, что находка преуказана им» (цит. по: Петрова М. М. Археология в жизни министра внутренних дел России Л. А. Перовского // АК. 1997. № 1. С. 190—191).

Банк Алиса Владимировна (1906—1984), один из крупнейших российских исследователей истории искусства Византии, автор-составитель многочисленных каталогов и создатель выставок в Эрмитаже.

Баранов Игорь Авенирович (1946—2001), выпускник Симферопольского университета, с 1966 г. сотрудник Крымского филиала ИА НАН Украины, руководитель Судакской экспедиции, председатель Республиканского комитета Крыма по охране и использованию памятников истории и культуры, специалист в области средневековой археологии Крыма.

Барятинский Виктор Иванович (1823—1904), князь, выпускник Петербургского университета, член ООИД. В 1857 г. вышел в отставку, участвовал в раскопках в Афинах.

Белов Григорий Дмитриевич (1898—1979), сотрудник Херсонесского заповедника с 1925 г., заведовал античным отделом, был директором заповедника в 1931—1933 гг.; с 1938 г. — сотрудник Эрмитажа. 48 лет посвятил раскопкам в Херсонесе.

Бенешевич Владимир Николаевич (1874—1938), византист, археограф; в 1928 г. сослан в Кемь (Соловецкие лагеря), в 1930 г. арестован по «академическому делу», в 1938 г. расстрелян. В ссылке оказался связи с «чисткой» в Академии наук, во время которой 128 человек из 960 штатных сотрудников были уволены, 520 из 830 сверхштатных. По «делу академиков» были арестованы Д. Н. Егоров (1878—1931) — медиевист, член-корреспондент РАН; Е. В. Тарле (1874—1955) — сослан в Ташкент (об этом см.: Перченко Ф. Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 208; Брачев В. С. «Дело» академика С.Ф. Платонова // ВИ. 1989. № 5. С. 117—129).

Бертье-Делагард Александр Львович (1842—1920), окончил Кадетский корпус и Военно-инженерную академию в 1864 г., участвовал в сооружении портов Одессы, Феодосии, Ялты, в 1874—1878 гг. — Севастополя. В 1887 г. вышел в отставку; вице-президент ООИД; на личные средства приобретал экспонаты для музея Общества, особое внимание уделял собиранию монет. Интересовался различными сюжетами истории Крыма, написал ряд работ о памятниках Херсонеса. После смерти архив А. Л. Бертье-Делагарда был передан Таврическому обществу истории, археологии и этнографии, в настоящее время находится в Республиканском краеведческом музее (г. Симферополь). Поставил вопросы метрологии и экономики на нумизматическом материале. В Национальном заповеднике «Херсонес Таврический» хранится работа Е. В. Варнеке, в которой дан подробный анализ научных исследований А. Л. Бертье-Делагарда (см.: Варнеке Е. В. А. Л. Бертье-Делагард // Архив НЗХТ, д. 269, 77 л. (машинописная копия 25 с.). Автор ее отмечает, что в изучении древностей Херсонеса одно из наиболее видных мест принадлежит А. Л. Бертье-Делагарду. Некоторые итоги его изысканий опубликованы в обширном труде «Раскопки Херсонеса» (СПб., 1895. 64 с.), подготовленном по поручению ИАК. А. Л. Бертье-Делагард имел большую коллекцию крымских древностей (о ней см.: Марквич А. И. К судьбам коллекции древностей и старины А. Л. Бертье-Делагарда // ИТОИАЭ. 1928. Т. 2. С. 144—145). Страдая от отсутствия средств в годы

Гражданской войны, Бертье-Делагард продал ее по частям. Изделия «готского стиля» были приобретены Британским музеем.

Берх Мориц Борисович (1776–1860), адмирал, директор флотского училища в г. Севастополе, капитан Севастопольского порта.

Бибиков Сергей Николаевич (1908–1988), один из крупнейших историков Украины, специалист в области палеолита. Основатель Таврического общества археологии и этнографии (о нем см.: Довженко Н. И., Захарук Ю. Н., Тереножкин А. И. К 60-летию С. Н. Бибилова // СА. 1969. № 3. С. 101–104).

Бикерман Илья (Элис) Иосифович (1897–1981), специалист в области истории Древнего мира (наиболее крупные работы по хронологии Древнего мира и истории государства Селевкидов. М., 1985), ученик М. И. Ростовцева, изучал классическую филологию в Петербургском университете, в 1917 г. стал офицером, охранял Временное правительство, в 1922 г. эмигрировал в Германию, окончил Берлинский университет, где и преподавал, после прихода фашистов к власти эмигрировал во Францию в 1933 г., затем в США; с 1946 г. сотрудник Еврейского теологического семинара в Нью-Йорке, 1952–1967 гг. — профессор кафедры древней истории Колумбийского университета. Итальянский антиковед А. Момigliano назвал его одним из четырех ученых нынешнего столетия, внесших наибольший вклад в изучение древней истории (Momigliano A. L'Assenza del Terzo Bickerman // *Revista Storica Italiana*. 1982. Anno 44. Fasc. 2. P. 527–531).

Блаватский Владимир Дмитриевич (1899–1980), доктор искусствоведения, создатель московской школы антиковедения, разработал теорию культурного слоя (о нем см.: Кошеленко Г. А. Памяти В. Д. Блаватского // СА. 1981. № 4. С. 296–298).

Бларамберг Жан Море де (Иван Павлович; 1772–1831), французский дворянин, член Берлинской академии с 1830 г., известен как один из первых русских археологов и коллекционеров древностей; директор городского музея древностей в Одессе (основан в 1825 г.). После смерти Бларамберга музей был объединен с Одесской городской библиотекой (о нем: Островерхов А. С., Черняков И. Т. Основатель Одесского археологического музея (к 200-летию со дня рождения) // *Украинский исторический журнал*. 1972. № 8. С. 127–129, на укр. яз.).

Бобринский Алексей Алексеевич (1852–1927), сенатор, юрист, член Государственного совета, председатель ИАК. Был студентом Санкт-Петербургского университета (не окончил курса по болезни). Предпринимал раскопки на тер-

ритории собственного имения в Харьковской губернии: «Курганы и случайные находки близ м. Смелы»). В 1919 г. эмигрировал.

Богущ-Сестренцевич Станислав (1731—1827 или 1748—1825), митрополит католической церкви.

Бороздин Илья Николаевич (1883—1959), был заместителем председателя Археологической комиссии, затем московской секции ГАИМК, изучал античные и золотоордынские памятники Крыма.

Брайчевский Михаил Юлиевич (род. в 1924), выпускник Киевского университета. С 1945 г. после окончания университета (1948) работал в Институте археологии АН Украины, основная сфера научных интересов — нумизматика, автор работ: «История Древней Руси», «История христианства на Руси», «История Киева».

Бурачков Платон Осипович (1815—1894), выпускник Харьковского университета, собрал большую коллекцию древностей, переданную ООИД. Представление о научных интересах позволяют получить многочисленные статьи: Заметки по древней географии Новороссийского края (письмо проф. Ф. К. Бруну по поводу статьи Л. Н. Майкова о древней географии России) // Известия Императорского географического общества. 1875. Т. 11. Вып. 3 и 5; Греко-скифский мир на берегах Понта // ЖМНП. 1876. № 12; О записке Готского топарха // ЖМНП. 1877. № 8; Опыт объяснения одного темного места в сказаниях Геродота о древней Скифии // Труды 4-го археологического съезда. Т. 2; О памятниках с руническими надписями, находящихся на юге России // ЗООИД. Т. 9; О местоположении древнего Киркинита (ныне Евпатории) и монетах, ему принадлежащих // ЗООИД. Т. 9; Опыт исследования о куманах или половцах // ЗООИД. Т. 10; Опыт соглашения открытой в Херсонесе надписи с природою местности и сохранившимися у древних писателей сведениями, относящимися ко времени войн Диофанта, полководца Митридата, со скифами // ЗООИД. Т. 12; Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней Южной России. Одесса, 1894; По поводу брошюры А. В. Орешникова: «Боспор Киммерийский в эпоху Спартокидов» // Труды 6-го археологического съезда. Т. 2; Заметки по исторической географии южно-русских степей // Киевская старина. 1886. Кн. 4; Объяснения к археологической карте Новороссийских губерний и Крыма // Древности: Труды МАО. Т. 12. Вып. 1.

Бычков Афанасий Иванович (1818—1899), археограф, выпускник Московского университета, после окончания которого начал работать в Археоло-

графической комиссии, с 1891 г. ее председатель, в 1882—1899 гг. — директор Публичной библиотеки.

Васильев Александр Александрович (1867—1953), византист, выпускник Петербургского университета (его учителями были В. Г. Васильевский, Н. П. Кондаков), профессор Дерптского университета (1904—1912), с 1912 г. — приват-доцент, с 1917 г. — экстраординарный профессор Петербургского университета, декан славяно-исторического факультета первого Петроградского государственного педагогического института до 1922 г.; в 1919—1925 гг. возглавлял разряд археологии и раннехристианского и византийского искусства археологического отделения РАИМК, замещал Н. Я. Марра. В 1925 г. уехал в зарубежную командировку, остался в США. Основные труды А. А. Васильева: «Византия и арабы: Политические отношения Византии и арабов за время Амореяской династии» (СПб., 1900); «Византия и арабы: Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии» (СПб., 1901); «Готы в Крыму» (ИРАИМК. 1921. Т. 1. С. 247—344; ИГАИМК. 1927. Вып. 5. С. 179—282); Vasiliev A. The Goths in the Crimea (Cambridge, 1936); (о нем см.: Бонгард-Левин Г. М., Тункина И. В. М. И. Ростовцев и А. А. Васильев: Шесть десятилетий дружбы и творческого сотрудничества // Скифский роман. М., 1997. С. 248—258; Медведев И. П. Васильев Александр Александрович // Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 92—93; Куклина И. В. А. А. Васильев: «Труды и дни» ученого в свете неизданной переписки // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 413—338).

Васильевский Василий Григорьевич (1838—1899), выпускник Петербургского университета, византист, член-корреспондент Императорской академии наук (1876), академик (1890), создатель Петербургской школы византистов (его учениками были В. Е. Регель, Х. М. Лопарев, Д. Ф. Беляев, А. А. Васильев и др.); научные интересы: законодательные акты и грамоты, византино-русские отношения.

Варнеке Борис Васильевич (1874—1944), член ОИИД, филолог-классик, латинист, после революции эмигрировал (о нем см.: Тункина И. В. Новые материалы к биографии проф. Б. В. Варнеке // Древнее Причерноморье: III чтения памяти проф. П. О. Карышковского: Тез. докл. юбилейной конференции, 12—14 марта 1996 г. Одесса, 1996. С. 109—110; Библиографический список научных трудов профессора Б. В. Варнеке. 1889—1924. Одесса, 1925.

Веймарн Евгений Владимирович (1905—1990), Севастопольский уроженец, сын офицера царской армии, окончил Московский университет в 1925 г., участник экспедиций в Херсонесе, Эски-Кермене, Ай-Тодоре. С 1948 г. работал в Крымском филиале Института археологии Академии наук УССР, заведовал Бахчисарайской археологической станцией (о нем: Археология (Киев). 1966. Т. 20. С. 5).

Веселовский Николай Иванович (1848—1918), сотрудник ИАК, археолог, востоковед, известен раскопками скифских курганов, наиболее знамениты среди них Солоха и Майкопский с многочисленными находками из золота (о нем: Бартольд В. В. Николай Иванович Веселовский. Некролог (1848—1918) // ИРАН. 1918. Сер. 6. Т. 12. С. 809—816; Фармаковский Б. В. Н. И. Веселовский — археолог // Зап. Вост. отд. РАО. 1921. Т. 25 (1917—1920). С. 359—386).

Винкельман Иоганн Иохим (1717—1768), крупнейший немецкий искусствовед, создатель научного искусствознания, историк античного искусства, разработал методы классификации и интерпретации памятников; основная работа «История искусства древности» (1764 г.).

Виноградов Юрий Германович (1946—2000), представитель отечественной школы эпиграфики, автор многочисленных работ по истории Ольвии, Херсонеса, экономической и политической истории Северо-Западного Крыма.

Воронцов Михаил Семенович (1782—1856), граф, с 1823 г. генерал-губернатор Новороссии и полномочный наместник Бессарабской области.

Высоцкая Татьяна Николаевна (род. 1926), выпускница Московского университета, с 1958 г. — сотрудник Отдела археологии (Крымской филиал) Крыма Института археологии НАН Украины. Специалист в области истории скифов.

Гадло Александр Вильямович (1937—2002), выпускник Ленинградского университета, зав. кафедрой этнографии, специалист в области этнической истории раннесредневекового Крыма.

Гайдукевич Владимир Францевич (1904—1966), выпускник Ленинградского университета, в 1926—1927 — научный сотрудник в Херсонесе, сотрудник Государственной академии истории материальной культуры, с 1934 г. возглавлял Боспорскую экспедицию, наиболее известной его монографией является «Боспорское царство» (М.; Л., 1949) (о нем: Капошина С. И., Книпович Т. Н., Якобсон А. Л. К 60-летию В. Ф. Гайдукевича // СА. 1965. № 3. С. 89—90).

Генинг Владимир Федорович (1924—1997), исследователь памятников Урала, доцент Уральского университета (1961—1974), создатель уральской

школы археологии, область научных интересов — индоарийская проблематика, методология археологии, в последние годы работал заместителем директора Института археологии АН Украины (о нем: Бунатян Е. П. В. Ф. Генинг: страницы жизни и творчества // Археологія (Киев). 1997. № 3. С. 4—6).

Гилевич Анна Михайловна (1924—1995), специалист в области античной нумизматики, выпускница Ленинградского университета, заведующая фондами Херсонесского заповедника, в последующем сотрудница Государственного Эрмитажа.

Голицин Александр Николаевич (1773—1844), князь, российский государственный деятель, друг и сподвижник императора Александра Павловича, с воцарением которого стал обер-прокурором Синода (1803 г.), с 1816 г. находился на посту министра народного просвещения (с 1817 г. — духовных дел и народного просвещения).

Гофф Жак Ле (род. в 1924), выдающийся французский историк, специалист в области истории западноевропейского Средневековья.

Граков Борис Николаевич (1899—1970), специалист по скифо-сарматской и античной археологии, профессор МГУ (1939 г.), вел работу над созданием 3-го тома «Свода греческих надписей Причерноморья», который должен был включить надписи на керамике (о нем: Б. Н. Граков (1899—1970) // СА. 1971. № 2. С. 309—311 — список работ).

Грейг Алексей Самуилович (1775—1845), главный командир Черноморского флота и портов, вице-адмирал (1816—1833), шотландец по происхождению, инициатор раскопок в Херсонесе в 1827 г.

Греков Борис Дмитриевич (1882—1953), советский историк и общественный деятель, автор работ по истории древнего Новгорода, Древней Руси, в 1929 г. опубликовано обобщающее исследование «Повесть временных лет о походе Владимира на Корсунь», историк крестьянства, историограф и источниковед (исследовал правовые кодексы).

Гриневич Константин Эдуардович (1891—1970), выпускник Харьковского университета, занимался в семинарах С. А. Жебелева и М. И. Ростовцева, Б. В. Фармаковского. В 1919—1921 гг. был директором Керченского музея, участвовал в раскопках В. Шкорпила на Тамани, с 1921 по 1924 г. — приват-доцент Петроградского университета, с 1924 г. — директор Херсонесского музея, с 1928 г. — заместитель заведующего музейным отделом Наркомпроса РСФСР (Москва), ученый секретарь Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), в 1931 г. — профессор Московского педагогического института, репрессирован в 1932 г. и выслан в Новосибирск, в 1935 г. — в

село Долинка (Караганда); после освобождения преподавал в Томске, в 1948 г. переехал в Нальчик, с 1953 по 1970 г. преподавал в Харьковском университете, был заведующим кафедрой истории Древнего мира в университете до 1966 г. (о нем см.: Кадеев В. И. К 75-летию К. Э. Гриневича // СА. 1967. № 4. С. 187—189; Он же. Константин Эдуардович Гриневич // Археология (Киев). 1991. № 4. С. 119—129, на укр. яз.).

Даниленко Виталий Николаевич (1936—2007), выпускник Харьковского университета, ученик К. Э. Гриневича, специалист в области античной археологии и просопографии, один из организаторов Объединенной экспедиции, начальник Крымской экспедиции Уральского университета (1964—1968), с 1969 г. работал в Крымском отделе Института археологии Академии наук УССР и Симферопольском университете.

Делянов Иван Давыдович (1818—1897), министр просвещения в 1882—1897 гг., при его участии был введен в 1884 г. новый устав, лишавший университеты автономии, ограничен прием в гимназии детей недворянского происхождения.

Дерпфельд Вильгельм (1853—1940), директор Афинского отделения Германского археологического института, производил раскопки на холме Гисарлык (Троя) в 1882, 1890, 1893—1894 гг. с Г. Шлиманом. В 1877—1881 гг. изучал Олимпию, работал в Афинах, Микенах, Тиринфе. Основоположник методики изучения каменных сооружений античной эпохи.

Диль Шарль (Diehl Charles M.; 1859—1944), французский византист, профессор Сорбонны, член Парижской академии надписей и изящной словесности, почетный член РАО (с 1911 г.), иностранный член-корреспондент АН СССР (с 1925 г.). А. А. Васильев писал о нем как о «звезде первой величины»; автор более 300 работ по истории Византии, среди которых наибольшую популярность имеет сочинение о Юстиниане I.

Домбровский Олег Иванович (1914—1994), архитектор, археолог, создатель реставрационной школы мозаичистов в Херсонесе, ученый секретарь Крымского отделения Института археологии АН Украины; фундаментальные работы посвящены мозаикам Херсонеса и фрескам средневекового Крыма.

Дройзен Иоганн Густав (1803—1884), немецкий историк, профессор Берлинского, Кильского и Иенского университетов, переводчик драм Эсхила и комедий Аристофана, автор монографий «История Александра Великого (1883 г.)» и «История эллинизма» (1836—1843 гг.), в которых он впервые в исторической науке дал определение эллинизма.

Думберг Карл Евгеньевич (1862—нач. XX в.-?), выпускник Дерптского университета, член-сотрудник Российского археологического общества, директор Керченского музея (1891—1901).

Жебелев Сергей Александрович (1867—1941), профессор Петербургского—Петроградского—Ленинградского университета, член МАО с 1914 г., академик с 1927 г., редактор «Журнала Министерства народного просвещения» (1903—1918 гг.), заместитель председателя по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе РСФСР, товарищ председателя РАИМК (1923—1928 гг.).

Забелин Иван Егорович (1920—1908), российский историк и археолог, в 1859—1876 гг. сотрудник ИАК, один из организаторов Исторического музея и его руководитель в 1883—1908 гг., председатель Общества истории и древностей российских при Московском университете (1879—1888 гг.), почетный член АН (с 1907 г.); изучал скифские древности (Чертомлыкий курган), имеет многочисленные работы по истории русского быта, г. Москвы (о нем: Арциховский А. В. Забелин — археолог // Историко-археологический сборник. М., 1948).

Зеест Ираида Борисовна (1902—1981), историк античности, участница раскопок в Северном Причерноморье, классификатор находок амфор.

Зограф Александр Николаевич (1889—1942), специалист в области античной нумизматики, в 20-х гг. сотрудник ГАИМК, работал в Эрмитаже. С 1935 г. — зав. отделом нумизматики Эрмитажа.

Золотарев Михаил (Мирон) Ильич (1945—2004), выпускник Симферопольского университета, с 1970 г. сотрудник Херсонесского историко-археологического музея, зав. отделом античной археологии Крымского филиала Института археологии Украины (1992).

Зубарь Виталий Михайлович (род. в 1950), выпускник Харьковского университета, ведущий научный сотрудник отдела античной археологии Института археологии Национальной академии наук Украины, автор многочисленных работ по истории Северного Причерноморья античного времени.

Иванова Анна Павловна (1903—1963), специалист в области античного искусства.

Иессен Александр Александрович (1894—1964), научный сотрудник ГАИМК—ИИМК, основная сфера научных интересов ранние древности Кавказа, проблемы колонизации.

Иннокентий (1800—1857), архиепископ Херсонский и Таврический, возглавлял епархию в 1848—1857 гг.

Кадеев Владимир Иванович (род. в 1927), выпускник Харьковского университета, заведующий кафедрой истории Древнего мира и Средних веков, один из создателей Объединенной экспедиции, руководил раскопками в Херсонесе (1963—1986), создатель Харьковской школы античности, автор работ по истории Херсонеса римского периода.

Каждан Александр Петрович (1922—1997), выдающийся представитель отечественной византистики, автор многочисленных работ по истории и культуре Византии, социально-экономическому развитию, исследователь творчества византийских авторов; после окончания исторического факультета МГУ кратковременно преподавал в высших учебных заведениях Иванова и Тулы, с 1956 г. — сотрудник сектора византиноведения Института истории АН СССР, в 1978 г. эмигрировал в США и последние годы работал в Центре византийских исследований «Думбартон оукс» (создан в 1940 г. при Гарвардском университете). Творчество А. П. Каждана отражено в многочисленных работах, например см. воспоминания в сборнике «Мир Александра Каждана» (СПб., 2003).

Карасев Александр Николаевич (1904—1972), организатор и руководитель Ольвийской экспедиции ЛОИА, автор трудов по истории и архитектуре.

Келлер Генрих Карл Эрнст (1765—1838), получил образование в Лейпцигском университете (археология и классическая филология). В 1721 г. приехал в Петербург, где первоначально был домашним учителем в семье одного из российских купцов, с 1798 г. — библиотекарь и хранитель древностей в Эрмитаже.

Кене Борис Васильевич (1817—1886), нумизмат, геральдист, коллекционер, член ООИД, с 1864 г. — советник по ученой части Эрмитажа.

Кеппен Петр Иванович (1793—1864), получил образование в Харьковском университете, в 1814 г. переехал в Петербург, с 1816 г. — действующий член Вольного общества любителей русской словесности (о нем: Рудницкая В. Г. «Счастлив, кто мог так жить...» // О древностях Южного берега и гор Таврических: Сборник научных трудов. Симферополь, 2004. С. 3—6).

Книпович Татьяна Николаевна (1896—1975), историк-антиковед, выпускница Бестужевских курсов и Петроградского университета, зав. отделом древностей Государственного Эрмитажа, профессор ЛГУ (о ней: СА. 1967. № 4. С. 189—190).

Кондаков Никодим Павлович (1844—1925), византист, историк древнерусского искусства, профессор Новороссийского (1877—1888, 1919), Петербургского (с 1888), Софийского (1920—1922), Карлова (Прага; 1922—

1925) университетов; академик, действительный член Академии художеств и Петербургской АН с 1898 г., член ИАК, ИМАО. После переезда в Петербург являлся старшим хранителем отделения Средних веков и эпохи Возрождения в Эрмитаже. В 1919–1920 гг. был помощником редактора газеты Добровольческой армии «Южное слово». В 1920 г. эмигрировал. Создал в Праге школы византиноведения. С 1898 г. им написаны многочисленные труды о памятниках христианского искусства (о нем: Лазарев В. И. Н. П. Кондаков (1844–1925). М., 1925; Белоброва О. А. Забытый портрет Никодима Павловича Кондакова // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 446–447; Тункина И. В. Н. П. Кондаков: Обзор личного архива // Там же. С. 93–119).

Крузе Николай (годы жизни не установлены), автор первых раскопок в Херсонесе в 1827 г., согласно архивным документам в 1825 г. представлен к чину 12 класса, в 1828 г. стал подпоручиком.

Кулаковский Юлиан Андреевич (1855–1919), профессор Киевского университета, председатель Киевского исторического общества Нестора Летописца, член-корреспондент Российской академии наук, автор трудов по истории Рима и Византии (например, см.: Коллегии в Древнем Риме. Киев, 1882) и Византии (Аланы по сведениям классических и византийских писателей // Чтения в Обществе Нестора Летописца. Киев, 1899. Кн. 13. Отд. 2. С. 94–168; Прошлое Тавриды. Киев, 1914; История Византии. Киев, 1909–1915. Т. 1–3). Почетный академик с 1906 г.; происходил из духовного звания, зимний и летний семестр 1878–1879 г. провел в Берлине, где на его становление как историка большое влияние оказал Т. Моммзен, что привело к появлению цикла работ по истории Рима. Им написано 160 научных трудов, в том числе и по истории византийского Херсона (о нем: Деревицкий А. Н. Ю. А. Кулаковский (некролог) // ИТУАК. 1920. № 57. С. 324–336; Маркевич А. И. Памяти профессора Ю. А. Кулаковского // ИТУАК. 1920. № 57. С. 340).

Курбатов Георгий Львович (1929–2003), представитель Ленинградской школы византиноведения, профессор и зав. кафедрой истории Средних веков, автор работ по истории ранневизантийского города, историографии Византии, общественно-политической мысли Византии.

Латышев Василий Васильевич (1855–1921), филолог-классик, специалист по византийской агиографии, выдающийся российский эпиграфист; в 1900 г. стал товарищем председателя ИАК, председатель Палестинского общества (1918–1921).

Латышева Валерия Александровна (1934–2002), выпускница Харьковского университета, организатор экспедиции в Северо-Западном Крыму, автор работ о хоре Херсонеса.

Левченко Митрофан Васильевич (1890–1955), представитель Ленинградской школы византистики, автор первого марксистского обобщения истории Византии (1940); сфера научных интересов: социально-экономические отношения, характер взаимоотношений славян и Византии, кризис рабовладельческого общества.

Лепер Роман (Роберт Георг) Христианович (1865–1918), в 1901–1908 — ученый секретарь Русского археологического института в Константинополе (РАИК), с 1908 по 1914 гг. руководил раскопками в Херсонесе и преподавал греческий язык в гимназии. Характеристика Р. Х. Лепера содержится в одном из писем А. А. Бобринского к Б. В. Фармаковскому, написанному по поводу визита императора Николая II в Херсонес в 1913 г.: «Первую скрипку играл Лепер, который в роли известителя хорош, проявляя большую ученость и разнообразные знания» (Бобринский А. А. — Фармаковскому Б. В., 16.08.1913, цит. по: Зуев В.Ю. М. И. Ростовцев: Годы в России. Биографическая хроника // Скифский роман. М., 1997. С. 67).

Липшиц Елена Эммануиловна (1901–1990), представитель ленинградской школы византиноведения, автор работ по истории византийского общества, государственности и праву.

Лисин Василий Петрович (1911–1942), происходил из крестьянской семьи, в 1930 г. поступил в ЛИФЛИ, на отделение истории материальной культуры античного общества. В 1932 г. руководство ГАИМК предложило ему поступить в аспирантуру. Темой диссертации должно было стать изучение восстаний рабов в Птолемеевском Египте (или «Текстильное производство в Птолемеевском Египте»). Сославшись на незнание языков, он отказался от предложенных тем, избрав тему «Рабская революция в III в. до н. э. в Херсонесе». С 1931 г. участвовал в археологических экспедициях, в 1935 г. стал научным сотрудником Херсонесского музея; в 1938 г. — заместитель директора по научной части в Херсонесе, зав. античным отделом; до Великой Отечественной войны готовил диссертацию «Античные хозяйства в районе Камышевой бухты» (хранится в архиве Национального заповедника «Херсонес Таврический», участник партизанского движения в Крыму (о нем: Стржелецкий С.Ф. Лисин В. П. Биография (дополнения) // Архив НЗХТ, д. 724, л. 15–16).

Лихачев Николай Петрович (1862–1936), один из крупнейших специалистов в области сфрагистики, создатель фундаментальной коллекции визан-

тийских печатей, хранящейся в Государственном Эрмитаже, академик РАН; в 1918 г. работал в Совете Московского областного управления по архивным делам, в 1919 г. — был ученым секретарем Российской археологической комиссии (до 30-х гг.), в последующем преобразованной в Академию истории материальной культуры, директор Музея палеографии; арестован в 1931 г., сослан в Астрахань, в 1933 г. ему было разрешено вернуться в Ленинград для лечения.

Лопарев Хрисанф Мефодиевич (1863—1918), ученик академика В. Г. Васильевского, специалист в области агиографии.

Максимова Мария Ивановна (1885—1973), историк-антиковед, ученица М. И. Ростовцева, с 1914 г. хранитель отделения глиптики в отделе нумизматики Государственного Эрмитажа.

Мальмберг Владимир Константинович (1860—1921), историк античного искусства.

Маркевич Арсений Иванович (1855—1942), выпускник Варшавского университета, с 1883 г. — преподаватель гимназии в г. Симферополе, один из учредителей Таврической ученой архивной комиссии (1887 г., преобразована в 1923 г. в Таврическое общество истории, археологии и этнографии), 1891—1908 — редактор ИТУАК, 1908—1930 — председатель (с 1917 г. — почетный) ТУАК—ТОИАЭ. Принимал участие в создании Таврического университета (1915—1918), в котором с 1920 г. читал лекции по крымоведению. Сфера научных интересов: история и археология Крыма, этнография, источниковедение, охрана памятников. Участвовал в раскопках Н. И. Веселовского и Ю. А. Кулаковского в Керчи (о нем: Филимонов С. Б. «Моя автобиография» А. И. Маркевича // Археология Крыма (Симферополь). 1997. № 1. С. 185—188).

Марр Николай Яковлевич (1864—1934), востоковед, лингвист, кавказовед, председатель РАИМК—ГАИМК, создатель и директор Яфетического института (1921—1934), профессор Петербургского университета, директор Государственной публичной библиотеки (1924—1930), вице-президент АКСССР (1930—1934), разработал «новое учение о языке» (о нем: Фрейденбург О. М. Воспоминания о Н. Я. Марре / Публ. Н. В. Брагинской // Восток—Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. Вып. 3).

Мацулевич Леонид Антонович (1886—1959), член-корреспондент АН Грузинской ССР, сотрудник Эрмитажа, специалист в области искусства и культуры народов Северного Причерноморья римского и ранневизантийского времени (о нем: Банк А. В. Леонид Антонович Мацулевич (1886—1959): Некролог // ВВ.

1960. Т. 17. С. 373—375; Она же. Леонид Антонович Мацулевич (Некролог) // BSI. 1961. Т. 12. Р. 99—100; список трудов: ВВ. 1960. Т. 17. С. 375—378).

Мейер Эдуард (Meyer Eduard; 1855—1930), немецкий историк, представитель модернизаторского направления в историографии античности, профессор Лейпцигского, Бреславльского, Берлинского университетов.

Мещеряков Валерий Федорович (1947—2002), выпускник Харьковского университета, область научных интересов — история позднеантичного периода; с 1994 г. — заместитель председателя администрации г. Харькова.

Миннз Элиас Ховелл (1874—1953), английский историк, профессор Кембриджского университета; переводчик и редактор ряда работ М. И. Ростовцева, в 1898—1901 гг. работал в России, изучал памятники Керчи, Херсонеса, Ольвии. Оставил воспоминание о встрече с К. К. Косцюшкой-Валюжиничем: «Во время пребывания я был занят ознакомлением с раскопками в Херсонесе Таврическом, которые велись здесь К. К. Косцюшкой-Валюжиничем: он позволил мне пользоваться его библиотекой и ознакомиться с его детальными отчетами по каждому сезону» (фрагмент письма цит. по: Бонгард-Левин Г. М. М. И. Ростовцев и Э. Х. Миннз: От Скифии до Китая и Японии // Скифский роман. М., 1997. С. 306). Некоторые сюжеты истории Херсонеса представлены в работе: Minns E. H. Scythians and Greeks. A Survey of Ancient and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge, 1913; переводил и редактировал статьи М. И. Ростовцева (правда, в одном из писем к К. К. Косцюшке-Валюжиничу писал, что он забывает русский язык).

Моисеев Лаврентий Алексеевич (1892—1946), выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, участник раскопок Б. В. Фармаковского в Ольвии, сотрудник ИАК и член-сотрудник РАН (1915), в 1920 г. — заместитель Председателя Севастопольского отделения Российского общества по изучению Крыма, один из директоров Херсонесского музея в советское время. Исследовал сельскохозяйственную округу Херсонеса («Следы ирригации, мелиорации и водоснабжения древнего Херсонеса на Гераклеяском полуострове» — доклад в 1926 г.), в 1929—1931 гг. производил раскопки в Керкинитиде, Калос Лимене, на Кульчукском городище. Охрана херсонесских древностей и раскопки в 1918—1920 гг. вызвали его обвинение в сотрудничестве с белым режимом. После суда переехал в Ялту. Последняя статья — «К истории греческой колонизации в Крыму» (1940 г.).

Моммзен Теодор (1817—1903), автор фундаментальных трудов по истории Рима, профессор Берлинского университета с 1858 г., государственный деятель Германии.

Моравчик (Moravčík) Дьюла (1898—1972), крупнейший венгерский византист, филолог и историк, создатель капитального труда «Byzantinoturcica», являющегося комментированной подборкой упоминаний тюркских слов, имен и народов в византийских источниках.

Мурзакевич Николай Никифорович (1806—1883), сын смоленского священника, учился в духовной семинарии, затем в Московском университете, учительствовал в Москве, в 1830 г. переехал в Одессу. Некоторое время служил в таможне, был адъюнктом Решельевского лицея, увлекся собиранием монет, в 1835 г. опубликовал каталог своего собрания. Один из создателей Одесского общества истории и древностей в 1839 г. и его вице-президент (1875—1883). Почетным президентом Общества в 1839—1881 гг. был граф М. С. Воронцов, президентом — попечитель учебного округа Д. В. Княжевич (1839—1844). Перу Мурзакевича принадлежит один из первых трудов по истории Херсонеса (Мурзакевич Н. Н. Краткая история древнего Херсонеса. Одесса, 1836); в 1838 г. опубликовал диссертацию «История генуэзских поселений в Крыму».

Онайко Надежда Анисимовна (1921—1983), специалист в области античной истории Северного Причерноморья (о ней: СА. 1984. № 4. С. 312).

Орешников Алексей Васильевич (1855—1933), один из крупнейших российских нумизматов, происходил из купеческой семьи, образование получил, согласно желанию отца, в Московской практической академии коммерческих наук. К 1881 г. относится его первое научное выступление: доклад о монетах Боспора Киммерийского (на заседании археологического общества); в 1883 г. избран действительным членом общества, в этом же году стал сотрудником Исторического музея (как не принадлежащий к дворянскому сословию не мог быть зачислен в его штат; только в 1887 г. дирекции удалось добиться его утверждения в штатной должности хранителя, в которой он проработал до 1933 г.); член ООИД, различных Ученых архивных комиссий, с 1928 г. — член-корреспондент АН СССР (о нем: Арциховский А. В. Памяти А. В. Орешникова // НС: Труды ГИМа. 1955. Вып. 25. С. 7—13; приложение: Список работ, составленный В. Л. Яниным, с. 13—20).

Острогорский Георгий (1902—1976), византист, профессор Белградского университета (о нем: Крекић Б., Радојичић Б., Бурић И. Библиографја радова акад. Георгија Острогорског // Сборник Филозофског факултета (Београд). 1974. Кн. 12. Вып. 1. С. 1—14).

Паллас Петр-Симон (1741—1811), академик, посетил Крым в конце XVIII в. и описал состояние руин Херсонеса после присоединения Крыма и во

время строительства Севастополя; с 1787 г. — историограф Адмиральской коллегии.

Перовский Лев Алексеевич (1792—1856), министр иностранных дел, владелец имения около Ялты (деревня Мшатка), занимался вопросами охраны памятников, пресечением хищений древностей в Крыму, вел раскопки на Тамани и в Крыму.

Печенкин Николай Михайлович (1871—1918), полковник артиллерии, в 1918 г. послан в Севастополь, в 1919 г. следы его теряются в Румынии.

Пигулевская Нина Викторовна (1894—1970), исследователь и переводчик памятников сирийской литературы, автор работ по истории ранневизантийского города (о ней: ВВ. 1964. Т. 24. С. 290—291).

Покровский Николай Васильевич (1848—1917), сын священника, окончил Санкт-Петербургскую духовную семинарию, профессор кафедры церковной археологии и литургики, с 1898 г. — директор Археологического института; область научных интересов — византийско-русское и древнехристианское искусство.

Потемкин Григорий Александрович (1739—1791), русский государственный деятель и фельдмаршал, в 1768—1771 гг. принимал участие в Русско-турецкой войне; в 1776 г. стал генерал-губернатором Новороссийской, Астраханской и Азовской губерний; в 1783 г. после реализации проекта присоединения Крыма к Российской империи получил титул светлейшего князя Таврического.

Придик Евгений Мартынович (1865—1936), нумизмат и филолог, сотрудник Эрмитажа, специалист в области керамической эпиграфики.

Пятышева Наталья Валентиновна (1907—1984), участница раскопок в Херсонесе в 30-е гг., в последующем старший научный сотрудник отдела археологии Государственного исторического музея, руководитель экспедиции ГИМа в Херсонесе.

Раевский Александр Сергеевич (годы жизни не установлены), делопроизводитель ИАК с 1902 г., член-сотрудник РАО.

Регель Василий Эдуардович (1857—1932), византист, главный редактор журнала «Византийский временник» в 1899—1914 гг., с 1915 — профессор Юрьевского университета, после его эвакуации в Воронеж работал в Воронежском университете (о нем: Лаптева Л. П. В. Э. Регель как византист // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991. С. 130—140).

Редин Егор Кузьмич (1863—1908), профессор Харьковского университета, организатор 12-го археологического съезда, историк христианского искус-

ства (о нем: Успенский А. И. Памяти Е. К. Редина // Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1913. Т. 19).

Репников Николай Иванович (1882–1940), сотрудник ИАК с 1902 г., с 1922 г. — сотрудник Археографической комиссии АН СССР, заведовал раскопками в Херсонесе в 1908 г.

Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952), выпускник Петербургского университета, выдающийся, по оценке его современников и историков наших дней, исследователь античной эпохи. В 1917 г. был избран ординарным академиком, неоднократно посещал Херсонес, в 1905 г. совместно с В. В. Шкорпилом исследовал один из склепов в Керчи; в 1911–1912 гг. являлся координатором раскопок в Керчи и Херсонесе; в 1913 г., был представлен председателем ИАК графом А. А. Бобринским императору Николаю II во время его экскурсии в Херсонесе. По распоряжению императора получил средства на издание уникального исследования «История античной декоративной живописи юга России» (Текст: СПб., 1914. Т. 1; Атлас: СПб., 1913). После Октябрьской революции не возвратился из зарубежной командировки, преподавал в университетах США, был исключен в 30-е гг. из состава Академии наук СССР. Наиболее полным исследованием о жизни и научной деятельности М. И. Ростовцева, в котором приведена и переписка, является «Скифский роман» (М., 1997). Список работ М. И. Ростовцева, приведенный издателями «Скифского романа», насчитывает 680 наименований. Также см.: Фролов Э. Д. Судьба ученого: М. И. Ростовцев и его место в русской науке об античности // ВДИ. 1990. № 3). История Крыма, отчасти и Херсонеса, отражены в следующих статьях: Ай-Тодорская крепость // ЖМНП. 1900. Март. Отд. 5. С. 140–158; Римские свинцовые тессеры. СПб., 1903; Митридат Понтийский и Ольвия // ИАК. 1907. Вып. 23. С. 21–27; Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918; Скифия и Боспор. Т. 1: Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925; *Skythien und der Bosphorus*. Berlin, 1931. Bd. 1); Сирик как историк Херсонеса // ЖМНП. 1915. Апрель. Отд. 5. С. 151–170; Дело о взимании проституционной подати в Херсонесе // ИАК. 1916. Вып. 60. С. 63–69; К истории Херсонеса в эпоху ранней римской истории // Сборник статей в честь графини Прасковьи Сергеевны Уваровой. М., 1916. С. 5–16; Цезарь и Херсонес // ИАК. 1917. Вып. 63. С. 1–21. Эпиграфическим памятникам посвящены работы «Новые латинские надписи из Херсонеса» (ИАК. 1907. Вып. 23. С. 1–20), «Новые латинские надписи с юга России» (ИАК. 1908. Вып. 27. С. 55–67).

Рудаков Александр Петрович (1886–1940), представитель историко-культурного направления отечественной историографии, исследователь

византийской агиографии. Происходил из семьи ремесленника-оружейника г. Тулы. После окончания Московского университета в 1909 г. оставлен для подготовки к профессорскому званию, с 1918 г. — профессор Московского университета и Тульского учительского института (о нем: Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Предисловие // Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. СПб., 1997. С. 5–22; Лебедева Г. Е. Послесловие // Там же. С. 275–294).

Самоковасов Дмитрий Яковлевич (1843–1911), археолог, историк русского права. Наиболее известны его раскопки около Чернигова (погребения воинов-дружинников). Имел большую археологическую коллекцию, передана Государственному историческому музею.

Санктис Гаетано (Gaetano De Sanctis; 1870–1957), выдающийся итальянский историк античности, ученик К. Ю. Белоха, в 1900–1931 гг. профессор Туринского и Римского университетов, в 1931 г. отстранен от работы за отказ принять «клятву на верность режиму Муссолини», президент Института итальянской энциклопедии (1947–1954).

Скржинская Елена Чеславовна (1897–1981), историк-медиевист, эпиграфист, в 20-х гг. сотрудник ГАИМК, профессор Ленинградского университета, исследовала средневековые рукописи, культурно-исторические связи Византии и Западной Европы, Древней Руси (о ней: Климанов Л. Г. Эпиграфика «эпохи итальянских колоний» на Крымском полуострове в научном наследии Е. Ч. Скржинской // Судья, Сурож, Солдая в истории и культуре Руси–Украины: Материалы науч. конф., 16–22 сентября 2002 г. Киев; Судак, 2002. С. 123–126).

Скржинская Марина Владимировна (род. в 1939), историк-античник, сотрудница Института археологии АН Украины.

Славин Лазарь Моисеевич (1906–1971), исследователь античных памятников Ольвии, сотрудник Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.

Смирнов Яков Иванович (1869–1918), ученик выдающегося русского византиниста Н. П. Кондакова, специалист в области древнехристианского и византийского искусства, академик РАН (1917), действительный член РАО, заведовал Русским отделением РАО в 1898–1912 гг.; хранитель, затем старший хранитель в Эрмитаже отделения Средних веков и эпохи Возрождения (1898–1918), приват-доцент кафедры теории и истории изящных искусств историко-филологического факультета Петербургского университета (о нем: Жебелев С. А. Яков Иванович Смирнов // *Seminarium Kondakovianum*. Prague,

1928. № 2. С. 1–16; Тункина И. В., Фролов Э. Д. Три неизвестных мемуара С. А. Жебелева / Предисл., публ., коммент. // ВДИ. 1993. № 3. С. 182–191).

Соколов Федор Федорович (1841–1909), историк античности, создатель школы греческой эпиграфики в России, его учениками были В. В. Латышев, С. А. Жебелев, И. И. Толстой (о нем: Жебелев С. А. Столетие со дня рождения Ф. Ф. Соколова // ВДИ. 1943. № 1. С. 182–194; Моисеева Т. Ф. Ф. Соколов и начало русской эпиграфической науки // Сборник научных студенческих работ. Воронеж, 1970. Вып. 2. С. 35–43).

Соломоник Элла Исааковна (1917–2006), выпускница Ленинградского университета, специалист в области античной эпиграфики, автор 2-томной монографии «Новые эпиграфические памятники Херсонеса», автор и редактор каталогов, посвященных граффити Херсонеса и его окружи. Была сотрудником Крымского отдела Института археологии АН Украины, после выхода на пенсию участвовала в создании Еврейского культурно-просветительского центра в Крыму, в последующем эмигрировала в Израиль.

Спицин Александр Андреевич (1858–1931), занимался историческим краеведением в Вятке (1882–1892), с 1892 г. член ИАК, член комиссии по раскопкам РАИМК–ГАИМК, член РАО (1907), член-корреспондент АН СССР (1927), профессор Петроградского–Ленинградского университета (1918–1927), основные работы посвящены славянским древностям, систематизатор археологических материалов из раскопок различных районов России.

Стемпковский Иван Алексеевич (1789–1832), окончил Саратовское военное училище, участник Отечественной войны 1812 г.; участник походов против горцев Кавказа (1810–1812), заграничных походов 1814–1815 гг. Находясь в Париже, познакомился с секретарем Парижской академии надписей и словесности археологом Рауль-Рошетом, позднее был избран членом-корреспондентом академии. После возвращения в Россию обратился к новороссийскому генерал-губернатору графу М. Воронцову с запиской «Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае», в которой писал о необходимости создать специальное общество и музеи для изучения древностей Северного Причерноморья. С 1828 г. — Керчь-Еникальский градоначальник. На время его пребывания в Керчи приходится деятельность французского эмигранта Поля Дю Брюкса (Павла Дебрюкса), начальника Керченской таможни, позднее смотрителя соляных озер. И. А. Стемпковский поручил ему контроль за раскопками обнаруженного в 1820 г. знаменитого Куль-Обского кургана.

Стржелецкий Станислав Францевич (1910–1969), с 1938 г. сотрудник Херсонесского заповедника, с 1951 — заведующий античным отделом, один из создателей Объединенной археологической экспедиции.

Суров Евгений Георгиевич (1912–1975), доцент Свердловского педагогического института, затем Уральского университета, организатор Крымской археологической экспедиции университета (1958) (о нем: Романчук А. И. Е. Г. Суров: К 45-летию Крымской археологической экспедиции // Вестник Уральского университета // Известия Уральского государственного университета. 2004. Вып. 16: Проблемы образования и науки. С. 161–168).

Сюзюмов Михаил Яковлевич (1893–1982), выпускник Дерптского (Тартусского) университета, ученик А. А. Васильва, В. Е. Регеля, создатель Уральской школы византистики, первый заведующий кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Уральского университета, автор многочисленных трудов по истории Византии, издатель и комментатор письменных источников (Византийская книга Эпарха, Трактат Юлиана Аскалонита о законах или обычаях Палестины, «История» Льва Диякона) (о нем: Пихоя Р. Г. Михаил Яковлевич Сюзюмов // АДСВ. 1973. Вып. 10. С. 4–20; Поляковская М. А. Михаил Яковлевич Сюзюмов: Ученый и время // Византийские этюды. Екатеринбург, 2002. С. 5–22).

Талис Давид Львович (1927–1986), сотрудник Херсонесского музея, заведующий отделом археологии ГИМа, руководитель экспедиции на городище Бакла, предпринял раскопки крепости Сюрень и Тепе-Кермена, автор работ по раннесредневековой истории Херсона (о нем: Издания Государственного исторического музея, 1873–1998: Библиографический указатель / Ред. В. Л. Егоров. М., 1999. С. 198).

Тальбот Райс Дэвид (D. Talbot-Rice; 1903–1972), английский искусствовед.

Тахтай Александр Кузьмич (1890–1963), с 1921 г. работал в Полтавском губернском комитете по охране памятников искусства и старины, с 1926 г. — в музее. В 1935–1949 гг. — сотрудник Херсонесского музея, заведующий отделом феодализма. Во время оккупации г. Севастополя немцами, спасая древности Херсонеса, организовал экскурсии в музей, наблюдал за земляными работами, производя спасательные раскопки. В 1949 г. обвинен в измене родине и сотрудничестве с немцами, репрессирован.

Тизенгаузен Владимир Густавович (1825–1902), востоковед, занимал должность товарища председателя ИАК, член-корреспондент ИАН по разряду восточной словесности.

Тиханова Мария Александровна (1998—1981), сотрудница ИИМК, специалист в области этнической истории раннесредневекового времени, производила раскопки на Мангупе (о ней: СА. 1983. № 3. С. 286—287).

Толстой Иван Иванович (1856—1916), гофмейстер Императорского двора, нумизмат; современники писали о нем как «глубоком знатоке ...монет не только русских, но и византийских». В 1893—1905 гг. был вице-президентом Императорской академии художеств (о его вкладе в изучение нумизматики Херсонеса см.: Гурулева В. В. И. И. Толстой и византийская нумизматика // ВИД. Л., 1991. Т. 23. С. 260—279; также см.: Нейхардт А. А. И. И. Толстой: ученый, человек, гражданин (штрихи к портрету) // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб., 1999. С. 336—374).

Уваров Алексей Сергеевич (1825—1884), выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, основатель МАО (1846), один из основателей РАО и Исторического музея (Москва), инициатор проведения археологических съездов, производил раскопки во Владимирской и Московской губерниях, в Крыму (о нем: РА. 1993. № 3. С. 228-246).

Уварова Прасковья Сергеевна (1840—1924), председатель Московского археологического общества, почетный член Петербургской АН (1894), РАО (1892), Московского университета; после революции эмигрировала в Сербию. В 1901 г. в написанной по просьбе В. Стасова автобиографии сообщает о себе следующее: родилась в 1840 г. в Малороссии в с. Бобрики; родители: отец — князь С. А. Щербатов, мать — П. Б. Святополк-Четвертинская. Семья имела 9 детей, жили бедно. Отец вынужден был устроить сахарный завод. Когда ей было 18 лет, семья переехала в Москву; имела хороших учителей: по словесности — Буслаева, по музыке — Рубинштейна. Как старшая, учила младших, поэтому привыкла к труду. В 1859 г. вышла замуж за графа, который был старше ее на 17 лет. Он служил в это время товарищем попечителя Московского учебного округа. Через месяц после свадьбы уехали в Италию, посетили Рим, Неаполь, Флоренцию. В течение 2-х лет граф работал в Ватиканской библиотеке, помогала ему, списывая тексты, делала кальки с рисунков. В 1861 г. А. С. Уваров избран предводителем дворянства в Можайском уезде. В течение 8 лет жили в основном в с. Поречье. В 1864 г. было основано Московское археологическое общество, в котором ведала перепиской. Отметив, что научных трудов немного, перечисляет следующие: Каталог собрания древностей гр. Уварова; Заметки по Кавказу; Христианские памятники Кавказа; Могильники Северного Кавказа; Описание ризницы Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле; Сообщения на археологических съездах. В числе наи-

более важных дел назвала: заведование Уваровской прогимназией (женской) в Москве, попечительство в ряде уездных училищ, борьба против церковно-приходских школ и разрушения древностей Синодом.

Удальцова Зинаида Владимировна (1918–1987), историк и общественный деятель, многолетний руководитель сектора византиноведения Института истории АН СССР и редактор «Византийского временника»; автор работ о творчестве ранневизантийских авторов, историографии, социально-экономическим проблемам истории Византии.

Успенский Федор Иванович (1845–1928), профессор Новороссийского (1879–1894) и Петроградского–Ленинградского (1922–1927) университетов, основатель и первый директор Русского археологического института в Константинополе (РАИК, 1895–1915), редактор «Византийского временника» (1915–1928), академик Петербургской АН, председатель Российского Палестинского общества, с 1921 г. председатель Русско-византийской комиссии РАН; автор первого обобщающего фундаментального труда «История Византийской империи» (СПб., 1913. 872 с.) (о нем: Жебелев С. А. Ф. И. Успенский и Русский археологический институт в Константинополе // Памяти академика Федора Ивановича Успенского (1845–1928). Л., 1929. С. 53–66; Ершов С. А., Пятницкий Ю. А., Юзбашьян К. Н. Русский археологический институт в Константинополе: К 90-летию со дня основания // Палестинский сборник. 1987. Т. 29. С. 3–12).

Фармаковский Борис Владимирович (1870–1928), один из создателей РАИМК–ГАИМКа, профессор Петроградского–Ленинградского университета, член-корреспондент Петербургской АН (1914), историк античного искусства, организатор раскопок в Ольвии (с 1900 г.). До 1900 г. эпизодические работы на территории Ольвии производили А. С. Уваров (1853), И. Е. Забелин, В. Г. Тизенгаузен (1873). Первым в российской археологии начал производить раскопки большими площадями по штыкам и слоям на многослойных памятниках; создатель методики раскопок, которая, как отметил В. Д. Блаватский, не устарела до настоящего времени (Блаватский В. Д. Античная полевая археология. М., 1967. С. 70–76). Задачи раскопок, по Б. В. Фармаковскому, в следующем: выявление времени существования памятника; определение его границ; исследование особенностей развития различных частей города; раскопки прилегающей к городу территории (подробнее см.: Фармаковская Т. И. Борис Владимирович Фармаковский. Киев, 1988).

Франк Тенни (Frank Tenney; 1876–1939), один из ведущих специалистов по социальной и экономической истории Рима в США.

Франко Иван Яковлевич (1856—1916), украинский писатель, доктор словесности.

Хуманн Карл (1839—1896), инженер, открыватель Пергамского алтаря (1878 г.), посвященного Зевсу и Афине, — монументальнейшего сооружения античности, выдающегося произведения эллинистической культуры. Алтарь был сооружен в столице Пергамского царства ок. 180 г. до н. э. царем Эменом II. Ежегодные раскопки производились до 1886 г., возобновлены в 1900—1906 гг., реконструкция его находится в Берлинском Пергамон-музее.

Шестаков Дмитрий Петрович (1869—1937), представитель казанской династии историков, византист и историк культуры, автор работ по византийской литературе и первого научного труда по истории раннесредневекового Херсона (о нем: Иванов Ю. А. Профессор С. П. Шестаков (К 40-летию ученой деятельности) // ВВ. 1926. Т. 24. С. 93—94; Шмелева Л. М. Казанские антиковеды Шестаковы — университетская династия // Историки в поиске смыслов: Сб. науч. статей и сообщений участников Всероссийской науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения проф. А. С. Шофмана и 60-летию со дня рождения проф. В. Д. Жигулина. Казань, 2003. С. 175—179).

Шкорпил Владислав Вячеславович (1853—1918), чех по национальности, студент Пражского университета, окончил Лейпцигский университет; в 1878 г. стал преподавателем древних языков в Ялтинской прогимназии, затем в Керченской прогимназии, в 1894 г. — заведующий Мелек-Чесменским курганом; с 1902 г. — директор Керченского музея, в 1914 г. участвовал в передаче находок Р. Х. Лепера Н. М. Печенкину; специалист в области эпиграфики. Погиб во время Гражданской войны при нападении бандитов (о нем: Лазенкова Л. М. Керченский музей древностей. Исследователи. В. В. Шкорпил // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и Средневековья: Материалы III Боспорских чтений. Керчь, 2002. С. 145—152).

Шлемберже (Шлумбергер, Шлюмберже) Густав (1844—1828), создатель византийской сигиллографии как отдельной дисциплины, первый систематизатор и исследователь византийских свинцовых печатей (о нем: Лихачев Н. П. Деятельность Густава Шлемберже: По случаю исполнившегося 17 октября 1924 г. его восьмидесятилетия и полу столетия ученых трудов: Доклад // Арх. ИИМК, ф. 245, оп. 1, д. 132, л. 2).

Шлиман Генрих (1822—1890), российский купец и археолог-любитель, сын немецкого пастора, на собственные средства производил раскопки Трои, Микен, Тиринфа, доказав существование этих центров со 2 тыс. до н. э.

Шмит Федор Иванович (1912–1942), искусствовед, сотрудник ИАИК, академик АН Украины, профессор Ленинградского университета. В 1920 г. обвинен в пособничестве Добровольческой армии, после снятия обвинения (через год) — председатель Комитета музея искусства АН СССР. Умер в Ташкенте.

Штаерман Елена Михайловна (1914–1991), выдающийся представитель отечественной историографии Древнего Рима, автор многочисленных работ по социально-экономическим проблемам, истории культуры.

Штерн Эрих Роберт фон (1859–1924), специалист в области античной истории и эпиграфики Северного Причерноморья, в 1884 г. стал ординарным профессором Новороссийского университета, член ООИД, член-корреспондент МАО (1893 г., с 1896 г. — действительный член); в 1920 г. покинул Советскую Россию. Кроме научных работ, имеет статьи о подделках (Штерн Э. Р. фон. Несколько заметок по поводу статьи В. В. Латышева «О поддельных греческих надписях из Южной России» // ЗООИД. 1895. Т. 18. С. 65–86; Он же. О новейших подделках в области керамики на юге России // ЗООИД. 1897. Т. 20. Протокол № 5. С. 37–41 (о знаменитом фальсификаторе и торговце артефактами из Очакова Гохмане).

Шульц Павел Николаевич (1901–1983), искусствовед, археолог, первый руководитель Крымского отдела Института археологии АН Украины, исследователь скифских памятников Крыма, разработал периодизацию скифской культуры, создатель Тавро-скифской экспедиции в 1945 г., исследователь Неаполя Скифского (о нем: Археологія. 1996. № 1. С. 128–131; Колтухов С. Г. П. Н. Шульц и его роль в создании концепции позднескифской культуры // У Понта Евксинского: Памяти П. Н. Шульца. Симферополь, 2004. С. 50–54; Пуздровский А. Е. П. Н. Шульц и проблема сарматизации позднескифской культуры // Там же. С. 55–57; Ланцов С. Б. П. Н. Шульц в изучении античных памятников Северо-Западного Крыма. Проблема определения границ Херсонесского государства в IV–III вв. до н. э. // Там же. Симферополь, 2004. С. 58–67).

Щеглов Алесандр Николаевич (род. в 1933), исследователь хоры Херсонеса, с 1958 г. сотрудник Херсонесского заповедника, с 1968 г. — Института материальной культуры (Санкт-Петербург).

Юргевич Владислав Нюрбертович (1818–1898), выпускник Харьковского университета, в 1858–1865 гг. работал в Решельевском лицее, после его преобразования в университет — в Новороссийском университете, с 1889 г. член МАО, секретарь Одесского общества истории и древностей. Ему принадлежит

наиболее ранний анализ знаменитого декрета в честь Диофанта (см.: Юргевич В. Н. Псефизм древнего города Херсонеса о назначении почестей и наград Диофанту, полководцу Митридата Евпатора, за покорение Крыма и освобождение херсонесцев от владычества скифов // ЗООИД. 1881. Т. 12. Отд. 1. С. 1—48). В первые годы пребывания в Одессе занялся коллекционированием генуэзских монет из Судака, издал «Устав Генуэзских колоний в Черном море 1449 г.». В 1865 г. написал диссертацию с позиций представителей так называемой норманнской школы «О мнимых норманнских именах в русской истории» (опубликована в ЗООИД. Т. 6).

Ягич Игнатий Викентьевич (1838—1923), выдающийся филолог-славист, палеограф, австрийский барон (хорват по национальности), профессор сравнительной грамматики индоевропейских языков Новороссийского университета (1871—1874), профессор Берлинского (1874—1886) и Венского (1886—1908) университетов; с 1868 г. — иностранный член-корреспондент Императорской академии наук (о нем см.: Памяти Игнатия Викентьевича Ягича (5 августа 1923 г.: Публичное заседание ОРЯС РАН, 7 октября 1923 г. // Известия ОРЯС РАН. 1923. Т. 28. С. 333—339).

Якобсон Анатолий Леопольдович (1906—1984), выпускник Ленинградского университета (начал обучение в МГУ), сотрудник Ленинградского отделения Института археологии (Институт истории материальной культуры), участник комплексной экспедиции, исследовавшей северный район Херсонеса; один из крупнейших исследователей памятников средневековой Таврики и Херсонеса (о нем: ИРЖ. 1984. № 3. С. 241—242).

Янышев Николай Михайлович (1859—1938), чертежник в Херсонесе, окончил Академию художеств.

ПЕРСОНАЛИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ

Август Гай Октавиан (27 г. до н. э. — 14 г. н. э.), создатель политического режима, вошедшего в историю Рима как принципат. Победитель в гражданской войне, разгоревшейся после убийства Юлия Цезаря.

Александр III Македонский (356—323 гг. до н. э.), один из величайших античных полководцев, мечтой которого было завоевать весь мир. С его похода в 334 г. до н. э. на Восток начинается протоэллинистический период. После завершения военных компаний (к 329 г. до н. э.) границы владений создаваемой державы простирались от Дуная до Инда, но она, являясь непрочным объединением, распалась после смерти завоевателя в результате борьбы за власть между диадохами, что стало начальным этапом эпохи эллинизма и формирования новых государств. Соперничество диадоров и войны между сменившими их эпигонами в конечном итоге изменили политическую картину Средиземноморья и привели к возникновению эллинистических монархий, наиболее значительными среди которых стали: Птолемеевский Египет, держава Селевкидов (Сирия и Вавилония), государство Атталидов (Пергам и Малая Азия) и Антигонидов (Македония и Греция); Птолемей Лага обосновался в Египте.

Аристотель (384—322 гг. до н. э.), знаменитый древнегреческий философ, описавший становление и некоторые страницы истории государственности Афинского полиса («Афинская полития»); в «Политике» он характеризует различные виды полисного устройства; ему принадлежат также работы по этике и морали, естествознанию. В период возмужания Александра Македонского находился при дворе его отца Филиппа; создатель школы перипатетиков — Афинского ликея.

Аристофан (ок. 445—ок. 386 гг. до н. э.), выдающийся древнегреческий комедиограф, его произведения отличает политическая направленность. Будучи приверженцем афинской демократии времени ее расцвета, высмеивал склонность современных ему граждан к сутяжничеству («Осы»), критиковал софистические методы обучения («Облака»). Первая из его известных более 40 комедий (полностью сохранилось 11) «Ахарняне» была поставлена в годы Пелопонесской войны (425 г. до н. э.); в ней, как и в написанных позднее произведениях («Всадники» (424 г.), «Мир» (421 г.), «Лисистрата» (411 г.), воспевался мирный труд и звучал призыв к прекращению войны.

Аркадий Флавий (377—408 гг. н. э.), император Восточной части Римской империи (с 395 г.) после смерти отца Феодосия I.

Ашшурбанипал — Ашшурбанаипал (669—ок. 633 гг. до н. э.), царь Ассирии, полководец и дипломат, то, что его готовили к жреческой должности,

дало ему знание (первому из правителей страны) клинописи, по его приказу в Ниневии были собраны документы и другие памятники письменности: исторические, магические, научные тексты, как в подлинниках, так и копиях.

Вардан-Филиппик, знатный армянин, сосланный в Херсон в начале VIII в., где он был провозглашен императором (705—713).

Варрон Марк Теренций (116—27 гг. до н. э.), римский ученый-энциклопедист, историк («Человеческие и божественные древности»), филолог («О латинском языке»), создатель сельскохозяйственной энциклопедии («О сельском хозяйстве»), политический и военный деятель, противник Цезаря.

Вегеций Флавий, автор написанного ок. 400 г. н. э. сочинения «Краткое изложение военного дела» и руководства по лечению животных.

Вергилий Публий Марон (70—19 гг. до н. э.), римский поэт, создатель буколических произведений (Буколики, или Эклоги), трактата «О сельском хозяйстве», в 30 г. до н. э., после завершения «Георгик», приступил к написанию «Энеиды», в основе сюжета которой лежит судьба Энея после падения Трои и до победы его над вождем одного из итальянских племен.

Веспасиан Тит Флавий (9—79 гг. н. э.), первый император не из сенаторского сословия, в 69 г. провозглашен императором восточными легионами во время гражданской войны, разгоревшейся после смерти Нерона.

Гесиод (ок. VII в. до н. э.), первый из исторически установленных греческих поэтов — рапсодов. Его отец переселился из малоазийского города Кимы в Беотию (Средняя Греция). Автор поэм «Теогония» («Происхождение богов») и «Труды и дни», где изображает сельскохозяйственные занятия и быт.

Гипподам (жил между 485 и 405 г. до н. э.), архитектор из Милета, разработавший планировку афинской гавани Пирей и созданной в 445 г. до н. э. колонии Фурия. Регулярная планировка — пересекающиеся продольные и поперечные улицы с прямоугольниками кварталов, носит его имя — гипподамова планировка.

Гомер (принято считать, что жил в VIII в. до н. э.), древнегреческий поэт; античная традиция приписывала ему божественное происхождение, семь городов Эллады спорили между собой за то, чтобы считаться местом его рождения. Вполне вероятно, что родиной его мог быть один из малоазийских городов (Смирна — ?). В этом регионе известны слепые певцы—сказители — гомериды. Автор эпических поэм «Илиады», в которой рассказывается о событиях последнего года десятилетней войны между ахейцами и Троей, и «Одиссеи» — описано возвращение одного из героев базилея о. Итаки на родину. Поэмы были записаны в Афинах при тиране Писистрате (561—528 гг. до н. э.).

Демосфен (384—322 гг. до н. э.), выдающийся политический оратор Афинского полиса, вождь антимакедонской группировки, создатель, наряду

с другими судебными речами, «Филиппик», в которых разоблачал политику Филиппа II и «Олинфских речей».

Диофант (конец II — начало I в. до н. э.), полководец Понтийской державы, посланный на помощь Херсонесу Митридатом VI Евпатором.

Драконт (Дракон), афинский законодатель, в 621 г. до н. э. записал законы — свидетельство первой победы демоса; его установления отличались жестокостью, за любое нарушение собственности предписывалась высшая мера наказания.

Ираклий (610—641), византийский император, на время правления которого приходится создание новой административной системы — фемного строя.

Каматир Петрона, первый стратиг Херсона (40-е гг. IX в.). Представители рода Каматиров, занимавшие различные должности, упоминаются в других источниках: Григорий Каматир — секретарь императора Алексея Комнина; в последующем — логофет секретов и протасикрит.

Катон (Марк Порций Цензорий) Старший (234—149 гг. до н. э.), римский политический деятель, ученый-энциклопедист, создатель учебников по риторике, праву, сельскому хозяйству, военному делу.

Килон (середина VII в. до н. э.), обедневший афинский аристократ, победитель Олимпийских игр 640 г. до н. э., в 632 г. предпринял неудачную попытку установления тирании.

Кирилл (826—869), просветитель славян, создатель азбуки — кириллицы.

Климент, четвертый епископ Римский (88—97 гг. н. э.), согласно «Жития» отбывал ссылку на каменоломнях в окрестностях Херсонеса.

Клисфен (ок. 600—565 гг. до н. э.), афинский законодатель, проведенный территориальную реформу в Аттике, уравнивавшую в правах граждан, ввел остракизм, предотвращавший установление тирании.

Колумелла Луций Юний Модерат, римский писатель и агроном I в. н. э.

Константин VII Багрянородный (905—959), византийский император, автор труда «Об управлении империей» «О фемах», «О церемониях византийского двора». В сочинениях использованы эксцерпты из трудов предшественников.

Константин Философ (813—885), просветитель славян.

Лигдамид, тиран о. Наксоса, пришедший к власти при поддержке Писистрата ок. 540 г. до н. э.

Мильтиад, сын Кипсела, представитель афинского аристократического рода, победитель состязания колесниц на Олимпийских играх 560 г. до н. э., основатель афинской колонии на п-ове Херсонес (западный берег Геллеспон-

та). Более известен его племянник Мильтиад Младший (ок. 550—489 гг. до н. э.), стратег, руководивший битвой при Марафоне (490 г. до н. э.).

Митридат I, основатель Понтийского царства (337—302 гг. до н. э.); Митридат VI Евпатор (132—63 гг. до н. э.), последний правитель державы.

Палладий, Ругилий Тавр Эмилиан, римский писатель первой половины V в., создатель трактата о сельском хозяйстве.

Паллак, правитель скифов конца II до н. э., при нем и его отце Скилуре херсонеситы лишаются своих земель в Северо-Западном Крыму.

Перикл (ок. 495—429 гг. до н. э.), крупнейший политический деятель Афинского полиса (444—429 гг. до н. э.), 15 раз избирался стратегом.

Писистрат (600—526 гг. до н. э.), тиран в Афинах с 561 г., в 527 г. передал власть сыновьям Гиппию и Гиппарху; победил при поддержке двух группировок демоса — диакрийцев (земледельцев) и торгово-ремесленного населения Паралии; ему приписывается выпуск монет с изображением Афины в виде совы, запись отредактированных текстов поэм Гомера; возродил праздник Панафиной и ввел весенние Дионисии, возвел храм Зевса Олимпийского. На основании свидетельств Геродота считалось, что Писистрат был дважды изгнан из Афин. В настоящее время большая часть историков античности склоняется к выводу, что Геродот дублирует одно и то же изгнание.

Плиний Старший (23/24 г. — 79 г. н. э.), писатель и государственный деятель Рима, погиб во время извержения Везувия.

Полибий (ок. 200—120 гг. до н. э.), греческий историк и политик, командовал конницей Ахейского союза, после его разгрома римлянами 16 лет находился в качестве заложника в Италии.

Скилур, царь Скифии конца II в. до н. э.

Солон (640—559 гг. до н. э.), законодатель и поэт, выдающийся афинский политический деятель, архонт 594 г. до н. э., создатель цензовой конституции, предоставивший право быть избранным на государственные magistratury представителям богатого демоса.

Тит Флавий Веспасиан (39—81 гг. н. э.), старший сын основателя принципата Веспасиана Флавия, принцепс с 79 г., участвовал в подавлении восстания в Иудее, римской историографией изображается как один из лучших императоров.

Траян Марк Ульпий (98—117 гг. н. э.), император, представитель принципата Антонинов.

Феодосий (347—395 гг. н. э.), римский император (с 379 г.), запретил языческие культы (391—392 г.) и Олимпийские игры (394 г.), провозгласил ортодоксальное вероисповедование единой государственной религии (381 г. — Второй Вселенский собор), перед смертью разделил империю между сыновья-

ми Аркадием и Гонорием, что привело к образованию Западной и Восточной Римской империи (Византия).

Фотий, выдающийся византийский политический деятель, писатель, дипломат, идеолог ромейской аристократии и высшей церковной знати. В 858 г., после низложения патриарха Игнатия был избран константинопольским патриархом, что послужило поводом к обострению церковно-политической борьбы. Игнатиане, выражавшие интересы константинопольского чиновничества и монашества, искали поддержки у римских пап, тогда как Фотий в интересах знати осуществлял активную внешнюю политику, которая привела к разрыву с Римом. Император Василий I (867—886), стремившийся в начале своего правления к союзу с папством, в 867 г. вернул патриаршество в Игнатию. Однако союз с папством оказался недолговечным. Уже в 70-е гг. Фотий был возвращен из ссылки и назначен воспитателем детей василевса, а после смерти Игнатия вновь занял патриарший престол (877—886 гг.).

Эсхил (525—456 гг. до н. э.), первый из известных древнегреческих авторов трагедий, участник Марафонского (490 г. до н. э.) и Саламинского (480 г. до н. э.) сражений в войне против персов. Впервые участвовал в состязании драматургов в 500 г. до н. э., в последующем одержал 13 побед. Автор 90 произведений, полностью сохранилось только 7. За исключением драмы «Персы» (472 г. до н. э.), они были написаны на мифологические сюжеты. Прославлению свободы гражданина посвящена пьеса «Прометей прикованный».

Юстиниан Великий (527—565), византийский император, стремившийся восстановить границы Римской империи, произвел кодификацию права.

Юстиниан II, византийский император, отбывавший ссылку в Херсоне (685—695), повторно занимал престол в 705—711 гг.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	— Античная древность и Средние века (Свердловск; Екатеринбург)
АИК	— Археологические исследования в Крыму (Симферополь)
АИУ	— Археологические исследования на Украине (Киев)
АО	— Археологические открытия (Москва)
АП УССР	— Археологические памятники (Киев)
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БИАС	— Бахчисарайский историко-археологический сборник (Симферополь)
БС	— Боспорский сборник (Керчь)
ВВ	— Византийский временник (Москва)
ВДИ	— Вестник древней истории (Москва)
ВИ	— Вопросы истории (Москва)
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры (Ленинград; Москва)
ГИМ	— Государственный исторический музей
ДАН	— Доклады Академии наук СССР
Древности:	
ХИАЕ	— Древности: Харьковский историко-археологический ежегодник
ЖМВД	— Журнал Министерства внутренних дел
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗАН	— Записки Императорской академии наук (Петербург)
ЗНОРАО	— Записки нумизматического общества Российского археологического общества (Санкт-Петербург)
ЗОО	— Записки Одесского археологического общества
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО	— Записки Императорского Русского археологического общества (Петербург)
ИАК	— Известия Археологической комиссии (Петербург)
ИАН ОГН	— Известия Академии наук. Отделение гуманитарных наук
ИАН ООН	— Известия Академии наук. Отделение общественных наук

ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИНК	— Историческое наследие Крыма (Симферополь)
ИОРЯС	— Академия наук СССР. Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР (Москва; Ленинград)
ИРАИК	— Известия Русского археологического института в Константинополе
ИРАИМК	— Известия Российской академии истории материальной культуры
ИРАО	— Известия Императорского Русского археологического общества (Петербург)
ИТОИАЭ	— Известия Таврического общества истории, археологии, этнографии (Симферополь)
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии (Симферополь)
КС	— Киевская старина
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии (Москва)
КСИА АН Украины	— Краткие сообщения Института археологии АН Украины (Киев)
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры (Москва)
КСОАМ	— Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея
КСОГУ	— Краткие сообщения о полевых исследованиях Одесского государственного университета
ЛОА АН СССР	— Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР
ЛОИА АН СССР	— Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории, этнографии Таврики (Симферополь)
МАР	— Материалы по археологии России (Санкт-Петербург; Петроград)
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья (Одесса)

МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР (Москва; Ленинград)
НиС	— Нумизматика и сфрагистика (Киев)
НЗХТ	— Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
НОСА	— Новейшие открытия советских археологов
НС	— Нумизматический сборник (Москва)
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика (Москва)
ОАК	— Отчеты Археологической комиссии (Санкт-Петербург)
ОМАУ	— Открытия молодых археологов Украины (Киев)
ООИД	— Отчеты Одесского общества истории и древностей
ПАВ	— Петербургский археологический вестник
ПИАК	— Проблемы истории и археологии Крыма (Симферополь)
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры (Москва; Магнитогорск)
ПКНО	— Памятники культуры. Новые открытия
ПРЗИ	— Проблемы развития зарубежного искусства (Ленинград)
ПС	— Палестинский сборник (Петербург; Ленинград)
ПХХ	— Памятники христианского Херсонеса (Москва)
РА	— Российская археология
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РАО	— Русское археологическое общество
СА	— Советская археология (Москва; Ленинград)
САИ	— Свод археологических источников
СГАИМК	— Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СГМИИ	— Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа
СНМСОПК	— Сообщения. Научно-методический совет по охране памятников культуры Министерства культуры СССР (Москва)
ССПК	— Старожитності степового Причорномор'я і Криму (Запорожье)
СХМ	— Сообщения Херсонесского музея (Киев)
ТГИМ	— Труды Государственного исторического музея

ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа
ТМАО	— Труды Московского археологического общества
ТМНО	— Труды Московского нумизматического общества
ТОВГЭ	— Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа
УЗ Имп. АН	— Ученые записки Императорской академии наук (Санкт-Петербург)
ХСб.	— Херсонесский сборник (Севастополь)
BSI	— Byzantinoslavica (Praha)
IOSPE	— Latyshev B. Iscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
JÖB	— Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik (Wien)
MChA	— Mitteilungen zur Christlichen Archäologie
MGH	— Monumenta Germaniae Historica
Migne, PG	— I. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca
Migne, PL	— I. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series latina
REG	— Revue des Études Grecques
RN	— Revue Numismatique
SNG	— Sylloge nummorum graecorum
TM	— Travaux et Memories
ZfN	— Zeitschrift für Numismatik

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. План Херсонесского городища, XIX в.
2. Херсонесское городище, акварель, XIX в.
3. Гераклеяский полуостров, на переднем плане Херсонесское городище, вид с востока.
4. Портовый район, участок цитадели, римский и раннесредневековый периоды.
5. Карантинная бухта, на переднем плане участок цитадели и портовый район.
6. Стены портового района, вид со стороны города.
7. Центральная площадь Херсонеса, собор Святого Владимира.
8. Херсонесское городище, вид с запада.
9. Портовый квартал I, эллинистическое здание, оборонительные стены.
10. Портовый квартал I, эллинистическое здание.
11. Северный район Херсонеса, квартал XIII—XVIII с высоты птичьего полета.
12. Северный район городища, винодельческий комплекс римского времени.
13. Северный район городища, рыбозасолочная цистерна.
14. Фонды, находки из совхоза 10 (съемки 2004 г.).
15. Эллинистический дом на главной улице.
16. Эллинистический дом на главной улице, фрагмент стены.
17. Портовый район, перибол.
18. Перибол, пристенные склепы.
19. Портовый район, античные ворота, вид со стороны города.
20. Северный район, базилика 1935 г. — один из символов Херсонеса.
21. Постамент декрета в честь Агасикла.
22. Присяга херсонеситов.
23. Композитная капитель, известняк, первые века н. э. (экспозиция, съемки 2004 г.).
24. Архитектурная деталь, мрамор, первые века н. э. (экспозиция, съемки 2004 г.).

25. Архитектурные детали с остатками росписи, известняк, III в. до н. э.
26. Архитектурная деталь с остатками росписи, известняк, III в. до н. э.
27. Архитектурная терракота, изделие синопских керамистов, III в. до н. э.
28. Стела Аполлония.
29. Стела Даматоса.
30. Стела Аполлонии, фрагмент.
31. Стела Гераклеоса, реконструкция.
32. Надгробный памятник с изображением корабля, римский период.
33. Надгробный памятник легионера Аврелия Виктора.
34. Антропоморфное надгробие, эллинистический период.
35. Антропоморфное надгробие, эллинистический период.
36. Экспозиция античного зала (съемки 2004 г.).
37. Стела с изображением портрета юноши.
38. Мраморная плита с изображением сидящего грифона, первые века н. э.
39. Фрагмент надгробия с надписью: «Аристолах, сын Трасилоха», мрамор, рубеж II—III вв. н. э.
40. Стенка саркофага с эпитафией Фемиста и Басилики, II—III вв. н. э.
41. Арула, терракотовый алтарик из раскопок портового квартала I, III в. до н. э.
42. Известняковый профилированный алтарь, первые века н. э.
43. Известняковый алтарь (экспозиция античного зала, съемки 2004 г.).
44. Плита с изображением Кибелы, известняк.
45. Голова кариатиды, мрамор, середина IV—III в. до н. э.
46. Фрагмент статуэтки Юпитера, мрамор, I — первая половина II в. н. э.
47. Фрагмент стенки саркофага с изображением Эрота, II в. н. э.
48. Протома Деметры-Хтонии, II в. до н. э.
49. Головка Сатира, терракота, II в. до н. э.
50. Протома Деметры, терракота, эллинистический период.
51. Протома Деметры-Хтонии, II в. до н. э.
52. Головка Деметры, терракота, рубеж III—II в. до н. э.
53. Головка Деметры, объемная протома с гнездом для керноса, II в. до н. э.

54. Фигурка Ники, терракота, рубеж IV—III в. до н. э.
55. Бородатый Дионис, терракота, III—II вв. до н. э.
56. Головка Кибелы, терракота, II в. до н. э.
57. Головка Артемиды, терракота, III в. до н. э.
58. Фигурка Танатоса, терракота, III—II в. до н. э.
59. Протома Кору (Афродиты — ?), III в. до н. э.
60. Фрагмент маски Геракла, терракота, малоазийское производство, первые века н. э.
61. Форма для изготовления терракот (девушка, сидящая на скале), III—II вв. до н. э.
62. Ребенок, сидящий на алтаре, терракота, III—II вв. до н. э.
63. Фигурка танцовщицы, терракота, Коринф, V в. до н. э.
64. Женская стоящая фигурка, терракота, конец IV — начало III в. до н. э.
65. Женская фигурка, терракота, II в. до н. э.
66. Печь для обжига керамики, реконструкция.
67. Амфора с шиповидными ручками, I—II вв. н. э.
68. Эллинистическая амфора.
69. Позднеантичная амфора, Самос.
70. Амфориск с чернолаковым покрытием, эллинистический период.
71. Фрагмент верхней части амфоры с росписью, III—II вв. до н. э.
72. Чернолаковый кувшин, украшенный рельефными медальонами и росписью, III—II вв. до н. э.
73. Килик, V—IV вв. до н. э.
74. Канфар, украшенный росписью, конец III—II в. до н. э.
75. Аск, II в. до н. э.
76. Килик и кувшинчик, III—II вв. до н. э.
77. Краснолаковые сосуды, первые века н. э.; два снизу по краям — чернолаковые, эллинистический период.
78. Краснолаковые кувшинчики, первые века н. э.
79. Керамические сосуды, поздний эллинизм и первые века н. э.
80. Керамические горшочки, мастерские Херсонеса, II—III вв. н. э.
81. Канфаровидный кувшин, первые века н. э.

82. Лекиф с сетчатым орнаментом, конец III—II в. до н. э.
83. Ойнохоевидный кувшин, красный лак, II в. н. э.
84. Кувшин, поздний эллинизм.
85. Бальзамарии, глина, поздний эллинизм (?).
86. Ритуальный сосуд в виде барана, красный лак, II—III вв. н. э.
87. Нагубник, первые века н. э.
88. Наглазник, первые века н. э.
89. Амулетница, первые века н. э.
90. Подвеска-«лунница», первые века н. э.
91. Серьги парные, первые века н. э.
92. Ожерелье, эллинистический период, фрагмент.
93. Бусы, римский период, стекло, паста.
94. Стекланные сосуды, первые века н. э.
95. Стекланные бальзамарии и кувшинчики из раскопок могильника у совхоза 10, первые века н. э.
96. Стекланные гутосы из раскопок могильника у совхоза 10, первые века н. э.
97. Стекланный бокал, первые века н. э.
98. Стекланный кувшин, первые века н. э.
99. Стекланный кувшин, первые века н. э.
100. Стекланный канфар.
101. Реконструкция погребения типа «каменный ящик», раскопки некрополя у совхоза Севастопольский, первые века н. э. (экспозиция, съемки 2004 г.).
102. Светильник с изображением цапли, II в. н. э.
103. Светильник, украшенный «рубчиками», поздняя античность.
104. Светильник, поздняя античность.
105. Щиток светильника с изображением Эрота на пантере, черный лак, III в. до н. э.
106. Карта Гераклеийского полуострова.
107. Гераклеийский полуостров, система межевания.
108. Гераклеийский полуостров, дорога.
109. Гераклеийский полуостров, эллинистическая усадьба.

- 110. Геракле́йский полуостров, усадьба с круглой постройкой.
- 111. Геракле́йский полуостров, тарапан in situ.
- 112. Терракотовые фигурки Силена из раскопок Г. М. Николаенко на Геракле́йском полуострове, II в. до н. э. (фото А. Бернацки).
- 113. Протома Кибелы, раскопки усадьбы в балке Бермана, II в. до н. э. (фото А. Бернацки).
- 114. Стела с изображением пахаря.
- 115. Винодавильня херсонесской усадьбы античного участка № 26, рычажно-винтовой пресс, реконструкция Н. П. Андрущенко.
- 116. Геракле́йский полуостров, усадьба эллинистического времени.
- 117. Геракле́йский полуостров, дорога между наделами.
- 118. Геракле́йский полуостров.

1. План Херсонесского городища, XIX в.

2. Херсонесское городище, акварель, XIX в.

3. Гераклеийский полуостров, на переднем плане Херсонесское городище, вид с востока

4. Портовый район, участок цитадели, римский
и раннесредневековый периоды

5. Карантинная бухта, на переднем плане участок цитадели и портовый район

6. Стены портового района, вид со стороны города

7. Центральная площадь Херсонеса, собор Святого Владимира

8. Херсонесское городище, вид с запада

9. Портовый квартал I, эллинистическое здание, оборонительные стены

10. Портовый квартал I, эллинистическое здание

11. Северный район Херсонеса, квартал XIII—XVIII с высоты птичьего полета

12. Северный район городища, винодельческий комплекс римского времени

13. Северный район городища, рыбозасолочная цистерна

14. Фонды, находки из совхоза 10 (съемки 2004 г.)

15. Эллинистический дом на главной улице

16. Эллинистический дом на главной улице, фрагмент стены

17. Портовый район, перибол

18. Перибол, пристенные склепы

19. Портовый район, античные ворота, вид со стороны города

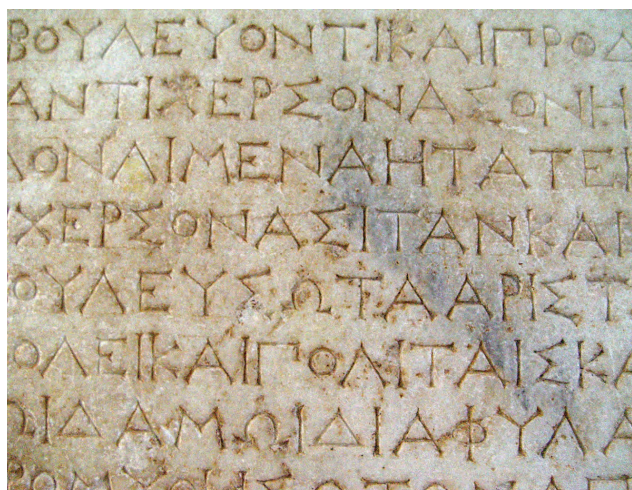
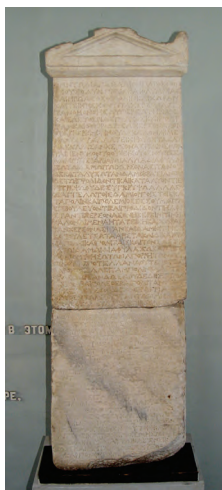

20. Северный район, базилика 1935 г. — один из символов Херсонеса

21. Постамент декрета в честь Агасикла

22. Присяга херсонеситов

23. Композитная капитель, известняк, первые века н. э.
(экспозиция, съемки 2004 г.)

24. Архитектурная деталь, мрамор, первые века н. э.
(экспозиция, съемки 2004 г.)

25. Архитектурные детали с остатками росписи, известняк, III в. до н. э.

26. Архитектурная деталь с остатками росписи, известняк, III в. до н. э.

27. Архитектурная терракота, изделие синопских керамистов, III в. до н. э.

28. Стела Аполлония

29. Стела Даматоса

30. Стела Απολλωνии, φραγμαντ

31. Стела Гераклеоса, реконструкция

32. Надгробный памятник с изображением корабля, римский период

33. Надгробный памятник легионера Аврелия Виктора

34. Антропоморфное надгробие, эллинистический период

35. Антропоморфное надгробие, эллинистический период

36. Экспозиция античного зала (съемки 2004 г.)

37. Стела с изображением портрета юноши

38. Мраморная плита с изображением сидящего грифона, первые века н. э.

39. Фрагмент надгробия с надписью: «Аристолох, сын Трасилоха», мрамор, рубеж II—III вв. н. э.

40. Стенка саркофага с эпитафией Фемиста и Басилики, II—III вв. н. э.

41. Арула, терракотовый алтарик из раскопок портового квартала I,
III в. до н. э.

42. Известняковый профилированный алтарь, первые века н. э.

43. Известняковый алтарь (экспозиция античного зала, съемки 2004 г.)

44. Плита с изображением Кибелы, известняк

45. Голова кариатиды, мрамор, середина IV—III в. до н. э.

46. Фрагмент статуэтки Юпитера, мрамор, I — первая половина II в. н. э.

47. Фрагмент стенки саркофага с изображением Эроса, II в. н. э.

48. Протома Деметры-Хтонии, II в. до н. э.

49. Головка Сатира, терракота, II в. до н. э.

50. Протома Деметры, терракота, эллинистический период

51. Протома Деметры-Хтони, II в. до н. э.

52. Головка Деметры, терракота, рубеж III—II в. до н. э.

53. Головка Деметры, объемная протома с гнездом для керноса, II в. до н. э.

54. Фигурка Ники, терракота, рубеж IV—III в. до н. э.

55. Бородатый Дионис, терракота, III—II вв. до н. э.

56. Головка Кибелы, терракота, II в. до н. э.

57. Головка Артемиды, терракота, III в. до н. э.

58. Фигурка Танатоса, терракота, III—II в. до н. э.

59. Протома Кору (Афродиты — ?), III в. до н. э.

60. Фрагмент маски Геракла, терракота, малоазийское производство, первые века н. э.

61. Форма для изготовления терракот (девушка, сидящая на скале),
III—II вв. до н. э.

62. Ребенок, сидящий на алтаре, терракота, III—II вв. до н. э.

63. Фигурка танцовщицы, терракота, Коринф, V в. до н. э.

64. Женская стоящая фигурка, терракота, конец IV — начало III в. до н. э.

65. Женская фигурка, терракота, II в. до н. э.

66. Печь для обжига керамики, реконструкция

67. Амфора с шиповидными ручками, I—II вв. н. э.

68. Эллинистическая амфора

69. Позднеантичная амфора, Самос

70. Амфориск с чернолаковым покрытием, эллинистический период

71. Фрагмент верхней части амфоры с росписью, III—II вв. до н. э.

72. Черноголаковый кувшин, украшенный рельефными медальонами и росписью, III—II вв. до н. э.

73. Килик, V—IV вв. до н. э.

74. Канфар, украшенный росписью, конец III—II в. до н. э.

75. Аск, II в. до н. э.

76. Килик и кувшинчик, III—II вв. до н. э.

77. Краснолаковые сосуды, первые века н. э.;
два снизу по краям — чернолаковые, эллинистический период

78. Краснолаковые кувшинчики, первые века н. э.

79. Керамические сосуды, поздний эллинизм и первые века н. э.

80. Керамические горшочки, мастерские Херсонеса, II—III вв. н. э.

81. Канфаровидный кувшин, первые века н. э.

82. Лекиф с сетчатым орнаментом, конец III—II в. до н. э.

83. Ойнохоевидный кувшин, красный лак, II в. н. э.

84. Кувшин, поздний эллинизм

85. Бальзамарии, глина, поздний эллинизм (?)

86. Ритуальный сосуд в виде барана, красный лак, II—III вв. н. э.

87. Нагубник, первые века н. э.

88. Наглазник, первые века н. э.

89. Амулетница, первые века н. э.

90. Подвеска-«лунница», первые века н. э.

91. Серьги парные, первые века н. э.

92. Ожерелье, эллинистический период, фрагмент

93. Бусы, римский период, стекло, паста

94. Стекланные сосуды, первые века н. э.

95. Стекланные бальзамарии и кувшинчики из раскопок могильника у совхоза 10, первые века н. э.

96. Стекланные гутосы из раскопок могильника у совхоза 10, первые века н. э.

97. Стеклянный бокал, первые века н. э.

98. Стеклянный кувшин, первые века н. э.

99. Стекланный кувшин, первые века н. э.

100. Стекланный канфар

101. Реконструкция погребения типа «каменный ящик»,
раскопки некрополя у совхоза Севастопольский, первые века н. э.
(экспозиция, съемки 2004 г.)

102. Святильник с изображением цапли, II в. н. э.

103. Святильник, украшенный «рубчиками», поздняя античность

104. Свещильник, поздняя античность

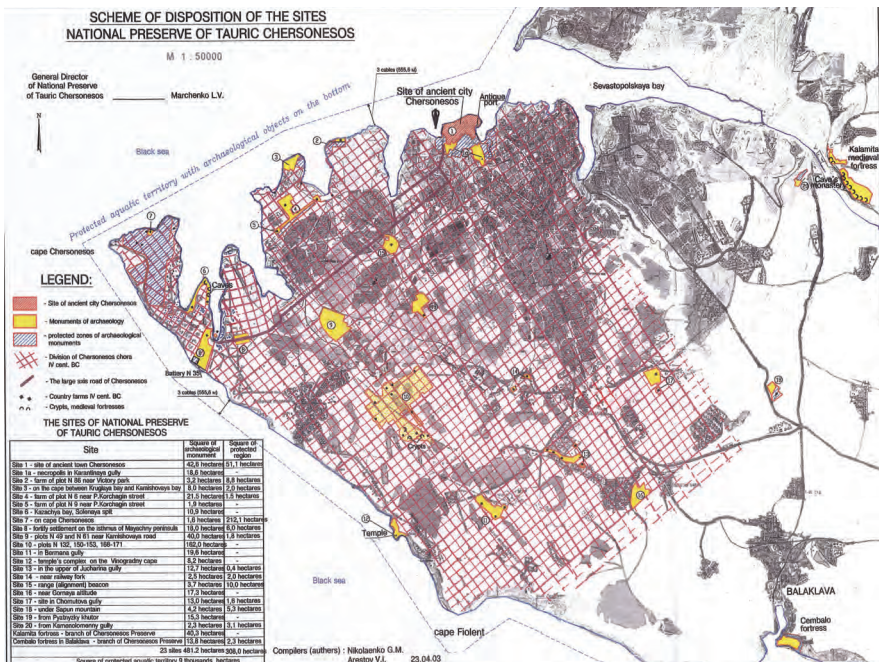

105. Щиток свещильника с изображением Эроса на пантере, черный лак, III в. до н. э.

106. Карта Гераклейского полуострова

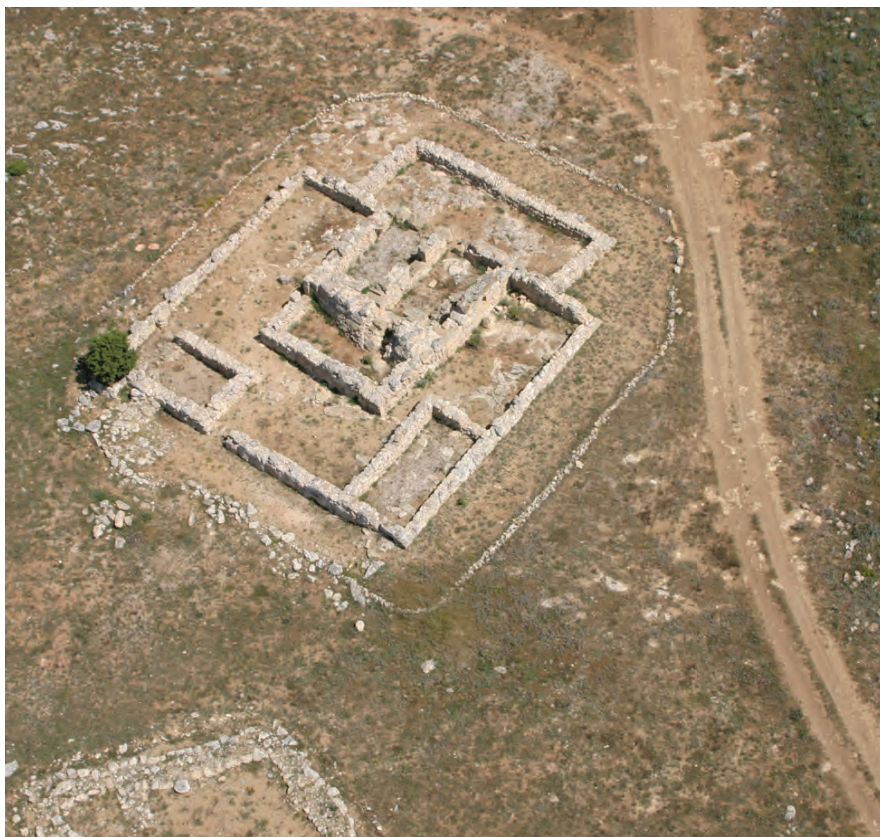

107. Гераклеийский полуостров, система межевания

108. Гераклеийский полуостров, дорога

109. Геракле́йский полуостров, эллинистическая усадьба

110. Гераклеийский полуостров, усадьба с круглой постройкой

111. Геракле́йский полуостров, тарапан in situ

112. Терракотовые фигурки Силена из раскопок Г. М. Николаенко на Гераклейском полуострове, II в. до н. э. (фото А. Бернацки)

113. Протома Кибелы, раскопки усадьбы в балке Бермана, II в. до н. э.
(фото А. Бернацки)

114. Стела с изображением пахаря

Исходное положение пресса во время загрузки давяльной тары

Рабочее положение рычага пресса в процессе отжима виноградной мезги

115. Винодавильня херсонесской усадьбы античного участка № 26, рычажно-винтовой пресс, реконструкция Н. П. Андрущенко

116. Гераклеийский полуостров, усадьба эллинистического времени

117. Гераклеийский полуостров, дорога между наделами

118. Гераклеийский полуостров

Алла Ильинична РОМАНЧУК

ИССЛЕДОВАНИЯ ХЕРСОНЕСА—ХЕРСОНА.
Раскопки. Гипотезы. Проблемы

Том 1. АНТИЧНЫЙ ПОЛИС

Монография

Редактор	Л. А. Шмакова
Технический редактор	Н. Г. Яковенко
Компьютерный дизайн обложки	Н. В. Ахпателова
Компьютерная верстка	Е. Г. Шмакова

Подписано в печать 27.11.2008. Тираж 300 экз.
Объем 50,5 п. л. Формат 60×90/16. Заказ 1018.

Издательство Тюменского государственного университета
625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10

Отпечатано в ООО «Компания Мир»
625026, г. Тюмень, ул. Холодильная, 40